ЭРНЕСТ ЛАВИСС

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

в Раннее Средневековье

ЕВРАЗИЯ

ЕВРАЗИЯ

ERNEST LAVISSE

HISTOIRE DE FRANCE DEPUIS LES ORIGINES JUSQU'À LA RÉVOLUTION

TOME PREMIER
Les origines
La Gaule indépendante et la Gaule romaine

par
G. Bloch

TOME DEUXIÈME

Le Christianisme, les Barbares
Mérovingiens et Carolingiens

Par
C. Bayet, C. Pfister, A. Kleinclausz

PARIS
LIBRAIRIE HACHETTE ET & K^{O}
1903

ЭРНЕСТ ЛАВИСС

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГЮСТАВ БЛОК

Начала
Галлия независимая и римская Галлия

ШАРЛЬ БАЙЕ, КРЕТЬЕН ПФИСТЕР, АРТЮР КЛЕНКЛОЗ

Христианство, варвары
Меровинги и Каролинги

Перевод О. А. Добиаш-Рождественской
Под редакцией И. М. Гревса

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2018

ББК 63.3(0)4
УДК 94(44).01–021
Л 13

Лависс Э.

История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О. А. Добиаш-Рождественской под редакцией И. М. Гревса . — СПб.: «Евразия», 2018. 578 с.

ISBN 978-5-8071-0363-5

«История Франции в раннее Средневековье» — перевод первых двух томов классической истории Франции под редакцией Эрнеста Лависса, на протяжении XX века служившей ценным подспорьем всем, кто интересуется историей данной страны. В этом крупномасштабном проекте приняли участие самые именитые историки первой половины XX века. Авторы охватили огромный период — от палеолита до конца X в. Читатель может познакомиться с основными событиями, происходившими в античной Галлии и раннесредневековой Франции: заселением Галлии кельтами и ее завоеванием римлянами; крушением римской империи и зарождением франкского королевства династии Меровингов; восшествием на трон второй франкской династии — Каролингов, основанием и распадом империи Карла Великого. При этом авторский коллектив уделяет не меньшее внимание общественной и культурной истории античной и раннесредневековой Франции. На страницах книги появляются главные персонажи французской истории — Верценгеторикс, Цезарь, Хлодвиг и Карл Великий.

Особенную ценность книге придает то, что перевод был выполнен в начале столетия восходящей звездой отечественной исторической науки — О. А. Добиаш-Рождественской — под редакцией признанного историка-античника И. М. Гревса.

© Юрченко К. А.,
дизайн обложки, 2017

© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2017

ISBN 978-5-8071-0363-5

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Выбор соответствующего материала для выполнения тех частей «Общей истории Европейской культуры», которые должны быть посвящены так называемым «средним векам», представлял особенные трудности. В данной области нелегко найти даже среди научных произведений богатой Западноевропейской исторической литературы подходящих к поставленной настоящим изданием задаче, общих обозрений больших эпох и вопросов, достаточно обстоятельных, глубоких и вместе с тем ярких и оригинальных по замыслу. Приходилось довольствоваться возможным и прибегать в обработке избранного для перевода сочинения к изменениям, необходимым для удовлетворения интересов широкого общества, любящего историю, которым все издание ставит себе целью служить.

Прежде всего надлежало выдвинуть изображение страны, судьбы населения которой становятся на первый план в истории Европы именно вместе с разложением единства Римской империи и упадком античной культуры в ее мировой конфигурации, — судьбы Галлии, будущей Франции. Для удовлетворения такой потребности выбор редакции остановился на двух частях из «Истории Франции», составленной целою группою французских ученых под общим руководством профессора Лависса[1]. Вся коллекция представляет самый новый, научно-свежий и талантливый синтез сложной проблемы. А указанные части захватывают, на пространстве около тысячи страниц, долгий ряд веков от доисторической поры до распадения монархии Карла Великого. Применяясь к необходимости, согласно начертанному плану и размерам «Общей истории Европейской культуры», вместить это содержание в один том типично принятой величины (около 30 листов), неизбежно было решиться на сокращения.

Как ни печально (и в общем как ни неправильно) нарушать целостность оригинального текста, но здесь опасность ослаблялась тем, что прикасаться надо было не к классическому произведению исторического творчества или самодовлеющему философско-историческому либо социологическому построению, а просто к научно-популярному руководству, рассчитанному притом на духовные вкусы и нужды образованной публики определенной национальности. В таком смысле разработка многих отдельных пунктов и деталей представляется для нашего интеллигентного читателя чересчур подробной, если иметь в виду общее и первоначальное научное ознакомление его с эпохой. Но надо было произвести сокращения (или, вернее, «сжатие») материала искусно и осторожно, не извлекая из него души, не искажая единства целого и своеобразия тона.

Тут требовалось найти переводчика, стоящего на высоте довольно сложной задачи. Редактор радуется, что мог предложить эту работу вполне компетентному лицу, преподавательнице средневековой истории на СПБ. Высших Женских Курсах, О. А. Добиаш-Рождественской, специально занимающейся именно средневековой Францией. Ей и принадлежит выполнение перевода и выбор сокращений, система которых была предварительно установлена совместно с редактором.

Менее всего сокращения коснулись первых пяти «книг» — истории независимой и Римской Галлии. Эта часть, мастерски написана проф. Г. Блоком, богатая ярким культурным материалом, должна представить особенно большой интерес для нашего читателя. Сокращения, произведенные здесь, — главным образом стилистические. Переводчик там, где это не шло в ущерб красоте изложения, сжимал его, отбрасывая повторения и некоторые чисто-субъективные замечания и оценки. Все важное, в смысле фактов и характеристик, он старался сохранить; все изящное, в смысле изложения, — передать в неизменности. Гораздо больше затронуто сокращениями изображение Меровингской Галлии. Здесь опущены и заменены суммарным изложением очень многие детали войн, королевских переделов и т. п. Где это сделано, читатель, в большинстве случаев, предупреждается и отсылается для подробностей к подлиннику. Менее сокращений допущено в рассказе о событиях Каролингского периода. Их почти нет в главах, посвященных внутренней жизни. Факты истории распада империи Карла Великого до Верденского договора изложены весьма сжато. История последних Каролингов и начала дома Робертинов, запутанная и смутная, вовсе опущена, и том заканчивается «очерком начала феодализма». Благодаря таким, думаем, оправдывающимся задачами издания и не искажающим сущности переводимого текста изменениям, удается и в этом томе, как и в предыдущих, дать в сравнительно небольшом объеме значительный материал по важному историческому отделу в изображении хороших европейских ученых.

Редактор пересматривал вместе с переводчиком текст перевода, совещаясь с ним о конфигурации всей обработки, о трудных местах и сомнительных пунктах. Только в немногих местах осуществлялись более заметные перемены для установления лучшей связи между частями, принявшими несколько иную комбинацию. Он принимает на себя, главным образом, ответственность за выбор переводчика и, не страшась такой ответственности, предоставил О. А. Добиаш-Рождественской свободу и в области содержания работы, установки и передачи текста, и в области стиля, вполне уверенный в достойном выполнении ею взятого на себя труда. Наверно, будут указаны в его осуществлении недостатки и промахи, но таковые неизбежны во всяком деле, и обеспечить от них не в силах самое тщательное сотрудничество редактора и переводчика.

Охватывая для истории Галлии (Франции) те же хронологические рамки, что и известная книга проф. Д. М. Петрушевского «Очерки средневекового

общества и государства» (изд. 3-е, Москва, 1913), выпускаемый ныне VII-й том настоящего издания может служить к ней, нам кажется, полезным дополнением. Там преимущественно разбираются процессы развития политического, экономического и социального строя; здесь, кроме того, дается богатый конкретный материал, отчетливое и часто живописное изложение событий, характеристики личностей и интересные картины быта и духовной культуры[2]. Приятно было бы надеяться, что русская обработка очень хорошей французской книги принесет пользу тем, кто у нас интересуется историей, еще не вступил в ее специальное изучение, но стремится подойти к научному пониманию прошлого.

Проф. Ив. Гревс.

КНИГА ПЕРВАЯ
НАЧАЛА[3]

ГЛАВА I
ПЕРВИЧНЫЕ ОБЩЕСТВА

I. Век отбивного камня — палеолитический. —
II. Век полированного камня — неолитический. — III. Век металлов.

I. Век отбивного камня — палеолитический[4]

Недавние открытия отодвинули далеко в глубь веков проблему о происхождении французского народа.

Человек на земле появляется в четвертичную эпоху, последнюю из великих геологических эпох. В это время Франция уже приняла нынешние очертания и рельеф, но условия жизни в ней совсем не походили на теперешние.

Четвертичная эпоха делится на два периода: первый — так называемый дилювиальный, характеризуется обильными осадками, обусловившими образование больших рек и огромных ледников. Температура, однако, отличалась достаточною мягкостью и была в Европе одинакова на больших расстояниях по широте. Растения и животные, ныне разошедшиеся в разные пояса, жили здесь рядом. Лавр и смоковница росли в Фонтенбло. Уже встречались животные, доныне населяющие Среднюю Европу: лошадь, коза, несколько разновидностей быков и оленей. Но попадалось много таких, которые потом либо перебрались на юг, как гиена, пантера, лев, — либо на север, как бизон, мускусный бык, северный олень, — либо поднялись на более высокие места, как серна, козерог, — либо совсем исчезли; это страшные хищники: пещерный лев и медведь, огромные толстокожие травоядные — большой гиппопотам, носорог, южный слон (elephas meridionalis), древний слон (elephas antiquus) и мамонт (elephas primogenius).

За дилювиальным периодом следовал период, неправильно названный ледниковым. На деле для него характерно не распространение, а стяжения ледников. Это явление обусловлено уменьшением дождей и наступлением более сухого и холодного климата. С ним меняется и фауна. Разновидности четвертичного слона исчезают. Погибает и мамонт, устоявший дольше других. Его шерсть позволяла ему выдерживать очень низкие температуры, но он нуждался для своего пропитания в обильной растительности, требовавшей высокой влажности. Зато размножился северный олень, который довольствуется скудною пищей. Оттого период и назван иначе «веком северного оленя».

Продолжительность геологических эпох не может быть установлена. Мы никогда не узнаем, за сколько сотен или тысяч веков восходят те произведения человеческой индустрии, которые погребены вперемежку с доисторическими скелетами. Человек, в поисках твердого материала для своих орудий и оружия, брал то, что было под рукой. Он начал обивать камень, потом пользоваться

рогами и костями животных. Археологи классифицировали все эти предметы в несколько групп, названных каждая по имени той стоянки, у которой найдены характернейшие образцы. Так установили они ряды, внутри которых типы последовательно наслаиваются по степени совершенства в обработке. Порядок их, в общем, совпадает с хронологическим. Впрочем, никогда не следует забывать о возможной неравномерности развития различных социальных групп. Техника орудий дает нам, стало быть, недостаточный критерий для измерений древности старейших слоев в населении Франции. Гораздо более надежные указания сообщает геологический пласт, в котором они были открыты, остатки его фауны и флоры.

Первобытное человечество, современное дилювию, представлено на почве Франции предметами, найденными в наносах Сены, Марны, Ионны, Уазы, Соммы и особенно в отложениях Сент-Ашеля (близ Амьена), Маншкура (близ Аббевиля), Пекка и Шелля (близ Парижа). «Шелльские» орудия большею частью выбиты из кремня. Среди ножей, шил, скребков особенно доминирует так называемый сент-ашельский топор — миндалевидное орудие неодинаковых размеров, в среднем 11–13 сантиметров длины и 7 — ширины, с острыми ребрами и поверхностями, вздутыми посредине, грубо обитыми. Вероятно, он преимущественно служил для раскалывания дерева, так как собственно оружием дикаря является скорее палица.

«Мустьерский» тип, получивший свое название от грота Мустье, в Дордони, принадлежит уже веку северного оленя. В нем обнаруживается большая техническая ловкость и находчивость изобретателя. Сент-ашельский топор стал тоньше. Другой предмет, характерный для этой серии — род скребка, тонко заостренного по одному краю.

«Солютрейский» тип (близ Макона) открывает заметный прогресс сравнительно с первыми двумя. Особенно интересны здесь острое орудие в форме лаврового листа — кинжал или дротик, и другое, с зарубками, очевидно, стрела.

«Мадленская» серия (грот ла-Мадлен, вблизи Мустье) существенно отличается тем, что в ней употребляются в дело кости и рога, также слоновая кость. Камень еще не брошен, но его употребляют только для самых грубых орудий. Из более тонкого материала выделывают целый арсенал мелких орудий, оружия легкого и прочного: иголок, крючьев, скребков, зазубренных гарпунов, копий и т. д. Те же вещества служат и для другого употребления: для гравировки рисунков, моделировки фигур. Открытие этого первобытного искусства является важной находкой нового времени. Оно стремилось к подражанию живой природе. Человеческая форма воспроизводится неумело; удивительно удачно копируются животные: лошади, олени, быки.

Век северного оленя был в то же время веком пещер. Вероятно, подземными жилищами человек стал пользоваться с растущей суровостью климата. Жилища в скалах, естественные или высеченные, встречаются в горных областях Вогез, Юры и Арденн, вдоль подошвы Альп и Пиренеев и по краям центрального

плато. Особенно любопытна нижняя долина Везеры (в департ. Дордонь). Когда плывешь вверх по реке от местечка Тайяк, то на расстоянии приблизительно 12 километров тянется линия утесов, бока которых, изрытые со всех сторон, давали некогда приют почти всем разновидностям первобытного населения Франции.

Жалкою была жизнь этих троглодитов. Остатки еды, разбитые кости, сгнившее мясо, всякие нечистоты громоздились кругом, образуя картину отталкивающей грязи. Однако эти дикари имели страсть к украшениям. Они носили подвески из раковин или просверленных зубов. Мы выше указывали, что на этой почве исконного варварства родилось искусство.

Погребения редко обнаруживаются в четвертичных стоянках. Наиболее замечательные найдены в Солютре и в пещерах Бауссе-Россе, близ Ментоны. Здесь могилы обычно расположены рядом с очагами. Таким образом, мы присутствуем при зарождении культа очага и культа предков — двух великих верований, определяющих содержание большинства древних религий.

II. Век полированного камня — неолитический[5]

Изобретение полировки является гранью между двумя периодами каменного века. Оно совпадает с завершением четвертичной эпохи и началом современной геологической эры и сопровождается еще другими важными моментами прогресса. Человек, дотоле поддерживавший свое существование охотой, рыбной ловлей и приручением стад, обращается теперь к земледелию. Он начинает возделывать злаки, ячмень, лен, ткет одежду, мелет зерно, печет хлеб. Он изобретает гончарное искусство и строит обиталище[6].

Из жилищ, возводившихся этими поколениями, мы знаем только «озерные», — построенные на сваях, остатки которых сохранились в глубине вод. Впервые они были открыты в Цюрихском озере (1854 г.). Эти водные поселения так хорошо приспособлены к потребностям защиты первобытных людей, охраняя от внезапных нападений людей и животных, что нас не должно удивлять их широкое распространение. Но нигде они не восходят к такой глубокой древности, как в Швейцарии. Очевидно, в ней следует видеть центр, откуда они распространялись по Европе.

«Жилища мертвых» в эту пору известны лучше домов живых. Они представляют двоякий тип: искусственный грот (таковые находятся чаще всего в Шампани) или дольменный склеп. Последний тип более распространен. Его изучение приводит к мегалитическим памятникам вообще.

Мегалитами называются сооружения из дикого камня. Их несколько категорий, которые обозначают терминами, взятыми из кельтских языков. Простейший вид — менгир. Это часто огромный монолит удлиненной формы. Множество мест, где найдены эти «gros cailloux», это «pierres fiches» или «fittes», эти «стоячие камни», показывают, как многочисленны были некогда менгиры. Более полутора тысяч, разбросано их по Франции, главным образом, в Бретани. Здесь они

достигают наибольших размеров. Менгир из Локмариакер равняется 20 метрам. Значение их неясно. Они не обозначали места погребения, как свидетельствуют раскопки, произведенные под ними. Были ли то идолы? Памятные камни? — Неизвестно. Иногда они не одиноки, а собраны в ряд. Такие ряды встречаются только в Бретани. Наиболее замечательна группа у Карнака, в глубине Киберонского залива. Она тянется на 3 километра и после многих разрушений насчитывает не менее 4000 столбов. Иногда они расположены кольцом. Тогда их называют кромлехами. И эта разновидность более всего представлена опять же в Бретани.

Имя дольмена, означающее «каменный стол», дает верное представление о внешнем виде этих памятников. Они состоят из двух вертикальных подпор, поддерживающих горизонтальную плиту. Дольмены были, несомненно, могилами. Под всеми теми, которые найдены были нетронутыми, покоились скелеты. Искатели кладов или строительных материалов открыли множество сооружений такого рода. Но первоначально они не возвышались на вольном воздухе. Щели между большими камнями были забиты валунами и глиной. Вход был закрыт, и сверху насыпался курган из земли и мелкого камня. Иногда дольмен делался в форме ящика, иногда же архитектурная тема в нем развивается. Он вырастает в крытую аллею, которая как бы повторяет тот же дольмен по прямой линии, по кругу и в боковых разветвлениях. Следует отметить особый тип такой «крытой аллеи», находившейся в парижском бассейне: она не строилась на поверхности земли, чтобы потом быть прикрытой курганом, а выкапывалась в виде подземного входа внутри холма, уходя далеко в глубь его. Так, вырытые дольмены напоминают шампанские гроты. Но дольменную могильную архитектуру мы отличаем по плитам, которые поддерживают бока и лежат сверху, составляя потолок.

Заслуживают описания и дольмены Морбигана. Их типом может служить Мане-Люд в Локмариакерском ланде, вблизи менгира того же имени. На скалистом плато подымается курган в 5 метров высоты, 80 м длины, 50 м ширины. В центре — погребальный покой. Мертвых в нем лежало немного. К западу расположены 2 ряда менгиров; из них некоторые увенчаны лошадиными черепами. Между этой аллеей и самой гробницей кучи угля и костей говорят о жертвах или тризнах. Все было некогда покрыто курганом, который, сталобыть, поднимался не только над могилой, но захватывал все пространство, где когда-то происходили пышные похороны. Создание таких роскошных могил требовало массы рабочих рук, на службе у немногих господ. Дольмены говорят о сильно аристократизированном обществе. Имеем ли мы здесь дело с кельтами, как думали сначала? Но территория, занятая этими постройками, не совпадает вполне с тою, на которой расселились кельты. На том же основании нельзя их приписывать ни лигурам, ни иберам; позади же последних мы видим лишь безыменную массу племен, предшествовавших истории.

Дольмены в самом деле редки на востоке и севере Франции и многочисленны на западе и в центре ее. Но помимо Франции они разбросаны в других местах земного шара, и, что особенно любопытно, — они находятся не всюду. Их

область может быть точно определена, хотя она очень велика и странным образом прерывается большими промежутками. На Средиземном море они попадаются лишь в Корсике; затем они тянутся за Пиренеи, проходят через Испанию в Марокко, Алжир и Тунис. Ни Триполис, ни Египет не входят в область дольменов, но она захватывает Кавказ, север Персии, Палестину и Индию. Дольменами изобилуют Британские острова, Голландия, Дания, южная Швеция и северная Германия. Их нет в долине Дуная, в Италии, Греции, Малой Азии.

Не меньше распространены менгиры и кромлехи, но эти более простые типы мегалитов, по существу своему, могли возникнуть независимо у разных народов. Более сложный характер дольменов предполагает общее происхождение, тайна которого не раскрыта. Пока можно сказать одно, — и это факт немаловажный, — что Европа является единственной частью света, где встречается дольмен с памятниками и предметами исключительно из неолитического материала. Аналогичные памятники Африки и Азии вскрывают под собою цивилизацию более развитую.

III. Век металлов[7]

Наступление нового века характеризуется появлением металлургии и обычая сжигать тела умерших. Но между этими двумя последовательными ступенями цивилизации все же не следует ставить резкой границы. Архитектура дольменов и свайных построек достигает полного развития именно к моменту появления металлов. Погребение через зарытие в землю существует наряду с сожжением. Само сожжение имело прецеденты в предшествующем периоде. Наконец, металлы не изгнали разом полированного камня, как последний не изгнал разом камня отбивного.

Внутри металлического века обыкновенно различают бронзовый и железный. Железо, правда, люди узнали очень рано. Но это было железо плохого качества; из него нельзя было изготавливать ни оружия, ни украшений — единственных предметов, сбереженных до нашего времени могилами. Охотнее пользовались бронзой, которая отличается большей прочностью и блеском. Но так как сама бронза есть соединение олова и меди, то предполагает предварительное употребление того и другого в отдельности, — если не олова, которое слишком мягко и не часто попадается, то хотя бы меди, которая тверда и очень распространена. Стало быть, «медный» век был необходимым этапом перед бронзовым. В областях Франции он представлен топорами, подражающими по форме неолитическим, кинжалами, вышедшими из наконечника копья или стрелы неолитического века. За медными кинжалами пойдут такие же бронзовые.

Откуда население страны добывало олово? Так как оловоносные залежи Индо-Китая были в древности недоступны Западу, то оставалось искать его в Касситеридах, т.е. в Корнуэльсе. Оно доставлялось сухим путем с северных концов европейского материка к народам Эгейского моря, а оттуда — в Египет. А так как

первые образцы египетской бронзы восходят не менее, чем за три тысячи лет до Р. Х. (Рождества Христова), то ясно, к какой древности надо отнести появление ее в наших странах, более близких к ее источнику.

Бронзовый век развил свой особый художественный стиль. Мадленское искусство с его подражанием живой природе исчезло вместе с четвертичной эпохой. Человеческие изображения (фигуры женщин в шампанских гротах и в департаментах Гар, Уаз, Авейрон) еще попадаются в неолитическую эпоху; но в них не чувствуется рука мадленского художника. Человеческие и животные формы заметно исчезают и вырождаются, играя роль орнаментального мотива. Они уступают место стилю, названному «геометрическим», ибо он состоит из линий, — прямых, кривых и ломаных, меандров, кругов, квадратов, ромбов, образующих род плетения и расположенных симметрично. Этот стиль будет господствовать в северной и средней Европе и передастся даже Италии и Греции.

Общность черт, которыми характеризуется по всей Европе бронзовая и железная цивилизация, дает нам право обозначать разные ее фазы и внутри Франции именами стоянок, лежащих за ее нынешними пределами. Так, взяв за тип Галльштатский некрополь в Зальцбургских горах, мы устанавливаем «галльштатский» период, характеризующийся расцветом геометрического стиля и изобретением бронзового меча. Но и здесь уже начинает попадаться железный меч, который, несмотря на его несовершенство, отмеченное классическими авторами, получает предпочтение, несомненно, потому что железо стало больше распространяться здесь и давало возможность вооружить больше воинов. За галльштатским периодом, получившим также имя «первого железного века», следует латенский[8], где железо заменяет бронзу в утвари и украшениях и служит уже для выделки оружия, особенно мечей.

Галльштатская цивилизация под конец уже не является немой. В IV веке до Р. Х. галльштатский меч — длинный железный меч — разносит по всему античному миру ужас кельтского имени. Тенским мечом вооружены воины Верцингеторикса. Таким образом, исходя из глубины палеолитических веков, мы вышли на полный свет истории.

ГЛАВА II
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРОДЫ

I. Иберы и лигуры. — II. Финикияне и Марсель. — III. Кельты и их переселения. — IV. Народы Галлии.

I. Иберы и лигуры[9]

На заднем плане истории Франции рисуется племя иберов. Оно расселилось в Сицилии, Корсике, на Пиренейском полуострове, в Италии и на юге Франции. Страбон (I в. по Р. Х.) утверждает, что имя Иберия охватывало некогда всю область между заливами Гасконским и Лионским. Действительно: фокеяне встретили иберов на лангедокском берегу около 600 года до Р. Х.

Покорив Галлию в I в. по Р. Х., римляне наткнулись между Пиренеями и Гаронной на аквитанов, в которых легко признали родичей иберов. После нашествия в IV в. по Р. Х. испанских васконов аквитаны приняли имя гасконов, в искажении — басков. Имя гасконов сохраняется за латинизованными аквитанами, имя басков присвоено той их части, которая, устояв против влияния Рима, сохранила доныне природный язык и живет в числе приблизительно 140.000 человек в департ. Нижних Пиренеев. Сами они называют себя Euskaldunac — говорящими языком euskara. Это язык аглютинирующий, подобно венгерскому, финскому и лапландскому. Однако тщетно пытались сблизить его теснее с этими и с другими языками того же рода. Легче установить связь его с древнеаквитанским, от которого до нас дошли географические имена. Имя Euskaldunac угадывается в названии одного из главных племен Аквитании — Ausci (Авски). Столица их, Auch (Ош), называлась прежде Elimberrum. То же имя в форме Illiberris прилагалось в древности к городу Эльне, в Руссильоне. А корень ili, iri, uri, hiri означает по-басски «поселение» и попадается во многих названиях басских городов и деревень: Iriun, Irizar, Iriberri, Irigoyen, Urigoyen, Uliberi и т. п. Раз устанавливается родство языка басков и аквитанов, а аквитаны тождественны с иберами, — очевидно, что баски — потомки последних.

Каково же место иберов среди описанных выше безыменных (доисторических) народов? — Не знаем. Замечено, что в эускарийском языке корень слов, означающих топор и острые орудия, тождествен с корнем, означающим — скала. Можно поэтому думать, что иберийский язык восходит к поре, не знавшей металла.

Лигуры и лигузы сменили иберов на западе Европы. Они расселились от Северного моря до сердца Испании и Италии. В последнюю они проникли в XII или XIII в. до Р. Х., и еще ранее осели в долине По. Во Франции один старый морской дорожник («перипл»), первоначальная редакция которого, к сожалению,

не устанавливается точно, помещает их вдоль океана [10]. Действительно, многие признаки обличают присутствие в Аквитании плотного лигурийского слоя, легшего поверх иберийского нижнего пласта. Город Марсель основан в Лигурии около 600 года до Р. Х. Тогда правый берег Роны принадлежал еще иберам, но сто лет спустя Гекатей Милетский называет среди лигуров народ Elisyces с главным центром Нарбонной. В восточной части ронского бассейна их господство удержалось особенно долго, и лишь в IV веке уничтожено нашествием кельтов. В I веке по Р. Х. Страбон называет в Провансе кельто-лигуров. Лигуры оставили во французской географической номенклатуре более глубокие следы, чем иберы. Топонимические суффиксы asco, asca, osco, usco встречаются 62 раза в 25 департаментах, из которых 19 принадлежат ронскому бассейну (напр. Manosque (Маноск), Greasque (Греаск), Tarascon (Тараскон) и т. д.). Во многих из них самый корень не объясняется ни латинским, ни кельтским. Такие имена восходят, очевидно, к временам, когда еще не говорили по-кельтски; у других, наоборот, при подобном суффиксе находим латинский и кельтский корень: это доказывает, что и с римским завоеванием лигурийский язык не был сразу забыт.

По немногим сохранившимся от него корням и суффиксам (в некоторых надписях на юге Франции, считавшихся кельтскими, в последнее время склоняются видеть лигурийские), лигурийский язык причисляют к индоевропейским или арийским[11]. В таком случае, это старейший представитель ариев на европейском континенте. Археологические данные подтверждают эту теорию. Лигуры, очевидно, и были строителями озерных селений на склонах Альп. А утварь древнейших из свайных стоянок точно соответствует цивилизации первых ариев, как она строится из их словаря[12].

Горы, обрамляющие Генуэзский залив, были последним убежищем независимости лигуров. Грек Посидоний, посетивший их в начале I века, оставил живое их описание. Они сохранили в своих суровых убежищах черты исконного варварства. То была раса сильная, низкорослая, с сухим нервным телом, упорная в труде, жадная к приобретению, энергичная, хищная и коварная. Они занимались лесными промыслами. Многие ходили в города наниматься рабочими, землекопами. Но главным их занятием был разбой на море и на суше. Грабежи их наводили ужас на соседние деревни и суда пенили Средиземное море.

II. Финикияне[13] и Марсель[14]

Финикияне появляются в западной части Средиземного моря около 1100 года до Р. Х. и господствуют на нем в течение двух веков. Историки не говорят ничего о поселениях, основанных ими на юге Франции. Очевидно, они не оставили здесь прочного следа. Память о финикийских факториях, некогда разбросанных по берегам Средиземного моря, по большей части сохраняется лишь в некоторых названиях мест. Вообще топонимия Средиземного моря похожа на земную кору, слои которой хранят остатки исчезнувших пород. В самых

древних пластах этой топонимии непосредственно под эллинским слоем открывается слой финикийский.

Имя острова Phoenice — одного из помегской группы, не нуждается в комментариях. Название Ruscino (Кастель-Руссильон) происходит также от семитического корня, со значением — голова, мысль. Другие названия говорят о богах, культ которых был насажден на этих берегах моряками из Тира и Сидона. Главными были Астарта и Мелькарт, из которых греки и римляне сделали Афродиту и Венеру, Геракла и Геркулеса, не уничтожая, однако, вполне их первоначального облика и связи с местами, где стояли их алтари. Мыс Афродиты (ныне Креус), гавань Венеры — Portus Veneris (Port-Vendres - Пор-Вандр) напоминают культ Астарты. Две Гераклеи: в устье Роны и в Кавалерском заливе, два порта Геракла: у Вильфранша и у подошвы Монакской скалы — посвящены были Мелькарту. Вторая Гераклея — Heraclea Caccabaria получила второе имя от одного из прозвищ Карфагена (Caccabe). Монако происходит от финик. Menouha (Менуха) — остановка, отдых[15].

Легенда о Мелькарте-Геракле занимает важное место в преданиях, связанных с Галлией. Бог-странник завоевал Ливию (Африку), пробил пролив, названный по его имени «вратами Геракла» (Гибралтар), прошел Испанию, поднялся на Пиренеи, углубился на север, затем возвратился к югу, где, сражаясь с лигурами, сыпал на них дождь из камней, которые и покрывают с тех пор равнину Кро. Затем он перебрался через Альпы и продолжал в Италии ряд своих подвигов.

В баснях скрывается ядро истины. Финикийская торговля проникала в глубь материка караванами. Самым нужным продуктом, который искали финикияне, были металлы. А Пиренеи, Севенны, Альпы изобиловали в ту пору золотом и серебром. Касситеридское олово, привозившееся к берегам Ламанша, подымалось по Сене и спускалось к Средиземному морю долиной Роны. Та же долина стала одним из путей прибалтийского янтаря.

Упадок Тира, начавшийся с VIII века до Р. Х., благоприятствовал распространению греков за пределы архипелага. В 578 году до Р. Х. родосцы основали колонию Rhoda (Рода) (ныне Розас) на юге Креусского мыса. За двадцать лет перед тем фокеяне заложили Массалию — Марсель.

История Марселя мало известна. Около 600 года до Р. Х. группа выходцев из Фокеи бросила якорь у берегов Лигурии перед скалистым мысом, напоминавшим странникам их родину. Основанная здесь колония дала в 542 году приют почти всему населению Фокеи, бежавшему в чужой край от владычества персов. К несчастью для переселенцев, центр тяжести исторической жизни еще раз передвинулся на запад, в бассейне Средиземного моря. В 574 году пал Тир, но на берегах Африки явился ему наследник. Восстанавливая в свою пользу власть, утраченную метрополией, Карфаген развил большую энергию и неожиданные средства. Этруски, которым, как и ему, грозили успехи греческого мореходства, предложили ему на помощь свой флот. Разбитые в водах Корсики в 537 году,

фокеяне рассеялись: одни скрылись в Италию, другие добрались до Марселя. Впоследствии первые переселенцы были забыты, и основание Марселя приписано вторым.

Прошло 50 лет, занятых в рождавшемся городе бесшумной работой первоначального сложения. Когда в начале V века греки начали наступление по всей линии от Саламина до Гимеры (480 г.), Марсель оказался в боевой готовности. Борьба с Карфагеном снова возгоралась. Поводом для войны послужили столкновения между рыболовными судами. Неизвестно, когда она вспыхнула и долго ли продолжалась, но окончилась она торжеством массалиотов. Об их победах упоминает Фукидид. Страбон видел их трофеи в Марселе, а Павсаний нашел в Дельфах статую Афины Проное, посвященную памяти этой победы.

Здесь открывается великая эпоха в истории Марселя. Город мог уже не считаться ни с этрусками, ни с Карфагеном. Внимание Карфагена надолго было поглощено тяжелыми войнами в Сицилии и Африке. Флот этрусков был разрушен сиракузянами, и они уже слабели на суше перед наступательным движением Рима. Союз между Римом и Марселем напрашивался сам собою. Он и был заключен в первые годы IV века. Равно полезный для обоих государств, он давал одному поддержку сильного флота, другому — все средства первой военной силы в Италии.

Владения Марселя достигли наибольшего развития в VI веке до Р. Х. Они охватывали огромным полукругом пространство вдоль моря от Морских Альп до Андалузии. Два порта Мелькарта-Геракла (Виллафранка и Монако) были передовыми постами города на востоке. Скоро они были затенены созданиями самого Марселя: портом Никеи–Победы (Ницца) и выросшим напротив Никеи Антиполисом (Антиб). Город Афины — Атенополис в заливе Сен-Тропез, Heraclea Caccabaria в Кавальерском заливе, счастливый город Ольбия, у Гиера, образовали крепкий пояс вдоль массива Морских гор. Кажется, массалиоты не соблазнились местоположением Тулона. Старое название Сиота — Citharista (Китариста) показывает, что их внимание скорее притягивалось этим местом, и действительно, Tauroentum (Тарент), наиболее крупное поселение между Ольбией и Марселем, находилось в 2 километрах отсюда.

На Лангедокском приморье, менее богатом естественными убежищами, выросла только одна, зато прекрасно расположенная колония «Доброй Судьбы», на мысе, получившем от нее свое имя — мыс Агд, одном из редких выступов, который представляет прибежище морякам, гонимым бурями в Лионском заливе. Далее у подошвы восточных Пиренеев врезается в сушу глубокая бухта Венеры — Port-Vendres (Пор-Вандр), захваченный финикиянами и перешедший к их преемникам.

Rhoda (Рода), несмотря на свое родосское происхождение, не смогла избежать подчинения фокеянам. Марсель владел в Испании и другими колониями: Emporiae (Эмпория), ныне Ампуриас, недалеко от обоих вышеупомянутых городов, Hemeroscopium (Гемероскопий), вблизи мыса Нао, Alonis (Алонис), точное

положение которого осталось неизвестным, наконец, подле Малаги — Maenaca (Менака) (Almunecar — Алмунекар); это имя, кажется, тождественное с Монако, обличает финикийское происхождение.

Каково бы ни было современное значение великого средиземноморского города, самый блестящий момент его истории относится к описываемому прошлому. Впрочем, старый город не мог бы сравниться с нынешним ни по величине, ни по количеству населения. Отступление моря, работы по урегулированию гавани так изменили его вид, что теперь трудно представить себе его на том узком и крутом полуострове, где он долго стоял, как непобедимая твердыня. С высот, на которых располагался старый Марсель и где высился его акрополь, он спускался скученными массами к Лакидону — «старой гавани», которая тогда была одной из самых обширных на свете, лучше всего укрепленных природой и искусством. Везде славились его верфи и арсеналы. В качестве практичных людей массалиоты широко тратились на такие постройки, но были скупы на другое. Частные дома строились вплоть до римского владычества из дерева и соломы. Единственные храмы, упоминаемые Страбоном, были святилища Артемиды и Аполлона. От них сохранилось несколько скульптурных обломков, интересных по своему характеру, времени и происхождению. Архаическая Афродита, находящаяся в Лионском музее, обличает руку ионического мастера середины VI века до Р. Х. К той же эпохе принадлежит целая серия стел (47). Замечено сходство этих статуй с теми, которые найдены в Бранхидах, Дидиме и Кумах (в Малой Азии). Интереснее всего, что, судя по известняку, из которого они сделаны, марсельские стелы вывезены из восточной родины.

Освободившись от старых влияний, создал ли Марсель впоследствии свою местную школу ваяния? — Его монеты, которых сохранились богатые и поучительные коллекции, с точки зрения художественной имеют второстепенное достоинство. Оригинальность массалиотов не в искусстве, а также не в литературе, которая разовьется лишь позже с утратой ими независимости. Они выдвинулись в научных изысканиях. Особенно география обязана им могучим толчком, результаты которого были бы громадны, если бы действие его продолжалось.

IV век до Р. Х. является замечательной эпохой в истории географических открытий. Завоевания Александра расширили на востоке знакомство с обитаемым миром. Путешествие марсельца Эвтимена на запад вдоль Африки было дополнением путешествия Неарха по Эритрейскому морю. Два греческих флота одновременно появились у устьев Инда и Сенегала. Но слава Эвтимена бледнеет перед славой его соотечественника Питея. Повествование того и другого утрачено. О сочинении Питея мы знаем только из презрительных намеков позднейших географов. Но и по ним, наоборот, чувствуется величие его дела. Он выехал из Гадеса (Кадикс), следовал вдоль берегов Испании и Франции, посетил страну олова, проник в Бристольский канал, объехал Британию до Шотландии, вступил в Северное море, узнал «Кимврский полуостров», где отметил тевтонов и направился в Балтийское море. Но еще больше, чем смелость исследователя,

удивляет научный дух, руководивший его предприятиями. Он отметил связь приливов с фазами луны, определил широты, фиксировал положение полюса и, основываясь больше на выкладках, чем на личном наблюдении или на смутных рассказах, констатировал явление долгих дней и долгих ночей в арктическом поясе.

Античность отнеслась к нему несправедливо. Сложившаяся после него школа, заменяя математические приемы данными поверхностного эмпиризма, отвергла картографию великого массалиота и обвинила его в искажении истины. К несчастью, он не имел подражателей. Карфагеняне снова овладели Испанией и закрыли Марселю доступ в океан. Затем пришли римляне, с их весьма скромною в этом смысле любознательностью. Только современное землеведение поставило Питея на достойное место в ряду тех, кого оно чтит, как своих предков.

Государственные учреждения Марселя приобрели знаменитость. Аристотель описывает их, а Цицерон говорит о них с одушевлением. Как исключение, этот морской и торговый город не знал ни тирании, ни демократии. Опасность положения его среди варваров, необходимость вследствие этого укреплять власть, отдаленность от очагов эллинизма, предохранявшая его от заразы кипевшей там необузданной борьбы, соседство Рима, наконец, всегдашняя враждебность, с какой этот могучий союзник относился к широкому народовластию, даже тогда, когда, по-видимому, сам бывал игрушкой демагогических страстей, — все это может объяснить нам такой редкий пример устойчивости политических форм.

Фокеяне покинули родину в век господства аристократии. По этому образцу они организовались на новой родине. Политические права были предоставлены только семьям, происходившим от основателей. Эти прерогативы, очевидно, не смогли устоять вместе с ростом общественного богатства, но на пути революций марсельцы ограничились первым этапом. В продолжение VI века родовая знать уступила место олигархии богатых — тимократии. Власть перешла к собранию шестисот тимухов, сохранявших ее пожизненно. Во главе их стал Совет Пятнадцати, руководимый триумвиратом, члены которого поочередно осуществляли верховную магистратуру. Этот порядок переживет на столетие римское завоевание. Консервативный дух массалиотов обеспечил за ними своеобразную репутацию необычайной строгости нравов. Позже Тацит отметил, как выдающуюся черту их характера, важность (gravitas), соединенную с изяществом (elegantia).

Для массалиотов, как и для всех эллинов, море было родиной, ареной деятельности, предметом вожделений. Материк являлся для них лишь объектом эксплуатации; они не стремились его завоевывать. Они занимали на приморье узкую полосу, расширявшуюся только в ронской дельте — узле морского и речного судоходства. Города Гераклея и Роданузия охраняли доступ в реку из моря в Камаргской равнине. Город Телинэ (Кормилица) возвышался на месте будущего Арля. Через Авиньон массалиоты господствовали над долиной Роны, через Кавельон — над долиной Дюрансы, но область между Дюрансой и береговыми городами не была подчинена им. Прибрежные горы, дававшие им лес и смолу для

кораблей, тянулись только до устья Аржанса. Но долина Аржанса не открывала новых путей в глубь страны. Лигуры оставались неприкосновенными в горах Эстерельских и Морских, и массалиоты старались только охранять от них городские округа и соединявшие их дороги.

Массалиоты украсили баснями первые страницы своих летописей. Но под сказочной оболочкой можно угадать, каковы были отношения колонистов к соседям: постоянные, почти повседневные, они, однако, отмечены взаимным недоверием, а подчас и открытой враждой. Колония Эмпория, окруженная общей оградой, делилась внутренней стеной на два квартала: греческий и варварский — живой символ того, что происходило повсюду. С течением времени, впрочем, осуществлялось сближение, и смешанные браки давали эллинизированное население — элемент, необходимый для процветания греческих колоний.

Каково было влияние фокейских колоний на цивилизацию окружающей страны? Известно, что массалиоты культивировали здесь виноград и маслину. Они распространили до Рейна искусство письма и греческий алфавит[16]. Наконец, они научили первоначальное население окрестных стран чеканить монету[17]. Более ничего положительного мы не знаем. Прямое и глубокое влияние Марселя, как и его господство, ограничивалось прибрежной полосой. Эллинизм разлился по Прованскому поморью, но только Риму суждено было ввести будущую Францию в круг цивилизованных народов.

III. Кельты и их переселения[18]

Кельтский или галльский язык живет в ново-кельтских диалектах в глубине Бретани, в Ирландии, в Уэльсе, в верхней Шотландии. Эти наречия, правда, мало помогут изучению древнекельтского и пониманию немногочисленных кельтских надписей. Тем не менее, уже эти данные позволяют его причислить к индоевропейской семье на ряду с умбро-латинским, с которым он представляет более всего сродства.

Древние греки помещали за Рифейскими горами сказочный народ гипербореев. Когда век поэтического вымысла сменили века прозы, идеальная страна локализировалась в реальном мире, и там определился действительно существовавший народ. Рифейские горы оказались возвышенностями центральной Европы; гипербореи — кельтами: один историк середины IV века до Р. Х. Гекатей Понтский дает это имя тем кельтам или галлам, которые в 390 году взяли Рим. Ясно, что древнюю Кельтику следует искать в странах гипербореев, между скифами на востоке и лигурами на западе. Физико-географическая номенклатура к югу и северу от Дуная обличает присутствие кельтов в позднейшей Германии. Имя Рейна — Renos (Ренос), несомненно, кельтское. Оно же звучит в именах итальянской речки Reno (Рено) близ Болоньи (кельт. Bononia), притока Луары — Renus (Ренус) (ныне Reins — Рейнс). В Ирландии оно означает море. Таубе, приток Майна, назывался Dobra (Добра) (множ. кельтск. от Dubron — вода). В юго-западной

Франции находим Verndubron (Верндуброн), Vernodubrum (Вернодубрум) (Verdouble — Вердубль); в Англии Дувр — Dover, Dubra. Названия Гавеля, Шпрее, Эльбы и Везера обличают уже германское происхождение. Здесь, по-видимому, останавливалось распространение кельтского племени.

Не менее выразительна номенклатура политическая. В Вестфалии, близ Мюнстера, был город Mediolanum (Медиолан) (ныне Метельн на Вехте). В Италии то же имя было дано большому кельтскому городу Милану, во Франции — так назывались два города: ныне Сенер и Эрве. Devona (Девона), древнее имя Бамберга, дано было также Кагору. Существительные ritus — брод, briga — мост, dunum — замок, magas — поле, входят часто в состав названий мест в Германии, как и во всех странах, завоеванных кельтами.

В ту пору еще не слышно было о германцах, которые выступают в I веке до Р. Х.; даже тогда их трудно отличить от кельтов. Очевидно, они долго находились под их влиянием и господством, что характерно сказывается в их языке. Германские заимствования из кельтского словаря немногочисленны, но все имеют отношение к войне и государству: это доказывает преобладание кельтов[19].

Занятие кельтами британских островов произошло до IX века до Р. Х., если правда, что слово Cassiteros, означающее в гомеровских поэмах олово, есть кельтское слово[20]. Именно кельты заменили имя Альбиона именем Pretanis, Pritanis, Prydain.

Миграции кельтов на континент выразились в трех движениях, шедших из центра Германии. Первое направилось на Пиренейский полуостров. Геродот отмечает кельтов на юге Португалии в середине V века до Р. Х. Значит, они проникли в Испанию раньше этого, а еще раньше утвердились во Франции. Их путь здесь ясен повсюду: кельтская топонимия на юг от Пиренеев очень ограничена топографически. Она покрывает только склон к океану. Очевидно, дальше не распространилось нашествие. Оно прошло западными Пиренеями и западом Франции. Мы знаем, что бассейн Роны до IV века остался подчинен лигурам. Кельты во Франции расселились между Атлантическим океаном и центральным плато и не остановились к югу от Гаронны, что объясняет устойчивость иберов в этой области.

Вторая миграция (конец V и начало VI вв. до Р. Х.) делится на два потока. Один проник в Италию через Штирийские Альпы[21]. Он столкнулся на севере полуострова с господством этрусков, которые в центре подвергались тогда нападениям римлян. В 395 году до Р. Х., когда последние вступали в Вейн, кельты овладели Мельпом — цветущим городом транспаданской Этрурии. По-видимому, произошло соглашение обоих народов для действия против общего врага, оказавшееся, однако, непрочным. В 390 году войско кельтов-сенонов, осаждавшее Клузий, заподозрив союзников в предательстве, двинулось на Рим, сожгло его и расположилось лагерем у подошвы Капитолия. Этот с виду блестящий подвиг был лишь случайностью, прошедшею без последствий. Победители ушли, забрав добычу, и около сотни лет жили спокойно на берегах По.

В области теперешней Пармы, Модены, Реджо и Болоньи осела часть бойев, оставив главную массу за Альпами. Мы не знаем места жительства последней, и только в конце II века до Р. Х. встречаем их в гористом четырехугольнике, которому они дали свое имя, т. е. в Богемии. Их поселение здесь было лишь эпизодом в огромном движении, которое тогда же пошло в другом направлении — от северо-запада к юго-востоку. В это время царство скифов, которое граничило с кельтами в бассейне верхнего Дуная, уже не существовало. Фракийцы их оттеснили к Черному морю, а иллирийцы изгнали из Венгерской равнины. Кельты захватили свою долю в наследии скифов. Мы можем проследить за ними по народцам, которых они оставили на своем пути от гор Штирии и Каринтии до Балканского полуострова.

Могущество кельтов достигло апогея в IV веке до Р. Х. Их власти подчинялись тогда британские острова, половина Испании, Франция, кроме бассейна Роны, центральная Европа (т. е. Германия, кроме северной полосы и Швейцарии), север Италии, восточные Альпы, область Среднего и Нижнего Дуная. Города Lugidunum (Лугидун) (Лигниц) в Силезии, Noviodunum (Новиодун) (Исакша) в Румынии, Carrodunum (Карродун) в России, на Нижнем Днестре, намечали восточную границу этого колоссального царства. Если верить преданию, сообщаемому Титом Ливием, оно было созданием одного человека и одного племени. То был Амбигат, король битуригов, поручивший двум своим племянникам — Беловезу и Сиговезу руководство двумя походами, один из которых окончился вторжением в Италию, другой — распространением на восток.

Великим фактом следующего периода (III века до Р. Х.) является пробуждение германцев. Средиземноморские народы почувствуют его косвенно, по новым движениям кельтов. Изгнанные из своей первоначальной родины, они двинутся на юг, вознаграждая себя за потери на севере. Толпы их, перевалившиеся через Альпы, в 295 году возобновили старую вражду кельтов с Римом. Но здесь они наткнулись на сильного врага. Они были счастливее на востоке и западе. В этом двойном направлении и пошла их третья миграция.

Всюду, где кельты соприкасались с греками, они становились их союзниками, благодаря общности врагов: карфагенян в Испании, этрусков в Италии, иллирийцев на Балканском полуострове. Смерть Александра Великого (323 г.) дала новый толчок их замыслам. Среди разлагающегося эллинского мира Греция представлялась лакомой добычей. Нашествия на нее кельтов открываются в 281 году победой над македонским царем Птолемеем Керавном. В 239 году они кинулись на Фессалию, взяли Фермопилы и осадили Дельфы, оставляя на пути одни развалины. Следующий поход привел к более прочным результатам. Отряд, отделившийся от главной массы, разграбил Фракию, переплыл Босфор и кинулся на Малую Азию, где в 240 году основал особое государство, Галатию.

Среди кельтских племен, попавших в Малую Азию, были Volcae Tectosages (Вольки Тектосаги), — часть народа Volcae (Вольков), остатки которого Цезарь нашел в «Герцинском лесу». Вольки, имя которых в германском языке стало

названием всей расы (Walah, Walch, Welsch, англо-сакское Weahl, англ. Wales), приняли большое участие в третьей миграции. Мы находим их передовые отряды на обеих линиях вторжения: на востоке и на западе.

Бассейн Роны (по Аристотелю — лигурийская страна) подпадает под владычество кельтов. В 218 г. до Р. Х. Ганнибал встретил здесь уже только кельтских вождей. Вольки шли впереди. Они делились на две группы: тектосаги продвинулись вперед и сели в местности Тулузы; за ними шли арекомики (Arecomici) «морские», ибо они заняли на приморье страну элизиков, у которых отняли Нарбонну. В то же время греческая Телинэ сменяет свое имя на кельтское Arelate (Арелате). За вольками теснились многие народы, из которых последними были гельветы. Они только что заняли страну, которая носит их имя, когда в 58 году Цезарь преградил им выход из нее. Тацит помнит время, когда они жили между Рейном и Майном. Кимврское нашествие бросило их в 113 году в теперешнюю Швейцарию. С этим можно связать перемещение битуригов, часть которых — Bituriges Cubi (Битуриги Кубы) осталась сзади в долине Шера, другая — Bituriges Vivisci (Битуриги Вивиски) образовала с двумя подчиненными ей народами — Medulli (Медуллич) и Baii (Бойи) или Baiates (Байаты), остров кельтского населения в Аквитании, южнее Жиронды, с главным центром Burdigala (Бурдигала) (Бордо)[22].

Тогда как описанный поток шел на юго-запад, — белги двигались на север до линии Сены и Марны. Они составляли большую семью племен, часть которых перешла Ламанш во II веке до Р. Х. Их утверждение в Белгеуме связано с покорением родственных им народцев, представлявших первый осадок кельтского нашествия.

Появление секванов (Sequani) в бассейне Дуба есть одно из следствий последних пертурбаций. Их имя указывает, что сперва они жили на Сене (Sequana).

Так закончились племенные передвижения, результатом которых было утверждение владычества кельтов. Победоносное шествие их остановилось в нынешней Франции на этом пределе. Вслед за этим они всюду терпят поражения. В Испании они подчинены были новым наступлениям Карфагена (238–219 г.). За ним следует римское завоевание Галлии. В Италии они сначала разбиты римлянами при Сентине (295 г.), Вадимоне (283 г.) и Теламоне (215 г.). Борьба, снова возбужденная вторжением Ганнибала, закончилась в 191 году, через 12 лет после битвы при Заме. В те же годы, когда совершилось падение италийских кельтов, нанесен был смертельный удар и их родичам в Малой Азии. Поражение Антиоха при Магнезии 190 г. обрушило на них армию Манлия. Битвы при Олимпе и Магабе (189 г.) положили конец могуществу малоазиатских кельтов. В Греции кельты только мелькнули. В 135 году претор Асконий начал войну против скордисков, за Балканами. Она продолжалась 30 лет, но конечный исход был вне сомнений: кельтский мир, обрезываемый со всех сторон, непрерывно сжимался. Он как бы задыхался между рождавшейся Германией и великой державой, выраставшей вокруг Средиземного моря. Завоевание Трансальпинской Галлии было последним актом этой агонии.

IV. Народы Галлии[23]

До второй половины III века до Р. Х. мы слышим только наименование «кельты» (греч. — κελτός, лат. и кельтск. — Celta). Затем в греческой литературе начинает появляться слово «галаты»(γαλάται). Географическое имя Gallia, предполагающее этническое Gallus, попадается впервые в «Началах» Катона, около 168 г. до Р. Х. Эти три слова, по-видимому, не одного корня, хотя и употребляются как синонимы по отношению к одному и тому же народу. Имя Galli (Галлы), обычное у латинских писателей, применяется ими преимущественно к северным кельтам. Сперва они различали Галлию Цизальпинскую и Трансальпинскую, но когда бассейн реки По был включен в Италию, имя Галлии сохранилось только для Заальпийской области, от Пиренеев до Рейна. В таком именно смысле слово это употребляется Цезарем в первой строке его комментариев.

Страна была занята большим числом кельтских народцев. Назовем главных, подчинивших себе остальных.

Юго-восточная область, открывшаяся римлянам в конце III века до Р. Х. и обращенная в провинцию, в 121 году заселена была следующими племенами. На правом берегу Роны сидели Helvii (гельвии) и южнее — Volcae (вольки), делившиеся на Volcae Tectosages (вольки тектосаги) с главным центром Tolosa (Тулуза) и Volcae Arecomici (вольки арекомики), вокруг города Nemausus (Ним). На левом берегу, к югу от Дюрансы — Salluvii (салувии), к северу — Cavari (кавары), далее Vocontii (воконтии), Allobroges (аллоброги). Из менее значительных народов, вдоль Роны и притоков вверх располагались Memini (мемины), Tricastini (трикастины), Segovellauni (сеговеллауны), Oxybii (оксибии), Caturiges (кадуриги), Centrones (сентроны), Sedusii (седузии), Varagri (варагры), Nantuates (нантуаты), Uberi (уберы).

Остальная Галлия, завоеванная Цезарем в 53–52 г. и мало известная ранее, делится автором на три большие полосы: Аквитания на юге от Гаронны, собственная Кельтика, на юг от Сены и Марны, а к северу от них Белгика. Аквитания, помимо аквитанов, принадлежавших к иберскому народу, включала следующие кельтские племена:

Consoranni (консоранны), Bigerriones (бигеррионы), Iluronenses (илуроны), Benarnenses (бенарны), Tarbelli (тарбеллы), Tarusates (тарузаты), Aturenses (атурены), Sotiates (сотиаты), Elusates (элузаты), Ausci (авски), Vasates (вазаты), Convenae (конвены).

Кельтику населяли многочисленные племена: Nitiobriges (нитиобриги) и Volcae-Tectosages (вольки-тектосаги) подходили к Гаронне; Biturigi-Vivsci (битуриги-вивиски) и их подданные Boii (бои) (иначе, Boiates - бойаты) и Medulli (медулии) перекидывались на левый берег. Далее шли Gabali (габалы), Vellavi (веллавы), Rutaeni (рутаэны), Cadurci (кадурки), Petrucorii (петрукории), Arverni (арверны), Lemovices (лемовики), Pictones (пиктоны), Pictavi (пиктавы), Santones (сантоны), Namnetes (намнеты), Veneti (венеты), Osismi (озизмы), Coriosolites (кориозолиты),

Redones (редоны), Abrincatui (абринкатуи), Unelli (унеллы), Baiocasses (байокассы), Viducasses (видукассы), Parisii (паризии), Meldi (мельды), Senones (сеноны), Aulerci-Eburovices (авлерки-абуровики), Aulerci-Cenomanni (авлерки-сеноманы), Aulerci-Diablintes (авлерки-диаблинты), Andecavi (андекавы), Turoni (туроны), Carnutes (карнуты), Bituriges-Cubi (битуриги-кубы), Tricasses (трикассы), Catellauni (кателлауны), Lingones (лингоны), Sequani (секваны), Headui, Segusiavi (сегузиавы), Ambarri (амбарры), Helvetii (гельветы).

Имя белгов покрывало следующие народцы: Remi (ремы), Silvanectes (сильванекты), Suessiones (суэссионы), Bellovaci (белловаки), Viromandui (виромандуи), Atrebates (атребаты), Ambiani (амбианы), Morini (морины), Caleti (калеты), Veliocasses (велиокассы), Menapii (менапии), Nervii (нервии), Eburones (эбуроны), Aduatici (адуатики), Treveri (тревиры), Mediomatrici (медиоматрики)[24].

Все эти народы, кроме аквитанов, носили кельтские или галльские имена[25]. Но эти имена даны были победителями — кельтами подчиненным более древним племенам, которые этнографически представляют сложную смесь. Здесь иберские и лигурские слои ложились на безвестные расы палео- и неолитической эпохи. Галлы являются сравнительно новым элементом, и вопрос, — в какой мере он повлиял на предшествовавшую ему этническую основу, оказывается трудно разрешимым. Думали[26], что подчиненные племена были обращены в рабство, и что победители одни образовали ту политическую и военную аристократию, о которой говорит Цезарь; в таком случае этнографический вклад, внесенный завоеванием, был невелик. В самом деле, по Цезарю мы видим, что эта аристократия могла выставить всего 15 000 вооруженных всадников, — а она служила только в коннице. Но история учит нас, что никогда завоевание не приводит к столь резкому противоположению между завоевателями и побежденными; напротив, всегда происходит взаимодействие между столкнувшимися элементами.

Верно то, что завоевателей было гораздо меньше, чем туземцев. Это явствует из сравнения их первоначальных обиталищ с громадными территориями, завоеванными их оружием, а также из следующего факта: кельты представляются нам вообще с характерными чертами северных рас: высокий рост, белая кожа, русые волосы; не таков тип южных и центральных французов. Ясно, что под влиянием повторяющихся скрещений произошло слияние, в котором победили туземцы. Светлый тип более распространен на севере, что может зависеть от двух причин: 1) от силы кельтского элемента, влившегося сюда двойным рядом нашествий — в III в. и ранее, и 2) от германской струи, которая начинает проникать ранее падения Римской империи. Адуатики, отмеченные Цезарем среди народов Галлии, происходили, по его словам, от отряда кимвров и тевтонов, оставленного здесь для охраны обоза, тогда как главная масса пошла на Италию[27]. Цезарь же приписывает германское происхождение эбуронам и нескольким народцам в долине Мааса[28].

Такая страна, как Галлия, должна была представлять немало противоречий. Старые языки долго жили наряду с новыми. Между Гаронной и Пиренеями

говорили по-иберски; на юге Франции найдены, очевидно, лигурские надписи[29]. Сами кельты, разбросанные по обширной площади, отличались одни от других нравами, учреждениями, диалектическими особенностями[30]. К сожалению, историки, наблюдавшие эти особенности, не подчеркивают их достаточно, и они от нас ускользают. Поэтому в очерке до-римской Галлии нам придется руководствоваться лишь общими чертами.

КНИГА ВТОРАЯ
НЕЗАВИСИМАЯ ГАЛЛИЯ И РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

ГЛАВА I
НЕЗАВИСИМАЯ ГАЛЛИЯ

I. Цивилизация. — II. Религия. — III. Друидическое жречество. — IV. Социальный и политический строй. — V. Борьба внутри государств (civitates) и между ними.

I. Цивилизация[31]

В Галлии особенно поражала громадность ее лесов. Они тянулись по всем направлениям, но к северу представляли особенно глубокую, почти сплошную массу. В центре простирался лес карнутов; лес белловаков тянулся по болотистым равнинам нынешней Фландрии, за Маас и Рейн. На востоке по горам и долинам развертывался Арденнский лес; через леса сенонов и мельдов он связывался с лесами карнутов. По Вогезам он достигал границ Германии; по Морвану и Юре захватывал территорию эдуев и секванов.

В этой зеленой чаще блуждали, вместе с сохранившимися доныне породами, лоси и зубры. Стада лошадей, мелкий и крупный скот паслись на лесных полянах. Огромные дикие страшные кабаны тысячами бродили под дубами. Их мясо, свежее или соленое, вместе с молочными продуктами составляло и главную пищу жителей. Разводился и хлеб. Гельветы здесь запасались им, готовясь к переселению. Цезарь и Ганнибал доставали его без труда. Распаханные земли попадались лишь островами среди моря лесов. Тем более они ценились. Поля Секвании показались раем германцам Ариовиста.

Трудно представить, чтобы на этой слабо возделанной почве Галлии население могло быть густым. Страбон, правда, говорит иное, но у древних был особый масштаб. Цифры Цезаря сомнительны. Верный традициям римской историографии, он, несомненно, преувеличивает число противников. Из его сообщений более всего внушает доверие список воинских сил, призванных в 52 году до Р. Х. во время осады Алезии. По комментариям, их было около 268 000. Отношение этой цифры к общему числу населения можно вывести из того факта, что гельветы, возвратившиеся в свою страну после попытки эмигрировать в числе 110 000 человек, должны были вооружить 8 000 воинов, т. е. около 1/13 или 1/14 всего состава. По этому расчету, принимая во внимание 268 000 общегалльского ополчения, получаем цифру общего населения страны в 3,5 миллиона. Сюда не входит ряд племен, не участвовавших в войне, и других, живших за Вогезами, за Гаронной, в римской провинции, которые были очень многочисленны. Мы не ошибемся, вероятно, исчислив все население Галлии в 5 миллионов. По количеству воинов, вербовавшихся от отдельных местностей, можно заключить,

что гуще всего населены были долины Сены, Луары, Соны, Уазы, Соммы. Вдоль океана и на северо-востоке плотность была наименьшая.

Часто попадались на поверхности Галлии отдельные усадьбы, по-римски — aedificia. Они постоянно упоминаются у Цезаря. Он всегда разрушал их, когда в его планы входило опустошение вражеской страны, но щадил их, когда боялся недостатка припасов. Они располагались на опушке лесов, возле рек. Знатные галлы селились там с воинами и слугами, предаваясь охоте, наблюдая за обработкой земли или разведением скота.

Из поселений более сложного типа прежде всего надобно отметить vici — селения. У гельветов их было 400. Vici не везде устроены одинаково. Озерные села не исчезли еще в Швейцарии и Дофинэ. Пещерные нравы прочно укоренились в области Центрального Плато, на берегах Сены и Луары. Но наиболее обычным типом галльского жилища был дом из сухого камня, или круглая хижина, более или менее просторная, смотря по положению хозяев, построенная довольно грубо, с деревянными или глиняными стенами, соломенной крышей и дымовым отверстием. Галлы возводили и боевые сооружения, описанные Цезарем. Интересные образцы их сохранились в развалинах стен Алезии, Бибракте и др. Вся Галлия покрыта была укреплениями — oppida. Они отвечали тем же потребностям и обнаруживали те же социальные отношения, что и греческие акрополи и феодальные замки. Выбор места зависел от характера почвы. Чаще всего oppida воздвигались на горах. В плоских местностях для этого выбирались острова (Лютеция) или болота (Аварик-Бурж). Стена развертывалась без башен, без зубцов, без выступов и углублений: узкий проход вел к воротам; ров укреплял защиту, если естественная крутизна была недостаточна. Глыбы камня, слабо обтесанные, клались плашмя, прилаживались друг к другу без цемента, в два ряда, промежуток между которыми наполнялся землей и щебнем. Применялся (впрочем, не везде) остроумный прием комбинации дерева и камня. Бревна связывались железными гвоздями наподобие рам, которые, сдерживая кладку, увеличивали ее прочность. Толщина стены зависела от того, опиралась ли она на склон или нет; высота ее находилась в обратном отношении с высотой скалистого холма. В Аварике она достигала 25 метров. Если склон был достаточно крут, то ограничивались тем, что заполняли расщелины, которые могли облегчить подъем. Стена велась непрерывно кругом всего укрепления только тогда, когда оно поднималось среди равнин или когда приходилось обводить (как в Бибракте) гору, доступную со всех сторон.

Oppida были убежищами с постоянным населением. Цезарь, говоря о них, употребляет безразлично слова oppidum и urbs, что значит — город. Могли ли, в самом деле, городские центры обойтись без стен? Можно подвергать риску отдельные постройки, даже деревни, но нельзя было предоставлять разрушению города со всем, что в них находилось. Можно сказать, всякое укрепление было городом, и наоборот: город — крепостью.

В 25 километрах от Отена, на южном выступе Морвана, выделяется род мыса, господствующий над долинами Луары, Соны и Сены. Это нынешняя гора Beuvray (Бевре), — средневековый Biffractum (Биффракт), древний Bibracte (Бибракте). На венчающем гору плато, на высоте 800 метров высилась столица эдуев, открытая и раскопанная в 1867 году. Это огороженное место, в 5 километров в окружности, было заселено не на всем пространстве. Температура этих высот не привлекает многочисленных обитателей. Зато это место прекрасно приспособлено к тому, чтобы дать приют промышленному труду и оградить от случайностей грабежа и войны имущество постоянного трудящегося населения. Бибракте в самом деле был крепостью и промышленным центром. Печальный город жалкого вида, затерянный среди широкого, безлюдного простора. Группы хижин шли вдоль дороги, соединявшей двое входных ворот. Они наполовину зарыты были в почву, укрываясь от порывов северного ветра. В этих лачугах жили ремесленники, занятые разными видами металлургии. Тишина места оживлялась при приближении врага. Ограда становилась тесной для тех, кого гнали сюда страх и нужда в защите. Ежегодная ярмарка в определенные сроки привлекала сюда более мирное стечение народа. Военный центр превращался тогда в пункт торговли, склад товара. Для этой цели устроены были обширные склады, с галереями на деревянных столбах, обуглившиеся основания которых найдены при раскопках. Позже возведен был каменный «гостиный двор» вокруг храма, который был воздвигнут по римскому образцу в честь местной богини Бибракте. Только в этом углу, после того, как oppidum был оставлен, в начале христианской эры сохранилась перемежающаяся жизнь. До конца Империи его посещали купцы и паломники. Капелла св. Мартина, воздвигнутая на развалинах галльского святилища, не переставала привлекать такое же стечение народа в средние века, и только в наше дни ярмарка Бевре потеряла свою популярность.

Не все города Галлии находились в таких неблагоприятных условиях. Некоторые были расположены среди плодородных равнин, у широких рек. Жителей тут было больше, жилища строились удобнее. Аварик, считавшийся у галлов красивейшим городом, был гораздо привлекательнее Бибракте. Впрочем, и последний еще не весь раскопан, и, может быть, готовит еще сюрпризы. Там открыли два больших, украшенных мозаикой дома до-римской поры, ибо в них найдены только галльские монеты. Впрочем, настоящее развитие городской жизни было мало вероятно у народа, который не оставил ни одного здания из тесаного камня. Битуриги, несмотря на приказ Верцингеторикса, отказались сжечь свой город, утверждая, что он по своей красоте заслуживает исключения из общего распоряжения; и мы готовы понять их сожаление; но ничто не показывает, чтобы их наивный восторг разделялся римлянами. Что думали последние, — видно из слов Цицерона: «Есть ли что-нибудь безобразнее галльских oppida?».

Могильная архитектура галлов представляет несколько разновидностей. На западе продолжается традиция мегалитических памятников, свидетельствуя своим постоянством о слиянии различных этнических элементов и поглощении

победителей-кельтов туземной массой. На востоке же возникает специально галльский тип погребения в двух формах. В 1) бургундской: могилы отмечены курганами из камней или сухой земли; в 2) шампанской они не возвышаются над землей. Но особенно существенны отличия в содержимом могил. В первых находим мы длинный железный гальштатский меч. Шампанские некрополи характерны присутствием Латенского меча. Итак, поколения, погребенные в долинах Соны и Марны, не современны друг другу. Первые — это поколения народов, которые в V и IV вв. до Р. Х. вторглись в Италию и прошли Галлию до Роны; вторые представляют более поздний период, отмеченный на севере Франции вторжением белгов[32].

Выше указаны были характерные черты галльского искусства — предпочтение геометрического стиля, устранение или искажение мотивов живой природы (животной или человеческой). Такому определению не отвечает только один барельеф, открытый в Эвремоне[33], в ограде старого oppidum, в нескольких километрах (к северу от Экса, в Провансе) почти на границе классического мира. Грубость исполнения его чрезвычайна. Главные рельефы — отрубленные головы, всадники в шлемах, с копьем. Первый мотив — галльский; он повторяется на браслетах шампанских некрополей; второй — римский; его нашли в нарбоннских монетах чеканки 125–113 гг. до Р. Х. Эвремонский рельеф представляет одинокую и оставшуюся бесплодной попытку туземной скульптуры комбинировать латинское и кельтское влияния.

Неискусные в пластике, галлы выдвинулись в художественной промышленности. Недурна их керамика, но особенно замечательна металлургия. Нигде, быть может, кроме Испании, не находили рудных богатств в такой массе и не эксплуатировали их с таким умением. Изыскания минералогов подтверждают показания древних текстов. Галлия давала олово, но особенно — медь, железо, золото и серебро. Золото находилось и в рудниках, и в россыпях — в наносах Рейна, Роны, Тарна, Арьежа. Серебро извлекалось из свинцового блеска, и многочисленные имена мест, где встречается корень argent (серебро), одинаковые в латинском, кельтском и французском языках, показывают распространенность добывания серебра. Все эти металлы обрабатывались с удивительным искусством. Плиний сообщает, что битуриги изобрели лужение и умели придавать медным сосудам вид серебряных. Другим изобретением, сделанным, вероятно, эдуями и специально ими присвоенным, была эмалировка. Древние авторы приписывают ее «варварам у океана». Это смутное указание получает новую силу и точный характер после раскопок в Бибракте. Здесь искусство эмалировки, связанное с ювелирным делом, занимало важное место.

Галлы любили роскошь, если не в жилище, то на себе. Они отличались живым вкусом к украшениям. Они кокетливо причесывались, вымыв волосы в известковой воде, усиливавшей их белокурый цвет; носили их длинными, поднимая пучком на темя или распуская по ветру, как гриву. Висячие усы придавали им воинственный вид. Главные части их одежды были панталоны (braccae), не

широкие, как у скифов, но плотно охватывавшие тело; sagum (сагум), род плаща, приколотый на плече или складывавшийся, как плед; caracalla (каракалла), род блузы, башмаки на толстой подошве с невысоким верхом, так называемые gallicae (галлики) (отсюда «галоши»?). Ткани носились яркие, пестрые, блестящие. Разные краски на них тянулись полосами и скрещивались в квадраты. Шитое или накладное золото давало те металлические искры, о которых говорит Вергилий, описывая, как соратники Бренна взбираются ночью на Капитолий — Virgatis lucent sagulis (Блещут полоски плащей). Блеск одежды увеличивался драгоценностями: браслетами, ожерельями, фибулами.

Некоторые историки рассказывают, что цизальпинские галлы снимали одежды и кидались голые в сражение, как бы дразня тяжелую римскую пехоту. Ничего подобного мы не находим в рассказах Цезаря. Но и в его эпоху слабо развито было у галлов пользование оборонительным оружием. Общеупотребительным был только большой деревянный щит, покрытый железными пластинами. Его поверхность, раскрашенная яркими красками, украшалась насечками из бронзы, золота или серебра, смотря по рангу воина. Латы, описанные Диодором, встречаются редко: в наших музеях не находится ни одного экземпляра их, так же как и шлемов с изображениями птиц и животных, о которых говорит тот же Диодор. Редкие образцы, найденные в раскопках, совершенно не похожи на это описание. Они очень разукрашены и могли принадлежать только вождям. Что касается более скромных шлемов, украшенных только рогом, которые представлены на монетах Цезаря, рельефах арки в Оранже и мавзолея св. Ремигия, они встречаются только в этих изображениях. Оружием наступательным по преимуществу был железный меч, разукрашенный так же, как и щит, коралловыми гвоздями, эмалевыми жилками, разнообразными ножнами и рукоятями. Затем идут стрелы, различные дротики: кельтский gaesum и римский pilum, matara — обыкновенное копье, saunium, с двумя лезвиями — прямым и волнистым, которое раздирало тело и оставляло ужасные раны. Знаменами служили водруженные на длинные жерди изображения кабана. Эту эмблему видим мы на монетах многих народов. Знак к бою давался carnyx'ом — громадным горном, представлявшим голову дракона с прямыми ушами и широко разинутой пастью.

В кладбищах Шампани и Бургундии найдены остатки боевых колесниц. Их отмечают в Цизальпинской Галлии Тит Ливий и Полибий. Посидоний видел их в Трансальпинской Галлии в I веке до Р. Х. Цезарь, который полвека спустя не имел случая видеть их на континенте, нашел их в Британии. Агрикола встречал их в глубине Шотландии (84 г. по Р. Х.), и на них еще сражались герои старейшего ирландского эпического цикла.

Колесницы служили не для того, чтобы расстраивать ряды неприятеля. Они давали возможность быстро бросать в определенный пункт большую массу сражающихся. Они съезжались с быстротою молнии и ужасным шумом. Воин, стоявший подле возницы, начинал сражение, бросая несколько стрел, затем спрыгивал на землю, а его товарищ старался держаться вблизи от него на случай бегства.

Такой маневр требовал чрезвычайной легкости колесницы. Железные сегменты, найденные в могилах, наводят мысль на деревянные колеса, которые они прикрывали. Они так же, как и ящик колесницы, делались возможно меньшего веса. Есть несколько римских монет, представляющих галльскую колесницу. Это — простая доска с боковыми стенками, открытая спереди и сзади, чтобы можно было легко спрыгивать и подниматься. Она убиралась так же пышно, как и все остальное. Колесница царя арвернов Битуита, фигурировавшая в Риме в триумфе 121 года до Р. Х., была покрыта серебряной обшивкой.

Нравы галлов оставались суровы. Долго держался обычай отрубать головы побежденным. Их вешали на шею лошади, а потом прибивали к дверям дома. Но галлы любили также щеголять любезностью и великодушием. Щедрость короля арвернов Луерна перешла в легенду. Он любил объезжать поселения, разбрасывал золото и серебро толпе. Раз он окружил забором пространство в 12 стадий (2500 метров), расставил бочки питья и блюда, полные яств для всех желающих. Парадные пиры являлись чем-то вроде общественного учреждения. Поражает в них резкий контраст между грубостью поведения, дикостью необузданных инстинктов и утонченностью этикета. Вожди садились, сообразно достоинству, вокруг круглого стола — это знаменитый круглый стол, который появился два века спустя в поэмах бретонского цикла о короле Артуре. Сзади становились двумя концентрическими кругами вооруженные глашатаи, первые — с копьями, вторые — со щитами. Девушки и мальчики обносили медные, бронзовые и серебряные блюда, сберегая лучшие куски для самых важных гостей. Одна чаша обходила пирующих, обнося марсельское или итальянское вино, либо национальные напитки — пиво и мед. Великолепные и благородные гости алчно кидались на блюда. Военные игры служили приправой этих трапез. Они резко обходились без кровопролития.

Своей торговой деятельностью той поры Галлия уже как бы готовилась к роли, какую должна была играть под властью Римской Империи. Металлы, которыми она торговала, создали ей несколько преувеличенную репутацию богатства. Ее соленья и шерсть ценились в Риме. Наконец, она участвовала в снабжении цивилизованных народов рабами. Вечно воюя между собою и с соседями, галлы массами добывали этот товар и даже пользовались им как орудием обмена. Ходячей ценой раба была амфора вина.

В центральной Галлии — Кельтике радушно встречали иностранца. Знатные сажали его за стол, толпа теснилась вокруг, преследуя расспросами, на которые он должен был отвечать бесконечными рассказами. Так рисует себя грек Посидоний среди галльских хозяев во время путешествия. Во время походов Цезаря римские купцы селились в городах Genabum (Генаб) (Орлеан), Noviodunum (Новиодун) (Невер) и Cabillonum (Кабиллон) (Шалон на Соне). Их положение не всегда было безопасно: в моменты восстаний они делались первыми жертвами. Белгика была менее доступна. Варварство, все усиливавшееся по направлению к северу, проявлялось там отвращением к чужому. Нервии особенно отличались

суровою обособленностью. Немногие купцы пробирались сквозь все препятствия до Рейна. Когда белги массой восстали против Цезаря, он имел о них очень смутные данные. Еще меньше знал он бриттов, когда два года спустя ему пришлось с ними воевать. Галлы сами хорошо знали великий кельтский остров. Особенно близко знали его белги, одно время (во II веке до Р. Х.) даже бывшие его господами.

Это владычество пало, но Британия оставалась связанной с Галлией. Она была очагом друидизма и считалась его родиной. С началом завоевания Галлии римлянами она не осталась чуждой событиям, разыгравшимся на континенте. Она дала приют вождям белловаков и послала помощь венетам, чем навлекла гнев Цезаря. И недаром отмалчивались галльские купцы, когда Цезарь добивался у них указаний ввиду готовящегося похода против Британии: они не хотели выдать друзей — почти соотечественников, а также выдать тайну своей торговли.

Мореходство было широко развито у галлов. Арморика являлась школой смелых и ловких моряков. Первенство принадлежало в середине I века по Р. Х. венетам (Морбиган). Их суда, прочно построенные для плаванья и войны, не боялись соперников в Ла-Манше и Атлантике. Их плоское дно держалось выше подводных скал; сильно поднятые нос и корма защищали от напора валов и вражеских судов. Дубовый остов их выдерживал напор волн и удар острой шпоры римского корабля. Флот у венетов был очень силен, а в войнах с Цезарем они выставили еще корабли своих союзников от Финистера до Шельды. Цезарь, со своей стороны, созывал военные суда дружественных ему пиктонов и сантонов, от устья Луары до Жиронды.

Внутри страны не было недостатка в средствах сообщения: сеть речных путей вызывала восхищение Страбона. По суше передвижения совершались в разного вида повозках, которые позаимствовали даже римляне. То были: essedum, carpentum, более роскошные колесницы, делавшиеся по образцу боевых, benna — ивовая корзина на колесах, carruca, reda, petorritum — широкие четырехколесные телеги. Все это предполагает развитую систему дорог, хотя, конечно, тут не могло быть ничего, подобного той мощной сети, которой римляне одарили впоследствии замиренную и объединенную Галлию. Дороги галлов были собственно тропинками, и мосты, очевидно, строились у них из дерева.

Достаточное развитие обмена явствует из существования денег, заимствованных из Греции. Греческие образцы сперва воспроизводились точно, а затем совершенно отошли от них. На монетах сказывается опять характерная тенденция галлов — предпочтение неорганических форм, где живая природа, разлагаясь, превращается в орнаментальные мотивы. Так возникают странные формы, в которых проглядывают уже не чужие, а домашние мотивы — порою религиозные символы, национальные и местные эмблемы, порою плод фантазии граверов. Художественное достоинство этих монет, впрочем, ничтожно. Они грубеют по мере приближения к северу, по общему закону убывания, который управляет галльской культурой.

Галльская монета идет из нескольких очагов. Древнейшим из них был Марсель. Город в V веке до Р. Х. входил в монетный союз, который обнимал города Малой Азии, Греции и Италии и распространял свои деньги, чеканенные по одному образцу, на всем средиземноморском побережье. Марсельские монеты прежде всего и заимствовали галлы, по обоим склонам Альп, в долинах По и Роны.

На юго-западе утвердилось влияние Роды. Она была в постоянных сношениях с Сицилией, и ее монетные образцы, принятые сиракузянами в 317–218 гг., потом карфагенянами, наполнили через их посредство Испанию и проникли в Аквитанию. В 220 году Ганнибал, готовясь к походу в Италию, покупал сочувствие запиренейских народов родскими драхмами. Этим моментом можно датировать начало распространения, если не зарождения монетного дела в галльских странах. От вольков-тектосагов и арекомиков оно переходит к рутенам и кадуркам. Вся эта часть Галлии употребляла эту монету, где постепенно простой крест заменил венчик розы — эмблему Роды. Позже, там, где скрещивались соперничавшие влияния Роды и Марселя, образовался смешанный тип монеты с атрибутами обоего происхождения.

Марсельские и родские греки держались системы серебряной монеты. Потому-то на юге, юго-востоке и юго-западе Галлии монету чеканили также из серебра. Золото ходило только в слитках. Бронзовая монета, появившаяся во II веке до Р. Х. около Пиренеев, не оставалась особенностью только этой местности. Она доказывает лишний раз связь здешнего населения с Сицилией, ибо их бронзовая монета копирует агригентскую (287–279 гг.) и сиракузскую (275–216 гг.).

К середине IV века эксплуатация фракийских рудников Филиппом II Македонским выбросила на рынок множество золотых статеров или филиппов, которые проникли в Галлию, вероятно, Дунаем и дали там новый толчок монетному делу. Монета этого образца не встречается на юге. Ее область — исключительно центр и север, а исходный пункт — страна арвернов. Позже мы увидим политическое значение этого народа; здесь следует отметить его торговое положение. Сам по себе и через подчиненные племена он держал в руках два великих транзитных пути, пересекавших Галлию и описанных Страбоном. Один, почти целиком речной, шел по Роне и Соне, подходил через Морван к Ионне и Сене. Другой через Центральное Плато вел в Генаб (Орлеан), и затем по Луаре к гавани Намнету (Нант). Через гельвиенов, веллавов, сегусиавов и аллоброгов, арверны господствовали над течением Роны, а сухопутная дорога шла вся по их стране. По этим путям и распространялась их монета, давая постепенно рождение нескольким производным группам. Новая фаза в развитии монетного дела в Галлии наступает вместе с римским влиянием, которое, утвердившись на юго-востоке около 120 года до Р. Х., начинает вытеснять греческое. Это сказывается в подражании серебряному римскому динарию, в соединении латинской и греческой легенды, наконец, в исчезновении последней. Распространившись сперва в долине Роны, копии динария обошли всю Галлию. Под их влиянием изменилась и золотая, и бронзовая монета, сильно распространившаяся под конец эпохи галльской

независимости. Римская система уже преобладала во время Цезаря, а после него вскоре исчезла автономия галльской чеканки: страна подчинилась имперской системе.

Нумизматы отмечают постепенный упадок монетного дела в Галлии по мере приближения христианской эры, как в смысле порчи типа, так и порчи состава: в золотые монеты все больше входит медь. Серебряные монеты превращаются в различные знаки. Подобные факты имеют не только экономическое значение: они говорят о глубокой смуте в национальном бытии. Монетный упадок в Галлии имеет значение важного симптома. В нем вскрывается политический упадок, приготовлявший пути чужеземному завоеванию.

II. Религия[34]

Характеризуя галльскую религию поры независимости, мы вынуждены предвосхищать явления и дополнять показания современных историков показаниями надписей и вещественных памятников более поздней эпохи римского завоевания. Подобно пеласгам и другим древним народам Европы, галлы долго не чувствовали потребности воплощать своих богов в человеческом образе[35] и искать для них пластических форм. Но и в позднейших изображениях будет чувствоваться не столько вдохновение национальными верованиями, сколько воспроизведение типов греко-римской иконографии. Впрочем, под классическим обликом можно открыть некоторые оригинальные мотивы. Еще легче отделить в надписях имена галльских богов от чужих. Труднее угадать, что значат эти имена и связанные с ними эмблемы.

Существует и другой источник познания религии галлов: народные предания, доныне живущие в глухих деревнях, мифологический материал, воплотившийся в средние века в поэмах ирландских кельтов. Но им следует пользоваться с крайней осторожностью. Кто скажет, что нанесла на первичную основу работа веков, влияние христианских идей? В общем, мало вопросов, где документы были бы так бедны, и обращение с ними требовало такой осторожности.

Цезарь изображает галлов чрезвычайно суеверными, но это не значит, что они были суевернее греков и римлян. Их политеизм, очень богатый и разросшийся, в основе похож на политеизм других народов. Они обожали силы природы, видя в них сознательные, одушевленные существа, милость которых можно склонить обрядами и формулами. Эти боги были либо чисто местными, либо общими всей Галлии. Многие являлись тем и другим одновременно, ибо местный бог мог расширить круг своих верных благодаря славе своего святилища, и по той же причине великий бог мог приобрести и местное значение.

Отчетливее всего натуралистическая концепция проявляется в культе вод. Многие собственные имена божеств взяты от названий потоков. Иногда последние сами выражают божественные черты. Таковы: Deva (Дева), Diva (Дива), Devona (Девона). Почести воздавались не только рекам, но и озерам, источникам,

ручьям. Многие имена богов являются олицетворением источников. Nemausus (Немаус) — бог — покровитель Нима, есть гений фонтана, являющегося ныне украшением города. Над местными богами возвышаются боги и богини, представляющие вообще действие воды. Знаменитейший из них — Borvo (Борво), Bormo (Бормо), Bormanus (Борманус), чье имя запечатлено в топонимии всех галльских стран (он дал имя многим нынешним минеральным водам: Bourbonneles Bains (Бурбонель Бэн), Bourbon-l'Archambault и т. д.). Галлы бросали драгоценности на клад. Консул Цепион (106 г. до Р. Х.) нашел в ныне высохших озерах около Тулузы множество золота, которое, предполагали, награблено было в Дельфах. Болота доставили нашим археологам богатейшую добычу. Григорий Турский, живший в конце VI века по Р. Х., упоминает о Жеводанском озере, куда жители сходились толпами и с разнообразными приношениями. После торжества христианства источники все же остались целью благочестивых странствий, только христианские часовни сменили галльские святилища.

Вера римлян в гидротерапию содействовала тому, что культ воды жил и после римского завоевания. Труднее найти в надписях следы культа деревьев. Из лесных божеств нам известны только бог Vosegus (Возегус), богини Abnoba (Абноба), Arduinna (Ардуинна). Это — гении Вогез, Шварцвальда и Арденн. И этот культ оставил пережитки, устоявшие против запретов церкви и заставившие ее же освятить его обряды: изображения Св. Девы, помещенные в дуплах деревьев, должны были очистить языческие церемонии. Именно в глубине Шенских лесов (les Chenes), в тени буков, под венками, которыми украшали их ветви набожные руки детей, Жанна д'Арк лелеяла свои грезы и угадала свое призвание. В том же кругу представлений сложился оригинальный, потом изменивший свой смысл, обычай сбора омелы на дубе — пример культа целебных растений. Из них особенно чтились наиболее редкие, и чем чудеснее были условия их произрастания, тем большую им приписывали силу. Странный характер произрастания омелы на дубе объясняет торжественность церемоний ее культа: заклание жертв, белые одеяния и золотые серпы друидов. Для этого торжества ждали первого дня лунного месяца; известна связь, которую все вообще народы находили между фазами луны и другими земными явлениями.

В ряду семейных богов на первом месте стояли те, кого галло-римляне называли матерями — matronae, matres, matrae. Этот общегалльский культ особенно распространен был на юго-востоке и в центре. Отсюда он в римскую эпоху перешел и в рейнскую долину. То было верование простых людей, глубоко укоренившееся в народной душе. Оно наполнило французские музеи надписями, барельефами, терракотами. Богини-матери, обыкновенно в длинных одеяниях, сидят в больших креслах. Лицо их благожелательно, поза полна спокойствия и важности. На коленях или в руках у них корзина цветов, рог изобилия, новорожденные дети. Эти попечительные богини дают и оберегают дар жизни. Они охраняют семьи, поместья, иногда целые города, области, народы. Мы их находим еще в средние века с обликом слегка побледневшим и затуманенным влиянием христианства.

Они появляются всегда потрое, как греческие Парки, как скандинавские Норны, как феи французских легенд. Имя fade — фея, взято из лат. Fatae, и смешение их с богинями-матерями галлов есть результат слияния двух мифологий.

Мы не собираемся дать полный очерк галльской мифологии. Это свелось бы при современном состоянии знаний к простой номенклатуре. Из списка малых божеств, который увеличивается с каждым днем, мы выделяем, ввиду ее популярности, богиню Эпону. Она окружена атрибутами верховой езды и изображается сидящей на кобыле, иногда в сопровождении жеребенка.

Цезарь так перечисляет главных богов Галлии. «Выше всего галлы почитают Меркурия, видя в нем изобретателя искусств, покровителя дорог и путешествий. Они приписывают ему большое могущество в торговых делах. После него они чтят Аполлона, Юпитера, Марса, Минерву. Их они представляют себе почти так же, как и другие народы: Аполлон удаляет болезни, Минерва учит началам ремесел и искусств, Юпитер господствует на небе, Марс руководит войной... Все галлы считают себя потомками Dispäter (Диспатер) (Плутона)».

Каких туземных богов представляет Цезарь под этими латинскими именами? Он этого не говорит, и имеет, вероятно, на то свои основания. Как политик более, чем историк, он желает показать галльских богов заранее готовыми служить лишь отражением римских, и как бы подготавливает таким слиянием обоих национальных пантеонов — сближение самих народов.

Чего не сказал Цезарь, скажут надписи, которые часто соединяют римское имя с кельтским эквивалентом. К сожалению, этот эквивалент не всегда тождествен, что, впрочем, неудивительно, так как имя бога не везде было одинаково, и соответствие двух мифологий точно не установлено.

Пластические памятники иногда поучительнее текстов. Изредка лишь снабженные надписями, они не говорят нам имени бога, но своими атрибутами открывают его природу и функции.

Очень распространена фигура «бога с молотом». Очевидно, это — воплощение Taranis (Тараниса), упоминаемого в известном отрывке Лукана[36]. Taran в кельтских языках означает гром. А гром в представлении многих народов производится молотом. Им вооружен германский бог грома Тор или Доннар, который, впрочем, не только бог гремящий, он вместе с тем благой бог света, раздаятель тепла, создатель жатвы, победитель чудовищ и стихийных бедствий. Те же верования встречаем и в Галлии. Молот, прежде чем стал атрибутом бога, сам чтился, как фетиш. Он представлен на стенах арморикaнских дольменов и шампанских гротов, на галльских монетах, на галло-римских алтарях, вместо надписи. Он появляется под именем ascia[37] в могильных посвящениях и сохраняет поклонников также после торжества христианства. Григорий Турский рассказывает, что Галл, епископ Клермонский (526–553 гг.), предписав процессию во время чумы, нашел дома помеченными буквой tau (Т). Это и есть наш молот. Римляне называли его «галльское tau».

Галльский Таранис более всего сближается с римским Юпитером и в надписях, и в изображениях. Тараниса узнаем мы в божественной фигуре, одетой по-галльски, но напоминающей своими атрибутами «отца богов», причем его скипетр ни больше, ни меньше, как молот, несколько измененный удлинением рукояти.

Юпитер «с колесом» составляет дополнение к Юпитеру «с молотом». Римский Юпитер не только мечет гром, он же зажигает и выводит на небо светило дня. Естественно, что он дал свои черты галльскому богу солнца. Его эмблема — пламенеющий диск, изображен в виде колеса. Оно стало лишь поэтическим символом, но для первобытного воображения оно являлось точным воспроизведением небесного явления. Культ солнца связывался с днями солнцестояния. Из них особенно праздновалось летнее, как можно судить по устойчивости «Ивановых огней». В этих народных празднествах особая роль приписывается колесу-кругу: машут, совершая круговое движение, ветвями и факелами, с громкими криками скатывают с горы горящий соломенный цилиндр и топят его в реке, как бы в знак того, что солнце, достигнув высшей точки, должно отныне спускаться вниз.

Диспатер Цезаря был переведен на Плутона в той его разновидности египетского Плутона-Сераписа, которую популяризировало александрийское искусство, столь глубоко повлиявшее на искусство галло-римское. Он один среди туземных богов получил оригинальный образ, независимый от классических образцов и специально утвердившийся в том северо-западном углу, который и под римским владычеством остался наиболее кельтским. Его имя дано на одном из его изображений. Он называется Cernunnos (Цернунн) — рогатый, с намеком на его ветвистые оленьи рога. Он сидит, скрестив ноги, в позе, напоминающей буддийские божества. Его окружают животные: бык, олень, змея, иногда с бараньей головой, и крыса. Руками он сжимает мех, откуда сыплется в изобилии масса мелких предметов, природа и значение которых остаются неясными. На шее у него ожерелье или повязка. В этих символах нет ничего загадочного. Язык их общеупотребителен: рога — изображение луны, эмблема ночи. Таков же смысл и окружающих его рогатых животных. Что касается пресмыкающихся и подземных — это изображения сил преисподней. Но бог ночи и смерти есть вместе бог скрытых в земле богатств. Отсюда ожерелье (torques) — эмблема роскоши, мех, рассыпающий сокровища. Цернунн — один из самых характерных образов галльского Диспатера. Мы знаем в римскую эпоху Юпитера-Цернунна, покровителя одной похоронной коллегии.

Самым великим богом галлов, по словам Цезаря, был Меркурий. Таким был он до завоевания и таким остался впоследствии, не менее дорогой народу в римской оболочке, как был тогда, когда сохранял еще нетронутым свой кельтский облик. Вотивные надписи, приношения и статуи разной величины и цены, из простой глины и из массивного серебра в изобилии приносились ему населением. Ему воздвигались храмы повсюду, чаще всего на высотах, которые он особенно любил: на вершинах Вогез, Морвана, Оверни. Память о нем вписана в карту

Франции от севера и до юга, от востока до запада в именах Mercurey (Меркурей), Mercueil (Меркуэй), Merecourt (Мерекур). Парижский Монмартр есть «гора Меркурия». В центре Франции культ его расцвел всего пышнее и оставил более всего следов. Здесь на вершине Пюи-де-Дом при Августе выросло знаменитейшее из святилищ бога — храм Меркурия-Арверна, прославившийся по всей Галлии своей величиной, богатством и стечением богомольцев.

Цезарев Меркурий является лишь богом торговли и ремесла. Но любимый бог галлов соответствовал более широкой концепции. Галло-римский Меркурий есть простое подражание классическому типу. Истинная физиономия первобытного бога вскрывается в вещественных памятниках, на которых мы видим его борющимся с Цернунном. То он поражает самого бога, то его эмблему — змею с бараньей головой. Победив его, он отнимает его атрибуты. Вся свита рогатых, ползучих, ночных и подземных вредных животных следует за ним, как бы украшая его триумф. Под его магической рукой само оружие злого духа становится источником благодеяний. Рог, вырванный в сражении, становится рогом изобилия, как рог Ахелоя в руке Геракла. Кроме этих атрибутов, взятых в бою, он имеет свои собственные: плащ, орудие его подвигов, петуха, чей голос возвещает возврат зари, разных птиц, парящих в небе. Здесь обнаруживается не только меркантильный бог римлян. Это — брат греческого Гермеса, вестник утра, рассеивающий стаи звезд. Это один из тех бесчисленных образов, дорогих всякой мифологии, в котором воплощается великая драма физического и морального мира, — вечно оспариваемая и вечно одерживаемая победа света над тьмой и блага над злом.

Кельтского имени цезарева бога Меркурия искали в имени ирландского бога Луга. К сожалению, это имя, довольно обычное в кельтской топонимии, ни в одной надписи не соединяется с именем Меркурия. Но сама гипотеза представляется приемлемой, настолько поразительно сходство двух мифов. Для христианской Ирландии Луг является только героем, одновременно воинственным и мирным, который, воюя, обеспечивает мир. Но человеческая легенда — лишь отражение божественной. Дуализм, проглядывающий в галльской иконографии, ясно обнаруживается в мифологии ирландской, в борьбе Луга и Балара — бога смерти, сына Буар-Айнеха, бога с коровьим лицом, которого сопровождают спутники с козьими головами. У Буара-Айнеха еще два сына, действующих всегда в согласии со старшим и представляющих вместе как бы три новых воплощения отца. Это объясняет трехглавую форму галльского Буара-Айнеха — Цернунна. Впрочем, она свойственна не ему одному. Галлы любили число три, которому, подобно большинству народов, приписывали мистический смысл.

Подобно другим галльским богам (напр., Бормо), Меркурий имел подругу, «паредру» Росмерту. Корень Smer встречается в обозначениях самого Меркурия — Adusmerius (Адусмериус), Atesmerius (Атесмериус). Другое имя его было Ogmios (Огмий). Греческий писатель Лукиан в небольшом трактате, посвященном этому богу, отождествляет его с Гераклом, тогда как все, что он о нем говорит,

соответствует Меркурию. В ирландском культе мы находим Ogme (Огма), совершающего те же подвиги, победы и благодеяния, что и Луг. В Ирландии он является изобретателем огамического письма. Таковы главные фигуры галльского Олимпа. Сведения о них лишь отрывочны. Полной картины представить нельзя.

III. Друидическое жречество[38]

Наиболее оригинальным явлением в религии галлов представляется друидизм. Все народы имели жрецов. Немногие, подобно галлам, выработали духовенство.

Цезарь дает очень высокое понятие о друидах, их организации и власти. Он отводит им много места в знаменитых главах, посвященных учреждениям и нравам Галлии. Но по странному противоречию, он не приписывает им никакой роли в войне за независимость. Само их имя не попадается в рассказе его о ее событиях. Может быть, это сделано им преднамеренно. Подобно тому, как он предвосхищает обращение богов, не желал ли он умолчать о вражде их жрецов к Риму? Невольно склоняешься к такому предположению, когда сто лет спустя видишь их проповедниками восстания против Рима. Если это объяснение неверно, остается только предположить, что картина, нарисованная в VI-й книге комментариев, имела лишь ретроспективное значение, и что друиды уже до завоевания утратили свое влияние и силу.

По галльской версии, друидизм пришел из Британии. Впоследствии именно туда ездили изучать друидическую мудрость у ее источника. Нет основания отвергать это предание. Когда друиды исчезли с континента, Британия осталась их убежищем, и до начала средних веков они жили в Ирландии и Шотландии.

Пределы распространения друидизма не совпадают с границами кельтского племени. Оно охватило Британию, северную и центральную Галлию. Значит, галлы и бриты не унаследовали его из общей колыбели племени, а создали сами или заимствовали у народов, которых они сменили.

Друиды не составляли касты и не передавали по наследству своего достоинства. Они были плотно организованной корпорацией, с избранным главой, который властно управлял всем братством[39]. У них происходили правильные собрания в Карнутских лесах, в центре Галлии, как говорит Цезарь, точнее, в центре друидической Галлии. Их окружали новиции (послушники), долгой выучкой подготовлявшиеся к проникновению духом корпорации и подчинению воле друидов. Они пользовались привилегиями свободы от военной службы и податей.

Цезарь ставит на одном уровне друидов и «благородных», или «всадников». Тем и другим он приписывает исключительные права на почести и власть. Мы знаем по имени только одного друида — эдуя Дивитиака, о нем говорится в комментариях без упоминания этого звания, но друидом именует его в одном месте Цицерон. По Цезарю, Дивитиак — только благородный, подобно большинству знатных (особенно из эдуев), всецело преданный римскому делу.

Друиды не создали религии кельтов, но дали ей ритуал и теологию. Они не строили храмов, не делали идолов в человеческом образе. Их сборные места находились под открытым небом, на вершинах гор, на лесных полянах. Когда римский полководец Светоний Павлин напал на бретонских друидов в 61 году по Р. Х., он предал пламени лес, где они совершали свои церемонии. Невольно напрашивается сравнение с древнейшими религиями Европы, не знавшими ни человекоподобных изображений, ни храмов. Пеласгический Зевс царил на высотах, как и кельтский Меркурий.

Без участия друидов не совершалось ни одного священнодействия ни в семье, ни в общине. В их руках было страшное оружие отлучения (которым в Греции и в Риме распоряжалось государство), притом по отношению не только к отдельным лицам, но и целым народам. Это ставило их в положение судей, и юрисдикция их распространилась на область и публичного, и частного права. Здесь галлы исходили из принципа, общего всем первобытным народам. Государство карало покушения на свою неприкосновенность, но только в тех случаях, когда оно оказывалось непосредственно задетым. Воровство, убийство не преследовались. Сторонам предоставлялось регулировать самим отношения, кроме случаев убийства, налагавших обязательство мести на родственников жертвы. Смуты, порожденные таким положением вещей, наконец начинают тревожить государственную власть, но она выходит из своей пассивности только наполовину, предлагая свое посредничество. Она не будет сама преследовать убийцу, но будет судить его по просьбе преследующих, притом — только тех, которые имеют это право преследования. Такой процесс обыкновенно кончался денежным вознаграждением. Кто не мог платить, подвергался смерти или изгнанию.

Роль, принятая в других местах государством, в Галлии присвоена была духовенством. Галлы помнили время, когда вмешательство жрецов положило конец ужасам частных войн. Они изображали Посидонию в ярких красках драматическую картину того, как друиды бросались в ряды сражающихся, и под влиянием их увещаний оружие выпадало из рук бойцов. Судилище друидов, заседавшее раз в году в стране карнутов, привлекало огромное стечение народа. Они судили дела о наследствах, о собственности, об убийствах, определяли размеры денежных пеней. Племена в случаях споров о границах передавали дела их суду.

Впрочем, вообще в области междуплеменных сношений юрисдикция друидов сделала очень мало, что доказывает вся история Галлии, полная междоусобных войн. Так как она была необязательна, то, вероятно, отдельные государства обращались к ней не всегда, в случаях менее важных, где не были серьезно затронуты их страсти и интересы. Больше значения она имела для частных лиц, хотя и тут не была обязательной. Кроме того, она не имела других принудительных средств, кроме отлучения, чтобы добиться исполнения приговора. Правда, это средство было могущественным; большей силы не имел и средневековый интердикт. Надо заметить еще, что друидический трибунал доступен был то́лько благородным. Клиенты и плебеи судились своими патронами.

Друиды представляли всю науку своего времени, им вверялось воспитание юношества. Их знание, столь преувеличенное древними и новыми историками, на деле было очень скромно и не шло далее искусства воздействовать на невидимые силы, склонять их на свою сторону магическими словами, песнями. С этим друиды соединяли некоторые точные знания, полученные со стороны или открытые путем наблюдения, несколько более систематического, сравнительно с обыденным. У них были астрономические знания, служившие для установления календаря и предсказания будущего. Их астрономия, однако, была только сильно развившейся и весьма сложной ветвью авгурального искусства. Хвалились они и врачебным искусством, — чисто знахарского характера, судя по рецептам, сообщаемым Плинием и аквитанцем Марцеллом (IV в. по Р. Х.).

У галлов сохранялись еще человеческие жертвоприношения — остаток первобытного варварства. Прогрессом здесь было уже то, что боги довольствовались преступниками или военнопленными. Самой обычной была казнь огнем, посвященная богу солнца и совершавшаяся в летнее солнцестояние. Этот жертвенный обряд сохранился, можно сказать, до последних веков; только что людей заменили животные. В Ивановские костры во многих местностях бросали в корзинках кошек, собак, лисиц, волков; присутствие должностных лиц придавало этой церемонии полуофициальный характер. В Париже этот грубый обычай уничтожили при Людовике XIV. Ивовое чучело, которое сжигали в Париже 3-го июля, напоминает колоссальный манекен, в котором когда-то горели человеческие жертвы, посвященные галльскому Молоху.

Выработалось ли у друидов, как уверяли, особое тайное учение? По словам Цезаря, они заставляли учить в своих школах наизусть множество стихов и запрещали записывать их, боясь профанировать излагавшиеся в них истины. Но автор не говорит, чтобы стихи эти заключали что-нибудь другое, кроме сакраментальных неподвижных формул, которые жрецы обыкновенно хранят для себя. Как видно, друиды не делали тайны из своего учения, наоборот, стремились его пропагандировать.

Античные историки особенно подчеркивают у галлов глубокую веру в загробную жизнь. Ею объясняют они их удивительное мужество на войне. Правда, идея бессмертия присуща всей античности, но здесь, в Галлии, проповедь друидов ее привила с особенной силой. Из всех представлений о загробной жизни простейшим и древнейшим является то, согласно которому она продолжается в могиле. Эта мысль — наследие доисторических времен, — ясно выражена в погребальных обрядах галлов. Они погребают с покойником все предметы, которые были дороги ему при жизни. Так их находят в бургундских могилах. На это представление со временем наслоилось другое, не уничтожая его. Друиды, по словам Цезаря, учили, что душа не погибает, а переходит после смерти из одного тела в другое. Вопреки Диодору, эта метампсихоза резко отличается от метампсихозы пифагорейцев, по которой душа переходит только в тела низшей природы, и ей подвергаются только злые, во искупление своих грехов, тогда как добрые парят,

как чистые духи, свободные от телесных уз. Учение друидов не содержит ни этой моральной идеи, ни этих спиритуалистических тонкостей. Телесное воскресение есть участь всех, в нем нет ни возвышения, ни падения, ни кары, ни награды. Оно не уничтожает, а продолжает жизнь человеческой личности, — не здесь, а далеко, в таинственных местах, смутно виднеющихся за западным морем. Так искал Одиссей на краю земли луга, усеянные золотоцветом, где блуждают герои. Так Пиндар относил в даль океана счастливые земли — жилище блаженных.

Видение этого заатлантического Элизия постоянно посещало новокельтические расы и дало их литературе одну из ее любимых тем. В самой Галлии оно породило одну из тех легенд, где странно комбинируется реальное и фантастическое. Для жителей Арморики страна мертвых приблизилась и слилась с западным краем Британии. Переезд туда совершался ночью. Перевозчиками были моряки, посвятившие себя этой погребальной миссии. Они вставали при самом легком шорохе и находили на берегу барки, по виду пустые, но погружавшиеся под тяжестью невидимых путников. Сверхъестественная сила помогает усилиям их весел. Расстояние проходится меньше, чем в час. Слышится голос, возглашающий имена вновь прибывающих, и гребцы чувствуют по уменьшившейся тяжести лодок, что их миссия выполнена.

Друиды объясняли происхождение человека так же, как и его конец, исходя из одного принципа: они считали бога смерти (Dispäter) отцом всех кельтов. Это — идея, общая всем мифологиям. В ней выражено впечатление, производимое вечной сменой, чередованием явлений, которое характеризует жизнь природы. Разве день не выходит из ночи и не погружается в нее? Кормилица — земля не является ли могилой всего? Работа, ведущая к разрушению существ, не подготавливает ли их обновление? Не является ли, стало быть, смерть источником жизни, будучи в то же время ее концом?

Миф принял новую форму, вступил в новую фазу, когда галльский Плутон перестал царить над могилами и перебрался вместе с их обитателями за океан. Друиды различали в галльском населении следующие слои: один туземный, другой — пришедший «с отдаленных островов», третий — с берегов Рейна. В этом заключается своеобразное смешение истины и вымысла. В «третьей группе» отразился исторический факт вторжения кельтов в Галлию. Две первые соответствуют двум представлениям о загробной жизни: земля, первое обиталище мертвых, породила из своего лона первых обитателей страны — автохтонов. Элизий океанских островов послал своих обитателей в мир живых. Те же легенды находим мы у ирландцев. И у них мертвые идут за моря, к старой колыбели нации, а, с другой стороны, оттуда вышел Партолон, чья власть сменила власть туземных вождей.

Цезарь упоминает только о друидах. Другие историки — Аммиан Марцеллин, Страбон, Диодор говорят еще об эвбагах, или гадателях, и о поэтах, или бардах. Разница между эвбагами и друидами неясна. Те и другие руководят жертвоприношениями, вопрошают о будущем, исследуют тайны природы. Вероятно, это

те же друиды, но высшего ранга. Наоборот, функции бардов ясно определены, но неясно их место в жреческой иерархии. Их имя сохранилось в имени бретонских barz (Бардов). Они были аэдами, труверами этого общества, присяжными истолкователями национальной и религиозной традиции. Они рассказывали о приключениях богов и людей, о славе прошлого и настоящего, о подвигах героев и позоре трусов, аккомпанируя себе на арфе или лире (неокельтич. crotta). Их песни были всегдашним дополнением, украшением и радостью пиров, устраиваемых вождями. Они садились подле них, составляли их свиту, пользовались их милостями. Посидоний изображает униженное положение придворного поэта короля арвернов Луэрна. Навряд ли по этому анекдоту можно судить о положении бардов. Страбон говорит нам, что они были на одном уровне с эвбагами и друидами и, если верить Диодору, помогали им в деле умиротворения враждующих.

К бардам относились с уважением всюду, где только они не исчезли перед римской культурой. Они пользовались важными привилегиями в стране галлов. В Ирландии их искусство перешло к так называемым file (филидам). Наследники друидов в их роли судей, а в роли поэтов — наследники бардов, филиды сберегли и передали нам сокровище кельтской языческой литературы. Они делились на несколько классов, по богатству их знаний и искусства. Члены первого стояли наряду с вождями знати. Они имели право на блестящую свиту и занимали почетное место на пирах — в ограде королевских замков (dunns).

IV. Социальный и политический строй[40]

Римляне начертали неприкрашенный, близкий к истине портрет галлов: храбрость, доходящая до дерзости, открытый ум, общительность, словоохотливость и дар слова, — вот их качества. Наряду с этим — слепая запальчивость, непоследовательность в решениях, недостаток твердости в поступках, крайняя изменчивость, полное отсутствие чувства порядка и дисциплины. Известно, что Галлия в момент столкновения с Римом разъедалась внутренними язвами, которые делали из нее добычу врагов. Большинство перечисленных народцев сперва составляли отдельные государства, которые римляне называли civitates. Какие сложились у них формы частного и публичного права?[41]

Хотя значительная часть земель составляла собственность племени-государства, галлы знали и частную собственность, — семейную или личную, нельзя сказать. Принцип семейной собственности исключает завещания. Цезарь упоминает о спорах из-за наследств, которые разрешались друидами, но ничего не говорит о завещаниях.

Организация семьи была очень крепкой. Отеческая власть покоилась, как заметили сами завоеватели, на тех же принципах, что и в Риме. Отец обладал над детьми правом жизни и смерти. Он держал сыновей вдали от себя, пока они были малы, и позволял им общаться с ним публично только тогда, когда они получали

право носить оружие. В Британии Цезарь подметил такой обычай: жители соединялись в группы по 10–12 членов, — часто братья, иногда отцы с сыновьями, и брали жен сообща. Таких браков не знала Галлия, но полигамия допускалась, вероятно, она была роскошью вождей.

Подчинение женщины было полное. Отец семьи имел над ней те же права, что над детьми. Когда умирал важный человек, семейный трибунал, при малейшем подозрении в виновности, подвергал пытке жен покойного. Навряд ли женщины могли входить в друидическое жречество. «Девы острова Сены», «вакханки намнетов», по-видимому, представляют чистую выдумку греков. Гадалки, о которых упоминают в III веке по Р. Х. под именем друидесс, действовали в области Рейна и связаны с германскими пророчицами. Велледа Тацита жила в Германии, а не в Галлии[42].

В некоторых отношениях, однако, положение женщин представляется довольно благоприятным. По Цезарю, муж не покупал жены, она приносила ему приданое. К нему он прибавлял равную часть из своих средств; это имущество вместе с нараставшим доходом оставалось неприкосновенным и доставалось тому из супругов, кто переживал другого. На каких, однако, условиях могла быть собственницей супруга и вдова? Кельтское право, вытесненное в Галлии римским, продолжает развиваться у островных кельтов, и там, может быть, развивались дальше указанные только что зародыши женского права. Из юридических и литературных документов Ирландии видно, что дочь может наследовать вместо сына, что женщина может быть равна мужчине и возвыситься до положения вождя племенной группы, если ее состояние равно или больше состояния мужа. Как собственница земли, она должна ее защищать, — вот почему в некоторых случаях верховная власть в войне и мире вручается женщинам. Королева Боадиция, которая руководила борьбой с римлянами в 61 году по Р. Х., не была исключением. Галльская женщина не возвышалась до подобного почета. Однако и она могла быть косвенно влиятельной, о чем свидетельствуют факты заключения браков для укрепления политических союзов.

Галльское общество представляется резко аристократическим. В Галлии, по словам Цезаря, только два класса являлись обладателями власти и почета: друиды и всадники (equites). Друиды не занимают много места в рассказах Цезаря. Всадники фигурируют в них на первом плане. Выразительно само их имя: в Риме, как и в Греции, в феодальном мире, как и в античной общине, конная служба была привилегией богатых и знатных. Первенствующая роль в войске, состояние, рождение обусловливали престиж всадников. Эта немногочисленная знать держала в суровой зависимости низшие классы.

Начало частного покровительства встречается в истории под различными формами и именами, существует в разных обществах, правильно развивающихся или разлагающихся; оно проявляется всегда, когда государственная власть не стоит на высоте задачи, неспособна гарантировать безопасность личности, — потому ли, что она еще непрочна, или потому, что начинает слабеть. Маломощные

и бедные теснятся вокруг могущественного и богатого. Они ждут от него защиты и взамен предлагают свою помощь в войне и мире. Нигде, однако, покровительство не играло такой роли, как в Галлии. Оно было самым сильным и самым жизненным из всех учреждений, в некоторых отношениях более жизненным и сильным, нежели само государство. Благородного галла всегда следует представлять себе окруженным множеством людей, подчиненных его патронату в той или иной степени. В самом низу социальной лестницы подчинения стояли рабы. Гельвет Оргеторикс, крупнейший собственник в стране, имел их до десяти тысяч. По этому примеру можно судить о средних и меньших владельцах. Положение рабов слагалось, по-видимому, так же, как и везде в древности: они не служили в армии, кроме исключительных случаев, — и тогда они получали свободу. К такой чрезвычайной мере прибег сенон Драп во время восстания 52 г. Впрочем, рабов освобождали и индивидуально.

Выше рабов стояли амбакты, которых римляне называли клиентами. Лишь немногие из простого народа избежали клиентелы и сохранили независимость. Нужно ли представлять себе таких «свободных» в виде тех авантюристов, которые первыми сбежались на призыв Верцингеторикса? Или, может быть, это были первые элементы начинавшего создаваться среднего класса, обогащавшегося промышленностью и торговлей с началом обмена и прилива чужеземной предприимчивости? Во всяком случае, громадное большинство плебса состояло из клиентов. Три причины, по словам Цезаря, толкали их в клиентелу: притеснения сильных людей, долги и податной гнет. Слово tributa позволяет думать, что речь идет о земельном налоге. В таком случае тут разумеются мелкие собственники, отказавшиеся от права собственности, чтобы не нести связанных с нею тягот. Должники — obaerati, составлявшие довольно многочисленную категорию среди клиентов, были людьми, закабаленными за неоплаченные ссуды. По-видимому, они попадали в положение, аналогичное положению римских nexi, обязанных работой в пользу заимодавцев. Может быть, они получали взаймы деньги, а скорее всего, — скот и землю. Среди них могли быть такие, которые не имели ничего, кроме того, что получили взаймы. Это были не разоренные собственники, а держатели земли от других, высших. Слово obaerati иногда имеет именно такой смысл у латинских писателей той эпохи. Цезарь говорит, будто патрон пользовался над клиентами теми же правами, что и господин над рабами, однако же он сам различает клиентов и рабов. Очевидно, сходство было не абсолютное.

Клиентела приобретала несколько особый, более высокий характер, когда она заключалась в виду военных обязательств. Это не значит, чтобы клиенты вообще были свободны от воинской службы, но среди них были такие, для которых она являлась специальным ремеслом.

В 56 году до Р. Х. Красс в походе против аквитанов встретил у сотиатов отряд в шестьсот воинов, которые на языке этого народа назывались soldurii. Эти люди были привязаны к своему вождю обетом, за верность которого ручались боги. Они были беззаветно преданы ему в счастьи и несчастьи, жили от его даров

и стояли на положении друзей. Если он умирал, они должны были умертвить себя над его телом. Такая клиентела в форме военного товарищества существовала и у всех иберских народов. Она встречается у германцев, где цезаревых солдуриев напоминают тацитовы comites; она знакома была и галлам. Полибий, описывая нравы цизальпинских кельтов в III веке до Р. Х., употребляет слова «гетерия» или «товарищество», характеризуя отношения вождя к его свите. То же выражение встречаем в комментариях Цезаря. Тревир Амбиорикс, захваченный в своих владениях римской конницей, спасается благодаря верности своих «товарищей», своих «близких» — comites familiaresque eius. Арверн Литавик после поражения его войска бежит в Герговию, и его сопровождают клиенты, «так как преступно и нечестиво (nefas) покидать патрона в опасности». Все эти клиенты, товарищи, familiares, преданные до смерти, образующие дружину вождя — не держатели его земель, не сельские работники: это воины, которых патрон оплачивает и содержит на свой счет.

Система покровительства является и следствием, и причиной бессилия государства. Неизбежный антагонизм между государством и независимыми патронатными организмами обрекал галльскую civitas на постоянную анархию, на непоправимую слабость.

Civitas — государство, народец, обладала центральным правительством, но не составляла вполне однородного и сплоченного целого. Она включала известное число подразделений, округов, волостей, которые назывались по-латыни pagi (паги) и могли быть довольно обширны: civitas гельветов, равнявшаяся, по крайней мере, двум третям теперешней Швейцарии, насчитывала только 4 пага. Под ними следует разуметь мелкие племена, которые своим соединением создали civitas, но не отказались от всякой самостоятельности, не отрешились вполне от своей племенной индивидуальности. Паги арвернов образовали отдельные отряды в армии Верцингеторикса. Паги моренов разделились по вопросу об отношении к Цезарю: одни отправили послов, чтобы выразить покорность; другие воздержались от этого. Два гельветских пага отделились от тела нации и присоединились к походу кимвров и тевтонов против римлян. Инсубры и вертамакоры считались отделившимися от пагов эдуев и воконсов[43].

Непосредственно перед римским завоеванием монархическая форма управления сохранялась у галлов только в виде исключения. Из 50 вождей, упоминаемых в комментариях Цезаря, восемь носят титул королей, и из этих восьми три были узурпаторами. Только у арвернов сохранилась древняя королевская власть. Она была окружена большим блеском и опиралась на народное сочувствие. Король Луерн называется у Посидония «демагогом». Не демократия низвергла старую монархию, и не она воспользовалась ее падением. Эта революция была в Галлии, как и в других странах, делом аристократии.

Civitas управлялась «магистратами». Цезарь употребляет именно это слово, которое заключает идею временной власти, вытекающей из избрания. Были магистраты низшие и один высший над ними. Высший назывался вергобретом

у эдуев, лексовиев, сантонов и, вероятно, у других народцев. У эдуев он избирался на год, формальности избрания установлены были с большой мелочностью. Оно происходило в определенный день, в определенном месте, под председательством выходящего вергобрета. Если в государстве почему-нибудь не было в данный момент магистратов, избрание организовалось жрецами. Это единственный известный нам случай прямого вмешательства друидов в политическую жизнь.

Страбон сообщает, что каждая civitas в случае войны, независимо от обыкновенного магистрата, избирала полководца на вече. Ниже мы увидим, что следует думать об этом «народном избрании». Но сам по себе факт разграничения военной и гражданской власти подтверждается относительно вергобрета эдуев сообщением Цезаря, что он не смел покидать территорию своей civitas, значит, не мог совершать походов. Цезарь приписывает вергобрету право высшей уголовной юрисдикции. Само слово «вергобрет», кажется, значило «судья».

Упоминается иногда о лицах, которые занимают «принципат» или спорят из-за него. Речь идет в этом случае не о высшей магистратуре: Эпоредорикс и Виридомар спорят из-за принципата у эдуев, выдвигая каждый своего кандидата на пост вергобрета. Речь идет иногда об одном «принцепсе», иногда о нескольких. Эти последние, число которых не устанавливается точно, очевидно, только важнейшие граждане: они представляют Цезарю заложников, сообщают ему о настроении народа. Под именем принцепса, очевидно, подразумевается виднейший из знати, но это фактическое первенство санкционировалось и официально, и служило предметом соперничества. Принцепс мог быть главным полководцем, как, например, Сингеторикс у тревиров и Седулий у лемовиев, но Вертикс, принцепс ремов, командовал только конницей.

Главный источник власти покоился в так называемом сенате: он назначал магистратов, решал вопрос о войне и мире, давал направление всем делам. Число сенаторов могло быть довольно велико. У нервиев оно доходило до 600. Мы не знаем, как их избирали. У эдуев запрещалось членам одной семьи заседать в нем одновременно, точно так же, как занимать одновременно две магистратуры. Отсюда можно судить, что сенат являлся органом всей знати. Вероятно, каждая знатная семья имела в нем определенное место.

Порядок в собраниях этих сенатов поддерживался мерами, которые обличают грубость нравов. Особому должностному лицу, вооруженному мечом, поручалось обуздывать нарушителей тишины. Заседания происходили на открытом воздухе (галлы не умели строить обширных помещений) или под легким кровом в специально назначенных для этой цели местах. Место собраний сената эдуев, по-видимому, недавно открыто в Бибракте. Это широкая эспланада, окруженная глубокими долинами. Почва искусственно сравнена на пространстве в 90 метров ширины и 150 метров длины. В центре поднимается как бы платформа из естественной скалы в 4 метра высоты и 9 метров ширины. По преданию, здесь проповедовал св. Мартин. Историк имеет право предположить, что тут находилась

трибуна Верцингеторикса. Навесы, сооруженные на некотором расстоянии, могли прикрывать колесницы вождей, созывавшихся ко дню собрания в oppidum.

У галлов практиковался прямой налог (tributum), главная тяжесть которого падала на простонародную массу. Взимались и косвенные, которые Цезарь называет portoria и vectigalia. Portoria — дорожная, таможенная пошлина. Венеты собирали ее с судов, вступавших в их гавани, альпийские племена — с купцов, проходивших через их горы. Vectigal означало вообще косвенный налог, а частные — налог за эксплуатацию общественных земель. Все эти налоги, как и в Риме, отдавались на откуп, и сильные люди, откупая их по дешевой цене, строили на этом свое обогащение. Эдуй Думнорикс рассчитывал таким путем собрать нужные средства для осуществления своих честолюбивых планов.

Галльская civitas не имела постоянной армии. В случае войны созывали то, что Цезарь называет concilium armatum — вооруженное собрание, куда входили все, способные носить оружие. Но контингент действующей армии был точно определен, остальные шли в резерв. Особенно хороша была конница. Пехота, набранная из плебса и легко вооруженная, представлялась менее надежной. Чувствовался недостаток дисциплины и военных знаний. Войско делилось по областям или по вождям патронатных союзов (т. е. уже по феодальному принципу). Единство достигалось общим полководцем и начальником конницы.

В области юстиции, как мы уже говорили, слабость государства вела к усилению авторитета трибунала друидов и развила режим покровительства. Так как друиды судили только знатных, то для плебеев клиентела была единственным средством ограждения личности и имущества.

V. Борьба внутри государств (civitates) и между ними[44]

В распространении союзов частного покровительства с его крайностями и злоупотреблениями крылось достаточно условий для возникновения смуты внутри государств. Для знатных слишком силен был соблазн становиться выше законов. Сенат и магистратура, действовавшие под давлением одного человека, какого-нибудь Оргеторикса или Думнорикса, — вот картина, сразу поразившая Цезаря. Порою за власть спорили двое, вызывая междоусобную войну[45]. Нет государства, которое, по словам Цезаря, не раскалывалось бы надвое. Нет волости, деревни, дома, где не кипел бы дух вражды и разделения. Зло обострялось общим состоянием брожения Галлии накануне завоевания. В таком возбуждении открывалась благоприятная почва для замыслов честолюбцев.

Мы описывали управление галльской civitas, не упоминая о массе простого народа: она не принимала в нем никакого участия, занимая, по словам Цезаря, положение вполне зависимое. У галлов не было ничего похожего на народное собрание. Время от времени народ созывается знатью, и ему делаются сообщения, но он не смеет ни рассуждать, ни голосовать. Чаще всего его совсем устраняют от общественных дел. Важные новости сообщались прямо магистратам. Всякое

обсуждение их вне сената запрещалось. Может быть, такое положение было не правом, а фактом. Но олигархическое правление и бессилие народа являлись общераспространенным порядком.

Впрочем, в других местах у того же Цезаря «плебс» рисуется не презренным косным стадом, а силой, с которой приходилось считаться, которая могла составить противовес установившейся власти, сбросив ее и стать на ее место. Это — противоречие фактов, а не мысли историка. Юридически плебс ничего не смеет, но иногда он стремится выйти из своего приниженного положения, и порою настолько успешно, что овладевает государственной властью.

Движение это проходило по Галлии из конца в конец. Мы не знаем, искала ли масса политической власти или материального улучшения, но видим, что, добиваясь победы, она рассчитывает не на свои силы. Она ждет толчка извне, ищет освободителей в рядах своих владык и тиранов. Так образуется между низшими классами и перебежчиками из аристократии союз, целью которого было восстановление монархической власти. Память о ней была так же дорога плебсу, как ненавистна знати. Там, где она удержалась, она служила страстям толпы, — в чем признавался Цезарю Амбиорикс, законный король эбуронов. Если в таком положении оказалась наследственная монархия, — каково же было бессилие тех случайных властей, которые могли поднять и низвергнуть одни и те же руки!..

Среди подобных претендентов на корону нам особенно хорошо известен эдуй Думнорикс. Он был «принцепсом», но метил выше. Чтобы добыть необходимые средства, он в течение нескольких лет откупал сбор налогов по низкой цене, причем никто не осмеливался ее повышать. Разбогатев, он мог щедростью привязать к себе простонародье и содержать большой отряд конницы. Его происки пошли вширь и захватили большую часть Галлии. Между честолюбцами разных civitates создавалась солидарность, проявлявшаяся во взаимной поддержке. Думнорикс склонил на свою сторону битуригов-кубов, выдав свою мать за одного из их вождей. С вождями других народов он породнился через сестру и других родственниц. Сам он стал зятем Оргеторикса, который замышлял то же у гельветов, и толкал на ту же дорогу Кастика, сына последнего короля секванов. План его уже созрел, но ему помешало противодействие римлян.

Верцингеторикс был также, подобно Думнориксу, искателем королевской власти. Уже отец его Целтил пытался восстановить у арвернов в свою пользу трон Луерна и Битуита. Он не достиг этого и погиб на костре, оставив в наследство сыну завет мщения и преданность своих сторонников. После долгих лет уединения и безмолвия юноша собрал своих клиентов и зажег их своим словом. Изгнанный из города сенатом, он прошел деревни; во главе вновь образованного отряда он вернулся, изгнал своих противников и провозгласил себя королем. До сих пор его история представляет довольно обычное приключение. Но местное движение, с которого она начинается, станет для Галлии сигналом борьбы против чужеземцев.

Спор между аристократией и демократией занял все галльские civitates, поглотил их внимание и силы, когда появление на сцене Цезаря поставило перед каждой из них вопрос об их независимости. О ней мало думали, и когда, наконец, опасность стала ясна для самых близоруких, этот высший интерес все же плохо соединял сердца. Партия продолжала свои распри на глазах римлян. Они звали или отталкивали Цезаря, смотря по тому, могли ли рассчитывать на его поддержку для себя. Симпатии аристократии были на стороне Рима. В нем блестяще воплощался дорогой для нее строй. Брешь, пробитая в прежней римской конституции новыми событиями, была не видна издали и не разрушала общего впечатления постройки: богатым классам принадлежала власть, через сенат они повелевали народом. По тем же основаниям демократы ничего не ждали от Рима. Они не были разборчивее своих противников и не задумались бы, признав со своей стороны германцев, но германцы были тогда менее грозными врагами. Силой вещей красивая роль досталась им. Их интерес оказался в согласии с долгом, и их дело слилось с делом отечества.

Цезарь верно схватил положение вещей. Перечисляя причины восстания 57 года, он указывает на вражду претендентов, дело которых было проиграно в случае торжества римлян. Действительно, среди них он встретил самых страшных врагов: эдуя Думнорикса, тревира Индутиомара, арверна Верцингеторикса. Он не отказывался в принципе от их союза: политика его была слишком гибкой, обстоятельства слишком изменчивыми, чтобы он стал руководиться абсолютными правилами. Он искал дружбы Верцингеторикса, не пренебрегал ничем, чтобы привязать Амбиорикса, вождя эбуронов; он заставил сенонов и карнутов принять потомков их старых династий Каварина и Тасгета. Но из всех, кто занял трон или рассчитывал на него, только эти два остались ему верны до конца.

Монархия казалась галлам непременной формой демократии, а вражда между демократией и Римом была неизбежна. Победа над ним всегда совпадала с подъемом народа, поражение — с аристократической реакцией. В 56 году лексовии, аулерки, эбуровики начали во всех трех государствах избивать членов своих сенатов, так как они отказались воевать с Римом. Когда римляне одолели восставших, знать явилась к победителю и свалила ответственность за происшедшее на народ: крушение нации не казалось ей дорогой ценой за восстановление ее собственной власти.

Цезарь завоевал Галлию при помощи галлов. Его легионы набирались большею частью в Цизальпинской и Трансальпинской Галлии, которой он управлял и жители которой, привыкнув служить в римских армиях, не чувствовали солидарности с людьми той же расы на берегах Сены и Луары. Но и эти последние доставляли ему поддержку. В каждой общине он мог найти союзников и агентов среди самых знатных. Они удерживали или приводили в повиновение свои народы. Пиктон Дураций, нервий Вертиск, тревир Сингеторикс были римскими шпионами. Арверн Эпаснакт предал завоевателю и палачу геройского города Укселлодуна его защитника кадурка Луктерия. Борцы за независимость встречали

врагов и предателей среди своих близких: Сингеторикс был зятем Индутиомара, Дивитиак — брат Думнорикса, был путеводителем и поверенным Цезаря. Дядя Верцингеторикса изгнал его из Герговии.

Армии, боровшиеся с Цезарем, были сплошь демократические. Цезарь говорит о них с презрением, как о скопище разбойников и бродяг, брошенных в лагерь отвращением к труду и страстью к грабежу. Конечно, надо учесть патрицианскую и римскую спесь Цезаря, надо подумать о гневе великого полководца, у которого не раз эти банды отнимали победу. Но была и доля истины в обидных его описаниях. Беспорядочные массы, набранные из подонков общества, должны были являть странный вид рядом с легионами Цезаря. Решившись воевать, они избирали вождя. Этим объясняется ошибка Страбона, который, приняв революционный акт за норму, приписал плебсу право избирать полководца. Но этот вождь, избранник своих солдат, обладал слабой властью. Подозрения и обвинения, объектом которых он себя постоянно чувствовал, были одной из больших трудностей, опутавших предприятие Верцингеторикса.

У Цезаря есть строчка, кидающая грустный свет на общее состояние Галлии. Редко минет год, говорит он, без того, чтобы какое-либо государство не вооружалось для нападения или отражения своих соседей. Итак, в семьях, общинах и между общинами свирепствовала непрерывная война.

Свойственно ли было галльским племенам что-нибудь вроде общегалльского патриотизма? — И да, и нет. Для галла, как и для грека, отечеством была его civitas. Вместе с тем общность расы, нравов, языка и религии, не препятствуя галлам враждовать между собой, все же заставляла их чувствовать друг друга не совсем чужими. Отсюда пробудится, наконец, нечто вроде более широкого патриотизма под повторяющимися ударами завоевателей.

Интересно проследить за развитием и ростом этого чувства. Сперва начинаются местные или областные движения без предварительного сговора, без общего плана, но постепенно создается соглашение, усилия координируются и растут. В 54 году половина Галлии поднялась: эбуры, тревиры, нервии, адуатики, сеноны, карнуты, дальняя Арморика берутся за оружие; другие заявляют готовность примкнуть. Амбиорикс — душа заговора. Совершенно новым языком заговорит он с послами Цезаря. Речь идет о предприятии, в которое вошла вся Галлия. Пришла пора отвоевать свободу! «Какой галл откажет в помощи галлам?». Памятные слова, которые зазвучат с еще большей силой в устах Верцингеторикса! Они взволнуют нацию, но... они увлекут ее не всю и ненадолго. Помощь, оказанная вождю арвернов, будет не единодушной, не без отступлений и не без задних мыслей. Народы, увлеченные этим порывом, скоро о нем пожалеют, вернутся к близорукой политике, и когда эгоизм маленьких государств присоединится к партийному, — «галльское отечество» после короткого дня блестящей жизни умрет навсегда.

Галлы выработали некоторые федеративные учреждения, но их соединения были обыкновенно частичны, всегда непрочны и часто навязывались насильно.

Они основывались не на равенстве сторон, а на принципе клиентелы, перенесенном на международные отношения. Степень зависимости клиентов — государств была различна. В одних она доходила до полного подчинения. В таком подчинении находился, например, ряд племен по отношению к арвернам. Другие сохраняли военную и политическую независимость и составляли часть лиги, главой которой было господствующее государство. Эдуи стояли в таком отношении к битуригам-кубам, сенонам, паризиям.

Когда несколько государств подготавливали совместное предприятие, они избирали послов, которые собирались на общие совещания. Так поступили белгские civitates в 57 году, когда нужно было отразить римлян. Почти все государства были представлены в 52 году в Бибракте на конгрессе, созванном Верцингеториксом. Это случайные соединения, которые не следует смешивать с собственными конфедерациями.

Народ, сгруппировавший вокруг себя большое число клиентов, получал гегемонию. Из-за этого также происходило немало смут в Галлии. Таких народов, которые могли бы стремиться к гегемонии, было немного: в Белгике — нервии, еще больше — тревиры и в особенности суэссионы. Казалось, будущее принадлежало им. Политика Цезаря и влияние Рима откололи от этого объединения племя ремов, бывших до той поры клиентами суэссионов. Их измена переменила роли, и суэссионы перешли на положение клиентов.

Белгика представляла самостоятельное тело, однако и она в течение некоторого времени была подчинена арвернам — первому государству Кельтики во II веке до Р. Х. Им некогда подчинялась большая часть народов от Пиренеев до Океана и Рейна. Господство арвернов пало в 121 году после победы римлян, но о нем сохранилась память, которую Верцингеторикс хотел сделать действительностью.

Эдуи были соперниками и наследниками арвернов. Опираясь на массив Морвана (как арверны — на Центральное Плато), на скрещение долин Сены и Луары, они господствовали над ними через сенонов и битуригов-кубов. Через сегузиавов они прикасались к Роне и Севеннам. Они распространили свое влияние на Белгику через союз с белловаками, но их теснили с боков секваны, верные арвернам, а на юге им грозили гельветы.

По пути клиентелы Галлия шла к объединению. Арверны на время его осуществили. Возможно, что наступил бы момент, когда какое-нибудь племя, более ловкое и счастливое, утвердило бы его прочно. Но для этого нужно было время и спокойствие, а непрерывное соперничество между двойной грозой Германии и Рима было вечной причиной слабости, дверью, открытой чужеземному вторжению: к нему прибегали государства и партии. Арверны бросили на эдуев банды Ариовиста, эдуи призвали легионы и ввели Цезаря в Центральную Галлию. Годом позже ремы, из ненависти к суэссионам, открыли ему доступ на север. Единство, которого Галлия не достигла в пору независимости, установлено было силой завоевания.

ГЛАВА II
РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

I. Завоевание и организация Трансальпинской Провинции (154–58 до Р. Х.). — II. Походы Цезаря (58–50 до Р. Х.). — III. Характер и следствия завоевания. — IV. Восстания в I веке по Р. Х.

I. Завоевание и организация Трансальпинской Провинции (154–58 до Р. Х.)[46]

Добрые отношения кельтов и греков были особенно выгодны Марселю. Кельты, став господами Испании, избавили город от соперников карфагенян и очистили для него поле деятельности между Пиренеями и Гибралтаром. Они воздержались от захвата побережья, как ранее, — Ронского бассейна. Их помощь сделала возможными путешествия Питея. К тем же результатам привело вторжение кельтов в Италию. Когда они закрыли для этрусков торговые пути между Рейном и Адриатикой, ими овладели марсельские купцы и распространили свои монеты в долине По, итальянском Тироле, южной Швейцарии.

Мы видели, как в III веке нарушилось это согласие и на востоке, и на западе[47]. Ронский бассейн был захвачен кельтами, как и Эллинский полуостров. Новая опасность вставала для массалиотов. На севере их теснили кельты, на юге им угрожал могущественный рост карфагенской державы. Их колонии в Испании падали одна за другой под ударами Гамилькара и Гасдрубала (236–220). Чтобы справиться с этими затруднениями, нужна была поддержка Рима. Так создался союз, который должен был кончиться подчинением более слабой Массалии и завоеванием Галлии римлянами.

Вторая пуническая война подвергла испытанию преданность Марселя и впервые обратила внимание Рима на трансальпинских галлов. Ганнибал выбрал путь в Италию через Альпы отчасти именно потому, что на море грозил ему сильный флот массалиотов, тогда как на побережье население было подкуплено пуническим золотом. Но в устье Роны преобладало влияние массалиотов. Они предупредили сенат, приняли армию Сципиона и расположили отряд вольков-арекомиков на левом берегу реки. Приморский путь был заперт, и только после многих круговых маршей, преодолев невероятные трудности, Ганнибал спустился в долину По. Когда Испания станет театром войны, Марсель снова примет в ней участие, обеспечивая доставку легионов[48].

Поражение и нападение Карфагена открыло для Марселя все торговые пути Запада. Защита Рима дала ему возможность вполне отдаться своему торговому призванию; она же, однако, отучила его от войны. Постепенно равновесие сил двух могущественных союзников нарушалось. На этом пути Марселю грозило падение.

В 154 году он просит помощи сената против оксибов и дециатов, напавших на Антиб и Никею. Посланный сенатом консул Опимий отвоевывает захваченную территорию и возвращает ее Марселю с одним условием, чтобы массалиоты охраняли путь в Испанию. В 126 году новые жалобы вызваны вторжением саллувиев. Но в этот момент настроение Рима было иное. Стоявшая у власти партия Гракхов выдвигала программу расширения территории, широкой колонизации, распространения латинской цивилизации. Защищать массалиотов послан был горячий приверженец этой программы, консул Фульвий Флакк. Долина Роны, где он открыл военные действия, казалась ему прекрасным полем для ее применения.

В войну вовлечен был ряд племен: лигуры, саллувии, воконтии, соседи их аллоброги и покровители последних, могущественные арверны. Против всех этих врагов сенат искал союзников и нашел их в эдуях, дружба которых с Римом оказалась столь гибельной для кельтской независимости[49]. В сражениях при Виндалии и Изаре (121 г.) консул Фабий Максим и консуляр Домиций Агенобарб разбили кельтов, и король арвернов Битуит, захваченный предательством, украсил собою и своей серебряной колесницей триумфальную процессию римских полководцев.

По-видимому, именно в это время была образована провинция, названная Трансальпинской Галлией, которая включила все вышеупомянутые народы, кроме арвернов.

Главный смысл этих завоеваний Рим видел в обеспечении сношений с Испанией. Домиций, оставшийся проконсулом в Испании, прежде всего укрепил дорогу, по которой некогда шел Ганнибал. Так создалась via Domitiana (дорога Домиция), для прикрытия которой еще присоединены были вольки-тектосаги и часть рутенов. Граница, отодвинутая, таким образом к западу, шла затем на Севенны, подходила к Роне, у впадения Соны, и шла вверх по ней до выхода ее из Леманского озера. Далее она следовала по линии Альп до Вара и моря. В последней части ее, конечно, трудно было урегулировать. Глубокие альпийские долины, почти неизведанные, нескоро дождались римских воинов.

Обширная область устроена была неодинаково. Тут установилась целая иерархия отношений, которая позволяла, во-первых, соразмерять требования и милости по отношению к подчиненным с благонамеренностью каждого из них и, во-вторых, разбить их интересы, чтобы тем укрепить свою власть.

В самом лучшем положении находились союзники (civitates federatae). Они сохраняли свое управление, земельную собственность, свободу от земельного налога, зато они обязаны были доставлять помощь людьми, кораблями, деньгами, отказывались от всякой инициативы во внешних сношениях, склоняясь всегда перед maiestas populi romani (величием римского народа), т. е. его верховной властью.

Особое положение в данном ряду занимают массалиоты. Они рукоплескали и содействовали римским победам, за что и заслужили милости. Дважды уже их

владения округлялись за счет соседей. Великодушие победителей шло дальше. Помпей (77–72 гг.) дал им земли саллувиев, Цезарь в 58 г. — земли вольков-арекомиков и гельвиев. Эти подарки сделали их господами всей нижней долины Роны до того места, где ее сжимают горы Дромы и Ардеши.

Не столь благосклонно отнеслись к другим, недобровольно отдавшимся Риму. С ними не договаривались, как с равными (aequo iure), как с Марселем. То были союзники, подчиненность которых выделялась гораздо сильнее. В таком положении находились вольки-тектосаги, быть может, и арекомики, не упоминаемые среди племен, покоренных Домицием и Фабием. Права союзников были отняты у тектосагов в наказание за их измену в кимврской войне 106 г. Они были дарованы воконтиям, вероятно, Помпеем в 77–72 годах.

Все эти государства не входили в собственно Провинцию и не подчинялись власти проконсула. Она обнимала лишь стипендиариев, уплачивавших, помимо всех тех обязательств, которые несли союзники, еще stipendium, понимаемый как земельный налог, который собирается с держателя земли в пользу ее законного владельца. Stipendium всегда являлся характерным признаком состояния подчинения. Таким образом, стипендиарные племена подчинялись всей суровости законов завоевания и сохраняли частные и публичные земли только на прекарном праве: что оставляла им милость победителя. В таком положении, за немногими исключениями, были все народцы — civitates в границах Трансальпинской Галлии. У них терпелось племенное управление: оставались свои князья, имена которых фигурируют на монетах.

Римские поселения были довольно редки в Галлии. Политика Гракхов потерпела крушение: система колонизации осталась в проекте, впрочем, на почве Галлии она получила некоторое осуществление. Лициний Красс (118 г.) добился от сената выполнения последнего желания Гая и основал Нарбоннскую колонию — Narbo Martius, по имени бога, которому она была посвящена. Несколько сот римских граждан, поселенных здесь, стали проводниками латинской культуры. Город, стоявший на пути в Испанию, достаточно далеко от соперничества Марселя, быстро развился. К сожалению, он был одинок, и влияние его слабо. Крепостей также было немного. Мы знаем только две: одна у Тулузы, прикрывавшая Нарбонну, другая — там, где в 124 году консул Секстий Кальвин после победы над саллувиями оставил небольшой гарнизон. Место оказалось выбранным удачно: оно господствует над долиной, соединяющей Нижнюю Рону с лигурийским приморьем и переходит в плодородную долину с теплыми источниками, откуда сама крепость получила имя Aquae Sextiae (Воды Секстия). В описываемый момент она была только лагерем, а не городом, не колонией и не являлась очагом света для окружающих варваров.

Победоносная олигархия наложила руку на управление Трансальпинской Галлией. Сенат, руководимый узкой эгоистической политикой, видел в этой прекрасной стране, которую партия реформаторов лелеяла для будущего, только место для фуражировки и пополнения армий, материал для удовлетворения

жадности римских полководцев, администраторов, купцов. Некоторые галлы получили право гражданства, но в этих мерах не видно никакого общего плана, никакой тенденции к ассимиляции. Эллинизм господствовал по-прежнему на побережье, и только в одном уголке западного берега, в Нарбонне, приютилась латинская культура. Налагая свою власть, Рим не проявил себя никаким благодеянием: ни преимуществами высшей культуры, ни благами мира, он давал себя знать только режимом гнета и террора, который не оставлял подчиненным иных средств освобождения, кроме оружия. По этому вопросу есть интересный памятник — речь Цицерона в защиту Фонтея, правившего Трансальпинской Галлией от 79–76 гг. и обвиненного населением в хищениях. Адвокат не пытался оправдывать своего клиента: он просто отрицал факты, но отрицая, не мог не цитировать их. Он отрицал их потому, что отвергал единственное показание, могущее пролить свет на них — свидетельство пострадавших, мотивируя свое мнение риторическими ссылками на «наследственную вражду».

Галлы страдали не только от движения армий, от реквизиции, сборов, требований солдат и вождей, взысканий наместников, — все это было бы еще сравнительно немного. Едва присоединялась новая провинция, весь мир капиталистов в Риме приходил в движение, на страну спускалась целая туча спекулянтов: одни откупали общественные работы, поставки, налоги, другие — эксплуатацию конфискованных земель, полей и пастбищ; все, наконец, пускались в ростовщичество, которое запрещалось в Италии, но разрешалось в провинции, где именно поэтому можно было особенно выгодно отдавать в ссуду даже крупные суммы, взятые в Риме взаймы. Провинциалы, разоренные войной, экспроприацией, вынужденные, кроме обычных, уплачивать чрезвычайные и притом все растущие поборы, неминуемо попадали в эту сеть. Стремясь добыть денег какою угодно ценой, они запутывались в долгах, на которые еще нарастали проценты, и доходили до полного обнищания.

Правителю провинции трудно было с этим бороться. Спекулянты оказывались всемогущими. Они были крепко организованы в пределах самой провинции, находили поддержку и прикрытие один в другом. Кроме того, они принадлежали к тем громадным компаниям, которые эксплуатировали мир, главные руководители их, сидя в столице, направляли по своей воле сенат, комиции, трибуналы. Борьба с ними была невозможна. Проще всего было — вступить в соглашение и разделить добычу.

Едва только римляне утвердились в южной Галлии, им стало угрожать нашествие кимвров и тевтонов. Это движение, как бы продолжение кельтских миграций, вводит, однако, на сцену новые народы, впервые обнаружившие перед Римом «германскую опасность». Они просят пристанища и земель. Проблуждав несколько лет в дунайских странах, они прошли через землю гельветов, часть которых увлекли за собой, и в 109 году появились в пределах аллоброгов, где нанесли поражение консулу Марку Юнию Силану. Гельветы, пользуясь этим, двинулись дальше, в давно желанный юго-западный край. В 107 году кельты и тевтоны

наносят в стране нитиобригов новый удар римской армии. При этом известии поднимаются толосаты и избивают римский гарнизон. К счастью, тут не было новых варваров: они в это время грабили среднюю и северную Галлию. Галлы заперлись в своих oppida и скоро дошли до крайности питаться человеческим мясом. Только белги держались успешно. Удаление кимвров дало возможность Квинту Сервилию Цепиону взять назад Тулузу (в 106 г.). В 105 году враги снова появляются в Провинции, оставив сзади отряд, который осядет среди народов Белгики под именем адуатиков. Рим выставил против пришельцев три армии. Первая была разбита наголову, две другие соединились у Ораузия (Оранж), чтобы потерпеть новое поражение, какого Рим не знал со времени Канн. Италия была беззащитна... Но варвары еще раз пропустили случай и повернули на Испанию. Когда они вернулись, было уже поздно. Олигархическая партия — виновница стольких неудач, уступила место победителю Югурты, Марию. Варвары разделились надвое. Кимвры подошли к Центральным Альпам, тевтоны должны были пройти юго-восточной Галлией. Из своего лагеря на нижней Роне Марий видел, как в течение шести дней мимо него катились бесконечной волной мужчины, женщины, повозки. Он кинулся им вдогонку и разгромил их при Аквах Секстийских (102 г.). Победа при Верцеллах над кимврами (101 г.) довершила его славу и обеспечила спасение Италии.

Если бы германская дикость не оттолкнула южных галлов, все описанные события вызвали бы в ней общее восстание против Рима. Для этого восстания они ищут вождя среди самих римлян. На этом зиждется попытка Сертория, подавленная в 77 году Помпеем. В 66–64 гг. произошло новое восстание, усмиренное Кальпурнием Пизоном. К этому же времени относится эпизод, связанный с важными фактами внутренней истории Рима, когда в заговор Катилины втягиваются аллоброги и поднимают восстание, которое терпит неудачу, подобно предшествовавшим.

Таково было положение вещей, когда появился человек, который должен был докончить подчинение Галлии и вместе открыть ей пути цивилизации. 11-го января 58 года Юлий Цезарь вступил в управление областью, которая включала, кроме Иллирии, обе Галлии — Цизальпинскую и Трансальпинскую.

II. Походы Цезаря (58–50 до Р. Х.)[50]

Завоевания Цезаря были делом личного честолюбия, но вместе с тем актом политической мудрости, средством сохранения римских владений. Германская волна, остановившаяся после поражения кимвров и тевтонов, опять поднялась, и кельты оказались бессильными бороться с ней. Она грозила, поглотив их, бросить их вместе с победителями на границы Провинции. Вмешательство было необходимо. Для римского владычества настал момент, когда оно должно было или продвинуться до Рейна, или отступить за Альпы. Сами галлы навлекли бич варваров на Галлию. С падением арвернской гегемонии секваны подпали

под власть эдуев, их тирания заставила секванов искать помощи Ариовиста, одного из вождей, блуждавших по Германии в поисках приключений и грабежа. Он покорил эдуев, но секваны скоро пожалели о прежнем ярме под гнетом нового. Из наемника Ариовист стал господином. Под его начало стали стекаться харуды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, свевы. Он раздавал земли, собирал дани, требовал заложников. Риму надлежало защитить союзников. Дело шло о собственной безопасности и чести. Но напрасно Дивитиак напоминал об обязательствах: сенат давал неопределенные обещания, а сам вел переговоры с Ариовистом и почтил его титулом друга римского народа (59 г.). Этот акт объясняется внутренними затруднениями. Цезарь, в это время уже консул, кажется, ничего не сделал, чтобы этому помешать.

Возбужденная примером, вся Германия зашевелилась. Узипеты и тенктеры, вытесненные свевами, движутся к устью Рейна; свевы собираются вдоль Рейна, между Майном и Зигом. Южнее толчок сообщается кельтам. Первыми воспримут его гельветы, стоящие на передовом посту Галлии. От своих недавних миграций они сохранили бродяжеский дух, некогда одушевлявший всю кельтскую расу. Со своих гор они с завистью глядели на плодородные долины, где их предупредили другие. Уже раз они вместе с кимврами нанесли поражение римскому оружию; память об этом возбуждала их гордость. Присоединились подстрекательства Оргеторикса, побуждавшего к массовому исходу, которого он желал быть вождем. Его план захвата верховной власти не удался; он за него поплатился жизнью. Но мысль о переселении не была оставлена. Гельветы сожгли города и деревни, уничтожили запасы, которых не могли захватить, посадили на телеги женщин, стариков и детей. Они увлекли в движение ряд соседних племен от берегов Рейна до норийских Альп. Повторялось нашествие кимвров.

Гельветы собирались проникнуть в страну сантонов. Прямая дорога шла вдоль Роны, между нею и Юрой. Они решили перейти на левый берег. Бродов было довольно всюду, но по ту сторону начиналась римская Провинция, и Цезарь готовился запереть переправу. Гельветы изменили путь. Поход совершался с неизбежной медленностью; Цезарь успел собрать все силы и быстро загородил им путь в долине Соны. Эдуи просили помощи легионов. Последние впервые появились за пределами древнейшей римской провинции, в Трансальпинской Галлии, и решительная битва произошла в окрестностях Бибракте... Остатки гельветов были довольны, что им дозволили вернуться на родину. Бойи, пришедшие с ними, вступили в клиентелу эдуев.

С приближением римлян Ариовист направился на Везонтию (Безансон), главное место секванов. Цезарь его опередил, хотя ему трудно было вести свои войска, так велик был их страх перед варварами. Медлительность сената привела к тому, что дерзость Ариовиста достигла крайних пределов: он считал эту часть Галлии своей провинцией. Тем не менее, ему пришлось отступить в верхний Эльзас, где он и потерпел решительное поражение в 58 году. Цезарь его преследовал до Рейна.

Цезарь предстал галльским народам, как спаситель. Его осыпали приветствиями. Скоро, однако же, стали понимать его истинные намерения: римская армия расположилась в стране и, по-видимому, не собиралась уходить! Теперь галлам нужно было отделаться от своих избавителей.

Тогда-то и открывается собственно галльская война. Ее можно разделить на два периода. Первый (57–55 гг.) занят частными восстаниями, несогласованными попытками. Второй (54–52 гг.) характеризуется постепенным пробуждением у галлов национального чувства, ширящимися восстаниями, растущей энергией. Движение заканчивается мощным подъемом, который под импульсом, данным Верцингеториксом, увлек большую часть страны.

Война начинается на севере. В то время, как Центральная Галлия, полная радости после освобождения от варваров, без труда приспособляется к новому положению вещей, — народы Белгики с тревогой смотрят на приближение римлян. Они считались самыми воинственными, свободолюбивыми, враждебными всему чужеземному, неподдающимися цивилизации; они не были ничем обязаны победителю гельветов и Ариовиста. Под гегемонией суэссионов образовалась коалиция, объединившая большие силы[51]. Страна была усеяна болотами, лесами и почти неизвестна римлянам. Но ремы предлагали свои услуги и брались проводить завоевателя. Кроме того, армия белгов была страшна только по виду: ее трудно было передвигать, кормить, держать сплоченной. Чтобы отвлечь белловаков, довольно было напасть на их страну; примера белловаков было довольно, чтобы деморализовать весь союз. Отряды отделялись под предлогом защиты своих очагов, и великая коалиция севера, разложившаяся до начала битвы, противопоставила римлянам жалкие обломки, с которыми они легко справились. Только нервии в союзе с вермандуями и атребатами оказали мужественное сопротивление. Из лесной засады они кинулись на легионы и привели их в беспорядок. Побежденные после отчаянной битвы, они все покончили с собой (57 г.).

Цезарь уже не скрывал намерения подчинить Галлию. Север был покорен. Он повернул к западу. Уже в конце 57 года он послал сюда своего легата Красса с легионом. Оккупация совершилась без боя, но в начале 56 года от устья Луары до устья Сены разразилось возмущение.

Центр его был у венетов, в Морбигане. Против них и направлена была главная атака. Укрепленные пункты, расположенные на скалистых островах и получавшие поддержку с моря, были недоступны. Чтобы взять их осадой, их соединяли с сушей плотинами. Но вся работа пропадала понапрасну, так как осажденные спасались на судах в соседнее поселение и продолжали сопротивляться. У Цезаря не было флота. Он его создал с помощью моряков, живших южнее Луары. По числу и по качеству он был хуже флота венетов, но остроумные приспособления дали и тут преимущество римлянам. Чтобы приводить в неподвижность вражеские суда, изобретена была система кос, насаженных на длинные жерди. Маневрируя ими, римляне рубили снасти врагов и лишали их возможности действовать парусами. Суда, таким образом, приводились в беспомощное состояние,

и легионеры врывались на них и сражались тогда, как на суше. Побежденные, благодаря этому приему, в большом сражении, венеты подчинились (56 г.).

Цезарь мог быть жесток. С той же расчетливой жестокостью, какой была и его милость, он отослал гельветов на родину с условием, чтобы они боролись против германцев. По просьбе эдуев и ремов он помиловал белловаков и суэссионов, желая показать, что могут сделать верные ему народы для своих друзей. Он простил нервиев, силы которых считал разбитыми навсегда. Но он продал в рабство адуатиков, предательски напавших на него после притворной сдачи. Он был безжалостен к венетам, которых обвинял в задержании послов Красса. Население подверглось участи адуатиков, а весь сенат предан смерти.

Завоеватель довершил свою победу, пронеся имперские орлы по всем местам, где его еще не знали. Сабину было поручено покорить береговые народцы у Ла-Манша. Сам он вернулся в Белгику, чтобы оттеснить моренов и менапиев в глубь их болот, к Северному морю. Поход Красса в Аквитанию подчинил большую часть народцев между Гаронной и Пиренеями. В то же время он открыл лучшее сообщение с Италией через Симплон и Сан-Бернар. Все это заняло конец 56 года. На следующий год он задумывал новые походы.

Германская опасность не исчезла. Она переместилась к нижнему течению Рейна и была тем более грозной, что здесь оказалось возможно соглашение между народами Белгики и германцами. Цезарь задумал действовать с ними решительно, — не только отодвинуть их за Рейн, а перейти Рейн самому. Он переправился по деревянному мосту, построенному всего в 10 дней там, где позже возник Кельн, и провел 18 дней на правом берегу реки. Свевы и сикамбры бежали при его приближении. Через два года он повторил ту же демонстрацию, рассчитанную, очевидно, как и первая, только на известное моральное впечатление, в этом расчете он не ошибся.

Еще более смелым предприятием был поход в Британию с целью положить конец козням, которые там строились против него: Британия в свое время послала помощь венетам и приютила бельгийских вождей. Цезарь привел к порту Ития (Булонь) флот и высадил у нынешнего Дувра два легиона. Но бури сильно повредили его корабли, а войско скоро стали окружать туземцы. Он счел осторожным уйти (55 г.), чтобы в следующем же году вернуться во главе пяти легионов, с которыми прошел за Темзу. Но враг, разбитый в правильном сражении, стал беспокоить его мелкими стычками, и Цезарь не решился углубляться дальше в неведомую страну. Он хотел только подействовать на воображение бриттов и показать им всю опасность вмешательства в дела Галлии. Достигнув этой цели и удовлетворившись некоторой видимостью подчинения южной Британии, он вернулся на континент, куда его призывали серьезные заботы (57 г.).

Там начинали проявляться симптомы глубокого переворота в умах населения. Равно придавившее всех, римское иго устранило местные соперничества. Галлия готовилась забыть свои распри и слиться в общей ненависти к чужеземцу. В 54 году белги подали сигнал восстания. Пользуясь неосторожностью Цезаря,

разделившего свои легионы, они напали превосходящими силами на Сабина, который стоял в стране эбуронов, и взяли его обманом. Король эбуронов, хитрый Амбиорикс, бывший прежде «другом римлян», заявлявший себя им и теперь, уверил Сабина, будто вся Галлия взялась за оружие, германцы перешли Рейн, и Сабин погибнет, если не поспешит соединиться с ближайшими войсками. Сабин согласился на капитуляцию, гарантировавшую ему свободный пропуск, но выйдя, попал в западню, где сам был убит, а его легион почти уничтожен. Армию спас Квинт Цицерон. Он стоял неподалеку от места катастрофы и подвергся нападению эбуронов, нервиев и менапиев. С ним попытались прибегнуть к такой же хитрости, но он отказался от всяких переговоров и, геройски защищаясь, дал время Цезарю его выручить.

Было пора. Вся Галлия затрепетала при вести о поражении Сабина. Карнуты и сеноны были в полном восстании: они изгнали или перебили вождей, поставленных римской партией. Повсюду рассылались послы, завязывавшие нити заговора. Зашевелились все племена, кроме старых союзников Рима, эдуев и ремов.

Цезарь понял опасность. Он увеличил армию до 10 легионов и, несмотря на важные дела, звавшие его в Италию, решил зимовать за Альпами. Где переговорами, где угрозами, он предупредил всеобщее восстание. Одни белги начали войну и были жестоко раздавлены. Индутиомар и Амбриорикс являлись душой восстания: первый пал в бою, второй бежал. Карнуты и сеноны сдались без боя, но вождь последних, Акко, был предан казни (53 г.).

Во всем этом предприятии галлам недоставало человека, способного организовать и осуществить по единому общему плану войну за освобождение. Судьба дала им это последнее средство спасения в лице Верцингеторикса.

Мы указали выше его происхождение[52]. Одно время Цезарь старался сойтись с ним и дал ему титул «друга римлян». Каковы были его собственные чувства в эту пору, — неизвестно. Во всяком случае, он их, очевидно, скрывал: люди, погубившие его отца, были у власти, и он, несмотря на свою юность, был им подозрителен. Несомненно одно, что предприятие, во главе которого он стал, готовилось задолго. Согласованность планов, точность исполнения, — все обличает единство и зрелость руководящей мысли и власти.

Сигнал подан был из страны картунов. Первым актом драмы явилось избиение римских купцов в Генабе (Орлеане). Глашатаи, расставленные заранее на определенных расстояниях, в тот же вечер передали весть об этом в горы Оверни. С арвернами поднялись все народы, жившие вдоль берегов океана. Ослабленная Белгика, к тому же мало затронутая делами центра, отозвалась менее быстро. Иберская Аквитания не вышла из спокойствия.

Верцингеторикс не строил себе иллюзий. Он знал, что под видимым согласием крылось много взаимного озлобления, подозрительности, зависти, но он решился идти против всех препятствий. Он определил состав армии, обеспечил покорность заложниками и утвердил ее казнями. Колеблющиеся и робкие трактовались с той же суровостью, как явные противники. Его план был прост

и хорошо задуман. Двинув на юг ополчения и возбуждая к восстанию покоренные Цезарем народы, он старался сомкнуть вокруг врага кольцо, которое отделило бы его от его легионов.

На этот раз Цезарь был взят врасплох. Обманутый спокойствием страны, он уехал было в Италию, оставив армию на севере. Скоро он понял, что надо вернуться к ней во что бы то ни стало. Если он не угадал той силы сопротивления, на какую были способны галлы, зато он понимал причины их слабости. Он знал, как можно было разбить связку их сил. Столь же скорый в действии, как и в уразумении сути дела, он глубокой зимой переходит Альпы, собирает запасы, рекрут, наскоро укрепляет гарнизоны Провинции, переходит Севенны по ужасным дорогам, покрытым снегами, спускается по долине Алье и, как гром, падает посредине Оверни, лишенной защитников. Верцингеторикс должен ответить на призыв соотечественников. Покинув их, он сыграл бы на руку врагам и усилил бы римскую партию. К несчастью, он в течение всей войны должен был считаться в своих стратегических комбинациях с интересами, не имеющими ничего общего с защитой отечества. В то время, как он направляется к югу, Цезарь исчезает. Его поход был лишь уловкой, чтобы открыть себе путь к отрезанной от него северной армии. В сопровождении небольшого отряда конницы он подымается по долине Роны и Соны, проносится через страну лингонов и эдуев и появляется в окрестностях Санса с десятью вновь сосредоточенными в его руках легионами. Партикуляризм арвернов оправдал его расчет и разрушил план, который мог быть спасением галльской независимости.

Верцингеторикс вернулся и осадил Горгобину, город эдуев. Но он не мог ни взять его, ни помешать Цезарю захватить Веллодун, Генаб и Новиодун. У последнего Верцингеторикс был разбит. Тогда он испробовал новую тактику: в один день 20 городов битуригов были преданы огню. Цезарь двигался среди опустошенной страны, тщетно ища провианта, тогда как галлы пользовались всем в изобилии. Если бы этот план был проведен последовательно, римской армии наступил бы конец.

Нетронутым остался Аварик, столица битуригов, прекраснейший город Галлии. Битуриги просили пощадить его, и Верцингеторикс должен был согласиться: такая жертва была слишком велика для недавних союзников. Верцингеторикс боялся перемены настроения, недовольства. Жители Аварика обещали защищаться и сдержали слово. Городу угрожало огромное осадное сооружение. Осажденным удалось поджечь его; чтобы поддерживать огонь, они, образовав цепь, передавали друг другу смоляные шары, которые последний из цепи, взобравшись на вал, бросал в пожарище. Едва поднявшись, смельчак падал под градом стрел, но тотчас место его занимал другой. Все это мужество, однако, пропало напрасно. Цезарь воспользовался грозой, отвлекшей внимание осажденных, проник в город через слабое место в укреплении и завладел им после жестокой резни. Здесь он нашел припасы, которые подкрепили силы его истощенной армии.

Но Цезарь хотел раздавить восстание в самом его очаге. Послав Лабиена на север, он осадил Герговию, главный oppidum арвернов. Это был один из самых замечательных эпизодов войны, где Верцингеторикс обнаружил свои военные таланты, он не дал замкнуть себя в осажденном городе, а расположился на соседних высотах, держась в постоянных сношениях с осажденными и тревожа осаждающую армию ежедневными нападениями. Цезарь, желая поскорее кончить, решился на приступ, который был отбит. Неудача была серьезная. Сам Цезарь находился в опасности и должен был спешно отступить, призываемый тревожными вестями из другой части Галлии.

Эдуи ничего не сделали, чтобы удержать в повиновении битуригов. Во время осады Герговии их собственный отряд чуть не перешел на сторону арвернов, а после поражения римлян партия войны одержала верх, и Верцингеторикс созвал представителей галльских народов в город эдуев — Бибракте. Измена была важным симптомом того, что авторитет Рима пошатнулся. Она увлекла другие народцы, прежде всего секванов. Снова римская армия оказалась разрезанной надвое: Цезарь на юге, Лабиен на севере, и каждый — окружен кольцом врагов. Только лингоны, ремы и тревиры оставались в стороне.

Тут Верцингеторикс допустил новую ошибку: он дал Цезарю перейти Луару, а Лабиену — пойти на соединение с ним, к югу от Сены. Лабиен получил вести о поражении Цезаря в Лютеции, здесь он, по повелению своего вождя, стоял лагерем на месте, где ныне в Париже возвышается церковь Сен-Жермен-л'Оксеруа. Узнав об исходе осады Герговии, окруженный белгами, среди которых уже начиналось движение, и сенонами, паризиями и аулерками, которые его подстерегали с другой стороны, — он сумел ловко разделить ночью их силы, занял высоты Пуан дю Жур и утром в Гренельской долине разбил аулеков с Камулогеном во главе. Через несколько дней он соединился с Цезарем в долине Ионны.

Положение Цезаря было, тем не менее, трудное. Он оставался без сообщений с Провинцией, когда в ней становилось неспокойно: арверны и габалы напали на гельветов, рутены и кадурки — на вольков-арекомиков, многочисленные агитаторы действовали среди аллоброгов. Цезарь решил отступить туда. Раз очутившись в пределах римских владений, он смог отразить набеги на западную границу, укомплектовать свои силы и спокойно выжидать благоприятных обстоятельств для нападения.

Верцингеторикс вернулся было к выжидательной тактике и партизанской войне. Он хотел протянуть ее до зимы, которая должна была довершить поражение римлян. Неясно из «Комментариев», почему внезапно он нарушил этот план. Очевидно, он хотел воспользоваться трудным отступлением Цезаря, чтобы покончить войну разом с помощью прекрасной конницы, которую дало ему присоединение знати. Но и Цезарь набрал конницу в Германии. Столкновение кончилось поражением галлов. Быть может, на решение Верцингеторикса повлияло поведение знатных эдуев. Изменяя ранее Риму, они рассчитывали получить гегемонию в освободительной войне. Когда же общий съезд в Бибракте

передал власть достойнейшему, — они опять начинают искать милости Цезаря. Им готова была подражать аристократия и других племен. Это, очевидно, и заставило Верцингеторикса ускорить события. Армия галлов укрылась в oppidum Алезии на вершине холма, который теперь называется Монт-Оксуа (Mont-Auxois). Верцингеториксу следовало здесь, как и в Герговии, расположиться вне осажденного города, но он в общем расстройстве, вызванном поражением, считал нужным укрыть за укреплениями главную массу своей армии. Спрашивается, почему засел туда он сам, когда не мог не понимать, что только он один был способен удерживать от разложения элементы восстания в стране? Причиной этого решения, как можно догадываться, был страх, что он потерял бы свою популярность, которая была его единственной силой, если бы показался уклоняющимся от почетного и опасного поста. Он удовлетворился тем, что через послов обратился к Галлии с воззванием, горячее воодушевление которого трогает нас даже в холодной передаче Цезаря, а затем он думал только о том, как защититься против осадных сооружений врагов, в которых развернулось все искусство римских инженеров. Цезарь построил огромные земляные укрепления — не для того, чтобы атаковать, а для того, чтобы самому закрыться от атаки со стороны осажденных и от приступов извне. Он ждал, что голод сделает свое дело. Хотя Верцингеторикс навряд ли имел те 80 000 воинов, которые ему приписывают «Комментарии», но через 30–40 дней припасы были истощены, и уже арверн Критогнат предлагал есть человеческое мясо, когда прибыла вспомогательная армия.

Она была многочисленна, но заранее обречена на поражение. Эдуи не решились захватить командование целиком, но им удалось его разделить между арверном Веркассивелауном, атребатом Коммием, с одной стороны, — людьми, одушевленными горячей ненавистью к чужеземному, а с другой — двумя главными представителями своей знати — Эпоредориксом и Виридомаром, людьми двуличными, предателями галльского дела, как недавно они были предателями римского. Эти четыре полководца вдобавок зависели от совета из представителей civitates. Ясно, что атака, веденная вяло, без надлежащего единства, потерпела неудачу, несмотря на мужество воинов. Вожди эдуев заметно бездействовали, тогда как Веркассивелаун разрывался в отчаянных усилиях. После трех дней несчастных сражений огромное войско растаяло и рассеялось во все концы Галлии (50 г.).

Когда Верцингеторикс увидел исчезновение силы, на которую возлагал последние надежды, он собрал товарищей и предложил им принести его в качестве искупительной жертвы, или убив самим для удовлетворения врага, или выдав живым мщению римлян. Цезарь не говорит, как было принято это предложение. Он сообщает только, что он сам у парламентариев, пришедших говорить о сдаче, потребовал выдачи оружия и вождей. Он не сообщает о том, что произошло между ним и славным побежденным. Другие историки передают сцену встречи с разными вариациями. Плутарх изображает, как Верцингеторикс на боевом

коне в парадном одеянии прискакал к Цезарю и, вручив ему оружие, молча сел у его ног. По Диону Кассию, в положении просящего, он напомнил ему о прежней дружбе. По Флору, он ограничился следующими словами: «Пред тобою стоит отважный, пред тобою, Цезарь, который отважнее всех». Он был привезен в Рим и брошен в темницу, где томился шесть лет. Он был выведен оттуда, чтобы украсить в 46 году триумф своего победителя, который стал владыкой мира. После того голова его скатилась под топором палача.

Падение Алезии означало конец галльской независимости. Поход 51 года представляет только ряд местных экспедиций. Главные племена положили оружие. Цезарь со своей обычной энергией являлся повсюду. Ряд мелких племен сдается или покоряется в битве. Остатки разбитой армии эбуронов укрылись в Укселлодуне и здесь показали последний пример геройской защиты. Осаждающие достигли цели, только переняв воду, которая снабжала город. Но пример этой кучки мог быть опасен. Цезарь не мог терять времени. Его управление подходило к концу, а в Италии надвигалась гражданская война. Чтобы отбить охоту к дальнейшему сопротивлению и запугать врагов, он велел отрезать руки пленникам. Эта отталкивающая мера, которую он впоследствии старался оправдать крайностью, произвела желанное действие: через год он мог, полный спокойной уверенности, перейти обратно Альпы (50 г.).

III. Характер и следствия завоевания[53]

Галлию покорила армия, никогда не превышавшая 11 легионов, т. е. 70 000 человек. Страна была завоевана в течение 8 лет, точнее, 5 кампаний. Краткость этой войны удивляла древних, сравнивавших ее с завоеванием Испании, которое растянулось на 200 лет. Страбон объясняет это особенным характером, какой приняло у галлов сопротивление: оно быстро сконцентрировалось и было разбито одним ударом.

Не менее поражает быстрое подчинение галлов, их покорность после завоевания. Виновником этого был Цезарь. Он обладал всеми теми дарованиями, какие могут увлечь нацию блестящую и легкомысленную: милостью, личным очарованием, ореолом гения и славы он достиг, чего хотел. В несколько месяцев он объехал различные civitates, примиряя интересы, обезоруживая раздражение, не пренебрегая ничем, чтобы привлечь на свою сторону противников и осыпая милостями приверженцев. Эта политика принесла плоды, когда разразилась междоусобная война: Галлия встала на сторону своего победителя. В свое время она доставила ему помощь против себя самой, тем легче добыл он от нее солдат, чтобы идти на завоевание Рима и целого мира. Юго-запад и центр послали своих пехотинцев и стрелков, север — свою конницу. Из них-то он и образовал впоследствии тот легион Жаворонков, само имя которого напоминает любимую кельтскую птицу. Старые римляне негодовали по этому поводу, говоря, что он ведет побежденных при Алезии в новую битву при Аллии.

Движение, созданное Цезарем, не остановилось с его смертью. Сто лет спустя император Клавдий говорил в сенате: «Никогда с тех пор, как Галлия покорена была божественным Юлием, верность ее не поколебалась. Никогда, даже в самых критических обстоятельствах, не изменилась ее преданность». Итак, не все заключалось в личности Цезаря, и обращение Галлии имеет более глубокие причины.

Следует представить себе состояние страны и ее населения после ряда пережитых усилий и неудач. Борцы за национальную идею были мертвы или в плену, в изгнании. Образ общего отечества снова затмился. Римская партия внутри государств торжествовала. Предсказания сбылись, и римское владычество утверждалось с роковой, неодолимой силой.

Если бы римское иго было невыносимо, все эти настроения могли бы еще измениться. Воинственная энергия расы не была исчерпана. Но, очевидно, Галлия все меньше и меньше жаждала былой независимости, все меньше сожалела о ней.

Рим не требовал от Галлии жертв. Он не потревожил ее интересов, привычек, привязанностей. Он не объявил войны ни ее религии, ни ее языку. Он не тронул того отечества, которое одно было поистине дорого галлу — его племенного устройства. И поступил так завоеватель не из какой-нибудь щепетильности, а потому, что не было у него ни цели, ни средств действовать иначе. Он не видел смысла производить потрясение, которое возбудило бы ненависть, но не укрепило бы власти. Он не стремился вмешаться во все детали управления: для этого он не обладал достаточным персоналом, и административное единообразие, которое в конце концов утвердилось в Империи, *тогда* еще не было ни желательно, ни возможно. Итак, он предоставил сложившимся организмам функционировать по-прежнему. Для спокойствия достаточно было доверить верховное руководство ими преданным людям. С этой целью восстановлена была власть вождей, дружбу которых Рим испытал во время войны. Во главе civitates одна партия стала на место другой. Кроме этого, казалось, ничего не изменилось. Власть Рима не бросалась в глаза. Его наместники, легаты, пребывавшие в главных городах провинции, не имели своих уполномоченных внутри civitates. Страна оставалась свободной от римских чиновников и римских солдат. Она не забывала, что Рим всемогущ, но его требования были ограничены и, в конце концов, он брал гораздо меньше, чем давал.

Он требовал дани и воинской службы. Конечно, это двойное бремя могло быть тяжелым, даже могло стать невыносимым. Таким делали его в прежней Провинции, до проконсулата Цезаря, злоупотребления чиновников, вызывавшие в стране непрерывные восстания. Цезарю то же население было безусловно послушно: с его времени поняли, как много могла сделать для укрепления римского владычества более просвещенная и великодушная политика, которая и станет принципом императорской администрации.

Первой заботой Рима было разбить союзы, долго препятствовавшие завоеванию, и помешать их новому образованию. Сохранена была только внутренняя

автономия народцев-государств, но между ними не допускались взаимные сношения. Сама разница степеней подчинения, в какое поставлены были различные civitates, служила средством разделения враждебных элементов. В иных случаях воспрещалось отдельным общинам завязывать друг с другом брачные отношения и приобретать друг у друга собственность. По отношению к галлам мы этого не видим.

Прежние конфедерации мало в ком оставили сожаление. После римского завоевания с многих народцев спали цепи клиентской зависимости. Римское иго было не тяжело, и, казалось, приятнее для самолюбия подчиняться первой державе вселенной, нежели быть униженными ревнивыми, ненавистными соседями. Завоевание освободило и личность: низшие классы, которые прежде действовали против Рима, были обязаны ему освобождением. Рим, не желавший допустить рядом со своими армиями армии частных людей, — снял с бедняков военные обязательства кабальных людей по отношению к патронам, он уничтожил частную юрисдикцию знатных над их клиентами, — в пользу публичного суда. Патронат стал, наподобие римского, только связью защиты и покровительства и налагал самые легкие и только добровольные обязательства. Развитие торговли и промышленности, улучшая материальное положение масс, содействовало также их освобождению.

Из всех благодеяний, какие Рим дал Галлии, самым ценным был мир. Pax romana — такова магическая формула, торжествовавшая над всяким противодействием и склонявшая все сердца. Всеобщее чувство благодарности запечатлелось на памятниках, в надписях, в официальных документах. И если оно принимает почти банальный вид в силу повторений, то это еще не позволяет заподозрить его искренность: оно вполне законно и естественно. От края и до края старого мира народы, в какую давность ни восходили бы их воспоминания, знали вечную войну — войну города с городом, дома с домом, войну без милости и без перерыва. Рим все умиротворяет. Еще не раз будут разгораться смуты, гражданские войны, но в общем не повторится ничего, подобного прежнему беспорядку и ужасам, и настанут периоды долгой тишины, глубокого мира. История видела более славные эпохи, чем эпоха Антонинов, более полный и богатый расцвет человеческой энергии, но она не видела поры, когда люди жили бы более мирно и спокойно.

Вместе с миром Рим нес цивилизацию. Он приходил с руками, полными сокровищ, накопленных длинным рядом поколений: литературой, искусствами, наукой, философией — всем тем, что создала Греция, и что прибавил он сам. «Галлы, говорит Фюстель де Куланж, были достаточно чутки, чтобы понять преимущества цивилизации перед варварством. Не столько Рим, сколько сама цивилизация привлекала их. Стать римлянином не значило в их глазах подчиниться чужому господину, это значило приобщиться к нравам, знаниям, наслаждениям того, что представлялось самым культурным и благородным в человечестве».

IV. Восстания в I веке по Р. Х.[54]

Причины, способствовавшие примирению Галлии с ее победителями, подействовали не одновременно и не одинаково среди всех галльских племен: в течение целого века еще происходили восстания, но они были незначительны, и их двигателем не всегда являлась ненависть к Риму и желание независимости. Наконец, они всегда носили частный характер: большинство населения стояло от них в стороне.

Первые возмущения вспыхнули около 38 г. до Р. Х., чему содействовала анархия, наступившая после смерти Цезаря. Задача умиротворения Галлии пала на Октавиана. Восстание локализировалось на двух окраинах страны: у плохо замиренных аквитанов и воинственных белгов. Оно было подавлено знаменитым Випсанием Агриппой, для которого это дело было только началом более широкой задачи — окончательной организации Галлии. Замирение продолжали Альбий Каррина (33 и 30 гг.), Ноний Галл (29 г.) и Валерий Мессала (27 г.).

Затем в течение сорока лет Галлия не подымалась. Это не значит, чтобы она была безусловно довольна и спокойна. Новые волнения вызваны были операцией кадастра, начавшегося в 27 году. Сам процесс опроса жителей об их имущественном состоянии (в видах определения подати) представлялся тягостным, а, кроме того, предвидели, что он поведет к увеличению налогов и связанных с ними вымогательств, которые вообще являлись самой неизлечимой язвой республиканского управления. Чтобы удовлетворить требованиям, города и частные лица прибегали к займам. Три Галлии постепенно стали добычей ростовщиков, этой язвы, которая размножалась всюду под сенью римского имени.

Можно удивляться тому, что раздражение не прорвалось раньше. Измены в рейнских армиях, их восстание по смерти Августа давали для этого благоприятные случаи. Но галлы знали, насколько можно рассчитывать на германцев и не ждали ничего от недисциплинированных и жадных на добычу легионов. Потому они не воспользовались наступившим замешательством. Правительство пред лицом крайней опасности могло быть вполне удовлетворено поведением галлов, и Германик недаром ставит в пример их лояльность своим мятежным солдатам.

Восстание вспыхнуло при Тиберии в 21 году по Р. Х. и распространилось повсюду — на севере и в центре. Его вождями были эдуй Юлий Сакровир и тревир Юлий Флор, оба — знатного рода, оба — римские граждане, оба — служившие в римской армии, но сохранившие верность памяти о былой независимости. Восстание охватило разные слои общества, пробудив снова преимущественно ту демократию, которая была главным препятствием римскому завоеванию.

В Риме были сильно встревожены. Неблагоприятная правительству оппозиция злорадно раздувала факты. Казалось, пожар охватывал весь запад. Тиберий, однако, сохранил хладнокровие. Он знал Галлию и лучше, чем кто бы то ни было, мог оценить действительные размеры опасности. В самом деле, очень скоро удалось утвердить спокойствие у андекавов, туронов, секванов и даже тревиров.

Разочарованный неудачей, Юлий Флор скрылся в Арденнском лесу и после недолгих скитаний, видя все выходы запертыми, покончил с собой. Самым рьяным его преследователем был его же единоплеменник и личный враг, Юлий Инд, подобно ему, служивший в римском войске.

Сакровир был сначала счастливее: он овладел Отеном (Augustodunum) и захватил массу знатной молодежи, которая в то время стекалась в знаменитые тамошние школы. Через этих заложников он надеялся обеспечить себе поддержку или нейтралитет самых знатных фамилий. Армия его доходила до 40 000 человек, однако большею частью вооруженных только мечами и ножами, и представлялась слишком неравной силой в сравнении с двумя легионами легата Силия. Тут даже не было сражения. Увлекаемый беглецами, Сакровир вынужден был войти в город. Он был укреплен и мог бы выдержать осаду, но настроение населения проявилось слишком ясно, и он не решился проводить этот план. Тогда он заперся с несколькими верными соратниками в своем доме, находившемся в окрестностях Отена, поджег его и похоронил себя и своих в пламени[55]. Тиберий не принял никаких почестей по поводу этой легкой победы, но память о ней была запечатлена на триумфальной арке в Оранже.

Наследник Тиберия, Калигула, посетил Галлию в 39 году. Здесь жила добрая память о правлении и победах его отца, Германика, и деда, Друза. От него зависело унаследовать эту популярность. Для этой цели он устроил литературные состязания в Лионе, построил в Булони колоссальный маяк. К сожалению, значение этих мер было скомпрометировано отсутствием серьезности в нем самом, его жестокими ребяческими капризами, проявлениями безумия, которыми он уже тогда был одержим. Император Клавдий сумел лучше Калигулы поддержать традиции славной семьи. Сенатская аристократия в насмешку называла его галлом и сильно возмутилась его предложением дать провинциалам права римского гражданства. Осуществляя программу Цезаря, он решил довершить присоединение Галлии завоеванием Британии, и в 43 году предпринял поход на острова. Подчинение страны докончено было в 78–84 гг. при Домициане.

Правление Нерона привело к настоящему кризису. Он не посетил Галлию, подобно Калигуле, но его жестокость давала себя чувствовать и на расстоянии в тех вымогательствах, которые, по его поручению осуществлялись его агентами. Во всяком случае, галлы первые решились стряхнуть постыдное иго: они восстали в 68 году по призыву лионского наместника К. Юлия Виндекса, по происхождению аквитана княжеской крови. В его призыве нет возмущения против римского владычества. Он мотивирует его только указанием на бесчестные и преступные деяния Нерона. Если в вызванном им движении действовали до известной степени стремления к независимости, то сам он не разделял и не поощрял их. Он желал не падения Рима и Империи, а гибели тирана. Он желал, чтобы монархия была ограничена известными рамками и подчинена сенату.

Галлия разделилась на два лагеря. Народы юга, запада и центра стали за Виндекса и создали для него армию в 100 000 человек. Вьенна объявила войну

лионцам, державшим сторону Нерона за то, что тот перестроил их сожженный город. Стоя, как передовой страж, на границе старой Провинции и вновь завоеванных местностей, возведенный Августом в ранг столицы галлов, Лион (Lugdunum) остался верен традициям дома Юлиев и Клавдиев. Он отнесся недоверчиво к движению, в котором враги правящего государя едва скрывали свои, хотя и неопределенные, республиканские и сепаратистические тенденции. То же резко недружелюбное отношение замечается и на северо-востоке. Здешние племена чувствовали себя солидарными с местной армией, в которую они поставляли большую часть рекрутов. А эту армию возмущала мысль, что император мог бы быть им навязан испанскими легионами, менее храбрыми и славными, нежели рейнские. Еще меньше готова была она склониться перед галльской милицией, руководимой Виндексом.

Самым выдающимся из римских военных вождей здесь был Луций Вергиний Руф, командовавший в Верхней Германии. От него зависело вполне захватить власть, но он предпочел остаться лояльным и ждать, когда сенат освободит его от присяги. В сущности, его политический идеал совпадал с идеалом Виндекса, но, подчиняясь настроению своих солдат, он должен был выступить на борьбу с восставшими. У Безансона между вождями произошло свидание, которое, по-видимому, могло привести к соглашению. Но когда, вследствие недоразумения, галлы стали занимать поле, это вызвало взрыв раздражения в войсках Вергиния, и разразилось жестокое сражение. 20 000 галлов пало, и сам Виндекс, видя гибель своего дела, убил себя над трупами своих солдат. Он отчаялся слишком рано: через месяц пришла весть о смерти Нерона.

Его преемник, Гальба, объехал Италию и Нарбоннскую Галлию, рассыпая награды своим сторонникам и кары противникам, увеличивая привилегии дружественных ему городов, у других — отнимая свободу и имущество. Эта отталкивающая политика снова обострила вражду между Галлией центра и юга и северной Галлией, где в диком племени белгов жила еще старая ненависть и жажда свободы. Она вспыхнула, как только Гальба, видя в этом меру для охраны собственной безопасности, отозвал Вергиния из северной армии. Он не знал, что именно лояльность этого удивительного гражданина была лучшей его защитой против недоброжелательства солдат. Едва Вергиний удалился, как они провозгласили императором легата Верхней Германии, Вителлия, и решили ввести его в столицу (69 г.).

Ужас охватил сторонников Гальбы. Северной армии, в состав которой входило немало германцев, предстояло пройти через самые богатые области Галлии. Перед этой приманкой могли проснуться наследственные инстинкты варваров, сами римские легионеры могли увлечься жаждой добычи. В это время Гальба был убит, и его место занял Отон. Хотя этот император, явившийся как бы новым воплощением Нерона, и возбудил тайные симпатии у наиболее романофильствующих галлов, ибо он представлял для них Италию, Рим, сенат, — но сторонники Гальбы, из-за него попавшие в тяжелое положение, не пожелали терпеть этого

положения из-за его убийцы. Отон был далеко, а Вителлий приближался. Галлия покорилась... Это спасло ее от полного опустошения, хотя отдельные города подверглись жестокому разграблению, другие отделались огромным выкупом.

Италия встревожилась. Никогда римская армия не являлась с такой странной физиономией. Областной набор приносил свои плоды: кельты и тевтоны обрушились на юг, как во времена Мария. Цецина, который вел одну колонну, наименовал себя консулом. Но своими золотыми запястьями и ожерельем, своей пестрой одеждой он скорее напоминал кельтского вождя. Против этой армии двинулись преторианцы Отона и все, что можно было набрать в латинских городах. Затем следовали восточные солдаты Веспасиана: египтяне, сирийцы, галаты, каппадокийцы. Казалось, что все народы мира сходились в долине По, чтобы перерезать друг друга.

Корпоративный дух армий был слишком силен, чтобы они могли слиться с теми племенами, из которых вышли. Но сами племена подымались вслед за армиями. Четыре императора, сменившие друг друга в течение четырех месяцев, междоусобия в Италии и Риме, Капитолий в огне, — все это, казалось, предвещало конец Империи. Сепаратистские движения вспыхнули в Африке, Понте, Иллирии и Британии; иудеи продолжали свое геройское сопротивление. Как могли не разгореться в Галлии тлевшие там ферменты брожения? Когда уже Вителлий приближался к Лиону, один бойкий крестьянин, Марикк, обошел волости эдуев, объявляя, что он — бог, явившийся освободить Галлию. Ему удалось поднять до 8 000 крестьян, но вскоре он был разбит и выдан жителями Отена. Решительный толчок пришел извне, из армии Вителлия. В ней с самого начала чувствовался раскол между легионерами, собственно верными Риму и только желавшими навязать ему своего императора, и чисто галльскими и германскими элементами. Из них самыми непокорными были батавы: они находились в привилегированном положении, платили только «налог крови» и считали себя не подданными, а союзниками Рима. Их-то, как вечную причину беспорядков, Вителлий решил отослать на родину как раз в тот момент, когда Италия открывалась перед ними. Тогда они сплотились вокруг Юлия Цивилиса — римского гражданина и заслуженного воина, варвара по происхождению и по существу. Сперва он, представляясь сторонником Веспасиана, пошел против рейнских легионов, стоявших за Вителлия, чтобы, не разрывая с Римом, вести к ослаблению его сил на границах. Когда же Веспасиан одержал верх, надо было вернуться к бездействию или открыто объявить себя врагом Рима.

Из глубины лесов пророчица Веледа призывала к войне и предсказывала уничтожение легионов. Честолюбие Цивилиса уносило его мечты дальше жребия вождя варварских орд. Он мечтал о царстве, центром которого была бы его страна, и которое простиралось бы по обоим берегам Рейна. Он начал с галлами обычную политику: льстил их гордости, напоминал о былой славе, рисовал им все бедствия, причиненные завоеванием, указывал на слабость Рима... Наряду с этим он подкупал вождей подарками, солдат — добычей, которую он делил

с ними. Сперва Галлия осталась глухою к этим призывам: она не доверяла германцу и сомневалась в друзьях, начавших с опустошения целой страны. Но через некоторое время там и сям стали появляться тревожные признаки. Начали отказывать в уплате податей и не давали рекрут. Воцарение Веспасиана не могло укрепить связи Галлии с Империей: о новом императоре ничего не знали, но, как победитель Вителлия, он мог восстановить традиции Гальбы.

Восстание началось в лагере убийством легата Верхней Германии, Гордеония Флакка, нелюбимого за его симпатии к Веспасиану. Этот пример вызвал отделение вспомогательных отрядов тонгров, нервиев, лингонов, по инициативе их вождей: Юлия Сабина, Юлия Классика и Юлия Тутора, — галльских аристократов и римских граждан. В Colonia Agrippinensis (Кельн) состоялось соглашение их с Цивилисом. По вопросу о том, как быть с остатками римской армии, более жестокие предлагали ее избиение, более ловкие предлагали склонить ее к измене. В это время она делилась на две части: одна засела в Castra Vetera (Кастра Ветера), где ее окружил Цивилис, другая — со вспомогательными отрядами послана была ей на выручку. Во время похода на Ветеру заговорщики, решив, что момент настал, отделились, стали особым лагерем и завязали переговоры с армией. Последняя предала вождей и изменила императору. Оставались защитники Ветеры. Измученные голодом, потеряв надежду на спасение, они сдались с условием сохранения жизни, но едва только вышли из-за укреплений, как попали в засаду и были перебиты. В Галлии не осталось больше римской армии.

Тогда начинается более широкое народное движение. В нем следует различать два течения. В простонародной сельской массе ненависть к чужеземцам поддерживалась живучестью кельтских преданий и нравов. Ее разжигали друиды, которых мы, не без удивления, видим в центре этого движения после того, как тщетно искали их среди врагов Цезаря. Их фанатическая проповедь, их проклятия и прорицания волновали душу массы. Настроения вождей были сложнее: они были слишком проникнуты римской цивилизацией, воспитаны на римской дисциплине, чтобы отвергнуть их благодеяния и мечтать о правильном строе, который не был бы сколком с римского. Строй, который они попытаются создать, будет своеобразным компромиссом между стремлениями к независимости и почти суеверным почтением к римской практике и римским учреждениям. После убийства римских вождей Классик явился легионам в знаках римского полководца и требовал от солдат присяги «Галльской Империи». Сабин разбил таблицы договоров Рима с легионами, но велел именовать себя Цезарем, обосновывая право на это имя тем, что его прабабушка была любовницей Цезаря... Своеобразный титул для вождя галльской свободы!..

Провозглашение «Галльской Империи» ускорило разложение легионов, подчеркнув двусмысленность той основы, на которой стоял галло-германский союз. Цивилис взялся за оружие вовсе не затем, чтобы склонить Германию к покорности перед Галлией... Он, правда, не решился еще в этот момент на разрыв с союзниками, от даже взял с легионов Ветеры ту же присягу, что Классик и Сабин,

но он не взял ее со своих батавов, и, предвидя новую войну, разрушил римские крепости вдоль Рейна. Теперь Галлия была снова открыта вторжениям.

Тут было над чем задуматься, тем более, что к внешней опасности присоединились внутренние осложнения: снова оживали старые распри, старое соперничество, которые особенно обострились благодаря безрассудному образу действий Сабина. Желая принудить к союзу секванов, он напал на них, но был разбит и скрылся. Только через девять лет, разысканный и выданный Веспасиану, он был казнен вместе с верной женой своей Эпониной, разделившей его скитания и смерть.

А между тем в Риме закончились междоусобия, и сильное правительство восстановилось. Все отряды, какими располагал Рим в Италии, Испании и Британии, были двинуты на Галлию. Тогда племя ремов выступило в роли примирителя и звало все галльские общины на общий съезд в свою столицу Дурокортур (Реймс). На этом конгрессе произнесены были речи Юлием Валентином, который говорил о необходимости борьбы, и Юлием Аупексом, который указывал на неспособность к соглашению народов, заранее спорящих друг с другом из-за цены победы. Собрание рукоплескало великодушным словам Валентина, но... присоединилось к Аупексу и от имени всей Галлии обратилось к тревирам с просьбой сложить оружие.

Скоро прибыл во главе могущественной армии К. Петилий Цереалис, легат Нижней Германии. В торжественной речи он изложил галлам преимущества римского управления. «Мы явились в вашу землю, — говорил он, — по просьбе ваших предков, утомленных раздорами и ставших из-за этих раздоров добычей германцев. С этого времени мы стали стражей на Рейне не для того, чтобы защищать Италию, а чтобы помешать новому Ариовисту воцариться над вами. Опасность эта не миновала... Ваши соседи — все те же. Они бедны, вы богаты. Если мы требуем от вас военной службы и податей — это для того, чтобы обеспечить вам мир. Или вам не нужно будет, думаете вы, — набирать и содержать отряды, когда вам самим придется заботиться о собственной защите? Или вы воображаете, что Цивилис и его батавы будут вам более верными друзьями, чем их отцы были вашим отцам? Мы имели дурных императоров, и мы страдали от них больше, чем вы, ибо мы были близко, а вы — далеко. Но мы имели и хороших, и они были вам полезны, как и нам, несмотря на отделявшее их расстояние. Кто сказал вам, что в Туторе и Классике вы найдете более мягких властелинов? Умейте переносить неизбежные бедствия, как переносят стихийные несчастья. Умейте нести свои тяготы в виду связанных с ними преимуществ. Наша гражданская община не замкнута. Мы делаем всех причастными к ее благам. Сколько раз вы командовали нашими легионами, управляли нашими провинциями! Любите же и чтите город, который открывает двери победителям и побежденным. Что было бы, о, боги! если бы он пал! Война разразилась бы между всеми народами. Восемьсот лет выдержки и удачи возвели это здание, кто его поколеблет, будет раздавлен его падением». Мудрости этих слов соответствовала мудрость поступков. Петилий

отослал галльских солдат, предлагая им вернуться к мирной работе: «ибо римская армия тут, и она выполнит свое назначение».

С его появлением виновные легионы вернулись к исполнению своего долга. Петилий занял столицу тревиров, запретив, однако, солдатам ее грабить. Война с переменным успехом продолжалась преимущественно против германцев: галлы были совсем затеряны в массах варваров. Цивилис, наконец, почувствовал себя утомленным: он еще попытался соблазнить Цереалиса картиной «Галльской империи», которую теперь предлагал ему осуществить под его властью, готовый сам удовлетвориться Германией. Предложение было отвергнуто, и после ряда поражений он просил мира. Вместе с Классиком, Тутором и несколькими верными ему тревирскими сенаторами, в числе 113, они перешли за Рейн, чтобы кончить жизнь вдали от родины. Другие вожди восстания были взяты или покончили с собой. Самой славной из этих жертв был Валентин — реймский оратор, проявивший удивительное достоинство и твердость во время пыток и казни. Трир был лишен своих привилегий и из свободного города сделан подчиненным.

Смуты 70-го года были последним протестом галлов против римского завоевания; они показали, как слабы и одиноки были враги нового порядка: из 64 племен Аквитании, Кельтики и Белгики поднялись всего четыре. В торжественном собрании галлы подавляющим большинством высказали желание слиться с Римом. Среди всех этих смут, однако, мелькнула мысль, которая в то время не могла воплотиться, но которая могла возродиться в аналогичных условиях. Это — образ «Галльской Империи», которая отказывается от Рима, не отрицая его — гибридное порождение, где дух повиновения сочетался с духом мятежа. Мы встретимся с ней в III веке и во все моменты, в которые будут брать перевес силы, работающие над разложением римского единства.

КНИГА ТРЕТЬЯ
УПРАВЛЕНИЕ ГАЛЛИИ В I И II В. ПО Р. Х.

ГЛАВА I
ЦЕНТРАЛЬНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

I. Принципат. — II. Провинциальные округа. — III. Организация германской границы. — IV. Провинциальные наместники, юстиция. — V. Налоги. — VI. Военная служба и галло-германская армия.

I. Принципат[56]

Завоевание Галлии совпадает с революцией, которая привела к установлению в римском мире императорской власти, так называемого принципата. В течение многих веков власть эта правила Галлией и наложила неизгладимую печать на нравы и законы страны.

Основным принципом публичного права в Риме было народное самодержавие, воплощенное в комициях и сенате. Когда Империя раздавила комиции, сенат остался единственным источником законной власти. На императоров смотрели, как на делегатов сената, а через его посредство — народа, которого он считался уполномоченным. Идея наследственности принципиально не вытекала из идеи императорской власти, хотя фактически при одобрении сената император мог обеспечить передачу власти сыну. До самого конца Империи, когда на деле сильно уже привилась практика наследственной передачи монархической власти, в теории она по-прежнему, даже в законодательстве Юстиниана, считалась происходящей от народа. Если монархия не была наследственной, это не мешало власти императоров быть абсолютной. Суверенитет, хотя и делегированный, был полным и безграничным. В руках одного он был тем же, чем был в руках народа или уполномоченных его магистратов.

Республиканская конституция выражалась в разделении верховной власти народа между многими магистратурами, коллегиально организованными. Коллеги ограничивали власть друг друга, и отдельные магистратуры как бы вступали в конфликт одна с другой. Сенат умел использовать этот конфликт в интересах своего авторитета. Когда рассеянные компетенции сосредоточивались в одной руке, получился своеобразный деспотизм, который и называется Империей. Императорская магистратура не является суммой всех республиканских магистратур, как утверждают иногда. Сущность власти императора основана на трех полномочиях: 1) он был Pontifex Maximus (верховным понтификом), т. е. главой национальной религии; 2) ему предоставлялась tribunicia potestas (власть трибуна) с ее личной неприкосновенностью, правом законодательной инициативы и вето; 3) он обладал imperium proconsulare (проконсульскими полномочиями) со всей полнотой военной и судебной власти. Вдобавок ко всему он — Август, что приближает его к богам. Надо заметить, что сенат не ограничивался

дарованием титулов, но перечислял в особом акте все функции передаваемой власти, в совокупности которых заключалось верховное руководство всеми отраслями управления.

В новом строе крылась двойственность. Власть императора порождена была революцией против сената, и сенат, хотя формально оставался носителем суверенитета, — уже не мог быть им на деле. Армии, создавшие Империю, были опорой императоров, они же их низвергали. Сенат только присутствовал при катастрофах и санкционировал их результаты. Но и он волновался от сознания наставшего бессилия, и воспоминания о былой славе пробуждали в нем стремление возвратить старину. Стоя между замыслами курии и мятежами войска, Империя долго не могла приобрести устойчивости и выработать твердую систему передачи власти.

Сенат не только утверждал и низлагал императоров, он сохранял свою долю в управлении. Империя не решалась рвать с прошлым. Этим объясняется изобретение того своеобразного режима «диархии», от которого сама Империя терпела затруднения в течение трех веков.

При Октавиане, как известно, провинции были разделены на: 1) сенатские — это те, которые были замирены, и 2) императорские, которым угрожала война. В последних стояли армии, и «цезарь» правил ими на правах проконсула. Впрочем, этот титул начинает все реже употребляться применительно к новому владыке. Сущность его власти чаще выражается именно титулом imperator. Подобно проконсулу, император имеет своих легатов, но проконсульские легаты жили при своих начальниках в той же провинции legati pro praetore provinciae (легаты пропреторы провинции); император же рассылал своих легатов из Рима для управления провинциями от его имени — legati Augusti pro praetore provinciae (легаты Августа пропреторы провинции). Их избирали, смотря по важности провинции, из бывших консулов или преторов. Деление провинций на консульские и преторские применялось и к сенатским, но правители сенатских провинций именовались по-старому проконсулами. В их провинциях не стояло войска, и они не имели военной власти, которой обладали легаты императора.

Это двойное управление требовало двоякой финансовой организации. Император обладал своей казной — fiscus (фиск), сенат — своей, называвшейся по-старому aerarium (эрарий). Сообразно этому, доходы сената собирались квестором, подчиненным проконсула, императорские — прокуратором, состоявшим в распоряжении легата. Эта двойственность, впрочем, становилась чистой фикцией: проконсулы должны были назначаться по жребию, но кандидатов к жеребьевке намечал император; в экстренных же случаях он просто назначал своих людей. Сенат не имел силы бороться с этим и, в конце концов, передал императору полномочия, которые делали его начальником проконсулов. Так император стал господином сенатских провинций, как и своих собственных.

Одним из важных орудий совершавшейся эволюции, в которой постепенно исчезала действительная сила сената, было всадничество — ordo equester.

Император брал высших своих должностных лиц из сената. Было бы неосторожно отнять у сенаторов эту последнюю прерогативу. Но сенат слишком много потерял, чтобы не вызывать подозрений. В этом смысле всадническое сословие внушало меньше опасений, как менее связанное с республиканскими традициями. Тут император мог рассчитывать на верных слуг и помощников. Сперва он будет брать из его состава своих финансовых прокураторов, этим прокураторам он потом доверит управление некоторыми провинциями. Из тех же рядов он будет назначать начальника своей гвардии, префекта претория, которому даст судебные функции и сделает вторым лицом в Империи. Этими людьми он наполнит свои канцелярии. Их положение по виду не блестяще, но они являются носителями воли императора, и перед ними должны склоняться самые знатные. Мало-помалу из всадничества вырастает новая имперская аристократия. Так сокращалась сфера деятельности сената. Она свелась к нулю, когда доходы *эрария* все направлены были в *фиск*. Вместе с тем исчезла разница сенатских и императорских провинций: ее нет уже и следа в системе Диоклетиана.

Прерогативы сената связаны были с тем, что называли «свободами» Италии. Италия не была провинцией, она была расширенным Городом, ареной старых республиканских прав. Не повинуясь ни проконсулу, ни легату, она зависела от сената и его магистратов. Она не платила земельного налога, и так как в ней все были римскими гражданами, а вне ее в то время их почти еще не было, то жители ее обладали привилегией пополнять легионы и те учреждения, где служба была наиболее почетна и выгодна.

Ассимиляция Италии с провинциями могла совершиться только в ущерб сенату, потому-то и сенат, и Италия борются против нее. Но движение это совершалось с роковой силой, и его завершение в начале IV века было последним ударом сенату.

II. Провинциальные округа[57]

Организация Галлии была делом Августа. Он разделил ее на несколько провинциальных округов. Сперва она составляла одну провинцию — Трансальпинскую Галлию, куда входили: 1) земли, завоеванные Цезарем, 2) прежняя Провинция, определившаяся в 121 году до Р. Х., которую с 27 года до Р. Х. будут обозначать именем Нарбоннской. Как до этого времени различали в административном языке эти две части — мы не знаем. Выражение Galliacomata («волосатая Галлия»), применявшееся к Аквитании, Кельтике и Белгике за развевавшиеся волосы их жителей, не имело официального значения. Вероятно, будущая Нарбоннская Галлия называлась просто Gallia или Gallia Transalpina (Трансальпинская Галлия), тогда как к приобретениям Цезаря применялось имя Tres Galliae (Три Галлии), которое удержится и во времена Империи.

Цезарь остался истинным господином Галлии до самой смерти. Он удержал единство страны, управлял ею через заместителя с титулом проконсула. Великий

император был убит в 44 году. Одним из его последних актов было — привязать будущую Нарбоннскую Галлию к ближней Испании, порученной Лепиду. Здесь как бы находила свое выражение старая теория, по которой южная Галлия рассматривалась, как посредствующее звено между Италией и Пиренейским полуостровом. Во главе «Трех Галлий», по завещанию диктатора, поставлен был Луций Мунаций Планк, который обессмертил свое имя основанием Лиона.

В борьбе, разыгравшейся после смерти Цезаря, Планк стал сперва за республику против Антония, но когда в мае 43 года на границах Нарбоннской Галлии вместо битвы произошло соглашение между Антонием и Лепидом, когда Октавиан, в свою очередь, повернул фронт, — Планк перешел на ту сторону, где была сила.

Через несколько месяцев, в ноябре, Октавиан, Лепид и Антоний образовали второй триумвират. Лепид сохранил Испанию и Нарбоннскую Галлию, Антоний взял остальную ее часть. В 42 году по новому соглашению Антонию отдана была вся Трансальпинская Галлия, а когда через два года по новому дележу Антонию достался восток, а запад — Октавиану, судьбы Галлии оказались в его руках.

В его заботах она всегда стояла на важном месте. Он не довольствовался тем, что посылал туда лучших своих сотрудников и членов своей семьи: он сам часто и подолгу живал там. Он появился в Галлии в 40 году для набора войск (тогда Галлия еще не принадлежала ему по праву), а в 35 году вернулся сюда, облеченный правильными полномочиями, и провел здесь целую зиму. Здесь же он прожил весь конец 27 года, а от 16 до 13 года жил в Галлии все время. Мы встречаем его в ней еще в 10 и в 8 годах.

Сперва он оставил неизменной систему Цезаря и Антония: Галлия управлялась проконсулами и легатами. В 38 году сюда назначен был Агриппа. Но его правление на этот раз длилось только год. 27 год был великим моментом в истории Империи. Монархия вступает в органический период своего существования. Октавиан стал Августом. Между ним и сенатом установлен раздел власти. В том же году празднуется триумф Валерия Мессалы. Галлия замирена. Настал момент дать ей окончательную организацию.

В конце 27 года Август созвал в Нарбонне собрание именитых людей. Тогда учреждена была особая Нарбоннская Провинция. Пять веков греческого влияния, два с половиной века римского влияния прорыли пропасть между нею и остальной частью Галлии. Мы увидим далее, как колонизация, начатая диктатором и продолжавшаяся после его смерти по его планам, уже успела преобразовать страну и наложить на нее тот латинский облик, какой она сохранила до наших дней. Понятно, что Август не счел нужным подчинять разнообразное население обширной страны (всей Галлии!) общему управлению. Связь между ее частями определялась только объединением ее в одно таможенное целое.

Хотя и вполне спокойная, Нарбоннская Галлия не сразу перешла в руки сената. У императора была относительно нее целая программа, куда входили операции кадастра, основание колоний, создание и организация муниципиев,

украшение городов. Всем этим он хотел руководить сам. И только к 22 году из императорской преторской провинции Нарбоннская стала сенатской, того же разряда, и осталась ею до IV века по Р. Х.

Дальнейшее деление Галлии будет установлено между 16 и 13 годами, во время пребывания Августа в Лионе. Новые округа будут держаться, со значительными, однако, отступлениями, тех делений, которые наметил Цезарь в «Комментариях». Белгика, которую Цезарь ограничивал линией Сены и Марны, образует отдельную провинцию, простирающуюся на востоке на всю область от Соны и Роны к Рейну до его устья. Еще значительнее было увеличение Аквитании. Это имя, покрывавшее у Цезаря только иберов южнее Гаронны, теперь захватило всю страну от Пиренеев до Луары. Между этими двумя провинциями, выросшими за ее счет, старая Кельтика, превращенная в Лионскую Провинцию, сжалась в узкую, длинную полосу от Соны до океана.

Различные мотивы определили эту реорганизацию: деления Цезаря были неравномерны, они опирались на чисто этнографические основания, но группировка народцев, превращавшихся в civitates (муниципальные округа), по их племенному родству могла представлять известные неудобства, Белгику действительно необходимо было протянуть вдоль всей восточной границы. Особенное значение при этом перераспределении получил город Лион, колония, основанная в 43 году до Р. Х. Мунацием Планком в месте, где сливаются Сона и Рона.

Если бросить взгляд на Августову карту Галлии, то можно заметить, что крайние точки всех четырех провинций (включая и Нарбоннскую) сходятся у Лиона, подобно четырем треугольникам, расходящимся веером из одной точки. Лион находится не в центре своей провинции (бывшей Кельтики): он сторожит вход в нее. Территория, приписанная к самому городу, очень невелика. Если ее обойти кругом, то в короткое время попадешь из Нарбоннской в Аквитанию, оттуда в Лионскую и в Белгику, перерезывая магистрали дорог, которые из глубины провинции бегут к этому центру, как ныне сеть французских железных дорог сходится в Париже.

Мысль Августа раскрывается в истории Трех Провинций. Он не думал создать из каждой независимое целое. Он объединил их под властью правителя, жившего в Лионе и носившего титул легата Трех Галлий. Мы не знаем в точности, как определялись его отношения к отдельным легатам — Лионской, Белгики и Аквитании; не знаем, назначались ли они им, или самим императором. Но и в последнем случае несомненно, что они подчинялись ему, находясь под его imperium maius (верховной властью).

Выразителен список лиц, занимавших этот пост: во-первых, Агриппа, вторично управлявший Галлией от 22 до 21 гг. Два его коротких пребывания здесь были очень плодотворны. Он подавил восстания на юго-западе и северо-востоке, укрепил германскую границу, основал крепости Майнц и Кельн, обеспечил будущность Лиона, наметил систему дорог, которая должна была изменить лицо страны. Сменивший его М. Виниций был личностью бесцветной, но уже

в 15 году его, в свою очередь, сменяет Тиберий Клавдий Нерон, пасынок Августа, будущий император Тиберий. Через год на его место становится брат его Друз, но по смерти последнего, в 9 году, Тиберий снова занял это место и оставался на нем до 6 года, когда ссора с Августом вынудила его уйти. В 4 году он снова вошел в милость и управлял Галлией еще два года. Его преемник, П. Квинтилий Вар, также был родственником императора, мужем его племянницы. Страшное поражение в битве с германцами в Тевтобургском лесу, где его постигла смерть (в 9 году по Р. Х.), вынудило новый призыв Тиберия. Он остался в Галлии до 13 года, когда вернулся в Рим, чтобы принять наследство Августа. Его преемником в Галлии был Германик, сын Друза, приемный сын и предполагавшийся наследник императора.

Можно себе представить, какой блеск придавало Лиону присутствие всех этих знаменитых правителей, а часто и самого императора. Они не обитали в нем все время, появляясь здесь, когда дела требовали их присутствия, чаще всего становясь во главе Рейнской армии. Но Лион был их официальной резиденцией. Здесь часто живали они с семьями. Колония Планка становилась вторым городом в Империи. Подобно Риму, она имела свой двор. Здесь родился будущий император Клавдий, младший сын Друза.

Миссия наместника императора была двоякая: во-первых, надлежало довершить внутреннюю организацию страны, во-вторых, покорить Германию. Но последняя задача будет оставлена в начале царствования Тиберия, а первая к тому времени окажется законченной. С этого момента наместничество теряет смысл и начинает представлять, ввиду исключительности своего положения, известные опасности, что и заставляет его уничтожить. После Германика Три Провинции переходят на общее положение и будут управляться каждая легатами в преторском звании под главенством императора. Страна была слишком недавно покорена, чтобы можно было передать ее сенату, но вместе — рейнские армии достаточно хорошо выполняли свое дело, чтобы она нуждалась в военной оккупации. Поэтому легаты Галлии, не в пример прочим имперским легатам, имеют лишь гражданскую власть, а пограничные области армии подчинены особому управлению.

Перестав быть резиденцией наместника, Лион все же остался политическим и религиозным центром страны. Ему были доверены символы новой государственной религии: на слиянии двух его рек воздвигнут был алтарь Августа и Рима. Здесь сходились, чтобы принести клятву верности Империи, депутации Аквитании, Белгики и Лионской Галлии.

Хотя Альпийские провинции не считались частью Галлии, но их трудно отделить от нее. Их организация является, как и само их завоевание, позднейшим фактом. Римляне, господа Галлии, не были хозяевами ведших в нее дорог, сообщение с ней было обеспечено только по Средиземному морю и прибрежной дороге. Горные проходы через Альпы были известны издавна, но они были труднодоступны вследствие нападений горных народцев. В первый же год галльской

войны Цезарь был задержан ими в долине Дюрансы. Три года спустя он тщетно пытался прочно утвердиться в Валлисе. Эту задачу он завещал своему преемнику.

Первые удары направлены были на салассов, занимавших долину Дора-Балтеа и стороживших проходы Малого и Большого Бернара. Теренций Вар, которому было поручено это дело, выполнил его с беспощадной энергией: 40 тысяч салассов были проданы в рабство, и их место заняли 3 тысячи преторианских солдат, посаженных в новой колонии Augusta Praetoria (Августа Претория) (Аосты). Через 15 лет военные операции возобновились с еще большей настойчивостью. На этот раз Альпы взяты были с другой стороны, и круговое движение, обходившее их от Адижа до истоков Дуная, было только прелюдией войн, которые немного позже будут предприняты для завоевания Германии. Рядом блестящих побед Друз и Тиберий присоединили к Империи страны, соответствующие Тиролю, восточной Швейцарии, южной Баварии. В следующем, 14 году, наступила очередь народов, живших у Средиземного моря.

Замирение итало-галльских Альп было закончено. В воспоминание великого дела в том месте, где кончается Альпийская цепь (над Монако), воздвигнут был памятник на вершине, нынешнее имя которой Турбия, напоминает старое — «Трофеи Августа». То было огромное сооружение из белого мрамора, окруженное колоннами, украшенное барельефами с военными сценами, увенчанное колоссальной статуей императора с надписью, текст которой сохранил Плиний Старший[58].

Данные области были слишком чужды римской культуре, чтобы их можно было присоединить к Италии или Нарбоннской Галлии. Они не получили единого управления: Август не рискнул бы установить здесь наместничество, которое, ввиду значения завоеванной страны и ее близости к Риму, должно было быть поручено сенатору. Он разбил ее на мелкие округа, которые поручил своим уполномоченным из всадников, дав им «вспомогательные» отряды, ибо простой всадник не мог командовать римским легионом. Они носили титул *префектов*, а при Клавдии и Нероне — *прокураторов*. Самыми обширными из новых провинций были Реция и Норик, организованные в 16 и 15 гг. (это нынешние Тироль и Австрия).

На южной границе Галлии шел округ Морских Альп, на несколько километров не доходивший до моря, но внутри гор захватывавший течение Вара и Вердона. Его города были — Cemelum (Кемел) (Cimiez — Симиез), Vintium (Винтий) (Vence — Венс), Salinae (Салины), Senitium (Сенитий) (Senez — Сенез). Севернее тянулся округ Коттийских Альп, названный так по имени местного князька Коттия. Память о нем долго жила в его столице Segusio (Сегизио) (Susa — Суза). Здесь до IV в. чтили его могилу, и доныне сохранилась прекрасная триумфальная арка, воздвигнутая им в честь Августа, с надписью, перечисляющей 14 племен, вождем которых он был. Его отец Донн в награду за услуги получил от Цезаря римское гражданство и имя Юлия. Сын после некоторых колебаний вернулся к политике

отца и проявил свою преданность в памятную кампанию Тиберия и Друза. Дружба этого «привратника Альп» оказалась очень ценной. В 8 году он получил за нее титул префекта, который сохранялся за его семьей, пока не угасла династия Коттия. При Нероне округ стал обычной прокураторской провинцией. Она простиралась вдоль Доры-Рипарии, почти до Турина, и захватывала верхнюю долину Дюрансы. В ней известны города — Brigantion (Бригантион) (Briancon — Брианкон), Eborudunum (Эборудун) (Embrun — Ембрён и Caturiges (Chorges — Шорж). Долины Арка, Изеры и Роны образовали третью провинцию — Пеннинские Альпы, отделенную от Реции во II веке. Она естественно распадалась на две части: северную — Vallis Pennina или просто Vallis, с четырьмя общинами, сгруппированными около трех городов: Drusomagus Sedunorum (Дризомаг Седунов) (Sion — Сьон), Octodurus Varagrorum (Октодур варагров) (Martigny — Мартиньи), Tarnaiae Nantuatium (Тарнайи нантуатов) (Saint-Maurice — Сен-Морис). Область Грайских Альп, населенная цеутронами, имела города — Tarantasia (Тарантазия) и Axima (Аксима). В последнем находилась резиденция прокуратора.

III. Организация германской границы[59]

Провинциальные округа, установленные Августом, просуществовали более двухсот лет. Только в управлении Белгики уже в I веке произошли довольно существенные изменения, связанные с римско-германскими отношениями. Белгика граничила с германцами по всей линии Рейна. За этим военным фронтом простиралась более мирная страна, опиравшаяся на Сону и Марну. Различие этих двух областей привело к полному разделению в их управлении.

В течение I века политика императоров в Германии прошла несколько фаз: сперва наступательная, она скоро станет только оборонительной, потом снова сделается смелее, но в новом агрессивном движении не будет ставить прежних далеких целей.

Походы Цезаря за Рейн, будучи только демонстрациями, показали путь и осветили будущее его наследникам. Скоро стало опять очевидным, что Рейн не мог задержать разбойничьих вторжений варваров, которые в самой Галлии питали дух мятежа. В 16 году германские шайки остановили целый легион. Становилось ясно, что, если внутренние неурядицы задержали на время выполнение программы божественного Юлия, то теперь настал час окончить его дело и довершить замирение Галлии подчинением Германии. В 12 году, закончив войну на Альпах, Тиберий и Друз двинулись сюда. Тиберий действовал в Паннонии, Друз шел с севера. Атака началась с моря: бури океана казались менее страшны, чем леса Германии. Флот вступил в устье Везера, войско шло вдоль реки. В четыре кампании армия, покоряя встречные племена и усмиряя вспыхивавшие восстания побежденных, добралась в 9 году до Эльбы. В этом году смерть от несчастной случайности унесла Друза, но дело его успешно продолжал поспешивший сюда Тиберий. Он сохранил командование армией до 6 года до Р. Х. и снова получил

его в 4 году по Р. Х. Этот почти 10-летний перерыв его деятельности был временем остановки в завоевательном движении Рима. Одинаково сильный как полководец и как политик, он достиг прочных результатов, добившись формального признания покорности от побежденных народов.

Германия казалась покоренной. Она подчинялась влиянию римских нравов, строила города, устраивала рынки, склоняясь перед «тогой» и «властью». Она не образовала особой провинции, а была присоединена к Белгике. Та же мысль, которая заставила собирать представителей Галлии вокруг алтаря в Лионе, побудила здесь к созданию алтаря убиев. Убии выделились своей преданностью Цезарю, своей большой культурностью. Агриппа в 38 году переселил их на левый берег Рейна на место, где образовался простой oppidum, впоследствии Кельн. Здесь они стали на страже римского имени. Их географическое положение было аналогично положению Лиона: опираясь на Белгику, как Лион на Нарбонну, город убиев оставался в тесном соприкосновении с культурой, свет которой он принимал и разливал. Культ, центром которого он сделался, получил жреца в лице херуска Сигмунда, сына Сегеста. Другой алтарь, посвященный Августу, воздвигнут был на берегах Эльбы Л. Домицием Агенобарбом во 2 году до Р. Х. Он должен был служить центром племен, живших вокруг этой реки.

Главные германские племена, подчиненные Империи, были — батавы в Рейнской дельте, каннинефаты у Северного моря, узипии на Липпе, сикамбры на Сиге, тенктеры на Лане, маттиаки у Майна, далее фризы у устья Эмса, ниже ампсиварии, тубанты, бруктеры; еще глубже по Везеру и до Эльбы — хавки, лангобарды, наконец, в сердце Германии — хатты и херуски. Многие из этих племен составляли вспомогательные отряды. Всюду среди них были у Рима союзники или тайные друзья. Могущественная армия поддерживала повиновение. Особенно охранялись главные пути вторжения — долины Липпе и Майна. Главные крепости были — Castra Vetera (Кастра Ветера) (Ксантен), Moguntiacum (Могунтиак) (Майнц); Vindonissa (Виндонисса) (Виндиш) на Ааре стерегла южную Германию, менее населенную, и поддерживала связь с Дунаем. На истоках Липпе, у входа в «Вестфальские ворота» подымалась крепость Aliso (Ализо) (Эльсен), связанная с Castra Vetera цепью постов вдоль двойной дороги, по обоим берегам Рейна. Другая дорога, наподобие дамбы, шла по болотистой долине к Эмсу. Отдельные гарнизоны получали подкрепление весной, летом занимались походами, военными демонстрациями, потом отряды возвращались, чтобы провести зиму в рейнских крепостях.

Кольцо, сжимавшее Германию, прерывалось в одном месте. В квадрате богемских гор, под управлением короля Марбода жило мощное племя маркоманов. В 6 году по Р. Х. на них организовано было нападение одновременно с двух сторон: со стороны Майна легатом Секстием Сатурнином, и с Дуная — Тиберием. Оно было задержано восстанием племен, обитавших в Паннонии и Далмации, которое охватило всю страну к северу от Балкан. Положение было опасно. Промахи Марбода спасли Италию, но трудная война затянулась и привела только

к восстановлению мира в дунайских провинциях. В этот момент, как громовой удар, пришла весть о гибели Вара.

Завоевание Германии было очень поверхностно. Страна не переставала волноваться, с 4 года по Р. Х. участившиеся мятежи вызвали новое появление Тиберия. Но в 6 году он был отозван, а слухи о восстании на Дунае усилили возбуждение и в Германии. Между тем лучшие армии и вожди были переведены на Дунай, и на севере остался только Квинтилий Вар с отрядами новобранцев. В его свите выделялся молодой, благородный херуск Арминий или Герман. Служа в римских рядах, он таил в душе ненависть к завоевателям. Он вошел в близость к полководцу и легко подготовил предательство. Армия из 3 легионов и 9 вспомогательных отрядов шла к Ализо. Он отклонил ее от этой дороги, ссылаясь на необходимость усмирить местное восстание, завел в Тевтобургский лес и предал врагу, который ее поджидал и уничтожил (лето 9 года).

Поражение Вара не имело тех последствий, какие ему иногда приписывали, и не изменило планов Августа. Тиберий был призван на место своих прежних подвигов и во главе восстановленной армии в 11 и 12 гг. совершил победоносные походы за Рейн. Германик продолжал его дело и вновь поднял престиж римского оружия. В 15 году он дошел до Эмса, в 16 году — до Эльбы. Тут, однако, он был отозван Тиберием. И это был поворотный момент в римско-германских отношениях. Сам факт Тацит объясняет подозрительностью Тиберия, завистью к племяннику, которому легионы уже предлагали пурпур. Это объяснение правдоподобно, но оно не единственное: чтобы властвовать над Эльбой, рейнской армии было мало; продвинувшись вглубь Германии, она оставляла Рейн без защиты и бросала Галлию на произвол судьбы; между тем, последняя требовала зоркого наблюдения. Стоила ли того Германия? Тиберий поступил в этом случае как государь, берегущий средства и кровь своих подданных.

Решено было очистить территории, далекие от Рейна, и сохранить нечто вроде протектората над племенами, жившими вдоль правого его берега. Канинефаты, фризы, узиции, сикамбры по-прежнему фигурировали в римских армиях в звании союзников и составляли кордон вдоль реки. Эта узкая лента расширялась у Могунтиака. Долину Майна, обычный путь варварских вторжений, стерегли маттиаки на южном склоне Таунуса. Южнее в Шварцвальде тянулась «пустыня гельветов», занимавших эти места до перехода своего в нынешнюю Швейцарию. Маркоманы, жившие здесь после них, также покинули страну, чтобы перейти в Богемию. В начале I века местность обезлюдела и была открыта для новых захватов. Стали являться сюда колонизаторы из римской Галлии, прорубая топором путь через леса. Римское правительство не могло не обратить внимания на этих смелых пионеров. Оно предложило им свое покровительство, но потребовало от них десятину дохода с обрабатывавшейся ими земли. Отсюда имя *Десятинных полей* — Agri Decumates, данное этому краю. Мы не знаем точно, когда началось его заселение, но дело уже очень подвинулось при Веспасиане (69–79).

Отступление римлян из Германии лишило «алтарь убиев» его прежнего религиозно-политического значения. В то же время из провинции Белгики выделена была и та пограничная, прирейнская полоса, к которой свелась теперь римская Германия. Она образовала особую обширную военную территорию, распадавшуюся на Верхнюю и Нижнюю Германию — каждая с особой армией и особым военным легатом во главе. Первая шла от пределов Швейцарии к северу, примерно до линии между Кобленцом и Бонном. Вторая простиралась дальше на север.

Организация обеих Германий была довольно своеобразной. Они никогда не назывались провинциями. Это было нечто большее. Высшие должностные лица, поставленные над ними, пользуются равно гражданской и военной властью, и полномочия их способны были гибко расширяться в случае необходимости. Именуясь консулярами, тогда как легат Белгики был только praetorius (преторий), — они стоят иерархически выше его, и в случае волнения в Галлии могли вмешаться, что было бы невозможно, если бы управляемые ими округа были введены в рамки обыкновенной «провинции».

До эпохи Флавиев римское правительство на Рейне и Дунае держалось чисто оборонительной тактики, отражая нападения и поддерживая соперничество племен. Восстание Цивилиса в 70 году вывело его из этого положения. Дерзость германцев зашла далеко, на нее нужно было наложить узду. Кампания 73–74 гг. известна лишь по надписям. Не лучше знаем мы кампанию Домициана в страну хаттов в 83 году. Но политика этого времени ясна: верные системе Тиберия, императоры не мечтают о великой Германии, а лишь хотят короче связать линию Рейна с линией Дуная. Это позволяло сблизить армии обеих границ, давало им возможность поддерживать друг друга, и в будущем, может быть, уменьшить их наполовину, стало быть, облегчить податную и рекрутскую повинность населения. С 74 года проведена была укрепленная военная дорога от Аргентората (Страсбург) через нынешний Баден к Реции. Тем самым Десятинные Поля, включенные в Верхнюю Германию и простиравшиеся до линии Неккара, были защищены от вторжений варваров и открылись римской культуре, которая стала расцветать здесь с удивительной быстротой.

Траян довершил дело Веспасиана и Домициана, закончив возведение вдоль новой границы вала, limes, остатки которого недавние раскопки проследили на всем протяжении. Слово limes, собственно, означает не стену, а дорогу. Применяя к границе государства тот же обычай, что и к межам частной собственности, римляне задумали оставить между своей территорией и владениями соседей-варваров открытую полосу земли, шириной в 1–2 километра. Она не везде опиралась на укрепления. Если по линии протекала река, она считалась достаточной естественной границей, иначе воздвигались искусственные заграждения. Германский limes отделялся у Лорха от рецийского, который шел от Дуная. За Лорхом он поворачивал к северу и оканчивался у Майна, около Альтштадта, получая в реке свое продолжение. Он снова выступал у Нассау, огибая область Таунуса и кончался у Рейна, около Кобленца.

Этот вал был «гигантским» (так его иногда называют) только по протяжению. Он состоял из земляной насыпи 3–5 метров высоты, со рвом и палисадом впереди. На расстоянии приблизительно 15 километров шли одно за другим укрепления — castella (крепости), могущие приютить небольшой гарнизон. Все эти сооружения не могли остановить сильного и решительного неприятеля. Ничего не обнаруживает в них исключительно или даже преимущественно стратегического назначения. Вал шел прямо, по горам и долинам, игнорируя выгоды в колебаниях почвы, которые можно было бы использовать для увеличения его оборонительной силы.

Что касается крепостей, то в выборе их места в такой же мере руководились удобством и приятностью местоположения, как и военными соображениями. Римские полководцы слишком хорошо знали свое ремесло, чтобы рассчитывать на защиту чего-то вроде «китайской стены». Они знали, что нет ничего хуже, как ожидать сражения с мечом в ножнах, за стенами крепости по линии в 200 миль. Limes был рассчитан не на войну, а на мир, но мир неспокойный, прерывавшийся не столько общими нападениями, сколько мелкими вторжениями грабительских шаек. Нужно было, чтобы они не проскользнули незаметно, а для этого достаточно было самого небольшого препятствия, — лишь бы оно имелось повсюду. Часовые били тревогу, отряды сбегались из фортов и легко справлялись с нападавшими. Флотилия, которой поручена была охрана Рейна, выполняла ту же службу вдоль реки.

Limes играл еще роль таможенной границы. Римское правительство старалось свести до минимума сношения с варварами. Германские произведения были ему не нужны, а экспорт был строго ограничен из опасения доставить ресурсы врагу: запрещен был вывоз пищевых продуктов, оружия и материалов, из которых его можно было изготовить. Не меньшим ограничениям подвергалось передвижение людей: на римскую территорию германец мог вступить только днем, безоружным, с предварительного разрешения. Всем этим предосторожностям помогала закрытая линия границы.

Главные военные силы стояли вдоль Рейна. Нигде Рим не сосредоточивал такого количества войск. Тут стояло в I веке не менее 8 легионов, т. е. 40 тысяч солдат; затем шли вспомогательные отряды и рейнская флотилия, в общей сложности не менее 60 000 человек, т. е. 1/4 или 1/5 всей императорской армии. Впоследствии, с завоеванием линии Неккара, которая сократила границу, это число уменьшилось до 5 (при Траяне) и до 4 (при Адриане) легионов.

Армия распределялась на гарнизоны, занимавшие постоянные лагери, которыми служили первоклассные крепости, превращавшиеся в цветущие города, которые и до наших дней остались таковыми. Из 4 легионов в Нижней Германии два стояли около города убиев. Этот город, названный в 50 году в честь Агриппины (жены Клавдия, дочери Германика, родившейся в его стенах) Colonia Agrippinensis (колония Агриппины), остался и впоследствии резиденцией легата, хотя легионы были от него потом отодвинуты, — быть может, потому, что

опасались конфликтов между военной властью и городской магистратурой; быть может, потому, что переход через реку достаточно хорошо охранялся старыми, верными союзниками. Из этих двух легионов один перешел в Novaesium (Новазий) (Нейс), другой — в Bonna (Бонну) (Бонн). Другие два легиона долго стояли в Кастра Ветере, и только pronunciamento (переворот) Антония Сатурнина 88–89 гг. заставил разделить их и перевести один в Noviomagus (Новиомаг) (Нимвеген). Во II веке Кастра Ветера и Бонна остались главными квартирами нижнегерманских легионов.

Главной столицей и крепостью Верхней Германии был Могунтиак (Майнц), сохранивший свое значение до конца, хотя и из его двух легионов один впоследствии был выведен. Другие 2 легиона стояли в Аргенторате и Виндоссе. Из последней легион будет выведен после окончательного завоевания Десятинных Полей.

Кроме того, в отдельных местах разбросаны были вспомогательные корпусы и отряды (vexillationes), время от времени выделяемые из главной армии. Они оставили всюду следы своего пребывания в надгробных памятниках солдат, кроме того, отыскиваемые в почве римские кирпичи от лагерных построек указывают места этих временных лагерей, а штемпеля на них иногда помогают определить их дату. В бассейне Рейна и Неккара почти нет угла, где бы их не находили.

К концу I века обе Германии были переименованы в провинции. Это было сделано, во-первых, ввиду увеличения территории Верхней Германии. Еще более важную роль, однако, играло то соображение, что Галлия, вполне покорившаяся в 70 году, не нуждалась во вмешательстве рейнских армий, а, с другой стороны, исключительные права германского легата могли представлять неудобство. В финансовом отношении обе Германии по-прежнему остались подчиненными прокуратору Белгики, жившему в Трире.

IV. Провинциальные наместники. Суд[60]

Нарбоннская провинция, в качестве сенатской, управлялась проконсулом. Лионская, Аквитания, Белгика и обе Германии — легатами Августа. Проконсул Нарбоннский, как и легаты Трех Галлий, были простые «претории». Только во главе Германии стояли консуляры. Во II веке, когда границе грозила меньшая опасность нашествий, легатами Нижней Германии назначались бывшие преторы. В третьем ряду стояли правители провинций, считавшихся как бы частной собственностью императора. Они назывались procuratores (прокураторы) и принадлежали ко всадническому классу. Таковы были правители Альп Морских, Коттийских и Пеннинских. Легаты Августа и прокураторы Альпийских провинций назначались императором на неопределенный срок, но отзывались чаще всего через 5 лет. Проконсулы обычно назначались сенатом на год. Персонал помощников наместников был немногочислен: в Нарбоннской Галлии — квестор и легат-заместитель. В Трех Галлиях — несколько низших прокураторов.

Легаты Августа не могли никому передавать полномочий, полученных от императора: они не назначали себе заместителей. Легатам Германии были подчинены начальники легионов, которые также именовались легатами, но и те назначались императором специально для этой цели (legati Augusti legionis). В других провинциях, желая сохранить за верховным легатом только военное управление, назначали ему в помощь легата, называвшегося iuridicus — с судебной властью. Этой должности мы не встречаем ни в Галлии, ни в Германии.

Наместник всегда являлся в провинцию с целой свитой молодых людей, принадлежавших к знатным фамилиям. Само наименование их напоминает придворных императора — amici, comites. Они не только выполняли функции представительства, но и приучались к ведению дел, составляли совет своего начальника, служа ему своими юридическими познаниями, откуда имя assessores (помощники), consiliarii (советники), присвоенное им впоследствии. Далее шли более мелкие чиновники: ликторы, канцеляристы, скрибы, архиварии, глашатаи, переводчики и др., которых не знаешь, куда зачислить — в официальный штат или в домашнюю прислугу. Все они носили общее имя officiales (оффициалы).

Весь этот персонал состоял на жаловании. Последнее было точно установлено при Августе и взято на счет государства. Прокураторы, смотря по их важности, получали от 60 тысяч до 300 тысяч сестерциев (от 12 до 60 тысяч франков). Жалование легатов доходило до 1 миллиона сестерциев. Навряд ли это жалование устранило вполне незаконные поборы. Однако все же в положение провинции внесено было значительное улучшение фактом императорского контроля. Правда, он проводился недостаточно глубоко и основательно, но все же наместник времен Империи сильно отличался от республиканского. Последний зависел лишь от сената, т. е. своих же коллег и возможных соучастников его злоупотреблений; под конец он считался только со своей армией. Первый зависел от власти, более заинтересованной в подавлении злоупотреблений, чем в их поощрении. Императорский контроль получил правильную организацию после развития различных учреждений и канцелярий центральной администрации (41–54 гг.). Наместник связан был в своих действиях законом об учреждении провинции — lex provinciae. Он точно регулировал положение и права муниципальных общин. Кроме того, правитель получал специальные инструкции от императора (mandata principis) и должен был обращаться к нему во всех непредвиденных случаях. Ряд мер принимали против возможных злоупотреблений по отношению к населению и против возможных попыток пустить корни в стране и занять в ней угрожающее по отношению к государству положение. Наместник не определял ни цифры набора, ни цифры налога и не имел права поднимать ту и другую. Ему запрещено было в его провинции жениться, торговать, давать деньги в рост, приобретать недвижимость, он не мог устраивать игры, получать подарки от управляемых или знаки почета до конца службы. Мы увидим, что провинциалы имели возможность довести жалобы до императора. Все это не прекратило злоупотреблений, но, несомненно, сделало их более

редкими. Галлия имела немало прекрасных правителей, как Гальба, Агрикола, Септимий Север.

Легат и проконсул облечены были imperium'ом (властью); первый — от императора, второй, подобно самому императору, — от сената. Стало быть, они обладали, по римскому понятию, всей полнотой власти: были полководцами, правителями, судьями. Впрочем, в сенатских провинциях первая функция сводилась к нулю. В таком же положении были легаты Трех Галлий.

Права наместников ограничивались самим понятием «провинция». В нее, строго говоря, не входили «свободные» и «союзные» города, которые должны были оставаться автономными в своем внутреннем управлении. Однако они не менее, чем «подчиненные» города, покорялись верховной власти Рима, его Maiestas (величию). Итак, реально не существовало городов, вовсе независимых от влияния наместника. Все остальные должностные лица, какова бы ни была их компетенция, были ему подчинены. Весь порядок жизни провинции, прямо или косвенно, был поручен ему, и он отвечал за него перед императором.

После военных функций важнейшим делом наместника был суд. Почему-то он носил титул praeses, как заведующий судом. В III веке, когда начинают разделять военную и гражданскую власть, этот титул специально давался проконсулам, легатам и прокураторам.

Когда римское право вводилось в Галлию, оно уже совершило большую часть своего эволюционного пути. Законы городской общины, некогда узкие, исключительные, становились все больше кодексом всех цивилизованных народов. Эта трансформация совершалась по инициативе магистратов. Римляне сперва знали только jus civile (гражданское право), созданное для граждан. Когда на их территорию стали приливать иностранцы, нужно было создать право и для них. Забота об этом поручена была особому претору, который назывался peregrinus (перегрин), и на обязанности которого лежало судить столкновения иностранцев между собой и с римлянами. Подобно всем носителям публичной власти, он имел право издавать эдикты, т. е. постановления, имевшие силу во все время его магистратуры. В своем эдикте он обыкновенно излагал общие начала и процессуальные формы, которыми собирался руководствоваться, и которые, конечно, были иными, чем те, какие применялись к римским гражданам. Нечто он позволял себе упрощать, нечто изменять, руководствуясь известной идеей «естественной справедливости», представление о которой начинало проникать в умы и готовилось разбить отжившие традиции. Работа претора-перегрина находила соответствие в дальнейшей эволюции самого ius civile, которое развивали в том же направлении эдикты «городских» преторов (praetores urbani). Эдикты переживали своих творцов и являлись авторитетными для их преемников, которые принимали их и дополняли. Так создавалось новое право, более гибкое, широкое и гуманное, нежели древнее. Еще различалось право граждан и право иностранцев, но они уже сближались и сливались под влиянием новых идей.

Та же система действовала и в провинции: первым актом наместника было издание «эдикта». Согласно двойственной природе власти наместника, эдикт содержал две части: одну, воспроизводящую обычный эдикт «городского» претора, другую — комбинирующую римские законы с туземными. Эта вторая представляла больше оригинальности и интереса. К сожалению, до нас не дошло ни одного образчика документа этого рода. Наместник применял римские законы к городам, жившим по римскому и по латинскому праву. Он применял их и к городам подчиненным, считаясь с их местными обычаями — особенно в частном праве и во всех случаях, где не затрагивался государственный порядок. Свободные и союзные города (civitates liberae et federatae) получили право сохранять галльские законы, но могли от них отказаться; многие и не замедлили это сделать. Отдельные лица из их жителей могли также, по желанию, обращаться к суду наместника. Впрочем, свободных городов на территории Галлии было мало, и их автономия, особенно в уголовной юстиции, была скоро ограничена. Наконец, распространение римского права, завершенное знаменитым эдиктом Каракаллы, смело окончательно практику кельтского права, кроме немногих остатков его в глухих уголках быта.

Это и понятно. Доныне галлы знали только обычай. В римском праве они впервые получали писанный кодекс, обуздывавший произвол именно своей публичностью. И в нем были недостатки: жестокость кар, большая суровость к низшим классам. Но и галлы не знали равенства и привыкли к жестоким наказаниям. Зато это право не санкционировало тирании ни жреческой, ни семейной власти. Римское завоевание сломило господство друидов и клановый строй, освободило личность, разбило оковы теократии, обеспечило известную независимость женщине и детям, установило равенство в наследстве, уничтожило порабощение за долги, смягчило положение клиентов и рабов. Суверенитету касты, отца, домовладыки оно противопоставило суверенитет государства во имя разума и общего блага.

Источник римского права покоился в воле публичной власти. Оно вырабатывалось плебисцитами, сенатусконсультами, императорскими указами, решениями юрисконсультов, эдиктами преторов, а для провинций — первоначальным lex provinciae и эдиктами наместников. Впрочем, инициатива последних, как и преторов, заметно уменьшается в пользу императора. Их работа закончена, когда, по приказу Адриана, составлен был общий кодекс из их постановлений (edictum perpetuum) (131 г. по Р. Х.). Провинциальные эдикты составили достаточно полное законодательство, а исчезновение племенных обычаев делало ненужными новые добавления.

Как нам известно из юрисконсультов классической поры, т. е. конца II, начала III в. по Р. Х., в это время права свободных союзных городов и полномочия их магистратов оставались только воспоминанием. В их руках сохранилась лишь ничтожная компетенция. Главный авторитет сосредоточился в представителе центра.

Римляне различали imperium merum (полную власть), включавший ius gladii (право меча), т. е. уголовную юстицию, и imperium mixtum (смешанную власть), соответствовавший юстиции гражданской. Только проконсул обладал первоначально в провинции обеими властями в полном объеме. Но мало-помалу и легаты Августа, а также прокураторы большей частью получили ius gladii.

Наместник судил не только в главном городе области. Он открывал свой трибунал в различных пунктах в установленные дни. Такие заседания назывались conventus. Они привлекали большое стечение народа, которым наместник пользовался, чтобы вступать в общение с населением, узнавать его нужды, сообщать ему свои намерения, обнародовать указы императора. Уже Цезарь собирал такие conventus в промежутках между походами.

В Риме рядом со всяким магистратом при исполнении его функций стоял совет (consilium). Он помогал ему в освещении дела, но магистрат не был обязан следовать его указаниям. Сам император, когда творил суд, окружал себя советом из сенаторов и всадников. Совет наместника, а за его отсутствием, его легата, состоял из comites — его штата и видных людей провинции. Так влияние местного обывателя смягчало абсолютизм центральной власти.

К тем же следствиям вело учреждение так называемых iudices — судей. Их не следует смешивать с тем, что мы означаем этим именем ныне. Давно уже установился в Риме обычай, что магистрат, не имея возможности лично следить во всех деталях за ходом судебных дел, ограничивался предварительным расследованием фактов, выдвинутых истцом, притом не со стороны их верности или неверности, а с целью установить, под какое юридическое положение подходит дело. Установив это, он отсылал стороны к особо назначенному судье с формулой, содержащей решение вопроса. Задача iudex'а тут соединяла в себе функцию судьи в нашем смысле и роль присяжного. Он проверял реальность факта и, установив его, применял закон. Вся эта процедура, называвшаяся «формулярною», распадалась, таким образом, на две инстанции: первая, так называемая in iure, перед магистратом, и вторая — in iudicio, перед делегированным судьей. Конечно, магистрат мог завершить все дело и сам, практикуя в таком случае систему, называвшуюся cognitio (расследование), но это встречалось редко и только в определенных случаях. Смотря по обстоятельствам, назначался один или несколько судей. В последнем случае они образовывали трибунал recuperatores (рекуператоров). История этого трибунала темна. По-видимому, сначала он был создан для разрешения споров между римлянами и чужестранцами, и в нем бывали представлены национальности обеих сторон. Потому-то в нем заседали, по крайней мере, два судьи, чаще даже три или вообще нечетное число.

Список судей первоначально составлялся в Риме ежегодно претором сперва из сенаторов, потом — из всадников, затем, после некоторых колебаний — из обоих классов вместе. Август создал новую категорию судей из лиц, обладавших половинным всадническим цензом. Так создались *декурии*, корпорации судей, включавшие римскую старую аристократию и новую высшую «буржуазию».

Формулярная процедура, перенесенная в провинции, дала возможность приобщить провинциалов к судебным функциям. Они осуществляли их, заседая в совете наместника, а в особенности, выполняя роль судей. К сожалению, по этому предмету у нас мало сведений. Одна нарбоннская надпись, относящаяся к 11 году по Р. Х., говорит нам, что Август расширил на плебейскую массу в городах право участия в суде, принадлежавшее до тех пор муниципальному сенату или сословию декурионов[61]. В то же время, очевидно, под влиянием той же идеи, в самом Риме участие в судебных функциях было расширено за пределы сенаторского и всаднического сословия. К сожалению, мы не знаем, была ли вышеупомянутая мера проведена только в Нарбонне, или распространена и на другие провинциальные общины. Вероятно, список судей составлялся в провинции на тех же основаниях, что и в Риме: они брались из провинциалов, возвысившихся до звания римских граждан; в случаях же суда над перегринами составлялся смешанный трибунал. При этом *формулярная* процедура применялась, по-видимому, только к гражданским процессам.

Благодетельным нововведением Империи было право апелляции. Сами римляне не знали его до тех пор. Республика знала апелляцию к народу, но народный суд скоро стал судом первой инстанции, который решал в окончательном порядке. Притом он судил только уголовные дела. Коллегия трибунов обладала правом вето, которое могло стать в ее руках правом кассации. Но ее функции были исключительно политические, и она выступала только по собственной инициативе. Право апелляции явилось следствием иерархического соподчинения публичных властей. Оно не сразу было систематически организовано. Сперва единственной апелляционной инстанцией был император, который мог в отдельных случаях, например, при жалобе на провинциального наместника, делегировать это право специальному комиссару, взятому из среды консуляров. Со временем постоянным делегатом в этой роли стал префект претория. Скоро почувствовалась необходимость посредствующих ступеней: была установлена апелляция от муниципального магистрата к провинциальному наместнику; от судьи к магистрату; от легата к проконсулу. Идя по ступеням, дело могло дойти до императорского трибунала. Впоследствии апелляция останавливалась на префекте претория. Формальности апелляции были очень просты, и «формулярная» процедура заменилась на второй инстанции прямой cognitio.

Наместник не мог налагать своей властью на римских граждан (кроме служивших в войске) самых тяжелых наказаний, как смерть, ссылка, вечные каторжные работы, конфискация имущества. Соответствующие дела судились народными судами в Риме или заменявшими их комиссиями (quaestiones perpetuae). Это правило еще соблюдалось в I веке по Р. Х., с некоторыми нарушениями, мотивировавшимися необходимостью быстрых репрессий. Однако оно не могло удержаться по мере того, как римское право распространялось в провинции. Граждане сохранили только привилегию освобождения от унизительных форм пытки, но и она исчезла, когда качество гражданина перестало быть исключительным

отличием. Но это, впрочем, еще не создало равенства всех перед законом. На месте римской знати появилась новая аристократия — honestiores — более сановных и богатых людей, в отличие от низших — humiliores. Они не были подчинены специальной юрисдикции, как некогда римские граждане (это отличие сохранила только самая высшая знать, и оно было закреплено за ней в IV веке, но по отношению к ней все кары смягчались).

Кроме юрисдикции наместника, в сенатских провинциях существовала еще юрисдикция квестора. По римским понятиям, с каждой административной компетенцией связывалась известная доля судебной. Функции провинциальных квесторов напоминали функции римских курульных эдилов: они заведовали полицией игр, улиц, рынков. Отсюда вытекала юрисдикция, охватывающая все процессы, связанные с торговлей. Эта важная власть обусловливала право издания эдиктов, которые заняли особое место в собрании Адриана.

Другая юрисдикция, отмеченная специально административным характером, была передана императором Клавдием финансовым прокураторам по делам, связанным с интересами фиска. В чрезвычайных случаях в эти дела мог входить и наместник, но из отрывка Дигест, относящегося к первой половине III века по Р. Х., видно, что ему рекомендуется воздерживаться от этого (I, 15, 9, 1).

V. Налоги[62]

Римское владычество обложило галлов прямым налогом (stipendium, tributum) и косвенным (vectigal). Цезарь, покидая Галлию, подчинил ее военному налогу, в уплате которого имела долю каждая civitas, сама собирая своими средствами необходимую сумму. Этот личный налог Август заменил имущественным, основанным на количестве земли и сидевших на ней людей. Земли и личности были обложены по единообразной системе или тарифу, точная реальная сумма которого не определялась заранее.

Римские юрисконсульты развивают теорию земельного налога, отличную от нашей и основанную на античном понятии права завоевания. Покоренная земля становится государственной собственностью — ager publicus, достоянием римского народа, которое можно было конфисковать вполне или отчасти. Чаще всего ее оставляли прежним владельцам, но лишь на праве *пользования* — possessio, ибо собственность (dominium) требует двух условий: качества римского гражданина для субъекта собственности и римской земли — ager romanus, для ее объекта. Сочетание этих двух условий давало dominium ex iure Quiritium (по квиритскому праву), полной собственности по праву гражданина. Не нужно думать, что possessio являлось чем-то непрочным, ненадежным. Possessor жил под защитой законов своей страны, которые Рим знал и охранял, там же, где их заменил римский закон — его защищал последний. Ибо, если квиритское право (ius civile) не могло применяться к possessio, на место него являлось преторское право. Под охраной этой правовой стихии possessor (поссессор) мог спокойно пользоваться

имуществом, защищать его от захватов, продавать, дарить, завещать. Его ограничивало только верховное право римского народа, но оно сказывалось лишь в требовании налога. Единственная разница между поссессором и собственником по квиритскому праву заключалась в том, что первый платил поземельный налог, а второй — нет.

К концу республики «Италия», населенная одними римскими гражданами, как бы слилась с «Городом» и освободилась от поземельного налога. Так установилось различие *италийской* и *провинциальной* земли. Налогом была обложена не только провинциальная земля (даже в руках римского гражданина), но и всякая недвижимость на ней. Только немногие римские колонии (Лион, Вьенн, Кёльн) получили, в качестве привилегии, италийское право. Остальные civitates, даже «союзные», рано или поздно должны были подчиниться обложению (это, между прочим, и вызвало бунт эдуев в 21 году).

Поземельный налог предполагал перепись (census) людей и земель. Мы уже видели, какое волнение вызывала она в Галлии в I веке, пока население не привыкло к ней. Этот громадный труд был подготовлен уже с 44 года до Р. Х. работами по измерению и картографии, которые произвел на западе, по поручению Цезаря, агримензор Дидим. В 27 году до Р. Х. Август лично, находясь в Нарбонне, руководил всеобщею переписью, которую затем продолжали Друз (12 г. до Р. Х.) и Германик (14–16 гг. по Р. Х.). Ее повторили при Нероне (61 г.) и Домициане (83 г.). Настоящий, полный кадастр, однако, не был осуществлен: Август ограничился подсчетом населения и общим определением его платежных средств. По этим данным составлена была статистическая опись, переданная после смерти Августа от его имени сенату. Подробное же описание, с планами всех земель Империи, было составлено, по-видимому, только в эпоху Траяна.

Со II века по Р. Х. перепись стала повторяться каждые 15 лет. На этот срок, как бы соответствующий нашему бюджетному году, устанавливалась общая цифра налога. Термины этих пятнадцати лет не совпадали для разных частей Империи, ибо перепись производилась в разные сроки. В Галлии одновременно подвергались ей Лионская провинция, Белгика с двумя Германиями и Аквитания. Ценз производился наместником. Адриан (117–138 гг.) и Септимий Север (193–211 гг.) отделяли, впрочем, эту функцию от компетенции наместника и поручали ее особому прокуратору, называвшемуся ad census accipiendos или a censibus accipiendis (для взимания налогов). Главным агентам помогали специальные оценщики, особые для каждой civitas или группы civitates. Для этого служили офицеры соседних легионов, вступавшие таким путем во всадническую гражданскую карьеру. Они должны были контролировать таблицы, составлявшиеся муниципальными магистратами и называвшиеся libri censuales (цензовые списки), впоследствии — polyptyca (полиптихи).

Единообразие поземельного налога установилось только постепенно. Многие страны продолжали платить натурой, как во время республики. Римской единицей измерения земель был *югер* (250 футов длины, 120 ширины, — около

¼ гектара или десятины), но Рим признавал и местные меры (такова, например, leuga — галльская миля). *Дигесты* сохранили общую формулу переписи — forma censualis (цензовую формулу), записанную при Северах Ульпианом, но бывшую в употреблении со времен Траяна. Это как бы общая канва или бланк, куда вставлялись конкретные данные. От владельца требовалось очень подробное и точное объявление имущества (professio); сперва указывалось имя данной земли (поместья), потом civitas, pagus, имена держателей. Затем земля вписывалась в одну из следующих рубрик: 1) Пахоть, с указанием числа югеров. 2) Виноградник, с указанием числа посадок. 3) Масличные плантации с указанием числа югеров и деревьев. 4) Луг, с указанием числа югеров. 5) Лес с теми же указаниями. 6) Рыбные ловли. 7) Солеварни. Объявляющий сам должен был оценить свое имущество, под всегдашней, однако, угрозой контроля.

Наряду с поземельным существовал личный налог — tributum capitis, основанный отчасти на оценке движимостей. Мы не знаем наверное, присоединялся ли он к поземельному; безземельные, во всяком случае, ему подлежали. Мы встретимся с ним позже, под именем capitatio plebeia.

Кроме настоящего налога, на земельной собственности лежали еще разнообразные тяготы в виде натуральных повинностей: поставки припасов, перевозки отрядов войска и чиновников, приношений императору и т. п. Такие повинности: «обычные» и «чрезвычайные», которые занимали важное место в поздней Империи, существовали уже раньше и были тягостны для населения.

Римляне называли vectigalia то, что у нас разумеется под косвенными налогами. То же имя они прилагали еще к иным категориям сборов, например, к доходам с государственных доменов. Косвенные налоги ложились одинаково на перегринов (провинциалов) и римских граждан. Были даже такие, которые специально ложились на последних: их установил Август с целью уравнять налоговое бремя населения. Таким был пятипроцентный налог на наследства — vicesima hereditatium. Он не ложился ни на бедные наследства, ни на те, которые переходили к близким родным. Он падал на богатых холостяков, которые часто завещали состояние чужим. При всех ограничениях, он приносил государству очень много. Ему подчинялись и галлы, если они получали римское гражданство, не избавляясь тем самым от поземельного налога. В 357 году до Р. Х. был установлен также пятипроцентный налог за освобождение рабов — vicesima libertatis. Он теперь был распространен на всю Империю. Август установил еще однопроцентный сбор с продаж — centesima rerum venalium — и четырехпроцентный, специально с продаж рабов — quinta et vicesima venalium mancipiorum. Калигуле приписывают установление налога в 1/40 (=2,5 %) с процессов — quadragesima litium. Он скоро исчез. Почти все перечисленные налоги установлены Империей. Наоборот, пошлины — portoria существовали в Риме с глубокой древности, а в Галлии — до римлян.

Римляне рассматривали пошлину только как налог на обращение товаров. Им была совершенно чужда идея покровительства национальной индустрии. Все

это были внутренние пошлины, они имели значение лишнего источника обогащения казны. С этой целью Империя была разделена на 9 таможенных округов, и при переходе товаров из одного в другой взыскивался таможенный сбор. Один из них составляла вся Галлия с Морскими и Коттийскими Альпами. С товаров собирали 1/40, без различия категорий, и так как они циркулировали здесь в большом числе, не только для личного потребления, но и в транзите, то налог в размере 1/40 части в Галии (quadragesima Galliarum) оказался одним из самых продуктивных.

Налог, собиравшийся государством с товаров при входе в город, не следует смешивать с нынешними городскими «octrois»[63]. Такие сборы, в виде особой привилегии, государство разрешало некоторым городам производить в их пользу, и в таких случаях само отказывалось от взимания подобных поборов для себя. Только под конец Империя заявила притязание на долю и в муниципальных сборах.

Тексты не говорят нам, как распределялась общая сумма дохода между казной сената (aerarium) и императора (fiscus). Ясно, что доходы императорских провинций шли в императорскую казну, но и доходы сенатских провинций очень скоро стали собираться от имени императора. Уже в I веке касса сената настолько обеднела, что жила только займами у фиска. Налоги с наследств и продажи питали специальную кассу — aerarium militare, основанную Августом и находившуюся, конечно, в заведывании императора — главы армии.

Что касается способа сбора податей, то Империя сильно ограничила и смягчила крайне вредную, практиковавшуюся во времена республики систему передачи сбора податей на откуп компаниям крупных представителей всаднического сословия. Она совсем отказалась от этого способа по отношению к прямым налогам, перейдя к системе прямого взимания: сбор поручался провинциальным наместникам и их специальным финансовым агентам.

Откуп был удержан только для косвенных налогов, но был организован поновому. Всадники, став служилым классом, потеряли характер корпорации откупщиков. Публиканами являлись с этого времени преимущественно вольноотпущенники, не менее богатые, но менее влиятельные. Кроме того, кажется, правительственные сборы отдавались на откуп теперь уже не массами из столицы, а небольшими частями в провинциях, что подрывало силу компаний откупщиков. Продажа совершалась прокураторами, специально ведавшими каждый отдельный налог и зависевшими от центрального финансового управления в Риме. Таким образом, каждая компания откупщиков находилась под непосредственным контролем представителя власти. Прокураторы должны были следить за точным соблюдением контракта и защищать население от вымогательств публиканов. Для этого они располагали целым персоналом. Со II века еще два налога — на наследство и освобождение рабов — были изъяты из системы откупов и поручены прямо прокураторам. Пошлины до конца отдавались на откуп.

Римское правительство не умножало без нужды число своих чиновников: в первое время в Трех Галлиях мы насчитываем одного прокуратора, и только

с I века по Р. Х. создались два финансовых округа: 1) Белгика, прокуратор которой жил не в ее столице, Дурокортуре (Реймсе), а в Трире, и 2) Лионская Галлия с Аквитанией, к которой до 22 года причислялась Нарбоннская провинция, потом переданная сенату и составившая особый округ. В прокураторских провинциях прокуратор-наместник был вместе с тем главою финансового управления. Для организации специальных сборов провинции группировались разнообразно: для налога на наследство объединялись под одной специальной общей прокуратурой Белгика с Германиями и Лионская, Аквитания с Нарбоннской. В один из этих округов входили, очевидно, альпийские провинции. Налог с освобождения рабов, кажется, ведался особо в каждой провинции, и только Германии связывались с Белгикой. Quadragesima Galliarum (налог в 1/40 часть) естественно ведалась общей для всей Галлии таможенной прокуратурой, центр которой был в Лионе.

Наконец, *регалии* и *монополии* большей частью эксплуатировались императором. Рудники отдавались на откуп под контролем специальных прокураторов. Что касается производства монеты, то фиск монополизировал сперва только чеканку золота и серебра, впоследствии — и всякой монеты. Эта статья была очень доходной благодаря системе порчи монеты, которая стала язвой императорского управления. Во главе монетных мастерских стояли особые прокураторы — procuratores monetae (прокураторы монеты); в I веке мы знаем подобные учреждения в Лионе, в V — в Арле и Трире.

Вся рассмотренная система в общем представляется построенной не без искусства. Она, правда, вызывала в разное время протесты и, действительно, представляет серьезные дефекты. Все же, однако, она не помешала росту общественного благосостояния в течение почти 2,5 веков. Только под конец Империи усилятся ее дурные стороны и вырастут злоупотребления. Они станут особенно тяжелы после экономического упадка Галлии.

VI. Воинская повинность. Галло-германская армия[64]

В принципе «налог кровью» требовался со всего населения Империи. На деле система постоянных армий, окончательно установившаяся при Августе, облегчила эту всеобщую повинность. Улучшение качества военных сил позволило уменьшить их количество. Армия в 300–400 тысяч солдат охраняла государство, равнявшееся по пространству десяти Франциям. Она составлялась из солдат по ремеслу, завербовывавшихся на 20–25 лет, но служивших зачастую и дольше. Армия обновлялась с медленной постепенностью, путем ежегодного вступления в нее 20–30 тысяч новобранцев.

Обыкновенно вся эта цифра заполнялась охочими людьми. Для бедняков армия открывалась как выгодная карьера, гарантируя существование, доставляя жалование, а на старость обеспечивая достаток и почет. Она делала пролетария собственником, вольноотпущенника — свободным, иностранца — гражданином.

Редко и лишь в исключительных случаях производились принудительные наборы. В целях сбережения людей и денег во время мира кадры несколько ослабляли, а с началом войны приходилось быстро комплектовать их вновь. Тут добровольцев не хватало, и приходилось обязывать население выставлять рекрут.

Набор производился по указу императора, — в сенатских провинциях проконсулом, облекавшимся на этот предмет высшими полномочиями, в императорских — особыми комиссарами из всаднического сословия, называвшимися dilectatores (дилектаторы). Сама операция набора, по-видимому, производилась довольно произвольно и с большими злоупотреблениями, что и вызывало часто резкое недовольство населения. В общем, галлы и германцы служили охотно, и их военные качества вошли в пословицу.

Наборы предписывались всякий раз в той или иной определенной области, — никогда не осуществлялись они сразу во всей Империи. При этом правительство обыкновенно считалось со средствами страны, с локализацией военных действий, нравами населения, его настроением, степенью цивилизации, правовым положением. При большом разнообразии местных условий невозможно было соблюсти равенство в распределении военных тягот, и императоры мало-помалу все больше от него отклонялись.

Через историю имперской армии проходит полоса постепенного ослабления в ее составе чисто римского элемента. В этой эволюции намечается несколько фаз. Армия всегда распадалась на две части: римскую, состоявшую из легионов, и другую, состоявшую из вспомогательных отрядов, куда входили покоренные и союзные народы. Однако уже во время республики, в эпоху гражданских войн, характер легиона изменился. По закону он был открыт только гражданам, но полководцы сумели, не нарушая, обойти закон: они стали делать граждан из варваров для пополнения своих легионов. Так, Цезарь даровал право гражданства, а вместе с тем и звание «легиона» галльскому военному отряду «Жаворонков». Август, более осторожный, установил в этом вопросе порядок и постепенность: лучшая часть армии — преторианские и городские когорты, стоявшие в Риме, были доступны только латинам, умбрам и этрускам, приобщившимся ранее всех италиков к римскому гражданству. Другим италикам открыты были легионы; для римских граждан, живших в провинциях, организовали специальные «когорты добровольцев из римских граждан».

Упадок военного духа в Италии заставил императоров пополнять легионы неиталийскими элементами. Этому помогло распространение права гражданства. Провинциалы, *рожденные гражданами*, стали проникать в легион при Клавдии и Нероне. При Флавиях они были уже многочисленны, при Траяне преобладали над италиками и начали вытеснять их. При Антонине Пие, кажется, старому правилу удовлетворяли дарованием гражданства провинциалу в момент вступления его в легион. Нарбоннская Галлия давала наибольший вклад в легионы. Нам известна по надписям родина 152 легионеров в период между битвой при Акции (31 г. до Р. Х.) и воцарением Веспасиана (69 г. по Р. Х.). Здесь на 99

надписях, открытых в Италии, находим: 25 легионеров — из Нарбоннской провинции, 8 — из Македонии, 6 — из Бетики, 6 — из Галатии, 3 — из Норика и т. д. При Флавиях на 27 легионеров 15 происходят из Италии, 6 — из Нарбоннской Галлии, остальные 6 — из различных других провинций. Кроме того, и в первый, и во второй периоды мы находим легионеров не только из Лиона, Кельна, которые, как римские колонии, пользовались гражданскими правами целиком, но и из таких городов, как Augustonemetum (Августонемет) (Клермон), Burdigala (Бурдигала) (Бордо), Autricum (Автрик) (Шартр), где гражданами были лишь отдельные жители.

Во вспомогательных отрядах условия службы были хуже, чем в легионах: жалование меньше, сроки длиннее, и римское гражданство давалось только по окончании службы, вместе с правом римского брака. Эти привилегии отмечались на дипломе, состоявшем из двух, скрепленных шнурком, складывающихся бронзовых дощечек. Этот диплом солдат бережно хранил, и его клали вместе с ним в могилу. Иногда, по особой милости, эти права давались ранее конца службы отдельным лицам и целым отрядам.

Надписи, касающиеся легионеров, обыкновенно указывают город, из которого они происходят, — касающиеся солдат вспомогательных отрядов — их civitas, племя, страну. Первые всегда были горожанами, вторые — часто деревенскими жителями: различие между городом и деревней совпадало с различием между Римом и варварством. В городах быстро распространилось римское гражданство вместе с культурой, в деревню романизация проникала медленно.

Это же различие объясняет одну особенность, поражающую с первого взгляда: каким образом римские колонии — Кельн, Трир, Лион — одновременно пополняли и легионы, и вспомогательные отряды? Дело в том, что права населения самого города и тяготевшей к нему территории были неодинаковы: первое могло обладать римским правом, второе — только латинским. Триру принадлежала большая территория, и он давал больше для вспомогательных отрядов, чем для легионов. В обратном отношении поставлял рекрут Лион, территория которого была незначительной.

Вспомогательные войска организованы были иначе, чем легионы. Здесь единицей служил отряд в 500 или 1000 человек, или конный — тогда он назывался крылом — ala, или пеший, или смешанный, называвшийся cohors (когорта). Их строй, знамена, одежда разнились, в зависимости от страны, из которой они происходили. Иногда во главе их стояли племенные вожди. Они носили особые имена, связанные: с их происхождением, родом оружия, именем императора, организовавшего их, или правителя, их набравшего.

Ни одна область не поставляла такого множества вспомогательных отрядов, как Галлия, разумея тут, конечно, императорские провинции, ибо сенатские поставляли только легионы. В Нарбоннской (которая была сенатской) только воконтии поставляли «крыло». Но они находились на особом положении в своей провинции, являясь здесь (не считая Массалии) единственным федеративным

государством, сохранившим обломки кельтских учреждений. Нет необходимости перечислять все военные части, выставлявшиеся Галлией, тем более, что полный список их восстановить невозможно. Можно утверждать, что всего три провинции Галлии давали минимум 4 крыла и 41 когорту, из которых одно крыло и 13 когорт были в 1000 человек каждая. Этот расчет, вероятно, меньше действительного, так как мы считали по одному отряду на каждый «народец» (civitas), обложенный повинностью, между тем есть основание думать, что их было иногда два и более. К контингенту больших императорских провинций следует прибавить войска из прокураторских, — 6 когорт и одно крыло, да еще одну когорту моряков, охранявших побережье Морских Альп: это единственный случай, где мы видим галлов привлеченными к морской службе.

Солдаты, набранные в Галлии, употреблялись на их собственной территории — для охраны рейнской границы. Таким образом, рейнская армия носила резко выраженный галльский или, вернее, галло-германский характер, который определялся все сильнее по мере того, как в военных учреждениях Рима становилась заметнее одна тенденция, неизбежно обусловливаемая громадностью Империи и разнообразием племен, включенных в ее состав.

В армии времен Империи отчетливо намечаются следующие корпусы: 1) Восточная армия, по составу греко-египетско-сирийская; 2) Западная, по преимуществу латинская; 3) Дунайская, смешанная, представлявшая переходную ступень. Этим трем армиям противопоставлялась преторианская и городская гвардия, набиравшаяся в Италии и представлявшая воплощение духа античного Рима, — наследница его гордости, если не доблести. Так рисуются индивидуальные лица этих армий из смут, наступивших после смерти Нерона.

В эту пору галлы в легионах встречаются понемногу везде на Западе и совсем не встречаются на Востоке. Мы находим их в иллирийских легионах, представлявших восточный отдел Дунайской армии, в Африке, Испании, Британии, но особенно много в Германии.

В 43 г. по Р. Х. в Верхнюю Германию был послан так называемый 4-й Македонский легион. В 70 году он был распущен, вследствие роли, сыгранной им в несчастных событиях этого года. Из 25 солдат, взятых наудачу из этого легиона, эпитафии которых разбросаны в окрестностях Майнца, 17 родились в Галлии, 2 — в Норике, 5 — в Цизальпинской, 10 — в Нарбоннской Галлии и 1 — в Лионе. Сюда следует прибавить 3 испанцев из Nertobriga (Нертобрига), очевидно, кельтского города. Приблизительно ту же пропорцию мы находим в 22 легионе Primigenia, стоявшем в Верхней Германии от 43 по 69 год.

Еще в большей степени, чем легионы, своеобразный характер галло-германской армии придавали вспомогательные отряды. Сюда попадали крылья и когорты и из Испании, и из Британии, и из Реции, но преобладали отряды, навербованные в Германии и Трех Галлиях. В виде редкого исключения они, со времени их организации, оставались всегда почти на родине, т. е. на рейнской границе, не сдвигаемые отсюда без крайней военной нужды.

Это привилегированное положение они сохранили до Веспасиана. Ни измена Арминия, ни восстания Флора и Сакровира не поколебали доверия императоров к преданности этих отрядов. Однако оно не устояло перед мятежом Цивилиса, Классика и Тутора. Веспасиан не только распустил особенно ненадежные отряды батавов и тревиров, он переместил остальные и отнял у них племенных вождей. Документы конца I века отмечают в качестве надежных только аквитанские отряды.

Мера Веспасиана имела преходящее значение. Она не коснулась легионов. Что же касается новых вспомогательных отрядов, то, не будучи галльскими по имени и по происхождению, они скоро стали ими фактически, вследствие реформы середины II века по Р. Х. Эта реформа устанавливала вместо областного чисто местный набор: армии стали пополняться из тех округов, где они стояли. Эта мера сберегла расходы по мобилизации, но она совсем избавила от военной службы население сенатских провинций и Италии. Постепенно римский элемент стал исчезать из армии, уступая место населению окраин. Разница между легионом, из провинциального (каким он сделался уже раньше) ставшим полуварварским, и вспомогательным отрядом мало-помалу сглаживалась, притом тем легче, что с эдиктом Каракаллы 212 года пала преграда между гражданином и не гражданином. Оставалось только еще открыть вторжению варваров римский гарнизон, что, впрочем, наполовину и было сделано: преторианская и городская когорты стали комплектоваться из более широкого круга. Уже рано стали туда проникать рядом с италиками жители Испании, Лузитании, Норика, Дуная. Септимий Север (193–211 гг.) окончательно исключил италиков и призвал в гвардию иллиров, африканцев, сирийцев.

Принцип местного набора мог быть применен во всей строгости только к провинциям с малыми гарнизонами. Местных сил не хватало для охраны важных границ. Поэтому неудивительно, что в рейнских легионах мы будем встречать еще немало солдат из Аквитании, Лионской Галлии, дунайского края. Но новым здесь является небывало большой процент местных уроженцев. Замечательно, что и после Септимия Севера мы не встречаем в преторианской гвардии солдат из Германии и Трех Галлий: очевидно, их силы сосредоточивались на Рейне, на борьбе с германской опасностью. По той же причине галлы не служат больше в африканской армии.

В ту же пору в составе легиона произошло другое важное изменение. Он был и остался в принципе закрытым для рабов. Но ведь раб мог стать вольноотпущенником, а из вольноотпущенника с неменьшей быстротой могли, путем фикции natalium restitutio, сделать свободного — ingenuus. Этого было достаточно, чтобы обходить закон. Вольноотпущенники, до тех пор сосредоточенные в экипаже флота и когортах ночных стражей в Риме, разлились по вспомогательным отрядам и проникли в легионы.

Военная система Империи имела большие преимущества: она сделала из армии аппарат для фабрикации граждан и романизации провинции. Она свела до

минимума усилия, необходимые для поддержания общественной безопасности и обеспечила огромному большинству наиболее трудолюбивых и культурных подданных Рима возможность правильной и постоянной производительной деятельности, которой они не знали при прежнем режиме. Она создала отлично выдрессированных и одушевленных воинов, тем охотнее готовых биться на границе, где они стояли, что, сражаясь за Империю, они сражались за собственную землю и очаги.

Но эта система представляла в настоящем и особенно в будущем немало и опасностей. Обособляя армии от гражданского элемента и подчеркивая между ними расовые различия, она слишком развивала корпоративный дух и провинциальный партикуляризм. Более преданные своему вождю, нежели императору, более привязанные к ближайшей родине, нежели к великому римскому отечеству, они утрачивали, вместе с чувством военного долга, чувство национальной солидарности. Все это грозило для армии, предоставленной происками честолюбцев, разложением дисциплины, а для государства — смутами и распадом. Мы уже видели все эти явления сто лет спустя по смерти Августа. Мы увидим их в новой и тяжелой форме в смутах III века. Наконец, — и в этом крылась немалая опасность — самая благородная и просвещенная часть населения утратила привычку и охоту к войне. Состав армии, наконец, дискредитировал военную службу, сделав ее одним из низших ремесел. Все больше защита Империи ложилась на варварские армии, которые вознаграждали себя, эксплуатируя и деля ее в свою пользу.

ГЛАВА II
МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

I. Императорская религия и провинциальные собрания. — II. Государства или civitates и округа или pagi. — III. Преобразование галльских государств в римские civitates. — IV. Разные типы civitates. — V. Муниципальный строй; магистратура, жречества. — VI. Сенат и аристократия, Августалы и плебс. Pagi и vici.

I. Императорская религия и провинциальные собрания[65]

В эпоху Империи создалась государственная религия, сыгравшая важную роль в управлении провинций и городов.

Обожествление государя представляет явление, особенно поражающее нас у древних. Чтобы правильно оценить его, надо стать на их точку зрения. Они не видели непроходимой преграды между божеским и человеческим. В каждом человеке они признавали священное начало и обожествляли его, когда оно освобождалось от материи. Отсюда культ предков в семье, в городе — культ основателя, героя. Рядом с этим они обожали силы, правящие миром. Среди *гениев*, благодетельных или грозных, особенно высоко поднялся гений Рима. Его подданные обожествили Рим и сверхчеловеческое существо, в котором он, в конце концов, воплотился — императора. Они обожествляли его сначала после смерти, а потом стали поклоняться ему, как богу, и при жизни.

Древние не знали такого политического союза, который не был бы, вместе с тем, и религиозным. Всякий город, всякая группа городов имели общий культ, соединявший их членов. Поэтому поклонение императорам явилось необходимым завершением, как бы ключом свода в здании, воздвигнутом римскими победами. Эта религия одна могла быть принята без противодействия, ибо она подымалась выше местных религий, как власть императора выше местных правительств. Общение в этом культе было общением в преданности величеству Империи.

Конечно, такая религия предполагает некоторое принижение идеи человеческого достоинства. Она не мирится с теми чувствами, которые были душой старых республик. Неудивительно, что ее колыбелью были страны Востока, искони воспитанные в рабстве. С Востока монархическое идолопоклонство передалось в Грецию, из Греции зараза пошла на Запад. То был момент, когда усталый мир видел спасение только во владычестве одного господина. Из этого видимого провидения он сделал бога. Человек мог оказаться ниже этой роли, — но самой роли было довольно, чтобы поднять его выше положения смертного. Конечно, нельзя не заметить во всем движении, создавшем культ императоров, участия самой

власти: оно сказывается в целом ряде случаев, и если оно не всегда было заметно, то всегда деятельно. Однако было бы ошибкой видеть в своеобразном поклонении только рабскую покорность, низкое угодничество. Скептики, одинаково равнодушные ко всякой религии, приспосабливались и к этой, как к политическому учреждению, другие находили здесь выход своим суеверным инстинктам, которые в ту пору проявились сильнее, чем когда бы то ни было.

Следует различать культ умерших императоров и почитание живого. В самом Риме вторая форма почти не имела места, по крайней мере, официально. Это было как бы привилегией города-победителя, и в этом чувствуется еще пережиток его былой гордости. Император, пока был жив, являлся, так сказать, лишь кандидатом на божественность. Только после его смерти его возводили в ряды «divi», т. е., строго говоря, не богов, а людей, которых уподобляли богам церемонией апофеоза, освящения. От сената зависело, дать или не дать ему такую канонизацию. Провозглашенный божеством, divus, он получал и в столице свои алтари, своих жрецов. Лишенный этой высшей почести, он, тем самым, вычеркивался из списка добрых государей. Так, под религиозной формой, апофеоз служил для сената средством судить истекшее царствование: одобрить его или предать осуждению.

Культ divi распространится и в муниципиях, но провинция будет воздавать почести также и *царствующему императору*. Рим чтил императоров, которые заслужили обожествление, провинции обожали Империю вообще и человека, который ее в данный момент воплощал. Август верно наметил характер этого культа, присоединив к нему культ богини Roma. Рим не мог обожать самого себя, но он был предметом обожания для покоренных народов. Божественность Рима и царствующего Августа была для них чем-то единым. Так именно сложилась религия «Рима и Августа».

Организация провинциального культа императоров разнилась, в зависимости от страны и от инициативы, предоставленной населению. Особенное несходство замечается тут между Западом и Востоком. На Востоке религия Рима и Августа могла приспособиться к существующим обычаям; на Западе она целиком была создана вновь. Римляне, став господами греческих стран, нашли в них множество союзов, наполовину политических, наполовину религиозных, которые они стремились обезвредить. Они ими и воспользовались, как центрами для новой религии. Для этого нужно было только соединить ее обряды с прежними. Иначе слагалось дело на Западе, где политические организации были гораздо более рудиментарны. И эти народы имели некоторые зародыши федеративных учреждений. Мы видели, что галльские племена умели в отдельных случаях сговариваться между собой, но их совещания не носили правильного периодического характера, что же касается «судебных заседаний» друидов в стране карнутов, то мы имеем полное основание сомневаться в их существовании. Итак, здесь приходилось строить почти на пустом месте. Если на Востоке императорский культ был введен путем прививки или подстановки, то на Западе он создал свою собственную область, отдельно от старых племенных религий.

Другое отличие заключалось в том, что на Востоке традиция заставила сохранить прежние группировки, не соответствовавшие делению на провинции. На Западе ничто не мешало установить гармонию между административными и религиозными организациями. «Провинции» явились там кадрами и для культа императоров, их столицы — центрами поклонения новому богу. На новой почве влияние центрального правительства сказывалось гораздо сильнее. Это видно по одной надписи, найденной в Нарбонне[66]. Это, по-видимому, отрывок закона, изданного Августом. Он содержит очень детальные указания относительно прав и обязанностей провинциального жреца в Нарбоннской провинции.

Первый храм религии императоров был воздвигнут в Азии в 29 г. до Р. Х.; в 25 году появился второй в Таррагоне, в Испании. В Галлии был выстроен третий в 12 году, когда Друз готовился к походу против германцев. Это обстоятельство вызвало известное брожение в умах. Прежде чем удалиться, он, желая предупредить всякую враждебную попытку, созвал в Лионе собрание видных людей из Галлии. Они постановили построить на средства всех общин знаменитый алтарь, символ верности Трех Галлий. К тому же времени относится, вероятно, установление императорского культа в Нарбонне. Мы не знаем, когда он возник в Коттийских Альпах; в Морских Альпах мы его встречаем в 181 году. Но в Германии уже с началом войн создан был алтарь убиев. Через несколько лет (2 г. до Р. Х.) воздвигнут второй на берегах Эльбы, правда, скоро разрушенный. Завоевание Десятинных полей, в свою очередь, было освящено созданием алтаря, посвященного Флавиям — Ara Flavia.

Из всех указанных религиозных центров наиболее известным и самым важным по значению является Лионский алтарь. Римская политика удивительно умела возбуждать среди галлов сознание общности теми же средствами, какими она укрепляла в них чувство их подчинения. Единство, о котором они грезили среди братоубийственных распрей, наконец осуществилось в атмосфере глубокого мира, под охраной завоевателя. Надлежало устранить все поводы для взаимной ревности, когда-то подрывавшей между ними союзность. Ни один из старых галльских городов не должен был стать всеобщим центром новой религии, куда сходились бы все civitates. Надо было избрать новое место для общего алтаря, которое не возбуждало бы зависти. Этим местом не был избран сам Лион, в качестве римской колонии не подходивший для того, чтобы служить органом единения Галлии. Алтарь был воздвигнут рядом с городом, на полуострове, образуемом слиянием Роны и Соны (на склоне нынешнего холма Круа-Русс). Здесь выделена была нейтральная или федеральная территория, которая не входила в состав какого-нибудь муниципия, она принадлежала всем вместе и никому в отдельности. Этой территорией заведовало от имени Собрания Галлии особое должностное лицо, именовавшееся magister (магистр) (это обычное название главы пага-волости). Здесь образовался как бы священный город для нового культа.

Здесь собирались ежегодно 1-го августа (месяц, посвященный Августу) в годовщину первого собрания, созванного Друзом, депутаты различных общин

Трех Галлий: Лионской, Аквитанской и Белгики. В союз входило около 60 городов[67]. Они были избираемы куриями каждой civitas или советом декурионов из среды последних. В развалинах амфитеатра, где происходили игры, найдены были камни с именами различных племен: очевидно, то были ступени, на которых сидели представители этих народцев, ставших римскими муниципиями. Отсюда видно, что общины могли послать нескольких представителей. Мы не знаем, от чего зависело это число и какими правами пользовались представительства отдельных городов при общем голосовании. Нам известно только, что тенденцией политики Рима в Галлии было поддержание равенства между муниципальными общинами.

Собрание этих представителей, или concilium Galliarum (Совет Галлий) избирало из своей среды председателя, который на год получал жречество в храме Рима и Августа. Избрания удостаивались лишь важные лица, прошедшие через всю лестницу муниципальных магистратур в своем городе. Первым в это звание избран был эдуй К. Юлий Веркондаридубн; почет этот был заслужен народом, который с самого начала был прочной опорой римской власти. Но жречество не оставалось привилегией одного племени: надписи на сохранившихся статуях тридцати жрецов показывают нам, что они вышли из 17 различных племен. Очевидно, что собрание, по собственному почину или по внушению из Рима, стремилось удовлетворить поочередно самолюбие всех народов-городов. Провинциальное жречество при храме Рима и Августа, как и все публичные функции, сопряжено с довольно обременительными обязательствами. Тем не менее, оно было предметом исканий, так как сильно льстило самолюбию. Жрец, оставивший служение, не мог вернуться к нему вторично, но он получал титул, всегда напоминавший о его прежнем достоинстве — Flaminalis, Sacerdotalis. Он становился всегдашним членом Совета и появлялся в публичных церемониях со знаками жреческого достоинства. Провинциальный жрец не носил повсюду одного и того же титула. В Нарбоннской Галлии, Морских и Коттийских Альпах он назывался Flamen, в Лионе — Sacerdos Romae et Augusti ad aram ad confluentes Araris et Rhodani (Жрец Рима и Августа у алтаря возле слияния Арара и Родана).

Нарбоннский Фламен напоминает римского Flamen Dialis: ему предшествуют ликторы, он носит toga praetexta, имеет место в городском сенате; он должен соблюдать чистоту, не сметь приносить присягу, присутствовать при погребении; он должен быть женат, и его жена, Flaminica, является участницей его служения и его почета. Однако римского Фламена выбирали на всю жизнь, провинциального — только на год, чтобы не связывать этой чести надолго с одной общиной. Вероятно, не меньшим почетом был окружен и лионский Sacerdos, но недаром он носил другое имя. Нужно думать, что фламинство, как чисто латинское жречество, связано с признаками и обрядами, которые уместны были только на сильно романизованной почве.

Провинциальные собрания считались юридическими лицами (universitates). Лионское владело: недвижимостью, рабами, вольноотпущенниками, кассой (arca

Galliarum), пополнявшейся добровольными даяниями императора и частных лиц и взносами общин. Этой кассой заведовал iudex, при помощи двух лиц, из которых одно называлось allectus, а другое — inquisitor. Из нее оплачивались издержки культа: процессий, жертвоприношений, игр, сценических представлений, литературных состязаний; она должна была служить для содержания зданий, уплаты жалования низшим служителям храма и наград высшим сановникам культа. Немало стоили: депутации в Рим; почести, оказываемые наместникам, а также судебные процессы против них.

Собственно прямым делом Совета был культ императора. Но между людьми, которых собрало в центре страны доверие их соотечественников из всех уголков провинции, не могли не обсуждаться их общие интересы. Для их защиты они располагали правом петиций к императору, которое являлось как бы коррективом к произволу администрации. Оно признавалось даже за отдельными общинами. Как же можно было отказать в нем собранию общин в лице их представителей? Оно являлось как бы проявлением того же культа. Поклонение связано с молитвой, молитва рассчитывает на милость. Обращения и депутации не довольствовались благодарностями и поздравлениями, они решались на просьбы и жалобы. Так провинциальные собрания стали голосом населения, и таким образом, само либеральное учреждение Империи вырастает из такого, которое представляется самым ярким выражением общественного порабощения.

Чаще всего предметом их жалоб были злоупотребления наместников. Против них управляемые обладали более сильным оружием, нежели петиция. Они могли, когда те кончали службу, начать против них судебное преследование. Этим правом они пользовались еще во времена республики, если процесс брался вести от их имени римский гражданин, но именно тогда у них не было для этой цели самостоятельного органа и средств правильного контроля. Теперь он явился в форме описанных собраний представителей и депутаций уполномоченных лиц к императору. Провинциалы пользовались этим правом так решительно и смело, что вызывали раздражение старозаветных римлян, склонных всегда трактовать подданных как покоренных врагов. Эхо этого раздражения прозвучало в словах Тразеи перед сенатом. Старая римская знать требовала отнять у провинциалов опасную привилегию. Но она не смущала императоров. Они всегда проявляли в сношениях с провинциалами более широкий и гуманный дух, чем реакционная сенатская олигархия. Очень ревниво относившиеся к своей власти, они ясно понимали, какие опасности могли ей действительно грозить. Они не боялись муниципальной аристократии, которую сами поставили во главе провинциальных общин, которая и до, и после завоевания не скупилась на выражения своей верности Риму. Они, наоборот, не доверяли могущественным наместникам, сильным командованием армиям, и считали выгодным подчинить их контролю наблюдателей тем более строгих, чем более они были им заинтересованы. Если этот контроль не мог предупредить мятежа, он мог, по крайней мере, остановить злоупотребления. Потому-то императоры не стесняли свободы собраний

и старались извлечь из нее как можно больше для укрепления своей власти и порядка в управлении.

Когда кончался срок полномочий правителя, в каждой общине в совете декурионов происходило совещание, где обсуждались его деяния. Делегатам от курии в провинциальное собрание давались по этому вопросу императивные мандаты: требовать или суда над правителем, или выразить ему благодарность. В самом провинциальном собрании или сейме деятельность правителя подвергалась вторичному обсуждению. Иногда собрание вотировало похвальный декрет, постановку статуи; иногда воздерживалось от всякого выражения, что равнялось порицанию; иногда постановляло начать против него судебный процесс.

Все это происходило уже в его отсутствии, так как он должен был до истечения двух месяцев после отставки покинуть область. Но он мог быть уверен, что в своем преемнике он найдет адвоката. Эту роль налагало на него приличие и чувство профессиональной солидарности. Если все-таки дело получало ход, применялась следующая процедура. Избиралась депутация, которая представляла жалобу центральной канцелярии в Риме. Император решал, следовало ли давать ей ход. Если он склонялся к обвинению, то передавал дело своему трибуналу или сенату. Сенат возлагал на жалобщиков разъяснение дела, ибо, за отсутствием государственной прокуратуры, обязанность доказать обвинение лежала на самих истцах. Для этого им давался большой срок и большие полномочия. Состязание обставлялось очень торжественно. Провинциальные депутаты присутствовали и имели право слова, которое они чаще всего передавали «патрону провинции», обыкновенно крупному государственному сановнику. То был пережиток старинного обычая, в силу которого иностранцы, лишенные прав в Риме, выдвигали на суд вместо себя представителя — патрона из римских граждан. Нужда заставляла прибегать к этому и коллективные единицы, как город и провинции.

Начиная с Адриана, юрисдикция сената в подобных делах перешла к императору, т. е. его совету. Это не изменило ни самой процедуры, ни способа наказания виновного. Осужденный правитель исключался из сената или лишался навсегда права занять вновь место провинциального наместника, иногда его приговаривали к изгнанию и даже к ссылке и заключению на каком-нибудь пустынном острове. Эта последняя кара, связанная с конфискацией имущества и гражданской смертью, была самой суровой из всех, какие могли постигнуть человека высокого общественного положения (honestior). Но нам известны случаи, когда она действительно применялась к наместникам-вымогателям.

У нас есть очень ценное свидетельство о деятельности сейма Трех Галлий. Это — надпись на четырехугольном камне — пьедестале статуи одного из «жрецов Рима и Августа», Т. Сенния Солемниса, воздвигнутой в 238 году по Р. Х. за счет сейма. Камень найден был в деревне Вье, в Нормандии, на месте древнего города видукассов. Он долго хранился в замке Ториньи, откуда и получил свое название — «памятник» (или «мрамор») Ториньи. Теперь он хранится в музее Сен-Ло. Надпись, выгравированная на левой стороне камня, представляет копию

письма Эдиния Юлиана, префекта претория и бывшего легата в Лионе к Бадию Комниану, прокуратору и временному наместнику провинции.

«Когда я, — читаем мы здесь, — управлял Лионской провинцией, я отличил в ней несколько превосходных людей, между прочим, этого Солемниса, происходившего из города видукассов и облеченного жреческим саном. Я любил его за его характер, за его серьезность, за честность и еще по одной причине. Когда мой предшественник Клавдий Павлин подвергся нападкам в собрании Трех Галлий со стороны нескольких членов, которые хотели жаловаться на него и собирались начать против него обвинение, как бы от имени провинции, Солемнис, о котором я говорю, боролся против такого предложения. Он восстал против него, заявляя, что его община, избирая его представителем, не давала ему подобного полномочия, а наоборот, могла сказать о правителе только похвальные слова. Следствием этого было то, что все отказались от обвинения. Потому-то мое уважение и дружба к Солемнису удвоились. Не сомневаясь в том, какой прием я ему сделаю, он навестил меня в Риме. Уезжая, он просил меня рекомендовать его тебе, и ты лучше всего поступишь, если отнесешься благоприятно ко всему, чего он желает».

С правой стороны камня находим письмо Клавдия Павлина, тогда уже легата Нижней Британии, к своему прежнему защитнику, показывающее нам, что он не забыл долг благодарности. Третья надпись на передней стороне камня от имени собрания Трех Галлий рассказывает нам карьеру Солемниса: пройдя весь ряд муниципальных должностей, он достиг административных постов на имперской службе, где немалой поддержкой для него было то могущественное покровительство, которое он приобрел.

В провинциальных собраниях хотели видеть зародыши представительного правления[68]. Это повело бы нас к очень неточному суждению о них. Представительное устройство предполагает участие управляемых в управлении. Ничего подобного не было в этих собраниях. Они вмешивались в него только путем петиций, исход которых был случаен. Их право обвинения подчинялось санкции императора, т. е. произволу канцелярии. Во всем этом отсутствовали те гарантии, на какие претендуют современные общества. Провинциальные собрания не были в истинном смысле политическими учреждениями. Это, строго говоря, были ассоциации частного характера, из разряда тех многочисленных религиозных братств, статуты которых государство считало себя вправе одобрять, изменять, отменять. Конечно, они имели некоторое политическое значение: императоры обращались к ним с посланиями, сообщали им меры, которые могли интересовать провинцию, но это общение не представляло ничего правильного. Провинциальные сеймы не принимали никакого участия в событиях, волновавших Галлию в I веке. Не в Лионе, а в Реймсе собирались депутаты племен перед великим мятежом, и этот конгресс не имел ничего общего с тем, который собирался вокруг алтаря Рима и Августа. Точно так же последний незаметен среди смут III века. Ни Септимий Север, ни Альбин, ни Постум не искали его поддержки.

Верные своему происхождению, провинциальные собрания не пытались подняться выше намеченного им уровня[69]. Это стремление могло бы родиться в обществе, жаждущем свободы, но свобода давно и надолго угасла в душе населения. Собрания установили полезное общение между государем и подданными, они реализовали максимум вольностей, совместимых с императорской теократией. Эти вольности все же были благом, и следует ценить добрую волю императоров, которые их даровали и поддерживали.

II. Государства или «Civitates». Волости или «pagi»[70]

Римляне застали Галлию разделенной на большое число племенных союзов, которые они называли civitates. Они ничего не изменили в этом территориальном делении. Галльские государства сохранили и после подчинения Риму свои границы, свою индивидуальность, свое особое существование. Так было, по крайней мере, в Трех Провинциях. Один отрывок из Тацита[71] сообщает нам, что в Галлии было 64 народца. Их список имеется в таблицах греческого географа Птолемея. Мы его здесь воспроизводим:

Аквитания — 17: конвены, тарбеллы, авски, элузаты, вазаты, битуриги-вивиски, интиобриги, петрукории, сантоны, пиктоны или пиктавы, битуриги-кубы, лемовики, арверны, кадурки, рутены, габалы, веллавы.

Лионская провинция — 25: сегузиавы, амбарры, эдуи, сеноны, мельды, паризии, трикассы, карнуты, туроны, андекавы, камнеты, венеты, озизмы, редоны, абринкатуи, инеллы, видукассы, лексовии, авлерки-диаблинты, авлерки-сеноманы, авлерки-абуровики, велиокассы, калеты, арвии, вадикассии.

Белгика — 22: секваны, гельветы, лингоны, равраки, левки, медиоматрики, тревиры, ремы, суэссионы, веромандуи, сильванекты, нервии, менапии, тунгры, морины, амбианы, белловаки, атребаты, батавы, неметы, вангионы, трибоки[72].

Сравнивая этот список со списком галльских государств поры независимости, удивляешься, как мало они отличаются один от другого. Только в Аквитании произошли мало-помалу значительные изменения. Ее прежнее мелочное дробление заменилось при Августе концентрацией в пять групп: конвенов, тарбелов, авсков, элузатов и вазатов[73].

В Галлии было несколько племенных государств, находившихся в клиентных отношениях к другим. Август сделал их самостоятельными, ослабив таким образом слишком сильные племена и привязав к Империи освобожденных чувством благодарности. Единственно новыми в списке Птолемея являются рейнские civitates батавов, вангионов, неметов и трибоков. Эти народы среди галльских племен являются поздними пришельцами. Два последних, несмотря на свое кельтское имя, сражались в армии Ариовиста. Вангионы же и батавы и по имени являются чистыми германцами.

В Нарбоннской Галлии только прежние государства аллоброгов, воконтиев, гельвиев остались нетронутыми в своем единстве. Вольки-тектосаги были

разделены на три civitates: Tolosa (Толоса) (Тулуза), Ruscino (Русцино), Carcaso (Карказо); вольки-арекомики — на четыре: Nemausus (Немаус) (Ним), Baeterrae (Бетерры) (Безье), Narbo (Нарбо) (Нарбонна), Luteva (Лутева) (Лодев); кавары — на пять: Arausio (Араузио) (Оранж), Avennio (Авеннио) (Авиньон), Carpentoracte (Карпенторакте) (Карпентра), Cabellio (Кабеллио) (Кавельон), Apta (Апта) (Апт); саллувии — на четыре: Aquas-Sextiae (Аквы-Секстийские) (Экс), Augusta Reiorum (Августа Рейорум), Dinia (Диниа), Glanum (Глан) (?). От Марселя отрезали Arelate (Арелате) (Арль), Forum Iulii (Форум Юлия) (Фрежюс), Antipolis (Антиполис) (Антиб). Мы не знаем, были ли трикастины (Augusta Tricastinorum) отделены от каваров или воконтиев, или составляли самостоятельное государство.

Таким образом, всего к концу I века здесь образовалось 23 и — если считать Глан — 24 территориальные единицы. В альпийских провинциях образовалось 12 или 10 групп: — в Морских Альпах 4: Cemenelum (Кеменел), Vinitium (Винитий), Salinae (Салины), Sanitium (Санитий); в Коттийских 2: Ebrodunum (Эбродун), Brigantio (Бригантино); в Грайских и Пеннинских 4: Seduni (Седуны), Nantuates (Нантуаты), Varagri (Варагры) и Uberi (Уберы). Относительно Аксины и Тарантазии мы не знаем, были ли они особыми государствами.

Галльские civitates делились на округа, называвшиеся у римлян pagi (паги). Мы не знаем всех пагов Галлии. Мы можем насчитать около 30 названий пагов, из которых 5 или 6 только восходят, наверное, к поре независимости. Стало быть, устойчивость пагов обнаруживается не с такой очевидностью, как устойчивость «государств» (civitates). В то же время мы знаем от еврейского историка Иосифа, что число «народов» Трех Галлий, список которых был представлен сенату немедленно после смерти Августа, достигало 305. Очевидно, это не государства-civitates, которых было 64, а подразделения их — паги, вероятно, включавшие определенные этнические группы. Благодаря этому тексту мы имеем полный список пагов Трех Провинций, и его итог сходится с указанием Плутарха, что Цезарь покорил 300 народов. Таким образом, мы можем утверждать, что и более мелкие деления не изменились в покоренной Галлии, сравнительно с Галлией независимой[74].

III. Преобразование галльских племенных государств в римские civitates[75]

Дробление племен в Нарбоннской Галлии объясняется множеством городов этой страны. И наоборот: позднее развитие городской жизни в Трех Галлиях содействовало сохранению прежних более крупных политических единиц. Это заставляет нас глубже вглядеться в организацию галльского и галло-римского государства.

Римский политический словарь вошел в Галлию раньше римских учреждений. Так, галльские народцы-государства получили на этом языке название civitates, хотя между тем и другим учреждением сходство заключалось только в том, что оба они представляли законченные административные организмы. Но римскую

civites, как и греческий полис, характеризует преобладание города и как бы инкорпорация в него деревенской территории: она управляется магистратами города, и они, именно в качестве магистратов города, являются магистратами всей территории — всей civitas. Римская civitas есть город с его округом; Галльская — есть территория, племя. Власть правителей этой территории простирается и на лежащие на ней города, но она существует независимо от городского центра.

Легко понять причину этого несходства. У греков и римлян город рано стал любимым местом жительства, святилищем богов, седалищем публичной власти. Ничего подобного не было у кельтов: потребности защиты и обмена вызвали в разных углах Галлии возникновение поселений, открытых или укрепленных, с постоянным населением; но все это были только убежища и рынки без всяких специально городских преимуществ. Понятно, что при этих условиях город в Галлии не играл той роли, что в Греции и Италии. Город не поглощает окружающую территорию, а наоборот, территория поглощает его и ставит от себя в зависимость.

О галльском pagus (паге) можно сказать то же, что и о галльской civitas: имя его — латинское, учреждение — кельтское. Даже то немногое, что мы знаем о пагах независимой Галлии, дает нам возможность отличать их от италийских пагов. Последние были небольшими округами без всякой автономии, деления кадастральные и административные, только с общим культом. Галльские паги были более крупные союзы, пользовавшиеся внутри civitas довольно широкой инициативой и реальной независимостью. В центре пага обыкновенно находилось местечко, деревня, то, что римляне называли виком (vicus). Паг относился к нему, как территория к своей столице.

Превращение галльского государства в римскую civitas является одним из важнейших фактов внутренней истории Галлии в первые столетия нашей эры. Движение это совершается медленно, постепенно, разными путями. В одних случаях какой-нибудь населенный центр добивается собственной администрации и приобретает самостоятельную индивидуальность, не инкорпорируя в себя, однако, окружающую территорию; в других — паг (округ, волость) отстаивает против вика (селения, местечка) свое особое политическое существование. Сам строй и управление галло-римских общин представляет большое разнообразие, свидетельствуя о крайней гибкости римской политики, умевшей соединить интересы своей власти с племенными традициями.

Различие между разбираемыми учреждениями сказывалось в самом строе управления. В латинских городах, как и в самом Риме, верховная магистратура делилась между двумя представителями, носившими имя консулов в Риме и дуумвиров в других городах. В галльских городах она вверялась одному — царьку, либо высшему сановнику, называвшемуся вергобретом у эдуев и некоторых других народов. Римляне сперва ограничились тем, что дали этому верховному правителю титул претора — наиболее точный латинский эквивалент для обозначения этой власти: в самом Риме его носили первоначально преемники

царей, и он не включал идеи коллегиальности. Это была та же система, которая в области религии подготавливала через латинские имена преобразование кельтских богов. Рядом с этим в Трех Провинциях долго еще сохранялся титул вергобрета. Римская коллегиальная система привилась, однако, очень быстро и к галльской civitas, причем в течение некоторого времени два магистрата, заменившие одного претора, в виде некоторого компромисса назывались преторами-дуумвирами, а потом просто дуумвирами. В общем, однако, реформа эта легла только на поверхность управления галльской civitas, не коснувшись ее внутренней конституции. Более глубокой и более медленной была реорганизация отношений между городом и его территорией, вносившая существенные изменения в идеи и привычки.

Раньше и быстрее всего она произошла в Нарбоннской Галлии. Долгое общение с римской цивилизацией подготовило к ней население, и политика Цезаря и его преемников могла быстро двинуть его на новый путь. Колонизация, проведенная здесь по планам диктатора вторыми триумвирами и Августом[76], имела, между прочим, два следствия: 1) Так как колонии были городами римского типа, то они самым фактом своего существования не могли не внести разложения в галльские государства, в которых основывались, и неизбежно вызвали дробление государств и множественность civitates в Нарбоннской Галлии. 2) Развитие городской жизни определило преобладание города над окружающей территорией, быструю романизацию галльского государства, превращение его в городскую муниципальную общину римского типа, в которой, как показывают надписи, долго не исчезали еще следы прежней организации.

Так, во главе Нима стоит (до первых десятилетий I века по Р. Х.) *один* магистрат, так называемый pretor Volcarum (претор Вольков), являющийся правителем и всей территории. Мы не знаем, возникла ли эта магистратура до или после основания колонии, но она не представляется несовместимой с колонией, как это видно на примере Каркассона, магистрат которого формально называется praetor coloniae Iuliae Carcasonis (претор колонии Юлий Каркасонис). Это своеобразное приспособление римского строя является только временным порядком: уже с I века мы видим здесь коллегию магистратов, иногда сохраняющих титул преторов[77]. Так же рано исчезает в Ниме Совет Одиннадцати, который был, по-видимому, галльским учреждением.

Ним и Вьенна представляют разные ступени эволюции галльского племени-государства. В Нимской civitas берут верх малые центры над большими территориями. О пагах упоминания рано прекращаются, они подчиняются селениям (викам), и эпиграфика Нима знает только их. Эта эволюция в вьенской civitas совершилась только наполовину. В более богатой и открытой ее части вики стали настоящими городами и подчинили себе сельские округа: таковы Genava (Генава) (Женева), Aquae (Аквы) (Экс), Augustum (Август) (Аоста), Albinum (Альбин) (Альбен), Gularo (Гуларо) (Гренобль), vicus Bo... (Аннеси). В других же частях, гористых и отдаленных, надписи знают только паги. В Ниме и Вьенне римский тип

осуществляется с большей чистотой, и duumviri (дуумвиры) или quattuorviri[78] (кватуорвират) города являются магистратами всей общины. Жители вьенской территории не отличаются от жителей города и называются не аллоброгами, а вьеннцами — viennenses.

Только civitas воконтиев, вероятно, до самой реформы III века сохраняет свою племенную организацию. Этой привилегией она обязана своему положению союзного государства. Кроме нее, в таком же положении находился только один Марсель, и это обеспечило сохранение его греческих городских учреждений. Богатство эпиграфического материала, найденного на почве «общины воконтиев», дает возможность ближе всмотреться в этот единственный образчик галльского государства под римской властью. Правительство представлено здесь претором, очевидно, не имевшим товарища, эдилом (а может быть, двумя), префектом милиции (praefectus praesidiorum) и советом двадцати. Под латинскими именами видна галльская организация: префект милиции напоминает военачальника, стоявшего рядом с вергобретом. У эдуев совет 20 напоминает principes (вождей) поры независимости, как и совет 11 в Ниме. Эти «двадцать» назначают магистратов пага — префектов. Из целого, образуемого соединением пагов, выделяются три города: Lucus Augusti (Лукус Августин) (Luc en Diois — Люкан Дьуа), Dea — Augusta (Деа-Августа) (Dia — Диа) и Vasio (Вазио) (Vaison — Везон). Последний, по своему значению, мог бы дать свое имя всему народцу, но воконтии сохранили свое племенное имя, и только жители Vasio (Вазио) присвоили себе, наряду с vocontii (воконтиями), имя Vasienses (вазайцы), которое встречается только на местных надписях. Вазио, будучи центром администрации всей страны, в качестве особого «городского» пага имеет и свою особую городскую администрацию. Вероятно, то же повторялось и в двух других городах.

Подобная конституция, бывшая аномалией в Нарбоннской, являлась правилом в Трех Галлиях. Здесь колонизация была слабее. Если не считать «почетных колоний», т. е. поселений, возведенных в этот ранг путем юридической фикции и получивших связанные с ним привилегии[79], — колонии расположились только по территории Трех Галлий, в соседстве Нарбоннской Галлии и в поясе, занятом римскими армиями на германской границе. Страны, покоренные Цезарем, были слишком обширны, и верность их населения сомнительна. Создать внутри большую массу колоний было невозможно, разбросать их редко — опасно; сосредоточить в одном месте так, чтобы они могли поддерживать друг друга — малоплодотворно: тогда их влияние было бы слабо и захватило бы узкий круг. Казалось, проще всего было совсем не создавать их на этой плохо подготовленной территории, где ассимиляция должна была явиться делом времени. Так, здесь отсутствовала сила, которая рано привела к раздроблению галльских государств в Нарбоннской области.

По тем же причинам оказывается запоздалым развитие городской жизни в Трех Галлиях. Все же римляне делали в этом направлении, что могли. Они всячески побуждали галлов к преобразованию или к уничтожению прежних

oppida. Иногда они даже прибегали к принуждению[80]. Многие из этих oppida по своему местоположению соответствовали новым требованиям: тогда их перестраивали и украшали, например, Avaricum (Бурж), Mediolanum (Сант), Agedincum (Санс), Lutetia (Париж). Но другие, расположенные на трудно доступных высотах, были осуждены на уничтожение: столица арвернов была перенесена из Герговии в Augustonemetum (Клермон), а столица эдуев — из Бибракте в Augustodunum (Отен). Есть целый ряд галло-римских городов, именем своим указывающих на эпоху Августа и Юлиевой династии. Целый ряд их называется Augusta (опущено urbs): Augusta Auscorum (Ош), Augusta Suessionum (Суассон), Augusta Veromanduorum (Сен-Кантен), Augusta Treverorum (Трир), Lucus Augusti (Luc), Des Augusta (Die): племенная богиня Андарта стала богиней Augusta. Другие комбинируют с именем Августа, Юлия или Цезаря различные кельтские слова: Dunum (высота), nemetum (храм), magus (поле), ritum (брод), bona (город). Кроме вышеупомянутых, вспомним Iuliomagus (Анжер), Caesaromagus (Бове), Augustomagus (Санлис), Augustoritum (Лимож), Iuliobona (Лильбон), Augustobona (Труа), Augustodurum (Байе). Интересно также отметить имена, оканчивающиеся на forum. Римляне называли так прежние ярмарки, ставшие населенными центрами. Таковы: Forum Segusiavorum (Feurs), Forum Claudii Vallensium (Мартиньи), Forum Claudii Centronum (Эм в Тарантезе), Forum Iulii (Фрежюс) и др.

Создание городов подготовило переход галльского государства в римскую civitas. Первым шагом в этом смысле и была замена единоличной магистратуры магистратурой коллегиальной, совершившаяся очень рано; надписи, упоминающие о вергобрете у сантонов и о преторе у битуригов-вивисков, относятся к первой половине I века по Р. Х. К несколько более поздней поре, к 69 году относится памятник, посвященный неким Флавом или, вернее, Флавием «верховным магистратом государства батавов» (summus magistratus civitatis batavorum)[81]: вполне естественно, что племенные учреждения удержались дольше вдали от пояса римского влияния и именно у батавов[82]. Эти три надписи — единственные в своем роде. В общем, эпиграфический материал везде изображает нам римскую систему.

Следует отметить, что управление всей территории данной civitas не скоро сольется с управлением центрального города. Бордо, как и Вазио, сперва является особым городским «пагом», только он управляется не префектом, а несколькими magistri, как было в обычае в юго-западных пагах. На юго-востоке находим префекта, например, в Anicium (Ле-Пюи). Жители Нанта до начала II века называются «жителями вика, служащего портом Намнету» — vicani Portenses. В 250 году жители Санса еще называются vicani Agedincenses, в такой надписи, где магистраты вика отделяются отчетливо от магистратур civitas.

Паг инкорпорировался в вик раньше, чем территория civitas слилась с ее центром. Лучше всего это прослеживается в земле гельветов. Еще в I веке по Р. Х. надписи[83] говорят нам о пагах как самостоятельных политических телах; позднейшие же документы упоминают только о «виках»: Lousonna (Лоузанна) (Лозанна), Minnodunum (Миннодун) (Мудон), Eburodunum (Эбуродун) (Ивердон),

Salodurum (Салодур) (Солер), Vitudurum (Витудур) (Обервинтертур), Vindonissa (Виндонисса) (Виндиш), Aquae (Аквы) (Баден), Turicum (Турик) (Цюрих).

Рейнские области образовали особый мир, более германский, чем кельтский. Здесь римляне нашли не civitates, а gentes — племена (Плиний). Здесь городская жизнь имела единственный очаг в Кельне, основанном Клавдием в 50 году. Веспасиан первым начал преобразование Верхней Германии, создав civitas неметов, центр которой Noviomagus (Новиомаг) стал колонией Flavia Nemetum (Флавия Немет) (будущий Шпейер). Примерно тогда же были организованы civitates вангионов и трибоков. То, что Веспасиан сделал для Верхней Германии, Траян сделал для Нижней. Он основал на Рейне против впадения Липпе, в стране кугернов, колонию Ulpia Traiana и ниже, в стране батавов, колонию Ulpia Noviomagus (Ульпия Новиомаг) (Нимвеген). Город Lugdunum (Лугдун) (Лейден) служил центром для приморского населения. Это была знакомая нам политика, заставившая преобразовать обе Германии, на которые сперва смотрели как на чисто военные территории, в настоящие провинции, чтобы привязать их теснее к Империи.

Ограниченное сперва левым берегом Рейна, движение это, благодаря толчку, данному Траяном, перешло на правый берег великой реки. Город Lepodunum (Леподун) (Ладенберг) стал столицей свевов на Неккаре, образовавших civitas Ulpia Sueborum Nicretium; около нее на севере возникла civitas Mattiacorum Taunensium (маттиаков на Таунусе) с главным городом Castellum Mattiacorum (крепость маттиаков), расположенным напротив Майнца. Южная область Десятинных Полей, управлявшаяся, как императорский домен, прокуратором, довольно поздно усвоила муниципальный строй, неразлучный с местным самоуправлением. Только в III веке появляется здесь civitas Sumelocennensis (Сумелоценненсис) (Роттенбург) и civitas Aurelia Aquensis (Аврелия Аквенсис) (Баден-Баден). Майнц сложился, как город, еще позже — к концу II века[84].

Все эти civitates с их дуумвирами, эдилами, декурионами были организованы более полно и строго по-римски, нежели галльские. Мы увидим дальше, почему германская граница была больше романизована, нежели центр и восток Галлии[85].

Отличаясь от окружающей территории и являясь среди окрестных деревень очагом и центром романизации, главный город края не мог не обеспечить своим жителям привилегированного положения. Возведенный в ранг римской колонии, он давал им римское гражданство; в иных случаях он, по крайней мере, ставил их в более благоприятные условия для его получения. Неравенство между жителями деревень и городов обнаруживается в законах о рекрутском наборе. В то время, как первые зачислялись во вспомогательные отряды, вторые принимались в легионы.

Преобразование галльского государства в римский муниципальный округ было почти закончено, когда эдикт Каракаллы между 212 и 217 гг. даровал право римского гражданства всем подданным Империи[86]. С этого момента нет более юридического различия между жителями города и его сельского округа. Однако еще в 250 году город Агединк, главный центр сенонов, трактуется как вик

и имеет магистратов, особых от магистратов в civitas и зависящих от последних: очевидно, выводы из эдикта Каракаллы сделаны были не сразу. Он будет проведен последовательно только в реформе Диоклетиана и Константина[87].

Слияние города и деревни выразилось в мере, являющейся как бы заключением описанного движения и в своих результатах сказывающейся и доныне. Это — официально предписанное изменение номенклатуры галло-римских civitates, для которого характерно отожествление имени племени и главного города, так что либо первое заменено вторым, либо второе — первым: аллоброги станут называться Viennenses (вьеннцами) от Vienna (Вьенны), секваны — Vesontienses (везонцами) от Vesontio (везонтио), и наоборот, город Lutetia (Лютеция), центр племени Parisii (паризиев), превратится в Parisius (Париж). Limonum назовется Poitiers (Пуатье) от племени Pictones (пиктонов), Condate (Кондат), город Redones (редонов), получил имя Rennes (Ренн).

Перенесение имени города на народ свидетельствует о большей притягательной силе городского центра. Потому-то этот прием является общим правилом в Нарбоннской Галлии, где колонизация разбивала единство и самостоятельность племен. Только воконтии и гельвии сохраняют там свои племенные имена: мы знаем, что как раз в их области развитие городской жизни было слабо[88].

Неудивительно, что противоположное течение возобладает в Трех Галлиях. Здесь племена не дробились, галльское государство долго сохраняло свой строй; исчезнув, наконец, в жизни, оно удержалось в языке, и в момент, когда город поглотил племя, последнее запечатлело на нем свое имя. Встречаются, конечно, исключения, но в общем объяснение представляется верным.

Тот же процесс концентрации в обоих видах повторяется в отношениях между пагом и виком: Pagus Lucretius (паг Лукретий) на территории Арля группировался около locus Gargarius (местечка Гаргарий). В 417 году мы встречаем приход Gargaria (Гаргария), но имя Lucretius исчезло. Наборот, pagus Matavonicus (паг Матавоник) (около Фрежюса) дал имя городку Matavonium (Матавоний), а имя вика исчезло.

IV. Разные типы civitatis[89]

Галло-римские civitates делились на несколько категорий.

На совершенно особом месте следует поставить *колонии*. Они были военными постами и центрами влияния, обеспечивавшими материальное завоевание и подготовлявшими духовное. Население их составлялось из ветеранов, которым государство давало участки земли с обязательством поселиться в существующем городе или основать новый. Они составляли общину — civitas, строй которой был подражанием строю италийских городов. Выдающиеся туземцы постепенно вводились в нее, в конце концов, в нее вступило все местное население.

Существовали *римские* и *латинские* колонии. Римские были те, которые заселялись римскими гражданами. Их строй воспроизводил строй Рима, упрощая

его. Латинские колонии состояли из ветеранов, не служивших в легионах и не получивших, по выходе из вспомогательных отрядов, права гражданства. Когда Рим в 338 году до Р. Х. разрушил союз городов, образовавшийся вокруг него в центре Италии (в Лации), он изобрел для прежних союзников, ставших теперь его подданными, и распространил постепенно на другие более отдаленные народы право, которое он назвал *латинским*, в память племени, получившего его прежде всего. Когда в 89 году до Р. Х. вся Италия получила римское гражданство, латинское право исчезло из Италии, как раньше из Лация, чтобы возродиться в провинциях. Латинское право стояло посередине между правом римских граждан и правом иностранцев (peregrini). Оно включало не политические, а только гражданские права: ius commercii — одну из основ права римской собственности, и иногда ius connubii — один из элементов права римской семьи. Лица, отправлявшие местные магистратуры в «латинских» общинах, получали по окончании службы полное римское гражданство. Учреждения в латинских общинах с некоторыми незначительными изменениями воспроизводили римские, и колонии латинского права сыграли в провинциях ту же романизующую роль, что и колонии римских граждан.

Имена колоний обличают их происхождение. В них всегда встречается имя императора-основателя. Колонии, названные Iuliae Paternae (Юлиевы Патерны), очевидно, основаны Цезарем, приемным отцом Августа, причем эпитет Paternae прибавлен позже. Колонии, просто названные Iulia, вероятно, основаны Цезарем или, по его завещанию, триумвирами, или Гаем Юлием Цезарем Октавианом, когда он еще не назывался Августом, т. е. до 27 года. Augustae основаны Августом после 27 года, Iulia Augustae (Юлиевы Августы), основанные до 27 года, обязаны Августу каким-либо изменением их строя. Иногда в именах колоний встречаются упоминания об отрядах, к которым принадлежали жители. В различных частях Галлии были основаны в разное время колонии всех различных указанных типов[90].

Надо различать колонии действительные от «почетных»: последние создавались не путем реальной колонизации, а путем легальной фикции. Это разграничение нелегко провести на практике. Действительные колонии всегда были военными колониями, но не всегда можем мы определить, которые на самом деле были такими. На характер некоторых указывает имя: если они основаны легионерами, они гордятся этим и отмечают свое происхождение; они не делают этого, если оно более скромно: латинские колонии Нарбоннской Галлии, основанные вспомогательными отрядами, не считали необходимым хранить об этом память.

Иногда несколько разных отрядов участвовали в основании колонии, в таких случаях не упоминали ни одного из них.

Военная колонизация особенно энергично совершалась в начале нашей эры. Действительными колониями можно считать все нарбоннские, основание которых относится к первым годам императорского правления или ранее. В эту же группу входят Лион, Аугст, Кельн, Шпейер, Нимвеген, Ульпия Траяна, Нион,

Аванш, Безансон. Мы знаем, что первые три были основаны для того, чтобы обеспечить судьбу вышедших в отставку солдат. То же можно предположить о других, расположенных в поясе, который занят был армиями. Имя Ниона, Colonia Equestrium (Колония Эквестриум), напоминает отряды конницы, из которых составилось, очевидно, его население. Имя Аванша, Colonia Emerita (Колония Эмерита), значит — поселение ветеранов. Не менее выразительно имя «победоносной» — Colonia Victrix (Колония Виктрикс), данное Безансону.

Существует сомнение насчет Трира, Лангра и колонии моренов. Что касается городов Фера и Оза, расположенных вдали от границы и отмеченных в качестве колоний в ту эпоху, когда колонизация через солдат уже была оставлена, вне пояса армий, — можно думать, что они не были колонизованы, но получили фиктивно звание колоний и связанные с ним права.

Спорным является вопрос, были ли колонии Трех Провинций (кроме Лиона — несомненно римской колонии) латинскими или римскими[91]. Римским городам противопоставлялись «чужеземные» — civitates peregrinae, сами делившиеся на два класса: город свободных и подчиненных.

Эти последние назывались *стипендиарными*, так как они платили подать — stipendium, рассматривавшуюся как знак их подчинения. Это были те, которые починились закону завоевания, сдались на милость победителя актом, называвшимся deditio (выдача). Они во всем повиновались власти и контролю правителя. К этой категории принадлежала большая часть городов в Трех Галлиях.

Свободные города в их внутреннем управлении не зависели от власти наместника провинции. Они, строго говоря, не входили в Провинцию. Ее наместник, вступая в эти города, снимал знаки своей власти. Кроме того, они пользовались так называемым иммунитетом, т. е. свободой от подати, от правильных налогов, но они несли известные повинности.

Города, сохранившие свободу, автономию, в силу обоюдного договора являются одновременно свободными и союзными (foederatae). Те же, которые сохранили ее по милости римского народа, называются просто свободными. Латинские города стояли во главе союзных, но то было лишь воспоминание прежней латинской конфедерации.

В Нарбоннской области союзными народцами были массалиоты, с самого начала, и воконтии, с походов Помпея между 77–79 гг. В Трех Галлиях — эдуи, ремы, лингоны, гельветы. Свободными народами были веллавы, битуриги-вивиски и кубы, петрукории, сантоны, сегузиавы, туроны, видукассы, мельды, нервии, суэссионы, сильванекты, левки, тревиры. Эдуи и гельветы получили эту привилегию с самого начала сношений их с Римом, большинство остальных — со времен Августа. В общем, легко установить, чем она определялась: эти народы были либо старыми друзьями Рима, либо легко сдавшимися противниками, либо орудиями римской политики. Звание свободного или союзного города не было несовместимо со званием римской колонии. Аванш, в качестве гельветского города, был союзным городом и остался им, сделавшись римской колонией. С

этих пор он и назывался Colonia Pia Flavia Constana Eremita Helvetiorum foederata. То же можно сказать о городах Ди у воконтиев, Лангре у лингонов, Тире у тревиров[92]. Города этого типа соединяли выгоды автономной общины с привилегиями колонии римских граждан.

Свобода октроировалась специальным для каждого города актом. Положение их бывало весьма различно, и трудно дать общую его картину. С течением времени оно стало меняться. Их право юрисдикции подверглось существенным ограничениям при Нероне[93]. Уже во времена Тиберия, притом до 21 года, они потеряли свободу от налога[94]. Правда, в Галлии до самого III века встречаются города, называвшие себя «свободными» и «союзными», но это — лишь почетные титулы.

Civitates peregrinae сохранили свои национальные учреждения. Эта политика терпимости ничего не стоила Риму: он не навязывал своих учреждений, но побежденные сами добивались, как милости, права ввести их. Сами массалиоты при Марке Аврелии отказались от своей старинной конституции и заимствовали форму правления у соседних колоний.

Из них-то родилась в провинциях категория городов, называвшихся *муниципиями*. В эпоху Империи так назывались городские общины, которые, не будучи колониями, стояли в таком же положении, как и они. Различие между колониями и муниципиями заключается в следующем: тогда как колонии управлялись римскими законами, даже в частном праве, муниципии в делах, не подведомственных провинциальному наместнику и его органам, могли, по желанию, применять местное право. Казалось, им должен был быть дорог этот остаток независимости, и, однако, они ничего так не желали, как променять его на имя римской колонии. В сущности, ничто не мешало им ввести практику гражданского права Рима. Но звание колонии влекло за собой большие преимущества: колонии носили имя императора-основателя, ставшего их отцом — parens и вследствие этого являвшегося их благодетелем, кроме того, они могли получить *италийское право*, освобождавшее от налога и открывавшее возможность владеть недвижимостью на *квиритном праве*. Так-то и создались *почетные колонии*, о которых выше шла речь[95].

V. Муниципальный строй: магистратуры, жречества[96]

В основе того, что называлось муниципальным порядком, лежали римские учреждения, перенесенные в чужие страны.

Город-civitas включал собственно граждан — cives и поселившихся в нем чужестранцев-обывателей — incolae, которые делили обязанности первых, но были лишены их прав. Мы не отмечаем в ряду политических прав муниципальных граждан — права подачи голоса в комициях. В богатом эпиграфическом материале Галлии нет ни одного намека на существование народного муниципального собрания[97]. Это не должно удивлять нас, если мы вспомним, что Рим повсюду в Галлии опирался на местную знать; понятно, что он не рисковал

раздражать ее, давая низшим классам такое влияние на политическую жизнь, какого они не имели до завоевания. Единственным политическим собранием в галло-римских городах был *муниципальный сенат* или *совет декурионов* (curia), который избирал магистратов. Такой порядок постепенно утверждался и в остальной Империи.

Муниципальные магистраты, как и в Риме, назначаются на год по два на каждую магистратуру, облекаются теми же атрибутами, носят те же имена, кроме только двух высших, именующихся *дуумвирами*, а не консулами, чтобы не принижать величия этого имени. Впрочем, подобно консулам, они имеют курульное кресло, носят окаймленную пурпуром тунику — лантиклаву и вышитую тогу — претексту, предшествуются ликторами со связкой прутьев, но без топора — символа верховного imperium'а, которого у них не было. Ниже дуумвиров стоят два эдила и два квестора. Квесторы заведуют муниципальной казной. Это — простые финансовые агенты, не обладающие юстицией, которая составляет неотъемлемую принадлежность магистратуры в собственном смысле. Иное дело эдилы, на которых можно смотреть как на младших товарищей дуумвиров, составляющих вместе с ними *кватуорвират*. В их заведовании находятся рынки, припасы, игры, хлебные раздачи[98].

Главная функция муниципальных магистратов, как это видно из их титула, duumviri iure dicendo (дуумвиры правоведы), была судебная. Если верить юрисконсультам конца II и начала III века, их юрисдикция была очень ограниченной: она сводилась в уголовных делах к предварительному следствию и к чисто полицейским функциям, и даже по отношению к рабам им давались ограниченные карательные права; в гражданских делах судебная компетенция их ограничивалась лишь мировой юстицией, а тяжбы разбирались ими лишь незначительные и только при условии согласия сторон. Возможно, что не всегда бывало так, особенно в свободных и союзных городах[99]. Дуумвиры следовали правилам римской процедуры. Они назначали судей, как видно по одной Нарбоннской надписи (см. гл. 1, § 4).

Дуумвиры имели в руках и верховное заведование муниципальными финансами, доходами и расходами. Город получает доходы от своей недвижимой собственности, сданной в аренду, на время или навсегда, от пошлин, штрафов, если они разрешены государством, от податей, которыми облагались граждане в пользу общины, от добровольных или обязательных пожертвований частных лиц и магистратов. Из этих средств он покрывает свои обычные и чрезвычайные расходы: содержание зданий и дорог, издержки на культ, на игры, на школы, находившиеся, как увидим[100], на иждивении муниципалитета, расходы по посылке депутаций к императору и по выдаче почетных наград. В Ниме и Вьенне рядом с duumviri iuridicundo стоять duumviri aerarii или ab aerario, заведовавшие финансами и составлявшие с первыми кватуорвират. Только во Вьенне мы встречаем трех хранителей недвижимого имущества города — triumviri locorum publicorum persequendorum.

Дуумвиры наблюдают за общественным порядком. Для этой цели они имеют в распоряжении штат помощников и рабов. Но в случае нужды, с разрешения совета декурионов, они могут вооружить жителей, для каковой цели они облечены военными полномочиями в пределах их территории и в границах их компетенции. Этим и объясняется существование военных складов и арсеналов в большом числе галльских городов во время смут, связанных с падением Нерона.

«Римский мир», блага которого живо чувствовало население, был, однако, лишь относительным, ценным преимущественно по сравнению с прошлым. Он положил конец местным войнам, но пиратство и разбой продолжали свирепствовать на Средиземном море, в Альпах и в Юре. Защищаясь от них, города принимали меры, разнообразие которых свидетельствует о широкой инициативе, предоставленной им центральной властью в области охраны безопасности на местах.

Своеобразным учреждением является должность «префекта стражников» (praefectus vigilium) в Ниме. Нимские колонисты, происходившие от египетских солдат[101], нашли образец такой должности в александрийском «Никтостратеге». «Стражники» являлись собственно пожарной командой, набиравшейся из строительных рабочих — fabri и из так называемых centonarii, выделывавших из кожи и материи нечто вроде брезентов, которые назывались centones, и которыми они тушили огонь. Но «префект стражников» заведовал не только пожарной службой, он имел и военные функции. Ним сообщался с морем более глубокими и доступными, нежели теперь, озерами, и их следовало бдительно стеречь. По-видимому, можно найти и в Нарбонне, находившейся в тех же географических условиях и подверженной таким же нападениям, нечто в роде городской милиции, организованной в коллегию[102]. В Нионе надписи отмечают «префекта для усмирения разбоев» (praefectus arcendis latrociniis)[103], у воконтиев «префекта милиции» (praefectus praesidiorum), во Вьенне «начальника копейщиков» (praefectus astiferorum). Гельветы в течение I века содержали отряды, которые должны были защищать их от германских мародеров[104]. Рейнские народы для той же цели вооружали молодежь страны[105]. У маттиаков, в укрепленном пункте против Майнца, стоял гарнизон пастухов[106]. Вероятно, впрочем, эти последние милиции, организованные на случай крайней опасности, зависели от военной власти, а не от муниципалитетов. Во внутренних городах мы не видим аналогичных учреждений. Только в Отене молодежь играет роль национальной гвардии в событиях 21 и 70 гг. по Р. Х.[107]. Можно думать, что отсутствие хорошо организованной военной силы тяжело сказалось на судьбах Галлии в III веке, в эпоху смут и тяжелых ударов со стороны внешних и внутренних варваров.

Дуумвиры Нарбоннской провинции (о Трех Галлиях мы этого не знаем) через каждые 5 лет прибавляли к своему обычному титулу титул quinquennales (квинквенналов). Это означало, что в это время они принимали функции римских цензоров[108], производили ценз имуществ муниципальных граждан, устанавливали состав сената и сообщали о результатах этой операции представителю центральной власти.

Квинквенналы упоминаются лишь в Нарбоннской области. В других галльских провинциях ценз, вероятно, поручался особым счетчикам, о которых выше говорилось, а остальные функции квинквенналов — обычным дуумвирам. Рядом с магистратами следует поставить муниципальных *жрецов*. Жречество считалось «честью» — honor, наравне с другими почетными общественными должностями. Оно с ними тесно связано и рекрутируется тем же порядком. Можно установить три категории муниципального жречества: 1) жрецы, которые во всяком по-римски организованном правительстве объединяют, так сказать, светскую и духовную власть. Таковы коллегии понтификов и авгуров. Как и в Риме, они группируются по трое; как и в Риме, они избираются пожизненно, по системе, представляющей комбинацию избрания и кооптации, и, наконец, как и в Риме, при наступившем разложении старых верований они вырождаются до роли почетного украшения. Понтифики могут проявлять свой авторитет в вопросах, относящихся к погребениям, сожжениям; в принципе они наблюдают за городскими культами. Но большинство этих культов, не будучи римскими, ускользает от их компетенции, а единственный чисто римский — культ императора превышает ее.

Единственной живой официальной религией, доминирующей и поглощающей все другие, был тогда культ императоров. Из Нарбонны он перешел в Три Галлии и распространился в ее городах и областях[109]. Организация этого культа представляет такое же большое разнообразие в городах, как и в провинциях. В городах проявляется даже больше своеобразия и инициативы. Черта, отличающая муниципальный культ, это — почитание divi, обожествленных императоров и членов их семьи. В некоторых городах даже не ждали их официального апофеоза, если дело шло о популярных государях. Особенно замечается это в начале Империи, в первом увлечении новой религией. Друз и Германик, которые никогда не были возведены в достоинство divi, приобрели поклонение во Вьенне, Ниме и Нарбонне.

Ученым удалось, пользуясь следами, оставшимися от бронзовых букв на фасадах «Квадратного Дома» в Ниме, восстановить посвящение этого храма двум «князьям юности», внукам Августа Гаю и Луцию Цезарям. Оба были еще живы, когда здание закладывалось (1 год по Р. Х.), и Гай был патроном колонии. Если верны гипотезы, предлагаемые для чтения надписи Вьеннского храма, он был посвящен двойному божеству Августа и Ливии. Ливию почитали и в Везоне задолго до ее апофеоза, который совершился лишь в правление Клавдия.

Мы не знаем, всякому ли культу соответствовал особый жрец. Это зависело от усердия городов, от их значения и богатства, ибо жречество, как увидим, было довольно обременительно. Несомненно одно, что с течением времени произошло некоторое упрощение. Императорская религия стала представляться в городе одним жрецом, соединявшим культ divi с культом царствующего Августа и Рима. Этот жрец, в конце концов, просто назывался жрецом Августа.

Муниципальный жрец Рима и Август, как и провинциальный, носил титул flamen или sacerdos (см. I, § 1). Рядом с ним стоит жрица — sacerdos или flaminica

(фламиника), которая чаще всего (но не необходимо) была его женой. Его избирают декурионы иногда на год, иногда на всю жизнь. Это — высшее лицо в городе, обыкновенно уже прошедшее через все другие высшие магистратуры и заседающее в сенате, не в качестве жреца, а в качестве прежнего магистрата. Его значение усиливается его сходством с римским flamen Dialis: как последний, будучи жрецом Юпитера, через то самое является служителем всех богов, так и провинциальный flamen становится «фламеном публичных жертвоприношений», т. е. верховным служителем всех религиозных функций города.

Третью категорию составляет категория жрецов местных культов. Она очень малочисленна, но не потому, что Рим преследовал галльских богов. Под римскими именами они не перестали занимать самое широкое место в национальном культе. Но упразднение друидического священства лишило их служителей[110]. Насколько часты упоминания о посвященных им памятниках, настолько же редки упоминания об их жрецах. Одна надпись, найденная в Маконе, рисует нам карьеру одного эдуя, который занимал высшие должности в городе, был фламеном Августа, «первенцем» (primogenus?) бога Молтина и gutuater Марса. Это слово gutuater встречается в одной надписи Аниция I века. Оно же сообщается нам в качестве имени вождя карнутов в VIII книге «Комментариев». Но возможно, что автор, легат Гиртий, принял за собственное имя жреческий титул[111]. Может быть, gutuater Марса в Маконе есть эквивалент Марсову фламену во Вьенне. Кажется, что во Вьенне, как и в некоторых городах Испании и Африки, существовало стремление организовать местный культ по образцу фламината. Во всяком случае, это — единственные следы не римского культа с публичным характером. Религиозная жизнь не стала от этого менее интенсивной. Напротив, ускользая от официальной опеки, она развертывается в тиши домашнего очага, в недрах религиозных братств, в кругу, предоставленном частной инициативе.

VI. Муниципальный строй: сенат и аристократия; августалы и плебс. — «Паги» и «вики»[112]

Муниципальный сенат или совет декурионов, называемый также *курией*, был очень важным и чтимым учреждением: он представлял распорядительную власть. По отношению к городским магистратам он был тем же, чем был по отношению к римским магистратам римский сенат. Его компетенция простирается на все сколько-нибудь важные дела, особенно те, которые касаются заведования общественным имуществом. Его власть выражается в декретах по самым разнообразным поводам. Упоминание о них часто встречается в надписях. Он превращается в апелляционный трибунал по отношению к приговорам магистратов. Когда высшая магистратура вакантна, он назначает временных префектов.

Способ его пополнения напоминает также римское прошлое: каждые пять лет дуумвиры квинквенналы устанавливают список декурионов, руководясь определенными указаниями закона. Этот список гравируется на бронзовой доске,

называемой album (альбум). Случайно до нас дошло album города Канузия в южной Италии, датируемое 223 г. по Р. Х.[113]. Оно может служить образцом всех подобных.

Сенат состоит преимущественно из прежних магистратов, занимающих в нем места и голосующих в том иерархическом порядке, как они расположены в альбуме. Сперва идут бывшие дуумвиры квинквенналы, потом обыкновенные дуумвиры, эдилы и квесторы. Во всех этих категориях попадаются и такие, которые, не будучи фактически бывшими магистратами, трактуются как таковые в силу некоторой легальной фикции, по милости сената. Магистраты, оставившие должность между двумя люстрами, занимают место в соответствующем ранге, ожидая окончательного внесения их в списки. Действительные магистраты не встречаются в канузийском альбуме, там же мы не встречаем жрецов, ибо в то пору они не входили еще в сенат — разве в качестве бывших магистратов. Чтобы дополнить сенат до его нормального числа (100 членов), вносят в списки таких лиц, которые ни реально, ни фиктивно не несли магистратуры. Их (как и в Риме) называют pedani. Во главе списка, в качестве почетных членов, поставлены знатные и могущественные *патроны* города. В конце идут молодые люди (praetextati), от рождения предназначенные ко вступлению в курию и в виде привилегии как бы предвосхищающие в этом списке свое будущее звание. Вероятно, они присутствуют на заседаниях, но должны воздерживаться от слова и голосования. Одна лионская надпись оплакивает смерть ребенка, сына дуумвира, который уже в 11 лет был титулован декурионом.

Городское управление строго аристократично. Этот основной римский принцип применяется и в Галлии. Аристократия была главной опорой завоевания. Даже, по-видимому, враждебные семьи из рядов знати не замедлили покориться. Среди жрецов алтаря Рима и Августа в Лионе мы встречаем кадурка Луктерия, потомка защитника Укселлодуна.

Декурионы составляли знать в настоящем значении этого слова. Они имели почетные отличия, председательствовали на зрелищах, на публичных пирах. Они носили звание декурионов пожизненно и наследственно. Положим, сенат обновлялся каждые пять лет, но эта операция ограничивалась введением новых членов. Правда, как составлявшийся из прежних магистратов, он определялся избранием, но избиратели сами были декурионами, и их выбор был ограничен. Чтобы быть декурионом, недостаточно было удовлетворять известным условиям возраста и знатности. Нужно было иметь известный ценз, и так как обладавших им было немного, то ясно, что большинство их получало доступ в сенат.

Необходимо было быть богатым, чтобы претендовать на почетное звание муниципальных сенаторов, ибо оно было не только бесплатным, но и связанным с крупными расходами. Римляне не понимали знати, которая не платила бы за свои привилегии или, точнее, привилегии были вознаграждением за известные повинности, налагаемые в общих интересах. Тяжесть, лежавшая на муниципальной знати, была немалой и становилась все более обременительной. Дело не

только в денежной ответственности, падавшей на тех, кто заведовал общественными финансами: тут был настоящий риск всем достоянием. Но, кроме того, на них ложились регулярные расходы, — одни обязательные, другие добровольные, но и те, и другие весьма крупные. Всякий вновь избранный декурион, в благодарность за свое избрание, должен был внести известную сумму, называвшуюся summa honoraria (почетный взнос), тариф которой установлен для каждого города, в зависимости от его значения. Он был выше для должностей магистратов и жрецов. От последних, кроме того, требовались добровольные раздачи, устройство игр и общественных работ, на что обыкновенно при вступлении в должность давалось обещание, равносильное контракту. На всем этом люди нередко разорялись. На этот случай закон обеспечивал пенсию. Все это немало тревожило императоров, и неоднократно они старались ограничить эти траты, по крайней мере, на бесполезные предметы вроде гладиаторских состязаний. Сенатусконсульт, открытый в Италике (в Испании) и датируемый 176 годом (эпоха Марка Аврелия), перечисляет ряд ограничений, установленных по этому поводу[114].

Пересматривая надписи, мы на каждом шагу поражаемся той щедрости, с какой рука частного жертвователя украсила и оздоровила эти города, в какое-нибудь столетие поднявшиеся на почве Галлии. Первый водопровод был подарен Бордо его претором; рынок в Нарбонне, подиум амфитеатра в Арле устроили их дуумвиры; фламиника украсила во Вьенне почетную эстраду амфитеатра, убрала ее статуями, покрыла балдахином из материи и золоченой бронзы; каменный театр в Фере (вместо деревянного) построен был жрецом Августа; провинциальный жрец Лионского алтаря поднял из развалин бани и храм Защиты. Здесь же дуумвир провел на свой счет воду, открытую на его земле. В самом Лионе эдил устроил на свой счет пятьсот мест в цирке.

Простые поселения — вики получают не меньше благодеяний. Фламен Вьенны воздвигает в Эксе, в Савойе, храм роскошной архитектуры. Одно важное лицо из Нионской колонии (в Швейцарии) устраивает в Женеве большие бассейны для пользы и удовольствия жителей. Соревнование заражает и частных лиц. Одно такое частное лицо дарит вику Аннеси прекрасную водяную машину-часы, вместе с рабом, который ее пускает в ход. Один вольноотпущенник возводит для женевцев триумфальную арку, посвященную Юпитеру. Часты пожалования по завещанию. Прекрасный мост Сен-Шама в Буш-дю-Рон является таким посмертным даром. Один военный, вероятно, родом из Везона, закинутый судьбою вдаль от родины, оставил своим согражданам крупную сумму для постройки облицованного мрамором портика у входа в публичные бани.

Не одним тщеславием объясняется такая щедрость. Тут чувствуется и глубокая привязанность к родному городу. Он остался единственным отечеством для своих сынов. Империя была слишком обширна и разнообразна, чтобы воплотить эту идею. Она была идеальным отечеством для культурного духа; город был реальным, материальным, осязаемым. Это чувствуется в стихах бордосского поэта Авзония. Несомненно, тяготы, которые он налагал, казались

часто нелегкими. Магистратуры, со всем тем, чего они стоили, устрашали менее богатых, менее бескорыстных. Но такое настроение стало общим лишь с III века, когда увеличение податного бремени совпало с уменьшением общественного благосостояния.

Декурионы составляли аристократию крупных собственников. Ниже стоял плебс, состоявший из купцов, промышленников, ремесленников. Из этой массы под действием императорского культа выделилось нечто вроде «буржуазной аристократии». Это как бы последняя ступень самого культа и вместе с тем очень любопытное его социально-политическое следствие.

Божество Августа имело многочисленных почитателей в низших классах. В них не было по отношению к основателю Империи того раздражения, которое питала высшая знать. Они были ему благодарны за мир, обеспечивавший возможность труда. Поклонники этого бога вступали в ассоциации; отсюда и вышел институт *августалов*.

Вышеупомянутая уже нарбоннская надпись[115] сообщает нам, что в 11 году по Р. Х., когда Август открыл юдикатуру плебсу, последний решил воздвигнуть на Форуме храм императору и избрать 6 плебеев, которые должны были приносить жертвы на свой счет и раздавать фимиам и вино народу, чтобы он мог принять участие в этом культе. Подобные же манифестации происходили и в других местах, вызванные иногда, как и в Нарбонне, специальным поводом, а чаще всего — одушевлением населения или соревнованием между городами.

Вмешательство муниципальных властей, направляемое и регулируемое центральным правительством, преобразует в публичную функцию жречество, вышедшее из народной инициативы. Seviri augustales (августальные севиры) — шесть служителей августова алтаря — получали от совета декурионов важные отличия: почетное место на общественных трапезах и на играх, далее, принадлежавшее только высшим магистратам право носить претексту и быть сопровождаемым двумя ликторами с фасками. Служение севиров было годовым, но они сохраняли навсегда свои отличия, кроме фасков, и назывались потом seviri perpetui (пожизненные севиры), sevirales augustales (августальные севиралы) (последнее — в Галлии).

Так создался и рос, пополняемый ежегодно присоединением шести новых членов, орден августалов. Принимая те преимущества, какие могли ему дать публичные власти муниципия, он тем самым становился под их опеку. В общем он не имел автономии. Лишь в некоторых городах (в Ниме, Арле, Эксе, Марселе, Фрежюсе, Антибе, Лионе) августалы прибавляют к своему имени эпитет corporati, означающий, что они имеют некоторые корпоративные права: общую кассу и право избрания лиц, заведовавших ею. Но назначение севиров остается в руках декурионов, от которых, стало быть, зависит и пополнение самого августальства. Итак, августалы никогда не составляют настоящей корпорации: зато они составляют ordo, т. е. сословие, важную ступень социальной иерархии, высшую цель для тех, чье честолюбие не может метить выше.

Успех этого учреждения опирался в особенности на вольноотпущенников. Правда, в Нарбонне в 11 году трое из севиров были ingenui (свободными) и даже римскими всадниками. Но не для таких людей создано было августальство: они могли рассчитывать на декурионат, чему не мешало их звание купцов, и активный севират был для них только переходной ступенью; почетный же севират был бы для них мертвой точкой в их карьере. Иное дело отпущенники, которые, по своей численности, промышленной деятельности и богатству, занимали важное место в городе, но которых рождение отстраняло от курии. Вознаграждением за это лишение для них являлись почести, связанные с августальством, возможность фигурировать в официальном мире тотчас вслед за декурионами, и если не сам̀ титул, то «украшения» декуриона̀та.

Эти почести оплачивались подобно всем другим; кроме расходов на жертвоприношения, игры, трапезы, куда приглашалось все население, августал, под видом пожертвования, должен был вносить в муниципальную кассу значительную сумму, устраивать общественные работы. Надписи рассказывают, как один севир дарит часы Вьенне, другой в Рие воздвигает статую матери богов.

Географическое распределение августалов заслуживает внимания. Мы находим их всюду в Нарбоннской Галлии. В Трех Галлиях их пока разыскали только в Лионе, Отене, римских центрах по преимуществу, в некоторых северо-восточных городах: Лангре, Меце и большинстве рейнских городов (эта область сравнительно рано романизовалась, благодаря присутствию легионов). Августальство неотделимо от римских учреждений; чтобы возникнуть и организоваться, оно нуждалось в декурионате, который вызывал его к жизни и формировал по своему образу и подобию. Потому-то оно не могло акклиматизироваться в общинах, искони верных кельтским традициям. А когда эти общины стали приспосабливаться к формам римских муниципалитетов, уже было поздно, чтобы это учреждение могло в них пустить корни.

Августальство оказало важные услуги. Оно укрепило в средних классах чувство верности Риму и Империи, оно сблизило их с высшими классами. Оно было могучим стимулом к деятельности в муниципальной жизни. С течением времени, однако, оно начнет падать под влияние́м христианства, а также вследствие экономических изменений, разоривших те классы, на благосостоянии которых оно базировалось.

Остается сказать несколько слов о подразделениях civitas, т. е. о пагах и виках. К сожалению, документальный материал по этому вопросу скуден и отрывочен[116]. В общем, пределы предоставленной им автономии были чрезвычайно тесны. Они не имели ни муниципальной организации в строгом смысле слова, ни магистратов, ни декурионов. Тем не менее, они составляли respublica — род общины, которую юридически можно было бы сравнить с частными корпорациями: они владели недвижимым имуществом, могли принимать коллективные решения, избирали патронов, посылали петиции и депутации к правителю провинции, — даже к императору. Паги имели свой культ, обслуживаемый местными жрецами.

Администрация пагов представляет своеобразные особенности. Паги аллоброгов и воконтиев управлялись префектами и подчиненными им эдилами. Префект назначался властями соответствующей civitas, вероятно, для судебных функций. Этот факт свидетельствует об ограниченной независимости пага под римским владычеством. На другом берегу Роны, у сегузиавов, в аквитанской стороне паги управляются *магистрами*, чем приближаются к италийскому типу. Магистры избираются на год по 2 или по 4. Позднее, в IV веке кодекс Феодосия знает во главе пага только praepositus (препозита) pagi — простого сборщика налогов. Паг будет в эту пору простым агрегатом поместий или fundi (земли), служащим для распределения и собирания поземельного налога. В политическом отношении его поглотил вик, в религиозном он совсем потерял значение — с того момента, как торжествующее христианство запретило его культ и принялось преследовать в сельчанах паганов (pagani) как язычников, запоздалых приверженцев осужденных верований.

Администрация виков не однообразна. В Нарбоннской и в большей части Трех Галлий во главе их стояли эдилы; у гельветов и в рейнской области — кураторы. Титул куратора входит в обычай со II века по Р. Х., и мы знаем, что гельветские и германские вики установились не ранее этого времени. Вики имели местный совет, о существовании которого гласит одна надпись из Экса в Савойе. Здесь он состоял из 10 лиц, называвшихся decem lecti Aquenses (десять избранных жителей Аквы). Майнцский вик был единственным, где это собрание имело право называться «ordo decurionum» (сословием декурионов). Этой привилегией оно было обязано исключительному своему положению, к которому мы будем иметь случай вернуться[117].

ГЛАВА III
ВСТУПЛЕНИЕ ГАЛЛОВ В РИМСКОЕ ГРАЖДАНСТВО

I. Ассоциации римских граждан. Дарование латинского права и римского гражданства. Речь Клавдия. — II. Галлы — римские граждане. Галло-римская ономастика. Эдикт Каракаллы.

I. Ассоциации римских граждан. Дарование латинского права и римского гражданства. Речь Клавдия[118]

Дарование всем жителям Галлии права римского гражданства было последним актом полного перерождения страны.

Римские граждане долго оставались вне Италии в незначительном меньшинстве. Сперва это были почти исключительно римские купцы, привлекаемые возможностью эксплуатировать побежденных; затем отдельные провинциалы начинают в виде отличия получать привилегии народа-завоевателя. Изолированные среди бесправного населения, окруженные его завистью и недоброжелательством, они чувствовали потребность сплотиться. Отсюда возникли те ассоциации римских граждан, называвшиеся conventus, которые мы видим во всех частях римского мира.

Очевидно, что они теряли свой смысл по мере того, как вокруг них распространялось римское — или его смягченная форма — латинское право. Потому-то, например, в Нарбоннской Галлии уже в начале императорской эпохи мы ничего не слышим о них. Несколько позже они исчезли в Трех Галлиях. Их влияние распространило вкус к римской цивилизации и подготовило почву для муниципальных учреждений, для которых они давали образец своим внутренним устройством.

Такие conventus civium romanorum (собрание римских граждан) управлялись *куратором*, иногда с помощью *квестора*. Первого мы находим в Оше, Периге, Санте, Аванше, Майнце. В последнем, так же как и в civitas нервиев, мы встречаем квестора. Местные кураторы зависели от провинциальных (summus curator civium romanorum provinciae Aquitaniae или Lugdunensis — общий куратор римских граждан провинции Аквитании или Лионской Галлии). Те и другие почти всегда были важные лица, прошедшие через муниципальные функции, стало быть, — коренные галлы, могущие защищать в своей среде вверенные им интересы. Они не жили, впрочем, непременно среди своих доверителей: из трех кураторов гельветского conventus мы знаем двух, которые осуществляли свою магистратуру один во Вьенне, другой в Нионе. Единственный известный нам куратор Аквитании был лионец.

Можно представить себе, чем были для массы провинциалов те, которые назывались римскими гражданами. Они воплощали в своем лице величие и гордость народа — владыки. Они обладали connubium и commercium — т. е. имели право жениться, приобретать, торговать, завещать, наследовать согласно формам и под гарантией римского закона. Конечно, и для перегринов, т. е. не граждан, легальная сила этих актов гарантировалась нормами ius gentium или же их племенного права, к которому Рим умел обеспечить уважение. Но это национальное право было лишь совокупностью местных обычаев, крайне пестрых, крайне неудобных для внешних сношений, и в коммерческой борьбе устанавливавших стеснительное неравенство для чужих. Что же касается ius gentium, то оно во многих отношениях ставило в худшие условия перегринов. Брак граждан с перегринами не имел тех законных следствий, как римские iusfae nuptiae. Дети, рожденные от такого брака, становились перегринами. В уголовных делах граждане в силу старого закона судились в Риме по более мягким законам. Впоследствии, когда, ввиду увеличения их числа, их пришлось судить на местах — они были избавлены от самых позорных наказаний. Они имели и другие прерогативы: из их среды наместник избирал судей. Во II веке только они вступали в легионы, только они могли стать государственными чиновниками; перед самыми счастливыми открывалась сенаторская карьера, другие достигали положения всадников, им одним предоставлялась возможность носить тогу. Естественно, что они были предметом зависти; римское гражданство было мечтой всякого перегрина, всякого галла.

Посредствующую ступень между правом граждан и перегринов составляло латинское право; оно включало commercium; могло сопровождаться ius connubii и открывало путь к праву гражданства: последнее сообщалось ipso facto всем, кто выполнял магистратуру в общине латинского права.

Латинское право сообщалось коллективными актами. В первые годы Империи оно дано было всем народам Нарбоннской Галлии, не имевшим римского гражданства. Август дал его различным народам Морских и Коттийских Альп и Аквитании. Потом распространение его остановилось на полвека. Сам Клавдий (41–54), столь щедрый на дарование римского права галльской аристократии, обнаруживал меньше готовности дать низшее латинское право всем классам общества. Он дал его только народам Валлиса (швейцарского); жители Морских Альп во всей совокупности получили его только при Нероне. Затем оно распространяется быстрее в силу событий 69–70 гг. Его давали очень щедро Вителлий (северо-восточн. Галлии), Веспасиан (Галлии и всей Испании). Мы не ошибемся, утверждая, что к концу I века его получили все народы Галлии. Исключение представляет только рейнская граница и вообще пояс военной оккупации, где мы видим только римских граждан и варваров, и где не существовало промежуточной формы латинского права.

Право римского гражданства давалось коллективно или индивидуально. Отдельные лица получали его или в виде милости, или по выполнении известных

условий. О распространении римского гражданства коллективными мерами мы знаем мало, располагая соответствующими текстами только за тот же тревожный период конца I века. Претенденты на престол, споря за Галлию, осыпали щедротами своих сторонников, и так во всех частях Галлии умножились группы приобретших гражданские привилегии.

Отдельными лицами, получавшими по закону право гражданства, прежде всего были магистраты городов, стоявших на латинском праве. Траян, или еще вернее Адриан расширили этот путь, установив так называемое большое латинское право — latium maius (в отличие от прежнего — latium minus), которое стало давать декурионам те же права, что и магистратам. Таким образом, создавалось не очень много граждан, и преимущественно из аристократии. Для низших классов путь к римскому гражданству открывали легионы (См. гл. I, § 6).

Раб гражданина, получивший свободу, в свою очередь становился гражданином. Но в первые века Империи, когда число таких отпущенников стало быстро расти и грозило переполнить римскую civitas — правительство начинает вводить ограничения. Отсюда — категория отпущенников, называвшаяся iuniani[119]. Под нее подошли рабы, освобождаемые вне контроля римского правительства и получавшие только минимум латинского права — ius commercii без права завещать и наследовать. Это положение могло оказаться ступенью к римскому гражданству при условии известных услуг государству.

С течением времени приобретение римского гражданства становилось все легче. Уже до Адриана смягчены условия смешанных браков: при браке перегрина и римской гражданки появилась возможность сохранять за детьми римское гражданство, если мать доказала (что всегда было нетрудно), что она, выходя замуж, не знала положения мужа.

Дарования римского гражданства отдельным личностям ограничивались высшим слоем галльского общества. Факты были очень многочисленны в первую половину I века и позже. Среди различных памятников, свидетельствующих об этом, особенно важны знаменитые *таблицы Клавдия*, открытые в Лионе в 1528 г., на месте, занятом некогда алтарем Рима и Августа, и сохраняющиеся ныне в Лионском музее. На бронзовом фоне таблиц выделялись золоченые буквы, отлично читаемые до сих пор: они воплощали речь императора Клавдия, содержание которой сообщает нам Тацит, изменяя ее текст, согласно обычаю античной историографии. Интерес, который представлял закон императора для городов Трех Галлий, вполне объясняет, почему он был выгравирован на их счет и поставлен на территории, где происходили их собрания.

Согласно Тациту, Клавдий произнес знаменитую речь, когда он в качестве цензора (43 г.) составлял сенаторские списки, и видные лица из Трех Галлий, уже раньше пользовавшиеся гражданскими правами, обратились к нему с просьбой открыть им доступ к высшим староримским магистратурам (ius honorum).

Из этого текста ясно прежде всего, что уже «с давнего времени» — (очевидно, с первых лет Империи) — не только «латинские», но и «союзные» города

получали римское гражданство — по крайней мере, в лице своей аристократии. Под «союзными» (civitates foederatae) речь, очевидно, подразумевает эдуев, карнутов, ремов, лингонов и гельветов.

Другой факт, вскрываемый нашим текстом — это разграничение двух типов римского гражданства, из которых низший, соответствовавший положению прежних общин без политических прав (civitates sine suffragio), не открывал гражданам пути к сенаторским магистратурам, — того, что называлось ius honorum.

Просьба галлов вызвала горячий отпор в сенате. Клавдий возвысил голос, чтобы его сломить. Он был сыном Друза, племянником Германика; он родился в Лионе, и Галлия была ему дорога. Его речь рисует его целиком, с достоинствами и недостатками, представляя смешение верных мыслей и возвышенных взглядов с педантическим краснобайством и недостойными выходками. В юности он изучал историю. У нее-то он теперь заимствует свои аргументы. Он вскрывает тайну величия Рима в гибкости его учреждений, напоминает о чужеземных семьях, вошедших в патрициат, об установлении равенства сословий, о постепенном слиянии Лация и Италии; затем он переходит к провинциям, останавливаясь особенно на Нарбоннской и напоминая о тех отличных воинах, каких она доставляла сенату. До сих пор в нем говорит государственный человек. Но дальше следует болтовня маньяка: излияния о личных привязанностях, изъявление дружбы к некоему Вестину, всаднику из Вьенны... Затем идет резкая выходка против другого вьеннца, которого раньше император, жестокий и трусливый в одно и то же время, приговорил к смерти, а теперь, не произнося его имени, осыпает грубыми оскорблениями. Каждый мог узнать здесь Валерия Азиатика, родом аллоброга, одного из замечательнейших людей этой поры и благороднейших представителей своего народа, бывшего дважды консулом и кандидатом сената в наследники Калигуле. Он предупредил казнь, сам лишив себя жизни, а Клавдий воспользовался его громадными богатствами.

Из дальнейшей речи императора мы узнаем ряд важных фактов. В его пору отмечается довольно значительный процент сенаторов родом из Нарбоннской провинции. Уже Цезарь возвел в это звание некоторых из ее жителей. Появление их вызвало, правда, скандал в Риме, но потом их признали, и в 49 г. по Р. Х. нарбоннские сенаторы, как ранее сицилийские, получили право посещать свои вотчины без особого разрешения императора. Это была, по словам Тацита, награда за те чувства, которые эта провинция проявляла по отношению к сенату. Это же показывает нам, как много ее представителей уже находилось в Курии, что подтверждается и речью Клавдия.

Ius honorum или ius senatorum уже распространялось не только на римских граждан из Нарбоннской Галлии. «Следует ли напоминать, — добавляет император, — о тех сенаторах, которые явились из еще более далеких мест? Приходится ли нам сожалеть о том, что мы насчитываем лионцев среди членов этого учреждения?». В сенате фигурировали не одни лионцы: Юлий Виндекс, управлявший лионской провинцией в 68 году, принадлежал к благородной аквитанской семье;

уже его отец был сенатором. Сенатором же был сантон Юлий Африкан, павший в 32 году жертвой тирании Тиберия. Правда, в общем, если исключить Лион, город давно и совершенно римский, — подобные случаи были редки. Дав многочисленные иллюстрации в именах отдельных сынов Галлии, отличившихся верной службой в пользу Рима и совершивших великие дела, а потом награжденных сенаторским званием, — император приходит к выводу, что настало время по справедливости предоставить всем гражданам-галлам ius honorum[120].

Речь Клавдия, часто прерывавшаяся непочтительным ропотом сената, имела успех лишь наполовину. Удовлетворена была просьба эдуев в уважение их старой дружбы к Риму; остальным было отказано. Впрочем, ненадолго, как ясно уже из замечания Тацита, что «эдуи *первыми* были приняты в сенат». Кроме того, ни у него, ни у других писателей нет больше упоминания о различии политических и гражданских прав. Очевидно, в конце концов оно исчезло в провинциях, как некогда в Италии. Юрисконсульты эпохи Антонинов, по-видимому, совсем о нем не знают.

II. Галлы — римские граждане. Галло-римская ономастика. Эдикт Каракаллы[121].

Перегрины, становившиеся гражданами, принимали римские имена и вписывались в одну из тридцати пяти римских триб.

Некогда трибы были кадрами политической и административной жизни Рима. По трибам происходило голосование в комициях, вербовка легионов, сбор налогов. Но в эпоху Империи трибы являлись только золотой книгой, все разраставшейся в объеме, куда по обычаю вписывали новых граждан. Упоминание трибы составляло часть обозначения гражданского состояния. Ее не забывают упомянуть, поскольку она оставалась титулом знатности. Но в течение II века, когда право гражданства перестало быть привилегией, этот обычай исчезает. Сам институт трибы теряет в ту пору свой смысл.

Обыкновенно намечалось заранее, в какую трибу должны входить новые граждане из того или иного города или провинции. Для граждан Нарбоннской Галлии предназначена была триба Voltinia (вольтинская), для аквитанцев — Quirina (квиринская), для лионцев — Galeria (галерийская), нионцев — Cornelia (корнелиакская), кельнцев — Claudia (клавдианская), для колонии Ульпия Траяна — Papiria (папирианская). Это правило, впрочем, допускало исключения.

Римского гражданина, кроме упоминания о трибе, характеризовали три имени: praenomen (личное имя), gentilicium (родовое) и cognomen (фамильное): Гай Юлий Цезарь (Gaius Iulius Caesar)[122].

Галлы имели всегда только одно индивидуальное имя, к которому иногда прибавляли имя отца в родительном падеже, иногда, с суффиксом cnos (сын): Cassitalos Versicnos, Doiros Segomari, иногда заменяли флексию -os латинской флексией -ius. Dagobius есть латинизированное кельтское имя; иногда все

кельтское имя заменяется латинским (Silvinus, Sextus, Iulius)[123]. Когда мы имеем дело с такой элементарной ономастикой, — мы можем быть уверены, что речь идет о галле — не гражданине. Относительная численность таких имен в эпиграфических текстах колеблется, смотря по местностям. Она очень высока в центральной Галлии (у битуригов-кубов — 4/5)[124]. Однако и не все галлы, носившие римские имена, были непременно римские граждане. Галлы дают себе эти имена, чтобы скрыть свое истинное происхождение или просто из духа подражания. Клавдий старается, но напрасно, запретить это злоупотребление[125]. Чтобы усвоить систему римской ономастики, галлы прибегали к следующим приемам.

Наиболее решительный заключался в простом усвоении латинских имен. В таких случаях невозможно отличить галлов от римлян. Мы не ошибемся, предположив, что Гай Юлий Секунд, бывший претором Бордо, был галл; мы знаем, что Гай Валерий Процилл, агент Цезаря, был галл — ибо это сообщает нам сам Цезарь, но не всегда мы осведомлены на этот счет. Другие брали латинские praenomen и cognomem и латинизировали свое галльское имя с помощью флексии -ius: Marcus Carantius Macrinus (Марк Карантий Макрин)[126] (гал. Carantos — Карантос). Третьи, заимствовав nomen и praenomen, обращали природное имя в cognomen. Например, эдуй, первый жрец лионского алтаря, назывался Gaius Iulius Vercondaridubnus (Гай Юлий Верkондаридубн). Отец Гая Валерия Процилла назывался Caius Valerius Caburus (Гай Валерий Кабур)[127]. Четвертые, наконец, брали от латинского только praenomen, заимствуя остальное из галльского — Lucius Carantius Cinto (Луций Карантий Кинто)[128].

Наряду со многими другими, галло-римская ономастика вызывает одно особенно интересное наблюдение, вскрывающее устойчивость национальных обычаев под налетом чужеземной цивилизации: часто сын вместо того, чтобы взять nomen отца, создает себе другое, заимствованное из cognomen отца или матери. Тогда nomen не выполняет своей прежней роли — служить фамильным обозначением и остается индивидуальным именем, и лицо обозначается только именем с присоединением отчества.

Человек, поднявшийся до звания гражданина, не случайно получал имя, выражающее его новое положение. Отпущенник принимал praenomen и gentilicium своего патрона, как человек, не имеющий отца, в глазах закона. По тем же основаниям перегрин принимал praenomen и gentilicium того, кому он был обязан получением гражданства, — как бы вторым гражданским рождением: Гай Валерий Кабур, очевидно, получил гражданство от Гая Валерия Флакка, проконсула Трансальпинской Галлии в 83 г. до Р. Х. Дед историка Гнея Помпея Трога получил его от Помпея, управлявшего Галлией в 77–79 гг. во время войны с Серторием. В нарбоннской эпиграфике постоянно встречаются Помпеи, Валерии, Эмилии, Цецилии, Домиции, Фабии, получившие эти имена от правителей провинции еще до Империи.

В эпоху Империи дарование гражданства стало исключительной привилегией императора, и его имя будут отныне принимать новые граждане — конечно,

только в случаях индивидуальных дарований, да и то с известными ограничениями[129], так как при пожаловании его целым городам как отличались бы друг от друга его жители? Притом ношение имени императора было особой честью. Обыкновенно принимали имя правителя или влиятельного лица, через посредство которого получалось гражданство.

Мы поражаемся, видя, как распространены в Галлии имена Юлия и Клавдия. Отсюда видно, чем была для страны Юлио-Клавдиева династия. Конечно, многие из галльских «Юлиев» и «Клавдиев» вышли из отпущенников, получивших это имя от своего патрона, но сам этот патрон, чаще всего галльский аристократ, получил в свое время гражданство от императора. Так мы знаем аквитана Юлия Виндекса, эдуя Юлия Сакровира, рема Юлия Аупекса, лингона Юлия Сабина, гельвета Юлия Альпина, тревиров Юлия Флора и Юлия Инда, Юлия Классика, Юлия Тутора, Юлия Валентина, батавов Юлия Цивилиса, Юлия Бригантика, Клавдия Лабеона[130]. Мы находим в надписях бордосца Юлия Секунда, сантона Юлия Руфа и т. д. Все они жили большей частью в первую половину I века, управляли своим городом, служили в армии и в римской администрации, причем не все принадлежали к тем союзным государствам, которые Тацит изображает стоящими впереди других в приобретении римского гражданства[131].

Галлы не сразу откажутся от природных имен. Эти имена останутся почетными добавлениями к римским или будут чередоваться с римскими в одной и той же семье. Одна надпись в Бордо показывает нам двух братьев, из которых один называется Publius Divixtus (Публий Дивикст), другой — Publius Secundus (Публий Секунд). Divixtus — галльское имя; Secundus — римское. В других случаях отец носит римское имя — Gemellus (Гемелл), а сын галльское Divixtus. С течением времени начинают побеждать римские имена; эволюция, по-видимому, заканчивается в IV веке, и она связана с распространением римского гражданства. Этот процесс мы иногда можем проследить во всех его фазах. Сантон Гай Юлий Руф, воздвигший триумфальную арку Тиберию и двум цезарям Германику и Друзу, носит только римские имена. Его отцом был Gaius Iulius Otuaneunus (Гай Юлий Отванеун), дедом — Gaius Iulius Gedemo (Гай Юлий Гедемо) (у обоих галльские cognomina), прадедом — Eposteravidus (Эпостеравид), живший еще во времена независимости и, согласно национальному обычаю, носивший только одно имя[132].

В начале III века, между 212 и 217 гг., появился эдикт Каракаллы, даровавший звание гражданина всем жителям Империи, — так, по крайней мере, резюмируется его сущность в тех редких и кратких текстах, которые о нем упоминают. По-видимому, этот знаменитый акт не произвел особенного впечатления на современников. Он не касался высших классов, которые давно пользовались гражданством, а массе он дал только незначительные или призрачные права. Он даровал, во-первых, политические права, но ими, то есть правом занимать государственные должности, — могли пользоваться только богатые. Во-вторых, он давал гражданские права, но уже раньше ius gentium распространило

в провинциях начало римского частного права. Исчезли, правда, последние юридические ограничения, сохранявшиеся еще по отношению к перегринам, но зато с новых граждан стали собирать во всей полноте новые налоги.

В эдикте Каракаллы, хотя фактически он внес мало изменений, — все же приходится видеть великую историческую дату, рассматривая его как заключительное звено многовекового процесса, с логической необходимостью приведшего к этому завершению.

Несомненно, что эдикт заключал и довольно важные оговорки: он, очевидно, распространялся только на наличных, свободных подданных Империи. Он не относился к тем, кто мог впоследствии вступить в Империю, а также к отпущенникам. Потому и после этого эдикта не исчезнут различия категории перегринов, собственных латинов и «юнианов». Потому-то варвары, даже жившие по эту сторону границы, не станут римскими гражданами. Возможно даже, что эдикт не покрывал жителей сельских округов, приписанных к городам с низшими правами. Он имел, несомненно, следствием слияние городов и деревень, но это следствие не было ни непосредственным, ни близким, как мы это уже видели[133].

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ИСТОРИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ГАЛЛИИ В II—IV вв. ПО Р. Х.

ГЛАВА I
ИСТОРИЯ ГАЛЛИИ ОТ ПЕРВЫХ ФЛАВИЕВ ДО ДИОКЛЕТИАНА (69—285)

I. Галлия при Флавиях, Антонинах, Северах и их преемниках (69—253). — II. Военная анархия. Галлия отделяется от Империи (253—273). Галлия по восстановлении римского единства (273—285)

I. Галлия при Флавиях, Антонинах, Северах и их преемниках (69—253)[134]

Век, наступающий с воцарением Флавиев, справедливо считается самой счастливой порой из всех, какие знало человечество. Вместе с тем мы не знаем эпохи, более содержательной, более богатой последствиями для судеб Галлии. Среди тишины и глубокого мира там совершалась напряженная работа. Страна завершала постройку своих городов, распашку пустыней, расчистку лесов. Она становилась все более римской — и по внешнему виду, и по языку, и по учреждениям. Веспасиан только проехал через Галлию, когда еще при Клавдии направлялся командовать германскими легионами. Тит вовсе не появлялся в Галлии. Брату и наследнику его Домициану в 70 годах I века пришлось вести войну против галльских и батавских мятежников. В отсутствии отца и брата, отвлеченных войной на Востоке, он оказался единственным представителем императорской семьи и мечтал здесь создать себе военную славу. Недоброжелательное отношение Муциана, правившего Галлией от имени Веспасиана, помешало ему в этом и задержало его в Лионе, где, однако, его присутствие также оказалось небесполезно и содействовало умиротворению. Вторично он явился в Галлию в 83 году под предлогом руководства операциями кадастра, а на деле — для приготовления к походу против хаттов. Он сам руководил этой кампанией, имевшей блестящие результаты.

Итак, в общем Флавии редко появлялись в Галлии. Но они немало сделали для нее. Они обеспечили ей спокойствие извне и изнутри, подавив последние остатки мятежей, отодвинув германскую стихию и противопоставив ей линию твердой и правильной защиты. Наконец, занятием Десятинных Полей, колонизацией Аванша и Шпейера, организацией рейнских городов они расширили римскую Империю и пределы ее цивилизации.

В 97 году Марк Ульпий Траян был назначен от имени Нервы легатом Верхней Германии. В октябре того же года он узнал о своей адопции новым императором, а в январе 98 года Нерва умер, и Траян принял императорскую власть в Кельне. Он спешил вернуться в Рим. Он слишком хорошо знал германскую границу, так как служил в юности трибуном в германской армии, а в 88 году водил сюда испанские легионы, для подавления восстания, поднятого легатом Верхней Германии

Антонием Сатурнином. Он, таким образом, был больше всякого другого способен укрепить результаты завоеваний прежней династии. Он продолжил limes, развил здесь систему дорог, организовал племенной союз свевов по Неккару (civitas Ulpia Sueborum Nicretium) и маттиаков на Таунусе, основал Colonia Ulpia Traiana (Колония Ульпия Траяна) на Липпе и Colonia Ulpia Noviomagus (Колония Ульпия Новиомаг) у батавов, продолжая таким образом в Нижней Германии дело, начатое Флавиями в Верхней.

Адриан (117—138) выделяется в ряду императоров этой знаменитой фиктивной семьи той смелостью, с какой он шел навстречу расширению прав провинциалов. Он был в дурных отношениях с сенатом и стремился к постепенному уравнению всех частей Империи со старыми римлянами. Он явился в Галлию в 121 году и провел несколько месяцев на германской границе, которую он изучил внимательно, побывав во всех крепостях, участвуя в маневрах легионов, деля их труды и тяготы, подавая всем пример выносливости и дисциплины. Он вернулся в Галлию в конце 122 года и тут изучил ее западную часть. На монетах, выбитых по этому поводу, он называется «хранителем и восстановителем Галлии». Мы не знаем, какие именно меры оправдывают этот титул; мы знаем только, что он показал себя здесь, как и везде, щедрым и милостивым. Неизвестен нам и его путь. В городке Апт в Воклюзе долго сохранялась мраморная доска с составленной им самим стихотворной эпитафией, которую он велел выгравировать на могиле любимой лошади. Очевидно, здесь он останавливался. В Ниме он дал указ воздвигнуть великолепную базилику в честь своей благодетельницы, императрицы Плотины, вдовы Траяна.

Ним был родиной Тита Аврелия Фульва, деда Антонина, который был адоптирован Адрианом в 138 году и скоро ему наследовал (138—161). Таким образом, Галлия с гордостью может считать среди своих детей самого популярного, самого любимого из императоров, давшего свое имя династии и своему веку. Антонин был человек малоподвижного склада: ни до, ни после своего возвышения он не появлялся в городе своих предков. Однако он не забыл ни его, ни родной провинции: именно в эту пору Ним достигает высшей точки своего благосостояния. По инициативе императора тут произведены громадные дорожные работы; он же много содействовал перестройке Нарбонны, опустошенной пожаром.

Начавшийся затем упадок не могли остановить личные высокие качества Марка Аврелия (101—180). Его правление отмечено в истории Галлии преследованиями христиан, прославившими имена лионских мучеников (177)[135]. Но эти отталкивающие сцены, недостойные такого государя, прошли незаметными с того небольшого круга, который составляли христиане. Сам император, отвлеченный другими заботами, обратил на них мало внимания. Как раз в эту пору на Дунае шла тяжелая война, начавшаяся в 167 году. Она вскрыла новую опасность, грозившую границе и осложнявшуюся смутами внутри. Крайне тревожным симптомом было возмущение Авидия Кассия в 175 году: оно показало, что полоса военных революций не закончена. Кризис конца II и начала III века был

возвратом этого старого зла. Первые признаки его мы видели при Нероне. Они будут расти и множиться, пока не станут серьезной угрозой римскому единству и самому существование Империи.

Век Антонинов был в конце концов только счастливым эпизодом. Лишь случайностью являлся этот ряд замечательных государей: не имея мужского потомства, они адоптировали достойнейших. Марк Аврелий имел сына, но... то был Коммод (180—193). Правление Домициана уже показало опасность наследственности. При государственном строе, где все зависело от личности государя, ему достаточно оказаться ниже своей задачи, чтобы все подверглось опасности.

Мятежи и насилия возобновляются при Коммоде. Преторианцы опять становятся господами Рима и распорядителями верховной власти. Пертинакс, осмелившийся стряхнуть их иго, был убит (193 г.). В этот момент мир был свидетелем небывалого зрелища: убийцы выносят Империю на аукцион и продают ее тому, кто больше даст.

Победителем остался богатый сенатор, Дидий Юлиан. Все это время армии волновались в провинциях: их самолюбие и их интересы не мирились с государем, которого навязал им этот парадный отряд. Три претендента появились разом: Клавдий Альбин в Британии, Песценний Нигер на востоке, а вблизи Италии, во главе иллирийских легионов, за которыми вскоре пошли германские — Септимий Север.

Септимий Север воспользовался близостью к Италии и двинулся на Рим. Ему стоило появиться, чтобы овладеть властью. Затем он пошел против Нигера, обманув Альбина ложными обещаниями и даже притворно признав за ним титул цезаря, равносильный званию наследника и предполагавший приобщение к императорской власти. Только в 196 году он, победитель на Босфоре и владыка Азии, отказался от этой фикции и отверг какую бы то ни было возможность раздела и соглашения. Альбин, со своей стороны, провозгласил себя августом и расположился в Лионе в то время, как отряды Септимия Севера двигались Дунаем.

Борьба, ареной которой являлась Галлия, не сводилась к простому столкновению личных честолюбий. Тут боролись две противоположные политические системы: одна была системой дуализма, организованная Августом и уже сильно расшатанная последующими императорами, особенно Адрианом — система примирения с тем, что оставалось от старой республики, и система участия сената в управлении и преобладания Италии. Эта система дорога была Альбину и не имела более непримиримого врага, нежели Септимий Север. Ни Италия, ни сенат не заблуждались на этот счет и всеми силами души ненавидели человека, подготовлявшего уничтожение их прерогатив, преобладание провинциальных элементов и вступление на политическую сцену побежденных народов.

Вместе с титулом цезаря Альбин получил, по-видимому, полномочия управления, кроме Британий, где он был легатом, — Галлией и Испанией. Несомненно одно, что эти три страны, увлеченные общим движением, признали его суверенитет — добровольно или под известным давлением. Он располагал армией,

состоявшей: 1) из трех британских легионов; 2) того единственного легиона, который был оставлен для охраны Испании и 3) городской когорты, стоявшей в Лионе. Этого было мало по сравнение с 14-ю легионами Септимия, но Альбин мог новым набором восстановить равновесие и противопоставить противнику равные силы. Если верить Диону Кассию, с каждой стороны могло быть выставлено, по крайней мере, до 150 000 сражающихся.

Что касается настроения галлов — оно, как можно догадываться, двоилось. Альбин нашел приверженцев среди той местной аристократии, которая в силу естественного сродства тщеславия охотно считала себя солидарной с крупной римской аристократией. Он нашел их и среди того сильно романизованного населения, которое в аналогичном случае высказалось за Гальбу и за Отона. Но и Септимий Север мог здесь рассчитывать на приверженцев. При Коммоде в 187 году он был легатом Лионской провинции и приобрел симпатии населения энергией и последовательностью своего управления. В ту пору Галлия была добычей смут, являвшихся прелюдией движения багаудов[136]. Дезертиры и бродячий люди соединились в шайки под предводительством некоего Матерна и, наконец, составили настоящую армию, которая опустошала весь край, вплоть до Испании. Она грабила не только открытую страну, но проникала в города, открывала тюрьмы и звала к себе преступников и безыменных бродяг. Септимию Северу было поручено рассеять эти банды. Для такой цели ему были даны особые полномочия и за пределами его провинции. Ему удалось отбросить мятежников за Альпы в Италию, где они были уничтожены. Эти воспоминания должны были сослужить ему службу, когда он появился в Галлии в качестве императора — даже в том случае, если бы общее его направление и его известная склонность к провинциалам не являлись лучшими союзниками его дела.

В одном любопытном эпизоде обнаруживается благоприятное ему настроение, по крайней мере, части населения. Некий Нумериан, простой школьный учитель из Рима, которому все эти шумные события вскружили голову, вздумал воспользоваться смутами. Он бросил своих учеников, отправился в Галлию, выдал себя за легата Севера и собрал отряды, оказавшие последнему важные услуги. Только по окончании войны он открыл свое самозванство императору и просил в награду только скромную пенсию. Это приключение, бросающее яркий свет на расстройство, охватившее Галлию, было бы совершенно непонятно, если бы имя Севера не было популярным среди большинства галлов.

Септимий вступил в Галлию через страну гельветов и секванов. Первые стычки кончились не в его пользу, но решительное сражение, произошедшее 19 февраля 197 года к северу от Лиона, дало ему победу. Альбин бежал в город и покончил с собой. Враг проник туда за ним. Тут, вероятно, в уличной битве и имели место те сцены грабежей и пожаров, о которых упоминает историк Геродиан, и которые явились первым ударом, нанесенным благосостоянию города. Север не щадил врагов, но с особенной суровостью обошелся он с членами противной ему аристократии. Ни в Лионе, ни в других местах он не совершил массовых казней[137]. Во всяком случае,

спокойствие скоро было восстановлено, и памятником примирения явился алтарь, который был воздвигнут в это время в честь бога Митры за спасение императора и его близких; жертвоприношение, для которого он был воздвигнут, и тавроболические церемонии, связанные с ним, собрали огромную массу народа[138].

Ничто не удерживало теперь Септимия Севера в Галлии. Через месяц, 2 июня 197 года, в то время как его полководцы преследовали в Испании и Норике остатки вражеских ополчений, он вступал в Рим с блестящим триумфом, готовый довершить свое торжество уничтожением сената. Здесь, в курии, находились настоящие побежденные этой войны. Шестьдесят четыре сенатора подверглись обвинению в оскорблении величества и в соучастии в деяниях Альбина. Из них двадцать были казнены.

Септимий Север (193—211) развивал с большой настойчивостью идею Адриана. Враги, привязываясь к его пуническому происхождению и к выговору, от которого он никогда не мог отделаться, любили изображать его царствование в виде посмертного торжества Ганнибала и Карфагена. Это была клевета: никто лучше этого африканца не понимал и не ценил деяний римского гения. Но провинции давно делили в них заслуги Италии; было справедливо, чтобы они пользовались и его благами. Целью управления Септимия была ассимиляция Италии и провинции: эдикт сына его Каракаллы был применением тех же начал и их завершением.

Но эта политика неизбежно направлялась против сената, который при всем своем упадке воплощал, к несчастью, все, что еще оставалось от власти гражданства. Свершить нападение на сенат, довершить его непопулярность и разложение — значило снять последнюю преграду ко всемогуществу армии, а тем самым — подготовить ее разложение.

Римские историки упрекают Септимия Севера в разрушении дисциплины. Этот упрек кажется странным в отношении этого мощного властелина. И, однако же, он справедлив для дальнейшего хода событий. Система Септимия целиком опиралась, во-первых, на армию и, во-вторых, на чиновничий штат, набранный из всадников. Устранение сенаторов с чиновничьих мест следовало за падением сената как политического учреждения. А сам этот штат, все больше заполняемый отставными офицерами, собственно говоря, был эманацией и двойником той же армии, которая оказалась, таким путем, единственным базисом Империи. Еще немного — и она сочтет себя вправе располагать его по своему произволу. Военные нравы портились. Солдаты умели драться, но обычай наград — donativum, развившийся чрезмерно, разжигал их алчность. Опасность вскрылась в полной мере, когда исчез человек, который, неосторожно ее подготовив, был достаточно силен, чтобы ее сдержать. До сих пор только худшие императоры (отсюда следует исключить Пертинакса) гибли в мятежах. Теперь этой опасности скорее всего подвергается тот, кто честнее других. Едва только пытается он призвать свои отряды к исполнению долга — тотчас более честолюбивый поднимает их к мятежу против него, чтобы, в свою очередь, очень скоро быть низвергнутым самому новым заговором.

Армия, проникнутая таким духом, была гораздо страшнее для ее вождей, нежели для неприятеля. А в то же время Рим особенно нуждался в охране границ. На востоке вместе со вступлением Сассанидов на трон Кира в 227 году вновь пробудился религиозный и воинственный пыл старого Ирана. А из-за Рейна и Дуная шла новая гроза. Германия была спокойной со времен Домициана и Траяна. К концу II века она снова приходит в движение под давлением новых или малоизвестных до тех пор народов, которые отныне выступают на первый план. С воцарением Марка Аврелия, в союзе с маркоманами появляются лангобарды и вандалы, сильно напирая на линию Дуная. Готы вступают в столкновения с гарнизонами Дакии при Каракалле в 215 году. В 238 году они показываются на балканском полуострове. Недалек уже момент, когда они проникнут в самое сердце Македонии (251 г.) и вспенят волны Эгейского моря.

Все эти народы — северного происхождения. Они идут от берегов Балтики, от бассейнов Эльбы, Одера, Вислы. Движение, увлекавшее их от севера к югу, не могло не отозваться на Рейне. Давно уже Галлия не видела того, что ей пришлось увидеть при Марке Аврелии, — зрелища варваров, топчущих ее родную землю. Хатты, ринувшись на Рецию, не пощадили страны гельветов и секванов. Хавки вторглись в Белгику. Нашествие было отброшено легатом Дидием Юлианом, будущим императором, недолговечным преемником Пертинакса, прославившимся, однако, в качестве ловкого администратора и смелого полководца (174 г.). Более серьезная опасность принесена была аламаннами и франками. Первые выступают на сцену при Каракалле в 213 году — момент, когда на другом конце Европы появляются готы; вторых упоминают через 14 лет, в 241 году при Гордиане.

Франки растянулись по правому берегу Рейна от Северного моря до Майнца. Аламанны заняли пространство между Майнцем и Альпами. Относительно происхождения этих двух племенных групп возникает очень много сомнений. Ни та, ни другая не представляют ни особых племен, ни их федераций. Скорее всего то были военные ассоциации, ставшие в конце концов этническими индивидуальностями. Подобное явление трудно было бы понять в правильном обществе, но один обычай, сообщаемый Тацитом в его «Германии», позволяет нам объяснить его. Если кто-нибудь выделялся среди племени своей знатностью, честолюбием и мужеством — он собирал вокруг себя искателей приключений из своего и из соседних племен, привлекая их приманками военной славы и добычи, привязывая к себе клятвой верности. Он отрывал их от отечества, делая из них своих «верных», своих «товарищей». Эти военные братства, стоявшие как бы вне civitatis, могли в течение более или менее долгого времени расти, соединяясь друг с другом. Примером такого соединения является войско Ариовиста с разноплеменным составом. Естественно, что такая форма возобладала, когда воинственные инстинкты расы были возбуждены сильнее, чем когда бы то ни было. Так объясняется не только имя аламанов («людей всевозможного происхождения»), но и имя франков — намекающее на их бродяжество (warg, wrang) или на их силу (frak — храбрый).

Сами по себе аламанны и франки не были страшны. Они не одолели бы большой регулярной армии. Но сила римского войска, подтачиваемая плохой дисциплиной, отвлекаемая гражданскими смутами, падала еще и вследствие ее численного уменьшения. Императоры, стремясь сократить расходы, сводили ее к минимуму, который под конец уже не удовлетворял действительной потребности. Армия, расположенная на германской границе, от 8-ми легионов дошедшая до 4-х, включала всего 20 000 легионеров и несколько тысяч воинов вспомогательных отрядов, на линии в 600 километров! Правда, она могла быть подкреплена другими отрядами, но гроза, шедшая в то же время из-за Рейна и из-за Евфрата, делала этот ресурс призрачным. Наоборот: истощенную рейнскую армию приходилось отвлекать частями на восток для укрепления границ от натиска готов и персов.

Кроме того, армии становятся менее подвижными благодаря обычаю местной вербовки, растущей массе обоза (impedimenta) и малочисленной плохой кавалерии. При всех этих условиях: растянутости границы, малочисленности и малой подвижности отрядов, смелый и ловкий враг, оперирующий малыми отрядами, получал значительные преимущества. Он был неуловим, благодаря быстроте своих переходов он легко проскальзывал сквозь сеть легионов. Пройдя этот барьер, он имел перед собой открытые города, мирное население без организованной защиты, без привычки к оружию, без инициативы. Так становятся возможными все учащающиеся вторжения, разорявшие Галлию задолго до конца римского владычества.

Первое нашествие аламаннов отброшено Каракаллой в 213 году. В нем жили еще качества отца, только огрубевшие и выродившиеся. Он унаследовал от него грубость характера, проявлявшуюся в животных страстях и диких поступках, но также его военные склонности и, до известной степени, таланты администратора и полководца. Золото, которое он рассыпал в завоеванных странах после побед, зажигало раздоры между побежденными и вербовало для него в их рядах воинов и друзей. Он окружал себя телохранителями из германских наездников и называл их своими львами. Он, как сообщает его биограф, неоднократно покушался на свободу и безопасность как отдельных лиц, так и целых общин Галлии, но он на двадцать лет обезопасил ее границу. У галлов он заимствовал ту обувь, которая дала ему прозвище[139].

Александр Север (222—235) не пользовался симпатиями галлов. Его сирийское происхождение, склонность к восточным религиям отталкивали от него латинский мир. Ему приписывали намерение перенести на восток столицу Империи — предчувствие, зародившееся уже при Августе и оправдавшееся впоследствии!.. Во всяком случае, он был непопулярен в галло-римской армии. С возобновлением аламаннских вторжений он явился в 234 году из Азии с набранными там легионами, с которыми немедленно завязали ссоры рейнские легионы. Императора обвинили в пристрастии к соотечественникам, затем начали ставить ему в упрек предпочтение торговли войне, склонность к мистической философии и, наконец — строгость и требовательность в службе. Он был убит

в окрестностях Майнца в марте 235 года. Он стремился к восстановлению гражданской власти и пал от руки солдат.

Мятежники провозгласили императором Максимина. Его качества, как и его недостатки, делали из него любимца этой полуварварской армии. Варвар по рождению, он силой кулака пробился с низов общественной лестницы на ее вершину. Великан ужасного вида, грубый и жизнерадостный, способный военачальник, он блистательно провел кампанию, задуманную его предшественником. Как буря, он прошел страну аламаннов, двинулся в дунайские земли и обрушился на даков и сарматов (235 г.).

Он даже не просил у сената санкции на титул, захваченный среди смут. Оскорбленный сенат выдвинул своего кандидата в лице Гордиана, а по его смерти разделил верховную власть между Пупианом и Бальбином. В июне 238 года Максимин был убит своими солдатами, но в конце того же месяца оба избранника сената пали от руки преторианцев. Их преемником был внук Гордиана, ребенок, которого они должны были в самом начале своего правления признать своим наследником. У него нашелся прекрасный руководитель в лице Тимеситея, его префекта претория и тестя. Конец этого царствования (238—244) ознаменован ухудшением общественных бедствий. Тимеситей умер в 243 году в походе против персов; против Гордиана поднялась армия, подстрекаемая арабом Филиппом, которому удалось на пять лет захватить пурпур. Дунайские легионы выдвинули ему преемником своего начальника Деция, одержавшего несколько побед над готами, а в 251 году убитого в сражении, которое он проиграл благодаря измене наместника Мизии Требониана Галла. Этот последний заставил провозгласить себя императором. В 253 году его сверг Эмилиан — заместитель его в Мизии, разбив его в битве при Терни, но вскоре сам пал под ударами солдат, раздраженных его сношениями с сенатом. Его голова послана была Валериану, которого Требониан отправил за Альпы, чтобы привести на помощь германские легионы. Не ожидая исхода борьбы, Валериан повел собственную игру и добился признания себя императором отрядами Реции. Таким образом, мы вступаем в эпоху военной анархии и подходим к моменту, когда начнется расчленение империи.

II. Военная анархия. Галлия оторвана от Империи (253—273). Галлия после восстановлении римского единства (273—285)[140]

Что стало с Галлией после всех переворотов? Куда склонялись ее симпатии во время различных актов борьбы? Трудно ответить на такой вопрос. Очевидно, сенатской реставрации сочувствовали в той среде, которая 40 лет назад стала на сторону Альбина. Выдвинутые сенатом императоры были лично известны в Галлии: Бальбин, как наместник одной из ее провинций, Пупиан, как нарбоннский проконсул и позднее — легат одной из Германий. Это окружало его известной популярностью на Рейне. Некоторые из вспомогательных отрядов стали под его знамена в борьбе с Максимином. Правда, другие германские отряды сражались

во враждебном лагере. И Тимеситей оставил о себе память в Галлии. По одной лионской надписи видно, что он был в разные сроки прокуратором патримония в Белгике и двух Германиях, правителем Нижней Германии, прокуратором Лионской провинции и Аквитании[141]. Его покровительство было одной из причин той симпатии, какую галлы свидетельствовали юному Гордиану — если судить по множеству памятников, воздвигнутых в его честь, и особенно по тавроболу, устроенному в честь его в Лектуре.

Победы Максимина не примирили племен Рейна и не избавили римских полководцев от постоянной войны. В ней выдвинулся Аврелиан, будущий император. Песня, сложенная солдатами во славу его побед, впервые упоминает о франках:

«Мы разом истребили тысячу франков и тысячу сарматов,
Мы ищем теперь тысячу, тысячу, тысячу, тысячу персов...».

Однако блестящий поход 235 года не остался без результата. Если Галлия и не была избавлена от вторжений, если появление германских гостей становилось все более нормальным явлением, зато разбойничьи шайки, проникавшие в нее, были менее многочисленны и скорее истреблялись. Относительная безопасность позволила несколько разоружить границу: отдельные отряды были посланы в Африку на место Ламбезского легиона, распущенного в 238 году в наказание за враждебное отношение к Гордиану Старшему. В том же направлении действовал Требониан Галл. Все это были неосторожные шаги, за которые пришлось скоро поплатиться.

Конфликт претендентов 253 года увеличил смелость врагов Рима. По всей линии усилились их нападения. Аламанны и франки бросились на Галлию, готы простерли свои опустошения не только на европейскую Грецию, но и на азиатскую. Персы проникли в Сирию и овладели Антиохией. Валериан двинулся на восток, оставив на западе сына Галлиэна, которого он провозгласил августом. В 259 г. он был взят в плен персидским царем Сапором, который до смерти преследовал его истязаниями и оскорблениями. Весть об этом глубоко потрясла римский мир и вызвала общее смятение. Правда, остался Галлиэн... Но не такой человек нужен был Империи в критический момент. Он обладал умом, талантами, не был лишен энергии, но развращен страстью к наслаждениям и погружен был в пассивную беспечность, более приличную пресыщенному философу, чем государю.

Варвары в сердце Империи, император в плену, другой государь — неспособный, потерявший доверие; таковы обстоятельства, подобных которым еще не знал римский мир. Народы, предоставленные самим себе, должны были сами заботиться о своем спасении. Все это породило толпу узурпаторов, неудачно прозванных тридцатью тиранами: ни цифра, ни титул не соответствуют действительности. Они обладали властью лишь на боевом посту; многие из них оказали немаловажные услуги, иные проявили редкие качества. Возвышением своим они были обязаны армиям, но вмешательство армий было законным актом в момент крайней опасности, где они являлись последним ресурсом. Они давно уже составляли одно целое со страной, где вербовались и формировались. Их инициатива увлекала гражданские элементы, и таким образом императоры-избранники

солдат были вместе с тем избранниками своих провинций. Когда видишь эту картину, кажется, что присутствуешь уже при разложении римского единства. И действительно, во многих отношениях проявляются сепаратистские тенденции. Но ни у кого не было ясной мысли отвергнуть Рим и его наследие: провинция подымалась, чтобы его спасать, потому что сам Рим быль бессилен. А так как, с другой стороны, между разными частями Империи не было реальных связей, для каждой явилось неизбежным установление своего особого правительства. Таковы смутные стремления, которые возникают в сумятице событий, и их нельзя назвать химеричными; отчасти осуществились они в разделе между Валерианом и Галлиэном. Пройдет еще 30 лет, и они станут действительностью в реформах основателя тетрархии[142].

На провинциальных императоров легла тройная задача: выдерживать натиск внешних врагов, защищаться от римского императора и зачастую — один от другого. В конце концов они исчезают один за другим. Из этих эфемерных монархий — две заслуживают внимания: во-первых, восточная монархия, основанная в Пальмире Оденатом и Зиновией, и, во-вторых, обширное государство, образованное Галлией, Британией и Испанией.

Покидая Галлиэна на германской границе, Валериан оставил ему в помощь и в руководство не сурового Аврелиана, который мог раздражать юношу, а Марка Кассиания Латиния Постума, менее сурового склада и столь же способного администратора и полководца. Историки единодушно хвалят его характер и дарования. Подобно большинству военных вождей эпохи, это выходец темного происхождения. Под его руководством Галлиэн совершил несколько успешных предприятий. Но в 257 году он быль призван в Паннонию восстанием Ингенуя и, уезжая, оставил своего старшего сына, которого сделал цезарем, не под опекой наскучившего ему Постума, а одного трибуна Сильвана, который командовал в Кельне. Конфликт был неизбежен; он вспыхнул из-за вопроса о разделе добычи. Солдаты Постума двинулись на Кельн. Город был взят и разграблен, Сильван убит, и с ним молодой цезарь. Впоследствии Постум отказывался от ответственности за эти убийства. Но развязка вытекала сама собой. Постум был провозглашен императором в конце 257 года.

Вероятно, это событие совпало и было главным образом вызвано грандиозным вторжением варваров, опустошивших Галлию. Оно распалось на два потока: аламаннов и франков. Первые проникли в бассейн Роны, перешли Альпы и добрались до Равенны. Только у Милана они были разбиты совокупными усилиями Галлиэна и сената, ибо сенат в ожидании императора взял руководство делами и обратился к Италии с отчаянным призывом. Вторые прошли Галлию с северо-востока к юго-западу, вошли в Испанию, где овладели Таррагоной и пробрались в Африку. Теперь уже оказалась задетой не одна пограничная полоса. Империя была прорезана из конца в конец по всей ее глубине.

Можно вообразить опустошение, которое произвел этот двойной поток. Историки называют только античные здания, разрушенные до основания. Иногда

только они повествуют подробнее о некоторых фактах — падении Аванша, осаде Тура, уничтожении храма Меркурия Арвернского. К той же эпохе можно отнести разрушение металлургических мастерских Лезу в Пюи-де-Доме. Последние найденные монеты отмечены изображением Галлиэна.

Галлия обязана своим спасением Постуму. Враг был отброшен за Альпы и Пиренеи. В окрестностях Арля произошло сражение, где погиб отряд аламаннов, а король их Хрок взят в плен и предан казни[143]. Конечно, вторжения не были остановлены, как можно бы вывести из официальных преданий. Монетные клады этой эпохи, встречающиеся в центральных областях Галлии, показывают, что тревожное настроение не исчезло. Однако не без основания Постум называется «восстановителем Галлии», и не без основания на монетах этой эпохи изображался Рейн, который, лежа в камышах и склонясь на урну, «оберегал спокойствие провинций». Действительно, Рейн стал границей если не неприступной, то во всяком случае хорошо защищенной. На флоте, который крейсировал по его водам и распространял свой надзор даже на берега Северного моря, подвергавшиеся нападениям пиратов, «снова появился Нептун» (как гласят девизы на монетах — Neptuno reduci). На правом берегу реки были снова заняты Десятинные Поля и опять выросли крепости. Эти результаты были добыты тяжелыми усилиями. Постум до последних дней был вынужден сражаться с германцами. Но он обеспечил спокойствие Галлии, которая хотя и под вечной угрозой нашествия, тем не менее при нем представляла удивительный контраст той смуте, какая царила в прочих частях Империи.

Жизнь снова потекла довольно нормально; по-видимому, благосостояние восстанавливалось. Опять и здесь монеты иллюстрируют скудные данные авторов: среди всеобщего упадка искусства чеканки здешние монеты остаются прежними не только по составу и ценности, но и по изяществу работы. Бронзовые монеты, фабриковавшиеся наскоро, довольно плохи, но серебряные содержат больше чистого металла, нежели монеты Галлиэна; золотые выдерживают сравнение с самыми изящными образцами прежних веков. «Возврат благосостояния», «благоденствие», «изобилие Августа» — таковы выражения, которые постоянно фигурируют на этих монетах вместе с соответствующими эмблемами, заключая в себе при всех преувеличениях большую долю истины.

Мы так же мало знаем о мирных трудах Постума, как и о его военных подвигах. Из надписей на могильных столбах видно, что он деятельно занялся исправлением дорог, испорченных вторжениями. Ему посчастливилось отвратить от Галлии чуму, опустошавшую римский мир. Все это увеличивало благодарность и любовь его подданных.

Во всех этих событиях хотели усматривать как бы возрождение и новое наступательное движение кельтской стихии. Это — чистая иллюзия. Монархия Постума менее всего была галльской, т. е. антиримской. Она не вдохновляется местными традициями и не думает воскрешать умершего прошлого. Двести лет тому назад в движении, вызванном падением Нерона, выступали друиды с проповедью

священной войны за независимость. Теперь со всем этим давно покончено. Постум, как император, не отличается от Галлиэна. Он — август и верховный понтифик. Он принимает звание консула и считает годы царствования по годам возобновления своей трибунской власти. Неверно и то, будто он создал контр-сенат по образцу римского. Это было бы очень неудачным шагом: он имел друзей в Риме среди сенаторов, не прощавших Галлиэну того, что он запретил им вступление в армию. Оскорбляя их, он подорвал бы будущее своего дела и своей династии.

Чего, собственно, хотел Постум? Стать единственным императором, владыкой римского мира? Вряд ли. Он даже не пошел на Рим, подобно своим предшественникам, и хотя многое обещало ему успех, он ограничивается оборонительной тактикой. Дело в том, что в эту пору после долгого забвения снова воскресает идея, выдвинутая в аналогичных обстоятельствах мятежниками 70-го года: в момент, когда Империя распадается, Галлия сосредоточивается в себе и принимает меры, чтобы отстоять свою особую жизнь. Только огромное расстояние отделяет Классика и Сабина от галльского императора III в. Постум не мятежник против Рима, он не император Галлии; он — просто император. И если о настоящем можно судить по будущему, можно думать, что он стремился осуществить административный раздел Империи, с теоретическим сохранением конституционного единства. Такова была его цель. Эта идея висела в воздухе и не замедлила, как увидим, реализоваться. Mutatis mutandis его позиция напоминает позицию Констанция Хлора в системе Диоклетиана[144], вплоть до географических границ их владычества. Оба властвовали над агрегатом стран, соединение которых пережило тетрархию и до конца Империи составляло одно целое под именем галльской префектуры. Соединение Испании и Британии с Галлией, подготовленное Альбином, было осуществлено Постумом и, разбитое его преемниками, восстановлено в новой форме административной единицы. Тут Галлия принимает роль, которую сохранит в IV веке. Отбив нашествие, она становится оплотом Империи, самым активным очагом римского патриотизма на Западе. Являясь географически связью между двумя своими соседками, она в культурном отношении стоит выше бедной и полуварварской Британии и превосходит Испанию энергией населения, которую развила в нем борьба и сознание опасности. Естественно, что она втягивала ту и другую в свою орбиту. Нарбоннская, наименее галльская из всех провинций, по-видимому, раскололась: север и запад, включая Вьенну, делят судьбы Галлии, но юго-восток остается связанным с Италией.

Можно пожалеть, что Галлиэн не пошел на соглашение, признав совершившийся факт, как он это сделал по отношению к Оденату, государю Пальмиры. Но Пальмира была далеко и составляла долю Валериана, тогда как на западе ему предстояло отомстить за погибшего сына. Уже это обстоятельство объясняет беспощадность борьбы, которая продолжалась несколько лет без определенного исхода. Наконец победа осталась за Постумом, который в 267 году отпраздновал десятилетие своего правления. Царство его простиралось от столпов Геракла до Каледонской стены. Он командовал одним легионом в Испании, тремя

в Британии, тремя в Германии, не считая многочисленных варварских контингентов, преимущественно конных. Эти силы увеличились отрядами, приведенными Викторином. Он восстановил спокойствие извне и изнутри. Бессилие Галлиэна обещало ему мирные дни; и однако он был накануне гибели.

Один историк обвиняет в ней непостоянство галлов[145]. Справедливее было бы возложить ответственность на дефекты самого строя. Вознесенный солдатами, Постум обречен был их ударам тем фатальнее, чем он был к ним строже и требовательнее. И затем, откуда было брать donativum, если бы продлился мир? Постум разделил власть с сыном и дал ему титул цезаря, но личность молодого Постума не отвечала требованиям, которые предъявлял к ней его сан. Он больше любил книги, нежели войну; отличался особой склонностью к стихам и к риторике. Его сочинения впоследствии ценили так высоко, что поместили их в общем сборнике с Квинтилианом. Нужно думать, что он не протестовал, когда его отец, ища боле достойного товарища, возвел Викторина в звание августа. Но вожди не помирились с этим. Один из них, Гай Ульпий Корнелий Лелиан, возмутил Майнцский гарнизон. Постум подавил восстание, но солдаты-победители потребовали разрешения разграбить город. Он отказал и был убит вместе с сыном (267 г.).

Смерть Постума имела следствием новое движение германцев, которое Лелиану удалось отбить. Солдаты обманулись, рассчитывая найти в нем слабого, снисходительного начальника. Увидев, что они ничего не выиграли от перемены, они в 268 году убили его. Его заменил Марк Аврелий Марий, с которым покончили через два месяца. С исчезновением этих двух императоров, властвовавших, собственно, только над рейнской армией, главным повелителем Галлии остался Марк Пиавоний Викторин. Подобно целому ряду галльских императоров, это был человек немалых достоинств, к сожалению, со склонностью к разгулу. Она привела его к гибели. Один сановник, жену которого он обесчестил, возбудил против него восстание, и он погиб вместе с сыном-ребенком, которого провозгласил цезарем (268).

Во всех этих событиях играет заметную роль мать императора, Виктория или Викторина, которая сильно содействовала возвышению сына и сохранила свое влияние во все время его короткого царствования. Ее изображение появляется на монетах с эмблемой то Дианы, то Победы (Victoria), с легендой — comes augusti (товарищ августа), adiutrix augusti. Она сама усвоила титул augusta (августа) и mater castrorum (мать лагерей). Оба эти титула нередко носили в последнее время жены, матери, сестры императоров; и римляне все больше привыкали ко вмешательству женщин в государственные дела. Пример подавали им сирийские принцессы. Как раз в эту эпоху внимание всего мира привлекала Зиновия, наследница Одената, следившая с интересом и симпатией за деятельностью галльской августы. Это чувство вполне заслужила Викторина своей энергией и мужественным умом. Убийство ее сына и внука, зарезанных перед нею, несмотря на ее мольбы, не поколебало ее авторитета в глазах солдат. Нам сообщают, что от нее одной зависело захватить, вместе с пурпуром, действительную верховную

власть. Но она отступила перед этим актом беспримерной смелости и задумала иное. Так как и галльская Империя погибала в военных революциях, то она решила искать опоры и спасения в гражданской власти.

Она остановила взгляд на Гае Пии Эзувии Тетрике. Он был галлом, судя по имени (Эзувий от кельтского бога Эза) и родственником Викторины. Не будучи ни солдатом, ни выходцем из нижних слоев, он принадлежал к сенатской аристократии и много лет управлял мирной Аквитанией. Авторитет Викторины сделал то, что легионы провозгласили его императором, но он венчался пурпуром в Бордо, а не в Трире, столице слишком воинственной для императора, который заставил изображать себя на монетах одетым в тогу, со скипетром в одной руке, а в другой — с рогом изобилия или оливковой ветвью.

Идея гражданского правительства была еще более химерической в Галлии, нежели в Риме, где она все же опиралась на сенат. Какой успех могла иметь она в стране, периодически становившейся добычей нашествий, в стране, где армия играла неизбежно первую роль? Недовольство солдат, как можно было ожидать, проявилось в мятежах, а затем оно сообщилось и всей нации. Кровавые сцены, сопровождавшие убийство Постума, внушали мало веры в будущее Галльской Империи. Чувствовалась общая усталость, стремление вернуться к римскому единству, с которым связывалось воспоминание о долгих годах славы и благоденствия.

Случай осуществить это стремление представился в 268 году, когда вожди армии, соединясь в миланском лагере, решили покончить с Галлиэном и избрали на его место наиболее славного из своей среды Марка Аврелия Клавдия. С ним открывается ряд иллирийских императоров, которые своими неутомимыми усилиями укрепили колеблющуюся Империю и на столетие продлили ее существование. Восстановление центрального правительства имело следствием подчинение Испании. С 268 и 269 года в ней появляются клавдианские надписи. Британия, где мы находим только надписи Тетрика, осталась верна Галлии, но в самой Галлии уже начинались колебания.

В Галлии был город, как бы предназначенный стать во главе движения. То был Отен (Augustodunum), столица эдуев, старейших союзников — «братьев» римского народа. Узнав о миланских событиях, они восстали. Клавдий, занятый в то время войной, которая дала ему прозвище Готского, мог послать им на помощь только несколько отрядов, которым не удалось проникнуть дальше Нарбоннской. Эдуи заперлись в своих стенах, рассчитывая на помощь и на сочувствие, но солдаты, создавшие Галльскую Империю, стояли за нее отчасти из гордости, отчасти из-за выгоды, потому что пока она существовала — они могли быть уверены, что останутся в Галлии, а не будут отосланы на службу далеко от родины в нижнедунайские болота или сирийские пески. Потому-то они яростно ринулись на мятежный город, который сдался после семимесячной осады, оставляя победителю груду развалин, из которых он уже не поднялся к прежнему величию (269).

Тетрик был в отчаянии от этой печальной победы. Как раз в это время умерла Викторина, и теперь он думал только о том, как бы подготовить возвращение

Галлии к Империи. Сперва он хотел осуществить идею раздела, как можно видеть из его монет, носящих на одной из сторон изображение головы Клавдия. Смерть последнего в 270 году положила конец этим надеждам. Готы были отбиты, и преемник Клавдия Аврелиан обратился на внутренних врагов. После торжества над Зиновией он двинулся на запад. Теперь дело могло окончиться не соглашением, а только полной покорностью. Тем не менее для Тетрика не могло быть выбора между Аврелианом, который перешел Альпы, и рейнскими легионами, уже выдвигавшими нового любимца, некоего Фаустина. В Аврелиане и Тетрик, и большая часть Галлии видели избавителя. К сожалению, вместо открытого отречения Тетрик имел слабость согласиться на предательство: в Шалонском сражении он, как было условлено, позволил взять себя в плен и из неприятельских рядов глядел на разгром своих солдат (273).

В триумфе, который был отпразднован в Риме, фигурировали царица Пальмира и галльский август. Но этим ограничилась месть Аврелиана. К Зиновии он вообще относился с уважением, Тетрику он был обязан успехом. Он вернул ему его имущество и место в сенате, даже доверил ему управление частью Италии. Павший император построил дом на Целии, где посёлился с сыном — прежним товарищем его власти. Сохранилась мозаика, которая представляет отца и сына подносящими владыке скипетр и корону в обмен на претексту. Говорят, Аврелиан любил посещать их, вспоминать, шутя, прежнее величие хозяина и называть его своим коллегой.

Так кончилось шестнадцатилетнее существование галльской Империи, правда, бурное, но не лишенное значения и славы. Писатели, изложившие нам со значительными, правда, пробелами — ее историю, признали в этом недолговечном создании неоспоримое величие и говорили об императорах-узурпаторах не только без гнева, но с уважением и симпатией. «Викторин, — замечает один из них, — мужеством был равен Траяну, милостью — Антонину, бережливостью Веспасиану, честностью — Пертинаксу, энергией — Северу»... «Императоры, — заключает он, — которых выдвинула Галлия, были поддержкой римского могущества. Само Провидение призвало их в то время, когда Галлиэн коснел в чудовищном разврате. Они помешали германцам утвердиться на нашей земле. Что было бы, если бы они заняли ее, в то время, как готы и персы переходили наши границы? Самый Рим и его священное имя исчезли бы»...[146]

Восстановление единства не остановило ни актов внутреннего насилия, ни варварских вторжений, бывших их следствием.

Аврелиан был убит в январе 275 года своей свитой. В том же и в следующем году Галлия сделалась добычей нашествия, которое превзошло опустошительностью нашествие 257 г. О том и о другом у нас мало данных, однако они очень выразительны: «Германцы, бродя беспрепятственно по всем направлениям, захватили не менее 60 знаменитейших городов»... — очевидно, почти все города Трех Провинций. Эти показания дополняются данными раскопок. Мы не говорим о монетных кладах, которые, судя по году последних их монет, зарыты были

именно в этот момент. Нашествие оставило и другие следы. Дома и стены Бордо, выстроенные до 300 года, носят следы страшного пожара, о котором, однако, ничего не говорят литературные памятники, а так как последние монеты, найденные в обломках, отмечены изображением Клавдия II, то, несомненно, катастрофа относится к 275 году. Самые многочисленные свидетели ее — это стены наших городов, стены, простоявшие в течение Средних Веков и, после разрушения их в Новое время, давшие нам массу архитектурных обломков, которые все восходят к III веку и все обожжены...[147]

Умерщвление Аврелиана произвело неожиданное действие на солдат. Полные ненависти к убийцам, они просили императора у сената. В последний раз в лице Тацита (сентябрь 275 — апрель 276 г.) сенат овладел властью. Но скоро солдаты провозгласили своего императора — Проба (275—282). Достойный наследник Аврелиана и Клавдия, он освободил Галлию, вновь вернул Десятинные Поля. Limes протянулся опять от Дуная до Майна. Девять варварских князей подчинились дани и набору.

Но в Галлии не наступило спокойствия. Двадцать лет тревог не могли не оставить зародышей новой смуты. Застой в торговле и промышленности выбросил на улицы разрушенных городов и разграбленных деревень обездоленную массу, жадную до грабежа, свободную от всяких социальных связей. Начиналась жакерия багауды[148].

Лион давно волновался и, несмотря на строгие меры Аврелиана, волнение росло[149]. Недовольство имело и чисто местные причины. Старая столица Галлии с горечью выносила свое унижение перед полуварварским Триром. Это настроение эксплуатировал некий Прокул, уроженец Морских Альп, где еще удерживались первобытные нравы, сын семьи, в которой естественно сочетались патриархальные привычки с традициями наследственного разбоя. С поддержкой лионцев Прокул дерзнул повторить предприятие Постума. Он вооружил две тысячи рабов и получил подкрепление не только в Галлии, но и в Испании и Британии. Другая попытка в том же роде принадлежит Бонозу, который командовал рейнской флотилией и был обвинен в служебной небрежности. Он предпочел риск восстания гневу императора. Оба эти мятежа были скоро подавлены, но, неважные сами по себе, они являлись тревожными симптомами.

Избранник армии, Проб, однако, вовсе не желал солдатского режима. Его мирные тенденции и корректное отношение к сенату были причиной его гибели (282). Кар, выдвинутый его убийцами и одержавший блестящие победы над сарматами, квадами, персами — не избежал общей участи (283), так же, как и его сыновья Нумериан и Карин, которых он приобщил к власти, одного для Востока, другого для Запада (284 и 285 гг.).

Ни энергия, ни честность, ни мудрость лучших императоров не могла бороться с силой вещей. Империя роковым образом вращалась все в том же кругу. Люди были бессильны. Нужна была радикальная реформа. Диоклетиан попытался ее осуществить.

ГЛАВА II
УПРАВЛЕНИЕ ГАЛЛИИ В IV в. ПОСЛЕ РЕФОРМЫ ДИОКЛЕТИАНА. ЦЕНТРАЛЬНОЕ И ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЯ

I. Государственное устройство поздней Империи. Система тетрархии. Новые провинциальные деления. — II. Юстиция. Налоги. — III. Организация воинской службы и новая система обороны.

I. Государственное устройство поздней Империи. Система тетрархии. Новые провинциальные деления[150].

Реформа, приписываемая Диоклетиану, была подготовлена до него и развивалась после него. Тем не менее, так как он первый возвел ее в систему, то справедливо обозначить ее его именем. В этой реформе приходится отличать две стороны: организацию тетрархии, не пережившую Диоклетиана, и административную реформу, поддержанную и развитую Константином.

Император не мог быть вездесущ, не мог противостоять одновременно персам и германцам. Он вынужден был доверяться военным вождям, которые становились узурпаторами. Из этих возможных соперников Диоклетиан решил сделать товарищей и наследников, обезоружить их честолюбие и обеспечить будущее, уничтожив возможность перерывов власти.

Факт такого раздела власти не был настоящей новостью в Римской Империи, но идея Диоклетиана представляет немало оригинального: 1) здесь наследственность заменена адопцией; 2) между носителями высшей власти существует искусственно построенная иерархия могущества; 3) при ограничении арены деятельности каждого — единство Империи сохранено; 4) наконец установлен срок, по истечении которого старшие удаляются, уступая места младшим.

План, по-видимому, созрел не сразу. Сперва Диоклетиан возвел Максимиана в цезари (285 г.), потом (286 г.) провозгласил его августом, дав ему Запад. Младший август, утвердивший резиденцию в Милане, оберегал Альпы и Рейн. Старший пребывал в малоазиатской Никомидии, находясь на равном расстоянии от Евфрата и Дуная. Единство их политики выражалось внешним образом в двойной подписи под всеми публичными актами и обеспечивалось верховенством старшего из августов. По титулу они были равны, но Диоклетиан носил прозвание Jovius — сын Юпитера, тогда как Максимиану он дал прозвание Herculius — сын Геракла. Этот символический язык был понятен для их современников, отмечая в одном из коллег правящую мысль, в другом — исполняющую силу.

В 293 году, с назначением двух цезарей, Констанция Хлора и Галерия, возникает тетрархия. Каждый цезарь является подручным императором одного

из августов, управляющим частью территории, подведомственной последнему. Констанций, зависевший от Максимиана, управлял Галлией, Испанией и Британией со столицей Триром; Галерий, подчиненный Диоклетиану, получил Балканский полуостров и дунайскую границу с Сирмием в качестве центра. Диоклетиан и Максимиан сохранили один — Азию и Египет, другой — Италию и Африку, но остались верховными владыками на протяжении всей территории и распоряжались цезарями, как находили нужным. Диоклетиан посылал Галерия против персов, Максимиан двинул Констанция на Рейн[151].

Августы адоптировали своих цезарей и назначали их наследниками, причем — во избежание потрясений — эти права наследства должны были вступить в действие при жизни августов, после добровольного и одновременного отречения обоих от власти. Новые августы должны были немедленно избрать себе достойных цезарей.

Когда в 305 году Диоклетиан отказался от власти вместе с Максимианом, — он мог быть доволен итогами своей системы. Под правлением четырех мир наслаждался давно неиспытанной безопасностью. Возвышение Констанция и Галерия в ранге августов и провозглашение цезарями Севера и Максимина прошло без замешательств. Порядок казался обеспеченным. Но не нужно было особой прозорливости, чтобы предсказать его разложение. Солидарность первых августов была поддержана сильной волей Диоклетиана. Но Констанций и Максимиан имели сыновей, Константина и Максенция.

Из своего Салонского уединения Диоклетиан уже мог наблюдать начавшуюся борьбу честолюбий. Она тянулась 17 лет, пока Константин, победив соперников, не стал единым владыкой Империи.

Тетрархия была элементом фантазии в деле Диоклетиана, однако погибла не бесследно, удержавшись в областной администрации под видом больших префектур. Она, может быть, облегчала управление, но вместе с тем укрепляла в умах идею расчленения. Таким образом, она ускорила уже начавшийся процесс. Единство Империи было разбито руками самого Константина, разделившего в завещании Империю трем сыновьям (337 г.). Впоследствии оно еще несколько раз восстанавливалось на короткое время, но в 395 году, со смертью Феодосия, исчезло навсегда, положив основание самостоятельным судьбам латинских и греческих областей, хотя в теории обе Империи продолжали считаться одним целым.

Тетрархия обусловила окончательное слияние провинций с Италией, на которую наложен был поземельный налог, и падение Рима как столицы Империи. Давно уже его преобладание являлось анахронизмом. Варварские и вообще провинциальные императоры должны были чувствовать себя в нем чужими. Кроме того, он был слишком далек от угрожаемых границ. Всегда великий по своим воспоминаниям, он остался «святым городом»; он сохранил особую администрацию, но не был уже седалищем верховной власти. Восстановление единства не вернуло ему первенства. Константин сделал Константинополь своей резиденций

и столицей Востока. Западные же императоры предпочитали Милан или две новые галльские столицы — Трир и Арль.

За падением Италии и Рима последовало падение сената. Дуализм, установленный Августом, испытал в III веке смертельные удары; сенаторские должности захвачены были чиновниками из всаднического сословия. Доходы эрария шли в фиск; сенатские провинции перешли к императору. Сенат перестал быть политическим учреждением. В принципе он еще считался источником верховной власти, но фактически не участвовал ни в ее делегировании, ни в ее осуществлении.

На месте принципата Августа теперь слагается абсолютная монархия поздней Империи. Ее своеобразный характер определяется обстоятельствами эпохи. Та же основная задача — борьба с внутренними революциями и внешними вторжениями, которая вызвала к жизни тетрархию — обусловила полную перестройку администрации. Диоклетиан и Константин не усилили больше своей власти: она уже раньше выросла в самодержавную (уже при Аврелиане, даже Адриане, может быть, и раньше). Но они подчеркнули ее сущность рабскими формами, заимствованными от восточного деспотизма; они подняли ее на недосягаемую высоту, рассчитывая, что тогда она представится более почетной и более грозной. Вместе с тем, наоборот, они порвали окончательно с последними остатками республиканских традиций. Все, что касалось государя — служения его личности, как и служения государству, было священно. Его расходы, государственные или частные, назывались sacrae largitiones (священные щедроты). Священна была его спальня и его дворец. Его распоряжения были небесными велениями — оракулами. К нему обращались не иначе, как титулуя его Ваше Величество, Ваша Светлость, Ваша Вечность. Он появлялся в блестящей одежде, с многочисленной свитой, отделенный строгим этикетом от общения с подданными.

С высоты, где он царил, спускалась по ступеням иерархия чиновников с их пышными титулами и блестящими мундирами. Теперь разница между сенаторскими и всадническими должностями исчезла. Они выросли в однородное тело высшего чиновничества, расчлененного по рангам: сперва шли illustres (сиятельные), потом spectabiles (высокородные), ниже всех clarissimi (светлейшие). Появился еще почетный титул comes (товарищ). Он означал сперва члена императорской свиты, потом стал связываться с определенными должностями и даваться в знак милости (от него образовался впоследствии французский comte, герм. граф).

Через всю иерархию администрации в диоклетиановом устройстве проходит разделение военных и гражданских должностей. Античность не знала подобного разделения. Оно вызвано растущей сложностью управления, но еще больше — недоверием государя к слугам: соединение обеих властей облегчало узурпации. Разделяя их, надеялись сдержать честолюбцев.

Решительной мерой в этом смысле было ограничение полномочий префектов претория, наместников четырех больших частей (префектур), на которые распалась Империя. Начальник императорской гвардии (таков был первоначальный

характер должности префекта претория) стал в последние века главой армии, дворца, юстиции и полиции, стал чем-то вроде вице-императора, опасного для собственного господина. Такая безграничная власть первого министра подвергала опасности авторитет государя. Диоклетиан ослабил ее, разделив между четырьмя представителями, связанными каждый с одним из августов или цезарей. С падением тетрархии префекты были поставлены во главе соответствующих округов с известной долей военных полномочий. Константин отнял окончательно у них все военные функции. Лишенные военных отрядов, они перестали быть опасными, несмотря на громадность подчиненной им территории, в которую, впрочем, не входили ни Рим, ни Константинополь, составлявшие с их окрестностями особые городские префектуры, независимые от префектур претория, которых, как замечено, было 4: две Восточные и две Западные. Последние были: Италийская (Италия, западная Иллирия, Африка) со столицей Миланом, Галльская (Галлия, Британия, Испания и Тингитанская Мавретания) со столицей Триром, а с V века — Арлем. Каждая префектура делилась на диоцезы, управлявшиеся вице-префектами или викариями; а диоцезы — на провинции, губернаторы которых, смотря по значению провинции, носили титулы — consulares, correctores, praesides. Родовое имя было rector.

Vir illuster praefectus Galliarum (Сиятельный муж префект Галлий) был самым важным сановником западной Империи после италийского коллеги, имевшего честь находиться in praesentia, — то есть при дворе императора. В остальном он был ему равен и в своей столице Трире (а впоследствии Арле) вел царственный образ жизни. Он одевался в хламиду (богато расшитая мантия) и парагауду (пурпурная туника) с широкой медной перевязью блестящего красного цвета, украшенной золотом. На codicillum, т. е. дипломе, грамоте, которым санкционировалось его назначение, на документах, выходивших из его канцелярии, изображались с одной стороны женские фигуры, символизировавшие диоцезы его префектуры, с корзинами, полными монет — намек на налоги, доставлявшиеся ими в казну; с другой — богатая колесница, запряженная четверкой белых коней, стол, покрытый ковром, на котором между двумя зажженными факелами лежит книга с портретом императора, наконец, какое-то сооружение на цоколе с бюстами императорской фамилии. Эмблемы викария ограничивались подобным же сооружением, столом с книгой, но без факелов и с бюстами, соответствующими провинциям, отданным в его управление. Все это были символы власти высоких сановников.

Префект остается у власти обычно не более 1—2 лет. Он представляет к назначению провинциальных правителей, но не назначает их сам. Он не создает законов, но публикует их, применяет и разъясняет; он распределяет и собирает налоги, но не он устанавливает их цифру. Он в гораздо большей степени, чем крупный чиновник в наши дни, находился под опекой своей канцелярии. Бюрократия получила широкое развитие при новом режиме преобразованной Империи. «Люди канцелярии» — officiales — составляют с времен Диоклетиана целую армию в Империи и обладают привилегиями, обеспечивающими им прочное и даже

независимое положение. Префект не назначает и не сменяет своих чиновников; он может только временно устранить или наказать их, причем за ними остается право апелляции к императору. Таково же положение чиновников в канцеляриях простых провинциальных наместников: они пожизненно связаны со своей провинцией, интересы которой они должны защищать.

Теперь уже не соблюдается правило давать чиновникам места вне пределов их родины. В списке галльских префектов IV и V вв. мы находим немало галлов[152]. То же можно сказать о низших провинциальных наместниках[153]. Это объясняется растущим влиянием местной аристократии[154] и, в свою очередь, содействует ее усилению.

Учреждение префектов и викариев увеличило расстояние между императором и губернаторами провинций; впрочем, они стали менее важными лицами с тех пор, как провинции начинают дробиться. Это явление возникает уже со II века, становится заметнее в III и развивается в IV. Оно внушено, как и вся реорганизация Империи, стремлением ослабить агентов власти, уменьшая их компетенцию и ограничивая подвластные им округа. Императоры больше боятся чиновников, нежели подданных, и ничего не делают для того, чтобы разбить или перетасовать объединения, созданные расой и историей: наоборот, часто в новых провинциях возрождаются исконные племенные союзы, причем нередко обнаруживается, что они и вообще не исчезали, а сохранили жизнь в форме финансовых или военных округов. Эти общие наблюдения особенно применимы к Галлии. Белгика Вторая, получившаяся из расчленения Великой Белгики, — есть Цезарев Belgium (Бельгий). Составляющие ее народы — те же, что перечислены во II книге «Комментариев» в качестве членов коалиции 58 года[155]. Лионская Вторая равна прежним так называемым 30 армориканским общинам[156]. Наконец, Новемпопулания есть иберийская Аквитания, которая давно уже в финансовом, военном и религиозном отношениях отделилась от великой Аквитании, искусственно созданной Августом.

С созданием Новемпопулании связывается знаменитая надпись, открытая в деревне Аспарен (департамент Нижних Пиренеев) и вызвавшая долгие споры среди ученых[157]. Установленным можно считать следующее: в ней рассказывается довольно плохими стихами, что «некий Вер», лицо, важное в своей округе, послан был в Рим к Августу и добился для «Девяти Народов» отделения их «от галлов». Иберийская Аквитания насчитывала в организации, установленной между 16 и 13 годами до Р. Х., лишь пять племен или civitates (конвены, тарбеллы, авски, элузаты, вазаты). Только позже это число выросло до 9 с присоединением (консоранны, лактораты, бойаты, илуроны). Ни по языку, ни по начертанию надпись не может принадлежать ни к I веку, ни ко II-му, и речь, очевидно, идет не о том частичном отделении в смысле налогов и рекрутского набора, которое осуществилось в этом краю с началом Империи. Стало быть, речь идет не об Августе I-м, а об одном из императоров III века, предшественников Диоклетиана — ибо в надписи говорится, что столицей Империи был еще Рим, а при Диоклетиане он

уже не был резиденцией императора. В V веке Новемпопулания уже будет насчитывать 12 городских общин, тем не менее она навсегда сохранит свое имя «девятиплеменной», которым она была отмечена при своем возникновении. Начиная с Диоклетиана, дробление Августовых округов пойдет быстрым ходом. Рассмотрим, как оно осуществилось в Галлии.

Обе Германии остались нетронутыми и только были переименованы Верхняя — в Первую, и Нижняя — во Вторую. Затем Три Галлии оказались раздроблены следующим образом:

1) Белгика — на Бельгику 1-ю с главным городом Триром (Augusta Trevirorum), Бельгику 2-ю с Реймсом (Durocortorum), Секванию с Безансоном (Vesontio).

2) Лионская — на Лионскую 1-ю с Лионом и Лионскую 2-ю с Руаном (Rotomagus).

3) Нарбоннская — на Вьеннскую со Вьенной и Нарбоннскую, впоследствии названную Нарбоннской Первой, с Нарбонной.

Аквитания, раздробленная до Диоклетиана, образовала Аквитанию (впоследствии 1-ю) с Буржем (Avaricum) и Новемпопуланию, главным городом которой был Eauze[158].

Позднее отделились Аквитания 2-я с Бордо (до 369 г.), Нарбоннская 2-я с городом Эксом до 381 г., около 385 — Лионская 3-я с Туром; Лионская 4-я или Сенонская с Сансом.

Из Альпийских провинций — Коттийские Альпы были присоединены к Италии. Остались Альпы Грайские и Пеннинские с метрополией Мутье — в Тарантезе, и Морские Альпы с метрополией Эмбреном (Eburodunum). В общем получилось 17 провинций. Во главе шести из них (обеих Германий, обеих Бельгик, Вьенской и Лионской 1-й) стояли consulares (консулары), во главе остальных — простые praesides (президы).

Все эти 17 провинций группировались в 2 диоцезы, одна из которых соответствовала прежним провинциям Нарбоннской и Аквитании, а другая — прежним провинциям Лионской, Бельгике и двум Германиям. Так намечается в новой политической географии Галлии великое историческое деление Южной и Северной Франции. Оно уже соответствует различиям, которые нами будут отмечены[159], и которые все сильнее будут сказываться в дальнейшем ходе истории страны. Южная диоцеза Вьеннская — по имени своей столицы — сперва называется диоцезой «пяти провинций» (Вьеннская, Нарбоннская 1-я, Аквитания 1-я, Новемпопулания, Морские Альпы), а потом диоцезой «Семи провинций», после присоединения Нарбоннской 2-й и Аквитании 2-й.

Северная диоцеза называлась Галльской, так как управлялась не викарием, а прямо префектом, жившим в Трире. К концу IV века эта диоцеза, соединенная с южной, поручена была управлению Вьеннского викария, который стал, под верховным надзором префекта, правителем всей Галлии[160].

Мы даем ниже таблицу галльских провинций около 400 г. с перечислением их городов[161].

II. Юстиция. Налоги[162]

Различные реформы были произведены и в области юстиции и налогов.

Формулярная процедура была уничтожена. Магистрат стал судить не только de jure, но и de facto (путем cognito extraordinaria — особого следствия). Прежде он это делал в исключительных случаях, когда сам находил желательным, но это отступление от правила осложняло в общем без того сложную систему. Конечно, магистрат не мог так же, как и прежде, рассматривать все дела самолично. Он должен был передавать часть делегированным им iudices (судей). Но те стали сами компетентными в вопросах права, как и в вопросах факта. Прогресс кодификации права сделал возможной эту реформу.

При уменьшении размеров провинции уже не было нужды переносить заседания суда из одного большого города в другой. Губернатор судил только в своей резиденции, и истцы получали более скорый суд ценой некоторых передвижений со своей стороны. Механизм апелляции направился соответственно новой административной иерархии. Дела, судившиеся в первой инстанции губернатором простой провинции, восходили не сразу в Рим, как прежде, но шли сначала в метрополию диоцезы, к викарию, а если диоцеза управлялась прямо префектом претория — к префекту. Викарий и префект судили в последней инстанции. От одного нельзя было апеллировать к другому, и от того и другого в большинстве случаев нельзя было апеллировать к императору. Удержалась специальная юрисдикция в кругу фискальных вопросов, а также судебные привилегии военных и некоторых разрядов знати.

Правления Диоклетиана и Константина отмечены важными финансовыми реформами, которые вызваны были разными причинами — больше всего истощением государства бедствиями III века. Между тем новое устройство требовало огромного увеличения расходов. Чтобы выдержать их, необходимо было взять с населения налогами все, что оно могло дать.

Косвенные налоги эксплуатировались сравнительно не очень интенсивно. Налог с отпущений на волю давал мало с тех пор, как число рабов уменьшилось; налог на наследства, установленный Августом для римских граждан в виде компенсации за те льготы, которыми они пользовались — не имел смысла с тех пор, как все получили право гражданства. Оба эти налога были уничтожены. Сохранены были ввозные, дорожные и таможенные пошлины, а также налог на продажи. Государство удержало за собой соляную монополию, рудники и доходы с казенных имуществ.

Самым важным ресурсом являлся прямой налог, поголовный и поземельный.

Основа поземельного налога была изменена. Доныне земля облагалась по югерам (римской земельной единице), и каждый землевладелец платил пропорционально числу принадлежавших ему югеров. Диоклетиан установил деление земли на доли эквивалентной ценности, протяжение которых менялось в зависимости от качества земли. Такая доля, была ли она разделена или нет между несколькими

владельцами, составляла единицу обложения — iugum или caput («соху»). Декурионы распределяли между совладельцами такого iugum, если их было несколько, части установленной цифры податей. Здесь заметна та же тенденция к упрощению, которую мы отметили в судебной реформе. В центре известно было число единиц обложения (iuga, capita — «сох») — всей Империи, каждой провинции, каждого городского округа. Раз установлена была общая цифра налога, тем самым устанавливалось, сколько платит каждая единица. Таким образом, в сборе налога не могло обнаружиться никаких ошибок иди недочетов.

Тот же метод прилагался к поголовному налогу. Он также основывался на единице обложения, которая называлась «головою» — caput и включала одно или несколько лиц. Это называлось capitatio humana (подушный налог), в противоположность к capitatio terrena (поземельный налог).

Неизвестно в точности, могли ли оба налога падать на одно и то же лицо. Впрочем, надо сказать, это — вопрос чисто теоретический, ибо мелкие собственники в изучаемую нами эпоху постепенно исчезают[163]; что же касается крупных и даже средних, они принадлежат к классу, который был свободен от capitatio humana. Организация поголовного налога основана на принципе неравенства разных социальных категорий. Смысл его не в том, чтобы облегчить бедных и наложить большее бремя на богатых, а в том, чтобы у всех классов общества найти основание для притязаний фиска на прямое обложение. Безземельные платили поголовный налог, и capitatio humana превратилась таким образом в capitatio plebeia (налог с плебса). Она падала исключительно на плебс, на всякого, кто не является декурионом — т. е. на всякого несобственника — потому что всякий собственник составляет часть городской знати (курии). Однако городские плебеи обыкновенно избавлялись от capitatio humana. Они платили специальный налог — хризаргир (он уплачивается золотом и серебром, тогда как остальные могут уплачиваться натурой). Им облагалась индустрия и торговля, которые составляли главные занятия городского простонародья. Это прежний aurum negotiatorium (налог на торговлю), установленный или развитый при Александре Севере, который лег в конце концов на все виды труда до самых низших — за исключением только земледельческого труда. Capitatio plebeia, изгнанная из городов, пала на полевых работников, и так как мелкие собственники уступили место тому классу наследственных арендаторов, который получил имя колонов[164], — то она пала именно на последних и косвенно на их хозяев, ответственных за них перед государством.

Если высшие классы избавлены от capitatio humana, зато они обложены специальными налогами, сверх поземельного. Декурионы платят aurum coronarium, которое выросло из добровольных приношений провинциалов вождям-победителям, впоследствии — наместникам провинции. В конце концов оно превратилось в правильный и обязательный государственный налог. Clarissimi (светлейшие) — т. е. члены сенаторского сословия платили aurum oblatitium — налог, аналогичный предыдущему, затем дополнительную поземельную подать — follis

(мешок) или gleba senatoria (сенаторский слиток), в высоте которой соблюдались известные ступени. Clarissimi, возвысившиеся до *претуры*, облагаются очень сильно. Они должны организовать публичные игры в одной из столиц Востока или Запада. Тот же расход несут в своих городах муниципальные магистраты. В общем, нет ни одного крупного чиновника, который не платил бы за свое повышение. Продажа должностей есть источник обогащения казны, и где не действует честолюбие, там пускается в ход принуждение.

Крупное место занимают в этой системе повинности, являющаяся едва ли не самой тяжелой долей обложения. Довольно указать на барщины по ремонту дорог и иные работы того же рода, как поставки для почты, для армии, поставки лошадей, съестных припасов, одежды, материалов для оружейных заводов, не считая поставки рекрут, квартирной повинности, обязательства содержать императора, его свиту и всякого едущего по его приказанию. Все эти повинности лежат на земельной собственности, которая, будучи главным фактором богатства, обременена сильнее всего. Известные ремесленные и промышленные корпорации также обложены определенными повинностями. Корпорация судовщиков (naviculariі) обязана доставлять суда для передвижений, имеющих государственное значение.

Центральное управление финансами находится в руках особого главноначальствующего «священными щедротами» (Vir illuster comes sacrarum largitionum — сиятельный муж комит священных щедрот), рядом с ним — заведовавшего императорскими имуществами (Vir illuster comes rerum privatarum — сиятельный муж комит императорских имуществ). Каждый из них располагает особым персоналом в провинциях: от комита щедрот в Галлии зависит заведующий финансами в Галльской или Трирской диоцезе, — rationalis summarum Galliarum и заведующий финансами во Вьенской диоцезе — rationalis summarum quinque provinciarum. Затем идут четыре praepositi thesaurorum (препозита казны) — в Лионе, Арле, Реймсе и Трире, и еще ниже прокураторы и управляющие имперских мануфактур и особенно монетных дворов Трира, Арля и Лиона.

Комит императорских имуществ (иерархически равный с комитом священных щедрот) имеет в своем распоряжении по одному rationalis в каждой диоцезе Галлии: rationalis rei privatae per Gallias и ration acisrei privatae per 5 provincias, по одному чиновнику в Германии 1-й и Секвании, где император владел обширными доменами (praepositus rei privatae per Sequanicum et Germaniam primam), наконец, прокураторов государственных заводов.

Все эти чиновники не составляют кадастра, не распределяют и не собирают налога. Этим прямо или косвенно заведуют префект претория, викарий, провинциальные наместники. Они только принимают в областные казначейства фонды, причитающиеся для отправления в фиск. Часть же сборов вливается в казну префекта претория (arca praefecturae), ибо он без верховного утверждения производит расходы по своей администрации и по содержанию военных сил в своем округе.

Расходы по управлению Империей были невелики сравнительно с расходами современного государства. Правда, нужно было содержать два пышных двора, нужно было кормить пролетариат двух столиц, разбрасывать золото варварам. Но зато армия была значительно меньше нынешних, и служебный персонал, при всей своей многочисленности, не достигал цифры чиновничества нынешних великих держав. Римской Империи не приходилось содержать ни дипломатического корпуса, ни педагогического персонала. Оно не имело государственного долга. Если приход можно измерять расходом, он также был не очень велик. С первого взгляда можно подумать, что тяготы населения не должны были являться обременительными. Однако, если верить показаниям авторов, податное бремя было тяжко[165]. Если многое в их сетованиях можно поставить на счет декламации, то все же в них нельзя не признать большой доли достоверности.

Имеющиеся у нас данные не дают возможности точно определить размеры обложения. Возможно, что в принципе оно не превышало бы платежных сил населения — при нормальных условиях. Но разные предшествовавшие причины: смуты, неприятельские нашествия и, следствие всего этого, хозяйственное разорение делали фискальное бремя трудновыносимым. В 311 году Константин, проезжая через Отен, счел себя вынужденным простить пятилетние недоимки жителям его территории и уменьшить вчетверо их повинности[166]: они все еще не могли оправиться от кризиса, который причинила борьба за единство Империи, выдержанная ими 40 лет тому назад. Многие, очевидно, потерпели такие же бедствия и нуждались в таких же льготах. Грациан (367—383) снял налог со всей Галлии[167]. Подобные милости становятся очень часты и ясно вскрывают то зло, к которому они являлись неизбежным и недостаточным коррективом.

Другое зло, поощряемое слабостью центральной власти, было взяточничество чиновников. Когда Юлиан в 356 году прибыл в Галлию, он нашел ее раздавленной, «задыхающейся» под фискальным бременем. Когда он покидал ее после четырех лет славного и благодетельного управления, ее податные тяготы были сильно уменьшены[168]. Но ему пришлось сломить упорное сопротивление префекта Флорентия. Последний предлагал прибавить к нормальным налогам чрезвычайные поборы. Мера эта была во всеобщем употреблении и всюду имела самое печальное действие. Юлиан энергично отверг ее. Он доказал путем расчета, что она была бесполезна, и так как префект упорствовал и подал ему готовый эдикт для подписи — он с гневом схватил бумагу и растоптал ее. Налоги становились особенно невыносимыми благодаря способу их распределения и взимания, как о том свидетельствуют многочисленные жалобы. Не имея возможности участвовать в назначении податей и контролировать их употребление, подданные Империи видели в налогах не справедливую повинность, а тираническое вымогательство. Большая часть налогов уплачивалась натурой, т. е. в виде продуктов и барщин. Современное государство требует от подданных только денег. Тогдашнее требовало от них непосредственного участия в публичном служении доставкой нужных ему предметов или выполнением задуманных им работ. От

земледельцев оно требовало долю жатвы и скота, от ремесленников — их произведений, от остальных — работы их рук и их материалов для своих сооружений или передвижений. Система эта порождена была монетным оскудением, возвращением к натуральному хозяйству. Она пришлась по вкусу администрации, работу которой упрощала, и получила особенное развитие с расширением практики фальсификации монет. Цена их падала иногда очень низко, а полезность предметов потребления и людского труда оставалась прежней, так что разность воплощалась всегда в выгоде для государства и убытке для подданных. Повинности в форме принудительных работ имели массу тяжелых сторон. Они были обременительны и в материальном, и в личном отношении, они отрывали человека от его труда, от его привычек и подчиняли его произволу чиновника. Неудивительно, что натуральные повинности огромной тяжестью лежали на населении, неудивительно, что они казались невыносимыми.

Обязательное «объявление» имущества вело к вечной тяжбе между плательщиками и агентами фиска. Первые стремились уменьшить цену своего имущества, вторые — ее увеличить. В этом поединке последние были вооружены всей строгостью закона: не только угрозой самых страшных кар для обманщиков, но и правом применения пыток. Они и применяли их — если не к собственникам, которые по положению были избавлены от них, то к их слугам, рабам, колонам, которых они вызывали в качестве свидетелей. Тем более пускались они в ход, когда дело шло о представителях низших классов. Таким образом, операция оценки давала повод к отталкивающим сценам, которые делают понятной всю вызывавшуюся ею ненависть населения.

В случае упорства плательщика применялись не менее варварские средства. Тщетно Константин запрещал тюрьму, бичевание и прочие жестокости, разрешив только временное задержание — custodia militaris и секвестр, — злоупотребления продолжали существовать.

Жестокости, проявлявшиеся при сборе податей, обусловливались двумя причинами: беззаконием, переложившим главную тяжесть налогов на классы, наименее способные их нести, и несправедливостью законодательства, которое делало ответственными за сбор подати именно тех, кто должен был ее собирать.

Образование могущественной земельной аристократии, включавшей всех людей сенаторского звания (clarissimi, spectabiles, illustres) и постепенное ослабление государственной власти — вот два тесно связанные и определяющие факта эпохи[169]. Отсюда вытекали такие следствия. Крупные собственники делали все, чтобы уклониться от налога. Ища опоры у них в моменты смуты, власть платила им за это коллективными или личными льготами, число которых все росло, подрывая доходы государства. В тех же случаях, когда им все-таки приходилось платить, они действовали насилием. С помощью вооруженных отрядов, которые они могли организовать в своих обширных имениях, они выгоняли правительственных сборщиков, а еще чаще без труда сговаривались с ними. Таким образом, податные реестры стали тем сплетением обманов, о которых говорит Авзоний[170].

Если шел вопрос о новых налогах, они устраивали так, чтобы эти налоги пали на других. Если император даровал льготы, они находили средство распространять их на себя. Провинциальные наместники и чиновники всех степеней не решались вступать в борьбу с лицами, которые занимали выдающееся положение в стране и часто стояли на первых постах в администрации и при дворе. Наконец, они сами принадлежали к сенаторской касте и считали выгодным закрывать глаза на ее беззакония.

В итоге бедняки платили за богатых, и чем снисходительнее относились к последним, тем больше приходилось нажимать на первых, чтобы возмещать потери. Страстные тирады Сальвиана на эту тему подтверждаются кодексами и историками. В этом обстоятельстве кроется одна из причин исчезновения мелкой собственности. Мелкий собственник, уступая землю крупному, чтобы возделывать ее от его имени на положении колона, освобождался от земельного налога, что же касается поголовного, то покровительство господина облегчало ему его тяжесть. Городской ремесленник не имел этого выхода. Потому-то, может быть, хризаргир был самым отталкивающим из налогов. Но и plebs urbana (городской плебс) иногда искала и находила в патронате частного магната защиту от требований фиска.

Ниже сословия сенаторов стояли члены муниципальных сенатов, декурионы или куриалы. То были средние собственники. Этот класс и был главным объектом требований фиска. Куриалы не только платили aurum coronarium и поземельный налог. Они несли его за своих сограждан, в качестве сборщиков, распределителей и поручителей. Они распределяли общую сумму налога, наложенную на город и его территорию, выбрав из самой курии exactores (экзакторы), обязанных ее собрать и, наконец, должны были представить ее полностью в провинциальное казначейство. Таким путем правительство избавлялось от забот и издержек и обеспечивало себе уплату подати верным залогом. Оно не замечало, что выгоды этой системы были ничтожны сравнительно с приносимым ею злом. Таким путем оно открывало рану, через которую истекали живые силы, как материальные, так и моральные, римского общества.

Первая опасность заключалась в том, что одной части плательщиков позволяли устанавливать доли всех: тут слишком велик был соблазн облегчить себя за счет других. И куриалы облегчали себя не за счет крупных собственников сенаторов, а за счет мелких. Хуже всего было то, что в случае дефицита отвечали прежде всего экзакторы, в случае их несостоятельности — те, которые за них поручились, и наконец, вся курия, которая их назначила. Преследуя должников государства, куриалы таким образом оберегали свое собственное имущество. Понятно, как возбуждала их рвение подобная перспектива. «Что ни куриал, — говорит Сальвиан, — то тиран». Но это рвение обращалось им же на погибель, так как, истощив вконец мелкую собственность, они ставили на карту свою собственную. Чтобы избежать разорения, оставалось одно — уходить из курии. Но этого можно было добиться только по особой милости императора при

возведении в сенаторское звание. Для большинства курия оказывалась капканом, который не выпускал свою жертву. К прикреплению куриала к курии клонился ряд законов, тяжело ложившихся на куриалов, — запрещение жить вне города, отчуждать свою собственность путем продажи или завещания, обязательство для сына наследовать повинности отца. Курия следила за исполнением этих законов не менее строго, чем государство. Она тотчас сжимала плотнее цепь на сочлене, который вздумал бы своей изменой увеличить общую тяготу.

Не одни куриалы привязаны были на вечные времена к своему положению. Облагая специальным налогом каждый класс, государство поставило себе неблагодарную задачу. Ему нужно было следить за тем, чтобы каждый платил ему положенное, и так как от известных групп оно требовало, кроме того, определенных услуг, то ему нужно было удерживать на определенном уровне не только имущественное положение данной группы, но и ее силы и навыки. Naviculariі, рабочие арсеналов и императорских фабрик, чиновники — officiales, булочники — pistores, торговцы свиньями и скотом — suarii, pecuarii, снабжавшие хлебом и мясом Рим и Константинополь, составляли наследственные касты, из которых помимо государства нельзя было извлечь ни человека, ни денария. Те же соображения привязали солдата к армии, колона к земле. Человек, безвыходно запертый в своей профессии, чувствовал, что его энергия падает, труд его замедляется и мысль сжимается; он теряет понимание общих интересов, без которого нет патриотизма. Он не стремится уже улучшить свою долю. Смертельный яд распространяется в социальном теле, мертвя умы и воли. Конечно, зло имеет также другие причины, но наблюдая общий застой, характеризующий конец Империи, не следует забывать, что он связан и с дурными принципами фискального режима.

III. Военная служба и новая оборонительная система[171]

Система Августа не остановила вторжений варваров, и его преемники прибегли к новым средствам. Армия была разделена на пограничную и внутреннюю, причем последняя служила поддержкой для первой и поставляла в города гарнизоны, недостаток которых так тяжело чувствовался в III веке.

Пограничная армия была армией оседлой, привязанной к земле и заинтересованной в ее защите, потому что она владела на ней собственностью. Такой характер она получила с тех пор, как Септимий Север расселил солдат вне лагеря с их женами и детьми, а Александр Север дал каждому клочок земли. Эта земля была освобождена от налога, но влекла обязательство вечной службы, почему могла быть завещана только мужскому наследнику — в противном случае переходила к тому, кто мог выполнить лежащее на ней обязательство.

Пограничным войскам — limitanei, ripariensеs (береговой охране) противополагались мобильные - palatini (палатины), comitatenses (комитаты) и pseudocomitatenses (псевдокомитаты). Последние два разряда назывались так потому,

что они образовали фактически или фиктивно свиту (comitatus) императора. Palatini были причислены к его дворцу (palatium), что ставило их во главе войсковой иерархии. Это была боевая армия, более солидная, многочисленная и значительная, нежели армия пограничная: последняя служила только прикрытием, которое должно было выдерживать первый натиск внешнего врага. Palatini и comitatenses не сливались с императорской гвардией в тесном смысле — с scolares, domestici, protectores, которые заменили преторианцев и представляли только парадный корпус.

Пехота и кавалерия были резко отделены друг от друга. Пехота распадалась на legiones (легионы), cohortes (когорты), auxilia (вспомогательные отряды); кавалерия — на vexillationes (вексилляриев), alae (крылья), equites (всадников) и cunei equitum (конные клинья). Число легионов увеличилось, а их состав уменьшился от 5000 человек до 1000 или 2000. Против врага, оперирующего небольшими отрядами, нужны были более подвижные единицы. Это же обстоятельство заставило перенести центр тяжести на кавалерию.

Если исключить гвардию, которая в силу понятных соображений поставлена была под власть гражданского чиновника (magister officiorum — магистра служб), главноуправляющего «домом» императора, — все силы Империи на Западе находились в распоряжении двух magistri militiae praesentales (они жили при дворе), соединявших полномочия генералиссимуса и военного министра и заведовавших один пехотой, другой кавалерией (vir illuster magister peditum и vir illuster magister equitum). Это весьма неудобное в военных интересах деление внушено было опять-таки чувством недоверия. В отдельных случаях, впрочем, командование всей армией могло быть поручено одному лицу, получавшему в таком случае титул magister utriusque militiae. Ниже стояли duces, власть которых распространялась на несколько провинций. Они считались в ранге spectabiles (высокородных) и иногда получали титул комита (comes).

Notitia dignitatum (список должностей) рисует нам военное состояние Галлии в конце римского владычества. Она была переполнена вооруженными отрядами. Из двенадцати палатинских легионов Запада в Галлии стоял один (легионы этой категории расположены были главным образом в Италии); из 36 comitatenses — 9 легионов, из 18 pseudo comitatenses — 10; из 65 auxilia palatina — 16; из 32 vexillationes comitatenses — 7. Это составляло более четверти всей армии, не говоря уже об отрядах laeti и gentiles, речь о которых будет ниже. Надо сказать, кроме того, что вследствие пробелов в тексте Notitia цифры ее ниже действительных.

Значение Галлии в военном отношении объясняет исключительный факт назначения для нее (по крайней мере, для того времени, когда составлялся «Список должностей») — особого магистра милиции, стоявшего во главе всех сил, сосредоточенных между Рейном и Пиренеями и поставленного в зависимость от обоих верховных magistri militum. Он назывался vir illuster magister equitum Galliarum (сиятельный муж магистр конницы в Галлиях) или — per Gallias, но командовал и пехотой. Он жил в Трире, метрополии Бельгики I-й, которая поэтому

находилась под его непосредственным начальством и не передавалась ни одному из подчиненных военачальников, между которыми дальше делилась Галлия. Из них первым был тот, кто заведовал страсбургским военным округом — comes Argentoratensis (или tractus Argentoratensis), хотя его округ был меньше других. Сдавленный между грядами Вогез и Рейном, он, самое большее, покрывал нынешний Эльзас. На севере он оканчивался у гарнизона Saletio (Салетио), относившегося к округу майнцкого дукса, а на юге не заходил за Бризах. Однако власть страсбургского комита шла дальше этих пределов: он имел над своими коллегами, ведавшими защитой рейнской границы, такую же супрематию, как некогда консулярные легаты над преторскими. «Список должностей» не указывает никаких отрядов, находившихся в его прямом заведовании. Если это не пропуск текста, то это значит, по-видимому, что в его руках было высшее командование отрядами соседних военных начальников.

Дукс Секвании (dux provinciae Sequanicae) в Безансоне располагает одним корпусом, имя и место которого нельзя определить. Тут снова приходится предположить ошибку в редакции или в копии «Списка».

Dux Mogontiacensis (дукс майнцский) располагает 11 корпусами, расположенными в Saletio (Saeltz), Tabernae (Саверн), Vicus Julius (Вике Юлия) (Гемерсгейм?), в Nemetes (Немете) (Шпейер), Altaripa (Алтарипы) (Алтрип), Vangiones (Вагионе) (Вормс), Mogontiacum (Могунтиаке) (Майнц), Bodobrica (Бодобрике) (Бонпорт), Confluentes (Конфлуэнты) (Кобленц), Antonacum (Антонаке) (Андернах).

Дукс Кельна указан только в оглавлении «Списка». Относящийся сюда лист пропал[172].

Морские разбои саксов обусловили создание больших военных округов вдоль Океана. Кельнский дукс ведал побережьем Северного Моря до Па-де-Кале. Дукс Бельгики 2-й — от Па-де-Кале до устья Сены. Dux tractus Armoricani et Nervicani (дукс области арморикoв и нервиев) ведал всем побережьем (самый большой округ) от устья Соммы до устья Жиронды и располагал десятью корпусами, расположенными в Grannona (Гранонна) (Пор-ан-Бессен?), Blabia (Блабия) (Блэ), Veneti (Венты) (Ванн), Ossismi (Оссизмы) (в Финистере), в Manatias (Манатии) или Namnetes (Намнете) (Нант), Aleto (Гиш-Але), Constantia (Константиа) (Кутанс), Rotomagus (Ротомаг) (Руан), Abrincati (Абриканты) (Авранш), (Grannono (Гранноно), может быть, та же Граннона).

Британский флот, созданный Клавдием, гаванью которого сперва был Gesoriacum (Гезориак), впоследствии названный Bononia (Булонь), не упомянут в «Списке». На его месте стоит эскадра classis Sambrica in loco Quartensi sive Horniensi — стоявшая, вероятно, в устье Соммы (Samara) и зависевшая от дука Белгики 2-й.

Кроме того, продолжала существовать рейнская флотилия[173]. Реки находились под бдительным надзором. Они были искони большой дорогой для вторжения северных пиратов, что не мешало предпочитать их сухопутным дорогам, так как прекрасные римские шоссе сильно пострадали в эпоху смут и нашествий. Одна

эскадра стояла на слиянии Сены и Уазы в Андрези (Classia Anderetianorum). Она, судя по «Списку», зависела прямо от magister peditum praesentialis, но, вероятно, фактически находилась в распоряжении dux tractus Armoricani et Nervicani (дукса области арморикov и нервиев). Его власть простиралась не только на прибрежные провинции — Лионскую 2-ю и 3-ю и Аквитанию 2-ю. Он командовал также в Аквитании 1-й и Лионской Сенонской. В последней, собственно, крейсировала сенская эскадра. Таким образом, он держал в руках две больших речных дороги Запада. Луара и Жиронда не имели своих эскадр, а охранялись гарнизонами Нанта и Блэ. Гаронна, разделявшая Аквитанию 1-ю и Новемпопуланию, вероятно, находилась под надзором дука Арморики.

Перечисленные округа охватывали большую часть Галлии, кроме провинций юго-востока и юго-запада: Новемпопулании, 2-х Нарбоннских, Вьеннской и Лионской 1-й. Как менее угрожаемые, они были менее защищены. В них стояли отряды, зависевшие от magister peditum presentialis, жившего в Милане. Это были 2 когорты — одна в Lapurdum (Лапурде) (Байона) в Новемпопулании, другая в Cularo (Гуларе) (Гренобль) во Вьеннской, затем морские силы: флот в Cabillonum (Кабиллон) (Шалон-на-Сене) в Лионской 1-й, леманская флотилия в Ebrodunum (около Вильнев), ронская флотилия во Вьенне и Арле; и, наконец, в Марселе — так называемые muscularii (musculus — лодка). Мы ничего не знаем о каких-либо гарнизонах в альпийских провинциях. Порядок в них поддерживали отряды, переводимые из Галлии, Италии, Реции.

Арсеналы и оружейные заводы Страсбурга, Макона, Отена, Суассона, Трира, Реймса, Амьена находились под заведованием магистра служб.

В течение трех веков римская армия перерождалась в варварскую. Этот процесс ускорялся законами о наборе.

Солдатское ремесло стало, как и другие, наследственным. Однако армия не могла пополнять себя сама. Подданные Империи по-прежнему не были избавлены от службы. Только теперь она падала не на человека, а на землю. Каждый собственник (или группа собственников) поставляли определенное число рекрут с одного iugum (сохи) или caput (головы). Они не обязаны были (а куриалы даже и не смели) служить сами. Они могли взять рекрут из колонов, отпущенников, рабов (при условии их предварительного освобождения).

Иногда на место людей государство требовало денег (aurum tironicum — налог за новобранцев) и на них покупало нужных ему людей. К этому приему оно с течением времени прибегало все чаще из соображений двоякой выгоды. Часть полученных денег оно обращало на свои нужды, а на другую часть добывало лучших солдат, по своему выбору — чаще всего из варваров; тогда как землевладельцы, заинтересованные обработкой своих земель, сбывали в рекруты менее годных. Таким путем aurum tironicum умножало число варваров в армии.

Легион в принципе считался римским корпусом, но не говоря о том, что он теперь составлялся из рабов и отпущенников, большинство которых были иностранцы, он набирался большей частью среди слабо романизованного населения.

Он больше не является цветом армии и ее центром. Первая роль на поле битвы переходит к легким отрядам — auxilia, к кавалерийским — vexillationes (вексилляриями), alae (крыльям), cunei equitum (конным клиньям). Большая часть этих отрядов носит племенные имена, обличающие или полуварваров внутренних стран, или даже варваров внешних. Такова и гвардия императора. Вожди являются варварами, как и солдаты. Вследствие отвращения римской аристократии — да и вообще римлян — к военному ремеслу, самые высшие военные степени заполняются готами, вандалами, франками. И так как, вопреки произведенным реформам, господство принадлежит мечу, то эти люди распоряжаются судьбами Империи, защищая или раздирая ее. Стоит вспомнить среди множества других имена Сильвана, Магненция, Арбогаста, Алариха, Стилихона.

Теперь, как и прежде, главные силы армии поставляет галльский север. Из 62 легионов западной армии — 36 ясно обличают именами свое происхождение, и из этих 36-ти — 14 можно считать галло-германскими, и ни один из них не происходит с юга или из центра.

Эскадроны кавалерии представляют еще более пеструю смесь стихий дунайской, африканской, восточной, но на 40 auxilia, народность которых отмечена, 26 — галлы или германцы. Из них 11 набраны на границе, причем с особенной точностью отмечено происхождение секванов, тонгров и нервиев: военная доблесть старого Бельгия еще не исчезла. К его населению относятся похвалы самого авторитетного судьи — Аммиана Марцеллина[174]. 15 остальных auxilia из 26 набраны за Рейном из батавов, маттиаков, бруктеров, тубантов, ампсивариев, герулов, салических франков [175].

Большая часть отрядов, набранных в Галлии или по соседству от нее, служила в Галлии. Таким образом, галло-германская армия до конца сохраняет свой характер по преимуществу туземного войска.

Варвары попадали на римскую службу различными путями — либо привлекались каждый в отдельности, либо вступали в нее массами, в качестве союзников — foederati (федератов), либо в силу акта подчинения, в качестве dedititii; в последних случаях они сохраняли племенную группировку. Федераты обыкновенно обязывались поставлять определенное число солдат на известных условиях — чаще всего на условии службы вблизи родины.

Dedititii — это были побежденные племена, переселенные на римскую почву. Они делились на два класса: gentiles (гентилы) (т. е. иностранцы) и laeti (леты) — слово, заимствованное у германцев, где оно означало, вероятно, людей низшего класса. Их положение было аналогично положению пограничных отрядов: за земельный надел они обязаны были за себя и за детей вечной службой. Впрочем, они не составляли ни местных гарнизонов, ни специальных корпусов, а нечто вроде полуземледельческих, полувоенных колоний, откуда правительство черпало солдат в случае нужды. Каждая такая группа стояла под надзором префекта, но управлялась согласно своим племенным обычаям. Трудно сказать, чем две категории — гентилы и леты — отличались друг от друга. Очевидно только,

что вторые считались выше первых и всегда набирались из народов, близких Рейну, тогда как гентилы принадлежали к самым различным племенам — сарматам, свевам, тайфалам и т. д. Может быть, поэтому леты встречаются только в Галлии: леты-тевтоны в Шартре, леты-франки в Ренне, леты-батавы в Аррасе. Других летов обозначают не по нации, а по местопребыванию: Lagenses в Lagium (Лагии) у Тонгра и т. д. В некоторых случаях леты соединены с gentiles (см. «Список должностей», где, впрочем, это место не вполне ясно). Мы знаем и отдельные поселения gentiles — сарматов около Парижа, сарматов и тайфалов в Пуатье и т. д.

В конце концов, все они слились с местными жителями. Зосим, писавший во второй половине V в., видел в них галлов[176], но они долго сохраняли свою индивидуальность и оставили след во французской топонимии. При Григории Турском тайфалы еще владели своими наделами в округе Тайфалии с городком Тифож. Имена местечек и городов — Сермез, Сермиоз, Сермизель напоминают сарматов, Мармань, Альмань — аламаннов и маркоманов[177].

Описанная реформа вызвала со стороны ее современников, а также новых и новейших историков много несправедливых упреков. Они осуждали расчленение легионов, диктовавшееся тактической необходимостью, рассеяние отрядов внутри страны, — как будто соприкосновение с мирным населением само по себе гибельно для воинского духа. Слабость Империи коренилась в причинах, независимых от этой реформы. Диоклетиан пытался увеличить армию, но ни он, ни его преемники не справились с финансовыми затруднениями. Большие цифры войска существовали только на бумаге. В галло-римской армии числилось до 60000 солдат, а Юлиан мог собрать к Страсбургу только 13 тысяч; наконец, междоусобные войны, не прекратившиеся в IV веке, постоянно подтачивали эти силы. Заполнение армии варварами также факт не новый. Императоры нуждались в солдатах и брали их там, где находили. Конечно, наемники нелегко подчинялись дисциплине. Аммиан Марцеллин рассказывает, что в 357 г. леты разграбили окрестности Лиона, и что подобный разбой не является исключительным фактом Плохая дисциплина давно уже являлась злом всей армии. Большое несчастье заключалось в том, что роль ее изменилась. Из могучего проводника римской культуры она превратилась в дверь, сквозь которую варвары проходили в Империю. Но проникновение Империи варварством было явлением общим, неотвратимым, и тут мы имеем дело только с одним из его проявлений. Как могли императоры — сами полуварвары — бороться с движением, которое выносило их на вершину власти?

Военная реформа была дополнена укреплением внутренних городов. Их нельзя было оставлять открытыми. Работа, начатая Аврелианом и продолженная его преемниками, была выполнена на всем пространстве Империи. В Галлии, как видно из описаний похода Юлиана, она была осуществлена к середине IV в., притом в самых широких размерах. Доныне страна имела крепости только на юго- и северо-востоке, в бассейнах Роны и Рейна. Теперь она вся покрылась

ими. Судя по развалинам, не менее 60 городов окружено было стенами. Кроме того, возникло множество мелких защищенных пунктов, burgi (бурги) и castella (крепости).

В самом сооружении укреплений заметно сказывается упадок техники. Они далеки от укреплений I века, как их можно изучать в Ниме, Арле, Фрежюсе. Нет ни их прежнего смелого плана, ни правильного оборудования, ни их элегантных пропорций, ни их умеренной и изящной декорации. Общий вид новых оград тяжел и неуклюж. Придавленные, низкие ворота похожи на потерны, основание сделано из огромных камней, плохо пригнанных, наваленных прямо на землю. Только верхняя часть стен обличает некоторую изысканность в расположении камней, чередующихся — согласно приему того времени — с широкими слоями кирпичей. Стена, прерываемая крупными башнями, развивается по прямой линии. Зато она отличается прочностью, способностью выдержать всякое испытание. Она противостояла ударам веков и стала уступать только после долгих усилий кирке новых разрушителей.

Мы уже отметили[178], что на укрепления этой эпохи пошли многочисленные обломки надписей, статуй, барельефов, стволов и капителей колонн, фризов, архитравов — созданий предшествующих веков, большинство которых носят следы пожаров, зажигавшихся варварами. Кучи таких обломков составляли как бы каменоломни, где можно было черпать обеими руками, чтобы работать быстрее и дешевле. Но не одно это соображение действовало, как можно судить из многочисленных предосторожностей, принимавшихся при употреблении этих материалов. Их клали внутрь, защищали двойной обшивкой, отделяли пустотой от слоя цемента, который висел над ними, опираясь на деревянные балки (переплет). Очевидно, набожная мысль собрала и сохранила их с такой заботливостью. Она заметна особенно по отношению к обломкам религиозной или похоронной архитектуры, которые надлежало предохранить против кощунственных посягательств, и которые находили в недрах этих стен почетное убежище: ибо стены городов пользовались той же привилегией, что и храмы и кладбища, и считались священными. Потому-то для нашей галло-римской эпиграфии они являются золотыми приисками, богатства которых еще не использованы.

Кажется, что варвары, уходя после набегов, оставляли tabula rasa, — настолько поразителен контраст между городами первых трех веков и теми, которые поднялись на их местах. Никогда страна не изменяла своего лица так быстро и так решительно. Во всех пунктах Галлии на месте старых возникли новые города, совершенно отличные от прежних, со своими прямыми контурами, со строгим лицом. Нет более открытых просторов, нет предместий, свободно рассыпающихся в поля. Ни воздуха, ни света; нагроможденные дома, узкие улицы — темные, сдавленные; прямоугольная ограда, сведенная потребностями защиты к минимуму своего развития: таковы существенные черты, характеризующие их везде. Самые большие города, как Пуатье, Бордо, Санс, Бурж, имеют от 2000 до 2600 метров в окружности. Другие, такие как Периге, Сент, не

превосходят 1000. За стеной растянулась в виде гласиса покинутая часть прежнего города. Публичные здания, театры, амфитеатры высятся среди развалин, — в свою очередь, разрушенные и оставленные в таком виде, что их взяли в ограду в качестве бастионов.

Для населения, приютившегося в этих тесных пространствах, за высокими стенами, которые теснят и душат его, начинается жизнь средних веков, характеризуемая замкнутостью, разобщенностью и вечной тревогой. Римское единство пало вместе с римским миром. Здесь отвыкли от великих войн, как и от великой политики. Оборона, вместо того, чтобы сосредотачиваться на границе и в могущественных армиях, локализуется и рассеивается в частных столкновениях. Горизонт суживается, как и поле деятельности. В отсутствии сильного и попечительного правительства, Галлия постепенно возвращается к тому состоянию раздробленности, из которого вывел ее Рим.

Таблица провинций и civitates Галлии около 400 г.

Трирская или Галльская диоцеза.

Лионская I-я. 3 civitates: Лион (Civitas Lugdunensium); метрополия; Отен (Civitas Aeduorum); Лангр (Civitas Lingonum).

Лионская II-я. 7 civitates: Руан (civ. Rotomagensium), метрополия; Байе (c. Baiocassium); Авранш (c. Abrincatum); Эвре (c. Ebroicorum); Се (=Seez, c. Sagiorum); Лизье (c. Lexoviorum); Кутанс (c. Constantia).

Лионская III. 9 civitates: Тур (c. Turonum); метрополия: Ле-Манс (c. Cenomannorum); Ренн (c. Redonum); Анжер (c. Andegavorum); Нант (c. Namnetum); Кемпер? (— Quimper, c. Coriosolitum); Ванн (c. Venetum); Кос-Кастель-Аш? (c. Ossismorum); Жюблен (c. Diablintum).

Лионская Сенонская (Senonia). 7 civitates: Санс (c. Senonum); метрополия; Шартр (c. Carnutum); Оксерр (c. Autessiodurum); Труа (c. Tricassium); Орлеан (c. Aurelianorum); Париж (c. Parisiorum); Мо (c. Meldorum).

Белгика I-я. 4 civitates: Трир (c. Treverorum), метрополия; Мец (c. Mediomatricorum); Тул (c. Leucorum); Верден (c. Verodunensium).

Белгика II-я. 12 civitates: Реймс (c. Remorum), метрополия; Суассон (c. Suessionum); Шалон-на-Марне (c. Catuellaunorum); Сен-Кантен (Вермандуа, c. Veromanduorum); Аррас (c. Atrabatum); Камбре (c. Cameracensium); Турне (c. Turnacensium); Сенлис (c. Silvanectum); Бове (c. Bellovacorum); Амьен (c. Ambianensium); Теруанна (c. Morinorum); Булонь-у-моря (Boulogne-sur-Mer — c. Bononiensium).

Германия I-я. 4 civitates: Майнц (c. Mogontiacensium), метрополия; Страсбург (c. Argentoratensium); Шпейер (c. Nemetum); Вормс (c. Vangionum).

Германия II. 2 civitates: Кельн (c. Agrippinensium), метрополия; Тонгр (c. Tungrorum).

Секвания. Великая провинция секванов (Maxima Sequanorum). 4 civitates: Безансон (c. Vesontiensium), метрополия; Нион (c. Equestrium); Аванш (c. Helvetiorum); Базель (c. Basiliensium).

Альпы Грайские и Пеннинские. 2 civitates: Мутье-в-Тарантезе (Moutiers-en-Tarentaise, c. Centronum) метрополия; Мартиньи-в-Валлисе (Martigny-en-Valais c. Vallensium).

Вьеннская диоцеза, или диоцеза Семи Провинций

Вьеннская. 14 civitates: Вьенна (c. Viennensium), метрополия; Женева (c. Genavensium); Гренобль (c. Gratianopolitana); Апс (c. Albensium); Ди (Die-C. Deensium); Валанс (c. Valentinorum); Сен-Поль-Труа-Шато (Saint-Paul-Trois-Chateaux — c. Tricastinorum); Везон (c. Vasieusium); Оранж (c. Arausicorum); Кавельон (c. Cabellicorum); Карпентра (c. Carpentoractensium); Авиньон (c. Avennicorum); Арль (c. Arelatensium); Марсель (c. Massiliensum).

Аквитания I-я. 8 civitates: Бурж (c. Biturigum), метрополия; Клермон (c. Arvernorum); Родез (c. Rutenorum); Альби (c. Albigensium); Кагор (c. Cadurcorum); Лимож (c. Lemovicum); Жаволь (c. Gabalum); Сен-Полиен-ан-Веле (Saint Paulien-eu-Velai в старину Ruessium, c. Vellavorum).

Аквитания II-я. 5 civitates: Бордо (c. Burdigalensium), метрополия; Ажан (c. Agennensium); Ангулем (c. Ecolisnensium); Сент (c. Santonum); Пуатье (c. Pictavorum); Периге (c. Petracoriorum).

Новемпопулания. 12 civitates: Оз (c. Elusatium), метрополия; Дакс (c. Aquensium); Лектур (c. Lactoratium); Сен-Бернар-де-Комменж (Saint-Bernard-de-Comminges c. Convenarum); Сен-Лизье-де-Консеран (Saint-Lisieux-de-Conseraus — c. Consorannorum); Ла-тет-де-Бюш (La-Teste-de-Buch — c. Boatium); Лескар-в-Беарни (Lescar-en-Bearn — c. Benarnensium); Эр (c. Aturensium); Базас (c. Vasatica); Тарб (c. Turba); Олорон (c. Iloronensium); Ош (c. Ausciorum).

Нарбоннская I-я. 5 civitates: Нарбонна (c. Narbonnensium), метрополия; Тулуза (c. Talosatium); Безье (c. Beterrensium); Ним (c. Nemausensium); Лодев (c. Lutevensium).

Нарбоннская II-я. 6 civitates: Экс (c. Aquensium), метрополия; Апт (c. Aptensium); Рие (c. Riensium); Фрежюс (c. Forojuliensium); Гап (c. Vappincensium); Систерон (c. Segestericorum); Антиб (c. Antipolitana).

Альпы Морские. 8 civitates: Эмбрен (c. Ebrodunensium), метрополия; Дин (s. Diniensium); Шорж (? c. Rigomagensium); Кастеллан (c. Saliniensium); Сене (c. Sauitiensium); Гландев (c. Glannateva); Симье (c. Cemenelensium); Венс (c. Vintiensium).

ГЛАВА III
МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

I. Провинциальные собрания. — II. Городские общины. Муниципальный строй.

I. Провинциальные собрания[179]

Бедность документов от второй половины III века обусловливает серьезный пробел в истории провинциальных собраний или сеймов. Она снова может быть прослежена только от эпохи Константина до последних времен римского владычества среди нашествий и перед лицом первых варварских государств.

Между тем в промежутке их лицо изменилось. Торжествующее христианство отняло у них религиозный мотив. Оно уничтожило культ императора, запретило жертвы, разрушило алтари Рима и Августа. Лионский алтарь уже не существовал в V веке. В эту эпоху на его месте стоял храм св. Петра. Вероятно, он исчез значительно раньше. Во всяком случае, служение, связанное с ним, давно прекратилось. В провинциях и в муниципиях от исчезнувшего культа сохранилось только звание sacerdos. Но от прежней реальной должности остался лишь пустой титул, причем и из него выбросили имя бога, которому служил прежде жрец; он превратился просто в Sacerdos provinciae (жреца провинции) и не именовался больше жрецом Августа и Рима. Его функции заключались в организации игр, которые церковь терпела, хотя и осуждала, и в заведовании имуществом храма — до того момента, когда оно, как и храм, будут конфискованы окончательно.

Провинциальные собрания, став исключительно политическими, изменились в составе. К представителям муниципальных курий данной области — principales (принципалы)[180] — присоединились все honorati провинции, т. е. все, кто прошел все ступени муниципальной и имперской службы, дававшие в конце концов доступ в ряды имперской сенатской знати. На первом месте стоят те, кто действительно выполнял эти функции; затем те, за кем они числились фиктивно. Все они могут, не присутствуя сами в собрании, посылать на свое место уполномоченных, называемых *прокураторами*. Самые важные из них — экс-префекты никогда и не утруждали себя поездками и, чтобы узнать их мнения, являлись к ним. Провинциальное собрание, в конце концов, не меньше, чем прежде, представляет провинцию и может знать и защищать интересы населения. Председательство не принадлежит sacerdos'y, а поручается, вероятно, по избранию одному из членов. Губернатор присутствует при обсуждении с правом вмешательства.

Благосклонное отношение императорского правительства к этим собраниям, кажется, стало еще определеннее с того времени, как секуляризовавшись, они утратили свой характер как бы частных ассоциаций, и могли официально быть причислены к важным государственным коллегиальным учреждениям.

Их жизнь направлялась императорскими указами. Таких указов сохранилось немало. Они составлены в весьма либеральном тоне и делают честь издавшим их императорам. Конечно, они не дают им прав concilia (совета) и не разрешают им ничего вне пределов права петиций, но они стремятся обеспечить их сотрудничество с центральной властью и поощряют всячески их работу, привлекают их к участию в вопросах фиска, администрации, частного права, принимают их ходатайства не только по поводу деятельности губернатора, но и по поводу общеимперской политики. Они заботятся о том, чтобы их обсуждения не стеснялись местными чиновниками и не скрывались от верховной власти. Они дают делегатам, посылаемым к императору с докладом о результатах их совещаний, все удобные средства сообщения и возможность легкого доступа. Их сессии остались периодическими — по-видимому, ежегодными, но можно было созвать и экстренное собрание путем петиций от имени провинции (т. е. от членов собрания), направленной к префекту. Он имел инструкцию не препятствовать собранию и назначал для него срок и место.

Представляется странным, почему влияние подобного учреждения свелось к ограничению отдельных злоупотреблений и оказалось бессильным перед главным злом, подтачивавшим Империю. Причина этого кроется в равнодушии населения, отвычке его от общественной жизни. Оружие, вложенное в его руки, оставалось неиспользованным, и рвение его приходилось подстрекать. И, однако, не одно население виновато в этой пассивности. Между ними и верховной властью стояло слишком много посредников, заинтересованных в том, чтобы скрывать истину. В этой промежуточной толще глохли вопли одних и добрые порывы других. Естественно, что в таких условиях управляемые воздерживались от компрометирующих жалоб и ограничивались банальными формулами официальной лести.

Число провинциальных собраний увеличилось вместе с числом провинций. Вероятно, каждая имела свое собрание (для большинства мы не имеем данных). Для Галлии есть только косвенные указания на существование трех собраний: 1) в 359 г. Нарбоннская провинция ведет процесс против губернатора — очевидно, от имени собрания[181]; 2) надпись в стихах V в., открытая в Валентине (верхняя долина Гаронны) дает указание на собрание в Новемпопулании[182]; 3) в одном письме Сидония Аполлинария упоминается о собрании Лионской 1-й[183].

Диоцеза не имела такого правильного представительства, как провинция. Но в случае нужды она имела право его создать, как признано указом 382 г. (для Испании даже в 364 г.). О собраниях диоцезы мы узнаем только из одного нововведения, произведенного в начале V века при Гонории. Между 401–405 гг. префект Петроний настаивал на установлении ежегодных собраний галльской диоцезы. Проведение этой меры, прерванное нашествием 407 г. и узурпацией Константина и Иовиана, осуществилось в 418 г. эдиктом Гонория по совету префекта Агриколы: собрание должно происходить в Арле, куда только что перенесена была префектура. На нем должны быть представлены Вьеннская провинция,

Новемпопулания, две Нарбоннские, две Аквитании, Морские Альпы[184]. Собственно, это собрание представляет не всю Галлию, а только прежнюю Вьеннскую диоцезу. Вероятно, причина заключается в том, что римское владычество в Северной Галлии к 418 году было поколеблено. Арльское собрание, как и провинциальные, состояло из honorati округа и делегатов от принципалов (все они, конечно, не могли бы присутствовать), затем — судей — другими словами, губернаторов семи провинций. Все эти лица обязаны были в них участвовать под угрозой штрафа, и только губернаторы Новемпопулании и Аквитании 2-й, ввиду дальности, могли себя заменить уполномоченными. Заседания происходили не под председательством, а в присутствии префекта.

Много спорили о мотивах эдикта Гонория. А между тем они ясны из самого текста: если провинциальное собрание выгодно централизовало дела, избавляя этим отдельные города от издержек на посольства, а императора — от выслушивания многочисленных депутаций, то же самое делало собрание диоцезы на более широком районе, и если эта мера не была проведена в других местах, — на это всюду свои причины. Италия имела сенат, Африка, зависевшая частью от особого викария, а другой частью прямо подчиненная императору, не представляла настоящего единства. Испания и Германия находились, как и северная Галлия, в руках варваров. Тем больше должно было правительство интересоваться провинциями, которые и официально, и по настроениям остались римскими, и укреплять взаимную связь, а также связь между ними и собою.

Эдикт 418 года на год опередил утверждение вестготов в Аквитании. Этот факт и сопровождавшие его смуты и были, вероятно, причиной неудачи реформы Гонория. Вопрос, функционировали ли вообще собрания диоцезы? На них можно найти один или два намека: в 455 году при воцарении Авита и в 468 году в процессе, учиненном против префекта Арванда перед сенатом[185]. Но очевидное во втором случае, выступление органа диоцезы очень сомнительно в первом.

Собрания держались в стороне от революций как в III, так и в IV веке; и только в середине V века, среди смут, причиненных нашествиями, когда власти исчезли или были бессильны, — они расширяют свои полномочия и вмешиваются в чисто политические дела. Это и будет самый интересный период их истории.

II. Civitates. Муниципальный строй[186]

Если сравнить список civitatum в Notitia Galliarum с тем, какой можно было составить в начале императорского периода, мы заметим большую разницу. Одни из них исчезли, другие появились, но в общем число их выросло. Это увеличение получалось отчасти вследствие основания новых civitates или расчленения старых, отчасти вследствие присоединения к списку галльских civitates Agrippinensium, и Нуайон — civitates Equestrium. Некоторые римские колонии слились с соседними civitates или поглотили их в себе (Лион поглотил civitates сегузиавов). Некоторые из прежних civitates слились в одну (4 civitates в Грайских

и Пеннинских Альпах составили одну civita) или были совсем упразднены. В итоге вместо 97 прежних получилось 114 civitates на всем пространстве галльских провинций[187]. Особенно сильно были расчленены civitates севера и центра, как более крупные, ставшие на место больших племенных единиц. На юге расчленению подверглись только civitates вьеннцев и воконтиев, ибо в Нарбоннской римская колонизация совершалась слишком давно и интенсивно, чтобы на этой почве осталось место для новых единиц. Вряд ли можно приписывать императорам намерение уравнять территории civitatum. Они остались очень неравными. Территория Буржа, Пуатье, Безансона равняется двум или трем нынешним департаментам, в других случаях она равна одному департаменту или даже меньше (Bononia). Причиной увеличения числа civitatum являлось фактическое умножение городских центров, и наоборот: падение некоторых городских центров было причиной официального упразднения их в качестве политических единиц.

В иберской Аквитании образовалось наибольшее (из всей области Трех Провинций) число новых civitates; — не потому, чтобы civitates, установленные здесь Августом, были слишком обширны. Нет: в этой области до римского завоевания дальше всего пошло политическое дробление, и теперь иберские общины только возвращались к традициям прошлого, что было довершено отделением их от кельтской Аквитании и образованием новой провинции, Новемпопулании[188].

История галло-римских civiates не заканчивается с падением римского владычества. В нашу задачу не входит следить за их дальнейшими судьбами. Достаточно напомнить, чем они были в начале Средних Веков. Когда Церковь организовала свое правление, она приспособила к своим целям кадры, созданные государством. Она поставила епископов в главных городах civitatis, и архиепископов и «митрополитов» — в главных городах провинций. Таким образом, те и другие единицы получили, кроме политического, и религиозное значение. Еще доныне, после 89 года, заметна связь между территориальными делениями Галлии V века и списком епископских и архиепископских городов Франции с их округами.

И, однако, провинции были искусственными единицами, по сравнению с civitates. Эти последние были поистине живыми образованиями, глубоко коренившимися в прошлом. Неудивительно, что они удержались при франкских королях, как и при римских императорах, в качестве административных округов, тогда как провинции, в качестве политических единиц, исчезают почти везде до Хлодвига. Они сохранились только в церковной иерархии, как и сама Церковь устояла среди создавшихся вокруг нее развалин.

Два факта доминируют в эволюции муниципального строя — и вместе обличают его упадок: растущее вмешательство центральной власти во внутренние дела города и уклонение его населения от публичных функций.

В начале II века города большей частью оказались в трудном положении. Они выполнили большие работы без расчета и без системы. Императоры поощряли это. Они утверждали пожертвования частных лиц, и сами много давали городам.

Рост городского богатства, происшедшего из различных источников, налагал новые обязанности на государство. Это богатство составляло значительную долю публичного достояния, и государство не считало себя вправе игнорировать его. Устанавливается более прямой надзор губернатора над муниципальными финансами. К этой же эпохе относится учреждение кураторов (curatores reipublicae или civitatis).

По римскому частному праву куратор давался не малолетним, — они имеют опекуна, — но неспособным, расточительным и безумным: он давался не лицу, а имуществу. Отсюда и выросла должность куратора, которого император дает муниципию. Куратор проверяет счета, покрывает долги, утверждает или воспрещает отчуждения собственности, починки и постройки зданий, но у него нет власти — ни политической, ни судебной. В городе, интересы которого ему доверены, он не является ни магистратом, ни гражданином, ни даже обывателем, ибо он может быть куратором нескольких civitates, не находящихся в одной провинции. Свободный от всяких местных связей, он, по-видимому, находится в наилучших условиях, чтобы выполнить свой мандат с твердостью и беспристрастием. Он охотно соединяет со своим званием роль патрона. Чаще всего это один из высших чиновников сенаторского или всаднического сословия, иногда только муниципальный магистрат. В Галлии — и это, по-видимому, ее привилегия — кураторами всегда являются галлы, которые после того, как управляли одной civitas — делегируются кураторами в соседнюю. Римские колонии, например, Нарбонна и Лион, получали кураторами видных лиц, прошедших через высшие государственные должности[189]. Куратором Фрежюса был только экс-магистрат Нима, а Авиньон, — простая латинская колония, поручен сенатору, бывшему претору.

Императоры в принципе не были враждебны муниципальной свободе. Она не ограничивала их всемогущества, наоборот: она оказывала полезное содействие их администрации. Но деспотизм — насильник по самой природе своей, и сила вещей увлекала его к дальнейшим захватам. Муниципий, вверенный куратору, фактически был отдан в опеку, и опекун — в особенности опираясь на императорское назначение — постепенно занял в нем первое место. Так, кураторство II века — бывшее исключительным и экстраординарным поручением — превратилось к IV веку в регулярную верховную магистратуру.

Отдельные фазы этой эволюции только изредка могут быть подмечены в кодексах и надписях. Очень рано куратор начинает простирать свою компетенцию дальше финансовых дел, захватывая нечто вроде административной юстиции. Эдилитет, стоя ближе всего к кураторству, был поглощен раньше всего. За ним последовали другие магистратуры. Куратор Восточной Империи наследовал функции не только эдила, но и дуумвира и квинквеннала. Он захватил надзор над путями сообщения, общественными работами, полицией. В конце концов он заведует муниципальной казной, сдачей подрядов, составляет и хранит реестры ценза, сосредоточивает в своих руках все управление города. Он — его

отец, pater civitatis, как его обычно называют в V веке. До сих пор, к сожалению, не разрешен тонкий вопрос, представляет ли он в этой новой роли муниципий или центральную власть? Конечно, он уже не чужой среди управляемых: он является частью той курии, в которой председательствует, он берется из ее среды. Но это еще не значит, что не император назначает его. Только закон 409 года, относящийся к Галлии, представляет его лицом избираемым[190]. Но уже в эту эпоху у городов была отнята большая часть их имущества и доходов в пользу Церкви и на пополнение дефицита императорской казны: ограбив их, нашли возможным предоставить им самим заведование тем малым, что у них еще оставалось.

Старые магистратуры не исчезли. Один закон Константина предполагает, что будущие кураторы проходят их. Одна надпись 352 года отмечает о кураторе Кельна, что раньше он был эдилом и дуумвиром[191]. Но вообще в текстах мало указаний на эти магистратуры. Вероятно, раздробившись между всевозможными кураторствами, они потеряли смысл и чаще всего просто не замещались. Таким образом, мы имеем дело с новым типом муниципальной администрации.

Отвращение к публичным должностям, из-за причиняемых ими расходов, проявилось очень рано. Чтобы подстегнуть вялых и уклоняющихся, к концу II века изобрели новую форму латинского права — latium majus[192], дававшее, в отличие от latium minus, простым декурионам доступ к римскому гражданству. В эту же эпоху открыли так называемым incolae — переселенцам из других общин, натурализовавшимся в новой civitas — доступ к муниципальным почестям. Так, один воконтий допущен был в лионскую курию, один тревир прошел все магистратуры у эдуев[193].

Со времен Антонинов декурионов притягивают против их воли. С Северами начинается ряд законов, изданных против тех, кто пытается уклониться от обязанностей дуумвирата и декуриона. К той же цели направлено учреждение сословия *поссессоров* — т. е. земельных собственников, которые, не будучи декурионами, могут ими стать, представляя как бы резерв для курии. Ordo possessorum (сословие поссессоров) упоминается в Галлии в надписях Экса в Савайе[194].

Успехи христианства в III веке содействовали обезлюдению курии. К боязни издержек присоединялись религиозные соображения: христиан не избавляли, как евреев, от языческих обрядов при исполнении публичных функций, что заставляло их от них уклоняться; да и вообще, они не имели охоты к ним: их духовный взор устремлялся выше. Даже после торжества христианства это настроение не вполне изменилось: христиане примирились со своими гражданскими обязанностями, но их любовь к земному отечеству охладела. Благочестивые учреждения поглощали щедроты верных; так что, кроме имуществ, которые государство конфисковало в пользу Церкви, эта последняя отнимала у городов и то, что прежде давала им частная благотворительность.

Все же ни конкуренция торжествующей Церкви, ни вражда Церкви преследуемой не представляются причинами, удовлетворительно объясняющими глубокий упадок муниципального режима в последние два века Империи. Он

обусловливается больше всего тем фискальным строем, который мы описали выше[195].

Его характеризует, во-первых, подстановка на место государства для большинства его функций — целого ряда лиц и корпораций; во-вторых — разнообразие обложения, как в смысле его форм (натурой, деньгами, барщиной), так и в смысле групп, объектов обложения.

К середине II века для того, по-видимому, чтобы облегчить тяжесть городских магистратур, от них отделяют кураторства, список которых увеличивается с течением времени до бесконечности и весьма разнообразен, в зависимости от местных нужд. Трудно установить, в каком отношении стоят они к прежним магистратурам или к верховному куратору города. Их компетенция тем более ограничена, чем их больше. Их надзору подлежит содержание улиц, бань, храмов, общественных зданий, водопроводов, стен; доставление хлеба, даровые раздачи, ведение списков ценза, юстиция; они являются ходатаями города перед губернатором или императором; иногда им поручаются дела не специально местного характера, как надзор за mansiones — т. е. зданиями, которые служат общественными складами, почтовыми постами, помещениями для императора и важных лиц, едущих по его поручению. На них лежит часто доставка лошадей, прием рекрутов или денег, уплачиваемых вместо последних, наконец, сбор налога.

В эту эпоху декурионы представляются нам группой чиновников, так как равномерный служебный круговорот, руководимый губернатором, ставит поочередно на ту или иную из этих функций всех, кто не мог выставить законных поводов для отказа: таких, как старость, болезнь, отсутствие по делам общественного значения, большое число детей, инвалидность, определенные свободные профессии, наконец, бедность, считавшуюся одним из случаев естественной неспособности. Чиновники эти, однако, находились в особом положении: они не получали ничего, а сами расплачивались своим временем, своей работой, своим кошельком.

В их повинностях различались — не всегда, правда, строго — те, которые падали на лицо (munera personae), и те, которые падали на имущество (munera patrimonii). Куратор анноны, правда, не на свои деньги покупал хлеб, которым должен был снабжать город; как и куратор храма не за свой счет содержал его, но в конце концов и тот, и другой денежно отвечали за них. С другой стороны, нет такого muneris patrimonii, где не требовался бы личный труд. Немудрено, что сами юрисконсульты путаются в классификации, либо заключают на основании «преобладающего характера», либо изобретают категорию «munera mixta» (смешанных повинностей), относящуюся к лицу и к имуществу.

На курии основалась вся административная и финансовая система Империи, и потому ее нужно было держать в постоянном состоянии готовности. Сыновья декурионов, в ожидании своей очереди, составляли класс куриалов — subjecti, nexi curiae. С другой стороны, чтобы обеспечить кадры не только людей, но и имуществ, делали куриалов взаимно ответственными за их имущество, и целым

рядом мер стремились иммобилизировать в руках каждого его долю собственности. Куриал не смел торговать, из страха торгового риска, не смел продавать недвижимость и рабов без разрешения губернатора. Все его дары, сделанные при жизни или по завещанию, облагались налогом в пользу курии. Вскоре они были совсем запрещены. Если же он завещал имение лицам, стоящим вне курии, из него удерживалась четверть, а впоследствии — три четверти.

Между императорами, стремившимися удержать членов курии, и куриалами, стремившимися выйти из нее, началась борьба. Единственным исходом для последних был сенаторский диплом, и вот его стали всячески домогаться: выслугой, покупкой, — иногда подделкой. Тогда поднялись жалобы со стороны курии, и императоры сами увидели опасность. Чтобы остановить ее, они решились отодвинуть в сословие куриалов всех, кто не прошел до конца муниципальной карьеры; даже тех, кто ее прошел, они допускали в сенаторское звание только при условии замещения себя на своем месте сыном или иным лицом, обеспеченным надлежащим имуществом. Все дети, родившиеся до его ухода из курии, оставались в курии. Один указ 409 г., изданный для Галлии[196], требует, чтобы даже те из них, которые имеют на это право, выждали 15 лет.

Трудно перечислить все подобные меры: их множество, их растущая строгость показывают, как мало действительны были они. Вина этого — в слабости императоров, не способных противиться просьбам, которыми их осаждали; в продажности канцелярий, с аукциона продававших сенаторские дипломы, и таким путем переводивших значительную часть куриалов в сенаторское сословие.

Этого не пришлось бы считать злом, если бы низшие классы общества пополняли для курии то, что у нее отнимали высшие. Это двойное движение было бы только естественным следствием непрерывного подъема классов и симптомом здоровья и процветания государства. В лучшие дни свои Империя знала постоянное переливание сил из одной части социального тела в другую. Но с III века оно замедлялось и, наконец, остановилось. Эта эпоха характеризуется развитием крупной собственности в ущерб средним классам; стало быть, курия не пополняет того, что теряет. Пусть она втянула «сословие поссессоров». Мелкие собственники, его составлявшие, еще раньше, чем крупные, пали под тяжестью фиска и искали всех возможных выходов из курии, вступая в ряды духовенства, армии, в канцелярии, на императорские заводы, в рабочие корпорации, даже в сословие колонов. Были и такие, которые искали прибежища у варваров.

Правда, надо осторожно пользоваться юридическими текстами и не считать нормальными всех тех возможностей, которые они предусматривают. В сочинениях Авзония бордоская курия рисуется богатой и почтенной, но нужно сказать, что после разгрома III в. жизнь Аквитании представляется относительно мирной и цветущей до нашествия вестготов 407 г. Того же нельзя сказать об областях востока, севера и центра, где нашествия возобновлялись хронически. Известен колкий ответ галльского префекта Флоренция императору Валентиниану, когда последний в одном из свойственных ему припадков ярости, по какому-то

неважному поводу, приказал предать смерти по три куриала в нескольких городах: «А если в каком-нибудь городе не насчитается трех? Следует ли ждать, пока это число наберется?».[197]

Мы знаем мало о внутренней организации муниципальных собраний поздней Империи. Кое-какие данные в этом смысле может дать album, открытый в Тамугаде[198] и относящийся, вероятно, к 364 году, хотя он содержит много чисто-африканских подробностей и не может быть поставлен наряду с альбумом Канузия. Этот документ перечисляет, вслед за патронами из всаднического сословия, а также бывшими sacerdotes (жрецами) провинции — куратора, дуумвиров, фламинов, понтификов, авгуров, эдилов, квестора и под самый конец — экс-дуувиров. Стало быть, кроме почетных членов, он перечисляет только магистратов, жрецов и экс-магистратов. Он не называет ни одного из тех, которых раньше именовали praetextati или pedani, и которые теперь являются куриалами в широком смысле слова. Куриалы делят повинности курии, но не фигурируют в списке собрания, и если и присутствуют на заседаниях, то пассивно и молча. Что касается права сидеть, то, судя по кодексу Феодосия, оно предоставляется декурионам «заслуженным», т. е. прошедшим все магистратуры[199].

Одно положение того же кодекса[200], датированное 409 годом, сообщает о существовании в Галлии класса principales (принципалов), вероятно, тождественных «заслуженным» и также тем, кого называют primores (первейшие) или primates (одни из первых). Это — те, кого надписи ранней Империи называли omnibus honoribus functi (занимавшими все посты). Они занимают первый ранг в курии, и хотя число их меняется, мы не знаем, как отличить их от так называемых decem primi (десяти старшин), которые также стоят во главе курии, несут самые тяжелые повинности и самую большую ответственность за сбор налога.

Торжествующее христианство ввело в собрание нового члена, — епископа, который не замедлил занять в ней доминирующее положение, наряду, а часто и выше самого важного гражданского сановника, т. е. уже не куратора к концу IV века, а defensoris (дефензора) civitatis.

В этом учреждении дефензора особенно сказывается глубокое расстройство имперской администрации, ее злоупотребления и бессилие правительства их подавить. Валентиниан первый изобрел в 364 году этот вид посредников между населением и мелкими и крупными агентами власти, которые его угнетали. Главной задачей defensoris civitatis была защита населения против требований фиска. Ни один налог не взимался без его согласия. Он был весьма независим, так как назначался прямо императором или претором, из лиц, не принадлежащих к муниципию — из сенаторов, или по крайней мере, из perfectissimi (перфектиссимов совершейнейших). Государство, таким образом, искало вне себя самого защиты против требований своих чиновников и своей собственной слабости. В ту же эпоху были созданы аналогичные институты дефензоров сената, по двое в каждой провинции, для защиты привилегий сенаторов, дефензоров духовенства, дефензоров колонов... Все это только проявления того общего факта замены

государственного воздействия специальным покровительством, который характеризует разлагающиеся общества. Только здесь государство, пытаясь бороться с частным покровительством, создает покровительство публичное.

Сенаторам скоро надоела должность, которая косвенно вела к куриальным тяготам, а при добросовестном исполнении навлекала на них злобу сильных. Кончилось тем, что дефензор занял место среди муниципальных магистратов, правда, во главе их. С 387 года его начинают избирать на 5 лет из среды принципалов, при участии всех классов общества, равно заинтересованных в выборе защитника, — новое доказательство, что принципиально императоры не были враждебны муниципальным вольностям. Но при таких условиях он имеет мало авторитета для властей. Он представляет только своих сограждан; он — только один из куриалов, поглощенный заботами местного управления, которые в конце концов захватят его целиком. Ему дали известные судебные полномочия, прежде принадлежавшие дуумвирам. Это ускорило и удешевило судопроизводство по менее важным делам. В качестве мирового судьи он оказал известную пользу, но это была не та, на которую рассчитывали, устанавливая эту должность.

ГЛАВА IV
КРУШЕНИЕ ДИОКЛЕТИАНО-КОНСТАНТИНОВОЙ РЕФОРМЫ. ИСТОРИЯ ГАЛЛИИ ОТ ДИОКЛЕТИАНА ДО ФЕОДОСИЯ[201]

Люди, реорганизовавшие государство после смут III века, возлагали на эту реформу надежды, которым не суждено было сбыться. Она протянула на одно столетие существование Империи, но не могла исцелить ее язвы и упрочить ее. Новая эпоха будет повторением предыдущей: те же нашествия, — менее опустошительные до того момента, когда они снова разрастутся и поглотят все; те же внутренние распри; те же узурпации честолюбивых вождей, — а сверх того, еще богословские споры, раздирающие христианское общество, и интриги восточного двора, подпавшего под влияние евнухов и сераля.

Галлия играет в истории этой эпохи очень важную роль. Нашествия, подтачивавшие ее благосостояние, принесли ей известную пользу. Среди кризиса, грозившего разложением римского единства, ее значение выросло. Ее смелая инициатива, услуги, оказанные ею делу цивилизации, великое государство, которое она создала и поддерживала единоличными усилиями, — все это поставило ее на особое место. Она представляется самым живым членом и как бы третейским судьей всего Запада. В ней подготавливаются решительные перевороты эпохи. Отсюда отправляется Константин, чтобы ниспровергнуть языческие алтари, и Юлиан, — чтобы их восстановить. Среди общего упадка Галлия — самый прочный бастион Империи и самый яркий очаг латинской культуры. Ее солдаты последними бьются под римскими знаменами, ее риторы и поэты воплощают последний блеск умирающей литературы. До конца она хранит веру в судьбы Рима. Она верит в Вечный Город накануне его падения. Ее римский патриотизм не исключает очень живого чувства местной независимости. Полная сознания своей силы, привыкшая быть резиденцией императоров, она желает иметь таких, которые были бы ей по сердцу. Она их возводит и низводит, сообразно своим симпатиям и капризам, с той быстротой и изменчивостью, которую так часто ставили в вину французской нации.

Вступая в управление Западом в 285 году, Максимиан нашел страну истерзанной полувековой анархией. Прежде всего нужно было покончить с мятежными шайками багаудов. Милостью он завоевал менее упорных, другие укрылись на полуострове, образуемом изгибом Марны, вблизи впадения ее в Сену. Здесь ныне находится монастырь — Saint-Maur les Fosses, чье имя напоминает о канале, вырытом здесь мятежниками. Их вожди, Элиан и Аманд, приняли титулы августа и цезаря. Максимиан решительным нападением и беспощадной расправой покончил с этой пародией Галльской Империи, но народ не забыл двух смельчаков, и легенда сделала из них жертвы тирании и даже — христиан[202].

Едва устранена была эта опасность, поднялась новая. Один военачальник, менапий родом, Марк Аврелий Карузий, отличившийся в борьбе с багаудами и поставленный для охраны северного побережья против франков и саксов, начал с того, что мирволил им, чтобы получать часть в их добыче, а затем, чтобы избежать грозившей ему кары, — поднял мятеж. Он отплыл в Британию с порученным ему флотом, провозгласил себя августом и захватил Гезориак. В его лице новый Постум являлся в Галлии, не менее первого честолюбивый и талантливый. Только первый боролся с нашествием варваров, второй готовился открыть ему двери. План его, по-видимому, заключался в том, чтобы на берегах Ла-Манша и Северного Моря создать государство полуримское, полуварварское — в итоге, впрочем, более варварское, чем римское. В течение 7-ми лет (286—293 гг.) могло казаться, что он преуспел в этом. Максимиан был слишком занят Рейном, чтобы вести борьбу до конца. После первого поражения 289 года он признал совершившийся факт в договоре, бесславном для Рима и невыгодном для Галлии, которая поставляла в Британию скот и хлеб, ибо хотя договор возобновлял торговые сношения, но ставил их в зависимость от воли узурпатора.

Подобные факты были причиной установления тетрархии в 293 году. Она сделала Империю сильнее, и новый галльский цезарь Констанций Хлор немедленно осадил и взял Гезориак. После этого поражения Карузий погиб, убитый одним из своих приближенных, Аллектом, который заставил провозгласить себя августом. Британия, впавшая в состояние тяжелой смуты, звала освободителя, и в 296 году долго готовившаяся и умело проведенная экспедиция восстановила в ней римское владычество.

Галлия вздохнула свободно под управлением Констанция Хлора. Рядом успешных походов он установил спокойствие на границе. Свойственный ему широкий дух терпимости ограждал его подданных от религиозных преследований, свирепствовавших по всей Империи. Его просвещенное и благодетельное управление излечило многие раны. Главным делом его — по крайней мере, самым известным — является восстановление Отена и его школ. Они были вновь заложены в 296—297 году с большим торжеством, под председательством знаменитого ритора Евмена, произнесшего по этому поводу одну из самых блестящих своих речей. Констанций получил здесь несколько высокопарные, но искренние свидетельства общественной признательности. Он любил галлов и был ими любим. Став в 305 году августом на место Максимиана, он не переселился в Милан и, предоставив Италию своему цезарю, Флавию Северу, остался в стране, где чувствовал себя дома.

Он умер 25 июля 306 года в Британии, в своем Эбродунском дворце (Йорке), как всегда, на посту, руководя отсюда экспедицией против пиктов. Его сын Константин приехал к нему за несколько месяцев до его смерти. В Византии к нему относились подозрительно со времени раздела, в котором он был обделен[203], и он скрылся с некоторым риском от двора Галерия. Настояния солдат возвратили ему отцовское наследие. Правда, вместо титула августа, который они ему

дали, он в конце концов опять должен был довольствоваться титулом цезаря, но это номинальное понижение не уменьшило его действительной власти. Под его управлением Галлия жила в мире, в стороне от смут, в которых погибала система Диоклетиана. Спокойствие в ней было только несколько нарушено честолюбивыми притязаниями Максимиана. Старый император не мог примириться со своим отречением. Изгнанный отовсюду, он нашел прибежище у Константина, которого сделал своим зятем, ища его поддержки. Он получил почетное гостеприимство в арльском дворце со всевозможными почестями, но без всякой власти. Тогда он попытался возмутить Нарбоннскую провинцию, был захвачен в Марселе, прощен, а через год снова начал свои интриги, за которые на этот раз расплатился жизнью (310 г.), только упрочив популярность галльского цезаря. Вторая династия Флавиев стала по ту сторону Альп как бы национальной династией.

Победитель 312 года и владыка всего Запада, Константин не покинул Галлии. Отсюда, — он это чувствовал, — шла его сила. Он возвратился сюда в 313 году, подписав Миланский эдикт, и уехал только в 314 году в поход против Лициния. Здесь мы снова видим его в 316 году. Мы можем проследить за ним через Трир, Вьенну, Арль, где родился Константин II, первый сын от брака с Фавстой, дочерью Максимиана. Затем он был в Галлии в 328 году, но с 320 года его заменял здесь Крисп, сын его от наложницы Минервины. Он провозгласил его цезарем, — титул, не имевший прежнего своего значения: Крисп был подручником, а не товарищем отца. Он с честью выполнил свою миссию и покинул свой пост только в 323 году, чтобы принять участие во второй войне с Лицинием. В 332 году управление Галлией было доверено Констанцию, второму сыну Фавсты, а в 335 году последний был заменен Константином II.

Константин умер в 337 году, оставив трех сыновей: Константина II, Констанция и Константа. Их первым актом было избиение всего, что могло мешать их семье. Затем они поделили Империю. Константин II получил Галлию с Испанией и Британией, Констанций — Восток, Констант — Италию, Грецию, Африку. Через два года между западными августами вспыхнула война. Константин был разбит при Аквилее в 340 году и Галлия перешла под власть Константа.

Через два года его низверг военный заговор, отдавший власть офицеру-германцу, из семьи летов, Магну Магненцию. В условленный день он явился в пурпуре на пир в Отене, где главные вожди армии приветствовали его, как августа. Констант в это время охотился в широких лесах, окружавших город. Услышав о происшедшем, он бежал, галопом домчался до Пиренеев, но в момент, когда он готовился их переехать, был умерщвлен подосланными убийцами в маленьком городке Гелена (Эльн), древний Иллиберис. Магненций был признан везде на Западе, кроме Италии, где племянник Константина I Непотиан заявил о своих фамильных правах, и Иллирии, где дунайская армия, в пику рейнской, выставила своего вождя Ветраниона. Попытка Непотиана была залита реками крови, и Магненций остался господином всего Запада, кроме Иллирии, которую Ветранион передал Констанцию (330 г.).

Констанций был мало симпатичен латинским народам. Всеми своими вкусами и пороками он принадлежал Востоку. Кроме того, он был арианин, а в эту эпоху, когда религия и политика тесно связывались, — ненависть к арианству была одной из форм проявления вражды Запада к Востоку. Магненций — не очень, правда, усердный христианин — эксплуатировал это чувство, не забывая также оказывать всевозможное внимание язычникам. Армия последовала за ним, отчасти подстрекаемая чувством чести, отчасти купленная его щедростью. Он имел все, чтобы увлекать солдат: природное красноречие, красивую внешность, военные замашки. При Мурзе возле Дравы, в Паннонии дано было самое кровопролитное сражение IV века (351 г.). Магненций, подавленный соединенными силами Ветраниона и Констанция, ускользнул, однако, от уставшего победителя. Он два года держался в Юлийских и Коттийских Альпах, потом укрылся в Лионе, где покончил самоубийством, сперва умертвив свою мать и оставив полумертвым своего младшего брата Дезидерия, которого ранее сделал цезарем. Дезидерий оправился от ран и изъявил покорность. Другой брат Магненция, облеченный тем же титулом на Рейне, Деценций — показал больше мужества: он перенес свою ставку в Санс, попытался одушевить его к борьбе и, не успев в этом, покончил с собой (335 г.).

Констанций был жесток. Он издал в Лионе эдикт об амнистии в очень уклончивых выражениях, которые не обязывали его ни к чему. Над Галлией повис террор... А Констанций в это время торжественно вступал в Арль, окруженный помпой, которая должна была поразить воображение населения. Он пробыл там несколько дней и затем после похода против аламаннов вернулся в Италию (354 г.).

Снова открывается эра *пронунциаменто*. Они возобновятся с попыткой начальника пехоты франка Сильвана, которого втянули в нее интриги двора, и который, будучи сперва ложно обвинен в предательстве, кончил тем, что совершил его. Эта попытка была скоро подавлена. Память о Константине была жива и хранила его сына против варварских узурпаторов, но она не спасла его, когда явился соперник из его собственной семьи.

Констанций был бездетен. Из дома Флавиев оставались только два племянника Константина, забытые, благодаря их молодости, в резне 337 года. В 351 году Констанций поставил старшего — Галла во главе Востока, но через три года, недовольный им, передал его в руки палача. Младший, Юлиан, остался под подозрением, но бунт Сильвана дал императору хороший урок, и Юлиан, провозглашенный цезарем, спешно послан был в Галлию в 355 году. В начале 356 года он вступал во Вьенну.

Галлия была в отчаянном положении, тем более, что в борьбе с Магненцием Констанций призвал варваров. Бунт Сильвана окончательно дезорганизовал оборону. Франки и аламанны рассыпались по левому берегу Рейна. 45 крепостей — между ними Вормс, Кельн, Страсбург, Майнц, — попали в их руки[204]. Они располагались в захваченных городах, ссылаясь на обещания императора.

Римская армия, лишенная руководства, бессильно боролась между Сеной и Марной и не могла прикрыть центральных областей: довольно было нескольких лет, чтобы уничтожить дело Констанция Хлора и Константина.

Юлиан не обманывался насчет мотивов, определивших решение Констанция. Он знал, что его посылают к галлам не для того, чтобы он правил ими, а для того, чтобы польстить их гордости, давая им — как он выражался с горечью, — императорский манекен. Его полномочия были строго определены, он был окружен чиновниками и полководцами, всюду мешавшими ему — несомненно, по желанию императора. Он не имел опыта ни в войне, ни в политике и, по-видимому, не любил их, — он, проведший свою юность в школе и не подготовленный к своей трудной задаче. Но его ум и воля окрепли в годы гонений, и военные инстинкты его семьи жили в его душе. Из этого ученого и философа события скоро сделали энергичного вождя и отличного администратора.

В июне 356 года он освобождает Отен, а затем во главе небольшого отряда смело пробирается среди тревожащих его поминутно шаек — к Реймсу, где ждет его главная армия под предводительством Марцелла. Затем он переходит Вогезы, очищает страну от Страсбурга до Кельна и, наконец, захватывает последний в сентябре. Следующей зимой, неожиданно захваченный большим войском аламаннов в Сансе, где он остался с горстью солдат, вследствие преступного бездействия Марцелла, он обязан был спасением только мужеству гарнизона и усталости осаждавших. На 357 год он создал новый план раздавить варваров между двумя дивизиями, идущими из Бельгики и Реции. План этот удался только наполовину, по вине начальника пехоты Барбатиона. Тот же Барбатион задержал Юлиана на Рейне и отказал ему в средствах перехода через реку. Аламанны снова стали смелее. Собрав огромную армию, они разделились по страсбургской равнине. Здесь Юлиан командовал один, и здесь была им одержана решительная победа (359 г).

И после этого он остался начеку. Каждую весну он совершал походы, — большей частью против франков. Впрочем, это были экспедиции второстепенного значения, не мешавшие ему направить главные заботы на внутреннюю администрацию, на борьбу с главным злом — тяжестью обложения, обусловленную злоупотреблениями сборщиков. Эта упорная борьба и то облегчение, которое он доставил своему народу, есть одна из прекраснейших его заслуг, — не менее, впрочем, горячо оспариваемых, чем значение других его деяний[205].

Правление Юлиана составляет эру в истории Франции. Это — момент, когда Париж выходит из неизвестности и начинает играть роль столицы. Эту привилегию обусловливает не только его стратегическое положение на равном расстоянии между Германией и Британией, около устья долин, протянувшихся от Верхнего и Нижнего Рейна, — достаточно близко от неприятеля, чтобы не терять его из виду, достаточно далеко, чтобы быть от него в безопасности. Юлиан особенно любил это место. Не раз впоследствии, с другого конца римского мира мысль его переносилась к «милой Лютеции». Он сам описал нам свою жизнь в прекрасном

Дворце Терм. Тут отдыхал он от походов, днем занятый делами, ночью — чтением и размышлениями. Тут он был провозглашен августом.

Наконец он вступает в борьбу с Констанцием и со своими собственными приближенными. Удержав префекта Флоренция, он отставил Марцелла и Барбатиона. Его растущая слава набрасывает тень на императора. Тогда последний отозвал от него его доверенного, галла Саллюстия, и лучшую половину его армии. Эта мера оправдывалась войной с персами, но она опять подвергала опасности Галлию и вызвала недовольство солдат. Однако Юлиан хотел выполнить приказ императора и просил вести армию не мимо Парижа, где вид любимого вождя мог вызвать новый взрыв сожаления. Это распоряжение не было выполнено, и что предвидел Юлиан, то случилось. Крики «Юлиан — август!» — раздались около его дворца. Они гремели всю ночь. Враги Отступника не верят в искренность отречения, каким он ответил на требования армии. Его сторонники не менее горячо убеждены в ней. Волей или неволей, на другой день он уступил и облекся в пурпур (май 360 г.).

Галлия была очарована молодым героем. Правда, он был грек и плохо знал латынь. Это давало повод к некоторому предубеждению против него, но весь его склад был не похож на то, что характеризовало двор Констанция. Он жил просто, без парада и без этикета, как истый ученик Марка Аврелия, а не как восточный император. Язычники ждали от него, ввиду всем известных его склонностей, восстановления культа. Христиане, которых он еще не оттолкнул своим «отступничеством», одобряли его образ действий по отношению к православным епископам. Впрочем, большинство без колебаний предпочло бы даже государя, враждебного христианству — тому, кто был опорой арианской ереси. Христиане и язычники признавали в нем спасителя. Блеск его заслуг оттенялся контрастом с действиями Констанция: Констанций в свое время, чтобы отвлечь Магнеция, разнуздал варваров. Теперь, чтобы отвести еще более опасную грозу, он замышлял новое предательство. Нашлись его письма, доказывавшие сообщничество с варварами. Приверженцы Магненция, избежавшие преследований, стекались под знамена Юлиана. Кровь других требовала отмщения. Эти разнообразные мотивы слились в общий порыв: города начали доставлять подкрепления. Армия, отказывавшаяся сражаться за императора, с воодушевлением двинулась на поддержку его соперника. Граница осталась открытой, но, казалось, имени Юлиана было достаточно для ее защиты, и пока он жил и царствовал, эта вера оправдалась.

Опасность снова ожила, когда узнали о его смерти и победе персов (363 г.). Иовиан, провозглашенный императором на поле битвы, в беспорядке поражения успел только подписать самый позорный мир. Валентиниан, наследовавший ему через 8 месяцев, оставил Восток своему брату Валенту и сам взял Запад. В течение десяти лет он не покидал Галлии, то сражаясь с варварами, то следя за ними из Трира, Реймса или Парижа. Это был человек суровый, резкий, часто жестокий и безжалостный, когда он считал задетым публичный интерес, но в общем, энергичный и верный слуга государства. Найдя аламаннов на Марне, он разбил

их в окрестностях Шалона, прогнал в их страну, в Шварцвальд, где нанес им новое поражение. Еще раз появились римские орлы на Десятинных Полях. Но уже прошли те времена, когда могли думать о переходе за линию Рейна. Валентиниан понял это и удовольствовался тем, что обеспечил защиту реки рядом укреплений, которые обороняли Галлию в течение 40 лет до великого нашествия 406 года. Смерть постигла его в дунайских провинциях в 375 году.

Еще в 367 году, оправившись от болезни в Амьне, он представил армии и провозгласил прямо августом своего восьмилетнего сына Грациана. Ему было 17 лет, когда он стал наследником своего отца. У него был еще младший брат от другой матери, Валентиниан II, 4-летний ребенок. Ему он уступил Италию, Африку и Иллирию. Он считался их государем, под опекой матери и фактической властью старшего брата, который, таким образом, остался господином всего Запада, а впоследствии и Востока, после того, как его дядя Валент в 378 году погиб у Адрианополя в сражении с готами. От этого нового бремени он предпочел отказаться, возложив его на Феодосия (379 г.).

Царствование Грациана открылось счастливо. Молодой государь привлекал к себе личным очарованием, изящным умом, сердечной добротой. Воспитанник Авзония и Амвросия, он соединял с любовью к языческой литературе — религиозное рвение христианина, никогда, впрочем, не проявлявшееся в преследованиях. Талантливый полководец, он умело провел кампанию против аламаннов, кончившуюся блестящей победой у Аргентарии (в окрестностях Кольмара). К несчастью, он был лишен качеств отца — сильной воли и трудолюбия. Когда стала проявляться его страсть к наслаждениям, которой он жертвовал своими обязанностями государя и деньгами подданных, любовь к нему сменилась разочарованием. С другой стороны, в армии назревал конфликт между римскими и варварскими офицерами, который Грациан обострил, отдавая предпочтение последним. В 383 году вспыхнул бунт в Британии. Максим, начальствовавший там, провозгласил себя августом и перешел со своими отрядами на континент. Около Парижа произошла встреча. Дело даже не дошло до сражения. Грациан, разоренный своей расточительностью, не мог бороться с щедрым соперником. Его покинули все, и города закрывали перед ним ворота. Один предатель открыл ему ворота Лиона и убил его. Ему было 24 года (383 г.).

Максиму удалось привлечь на свою сторону и духовенство, подчеркивая свои православные мнения, в противовес арианству Валентиниана II и Юстины. Вместе с тем он стремился сохранить языческие симпатии Рима. Эта двойная игра одно время удавалась ему. Валентиниан II вынужден был просить мира, Феодосий был слишком занят. Оба они признали за узурпатором и его сыном титул августа. В 387 году Максим бросился на Италию. Валентиниан II с матерью искали прибежища у Феодосия. Он не мог больше уклоняться от борьбы. Война сосредоточилась в Восточных Альпах, на той самой линии, где столкнулись ополчения Магненция и Констанция. Разбитый несколько раз, Максим был выдан победителю своими же солдатами и обезглавлен (388 г.).

Государства Валентиниана II удвоились. Но ему было всего 17 лет, и он был неизбежно только помощником своего могущественного коллеги. Императоры расстались в 391 году. Феодосий вернулся в Константинополь, Валентиниан переселился в Трир, куда его призывала новая гроза нашествий. Предводителем галло-римской армии был Арбогаст. Франк по рождению, но преданный Империи и любимец армии, он был фактически хозяином Галлии, не скрывал этого и не намеревался поступаться своей властью. С другой стороны, Валентиниан, с его смиренными монашескими привычками, вовсе не хотел отказаться царствовать. Он хотел сбросить иго своего опекуна и, покинув Трир, казавшийся ему ненадежным, уйти или, лучше сказать — бежать во Вьенну. Его тиран последовал за ним. Через несколько дней несчастного мальчика нашли повешенным на дереве (392 г.). Арбогаст отрицал свою вину в этой смерти и приписал ее самоубийству.

Он не принял титула августа и облек им ритора Евгения, отдав ему видимость власти и оставив себе ее сущность. Оба были язычники. Их воцарение было знаменем реакции, когда паганизм собрал все силы для последней битвы. Римские язычники ответили на призыв галльских. Набожный Феодосий, в свою очередь, двинулся как бы в священную войну. Сражение дано было вблизи Аквилеи. Евгений, взятый в плен, был обезглавлен, Арбогаст, ускользнувший от преследования, покончил с собою (394 г.).

Феодосий всего на несколько месяцев пережил свою победу: он умер в Милане 17 января 395 года. Не без известного основания называют этот момент «концом античности». Христианство победило окончательно. Единство Империи, в последний раз установленное последним из великих императоров, разбилось навсегда после его смерти, а при его преемниках началось окончательное крушение Империи: из своего равеннского двора Гонорий мог наблюдать взятие Рима и основание первого варварского королевства по эту сторону Рейна. Таким образом, мы имеем основание закончить здесь историю Галлии под римским владычеством.

КНИГА ПЯТАЯ
ГАЛЛО-РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

ГЛАВА I
ГАЛЛО-РИМСКИЕ ГОРОДА[206]

I. Нарбоннская Галлия. — II. Лион — столица Галлии. — III. Три провинции. Аквитания. — IV. Лионская. — V. Белгика и две Германии.

I. Нарбоннская Галлия[207]

Преобразование Нарбоннской Галлии связано с падением Марселя. Война между Цезарем и Помпеем поставила массалиотов в затруднительное положение, так как они имели обязательства относительно обоих. Но нейтралитет был невозможен, а аристократические симпатии Марселя слишком определенны, потому-то он стал на сторону Помпея. Однако и для Цезаря Марсель был слишком важен. В конце апреля 49 года он послал туда под предводительством Требония три легиона, которые осадили город с противолежащих высот. Децим Брут, явившись сюда с эскадрой, наскоро построенной в Арле, замкнул круг перед портом. В этот опасный момент фокейский город проявил энергию былых дней. Осада длилась 4 месяца. Операции происходили одновременно на суше и на воде. Дважды разбитые на море, массалиоты упорно защищались на континенте. Голод и чума избавили осажденных от полного разгрома, принудив их сдаться.

Тогда Цезарь явился из Испании и продиктовал свои условия. Они были сравнительно умеренны, — в уважение к великим воспоминаниям побежденного города. Цезарь оставил ему прежнюю автономию и суверенные права, кроме права чеканки монет, но он взял его военные запасы, его казну и отнял почти всю его территорию. Марсель мог еще гордиться именем свободного города, он сохранял до II века учреждения, вызвавшие восхищение Аристотеля, он остался очагом эллинизма на западе — слабое вознаграждение за пустые арсеналы и срытые стены, за конфискацию земель, за уменьшение доходов, за грозящую гибель его торгового преобладания в пользу соперников, которых ему не замедлили выставить!.. С этого времени он становится только тенью себя самого, и лишь через много веков, в эпоху крестовых походов, он снова займет то место, которое обусловливалось его прекрасным местоположением и славным прошлым.

В самом Риме представителям старшего поколения тяжело было смотреть на крушение давней союзницы республики, павшей жертвой своей верности делу сената и той партии, которую тогда называли «партией честных людей». Но и для Рима, и для Галлии эта катастрофа имела скорей благие последствия. Марсель мало сделал для материального и морального прогресса страны, подчиненной его власти или его влиянию. Вместе с тем он мешал другим делать то, чего не умел или не хотел делать сам. Он не допускал иного влияния, кроме своего, на обширном районе от Пиренеев до Альп. Таким образом, события, которые свели его

территорию к округу в несколько километров и узкой береговой полосе, представляются делом самой судьбы, расчищавшей путь гению Цезаря.

Наследник Гракхов, он усвоил их программу, чтобы приложить ее к той самой провинции, которая 70 лет тому назад привлекла внимание партии реформы. Нигде семя латинской культуры не могло пасть на лучше подготовленную почву. Умы были уже захвачены интересом к ней, Италия была близко. Юго-восточная Галлия представлялась естественным продолжением полуострова, не только географически — своим положением, но и продуктами почвы, характером пейзажа, прелестью климата.

Колонии, рассеянные в Нарбоннской Галлии, не все были основаны Цезарем, но все возникли по его замыслу и плану. Триумвиры и Август, организовавшие их, большей частью только вдохновлялись его мыслью[208].

Естественно, что в этих проектах первое место занимала сама Нарбонна — столица провинции. Она с самого начала войны возведена была как колония. По своему положению и цветущей торговле она казалась предназначенной к тому, чтобы принять наследство Марселя.

В 46 году, когда остатки республиканской партии еще бились в Испании и Африке, сюда была послана под предводительством Тиберия Клавдия Нерона (отца будущего императора Тиберия) группа новых колонистов из X-го легиона, особенно дорогого Цезарю своей энергией и преданностью. Отсюда имя — Colonia Julia Peterna Narbo Martius Decumanorum, к которому при императоре Клавдии прибавлено было Claudia.

От этого блестящего периода в Нарбонне сохранилось несколько архитектурных обломков и богатая коллекция надписей. В течение двухсот лет она считалась самым богатым и населенным городом Галлии. Но она не могла удержаться на этой высоте, и притом она находилась слишком далеко от Роны, чтобы заменить Марсель. Эту роль у нее отнял Арль. Другим соперником являлся Ним, родина семьи Аврелиев, в силу чего ему особенно покровительствовал император Антонин. Ужасный пожар, уничтоживший в это же царствование часть города, окончательно отодвинул Нарбонну на второе место, хотя щедрость императора стремилась залечить следы катастрофы. В это время она должна была уступить Ниму роль проконсульской резиденции, которую занимала более 300 лет. Все же она сохраняла важное значение до конца Империи, и даже позже. Ее порт, ныне засыпанный, разворачивался в несколько бассейнов. Если она не была рынком ни для востока, ни для севера Галлии, зато она доминировала над юго-западной дорогой, которая через долину Оды и ущелье Норузы сообщается с областью Гаронны и соединяет Средиземное Море и Океан.

На противоположной оконечности средиземноморского побережья Франции возвышается город Фрежюс. Он унаследовал военное значение Марселя. Само место, по-видимому, было не особенно благоприятно для большого военного порта. Он был лишен естественной защиты: ее компенсировали искусственные сооружения. Зато это был первоклассный стратегический пункт. Здесь берег

внезапно меняет свое западно-восточное направление на северо-восточное, как бы поворачивая лицо к Италии. Приблизительно в середине этой линии, между массивами Морских гор и Эстерели открывается долина Аргента, — единственный проход в этой крутой стене, тянущейся над морем до Генуи. Через долину Нартубии он соединяется с Дюрансой и ведет в Альпы, а через долину Арка — в нижнюю область Роны. Эти две дороги имели капитальное значение. Одна вела через Альпы и низкие плато Швейцарской Юры к германской границе, через другую можно было проникнуть и на север, и на юг, и на запад. Очевидно, что порт, стоящий на скрещении этих дорог, должен был стать отправным пунктом не только навигации, но и внутреннего обращения, ключом Средиземного Моря для Галлии, как говорит Тацит, и ключом Галлии для Италии.

Здесь был основан сначала только Forum, т. е. рынок, но не городская община. Цезарь дал ему свое имя — Forum Jylii (Форум Юлия) и возвел или завещал возвести его в колонию. Но истинным творцом Фрежюса был Август. В 30 или 29 году он послал туда избранных моряков, сражавшихся при Акциуме, вместе с кораблями, захваченными у неприятеля. «Колония ветеранов VIII легиона» получила еще имя «Колония Флота и Мира» — Colonia Octavanorum Pacensis Classica Forum Julii — в память о победе, обеспечившей мир и новые судьбы миру.

«Древняя славная колония Фрежюс» — теперь простое местечко. Путь, во главе которого он стоял, стал ныне только окольной дорогой, но развалины, в которые вросли новые дома, занимающие лишь небольшую часть прежнего пространства, говорят еще о былом величии галло-римского Тулона. Военный город по преимуществу, Фрежюс оставил, главным образом, эпитафии солдат. Лучше всего сохранившихся его зданиях ясно выражен его военный характер. Есть в нем и другие памятники: его театр и амфитеатр — не меньше арльского и нимского, линии водопровода напоминают величественные очертания водопроводов римской Кампаньи. От портика, тянувшегося некогда по набережной, осталась одна арка, которую называли за ее декоративный убор — «Золотыми Воротами». Но все это по интересу своему не пойдет в сравнение со стенами Фрежюса. Они поднимаются на высоту 9 метров, местами совершенно нетронутые, с двумя цитаделями, которые венчали их с востока и запада, с хранилищами для съестных припасов и оружия, устроенными, как и казематы, под землей. Порт этот был один из самых обширных на Средиземном Море — обширнее марсельского и немногим меньше Остии. Он был защищен стеной и молом, основания которого лежат теперь на давно уже высохшем дне. Людской труд ввел море в этот бассейн. По небрежности людей земля снова отвоевала место у волн. Это произошло, вероятно, после упразднения здесь флота. Окончательное замирение Галлии вызвало эту меру, — вероятно, во II веке. С ним связано быстрое падение Фрежюса.

Третий порт, созданный или, вернее, развитый Цезарем, был Арль. Ронская дельта, вершину которой он занимает, сильно изменилась с древности. Плотины, построенные в XIII или XII в., а может быть и раньше, для защиты Камарга

против разливов реки, превратили в нездоровую пустыню некогда населенную и плодоносную страну. Марий облегчил ее сношения с морем, заставив своих солдат прорыть канал, начиная от залива Фоз, доныне в своем имени хранящего память о Fossae Mariae (Канал Мария). Эта работа, выполненная с целью доставления припасов армии во время войны с тевтонами, оказалась полезной и для мира. Арль зависел в то время от Марселя. События 49 года положили конец этой опеке. Цезарь скоро обратил внимание в эту сторону. Он построил в Арле флот, командование которым поручил Децию Бруту. Три года спустя он послал сюда ветеранов VI легиона и основал здесь Colonia Julia Paterna Arelatensium Sextanorum — единственную, кроме Нарбонны, созданную им при жизни. Он дал ей большую территорию, которую вырезал из марсельских владений — от Дюрансы и Роны до пределов владений Фрежюса.

Арль, не переставая, рос до IV века — апогея своего величия, удержав свое первенство и в новом мире, вышедшем из варварских нашествий. «Галльский Рим» стал столицей арльского королевства и до возрождения Марселя остался царицей юга. Его театр и амфитеатр, его «арены», как их называли, восходят к лучшей архитектурной поре II и, может быть, даже I века. Константин возвел его в качестве столицы. Он часто жил в нем и построил себе там дворец, остатки которого сохранили византийское имя Trullum (Трулл) (la Trouille — ла Труй). Позже, когда пришлось покинуть линию Рейна, галльский префект претория переселился в Арль и управлял оттуда Галлией, Испанией и Британией. Валентиниан и Гонорий осыпали милостями константинов город. В 418 году сын Феодосия созвал в его стенах депутатов юго-западной и юго-восточной Галлии. «Таково положение этого города, — замечает он в напыщенной речи, мотивировавшей этот выбор, — таков круг его сношений, такова масса посещающих его, что нет места в мире, которое в такой мере могло бы распространять земные дары во все концы мира. Пышный Восток, благовонная Аравия, изнеженная Ассирия, плодородная Африка, гордая Испания, живая Галлия: все страны сходятся сюда на свидание, принося, что у них есть лучшего. Можно думать, что земля порождает здесь все, что мир считает прекрасным. Рона и Тиренское море смешивают здесь свои воды, как бы для того, чтобы соединить народы, чьи земли они орошают и омывают берега».

Торговля создала благосостояние Арля: с дорогами, которые скрещивались на его территории, с двумя портами, открытыми, один — морской навигации, другой — речной флотилии, он мог стать одним из великих рынков Запада. Его корабельщики составляли могущественные корпорации. Этот город торговли был одновременно городом роскоши и наслаждений. Здесь любили красоту. Нигде эллинское искусство не было представлено в таком множестве изящных образцов, как здесь. Впоследствии оно уступило место христианскому искусству, чтимым памятником которого является кладбище Elysii Campi (Alicamps — Аликам).

К этим морским колониям следует прибавить три внутренние — Безье, Оранж и Вьенну.

Безье, основанный ветеранами VII легиона (Colonia Victrix? Julia Septimanorum Baeterrae) на скалистом плоскогорье, откуда он командовал долиной Орба, был одним из часовых на пути в Испанию. Географы I века относят его к важнейшим центрам южной Галлии. Впоследствии его значение падает: им перестают дорожить в эпоху, когда война шла только на границах. К счастью, он мог эксплуатировать ресурсы своей обширной территории. Особенно ценны были его виноградники. В конце Империи он будет играть роль маленькой столицы Нижнего Лангедока. Имя Септимании, которое давали этой стране, хранило до времен Карла Великого память о легионерах Цезаря.

Оранж, основанный ветеранами II легиона (Colonia Firma Julia Secundanorum Arausio), занимал важный стратегический пост при входе в большую долину Роны, где начинают раздвигаться горы, как бы сжимавшие своими стенами среднее течение реки. Его развалины — одни из самых красивых не только во Франции, но и во всем римском мире. Его театр — единственный в своем роде памятник, самый совершенный образец зданий этого рода. Его удалось реставрировать без особенных усилий, и это дало возможность доставить публике, собравшейся в его стенах, иллюзию античного празднества. Триумфальная арка не уступает своими размерами и богатством убора большинству римских. Бронзовые буквы надписи вырваны из мрамора, к которому они были прикреплены гвоздями. Несколько слов из нее удалось восстановить по следам. Если дополнить эти указания именами, написанными на барельефах, и представленными на них сценами, то мы определим с точностью если не дату сооружения, то, по крайней мере, повод, по которому оно было подновлено и заново украшено. Вероятно, арка была воздвигнута в память побед над галлами, причем последней, о которой говорится в посвящении, было подавление восстания Флора и Сакровира в 21 году по Р. Х.

Если Оранж запирал долину Роны с юга, то Вьенна защищала ее с севера. Она не носит имени легиона, так как первые ее колонисты вскоре ее покинули (см. § 2) и она, сохранив имя Julia Vienna (Юлия Вьенна), перестала быть римской колонией, но осталась колонией латинской, населенной вспомогательными отрядами.

Аллоброги, упорно боровшиеся с вождями республики, подчиняются Империи и с I-го века начинают пополнять многочисленными кандидатами кадры всадничества и сената. Клавдий называет их столицу «украшенной и мощной колонией Вьеннской». В эту пору она стоит ниже одной Нарбонны на юге. Позднее ее затемняет Арль, но в V веке она добивается первенства для своего епископа. Подобно Арлю, она занимала оба берега Роны, соединенные мостом, но один из них (ныне Сент-Коломб) был скорее предместьем — правда, блестящим и приятным для жизни. Собственно город сосредоточился на левом берегу. Здесь дома шли уступами, наверху венчавшимися линией укреплений. Единственное хорошо сохранившееся здание — храм Августа и Ливии. Это — «Квадратный дом» (Domus quadrata) Вьенны, менее известный, чем Нимский, но более чистый по стилю, несмотря на реставрации, которыми портили его в наши дни и в конце

Империи. Он возвышается на краю форума, двойные аркады которого еще сохранились.

Вьеннцы считались богачами. Этому легко поверить, когда видишь драгоценности, извлеченные из их жилищ, их мозаики, статуи... Город в целом получал большие доходы со своих имуществ. Ими управляли специальные магистраты, существовавшие только во Вьенне — triumviri locorum publicorum persequendorum (триумвиры, заведующие общественными имуществами). Вьенна получила самую большую после Арля территорию, но арльская была очень скоро уменьшена основанием малых колоний — за ее счет, а вьеннская осталась нетронутой до конца III века. Она охватывала всю прежнюю страну аллоброгов, занимая пространство между Изерой, Альпами и Роной, протягиваясь за Рону между Лионом и Турноном до Севенн. Она делилась на несколько поясов: выше — леса и альпийские пастбища, ниже — долина с ее хлебными полями, напротив — виноградники.

Из Вьеннской civitas вышли — Ост (Vicus Augustus), Аннеси (античное имя которого неизвестно), имевший много публичных зданий и даже амфитеатр, Экс (Vicus Aquensis), знаменитый своими водами, с богатой местной аристократией (могила семьи Кампани). Гренобль сначала был также простым виком (Cularo), который Грациан назвал в IV веке Грацианополисом. Сто лет спустя Диоклетиан и Максимиан, очарованные положением города у выхода долин Изеры, Романша и Драка, увеличили его, обнесли оградой с двумя монументальными воротами. Из них Porta Jovia (Порта Иовия) существовала до 1591 года, а другая — Herculea (Геркулея) была окончательно разрушена только в начале нынешнего века. Мы не знаем, в это время или при Грациане Гренобль стал civitas. Не знаем мы того же относительно Генавы (Женевы), важнейшего, после Гренобля, из вьеннских виков.

Вьенна скоро опять получила полное право civitates, которое она было потеряла. Калигула сделал ее снова римской колонией. Дольше ждал этой милости Немаус (Ним), вторая крупная латинская колония, переименованная в римскую только при Антонинах и населенная египетскими греками из армии Антония. Отсюда — пальма и крокодил на его монетах, а в наше время — на его гербе.

Ним всегда пользовался благоволением императоров, благодаря чему рано переменил имя Colonia Julia (Колония Юлия) на имя Colonia Augusta (Колония Августа). Приемный сын императора и предполагаемый наследник, Гай Юлий Цезарь считался его патроном. Когда в 1 году по Р. Х. он был назначен консулом, — город посвятил ему вместе с его братом Луцием знаменитый храм, известный под названием Квадратного Дома (Domus quadrata). Это здание прекрасно сохранилось: оно равно замечательно гармонией целого и изяществом деталей. К более ранней поре относятся хорошо сохранившиеся ворота величавого стиля, изящные и строгие. Они воздвигнуты были Августом в 16 году по Р. Х., одновременно с оградой. Амфитеатр, построенный, по-видимому, во II веке, рассчитан был на 20 тысяч зрителей. Впоследствии в его развалинах поместился целый квартал.

У подошвы Мон-Кавалье, до сих пор являющейся самым прелестным уголком города, группировались термы. Среди нагроможденных здесь развалин возвышается еще доныне изящное здание, вероятно, храм Источника Немауза, — одного из многочисленных речных богов. Он дал имя городу, и жители чтили его до конца языческих времен. И доныне освежает он пыльные улицы города своей струей, усиливающейся во время дождей. Впрочем, дожди редки в этой местности, и Ним был бы самым безводным городом Галлии, если бы не грандиозные сооружения римлян, не жалевших ничего, чтобы доставить самым скромным городам обильную и здоровую воду. В Ниме римские инженеры, можно сказать, превзошли себя. Известно замечательное сооружение, неточно называемое Пон дю Гард. Это — часть водопровода, перехватывавшего истоки Эры и Эрана. Водопровод, по которому спокойно бродят гуляющие, лежит на трех этажах аркад, брошенных великолепным изгибом над долиной Гардона. Впечатление, производимое этой массой, поразительно. Колоссальная и вместе с тем легкая, она внезапно появляется из-за поворота дороги в рамке прелестного пейзажа. Вода, проведенная в город, затем распределялась с помощью системы каналов, которую отчасти мы можем изучать и теперь.

Отметим еще так называемую «Tour haute» (Высокую башню) или Tourmagne (Турмань), возвышающуюся на холме над всей окрестностью и представлявшую, вероятно, гигантский мавзолей. Вот все сохранившиеся памятники, но сколько их исчезло! Нам известно, со слов биографа императора Адриана, что он воздвиг здесь, в честь своей благодетельницы Плотины, великолепную базилику. Но следов ее искали тщетно.

Своим оригинальным лицом Ним обязан смешанному населению. Здесь ревностно чтили национальных богов. Местные раскопки дали много кельтских надписей. Вместе с тем многое напоминает о восточном происхождении первых его колонистов: греческие имена и александрийские формулы постоянно попадаются в эпиграфике Нима. Замечательнее всего здесь распространенность египетского культа. Коллегии поклонников Изиды и Анубиса — единственные братства, которые до сих пор удалось установить в Ниме.

На правом берегу Роны романизация шла слабее. Полоса вдоль Севенн была небогата большими городами. На всем протяжении между Лионом и Нимом мы можем отметить только город гельвиев — Alba Helviorum (Альбагельвиорум) (ныне деревня Ап). Найденные здесь античные остатки не свидетельствуют об особенно блестящем прошлом.

Гельвии, прежние клиенты арвернов, были сначала причислены к Аквитании, откуда видно, что они стояли в стороне от движения, происходившего в Нарбоннской Галлии. Здесь, надо заметить, — не было путей сообщения до II века. Южнее, Каркассон (Colonia Julia Carcaso) получил от Цезаря титул колонии, но мы не знаем, долго ли он его сохранял: он как бы совсем исчезает из истории вплоть до Средних Веков. Кастель Руссильон (Colonia Ruscino) на испанской дороге и Лодев (Colonia Luteva) заслуживают только упоминания.

Тулуза — столица вольков-тектосагов заслужила немилость Рима своей изменой в эпоху кимврского нашествия. При Августе, правда, она получила латинское гражданство, но значение ее долго было слабо. Лишь к концу I века развивается в ней тот культ науки и литературы, который сделает из нее славный и до конца Империи «Город Паллады». Впоследствии Авзоний будет воспевать те «четыре города» (точнее — квартала), которые вышли из ее недр.

Между цепями Люберона и Венту (ныне — департамент Воклюз) открывается прекрасная страна, очень удобная для колонизации. В ней было основано 4 или 5 латинских колоний, не считая римской — Оранжа. Это — Авиньон (Avennio), Кавельон (Cabellio), Карпентра (Colonia Julia Carpentoracte), Ап (Colonia Julia Apta), Глан у Сен-Реми. Все это были города средней населенности, не составлявшие даже, может быть, городских общин. Но памятники их доныне поражают своим гордым величием. Все эти города имеют триумфальные арки. В Сен-Реми высится мавзолей Юлиев. Рука веков почти не коснулась его, оставив нетронутыми его надписи, барельефы, изящные детали его убора.

К западу между Арлем и Фрежюсом уже в 122 году создался укрепленный пункт. Цезарь возвел его в латинскую колонию, Август — в римскую. Он получил имя Aquae Sextiae (Воды Секста). Для него выделили небольшой округ из территории Арля. На высоте 600 метров, у подножия высоких Альп, на двух притоках Дюрансы высились колонии Динь (Dinia) и Рьез (Julia Augusta Apollinaris Reiorum). Первая стала ныне центром департамента, вторая замечательна в особенности своими развалинами. В нескольких километрах от Роны находилась Colonia Augusta Tricastinorum (ныне Сен-Поль-Труа-Шато). Наконец, вверх по ее течению мы находим колонию Valentia (Валентия) (Валанс), граничащую на севере со Вьенной.

В стороне от Роны, в долинах Увеза, Эга и Дрома обитало племя воконтиев — единственное, сохранившее наряду с Марселем свои национальные учреждения, в качестве союзного народа, что не мешало ему получить латинское право и всецело проникнуться римской культурой. Они имели две столицы: Вазио (Везон) и Lucus Augusti (Роща Августа) (Люк). Последний был созданием Августа, давшего ему, вероятно, право римского гражданства. Его вскоре затмил другой город Dea Augusta Vocontiorum (Деа Августа Воконтиогум) (Die) на том же пути к Монт-Женевр: Богиня Августа, давшая ему свое имя, была перелицована из кельтской богини Андарты, слившейся под конец с великой фригийской матерью. Потому-то Ди был святым городом, центром паломничества. Политическим центром был Вазио.

Рядом с официальной, военной колонизацией в стране происходила и другая. Войны триумвирата, проскрипции, конфискации выбросили на большую дорогу массу экспроприированных собственников. Неудивительно, что они кинулись за Альпы искать лучшего будущего.

Мы не знаем размеров римской эмиграции в Галлии. Конечно, она составляла небольшую часть, по сравнению с местным населением, но будь она слишком

мала, — оказалась бы необъяснимой глубокая и быстрая романизация страны. Чтобы судить о ней — недостаточно бросить взгляд на города. Нужно порыться в самых глухих деревнях, самых отдаленных округах, собрать все похороненные в них надписи, обломки; надо сосчитать, сколько рекрут доставила Империи Нарбоннская Галлия. Как и Цизальпинская Галлия, как и Испания, она сделалась для истощенного Рима источником омоложения. Мы увидим впоследствии (в гл. II, § 2), что она дала для литературы. В области политики достаточно назвать имена двух вьеннцев: Помпея Вописка, которого Оттон сделал консулом, и Валерия Азиатика, дважды бывшего им (при Калигуле и при Клавдии) и едва не добившегося звания императора; затем имена Юлия Агриколы из Фрежюса — тестя Тацита, победителя бриттов, Тита Аврелия Фульва из Нима, деда императора Антонина, делившего консульство с Домицианом, Антония Прима из Тулузы, плохого гражданина, но храброго солдата, военные таланты которого так много дали Веспасиану... Плиний Старший имел право писать в 77 году: «Своей цветущей культурой, изобилием материальных благ, высокими качествами своих нравов и своих обитателей Нарбоннская не уступает никакой другой провинции. Это — даже не провинция, это — сама Италия»[209].

II. Лион — столица Галлии[210]

Если преобразование Нарбоннской Галлии связано с падением Марселя, то основание Лиона открыло новую эру для остальной Галлии.

Колонизация Нарбоннской задела много местных интересов. Ограбленные туземцы сдерживались, пока был жив Цезарь. Его смерть и возобновление гражданских смут придало смелости недовольным, тем более, что опора колонии — ветераны Цезаря были отозваны на театр войны. Движение вспыхнуло во Вьенне. Поселившиеся здесь римляне вынуждены были бежать. В другое время этот бунт не остался бы безнаказанным. Лепиду на юге Нарбоннской, Мунацию Планку на севере, казалось, довольно было мановения руки, чтобы двинуть свои армии и смыть в потоках крови оскорбление, нанесенное римскому имени. Но обстоятельства внутренней политики придали делу иной ход. Аллоброги стали на сторону сената: правда, они сильно страдали под его управлением, но значение великого переворота, совершавшегося в Риме, ускользнуло от их взгляда, а так как ненавистные для них ветераны Цезаря объявили себя против его убийц — то этого было довольно, чтобы туземцы перешли в противоположный лагерь. Поэтому сенат посмотрел сквозь пальцы на поступок вьеннцев и только постарался вознаградить изгнанных колонов. Вместо того, чтобы идти к Лепиду, в округ которого они входили, последние беспорядочной толпой двинулись к Мунацию Планку, который был ближе. Ввиду этого сенат поручил устройство их обоим вождям, а так как вскоре Лепид, перешедший на сторону Антония, был объявлен вне закона, то исполнение декрета пало на одного Планка. Таким образом, в 43 году (между июлем и ноябрем) была основана колония Лион.

Он не забыл вражды, окружавшей его колыбель. Когда столетие спустя, в смутах, сопровождавших падение Юлиевой династии, Вьенна высказалась за Виндекса и Гальбу, лионцы, остававшиеся верными Нерону — после его смерти примкнули к Вителлию, и Вьенна, предназначенная в добычу солдатам Валента, избавилась лишь при помощи большого выкупа. Только долгий мир эпохи Антонинов стер окончательно следы старой вражды.

Планк еще при жизни видел рост посаженного им семени, и в надписи, начертанной на великолепной могиле, которую соорудил для себя в Гаэте, увековечил память об этом. Подозревал ли этот ловкий интриган, что это единственное плодотворное дело его шумной жизни — дело, достойное ученика Цезаря и сотрудника Августа? Нет путника, который, остановившись на высотах лионского Фурвьера, не залюбовался бы открывающейся великолепной панорамой. Эта удивительная обсерватория давала римлянам не только зрительное наслаждение. Здесь, в этом умеренной высоты плоскогорье — они угадали, как говорит Страбон, центральное укрепление, акрополь Галлии. И доныне значением своим Лион обязан выгодам географического положения. Каковы должны были быть они для него в те времена, когда Пиренеи, с одной стороны, Альпы с другой — стояли стенами, почти без дорог, прорезанные редкими ущельями. Долины Роны и Соны — направо соединяющиеся с Рейнской, налево — с долиной Соны, были единственной дорогой с юга на север. Лион, поставленный на полпути, держал ключ того таинственного мира, куда Рим начинал только проникать силой своего оружия и своей культуры. Для победителей, пришедших от берегов Средиземного моря и уже овладевших странами, которые оно омывает — только здесь и могла быть столица Галлии: отодвинутая к северу, она потерялась бы в окружающем варварском мире. Опираясь на Нарбоннскую провинцию, она имела оттуда материальную поддержку и, связывая ее с тремя другими, получала от этого очага лучи, которые, в свою очередь, рассеивала по всем направлениям, по всем путям, которые открывались из нее.

Было ли населено раньше место, избранное Планком? Вероятно — да, судя по тому, что оно имеет и галльское имя Lugudunum (Лугудунум), сокращенное в Lugdunum (Лугдунум). По одной гипотезе, это слово означает — «гора Луга» (эту гипотезу подсказало новым ученым отождествление ирландского Луга с галльским Меркурием); по другой, которая высказана в трактате, ложно приписываемом Плутарху — «гора воронов». Последняя, по-видимому, оправдывается свидетельством памятников. На нескольких медалях, представляющих основание Лиона, изображен с одной стороны гений колонии, с хартией основания в одной руке и колосьями — знаком изобилия — в другой. Внизу изображен ворон. Его же мы находим на монетах сегузиавов, из территории которых был выделен Лион. Через два с половиной века он снова появится на монетах Альбина. Очевидно, древние толковали Lugudunum из lugu — ворон. Может быть, обе гипотезы могли бы быть примирены установлением отношения (еще не доказанного) между символической птицей Лиона и эмблемами бога Луга. Замечено,

что ворон — вещая птица по мнению древних, часто соединяется на их памятниках с рогом изобилия, означая «предвещание богатства». Из этой связи идей новая колония получила имя Colonia Copia Lugdunensis, имя, пластически иллюстрируемое на терракотовых медальонах в виде гения Лиона с рогом изобилия. Позднее прибавлен был еще эпитет Claudia в честь императора, который родился в Лионе и всегда свидетельствовал ему свое благоволение.

Город вырос почти мгновенно, как можно судить по древнейшим его памятникам: это — ряд могил, разрытых 12 лет тому назад вдоль прежней via Aquitanica (Аквитанской дороги), нынешней Трионской улицы. По своей архитектуре, по характеру надписей они, несомненно, относятся к веку Августа. Собрав мысленно валяющиеся вокруг обломки, мы можем снова восстановить на их основаниях эти разрушенные сооружения, они представятся двухэтажными постройками с венчающим их фонарем. Таковы могилы, где покоятся первые лионцы, изгнанники из Вьенны, или их сыновья. Тут мы поймем замечание Страбона, что уже в начале царствования Тиберия Лион является после Нарбонны самым населенным и значительным городом Галлии. Конечно, он никогда не сравнялся с великими метрополиями Востока: Александрией или Антиохией. Римский Запад, только что приобщенный к городской жизни, не знал этих огромных муравейников, свойственных странам старой культуры.

Только после страшного пожара 65 года, из которого город поднялся еще более прекрасным и цветущим, начинается быстрое разрастание Лиона. В нем можно усматривать два или три города со своеобразным лицом.

Первый, оставшийся главным, высился на холме. Стена, окружавшая его, описывала дугу, концы которой упирались в утес Пьер-Сиз и в нынешний квартал де-ла-Карантен. В этом пространстве, на узких и людных улицах, поднимающихся в гору, скучены были все официальные здания. Время снесло их без остатка. Замечательно, что столица Галлии сохранила меньше всего следов этого периода своего прошлого. Если из почвы, со дна рек вырыто громадное количество надписей, которыми переполнены галереи в Palais des Arts (Дворец искусств), то монументальные памятники почти отсутствуют. До сих пор почти единственными остаются развалины водопроводов. Их было четыре. Из них «водопровод Пилата» разворачивает линию аркад не менее длинную и грандиозную, чем водопровод Фрежюса. Вместе с описанными ранее могилами, которые перенесены теперь на Шуланскую площадь, они составляют все, что осталось от старого Лугдуна. В известной степени можно восстановить топографию города. В центре опорная стена поддерживает террасу, на которой раскинулся форум. Он существовал еще во времена Людовика Благочестивого и назывался Forum vetus, — откуда имена Forviel, Forviedre и Fourviere. Ниже скрываются обширные субструкции. Стволы колонн, обломки мрамора, яшмы, порфира, собранные здесь двести лет тому назад, указывают на какое-то великолепное жилище, быть может, дворец императоров. Оно стояло среди роскошных садов. Рядом с ним находились монетный двор, казармы 17-й городской когорты, praetorium, а ниже,

в подземелье — темница. В этом мрачном помещении держали исповедников новой веры в 177 году по Р. Х.[211]. Недавние раскопки обнаружили окружность амфитеатра, на котором совершилась развязка драмы, самой знаменитой в анналах рождающегося христианства.

Холм Фурвьер обязан, по всей вероятности, именно этому воспоминанию тем, что он стал святым городом набожных лионцев и весь покрылся монастырями. Живой, деятельный Лион спустился по склону квартала Св. Иоанна, рассыпался на полуострове у слияния Соны и Роны и протянулся за реку, в долину Дофинне. Это движение началось уже в древности. Оно было неизбежно. Лион с самого начала был живым торговым центром, где проходил весь импорт и экспорт Галлии. Торговля привлекала туда иностранцев, которые часто и оставались там. Это были галлы из всех уголков Галлии, италийцы, испанцы, — даже довольно большое число греков и сирийцев. Отсюда идут своеобразные черты Лионской Церкви, на которой всегда лежал эллинистический отпечаток, и которая была более других открыта восточным сектам и их мистическим грезам. Первыми ее епископами были священники из Смирны, Потин и Ириней. Она поддерживала переписку с Азией. Вспомним знаменитое письмо, которым лионские верные сообщили своим отдаленным братьям во Христе об испытаниях и славе Бландины и ее товарищей.

Этот деловой, шумный, космополитический город не мог долго тесниться на малодоступной вершине. Неодолимая сила тянула его вниз, к великой речной дороге, которая проходила у его подножия, звучащая от криков гребцов, бороздимая легкими лодками и тяжелыми купеческими кораблями. Прежде слияние Роны и Соны находилось не в том месте, куда в настоящее время перенесла его работа природы и людей, а неподалеку от Белькура. Здесь они соединялись в одну реку, обтекающую остров, болотистая и низкая почва которого была скоро оздоровлена и покрыта домами. Сперва это был только барачный, летучий городок — Canabae, как называли его римляне. Затем возникли более прочные и изящные постройки. Остров Роны заселился особенно густо. Здесь впоследствии найдены были лучшие мозаики. Здесь основалась корпорация виноторговцев — одна из самых богатых, тесно связанная с корпорациями лодочников Роны и Соны, основавшихся на противоположном берегу. Тут река как бы сама приспособлена к устройству порта, и тут найдены были следы античной набережной.

Картина еще раз менялась, если обернуться к северу. На месте, где громоздятся теперь черные дома «Фабрики», рождался третий город, топографически связанный с Лионом, но административно образовавший федеральную территорию, зависевшую от Собрания Трех Провинций[212]. Здесь, на одном из склонов Круа-Русс, удержавшем имя св. Себастиана (греч. перевод имени Augustus, Август), в 12 году до Р. Х. вырос гигантский алтарь, изображение которого дают лионские монеты, и некоторые обломки которого хранятся в музее. Это был треножник на квадратной массивной базе, убранной щитами, скульптурными украшениями, лавровыми и дубовыми листьями и надписью Romae et Augusto (Риму

и Августу), блиставшей на подножии своими огромными золочеными буквами. Направо и налево высились две высокие колонны из египетского гранита, на которых стояли Победы, державшие одна венец, другая пальму. (Ныне части этих колонн служат поддержкой ангелам хора в церкви на острове Эне). Вокруг этого алтаря располагались связанные с ним здания: храм, посвященный всем обожествленным императорам, цирк, амфитеатр, представления которого служили необходимым дополнением религиозных праздников, здания для депутатов городов, службы... Все это орошалось водопроводами, окружено было прудами, фонтанами, садами, украшено бесчисленными статуями всевозможных форм и размеров — конными и пешими, бронзовыми и мраморными, статуями городов, жрецов алтаря, губернаторов, императоров и принцев.

Этот третий город не был городом в строгом смысле слова. Под более бледным небом, с памятниками менее высокого искусства, он все же напоминал «священные ограды» Греции. Для галло-римлян он был тем же, что Олимпия для греков. Молчаливый и безлюдный в остальное время года, он оживлялся с приближением месяца августа (Augusti). Прилив видных людей Галлии, игры, литературные состязания, ярмарка — все это привлекало толпы туземцев и иностранцев.

Культ Рима и Августа дополнял лицо Лиона как столицы. Его монетный двор, наряду с монетными дворами Рима, Таррагоны в Испании и Карфагена в Африке, имел право чеканить золотые и серебряные императорские монеты. Он уступал по количеству производства монет только Риму и Антиохии, и только в III веке с ним начинают соперничать Арль и Трир. Один из всех городов внутренней Галлии он имел гарнизон, который притом составляла одна из «городских когорт», созданных специально для охраны Рима. Эта честь была, кроме него, присвоена только Карфагену.

Чрезвычайная бедность надписей, упоминающих о городских магистратурах Лиона, вызвала предположение, будто он управлялся представителями центральной власти. Мы не знаем, так ли это. Во всяком случае, вряд ли это было бы ему выгодно, и только свидетельствовало бы об исключительности его положения. Неудивительно, если город, централизовавший управление столь значительной части римского мира, стремились освободить от местных влияний. Здесь замечается своеобразное сходство его с Парижем. Чтобы занимать во всех отношениях то же место, какое теперь занимает Париж, ему недоставало только первенства в научном и художественном отношении. Но от этого первенства он был очень далек. Его школы не славились, и молодые люди, учившиеся в них, охотно меняли их на другие.

События 197 года[213], поразившие Лион среди полного его процветания, сами по себе не имели бы тех следствий, какие им приписывают. Упадок Лиона был вызван более глубокими причинами, влияние которых продолжалось в течение III века и вскрылось в начале VI века. Между романизующейся Нарбоннской провинцией и остальной Галлией, погруженной в варварство, колония Планка имела единственное по своим выгодам положение. Но время шло, культура

разливалась по всем направлениям, центр тяжести перемещался и вместе раздваивался. На севере им становился Трир, выдвинутый заботой об охране Рейнской границы. В противовес этому, ввиду отдаленности новой столицы, на юге, в Арле возникла вторая. Трир и Арль стали двумя полюсами, двумя центрами притяжения Галлии. Стоя между ними, Лион мог только отступить на второе место. Его роль была сыграна.

III. Три провинции. Аквитания[214]

Галлия Трех Провинций во многих отношениях представляет нечто новое, по сравнению с юго-восточной Галлией. Завоеванная под конец, далекая от очага цивилизации, она осталась более верной национальным традициям и нравам. Колонизация здесь была ничтожна, италийский элемент очень слаб, поэтому в жилах здешнего населения течет чистая галльская кровь. Если и в Трех Провинциях не было систематической оппозиции влиянию Рима, и в конце концов высшая культура была принята в них, как и в остальной Галлии, все же по всему чувствуется, что ее действие здесь менее интенсивно и глубоко. Надписи и памятники не выступают из-под земли в глухих деревнях при первом ударе заступа, как это мы видели на юге. Археологические открытия сосредоточиваются преимущественно в городах. Эпиграфия менее правильна, пестрит кельтскими именами и не соблюдает правил латинской ономастики. Боги под иноземной одеждой ясно обнаруживают свое национальное лицо. Произведения искусства обличают слабое знакомство с античной мифологией.

Из Трех Провинций Аквитания более всего напоминает Нарбоннскую: и природой, и блеском своих городов. Находясь вне зоны, где разыгрывались войны и нашествия, она до конца осталась одной из самых цветущих стран Империи. В V веке, когда север Галлии был уже в руках варваров, Сальвиан упрекает ее население за их богатство и изнеженность, и одновременно восхищается ею. Аквитания простирается пред его глазами, «вся прорезанная виноградниками, зеленеющая лугами, пестреющая культурами, изобилующая плодами, обвеваемая лесами, освежаемая водами, бороздимая реками, покрытая жатвами. Взгляните на нее и скажите, разве хозяева этих имений не владеют, вместо клочка земли — подобием рая?».[215]

Следует, однако, выделить старую иберскую Аквитанию, где римскому влиянию противостояла непобедимая раса, в свое время с успехом выдержавшая нашествие кельтов. Эпиграфику этой страны — нынешней Гасконии — характеризует почти полное отсутствие кельтских имен и множество иберских, попадающихся в разной пропорции наряду с римскими, что дает нам возможность судить о глубине римского влияния в разных местах. Слабо были еще затронуты им долины Пиренеев, но и они посещались римской знатью уже в эту пору, благодаря качествам своих вод. Страбон уже отмечает станцию Aquae Onesiorum (Аквье Онезиорум) (Люшон) и хвалит великолепие ее бань. Судя по развалинам,

эти похвалы не преувеличены. Приток купающихся в этих странах распространял привычку к латинскому языку и утонченному быту. Такой городок, как Lugdunum Convenarum (Лугдун Конвенарум) (Сен-Бернар-де-Коммин), имел амфитеатр. Во всяком случае, под этим тонким покровом навсегда сохранилась первоначальная основа: здесь удержался язык басков. Сами боги не смешиваются с римскими, их имена, немного латинизированные, странно звучат для нашего уха. Как и галльские боги, они воплощают силы природы — ручьи, деревья, ветры, горы, грозу, но они не принадлежат к кельтскому пантеону.

Аквитанская долина включает и Ланды. В этой обездоленной стране не могло образоваться поселений, но на границах этой пустыни, на берегах Адура возникли два города: Atura (Атура) (Эр), главный город атуров, и Aquae Tarbelicae (Дакс), главный город тарбеллов с теплыми водами. К северо-востоку, в бассейне Жера группировались более значительные центры: Elusa (Элуза) (Оз), получившая звание колонии и ставшая столицей Новемпопулании, Elimberum (Элимберт), иначе Augusta Auscorum (Августа Авскорум) (Ош), снова захвативший первенство в VI веке, Lactora (Лактора) (Лектур), замечательный культом Митры и преданностью династиям Антонионов и Гордианов. Он был резиденцией прокураторов, в качестве центра финансового округа или в качестве императорского домена. Развитие городской жизни совпадало с успехами романизации. Иберские имена, все более редкие по мере удаления от гор, совершенно исчезают за Озом и Ошем.

Долина Гаронны была небогата большими городами. На среднем течении реки можно назвать только Agennum (Агенн) (Ажан), второразрядный городок, полный, однако, жизни и веселья. Своеобразие этой страны заключалось в интенсивных сельских культурах. На склонах, покрытых виноградниками, направо и налево чередовались виллы с их обширными постройками, террасами садов, портиками, статуями. Прогулка этой долиной до Бордо была сплошным очарованием[216].

Бордо стоит на скрещении двух больших водных путей: один из них соединяет северную Францию с Испанией, другой — Средиземное море с Океаном. Он достаточно близок к морю, чтобы служить портом, и достаточно далек, чтобы ширина эстуария не мешала сообщению двух берегов. Городок, бывший иберским поселением (судя по имени Бурдигала), был занят потом кельтским племенем битуригов — вивисков и рано стал центром обширной торговли: долиной Оды приезжали сюда массалиоты, а потом нарбоннские купцы. При Августе и Тиберии многие бордосцы получили право гражданства, но только Клавдий, завоеванием Британии, открыл широкие перспективы будущему города. И ранее его жители обращали взор к великому Острову Океана. По пути к нему, в целях нагрузки, останавливались массалиоты на берегах Жиронды. Экспедиции Плавтия и его последователей укрепили и расширили эти сношения. Таким образом, на первых же страницах истории города мы находим сношения с Англией, создавшие его богатство в Средние Века и доныне являющиеся одним из важнейших элементов его процветания.

Если уже в I и во II веках Бордо был одним из важнейших рынков юго-запада, то не в эту еще пору он достиг полного своего расцвета. Единственные здания, которые наверное можно отнести к этой эпохе, это — термы, водопровод, фонтаны, удовлетворявшие первым требованиям римской жизни. Во всяком случае, интенсивная строительная деятельность открывается только столетие спустя. Тогда возник храм Защиты (Tutelae), гордые колонны которого снесены только разрушителями XVII века. Архитектура Северов развертывалась тут во всем своем великолепии, с той тяжеловесной декорацией и пышным убором, которые уже являются признаками упадка. Амфитеатр, неточно называемый «дворцом Галлиэна», задуман в том же стиле. Он тоже претерпел разрушение и, хотя местный вандализм несколько более пощадил его, — все же представление о нем можно составить только по описаниям и рисункам. Бордо был в эту пору прекрасным, населенным, правда, меньше, чем современный, городом. Судя по размерам его площади, по его амфитеатру, он вмещал около 60 000 жителей. Как и теперь, он простирался по левому берегу Гаронны, но отступив от реки, с которой его порт сообщался посредством канала: бассейн представлялся более надежным для непрочных кораблей того времени.

История Бордо делится на два периода нашествиями конца III века. Из этого кризиса город вышел преображенным. Прежде он непринужденно разворачивался во все стороны, без предварительного плана, разбрасывая в окрестность свои дома и улицы, свои виллы и могилы. Теперь он должен был, применительно к системе обороны, установленной для всей Галлии, запереться в высокие и мрачные стены, в которых он задыхался четырнадцать веков до того дня, когда разумная инициатива Турни при Людовике XV и Людовике XVI разрушила наконец эту темницу и вернула городу воздух и свободу. Этот Бордо IV-го века в своей четырехугольной ограде, с узкими улицами, вытянутыми по шнуру, был не только менее обширен и менее населен, нежели прежний, но он стал гораздо менее красив и менее богат. Вряд ли он сделался снова центром большого торгового движения, зато он стал средоточием молодежи, благодаря культу науки, славе своего университета, своих профессоров, своих риторов[217]. Раньше бордосцы не особенно отличались в работе мысли. Они любили хорошо пожить, много расходовали на удовольствия и еще больше — из тщеславия. Они любили пышность, шум. Так их представляет в конце I века эпиграмма Марциала[218]: «Я жажду легких любовниц — тех, которые бегают в одном плаще. Красавицу, которая требует много денег и много разговаривает, я уступаю толстому бордосцу». Наследственное богатство, в конце концов, сделало их более утонченными. Их энергия, которую события отвратили от ее первоначального направления, или, по крайней мере, замедлили ее деятельность в этом направлении, обратилась на другой объект; и здесь впервые на берегах Жиронды расцветает тот изящный вкус к фразе, к блестящему и тонкому красноречию, который останется традиционной особенностью этого края.

Когда в IV веке, покидая Бордо, подвигались к Луаре, приходилось спускаться по Жиронде до Блавии (Блай). Отсюда направлялись по самой живой из галльских

дорог, описанной поэтом Авзонием. По ней шел весь транзит Западной Европы с севера на юг. Первым этапом был здесь Сент — Mediolanum Santonum — столица племени сантонов, занимавших видное место в независимой Галлии. Сент вначале представляется самым счастливым, по положению, городом запада. Август мечтал сделать из него столицу Аквитании, очаг романизации. Прекрасный материал для этой цели представляла сантонская аристократия, спешившая использовать разнообразные пути карьеры, которые открывал ей новый режим. С самого начала благородные сантоны появляются в рейнской армии, во всадническом звании, а возвращаясь на родину, — с неменьшим рвением отдаются муниципальному служению. Это были самые послушные подданные Рима, самые ревностные миссионеры его культуры. Имя Юлий, присвоенное большинству из них, указывает на получение римского гражданства от членов династии Юлиев, многими даже — чем они очень гордились — от самого Цезаря. Выразительны в этом смысле их надписи. По ним можно проследить все переходные ступени, по каким проходил галл, превращаясь в настоящего римлянина (см. кн. III, гл. III, § 2). Вспомним историю рода Юлия Руфа, воздвигшего Тиберию, Германику и Друзу в 21 году по Р. Х. триумфальную арку, которая теперь перенесена ко входу в Сент. К той же эпохе относится постройка его амфитеатра, быть может, величайшего во всей Галлии. Этот блеск был недолговечен. Бордо скоро затмил Сент, но падение его было только относительным: его торговля при скрещении путей на Бордо, Пуатье и Периге должна была остаться интенсивной. Особенно цветущей была его промышленность. Его сукна соперничали с сукнами Лангра и Арраса. Наконец, он имел обширную территорию, плодородность которой вызвала в эпоху Цезаря жадность гельветов. По берегам Шаранты, на склонах Ангумуа разбросаны были многочисленные, смеющиеся виллы.

Аммиан Марцеллин, перечисляя — очевидно, в порядке их значения, города Аквитании, ставит Сент на 3-м месте после Бордо и Клермона, который называет уже не Augustonemetum (Августонемет), а Arverni (Арверны) (впоследствии Clarus Mons — Клар Монс). Хотя значение арвернов быстро пало, с того момента, как они должны были отказаться от власти над соседними племенами, но все же их город был одним из самых значительных. Они покинули тот oppidum, где чуть не повернулись судьбы Цезаря. Герговия опустела не сразу, как видно по найденным монетам, но столица арвернов переместилась к бассейну, очерченному высотами Пюи, на холм, вид с которого охватывает всю долину Лимани. Это — самая богатая часть Оверни. Клермонский архиепископ Сидоний Аполлинарий с любовью воспел «море жатв, чьи шумящие волны уплывают вдаль, — мирные волны, не несущие бурь и крушений; прекрасную страну, милую каждому путнику, богатое поле для жнеца и охотника; пояс гор с пастбищами, расстилающимися на их хребтах, с виноградниками, повисшими на их склонах, виллами, рассыпавшимися у их подошвы, и замками, венчающими их утесы; леса с их глубокими тенистыми приютами; полевые культуры под ярким солнцем, ручьи в расселинах почвы, реки в их скалистых ложах»[219]. Конечно, не вся страна представляла такой

вид. В местах с более суровым климатом долго сохранялись галльские привычки во всей их грубости. Люди продолжали зарываться в каменные хижины, в пещеры, вырытые в скале. Но в долине Алье благосостояние было очень высоко. Оно зависело не только от интенсивной земледельческой культуры, но и от высоко развитой индустрии. Целый ряд мастерских (Лезу, Тьер) вырабатывали терракоты, статуэтки, вазы, формы, расходившиеся на берега Рейна и в Британию. Другим источником доходов была эксплуатация целебных ключей: в Виши, Ройя, Мон-Дор, в Бурбули и т. д. Римские термы были предшественницами современных курортов. Римская Арверния не лишена была и обаяния умственной жизни. Студенты массами являлись в школы Клермона и Иссуара. Из их учеников следует назвать Сидония Аполлинария, а через 50 лет после его смерти в том же епископском дворце воспитывался Григорий, будущий епископ Тура, последний представитель классических традиций в варварской Галлии.

Недаром Клермон назывался в старину Augusto — nemetum (кельт. — храм). Здесь был центр культа национального бога, которого римляне отождествили с Меркурием. Завоевание не ослабило его почитания. Его святилище и после римских побед высилось на горе, царящей над городом и, быть может, ни одно римское или греческое божество не было окружено большим великолепием. Работы, произведенные в 1875 году на вершине Пюи-де-Дома, открыли остатки этого здания. Деталями конструкции и техники оно напоминает лучшие памятники августова века. По оригинальности плана и грандиозности размеров, оно единственно. На самой вершине горы, в центре обширного круглого плато высилась гигантская бронзовая статуя бога, — произведение грека Зенодора, знаменитого художника этой поры. По словам Плиния, она стоила 10 лет работы и 40 миллионов сестерций. Ни один колосс античной скульптуры не мог равняться с ней. Ниже развертывалась тройная ограда храма с его дополнениями. К нему поднимались по нескольким лестницам и террасам, которые усиливали грандиозный характер перспективы. Архитектурные обломки, куски драгоценного мрамора, вырытые из-под земли, свидетельствуют о роскоши убранства. Масса приношений говорит о множестве верных, стекавшихся сюда. Святилище Меркурия Арвернского было для галлов тем, чем для греков — храм Аполлона Дельфийского. Сокровища его были такой же приманкой для варваров, как и дельфийские. Григорий Турский рассказывает нам, как в III веке этот храм был разрушен шайкой аламаннов. Это был один из самых тяжелых разгромов, которые испытала Галлия.

На южном и юго-западном склонах Центрального Плато старые клиенты арвернов, веллавы, габалы, кадурки, рутены образовали вокруг них пояс народов — клиентов. Центром веллавов был Аникий (Пюи) и Дивона (Кагор). Столица габалов — Андерит, переименованная в Габалы, стоявшая на высоте Жаволь, потом была перенесена в Менд. От ее римского прошлого осталось довольно много следов. Эти четыре civitates соответствуют нынешним Веле, Жеводану, Руэргу и Керси. Эта местность была и осталась одной из наименее населенных во Франции.

И все же она не была вполне отсталой. Аристократия романизовалась здесь быстро: в Кагоре поставлена была статуя одному из граждан — жрецу алтаря Рима и Августа и потомку того самого Луктерия, под знаменами которого сражались последние борцы за независимость. В деревне Ланюэжоль (Лозер) сохранилась большая великолепная могила, обличающая у воздвигшего ее не только римские вкусы, но и большое богатство. В других местах сохранились обломки надписей, величиной букв своих свидетельствующие об огромных размерах гробниц, на которых они находились. Все эти города развивали известную промышленную деятельность. В Кагоре имелись фабрики полотна для парусов и белья. Габалы и рутены разрабатывали серебряные рудники, веллавы — железную руду. Овцы, пасшиеся на Косских горах, доставляли прекрасный сыр.

Петрукории, подобно другим племенам, с установлением римского мира покинули свой oppidum на вершине скалистого холма Экорнбеф и основали на правом берегу реки галло-римский город Везуна — ныне Периге, — почти равный ему размерами. Надписи упоминают о его термах, храмах, базиликах. Развалины его амфитеатра сохранялись довольно долго. В III веке город, подобно другим, сжался и концентрировался в одном из нынешних кварталов, сохранившем выразительное имя Сите. Он скрылся в стенах, мощные основания которых мы можем проследить, и в которые была включена масса полуразрушенного амфитеатра. Остатки старого города не уместились в этих пределах. Далеко вне их осталась огромная пустая башня, в которой с большим или меньшим основанием видят целлу исчезнувшего храма.

Соседями петрукориев были лемовии, столица которых Августорит (Лимож), кажется, имеет менее блестящее прошлое. Памятники ее очень бедны. Более значительным представляется город пиктонов Лимон (Пуатье). Он упоминается у Аммиана Марцеллина на четвертом месте. Его памятники исчезли, кроме части амфитеатра, который стоял еще 40 лет тому назад.

Загадочными являются недавно открытые развалины Санксе. Отсутствие надписей не дает возможности высказать по его поводу ничего, кроме гипотез. Санксе — Sancium (Санкий) (по одной грамоте X в.) не являлся (как думали прежде) исключительно местом периодических собраний — политических или религиозных. Это — город, только что в нем частные жилища были более легкой постройки и не оставили следов. Сохранились лишь публичные здания: храмы, бани, даже театр, что свидетельствует о высоком развитии культурных потребностей в сравнительно безвестных городках.

С битуригами-кубами мы подходим к границам Аквитании. Их столица Аварик (Бурж) считалась при Цезаре красивейшим городом Галлии. Потеряв потом это значение, она все же занимала еще почетное место. Ее положение при скрещении двух диагоналей, перерезывавших страну с северо-востока на юго-запад и с северо-запада на юго-восток, обеспечивало ей в дорожной системе Галлии то самое место, какое унаследовал Вьерзон в теперешней железнодорожной сети. Кроме того, битуриги обладали богатыми сокровищами почвы и подпочвы.

Славилось их ткачество, их железные рудники, причем они не только добывали руду, но и умели ее обрабатывать. Наконец, они научились у соседей — эдуев искусству лужения. Вся страна имела вид металлургической мастерской. Это — те самые места, где ныне дымят трубы Буржа, Вьерзона и Крезо.

IV. Лионская провинция[220]

Лионская провинция представляет длинную полосу земли между Луарой и Сеной от высот Арморики до берегов Соны, полосу, рисунок которой получает свой смысл в общем плане Трех Провинций, в их отношении к общей столице. Менее выгодно очерченная, чем Аквитания, она отличалась от нее и в других отношениях: города более редкие и в общем менее блестящие, обличают жизнь менее изысканную, более близкую к галльским привычкам.

В нескольких километрах от Лиона начиналась страна эдуев. Она включала две непохожие области. Одна — это долина Соны, представляющая как бы продолжение долины Роны: плодородная, веселая, богатая виноградниками. Ее главными городами были, как и ныне, — Макон (Matisco) и Шалон (Cabillonum). Первый — торговый город, второй — военный пункт, отзывающийся уже близостью Германии, с его эпитафиями солдат и ветеранов. В Шалоне дорога раздваивалась, направляясь с одной стороны к Лангру, а с другой — к Отену. Дижон (Divio) был тогда незначительным городком лингонов, а большая дорога, связывавшая северо-западную Галлию с юго-восточной, проходила южнее, через страну верных союзников Рима. Когда перейдешь высоты, отделяющие Ден от Арру, на горизонте начинают вырисовываться линии Морвана — «Черных Гор» галлов. Они раскинули по четырем нынешним департаментам свои цепи, покрытые каштанами, буками, дубами, орошаемые ручьями, потоками, небольшими озерами. Лес и доныне остался глубоким и густым, тогда же он представлял непроходимую чащу, которая, примыкая к лесам Арденн и Центрального Плато, заканчивала водораздел между бассейном Роны с одной, и Сены и Луары — с другой стороны. Население, обитавшее в этих убежищах, позже других покинуло язычество. Памятники, воздвигнутые им своим богам, носят ярко-кельтский характер.

На пороге этой суровой и меланхолической страны вырос, как символ милости к верным подданным Империи, город Отен — цитадель Августа — Августодун. Монетная серия старого Бибракте останавливается на 5 или 6-м году до Р. Х. Очевидно, в этом году прежний oppidum был покинут окончательно. Отен был в несколько ином положении, чем открытые города Аквитании. В этом огромном лагере, укрепления которого уступами идут от Средиземного моря к Рейну, — столица эдуев заняла место, диктуемое ей географическим положением. Она оборачивалась лицом к Кельтике, как Безансон к Бельгике и Германии, составляя вместе с ним впереди Лиона первую линию обороны вокруг Нарбоннской. В его развалинах не заметно следов архитектуры III века. Здесь все обличает

превосходную конструкцию эпохи Августа: прочные материалы, прекрасная техника, стиль ворот с верхней галереей на аркадах с пилястрами.

Отличная крепость Отен вместе с тем не уступает своей величиной и красотой самым блестящим городам южной Галлии. Его театр по размерам равнялся афинскому, эфесскому, смирнскому. Амфитеатр его уступал только римскому Колизею. Улицы, расположенные под прямым углом, имели ту, несколько холодную, но величавую правильность, которая характеризует быстро расцветшие города. Главная вела к так называемым воротам Арру. Шириной в 16 метров, она развертывала на расстоянии 1500 метров свою прекрасную мостовую и благородную перспективу своих зданий, частных и публичных. Из них самым замечательным и самым дорогим для обывателей были Scolae Moenianae (Школы Стены), получившие это имя от портиков с картой империи. Они усиленно посещались с начала I века — как явствует из событий, разыгравшихся во время восстания Сакровира — и делали из Отена первый культурный очаг Трех Провинций[221].

Величие Отена быстро падает в конце III века, в событиях, оторвавших Галлию от римского отечества[222]. Эдуи остались верны своему прошлому. Первые из галлов, получившие римское гражданство, «братья римского народа», они стали во главе движения, возвращавшего Галлию к единству Империи. Мы знаем, чем это кончилось: город был взят, сожжен и разграблен. Печальный вид явила после этого столь цветущая некогда страна (как это видно из описаний современного событиям ритора): деревни ее опустели, виноградники высохли на солнце или сгнили под дождем, нивы покрыты кустарником или залиты водой[223].

Отен больше не поднялся после этой катастрофы. Тщетно Констанций Хлор и его сын сделали все, чтобы уплатить долг благодарности, которой обязана была Империя за все эти жертвы. Они всячески старались облегчить бедствия населения, восстановить здания, возвратить популярность школам. Упадок был непоправим и имел более глубокие причины. Старый престиж эдуев мог обусловить создание нового города у подножия их oppid'a, милость императоров поддерживала его, но все это могло обусловить только короткий расцвет. Местность, в которой находился Отен, была слишком изолирована, малодоступна, мало приспособлена к промышленности и торговле. Впрочем, «кельтский Рим» и в своем упадке сохранил нечто от своей прежней физиономии, от своих славных дней. Он остался приютом изящного, образованного общества. Еще любовались массой его укреплений, хотя и полуразрушенных и неспособных защищать его. Но Авзоний уже не упоминает его среди главных городов Галлии.

Чтобы добраться до сколько-нибудь значительного центра за Отеном, нужно было проделать долгий путь через огромный лес, перерезаемый Ионной. Прежде всего мы достигли бы маленького города Автессиодур (Оксерр), а затем Агендик — Санса, самого значительного в области Сены, как свидетельствуют богатства его музея и длина ограды, за которой он скрылся в эпоху нашествия варваров. Во время дробления августовых провинций Санс стал столицей Лионской

4-й и, стало быть, метрополией Парижа — отношение, долго еще удерживавшееся в церковной иерархии.

Столица паризиев, город Lucotecia (Люкотеция), латинская Лютеция (Париж) заставляет говорить о себе только в последние дни Империи. Блеснув на момент во время войн за независимость, благодаря совещаниям, которые в нем устраивал Цезарь, и особенно благодаря сражению, происшедшему у его ворот, город снова погружается в неизвестность на три с лишним столетия. Между тем в это время он продолжает расти и меняться, о чем за отсутствием документов рассказывает нам его почва. До римского завоевания Лютеция сосредоточивалась на Острове. Здесь под хорами Собора Парижской Богоматери найдены были алтари, воздвигнутые при Тиберии братством nautes (корабельщиков). Итак, старейший памятник города отмечен именем знаменитой корпорации, давшей городу свою эмблему и зародыш муниципальных учреждений, так как, по всей вероятности, мы имеем право признать в средневековой Ганзе — mercatores aquae Parisiaci (речные купцы Парижа) эпохи Людовиков VI и VII — более или менее прямых наследников nautes (корабельщиков) Тиберия. Их глава и получил в середине XIII века звание купеческого прево, которое впоследствии носил Этьен Марсель. Итак, очевидно, с самого начала Париж обязан был своему положению на узле обширной водной сети — главными элементами своей жизненной деятельности.

Вскоре он перешел за реку, удаляясь от болотистых равнин правого берега (на характер которых намекает нынешнее имя квартала Марэ), и притягиваемый зеленеющими склонами, которые мягко спускаются к Сене, и кульминационная точка которых, гора Lucoticius (ныне св. Женевьевы) стала колыбелью нового города — точнее, предместья. Путник, идущий в Лютецию с юга, направлялся большой дорогой от Орлеана (ныне — улица Сен-Жак, под этим именем долго остававшаяся главной артерией левого берега), оставлял позади арки Аркейльского водопровода и, пройдя кладбище (открытое в 1873 г. на улице Николь), оказывался перед термами, — великолепным сооружением, построенным по инициативе или с поддержкой корабельщиков. Их эмблема, которая есть, вместе с тем, эмблема Парижа, изображена в корабельной корме, украшающей углы сводов. Направо, на восточном углу холма виднелся амфитеатр, ступени которого были открыты в 1869 году при проведении улицы Монж (Rue Monge), и который вместе с термами представляет единственный памятник римского Парижа. Он был сравнительно небольших размеров. От других зданий сохранились только субструкции, открытые там и сям при проведении улиц: субструкции цирка — на месте винного рынка (Halles-aux-Vins), театра — на возвышенности лицея Людовика Святого, роскошной виллы — в Люксембургском саду.

Развитие нового города не затмило Лютеции. Она сильно пострадала во времена галльского вождя Камулогена, сжегшего город, чтобы не позволить римлянам укрыться в нем. Но следы этой катастрофы скоро сгладились, и перестроенная по-римски, Лютеция осталась центром и сердцем civitatis. С ней сообщались по деревянному мосту (продолжение улицы Сен-Жак), проходя под триумфальной

аркой, богато декорированные обломки которой найдены отчасти в северной части Острова под церковью св. Ландерика (Saint-Landry), отчасти в южной под госпиталем (Hotel-Dieu). Пройдя эту арку, путник оказывался на форуме (ныне паперть собора Богоматери). Он остался в Средние Века хлебным рынком и еще был окружен римскими лавками, когда Хильдеберт I воздвиг базилику, которую 600 лет спустя должен был заменить знаменитый храм Сюлли. Раскопки, произведенные в 1847 году в западной части форума, вблизи Сент-Шапель, обнаружили остатки огромного здания, настоящего дворца, архитектурные и скульптурные обломки, стены, украшенные живописью. Трудно сказать, чем было это здание в римскую эпоху; вероятно, местом, где останавливались члены императорской фамилии, что подтверждается и позднейшим его применением: короли первой и второй династии, начиная от Хлодвига, часто живали в нем. Таким образом, он является как бы колыбелью французской монархии. Капетинги установили в нем свою резиденцию. Людовик Святой велел его разрушить и поставил на его месте более обширное жилище. Филипп Красивый построил подле него парламент, и только Карл V покинул его и переселился в Лувр.

Второй деревянный мост, составляющий продолжение первого, вел на правый берег. Здесь, тотчас за предместьем, простирались болота, перерезанные дорогами с их линией могил; тянулся водопровод Пасси, а на горизонте — храмы Меркурия и Марса на Mons Martis (Горе Марса) (Монмартр).

Постройку терм и амфитеатра, а, стало быть, — расцвет Парижа приходится отнести ко II веку. Подобно большинству галльских городов, он развернулся свободно, среди глубокого мира, едва только смущаемого отдельной грозой варварских движений и их бессильными нападениями на границу. Подобно им, он оказался беззащитным, когда впервые плотина прорвалась и неприятельская волна разлилась по стране. Тотчас вслед за варварским вторжением начался бунт багаудов[224], последним оплотом которого был полуостров св. Мавра (Сен Мор). Легко представить себе, чем были для парижской территории опустошения этого двойного врага. Только с династией Флавиев снова настали лучшие дни для Галлии и для Парижа. Для него начинается настоящий расцвет. Мы не знаем, жил ли там Констанций Хлор, но Юлиан сделал его своей резиденцией, избрав своим жилищем Дворец Терм. «Я пробыл, — пишет он, — зиму в моей дорогой Лютеции, — так кельты называют городок паризиев. — Он расположен на реке, обнимающей его со всех сторон. С обоих берегов к нему можно добраться по деревянным мостам. Высота речного уровня меняется мало, оставаясь почти одинаковой во все времена года. Доставляемая рекой вода превосходна для питья. Зима здесь умеренная, что приписывается близости Океана и мягким парам, которые он посылает, так как, по-видимому, морская вода теплее пресной. На здешней почве произрастают превосходные виноградники и даже фиги. Эти последние, впрочем, приходится на зиму окутывать соломой, чтобы предохранить их от зимней стужи»[225]. Юлиан прибавляет, что в тот год зима была суровее обыкновенного, что по реке шел лед, и жители топили печи в домах. Все это

не переменилось со времен Юлиана и доныне, кроме культуры винограда и фиг и прозрачности Сены, которую тогда не заражали в верхнем течении отбросы городов, стоящих на ее пути, и которая не доходила до Парижа в виде сплошного скопления нечистот.

В этой новой фазе Париж представляется открытым городом. Несмотря на ужасные уроки прошлого века, его не позаботились обнести оградой. Это был наблюдательный пост, а не крепость. Впрочем, он не вполне был лишен средств защиты. В пространстве между нынешним бульваром Сен-Мишель и улицами Суфло, Ройе-Колар и Сен-Жак вырос, как дополнение императорского дворца, от которого он отделялся площадью для маневров, — один из тех укрепленных лагерей, где римляне ставили, смотря по нужде, постоянные гарнизоны или временные отряды. Его стены имеют свое предание. Когда в 1358 году, после битвы при Пуатье, в Париже воздвигались оборонительные сооружения — между воротами Сен-Мишель и Сен-Жак открыты были стены огромной толщины. В них признали остатки замка Отфейль (Altum follum), воспетого в песнях о деяниях. В наше время, когда этот квартал перестраивался, эти стены появились снова. Похороненные глубоко под стеной Филиппа-Августа, они шли широким четырехугольником, сообразно правилам античного лагерного искусства. Здесь в 360 году произошла памятная сцена, которая после долгого молчания снова вписывает в тексты историков имя французской столицы. В этом лагере легионы провозгласили императором Юлиана, а вблизи этого лагеря благородный цезарь, осажденный в своем дворце восторженной толпой, заглушив сомнения, принял ту диадему, которою венчал его мятеж.

Castra stativa (постоянный лагерь) — горы св. Женевьевы не остановили варваров после Феодосия. Город испытал новое нашествие, о котором свидетельствует второй слой золы и развалин. И только тогда парижане, сосредоточившись на Острове, решили замкнуться в прочную ограду. Раскопки позволяют нам установить ее очертания. Материалы были взяты, очевидно, из разрушенных памятников: в стене попадаются камни из амфитеатра, вероятно, в нее же были замурованы алтари корабельщиков. Она стояла еще в IX веке, и об нее разбились волны норманнского нашествия.

Суда nautes parisienses (парижских корабельщиков) быстро перенесли бы нас в Ротомаг (Руан) — столицу велиокассов. Этот город со времени Диоклетиана был столицей Лионской 2-й, но раньше его затмевала Юлиобона — город калетов (ныне Лильбонн), о былом значении которого свидетельствуют многочисленные памятники. Немного далее встречаем Карокотин (ныне Арфлер) — последний пункт навигации по Сене, значение которого в XVI веке было подорвано основанием Гавра.

В остальной Нормандии мы укажем Новиомаг (Лизье), Арегенуи (Вье), Августодур (Байе), Алавна (Валонь). Все это — не очень значительные центры, часто даже не civitates, тем не менее большинство из них может похвалиться развалинами театра. В Национальной Библиотеке хранится драгоценная серебряная

посуда, найденная в окрестностях Берне[226]. Все это свидетельствует о значительном богатстве населения этой страны фруктовых садов и пастбищ. Промышленностью, по-видимому, здешние города не славились.

Единственным значительным городом Арморики был Ренн (Кондате). Зато здесь было много обширных частных доменов. Виллы шли одна за другой по горным склонам. В стране, бывшей некогда ареной героического сопротивления венетов, крупные собственники вели широкую спокойную жизнь, не чуждую истинно римской утонченности и роскоши.

Население селилось более тесными группами по направлению на восток к Ле-Мансу (Свиндин) и Шартру (Автрик). В то время страна имела совсем иной вид, чем теперь: леса, бывшие некогда убежищем друидических собраний, уступали очень медленно движению культуры. Они охватывали поясом столицу карнутов. Но крупные перемены уже совершались. Не так давно в Уассо (департамент Сарты) открыты были остатки водопровода, театра и других построек на месте неизвестного нам и, стало быть, малозначительного города.

Нант был искони настоящей царицей запада. Мы не знаем его величины в это время, но ограда, в которую он замкнулся — сжавшись, подобно другим, равняется 1600 с лишним метров, т. е. вдвое больше оград Ренна, Анжера (Юлирмаг), Тура (Цезародун). С древности устье Луары было центром притяжения для кельтской торговли, местом нагрузки едущих в Британию. Питей отметил здесь порт Corbilo (Корбило), единственную значительную гавань Галлии на океане. Но Корбило, место которого мы не можем определить с точностью, был забыт, когда началось процветание Condevincum (Кондевинк) — столицы намнетов. Город занимал выгодную для обороны позицию, на легком возвышении у слияния Луары и Эрдры. Приспособляясь к своему торговому назначению, он должен был спуститься к берегу реки, ввиду островов, разбросанных по ней как бы для облегчения сношений между двумя берегами. Здесь и развился Portus Namnetum (порт намнетов). Нантские судовщики построили в нем на свой счет множество прекрасных памятников, более всего в честь Вулкана, покровителя металлической промышленности. Следует отметить сильно римский характер населения Нанта. Здешние могилы напоминают итальянские, и ономастика их — латинская. Из 18-ти надписей галльское имя попадается только на одной. Это неудивительно в приморском городе, широко открытом влияниям извне.

V. Белгика и две Германии[227]

Между западными частями Лионской и Белгики почти не чувствуется разницы. Только надписи становятся все реже по мере того, как подвигаешься к северу: верный признак того, что романизация теряет в широте и глубине.

Для этой поры совсем не приходится принимать во внимание страны, ныне называемые Фландрией и Брабантом. Это были необитаемые болотистые и лесистые области. Более благоприятный вид представляли нынешние Артуа,

Пикардия и Шампань. Здесь главный ресурс населения составляли пастбища. Оно разводило коней для римской армии, баранов для суконных фабрик Арраса и Турнэ. Морины выделывали хорошие полотна.

Главный город ремов — Дурокурт (Реймс) стал столицей провинции. От римского его прошлого сохранился всего один памятник: огромные ворота грубого стиля.

Самым посещаемым портом здесь был Portus Itius (порт Итий) — иначе Гезориак, впоследствии получивший имя Бонония (Булонь). Здесь Цезарь снарядил флот для британской экспедиции. После римского завоевания он стал для севера тем же, чем был Нант и Бордо для центра и юга. Впрочем, Бонония была прежде всего военным портом. Как и Фрежюс, она служила гаванью мощного флота, оберегавшего море и перевозившего отряды, но, не в пример ему, до конца Империи она сохранила свое значение. Британский флот известен нам со времен Клавдия, но, вероятно, он стоял тут и раньше: еще Калигулой был построен на этом берегу колоссальный маяк, простоявший до XVII века.

На востоке и на севере шампанской равнины простиралась холмистая и лесистая страна, известная под именем Арденнского леса. Наряду с Морваном и Вогезами, она более других сохранила отпечаток первоначального варварства. Правда, дороги, шедшие из Реймса в Германию, пересекали ее в разных направлениях, но они тянулись среди пустынь, в тени густых лесов, кое-где только прерываемых полянами. Тщетно мы искали бы настоящего города по всей долине Мааса. Верден в начале III века был только поселением медиоматриков. Ниже, в окрестностях Намюра, начинали попадаться обширные домены, как и во времена предков Карла Великого. От римлян до австразийских франков картина, по-видимому, не изменилась.

Оживление начиналось по мере приближения к Мозеле. В дорожной системе Галлии долина этой реки имела очень большое значение. Вдоль течения Мааса по территории Галлии не шло никакой дороги. Дорога из Реймса в Тонгр только пересекала ее в двух местах и играла второстепенную роль. Долиной Мозеля, наоборот, проходила большая дорога, ведущая из Лиона к Рейну. Тут катилась волна легионов и все, что она увлекала с собой. Этот непрерывный транзит обусловил процветание этой страны, развитие в ней — на короткий период, не повторившийся более в ее истории, — блестящей активной жизни.

Диводур (Мец), на пересечении путей из Лангра в Трир и из Реймса в Страсбург был первостепенным стратегическим пунктом. На время затемненный значением Трира, он впоследствии вернул себе первенство, став столицей австразийских королей.

Трир — единственное место в северной Галлии, которое вызывает римские воспоминания. Когда бродишь по молчаливым улицам рейнского города, невольно в мысли встает образ Арля. Под иным небом, в меньшем блеске, — это то же собрание величавых развалин, тот же контраст между теперешней безвестностью и славным прошлым. Северный Арль также развернулся вполне и выполнил

свое назначение, когда судьбы Империи клонились к упадку. С самого начала он был свободным городом. Затем, в наказание за его участие в событиях 60—70 годов он был переведен в категорию подчиненных городов. Возведенный затем Домицианом или Траяном в ранг Colonia Augusta Treverorum (Колония Августа Треверорум), он все же не выходил из безвестности до III века, когда опять усиливается напор варваров. В это время он представляется одним из важнейших городов провинции, стоящим наряду с Карфагеном, Александрией, Антиохией, Миланом. Это значение еще более возрастет, когда реформа перенесет на границу центр тяжести Империи. Тогда он становится одной из четырех столиц мира, — столицей западного цезаря. Отсюда цезарь правит не только Галлией, но и Испанией и Британией. Вместе с тем, здесь он стоит на своем боевом посту близь Кельна, Страсбурга и Майнца, достаточно близко от поля сражения, чтобы двинуться туда при первом призыве, — и при этом достаточно далеко, чтобы иметь возможность найти здесь безопасное убежище. Падение тетрархии не обусловило падения Трира. Потребности защиты и грандиозное оборудование этой крепости сохранили за ним его значение. Префект претория сменил здесь цезаря, стоя во главе той же территории. Константин и его сыновья, а также Валентиниан I, Грациан и Максим часто живали в Трире. В «Кодексе» Феодосия имеется не меньше 148 указов, подписанных ими в этом городе между 314 и 390 годами.

Интересную картину представлял он в конце Империи. Жизнь кипела здесь лихорадочно, полная шума дел, праздников и сражений. Как часто публичные торжества прерывались криком тревоги и появлением вражеских гонцов!.. — а затем снова возобновлялись, еще более блестящие, точно ощущение нависшей опасности, натягивая пружины воли, возбуждало острую жажду наслаждений. Эта двойная жизнь чувствовалась в нем с первого взгляда. Внутри обширной ограды, унизанной высокими башнями, рядом с форумом, базиликами, курией, термами, храмами — высились арсеналы, оружейные заводы, магазины съестных припасов: все, что кормило, одевало и вооружало защитников Рима: «Imperii vires quod alit, quod vestit et armat»[228]. Большинство этих зданий было недавней постройки. В течение III века Трир также побывал в руках варваров и, очевидно, сильно пострадал, так как документы говорят нам о полной его перестройке, произведенной государями-тетрархами и их преемниками. Только амфитеатр и столбы моста на Мозеле можно отнести к предшествующему периоду.

Здесь, по повелению Константина, были перебиты 60 тысяч пленных франков; по крайней мере, такую цифру дают историки, и если это даже преувеличение — оно характерно: оно передает впечатление, произведенное на современников этой бойней. Кровавые зрелища вообще были любимы трирцами. Они сохранили к ним вкус в пору самых ужасных потрясений, в пору разгрома и всеобщего траура. В этом, со всем красноречием гнева, упрекает их Сальвиан в дни Алариха и Аттилы.

Лучше других памятников в Трире сохранились огромные «Черные ворота», — может быть самый полный образец военной архитектуры римлян. Со

своими двумя фасадами и двумя этажами галерей, с внутренним дворцом и ведущими в него крытыми переходами, с четырьмя огромными башнями в четырех его углах, эти ворота кажутся самостоятельной крепостью, способной вместить большой гарнизон и выдержать упорное сопротивление. Тем же характером отличается императорский дворец, — гигантское здание, главная зала которого в 60 метров длины позволяет судить о размерах остального. Пышный и массивный, он соответствовал своему двойному назначению и гармонировал с общим видом города. Как и парижский дворец, только в значительно более обширном масштабе, — он построен так, чтобы выдержать осаду. Теперь он представляет руину, вздымающую на 20 метров в высоту свои кирпичные стены, пробитые большими дырами. Другие здания еще эксплуатируются: базилика превращена в лютеранский храм, а в центральной части местного собора мы находим круглую купольную церковь, воздвигнутую Грацианом, — старейшую из церквей Германии.

Трир расположен среди прекрасных окрестностей. Читая Авзониево описание Мозельской долины, понимаешь, что сделали триста лет римского владычества из этой местности, некогда столь же дикой, как и окружающая страна. Среди печальных лесов Германии и Арденн она представлялась бордоскому поэту цветущим оазисом — подобием его дорогой Гаронны. Светлая, богатая рыбой река змеилась между рядами холмов, покрытых лесом, полевыми культурами, виноградниками, уже знаменитыми, вино которых являлось предметом оживленной торговли. Направо и налево на выступах утесов или в изгибах долин высились замки, построенные поставщиками армии. Залы Трирского музея, мозаика, сохранившаяся в Ненниге, мавзолей Секундини в Игле свидетельствуют о великолепии этих жилищ. Вероятно, эта роскошь оставляла желать многого, в смысле изящного вкуса: Игльский мавзолей перегружен скульптурными украшениями, но эта выставка богатства, эта крикливая роскошь как раз соответствует тому, что мы знаем о нравах трирцев.

Этот блеск исчезает по мере того, как мы подвигаемся к югу. Распашка Вогез началась только при св. Коломбане — в конце VI века. Их пересекала только одна дорога через Савернское ущелье (Tabernae). Мы мало знаем о Туле, столице левков. Археологические находки здесь были обильны около простых виков: Назий (Не-о-Форж) и Гранда у Мааса. Лангр дал надписи и ворота III и IV вв. Это был довольно значительный мануфактурный центр. Его суконные фабрики соперничали с аррасскими, особенно по выделке плащей с капюшонами (cuculae), бывшими в употреблении и за пределами Галлии. Лангр был, впрочем, в течение II века превзойден Безансоном, — столицей секванов. Как и Лангр, он получил имя колонии и, вероятно, группу колонов. Во всяком случае, он всегда оставался крепостью, и галльский oppidum продолжал стоять на вершине венчающего его утеса. Он был слишком хорошо укреплен от природы, слишком удачно расположен между бассейнами Роны и Рейна, чтобы его решились уничтожить. Но ниже в изгибе Дуба создался другой город, который еще и доныне пробивается из-под

накрывшего его современного Безансона. Сохранились его триумфальная арка, его театр. Интересные раскопки восстановили лицо его Марсова поля (ныне Шамар). К северу от Безансона, недалеко от Монбельяра, многочисленные древности указывают на место Epomanduodurum (Эпомандуодур) — второго значительного города области.

На другом склоне Юры открывалась страна гельветов. После их поражения Цезарь обошелся с ними милостиво. Он отослал их на родину, обязав их быть только охраной против германцев, и ни он, ни его преемники не пожалели об этой великодушной политике: гельветы хранили верность, и даже в великом движении Верцингеторикса участие их было незначительно. Их территория была несколько обрезана со всех сторон. На севере, ради организации защиты левого берега Рейна — у них отняли угол, образуемый изгибом реки. На востоке августова Реция захватила большую часть нынешней Швейцарии[229]. На юге Валлис сначала отнесли к Реции, потом к Пеннинским Альпам. Наконец, на западе колонии Augusta Rauracorum (Августа Раврaкорум) и Нион были вырезаны целиком из владений гельветов.

Нион на берегах Лемана вблизи Женевы и в соседстве с Нарбоннской Галлией напоминал блестящие колонии ронской долины. Как видно из его имени (Colonia Julia Equestris Noviodunum), он был основан до 27 года с помощью отряда солдат-всадников. Августа Рауракорум (Аугст) недалеко от Базеля — ровесница Лиона и также основана Планком. Только впоследствии она получила имя Августа. Она предназначена была служить поддержкой плохо еще организованной рейнской обороне. Сперва территории обеих колоний были невелики, и civitas гельветов покрывала всю центральную часть юрского плато с бассейном Рейсы. Ее столицей был Авентик (Аванш) на пути, который южнее раздваивался, направляя одну ветвь к Лиону, другую к Большому Сан-Бернару. Главное значение города обусловлено его положением на пути следования войск, и его развалины обнаруживают, что он сумел использовать это преимущество.

В течение века страна оставалась военной полосой, подверженной не только нападениям германцев, но и опустошениям альпийских племен. Против первых она была прикрыта легионом, стоявшим в Виндонисса (Виндиш), на слиянии Аара и Рейсы на полпути между рейнской и дунайской армиями. Неудивительно, что при таком положении эта крепость сразу затмила город Планка. Второго неприятеля сторожил ряд укрепленных постов вдоль военных дорог у входа в боковые долины, постов, всегда могущих подать друг другу руку. Гельветы участвовали в защите небольшими отрядами, которые они содержали на своей счет, под условием употребления их тут же на месте[230].

Положение изменилось, когда римская граница перешла за Рейн. Это событие, совпавшее с превращением Авентика в Colonia Pia Flavia Constans Emerita Aventicum Helvetiorum foederata, открыло для гельветов эру мира и процветания. Это была пора романизации, правда, не везде проникшей на одинаковую глубину. Тогда как на юго-западе надписи часты, — на востоке и на севере они

становятся относительно редкими и относятся только к чиновникам и солдатам. Доныне сохранившееся различие романской и немецкой Швейцарии восходит к древности, только вместо немецкой мы имеем кельтскую Швейцарию. Латинский язык удержался и при германском нашествии; кельтский, менее вооруженный для борьбы, уступил место языку победителя.

В германских провинциях немало поражает нас тот факт, что в них римская цивилизация гораздо более свободна от местной примеси, нежели в Белгике, Лионской и даже Аквитании: чистая латинская ономастика, преобладание латинских богов в местном пантеоне, римские мифологические представления: все это делает ее похожей на Нарбоннскую, только более грубую и варварскую. Но надписи и памятники не скажут всего. За этой декорацией мы находим непохожую на нее действительность. Если бы латинский язык и римские нравы пустили глубокие корни, они не исчезли бы бесследно. Латинская цивилизация не внедрялась постепенно, а налегла разом вместе с появлением армии и тех, кто шел ей вслед. Ветераны и купцы, основывавшиеся здесь, женились и составляли сильный и чистый латинский пласт, — но только на поверхности. В Галлии, как и всюду — армии, поставленные на границе, являлись, по отношению к провинциям, рамкой, бордюром, по-видимому, более римским, чем сами провинции.

Сделав армию постоянной, правительство Империи отвело для нее постоянные лагери — Castra stativa. Из них потом возникли города. Одним из интереснейших типов этой эволюции является Майнц. Его история есть история двух групп населения: военной и гражданской, эволюционирующих в противоположных направлениях, — вторая за счет первой, которая в конце концов будет поглощена муниципальной организацией.

Укрепленный лагерь, основанный Агриппой у слияния Рейна и Майна, потерял в 89 году половину своего гарнизона. У него, впрочем, еще оставался целый легион и вспомогательные отряды. Но вскоре сооружение и оборона limes вызвали выделение из них новых отрядов. Таким образом, местный гарнизон очень сильно уменьшился. С другой стороны административные должности в нем все умножались. Меры Септимия Севера завершили преобразование. До тех пор солдаты жили в казармах и, хотя им был разрешен брак, в низшей форме «конкубината», но они не смели жить со своими женами. Септимий разрешил им селиться вне ограды, и лагерь утратил свое значение. Покинутый солдатами, он стал только местом сбора, полем для маневров; он обстроился конторами, магазинами и т. п., занявшими место прежних казарм. Все это, однако, представляло довольно внушительный вид. К эпохе Северов следует отнести построение претория, дворца легата, базилики, «табулария» (здание архивов), терм, триумфальных арок.

Майнц получил имя от кельтского поселка Mogontiacum (Могонтиак), вблизи которого вырос лагерь. Здесь группировалось смешанное население, состоявшее из туземцев и римских граждан: поставщиков, промышленников всех родов и степеней, ветеранов. Большинство ветеранов и после окончательной отставки

не уходило отсюда, оставаясь под покровом своего знамени, и не зная иного отечества.

Гражданское население управлялось военными властями и жило на «территории легиона», откуда в случае нужды могло быть изгнано в любой момент. Оно имело, однако, право образовать ассоциацию — conventus, какие существовали повсюду в провинции, имело право внутри этого conventus, под надзором своего куратора, разбиться на специальные корпорации. Мы знаем здесь коллегию ветеранов, коллегию мелких торговцев (negotiatores manticularii). Во II веке появляется зародыш муниципальных учреждений. Мир, царствовавший на границе, и торговая деятельность благоприятствовали их расцвету. Гражданское население богатеет и растет, по мере того, как население лагеря уменьшается. Оно уже делится на несколько (по крайней мере 4) виков, постепенное возникновение которых раздвигает пределы первоначального поселения — vetus Mogontiacum (старого Могонтиака). К концу II века лагерь стал только одним из городских кварталов. В это время convent'ом управляла уже ordo decurionum, и сам conventus величает себя — ordo civium romanorum (сословие римских граждан).

Однако только сто лет спустя Майнц получил право civitatis. Столица Германии долго оставалась только агрегатом вика, когда менее значительные города давно уже получили гражданство. Это объясняется исключительно выгодным положением группы римских граждан в Майнце. С тех пор, как они получили право организоваться в conventus, выделившись из общего с местными жителями vicus Kanabarum (от Canabae — хижины, где они сперва жили), они имели достаточные гарантии для защиты своих интересов. Превращение Майнца в civitas слило бы их с туземцами. Тем не менее, рано или поздно оно должно было произойти и было декретировано между 276 и 303 г. — вероятно, Пробом.

Майнц остался крупным военным пунктом и бастионом Империи на Рейне. Варвары дважды — в 406 и 409 годах овладевали им. Во второй раз город был разрушен. Он снова возвысился вместе со своими епископами и в Средние Века играл крупную роль. Из него шла христианская культура в Германию. Из римских зданий сохранилось немного: так называемая Eigelstein — вероятно, кенотафия, воздвигнутая Друзу, несколько пилястров от моста, построенного в 90 году и восстановлявшегося Каракаллой, а потом Максимианом. Но майнцский музей представляет огромное богатство. Здесь, среди надписей, барельефов и надгробных памятников оживает образ Рима в борьбе с германским варварством.

ГЛАВА II
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

I. Латинский и кельтский языки. Школы. — II. Литература. — III. Искусство. — IV. Религия и нравы.

I. Латинский и кельтский языки. Школы[231]

Завоевание Галлии латинским языком — вот первый факт, бросающийся в глаза, когда начинаешь всматриваться в духовное ее состояние в эпоху римского владычества.

Самым ярким свидетелем «рассеяния» латинского языка является эпиграфия. Галлия усеяна более чем десятью тысячами надписей, многие из которых относятся к низшим классам общества. Из них не более 20 (притом относящихся к началу I в.) составлены на кельтском языке. «Рассеяние» латинского языка само по себе не предполагает еще исчезновения кельтского. На кельтском никогда не *писали* особенно много. Соотношение обоих языков в дальнейшем могло представиться в трояком виде: 1) население могло перестать писать по-кельтски, не перестав говорить; 2) оно могло выучиться пониманию латинского, не пользуясь им в обычной речи; 3) оно могло привыкнуть пользоваться им по преимуществу, не перестав еще понимать и употреблять кельтский. Нас интересует не только вопрос, распространялся ли латинский, что слишком очевидно, а тот — до какой поры и в какой мере сохранился кельтский.

Эпиграфика, не давая нам готовых решений этого вопроса, дает возможность точнее учесть влияние среды. В Нарбоннской Галлии, где уже при Тиберии, по словам Страбона[232], кавары начали говорить по-латыни — кельтский уступил раньше всего; и именно нарбоннская эпиграфия наиболее богата, правильна и равномерно покрывает ее территорию. Эпиграфия Трех Провинций, довольно бедная — особенно в центре и на севере, вдали от очага культуры и военной оккупации — отличается плохой латынью и сосредоточивается в городах. Очевидно, в этой области, и особенно в сельских округах, успехи латыни были медленны.

История представляет немало примеров того, что народ разучивается своему языку. Процесс этот протекает очень медленно. В Галлии он потребовал четыре века.

До какого момента можно констатировать выживание кельтского языка? Тексты, собранные по этому вопросу, малочисленны и не все убедительны. Решительно ничего не дает часто цитировавшееся место из письма Сидония Аполлинария к другу его Экдицию, приблизительно от 471 года, где он хвалит последнего за обучение арвернской знати ораторскому и поэтическому стилю, «благодаря чему она отделалась от грубости кельтского языка»[233]. Здесь речь идет тоже

о латинском языке, но только провинциальном. Через 50 лет Сульпиций Север выводит в своих «Диалогах» одного галла из центральной Галлии, рассказывающего аквитанцам о чудесах св. Мартина. Так как он запутывается в ораторских ухищрениях и извиняется, что оскорбляет деликатные уши слушателей своей грубой латынью, один из них нетерпеливо ему замечает: «Говори хоть по-кельтски или, если хочешь, по-галльски, только говори о Мартине»[234]. Мы не знаем разницы между галльским и кельтским и, вероятно, это — простая тавтология, или игра слов (gallus, gallice), но вместе с тем, не думаем, чтобы этот «кельтский или галльский» язык был чем-нибудь иным, кроме нечистого латинского; и если бы даже здесь речь шла о настоящем кельтском — ничего не доказывает, чтобы один из собеседников мог понимать его, а другой — говорить на нем.

Несомненно, что накануне варварских нашествий и после них еще были в ходу отдельные галльские слова. Авзоний, Фортунат, Григорий Турский[235] цитируют и переводят те, которые употреблялись в их время. Марцелл Бордоский в своей «Фармакопее» переводит на местный язык имена известных растений. Все это не доказывает, что сам язык еще был живым. Более характерно то имя багаудов, которое присвоили себе восставшие крестьяне в III веке[236] и которое отзывается кельтским. Как объяснить этот факт, если латинский был их обычным языком? Имеются и более выразительные факты. Ириней, епископ Лиона с 178 года, сообщает, что, живя среди кельтов, он более занят изучением «варварского диалекта», нежели совершенствованием своего греческого языка[237]. Вряд ли выразился бы он так небрежно о латинском. Биограф Александра Севера рассказывает, что в 235 году последний, находясь в Галлии в приготовлениях к походу, в котором его убили, встретил друидессу, которая по-кельтски предостерегала его от его солдат. Анекдот, вероятно, вымышлен, но тот, кто пускал его в ход, исходил из факта существования кельтского языка в III веке. Наиболее убедительным является отрывок из Ульпиана, устанавливающий, что fideicommis может быть выражен не только по-гречески и по-латыни, но и на любом языке — например, пуническом или кельтском[238]. Перескакивая через полтораста лет, мы имеем известный, хотя и спорный текст блаженного Иеронима (331—420). Комментируя послание апостола Павла к галатам, он замечает, что этот народ (как известно, кельтский, пришедший в Малую Азию в 278 г. до Р. Х.) принял греческий язык, употреблявшийся всюду на Востоке, но не забыл и своего, «похожего на язык треверов». Авторитет этого места пытались отвести утверждением, что оно заимствовано из более древнего источника, но не надо забывать, что блаженный Иероним жил в Трире и, ища именно здесь предмет сравнения, очевидно, опирался на личные воспоминания[239].

Данное свидетельство является последним в этом роде. Но если еще в эту эпоху население говорило по-кельтски — отсюда нельзя заключать, что латинский был ему чужд. Св. Мартин, назначенный турским епископом в 372 году, был родом из Паннонии и вряд ли знал галльский язык. Между тем, известно, как мощно действовало его слово на народную массу.

В VI веке кельтский был совсем забыт. Лучшим доказательством этого служит появление романского, который вытесняет латинский. Он сам является тем же латинским, но несколько преобразованным, с незначительной примесью кельтских слов, уже прошедших через латинскую переработку. На 26 слов французского лексикона, относительно которых можно утверждать кельтское происхождение — 10 несомненно прошли через латинский язык, прежде чем стали романскими и французскими. То же, вероятно, можно предположить и об остальных.

Латинский, давший начало романскому, есть *народный латинский*. Факт его существования доказывает с ясностью полное забвение кельтского во всех слоях общества.

Народный или вульгарный латинский перешел из Италии в провинцию через легионеров, колонов и всевозможных эмигрантов. Таким образом, он стал на всем Западе языком народа, языком живой речи, а не письма, языком, о котором надписи не дают представления, ибо они составлялись по заранее данным в сборниках формулам. Мы можем, собственно, только отчасти восстановить этот латинский язык в его общих очертаниях по случайным указаниям писателей. Тем труднее проследить за его изменениями под влиянием местных языков. Очевидно одно, что он отличается от латинского литературного языка, от языка высших классов теми тенденциями, которые возобладали в образовании новых языков. Отношения филиации между романским и вульгарным латинским прочно установлены. С другой стороны, выяснено, что романский ничего не заимствовал от кельтского. Из этого всего вытекает, что вульгарный латинский проник в низшие классы, чтобы царить там безраздельно. Долго сдерживаемый в этих границах давлением сверху литературного языка, он вышел из них, когда падение высшей культуры открыло ему доступ во все слои общества. Тогда он будет распространяться везде, развиваться свободно, подчиняясь своей внутренней логике, и под именем романского — вытеснять собственно латинский.

Полная победа латинского только немного предупредила момент, когда он сам начинает уступать место новым языкам, зародыши которых носит в себе. По-видимому, в V веке он решительно захватывает Галлию на всем ее протяжении и до самых глубоких ее социальных слоев. Только старая Аквитания между Пиренеями и Гаронной не была им вполне побеждена. Более стойкий, чем кельтский, иберский создал себе в горной стране басков непобедимую крепость. Что же касается Бретани, то, по-видимому, установлено твердо, что употребляющийся еще в ней кельтский диалект не восходит ко временам галльской независимости, а внесен островными бриттами, бежавшими от саксов между V и VII вв.[240].

Таким образом, путем некоторого исторического парадокса, падающий Рим одерживает еще эту последнюю победу. Но факт парадоксален только по-видимому. Нас не должны сбивать подразделения, задним числом введенные в историю. Престиж Рима пережил его материальное могущество. Он остался надолго для народов городом-властелином, благодетелем человечества. Он только

что был взят Аларихом, когда Рутилий воспевал его бессмертное назначение[241], и приблизительно в эту эпоху в текстах появляется неологизм Romania, удачно придуманный одновременно для обозначения его власти и его цивилизации[242]. Итак, нет ничего удивительного, если успехи латинского языка могут быть прослежены среди событий, которые разбили римское единство.

Римляне не вступали в борьбу с языком галлов. Конечно, они понимали, какую опору может получить их власть от распространения латинского языка, и пропагандировали его всячески, но при этом они никогда не прибегали к мерам насилия. Еще в течение III века они утверждали завещания на кельтском языке. Кельтский исчезал перед латинским, потому что он символизировал варварство, а латинский — культуру. Обладая вследствие этого притягательной силой для умов, жадных к культуре, он имел еще то преимущество, что он был официальным языком римского правительства и его агентов всех степеней. Без него трудно было обойтись. К грубым западным диалектам римляне относились не так бережно, как к греческому; они не переводили публичных актов на местные языки. На самих жителей ложилась забота их понять и растолковать. Латинский был также официальным языком и муниципального управления. Тут, правда, могли возникнуть затруднения — если не в колониях, то в подчиненных, свободных и союзных городах. К сожалению, надписи, которые могли бы осветить нам положение дела — немногочисленны, вне Нарбоннской, да притом относятся к более позднему времени. Среди них, во всяком случае, нет ни одной не латинской. Мы имеем в Бордо, в Сенте посвящения, составленные по-латыни магистрами I-го века. Были ли римляне менее терпимы к языку своих подданных, нежели к их учреждениям? Оставляя им автономное управление, требовали ли они, чтобы оно говорило по-латыни? Мы этого не знаем, однако у нас нет никаких данных это утверждать. Но муниципальное правительство было по преимуществу аристократическим, а аристократию вовсе не нужно было принуждать к усвоению языка победителя. Необходимый для той части аристократии, которая претендовала на сенаторское или всадническое звание, латинский язык не менее нужен был для той, которая удовлетворялась правом *римского* гражданства. Клавдий отнял это право у одного депутата с Востока, который умел объясняться только по-гречески[243]. Даже низшие классы должны были пользоваться латинским в тяжбах перед римскими трибуналами, в жалобах и просьбах фиску, наконец — в сношениях с италийскими купцами.

Латинский внедрялся самыми различными путями — не только переселением свободных людей, но и ввозом рабов, которые, происходя из самых разных стран света, должны были сговариваться не только с хозяином, но и между собой на каком-нибудь общем языке. Старые солдаты, вернувшиеся к мирной жизни, водворяли этот язык у своего семейного очага и в своем кругу. С III века Церковь, порывая свои эллинские связи, приняла латинский в качестве официального языка по примеру светской администрации. Наконец, школа, вовсе не будучи в руках Рима тем орудием насилия, каким она сделалась у современных

завоевателей, влияла в том же направлении, и тем более решительно, что она брала человека целиком: не только сообщала ему новый язык, но формировала его душу, до глубины изменяя его идеи и ощущения. В школе галл становился римлянином.

К несчастью, мы плохо осведомлены по вопросу об элементарном обучении. Только по некоторым указаниям можно судить, что им не пренебрегали. Неграмотных, в общем, было немного. Самые младшие офицеры должны были уметь прочесть пароль с таблички, где он был написан. Для детей ветеранов существовали специальные школы. Одна надпись, открытая в Альюстрели в Португалии и содержащая правила эксплуатации рудников, показывает, что вокруг рудника образовалась деревня, где хватало школьных учителей. Большинство этих школ — за исключением тех, которые состояли при армии — были частные. Римляне долго не приходили к мысли, что образование может даваться от имени государства, и впоследствии эту мысль не распространяли на низшее образование. Но жажда знания сама по себе была сильна в этом обществе и удовлетворялась частной инициативой.

Гораздо лучше знакомы нам образовательные учреждения высшей ступени — для высших классов общества. Здесь ясно обнаруживается участие публичной власти. Когда Агрикола был призван к управлению Британией в 78 году, он начал вводить в ней римские нравы. Он не только призывал жителей к построению городов с храмами, форумами, портиками: он заботился о том, чтобы дети знатных выучились латинской грамоте[244]. Поступая так, он только продолжал политику, сто лет уже применявшуюся в Галлии, где, по словам Страбона, школы размножились тотчас после завоевания — в царствование Августа и в первые годы Тиберия[245].

Можно думать, что в этом случае не было недостатка в официальных поощрениях. Но, во всяком случае, государство не становилось на место частной инициативы. Веспасиан первым возымел идею содержать профессоров на публичный счет. Ту же мысль мы видим у Адриана, Антонина и Александра Севера, но в чем заключались принятые ими меры — мы не знаем. Из совокупности фактов только вытекает, что государство, предписывавшее эти расходы, не брало их на свой счет. Оно обеспечило кафедры в немногих крупных центрах — в Риме и в Афинах, но в остальном оставило издержки на школы на обязанности муниципалитетов. То, что сперва было их добровольным даром, сделалось обязательной контрибуцией, и так как именно в эту эпоху начинаются их финансовые затруднения, то понятно, что они исполняют этот долг без особенного увлечения. Чтобы положить конец вытекающим отсюда беспорядкам, Грациан издал в 376 году в Трире эдикт, устанавливающий раз и навсегда жалованье, какое каждый город должен платить учителям, в зависимости от значения города и ранга преподавателя[246].

При таких условиях логично было предоставить городам право их назначать. И государство сделало это без опасений, так как состав муниципальных

собраний был достаточной гарантией их компетентности. Впрочем, оно не вполне отказывалось от вмешательства — и не только в тех случаях, когда дело касалось кафедр, созданных и поддерживаемых за его счет. Сами города не протестовали против этого вмешательства императора в их дела, наоборот — гордились таким проявлением интереса к их жизни. Эдуи были очень благодарны Константину, когда он послал Евмена профессором в их школу, вероятно, их удовольствие несколько уменьшилось, когда они узнали, какое огромное жалованье он назначил ему за их счет[247].

При Юлиане взаимные права государства и курий были урегулированы определенным законом: курии избирали профессоров, но утверждение их принадлежало императорской власти[248]. Это был только временный закон, имевший целью устранить христиан от преподавания, но мы не видим, чтобы он был отменен впоследствии.

Среди школ, процветавших в Галлии в начале нашей эры, первое место занимали школы Марселя и Отена. Фокейская колония, лишившаяся своего торгового и политического значения, направила деятельность в другую сторону. Как и Афины, которым она подражала и славе которых составляла противовес на западном краю греко-римского мира, — она старалась утешиться в своем унижении славою великого университетского города. Варрон называл ее «трехъязычным городом». Здесь галльские студенты встречались с итальянскими, сюда видные римские фамилии охотно посылали своих сыновей, так как последние получали здесь то же образование, что и в Греции, но с преимуществом большей близости и более здоровой в моральном отношении обстановки. Одной из особенностей Марселя была его научная традиция. Если он не давал больше астрономов и географов, как во времена Питея, зато он славился своими медиками. Один из них при Нероне разбогател настолько, что воздвиг на свой счет стены (разрушенные осадой 49 г. до Р. Х.).

В противоположность школе Марселя, школа Отена была настоящей галльской школой, куда бросилась молодежь друидов. Она была настолько многочисленна, что в 21 году, во время возмущения Флора и Сакровира, последний, захватив ее учеников, думал обеспечить нейтралитет всей галльской знати. Избирая Отен местом для такой школы, правительство не только делало любезность верным союзникам Рима, но и опиралось на верно понятые чувства всей нации. Лион был слишком римским городом. Здесь молодые галлы не чувствовали себя дома. Наоборот — они были у себя в своем чисто-кельтском и преданном Риму городе. К середине III века мы более не слышим ничего об отенской школе: разгром, постигший город[249], подрезал ее жизнь в полном цвету. Ее прекрасное здание стало добычей пламени, зажженного солдатами Тетрика. Деятельность ее возобновится только в эпоху тетрархии. Тогда же в знак особой милости будет ей послан Констанцием Хлором ритор Евмен.

Евмен был одним из самых выдающихся людей Галлии. В жилах его текла греческая кровь. Дед его, родом из Афин, был преподавателем риторики в Риме,

затем в Отене, где преподавал до 80-летнего возраста. Внук его, родившийся в Отене, унаследовал его вкусы и призвание. Его профессорская слава обратила на него внимание Констанция Хлора, который приблизил его к себе в качестве своего «magister memoriae» (магистр записей) — нечто вроде государственного секретаря, на обязанности которого лежала редакция бумаг, исходивших из императорской канцелярии. Это была одна из высших должностей в государстве. Возвращая его впоследствии к профессуре, — что в обычном порядке было бы понижением, император старался уничтожить всякую мысль об опале: он не только сохранил, но и удвоил его жалованье и написал ему следующее письмо, которое предлагал прочесть публично при вступлении в должность: «Наши галлы, дети которых изучают artes liberales (свободные искусства) в городе Отене, и сами юноши, которые с такой радостью сопровождали нас, заслуживают забот о развитии их природных дарований. Можно ли предложить им лучшую награду, чем дар духовных благ, то единственное, что случай не может ни дать, ни отнять? Потому-то мы решили поставить вас во главе их школы, которую смерть лишила ее главы, — вас, чье красноречие и высокую честность мы могли оценить в ведении наших дел. Мы желаем, чтобы, не теряя ничего из преимуществ вашего сана, вы снова приняли вашу кафедру риторики в вышеупомянутом городе, который мы желаем, как вам известно, восстановить в его былом величии. Там вы будете формировать умы юношества и внушать им склонность к лучшей жизни. Не считайте это дело унизительным для того высокого сана, которым вы были облечены. Почетная профессия поднимает, а не унижает достоинство человека. Наконец, мы желаем, чтобы вам было назначено жалованье в 600 000 сестерций за счет города, дабы вы знали, что Наша Милость награждает вас по заслугам. Прощайте, дражайший Евмен»[250].

Евмен был достаточно великодушен, чтобы пожертвовать на восстановление здания все свое огромное жалованье. Но все усилия были тщетны: ни школа, ни город не возродились в прежнем блеске.

Этот факт был исключением в судьбах галльских школ этой поры. Никогда не жили они более полной жизнью, чем в IV веке, который был для Галлии веком воскресения. Правительство осыпало ее милостями. Только центр тяжести несколько переместился, вслед за перемещением политической жизни к северу. Уже при Марке Аврелии Фронтон говорит о Реймсе, как вторых Афинах; а рядом с ним на имя очага просвещения начинает претендовать Трир. Императоры, поселившиеся в нем, всячески стараются привлечь знаменитейших учителей, давая им большое жалованье. Впрочем, в духовной жизни Трир всегда занимал второстепенное место. Тревожное существование на границе, угрожающая близость варварства не давала возможности свободно отдаваться умственному труду. Он нашел более благоприятное убежище на другой оконечности Галлии.

Аквитания находилась в этом смысле в особенно выгодном положении; от грома войн, наполнявшего Лионскую и Белгику, до нее доходило только слабое эхо. Благодаря этой тишине и хозяйственному процветанию, она могла стать

последним приютом античного знания. Слава ее риторов гремела повсюду. Она снабжала ими Италию и Восток и вводила их в качестве воспитателей в императорскую семью. Блаженный Иероним уделяет им место в своей хронике, и Симмах, самый блестящий представитель латинского красноречия в эту эпоху, в высокопарных выражениях признает все, чем он обязан их урокам[251].

Тулуза, Ангулем, Пуатье, Ош, Нарбонна, которая в этом отношении связывается с Аквитанией, также имели славные школы, но их затмевала слава Бордоской, которую и мы знаем лучше всего, благодаря описаниям Авзония, одного из замечательнейших ее учеников, а впоследствии — профессоров. Под конец жизни мысль его с благодарностью переносилась к воспоминаниям об учителях его и товарищах, и он посвятил им ряд заметок и портретов в стихах, живо рисующих то, чем был университет, *аудитория* — в эту пору и в этой части римского мира.

Особенно поражает нас, что обыкновенно все эти люди занимают очень высокое положение в тогдашнем обществе. Они богаты, — снискав себе это состояние своей профессией, притом не столько благодаря жалованью, которое, впрочем, всегда могло быть выше установленного минимума[252], сколько благодаря другим доходам: подаркам родных ученика и особенно плате с записи студентов, взимаемой в пользу профессоров, причем ее цифра была пропорциональна знаменитости последних. Кроме того, они были освобождены от всех налогов, лежавших такой тяжестью на остальном населении. К богатству присоединялся почет: члены курии, декурионы и магистраты, — они занимали первое место в рядах аристократии. Некоторые, став известными императору, достигали высших государственных ступеней. Непотиан из Бордо, Эксуперий из Тулузы были губернаторами провинции. Авзоний, учитель Грациана, получил титул комита, в 376 году он был назначен префектом претория в Италии и Африке, в 378 году — в Галлии, в 379 сделан консулом, — в ту пору, правда, только почетный, но самый блестящий сан. Мы уже говорили о блестящей карьере Евмена и Евгения, которого Арбогаст сделал императором[253].

Студенты были многочисленны. Они имели свои корпорации, свои знамена, свои собрания, веселые и шумные. Они принадлежали в большинстве случаев к аристократии, к крупной буржуазии. (Впрочем, факт установления Александром Севером стипендий для учеников заставляет несколько ограничить это утверждение). Высшие классы, не имея исхода ни в торговле, которая была предоставлена вольноотпущенникам, ни в армии, все больше заполняемой варварами, бросились на административную карьеру, где новая система увеличила число мест, а доступ к ней давала школа. Адвокат фиска, секретарь канцелярии, префект претория прежде всего должен был быть образованным человеком. Недаром императоры покровительствуют школам, следят за успехами и поведением студентов: в этой молодежи воспитывалась их будущая бюрократия. По всем этим соображениям, наука окружена была любовью и почетом, доходившими до поклонения.

Характер данного образования по-своему выражает отрицательные стороны данного разлагающегося мира, но оно не исчезнет вместе с этим миром и наложит свой отпечаток на средневековые школы, в известных элементах своих оно доживет и до наших дней.

Школа, вроде бордоской и отенской, не была университетом в нашем смысле. В ней соединялись занятия высшего характера с подготовительными — грамматика с риторикой. Грамматику понимали не в ее тесном значении. Как замечает уже Квинтилиан, в нее входили две части: искусство правильной речи и толкование авторов латинских и греческих, причем нередко начинали с последних, предпочитая остальным Гомера и Менандра. Чужой язык не всегда приходился по вкусу ученикам. Авзоний признается, что недолюбливал его в детстве. Но он занимал почетное место в образовании: единственные учителя — не галлы, которых мы встречаем в Галлии, — происходят из Греции. Из латинских поэтов на первом месте стоял Вергилий, уже тогда очень популярный; затем, далеко не в такой степени любимые, Гораций и Теренций. Прозаиков ценили меньше, и отсутствие этой твердой, здоровой пищи сильно чувствовалось на складе образования. Но самым большим злом было отсутствие систематизированных положительных знаний. Конечно, объяснение авторов было не чисто словесным. Оно предполагало разнообразный комментарий — географический, исторический, философский и даже естественнонаучный. Но все эти знания сообщались только попутно — по поводу текстов. Они не составляли связного целого и не побуждали к самостоятельным исследованиям. Эрудиция заключалась в пережевывании сочинений Варрона. Это — та самая бесплодная экзегеза, то преклонение перед книгой и буквой, которое будет угнетать мир в век схоластики.

Те же черты характеризуют высшие ступени образования. Нас поражает узость программы: науки уже нет, — она подорвана ростом мистицизма; кроме того, римляне и прежде ценили ее только ввиду практических ее приложений. Философии также нет: на Западе всегда относились к ней с некоторым недоверием, оставляя монополию на нее афинской школе. Самое право, — создание и наиболее прочное наследие Рима — имело серьезных представителей только в двух столицах и в школах Бейрута. Оставалась риторика, как комментирование предложенных текстов и развитие поставленных тем. К этому сводилось все обучение. Красноречие, бывшее мужественным искусством в античном обществе, стало пустым и поверхностным развлечением. Оно свелось к условным приемам, где изящество фразы прикрывало отсутствие содержания. Эта дисциплина, изучаемая ради нее самой, ставшая целью, оторванная от серьезного содержания, являлась бесплодной и опасной работой, обедняющей и вместе обременяющей мысль. Когда мы видим плоды этой работы в наиболее популярных произведениях той эпохи, — в речах Гимерия, в панегириках Евмена, в большей части стихотворений Авзония, когда мы видим, как все это лишено сущности и мысли, — мы готовы приписать этому образованию известную долю вины в общем упадке и разложении Империи.

II. Литература[254]

Начало литературной истории Галлии восходит к самым цветущим дням Империи. Латинская литература находится в блестящей поре зрелости, когда Галлия и, прежде всего Нарбоннская, начинает вводить в нее свои силы. Она не только обеспечивала публику славным писателям Рима, доставляя читателей Марциалу, корреспондентов — Плинию, она рано выдвинула им подражателей и соперников. Трудно сказать, сколько было среди них чистокровных галлов, и сколько — римских колонистов. Трог Помпей был чистый галл. Следует также отметить, что Домиций Афр и Валерий Катон носят то же имя, что Домиций Агенобарб и Валерий Флакк — проконсулы Трансальпинской Галлии в 121 и 89 гг. по Р. Х. А мы знаем, что провинциалы, получавшие право гражданства, принимали имя проконсула, через которого дарована была эта милость. Итак, можно предположить, что оба были галлы.

Галльские писатели никогда не отличались той могучей оригинальностью, какая характеризует писателей испанских и африканских. Они не оказали одинакового с последним влияния на литературу. Кроме того, их произведения от первых двух веков почти все пропали, и мы знаем о них только косвенно. Они довольно разнообразны. Галлия произвела одного историка, о котором речь будет ниже, и двух выдающихся поэтов. Один из них, Терренций Варрон, прозванием Atacinus (так как он родился на берегах Оды), жил в веке Августа. Он перевел «Аргонавтики» Аполлония, делал опыты в сатирическом роде и преуспел в элегическом. Он сложил в честь Цезаря поэму о войне с секванами. Его современник Корнелий Галл из Фрежюса обязан своей славой дружбе с Вергилием и прекрасным стихам своей второй эклоги. Сам он был прежде всего элегиком. Он пользовался исключительной милостью императора, получил египетскую префектуру, затем внезапно подвергся опале... К той же поре относится деятельность Катона, поэта и грамматика, от которого дошло несколько изящных стихотворений.

Не поэзия, однако, была любимейшим родом литературы в Галлии. В «Диалоге ораторов» Тацит поручает именно галлу доказывать преимущества риторики перед поэзией. Красноречие было национальным искусством Галлии. Это отмечают все латинские писатели от Катона Старшего до Ювенала, Клавдиана и блаженного Иеронима. Эти вкусы будут доминирующими и во французской литературе. Первые школы латинской риторики в самом Риме будут открыты в I веке до Р. Х. галлами, Л. Плотием и М. Антонием Гнифоном. Галлом был и Росций, славный актер, любимец Цицерона, по-своему — мастер слова.

Вибий Галл и Юлий Флор в веке Августа считались красою римской трибуны. Оба галлы родом, так же как и их современник Воциен Монтан, нарбоннский уроженец, блестящий и находчивый импровизатор.

К следующему поколению принадлежат Домиций Афр из Нима и Юлий Африкан из Сента. Оба запятнали себя ремеслом доносчиков в Неронову пору. Африкан обесчестил себя, принеся Нерону поздравление по поводу смерти его

матери. Правда, ирония чувствуется в нем: «Твоя Галлия умоляет тебя, о, цезарь, мужественно вынести твое счастье». Как оратора, его хвалят за яркость и силу, и вместе упрекают в изысканности и длиннотах. Домиций Афр был претором при Тиберии, консулом при Калигуле, куратором вод при Клавдии. Квинтилиан считает его величайшим оратором той поры за верность его классическим традициям, за чистоту вкуса, выгодно отличавшие его на фоне манерности и напыщенности, введенной в литературную моду испанцами. Он славился своим остроумием, тонкими выходками, полными веселого лукавства.

Такое остроумие отличает и Марка Апра, адвоката и хулителя стихов в Тацитовом «Диалоге». Он представляет здесь положительный ум, практический здравый смысл, немного низменного склада. Но и он вдохновляется, говоря о своем искусстве, которое находит прекраснейшим за его практическую полезность. Вполне новый человек по духу, он, в общем, не в пример Афру, не отличается уважением к освященным традицией образцам. Великие имена ему не импонируют. Несколькими колкими словечками он развенчивает цицероновский период. Он любит короткую, игривую и искрящуюся фразу, — в духе Сенеки. Рядом с ним Тацит выводит его соотечественника и соперника Юлия Секунда, племянника Юлия Флора, натуру более гармоничную, более полную и богато развитую... Итак, из четырех собеседников этого диалога двое оказываются галлами.

Южный бассейн Роны, подобно итальянской Кампанье, остался сильно насыщенным эллинизмом. Этим, вероятно, объясняется направление Трога Помпея. Из извлечения Юстина нам трудно угадать, каково было его большое историческое произведение. Плиний Старший говорит о нем с уважением. Можно уловить только план его и общий замысел, откуда видно, что этот воконтий чувствует и мыслит, как настоящий грек. Основание Империи совершалось на его глазах. Его дед служил при Помпее (откуда его имя), его отец был секретарем при Цезаре, и все-таки Рим представляется ему только некоторым привеском к Греции. Центром и узлом всемирной истории рисуются ему не римские победы, а завоевания Александра Македонского.

Те же влияния формировали сто лет спустя полиграфа Фаворина, уроженца Арля, но грека до глубины души, каким мог быть только афинянин или александриец. Он много лет провел среди эллинского общества, и из его многочисленных сочинений ни одно не написано по-латыни. Любимец Адриана, тесно связанный с Иродом Аттиком и Плутархом, ученик Диана из Прузы и учитель Павла Гелла, он интересует нас в качестве совершенного представителя эрудиции своей эпохи, — эрудиции мелочной и бесплодной, без значения и глубины.

Галльская литература долго цвела вне родины. Рим привлекал к себе все выдающееся. Лучшие галльские ораторы блистали на римской кафедре. Положение дел изменилось в IV веке, когда Галлия стала ареной политического и духовного возрождения. Роль Галлии в защите Империи и в ее внутренних смутах, присутствие императоров и их двора, деятельность университетов, — все это дало новый толчок умственной деятельности. При полном почти безмолвии, воцарившемся

в Италии, Африке, Испании, ее голос звучал громко, во славу римского величия и латинской музы. Это был великий век ее литературы, если это слово не слишком сильно по отношению к произведениям, обличающим уже истощенное и пораженное на смерть общество.

Эта литература — преимущественно риторическая. Характернейшим ее продуктом является сборник, известный под именем «Латинских Панегириков». Он содержит 8 речей, которые были произнесены в Галлии, притом — за исключением одной — перед императорами, в Трире, по поводу какого-либо важного факта или памятной даты их царствования: дня рождения Максимиана, покорения Британии, свадьбы Константина и Фавсты, поражения Максенция на Мильвийском мосту и т. д. Большинство этих речей анонимны. Мы знаем автора только одной: это увещание, произнесенное перед наместником Лионской 1-й в 297 году на Отенском форуме ритором Евменом, только что призванным к руководству Отенским университетом.

Тщетно пытались установить, не принадлежат ли ему и другие речи сборника. Одно несомненно, что все они сочинены его современниками и большинство — его коллегами. Сам сборник, по-видимому, составлен в Отене как документ в пользу Отенской школы и ее преподавания, и, как таковой, прекрасно характеризует требования ораторского искусства в эту пору и в этой среде.

Нам, конечно, не может нравиться это парадное, официальное, придворное красноречие, по образцу Панегирика Плиния, который поэтому и фигурирует в начале сборника, и приемы которого повторяются в неловких подражаниях, доводящих их до карикатурности. Все отталкивает в этом потоке похвал, где гипербола соперничает с глупостью, где изысканность формы прикрывает убогость содержания. Но следует быть справедливым. Не все лживо в этих надутых похвалах, не все пусто в этой в общем-то бедной мысли. Из-за условных тем просвечивает искреннее чувство, верная мысль, несколько оправдывающая эту плохую риторику и располагающая нас к снисходительности. Здесь прорывается горячий патриотизм, который иногда выражается с захватывающей силой, законное чувство благодарности к императорам, при всех своих отрицательных сторонах сумевших задержать гибель Империи и обеспечить Галлии давно утраченный мир. Сам стиль не без достоинств. Он заимствуется из хорошего источника, основан на хорошей цицероновской традиции, хотя лишен оригинальности и отзывается школой, а не жизнью. Неприятен в нем избыток некоторых особенностей: монотонная и манерная изысканность, непоколебимое самодовольство во всех приемах и ухищрениях мастерства. Но как ставить это в вину последним фанатикам античной цивилизации? Их искусство во всех его мелочах воплощало все, чему угрожали успехи варварства. Риторика, как было удачно замечено, была своеобразной формой римского патриотизма.

Поэзия этой эпохи представлена Авзонием. Около 260 года, в эпоху Тетрика, благородный эдуй Агриций, замешанный в политических событиях эпохи, подвергся проскрипции и бежал в Аквитанию, в город Дакс, где для добывания

средств к существованию эксплуатировал кое-какие познания во врачевании и колдовстве — последние остатки друидической мудрости. Здесь он женился и имел сына и трех дочерей. Этот сын, Арборий, сделался адвокатом, а потом профессором в Тулузе и попал воспитателем в императорскую семью. Одна из дочерей вышла замуж за врача Юлия Авзония, который поселился в Бордо и сделал блестящую карьеру. Впоследствии он получил иллирийскую префектуру. От этого брака в 310 году родился Децим Магн Авзоний — слава семьи. Нам известна его жизнь. Она представляет полное сходство с судьбой его дяди Арбория, имевшего на него большое влияние. Только он поднимался медленнее и достиг более высоких степеней. В качестве профессора он 30 лет преподавал в своем родном городе. Только в 369 году воспитание молодого Грациана послужило для него ступенью к высшим должностям. Под конец жизни, осыпанный почестями и богатый, он опять вернулся в родной город. У него было несколько вилл около Бордо, Пуатье, Сента. Здесь проводил он свою жизнь, счастливый, уважаемый, окруженный семьей, учениками, друзьями, работая, сочиняя стихи. Лучшие его произведения относятся к этому периоду.

Безупречный мастер, Авзоний в совершенстве владеет техникой своего искусства, изобретая самые сложные, самые странные комбинации стиха, вроде цепей, где каждая строчка оканчивается односложным словом, повторяющимся в начале следующей. Темой подобных ухищрений является прославление числа три, правлений цезарей, формулировка сентенций семи мудрецов и т. д. Верный традициям школы, он копирует Вергилия, Марциала, чьи двусмысленные эпиграммы находят в нем холодного подражателя. Эти школьные упражнения, эти тяжеловесные игрушки не исчерпывают его творчества. В его сборнике попадаются вещи, не лишенные изящества и грации, хотя не отмеченные особенной вдохновенностью или полетом воображения. Маленькое стихотворение о розах могло бы вдохновить Ронсара. Поэма о Мозеле заключает красивые картинки, удачно схваченные пейзажи. В них чувствуется, и этим особенно интересен Авзоний, та жилка *личного*, интимного, которая является чем-то новым для античной литературы. Он рассказывает о себе самом с легкой небрежностью, напоминающей его земляка Монтеня, тонко и живо рисуя детали своей повседневной жизни. Он обаятелен, когда предается просто и искренно настроениям своей привязчивой и честной натуры. Здесь человек гармонично сливается с поэтом. Его отец, жена, дети, учителя: все, кого он любит или любил, уголок, где он провел детство, его милый Бордо, — все это его искренно вдохновляет. — «Привет тебе, маленькое наследие, царство моих предков, которое мой дед, прадед и отец возделали своими руками. Увы, как бы желал я, чтобы оно досталось мне вместе с любимым человеком. Теперь моим уделом является труд и забота, — прежде отец представлял мне удовольствия, а себе брал остальное»... «Давно уже упрекаю я себя за холодное молчание о тебе, о, моя родина! Ты, славная твоими винами, твоими цветами, твоими великими людьми, нравами и умом твоих граждан, благородством твоего Сената! — тебя я еще не воспел... А между тем

Бордо дал мне рождение, тот Бордо, где небо ясно и кротко, где щедро орошаемая земля производит богатство, Бордо — с долгой весной, с короткой зимой, с тенистыми холмами!.. Бордо принадлежит моя любовь, если Риму принадлежит мое почтение. Там я был консулом, там мое курульное кресло, но здесь — моя колыбель...» — Наконец, вот его поздравительное письмо ко дню рождения внука, о воспитании которого он нежно заботился: «Улыбнись моей старости! О, если б она могла еще отодвинуться от рокового конца, если б она могла продлиться безболезненно, и мне дано было принять участие в твоих радостях и видеть еще угасающие светила, прежде чем сойти в могилу. Да, дорогой внук! Возврат твоего дня рождения дает мне двойную радость, заставляет живее чувствовать счастье жизни, потому что слава твоя растет с прекрасным твоим возрастом, и я, старик, могу видеть тебя в цвете юности».

Конечно, эти излияния раздуты искусственной амплификацией, но в них много искреннего и трогательного. Эти нюансы тонких и нежных чувств, этот мягкий романтизм обличает в Авзонии настоящего галла, известными сторонами он уже современный француз.

Авзоний — христианин, но его религия довольно поверхностная, занимает немного места и в его жизни, и в его стихах. Его естественный оптимизм, его веселость не мирятся с христианским унынием. Проблемы, разрешение которых сулит вера, не смущают его спокойствия. Настоящий предмет его поклонения — это литература. Его сердце и воображение остались языческими. А между тем мир менялся вокруг него. Варвары, о которых он не думал в своем мирном убежище, были снова у ворот Империи — на этот раз для того, чтобы ворваться в них и утвердиться в ней окончательно. Св. Мартин потрясал Галлию своим огненным словом и совершал обращения массами. Из этой моральной революции рождалась литература, которая озарила последним сиянием галло-римскую культуру, но которая, будучи резко враждебной паганизму, имела в распоряжении для всего с ним связанного — только анафемы. Она принадлежит уже иному веку, и мы не будем переступать через его порог. Авзоний знал первых его представителей. Он видел, как его любимый ученик Павлин, — Павлин Ноланский отрекся от мира и предался Господу. Это было для него большим горем. Письмо, написанное по этому поводу, следует считать одним из лучших его произведений. Никогда у него не было более проникновенного тона, но его доводы удивительно наивны. В глубоких мотивах решения своего ученика старый книжник не понял ничего.

Зато уже откровенным язычником является Рутилий Клавдий Намациан, посвятивший Риму прекраснейшее из когда-либо вдохновенных им стихотворений. Его паганизм связан с его патриотизмом. Он был галл из видной семьи, родом из Тулузы или Пуатье, и, как и все галлы его времени, соединял в одном чувстве местное и римское отечество. Magister officiorum (магистр служб) в 412 году, городской префект в 414 году, он покинул в 416 году столицу и вернулся на родину, чтобы устроить свои имущественные дела, расстроенные варварским

нашествием. Он описал нам свое плавание и свои высадки вдоль италийского берега в поэтическом «Итинерарии», который ценен не только в историческом и географическом отношении. Рассказ изобилует хорошими стихами, удачно схваченными штрихами, живописными картинками. Но если интересно путешествие, то еще интереснее описание отъезда. Прощание с Римом проникнуто отчаянием. Поэт не может оторваться от этой священной земли. Он со слезами целует ворота ограды и поет гимн благодарности и любви. В этот момент Империя уже всюду дала трещины. Конец был близок: вестготы занимали весь юг Галлии, шесть лет тому назад Аларих стоял лагерем на форуме. Эти события не поколебали веру Рутилия в судьбы Вечного Города. Никогда ни один поэт не воспевал его с такой любовью. Никогда его цивилизаторская миссия не была лучше понята и воспета более благородным языком. Мы цитируем этот отрывок, достойно венчающий историю галло-римской литературы.

«Слушай мольбу мою, Рим, гордая царица мира, Рим, который занял место в звездном небе, мать людей и богов, чьи храмы приближают нас к Олимпу! Тебя воспеваю я, и пока судьбы позволяют, ты будешь предметом моих песен. Кто может жить и забыть, что тебе он обязан спасением? Я скорее забуду солнце, нежели образ твой сотрется из моей святотатственной мысли, — ибо твои благодеяния, подобно его лучам, разливаются до тех пределов, где волны Океана обнимают землю. Оно само, кажется, вращается в своей орбите только ради тебя. Оно подымается над твоими владениями и над ними заходит. Всюду, где от полюса до полюса разливается жизненная энергия природы, — всюду проникла, мир, твоя сила. Для разных народов ты создал единое отечество. Они противились твоему владычеству, но твое владычество стало для них источником тысячи благ. Ты призвал побежденных приобщиться твоим законам, и мир благодаря тебе сложился в единую державу... Ты царствуешь, и имеешь право царствовать, и величие твоих деяний превосходит грандиозность твоих судеб. Подними свое торжествующее чело, укрась зеленым убором седину твоей священной главы! Уврачуй свои раны. Пирр, победитель во многих битвах — бежал пред тобою; Ганнибал кончил тем, что оплакивал свои победы. Не бойся роковых ножниц Парки. Ты будешь жить, пока существует шар земной, — пока небо держит на себе светила. То, что разрушило другие державы, — только укрепит твою. Ты только крепнешь и высишься в испытаниях. Твои несчастья готовят твое воскресение».

III. Искусство[255]

Галлы так же страстно любили искусство, как и науку. Но их искусство, как и их литература, не имеет в себе ничего оригинального и является только последним отблеском классической традиции.

Путешественник, который по пути из Италии посещал галло-римские города, не чувствовал, что он перешел в другую страну. Он находил те же памятники, какие оставил по ту сторону Альп: форумы, храмы, портики, базилики, термы,

театры, амфитеатры, триумфальные арки, мосты, водопроводы. Комбинируя и приспосабливая к своим нуждам и вкусам мотивы, идущие из Греции и Этрурии, римляне создали свой собственный архитектурный стиль. Он не оставался неподвижным, эволюционируя и в смысле строительных приемов, и в смысле эстетических принципов. Сдержанное изящество, которое характеризует I-й век, уступило место пышной, тяжелой декорации века Северов и массивным зданиям Константина. В галло-римской архитектуре, по зданиям, еще стоящим на почве Франции, и архитектурным обломкам, сохранившимся в ее музеях, можно проследить все эти изменения.

Частные жилища, дома богатых людей в городе и деревне еще меньше поразили бы италийца[256]. Это — тот же план, то же расположение, с незначительными изменениями, вызванными особенностями климата: приспособлениями для топки и употреблением форточек. Внутри — та же мебель, та же декорация: фрески, мозаики, статуи. Но тут уже подражали не Риму, а прямо вдохновлялись образцами и уроками Греции. Римляне проявили оригинальность только в архитектуре. В других искусствах, объектом которых являлось только прекрасное, — они не перестали быть должниками Греции. Монополия художественных школ Афин, Пергама, Родоса, Александрии проявлялась, во-первых, в экспорте художественных произведений, а во-вторых — в эмиграции работников. Нанятые художники не создавали постоянных мастерских. Они вели странствующий образ жизни и переезжали туда, куда привлекал их расчет на какой-нибудь значительный заказ.

Из произведений искусства, выполненных в Галлии, мы знаем историю только колоссальной статуи Меркурия Арвернского — произведение Зенодора[257], который, наряду с этой работой, скопировал еще две чаши, приписываемые Каламису. Когда Меркурий был окончен, Зенодор был приглашен в Рим, чтобы сделать статую Нерона. Греки работали здесь и над менее значительными произведениями. Прекрасная лилльбонская мозаика носит подпись Т. Сения Феликса, гражданина Пуццоли. Часто греческие подписи встречаются и на произведениях гончарного искусства.

Те же иностранные мастера были, несомненно, инициаторами местных школ и мастерских. Такую местную мастерскую мы можем подозревать в Мартре, близ Тулузы. Там был открыт целый клад статуй, из которых иные восходят к I веку по Р. Х., большинство — к III и IV. Они скучены на тесном пространстве, часто в бесформенных обломках. Возможно, что это дело христиан, ограбивших местные виллы и похоронивших в громадной могиле языческих идолов. Их мрамор взят из соседних каменоломен (ныне Сен-Беа в деп. Верхней Гаронны). Очевидно, они сделаны тут же на месте: ничего не обличает в них искусного резца греческого скульптора.

Скульптуры, завещанные римской Галлией, можно разделить на несколько категорий. Это — прежде всего великие произведения, как Венеры Фрежюса, Вьенны и Арля, Арльский Фавн, Везонский Атлет, Отенский Воин и другие

наиболее известные статуи — гордость французских музеев. Оригинальные создания или копии знаменитых произведений, они свидетельствуют только о вкусе любителей, которые приобрели их за большие деньги издалека. Затем идут второ- и третьестепенные произведения, более или менее удачные слепки, чаще всего посредственные и всегда банальные вещи — типы, размноженные так называемым эллинистическим искусством. Если на произведении нет подписи, и если оно из бронзы, то мы никогда не знаем, имеем ли мы дело с привозным или местным произведением, а в последнем случае — с работой местного или привозного мастера.

Остаются подлинные галльские произведения, — подлинные как по сюжету, так и по исполнению. Галльский сюжет, впрочем, еще не доказывает непременно их «галльского происхождения». Памятники этого рода — либо надгробные барельефы, представляющие сцены из реальной жизни, либо фигуры богов с атрибутами, передающими представления местного политеизма. Однако и иностранные артисты могли вдохновиться религиозной мыслью своих клиентов и уловить верный образ действительности. Решающей в данном случае оказывается фактура: в произведениях галльского мастера она является неловкой, нескладной, даже грубой, если не прямо варварской. Вероятно, не вся галло-римская скульптура такова; это — так сказать, только ее простонародная стихия, интересная с этой точки зрения, но не имеющая никакой художественной ценности.

Александрийская школа, наследница школ Малой Азии, была в I веке самым деятельным очагом эллинского искусства. Ее влияние на Галлию шло не только через Италию, но и путем прямых сношений. Между Египтом и средиземноморскими портами Галлии поддерживались постоянные связи. Ним, по своему первоначальному населению, был египетской колонией. Неудивительно, если египетские культы, идя по путям прилива восточных культов вообще, распространились по долине Роны до берегов Рейна. Неудивительно, если галлы, стремясь воплотить в человеческие типы представления о своих национальных богах, заимствовали некоторые из своих символов от эллинистического Египта Лагидов. Филиация между образом Сераписа и Диспатера неоспорима. Но главное, что Египет дал Галлии, это было последнее выражение того искусства, которое до конца сохранило способность обновления, — живописный барельеф, изобретенный пергамской школой, освобожденный от его героического стиля и сведенный к более скромным сюжетам. С тех пор, как он стал комнатной декорацией, он все больше склоняется к интимному реализму с его любовью к детали, к характерному в живой действительности, наблюдаемому в самых скромных существах, в индивидуальном портрете, в племенных особенностях. Все это мы находим в галло-римской скульптуре mutatis-mutandis, сообразно отличиям эпохи, места, качества, производителей и публики.

Барельефы Оранжа и Сен-Реми, относящиеся к началу I века, являются в монументальной скульптуре наиболее ярким образом этих тенденций. Присущим им стремлением ставить исторические сюжеты на место мифологических,

соблюдением археологической точности, они уже предвозвещают тот стиль, который сто лет спустя развернется на Траяновой колонне. Но только в произведениях более скромного типа мы увидим с полной ясностью, как глубоко проникло в Галлию влияние александрийских образцов.

В погребальной архитектуре Галлии мы находим большое богатство типов, чаще всего подражавших греко-римским (за исключением только типа мегалитической гробницы, которому сельское население долго еще оставалось верным). В общем, это были памятники небольшого размера: саркофаги, небольшие колонны, стелы, алтари, беседки, а иногда там и сям вдоль дорог или внутри частной ограды гордо высились настоящие большие здания, из которых иные стоят и доныне. Более массивные состояли из двух гигантских каменных квадр, из которых верхняя лежала, немного отступя. Таковы гробницы, найденные в Лионе и напоминающие помпеянские. Другие, очень высокие, с двухэтажной базой и чем-то вроде купола на вершине — могут быть сопоставлены только с некоторыми сооружениями римской Африки. Самыми замечательными образцами этой постройки являются могила Юлиев в Сен-Реми, Секундини в Игле, в окрестностях Трира, — первая в строгом стиле I века, вторая с чертами безвкусия, характерными для эпохи упадка.

Надгробные памятники различаются не столько архитектурной формой, сколько характером декорации — в связи с тем, слабо или сильно колонизована была область, к которой они принадлежат. В долине Роны и на берегах Рейна особенно любимы мифологические сюжеты. Попадаются и портреты, но в барельефах преобладает символизм с его обычными темами: Леда и лебедь, Ариадна и Вакх, Кастор и Поллукс, Федра и Ипполит, Амур и Психея, Орфей и Эвридика. Наоборот — в центре и на севере чаще всего попадается изображение умершего в его обычном положении, среди повседневных занятий. Этот мотив не чужд был и итальянскому искусству, но в нем он все же является исключением: мифологические аллегории достаточно ясно говорили мысли, воспитавшиеся на греческих сказаниях. Наоборот, для чистокровных галлов они были немы, и они предпочитали реалистические темы на барельефах в честь мертвых.

Римская Галлия оживает перед нами в коллекциях Бордо, Санса, Трира и др. На некоторых барельефах мы встречаем простой портрет. Фигура стоит в нише: мужчины держат кошелек, шкатулку, инструменты: ваятель представлен с резцом, другой работает сам над капителью колонны, украшающей его могилу. Женщины протягивают корзинку с цветами или фруктами, гребень, зеркало, флакон с духами. Дети держат игрушки или домашних животных. Одна девочка прижимает к груди кота, хвост которого клюет петух. В других случаях это целые сцены: колбасная, рыбная, семейство за столом, мастерская штукатура, разгружаемый экипаж, лодка с гребцами, арендаторы, подносящие свою плату натурой. Одежда почти не изменилась со времен кельтской независимости. Она живет в простонародных и низших городских слоях, более верных национальной традиции[258]. Мы видим здесь галльскую обувь — gallicae, панталоны — braccae,

плотно охватывающие ногу у щиколодки, caracalla, стянутую у талии поясом с развевающимися концами, sagum с широким шарфом вокруг шеи. У некоторых вместо sagum — одна из тех пелерин с капюшоном (cuculla), которые фабриковались в Сенте и Лангре. Женщины одеты в длинные туники с короткими рукавами, в короткие чулки, туфли и кукуллу, для защиты от холода.

Очень ценные для археолога и историка, — эти барельефы не имеют художественного значения. Их детали занимательны, взяты из жизни, говорят о верном чувстве; самое разнообразие их свидетельствует об известном творчестве, которого уже вовсе нет в однообразных шаблонах мифологических барельефов, но, к сожалению, рука художника — неумела и грубо неловка. Правда, большинство этих барельефов — вещи на широкий спрос, по низкой цене, но выполнение не представляется более совершенным и на богатых и пышных могилах, как, например, трирские.

Почему нация, столь богато одаренная в художественном отношении, что она доказала впоследствии — дала так мало в один из самых цветущих периодов своей истории? Не забудем, что на ее долю досталось подражание, гибельно действующее на творчество, — подражание культуре, клонившейся к упадку. Греческое искусство завершило полный цикл своего развития. Ему нечего было сказать, и оно замолкло в ожидании той поры, когда новые идеи и верования, новые идеалы создадут новую эстетику. Упадок начался во II веке и шел с ужасающей быстротой. Если литературное творчество Галлии все же выше ее пластической продукции, то это объясняется не только тем, что в самой античности литературный упадок совершался медленнее, нежели художественный, но и тем, что между литературными тенденциям древних, с одной стороны, и естественными склонностями галлов, — с другой, было известное сродство, тогда как наоборот, в области пластики замечается полная противоположность между первыми проявлениями галльского национального гения и образцами, данными античностью.

Зато галлы всегда отличались в художественной промышленности, и эта традиция сохранилась и после завоевания, испытав, правда, в значительной степени эллинское влияние. Конечно, мы не упоминаем о реннской золотой патере, ни о серебряных вазах, найденных в Берне и Гильдесгейме. Все это произведения мастерских Александрии, — в лучшем случае, выписанного оттуда художника. Но несомненно, что александрийские мотивы вызывают подражания. Они появляются на красной глиняной посуде, так называемой самосской (собственно итальянского происхождения), которая начинает массами фабриковаться в Галлии, в целом ряде мастерских, как в Лезу, Виши и Тулоне. Отсюда же расходилась масса фигурок, неумелых подражаний произведениям греческих коропластов, которые представляют удивительное сходство с подобными же вещицами, найденными в Сирии и Файуме.

Несмотря на эти влияния, в галльской художественной промышленности чувствуются оригинальные инстинкты расы. Принципы этой промышленности общи были всей северо-западной Европе и резко противоположны принципам

классического искусства[259]. Потому-то, может быть, последнее, разом перенесенное в столь чуждую ему среду, и не могло процветать в ней. Тогда как эллинизм создавал прекрасное путем подражания жизни, — в центральной и северной Европе преобладал геометрический стиль, где исключена человеческая фигура, и где самые органические формы превращаются в декоративные мотивы. В нем сильно выражена любовь к ярким краскам и ажурным металлическим украшениям. Эти вкусы, не исчезнувшие в римский период и сказавшиеся на маленьких бронзовых вещах, в общем проявляются робко и только струями, точно поток, показывающийся местами и затем скрывающийся под землей. Но они вскроются с новой силой, когда падение Рима, одряхление его искусства и появление на сцене северных народов словно освободят их от оков чужого влияния и дадут им новый импульс. Тогда мы как бы присутствуем при обратном победоносном наступлении кельто-германского стиля, проявляющегося в черной керамике, в перегородчатой эмали франкской эпохи, в резных пластинках аламаннских и бургундских некрополей. И следя дальше за историей французского искусства, внимательный историк откроет эти национальные элементы в блестящем его развитии в последующие века.

IV. Религия и нравы[260]

Нигде интимное слияние Галлии и Рима не проявляется так ясно, как в области религии.

Следует отличать религию галлов от религии их священников. Не в обычае римлян было враждовать со служителями чужих религий, так же, как и с самими религиями. Но друиды не были обыкновенными жрецами. Они имели иерархию, главу, правильные периодические собрания. Они выполняли судебные и даже политические функции: все это плохо мирилось с римской властью. Чтобы устранить эту аномалию или, пожалуй, эту опасность, не было нужды в новых законах — стоило только применить существовавшие указы о недозволенных собраниях. Это и сделал Тиберий. Такой именно смысл имеет мера, приписываемая ему Плинием Старшим[261]. Он не уничтожил друидов — так как они будут еще существовать и после него, но он уничтожил *корпорацию* друидов.

Они подошли под строгость римского закона и в другом отношении. Сенатус-консульт 97 года до Р. Х. осуждал человеческие жертвоприношения. Август перенес это запрещение на тех галлов, которые были римскими гражданами. Тиберий запретил его всем галлам без исключения. Однако нелегко было разом искоренить этот отталкивающий обычай. Новое запрещение, изданное Клавдием в начале его царствования, было более действенным. В конце концов от этого обычая осталась только безобидная церемония — вид жертвы, которая заключалась в пролитии нескольких капель крови.

Этим ограничилось гонение на друидов, которое нельзя считать религиозным гонением. Оно руководилось отчасти политическими, а отчасти чисто

гуманными соображениями. Тем не менее его следствия были довольно решительны. Друиды, лишенные своего корпоративного существования, своих привилегий, своего культа — по крайней мере, той его части, которая действовала на воображение, потрясая его ужасом, потеряли всякий престиж. Запустение их школ, покидаемых ради школ латинских риторов, завершило их падение, отрывая от их клиентелы цвет нации. Они, несомненно, живо чувствовали это унижение. После смерти Нерона они пытались поднять восстание против Рима. После этого мы еще время от времени встречаем их в качестве народных гадателей — или, вернее, гадальщиц. Друидические жрицы предсказывают судьбу Александру Северу, Аврелиану и Диоклетиану: притом еще неизвестно, не следует ли в них видеть наследниц германской Велледы, а вовсе не кельтского жречества. Несомненно одно, что в IV веке осталось несколько семейств, хвалившихся происхождением от друидического жречества. Авзоний говорит о двух своих учителях, предками которых были друиды: один из них был жрецом Белена, что не помешало ему преподавать классическую литературу в Бордо.

Боги пережили своих слуг, преобразившись, как преобразилось все вокруг, т. е. став римскими. К сказанному об этом в первой части[262] мы прибавим немного. Слияние галльских и римских богов, подготовленное отождествлениями Цезаря, сообразовалось с учением древних. Они умели в хаосе мифологий различить их общую основу. Разве римские боги не слились с греческими? Стало быть, и для галльских богов не было унизительным претвориться в образ богов-победителей. Так Галлия приобщалась ко всеобщему синкретизму. Верования сливались, как сливались отечества, и единство религиозное становилось для Империи дополнением политического единства.

Преобразование галльских богов совершилось в номенклатуре и в пластических изображениях. Последнее обстоятельство имело особенно важное значение. Когда галлы хотели воплотить местное божество, они обращались к греческим и римским скульпторам и удовлетворялись образами, освященными греко-римским искусством. Изредка случалось, что галльский символ изменял лицо классического бога. Колесо, став знаком Юпитера, преобразило его в бога солнца. Иногда сам символ путем остроумного приспособления менял природу и смысл. Молот Тараниса, удлиняясь, перешел в скипетр владыки Олимпа. В редких только случаях (например, для Цернунна) создавали оригинальные формы. И в таких случаях странно бывает видеть эти чуждые загадочные фигуры рядом с типами классической иконографии. На реймском алтаре между Аполлоном и Меркурием сидит рогатый бог. На одной из сторон парижского алтаря изображен дровосек, собирающийся повалить дерево, и бык, несущий трех свиней на спине. Дровосек называется Эзус, бык — Тарвос Тригаранус. Как имена, так и атрибуты являются галльскими и очень загадочны. Две других стороны того же памятника представляют Юпитера и Вулкана.

Так же разнообразны приемы, применяемые в ассимиляции номенклатур. Реже встречаются латинизированные галльские имена в одиночку, чаще они

присоединяются в виде эпитета к имени римского бога: Mars Camulus (Марс Камул), Apollo Borvo (Аполлон Борво). Чаще только топографический эпитет напоминает о прошлом бога и связанном с ним культе: для жителей Центрального Плато Меркурий Арвернский не смешивался с одноименным италийским богом.

Местный характер, свойственный большинству галльских богов, дает еще одно средство, чтобы переодеть их по-римски. Август восстановил в Риме культ Ларов Перекрестка — Lares compitales, присоединяя к каждой паре древних Ларов — гений императора. В этом соединении Лары получили эпитет «августов», который отождествил их, так сказать, с этим третьим гением. Тот же эпитет был дан в Галлии тем божествам, которые могли быть отождествлены с Ларами, т. е. почти всем. Таким путем на галльскую религию налагался одновременно отпечаток римской и императорской религии.

Склонность галлов к местным культам объясняет одушевление, с каким они приняли культ «гениев». Во всей Галлии воздвиглись алтари, посвященные гению города. К этому божеству присоединился гений императора, который и занял первое место.

Тем же представлением соответствовал культ богини-защитницы, Tutelae, только что она была настоящим божеством, имевшим свое независимое существование. Она покровительствовала не общине, как некоторой абстракции, а ее территории — городской земле, как чему-то реальному, конкретному, неисчезающему. Собственно, она не отличалась от божества города, но так как его имя могло не быть точно известным, или его находили нужным скрывать, чтобы его не призвали враги, то римляне предпочли заменить его безличным «Защитница». Имя «Защитница», сопровождаемое неизбежным эпитетом Августа, встречается только в надписях юго-запада. В других местах чтится само местное божество под своим настоящим именем, часто совпадающим с именем города: богиня Немаус, богиня Бибракте. Иногда оно отождествляется с римским божеством, к которому присоединяется местный эпитет. Mars Vincius (Марс Винкий) есть божество города Vence (Венс). Иногда имени местного божества предшествует слово Tutela. В Периге (Везунна) сохранилась еще так называемая Везонская башня — остаток храма, посвященного богине Tutela Vesunna (Защитница Везунны). Культ гениев и защитниц, мало захватывавший интимные чувства галлов, оказывал широкое влияние на их политическую жизнь. Соединяя людей вокруг одного алтаря, одного очага, он сильно содействовал развитию муниципального строя, он сам был муниципальным культом по преимуществу. Не без основания, наряду с религией императоров, он занял первое место в официальной религии города.

Боги, принесенные завоеванием, не всегда смешивались с местными. Их принимали и в их собственном облике. Трудно определить, до какой степени они сохраняли в глазах их новых поклонников собственное, чисто римское лицо. Однако, когда они называли Юпитера великим и благим, они, несомненно, имели в виду римского Юпитера, и когда они устанавливали на своих холмах ту же

триаду, которая царила на римском Капитолии, они думали о римских Юпитере, Юноне и Минерве.

Распространение восточных религий — факт, доминирующий в религиозной истории Империи — констатируется и в истории Галлии. Они все характеризовались некоторыми общими чертами: значением жреца, влиянием женщины, существованием благочестивых братств, обилием религиозных обрядов, мистическим жаром, искуплениями, мистериями, обетованиями и видениями будущей жизни. Всем этим они соответствовали потребностям времени, порыву душ, жаждущих надежды, веры, очищения и вместе соблазняемых неизбежной примесью чувственного возбуждения и шарлатанства. Миссионерами этих религий были рабы, солдаты, купцы. Военные и торговые города сделались центрами их распространения.

Иранский бог Митра, бывший сначала только солнечным образом, а под конец облекшийся нравственным значением и поднявшийся на степень высшего божества, приобрел во II и особенно в III веках необыкновенный авторитет во всем греко-римском мире. В Галлии он был особенно популярен: в обеих Германиях находятся в особенно большом числе посвящения «Солнцу-Победителю» и барельефы, представляющие бога, закалывающего жертвенного быка. В чисто-галльских провинциях таких памятников меньше.

Культ Изиды также был распространен повсюду. Эта египетская богиня, ставшая на первый план в александрийский период, воплощала в себе могучий порыв синкретизма. Единая и множественная, она говорила мысли и мудрых, и простых, — новым стремлениям монотеизма, как и старым политеистическим традициям. Мы уже указывали на связи Египта с Галлией и на влияние, которое оказывала Александрия на галло-римское искусство. Тот же поток перенес на берега Провансa и распространил до Рейна имена Изиды и ее родичей — Сераписа и Анубиса. Кроме них, должны быть еще упомянуты Jupiter Heliopolitanus (Юпитер Гелиополитан) из Сирии и Jupiter Dolichenus (Юпитер Долихен) из Коммагены, чисто-азиатские божества, которые от Юпитера получили только имя. Из восточных богов в наибольшем почете, по крайней мере на юге, была Великая Мать-Кибела фригийская. Она сильно действовала на нервы диким характером своих церемоний. Самой своеобразной из них была жертва, называемая *тавроболом*. Убивали быка над ямой, покрытой досками с отверстиями. Верный становился в яму. Кровь жертвы струилась по его телу, и он выходил очищенным от грехов и возрожденным. К очистительному действию тавробола присоединялось и спасительное: его приносили за спасение родных, отечества, императора. Эти лояльные демонстрации нередко устраивали в Галлии как частные лица, так и публичные власти. Они привлекали большое стечение народа. Тут присутствовали главы муниципиев, магистраты, декурионы, служители культа, жрецы или галлы с их окровавленными волосами, рассыпавшимися по яркой одежде, корпорации *дендрофоров*, которые должны были доставить священную сосну в храм богини, флейтисты, тамбуристки, «плясуны Кибелы», члены ордена Великой

Матери, настоящее духовенство, обоего пола, неправильное, бродячее, нищенствующее и подозрительное. Праздник длился несколько дней, наполненный процессиями, посвящениями, странными ритуалами. Он заканчивался посвящением памятного алтаря с надписью и барельефами, представляющими голову быка в венке и меч, которым его убили. Лион, Бордо, Нарбонна, Венс — в Морских Альпах, Тен у аллоброгов, Ди у воконтиев сохранили несколько подобных памятников, но больше всего их имеется в Лектуре, в Аквитании. По-видимому, здесь культ Великой Матери возбудил наибольшее увлечение и привлек самых многочисленных поклонников. Из 39 надписей, открытых в Лектуре, — 22 тавроболические. Они относятся большей частью к двум тавроболам: одному, принесенному за Марка Аврелия 18 декабря 176 года, другому за Гордиана III — 8 декабря 291 года. Они были принесены декурионами, но в то же время многие частные лица, особенно женщины, приняли участие в них, принося за свой счет особые тавроболы.

Каков был уровень нравственности при этом возбуждении душ? Фюстель-де-Куланж справедливо замечает, что от истории трудно требовать формальной оценки моральных качество народов. Чтобы проникнуть в жизнь галло-римлян, мы можем пользоваться литературой и надписями. Но эти документы не заслуживают полного доверия. Эпитафии умалчивают о недостатках, что же касается литературных текстов, то они дают очень разные показания, в зависимости от точки зрения писателя и его настроения. В конце концов, это общество, как и всякое другое, представляло смесь хорошего и худого. Оно отличалось трудолюбием, умственными интересами, жаждой веры; оно уважало семейные добродетели, супружескую любовь, сыновнюю почтительность, преданность рабов господам; но, несомненно, что оно само не всегда отличалось теми качествами, которые так чтило.

Вот некоторые посвящения, взятые из лионских и вьеннских надписей: «Богам-Манам и вечной памяти Марцеллины, дочери Солиции, душе чистейшей и редчайшей. Она умерла 24 лет, 5 месяцев, 4-х дней, не причинив мужу ни малейшего огорчения, радуясь тому, что первая заняла место в могиле. Мартин воздвиг эту могилу при своей жизни для своей дорогой супруги и для себя». — «Богам-Манам и вечной памяти Матии Веры. Она жила со мною 36 лет, 3 месяца и 10 дней, не причинив мне ни малейшего огорчения. Наша долгая любовь погибла, прерванная смертью. О, если бы было угодно богам, чтобы судьба уложила нас обоих одновременно в общей могиле!». Один ветеран германской армии женился на вольноотпущеннице. Она выражает ему благодарность в следующих словах: «Он кормил меня своим трудом, он относился ко мне с благосклонностью патрона, с нежностью отца». Отец и мать так оплакивают сына: «Прекрасное дитя, которое судьба показала его родителям, показала, но не дала, отняв его у них преждевременной смертью. Он жил 11 лет, 6 месяцев, 26 дней. Он уже блистал в литературных занятиях, был дорог всем своей детской прелестью, так же, как сыновней почтительностью; он обещал принести в этой короткой жизни славные

плоды и оставил своим родителям бесконечную печаль». Иногда речь идет об alumni, детях, подобранных из милости, по положению — рабах или отпущенниках, потеря которых вызывает у их приемных родителей горькие жалобы... «Я воспитала его, как сына и обучила свободным знаниям... Ему не было дано насладиться ни собою, ни будущим, которое было ему приготовлено, а только могилой, которую несчастная женщина воздвигла для него и для себя». Молодых людей восхваляют за чистоту, за целомудрие: «Богам-Манам и вечной памяти Варения Лупа... юноши, исполненного целомудрием. Он жил 21 год, 7 месяцев и 15 дней. Надломленная судьбой, здесь покоится юность». — «Богам-Манам и вечной памяти Вирения Виталия, юноши удивительной ловкости в искусстве обрабатывать железо. Он прожил 19 лет, 10 месяцев и 10 дней... оставшись девственным и вызывая своей мудростью восхищение друзей и родных». — «Я благодарю богов — говорит Марк Аврелий — за то, что они сберегли нетронутым цвет моей юности, не сделали меня мужчиной до срока, и сохранили таким до могилы». Разве не трогательно встретить у простого ремесленника те же деликатные чувства?[263]

Авзоний вводит нас в мир высшей буржуазии. Он родился в ее среде и выводит ее типы в портретах своих родных, несколько приукрашенных, но могущих дать необходимый корректив обличениям Сальвиана. В той самой Аквитании, где суровый священник-фанатик видит только бездну разврата — бордоский поэт рисует нам почтенный, солидный общественный круг, живущий в довольстве и наслаждающийся цветом самой тонкой культуры. Его отец был знаменитый врач; это еще не значит — хороший, еще менее — ученый, ибо всеобщий упадок не пощадил искусства Галлиена; но его личность представляется в лучшем свете, чем его талант. Он жил мудрецом, скромный в своих желаниях, хотя раньше, нежели сын, достиг высоких должностей, — бережливый без скупости, благодетель бедняков, всеми любимый и уважаемый. Женские типы в этой галерее — самые привлекательные и самые разнообразные. Женщины занимают почетное место в доме. Мать поэта была воплощением женской добродетели, серьезная без суровости, она правила домом мягко и вместе энергично. Его невестка, милая, веселая, красивая, неудачно выданная за легкомысленного человека, должна была взять в свои руки ведение дел, и «ни одно облако на ее лице не обнаружило тени упрека». Две его тетки остались девушками: одна, чтобы копить деньги для себя, другая, чтобы «отдаться занятиям наподобие мужчины». Она посвятила себя медицине, по примеру брата, и создала себе полезное, независимое существование. Для племянника она была второй матерью, заботы и нежность которой он вспоминает с глубоким чувством.

Тревожные симптомы, грозящие жизни этого общества, надо искать не в его нравах, а в дряхлости и как бы растущей вялости его мысли и гражданского действия. Мы видели, каково оно в умственной жизни: никакой инициативы, никакого усилия, никакой способности к обновлению. Та же атония замечается в публичной жизни. Аристократия является администрацией, но не правительством.

Она исполняет свою задачу машинально, пассивно, всегда готовая подчиниться событиям, которыми не она руководит, и властителям, которых не она избрала. Она обладает богатством, просвещением, всем, что нужно для того, чтобы повелевать, но она не имеет к этому склонности. С этой точки зрения очень характерно ее пренебрежение к военной службе. Покидая армию в то время, когда армия была единственной живой силой, она дает мерило своих способностей и своего честолюбия.

Человеческая энергия обратилась к другой цели. Религиозные вопросы, становясь на первое место, отбрасывают в тень все, что прежде захватывало внимание людей. Здесь будет поле битвы, где столкнутся умы и воли. Какое значение перед этими интересами имеет наука и политика? Ту и другую забрасывают по одним и тем же мотивам. Этим умственным состоянием объясняется многое. Оно обусловливает слабость Рима в борьбе с варварами, а с другой стороны, обусловливает успех восточных религий и подготавливает победу той, которая затмит их все — религии христианской.

ГЛАВА III
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

I. Городские классы. Торговля. Дороги. Корпорации. — II. Земельная аристократия и сельский плебс. Крупная собственность и начало серважа.

I. Городские классы. Торговля. Дороги. Корпорации[264]

Между галльским обществом, как оно рисуется в эпоху независимости, и тем, которое сменило его после завоевания, переход почти незаметен. Строй клана не мог удержаться под римским владычеством. Галльское общество перерождается, в нем создается тот же социальный строй, что и в остальной Империи. Оно по-прежнему глубоко аристократично, но иерархия отношений между людьми изменилась: как и повсюду, — здесь оказались рабы, вольноотпущенники, свободные плебеи и благородные разных степеней, положение которых регулировалось римским законом.

Низшие классы поднялись благодаря труду и массами приливали во вновь основывающиеся города. Здесь они образовали торговый и промышленный класс, деятельный и процветающий.

Земледелие делало быстрые успехи. Хлеба было так много, что его вывозили в Италию. Ячмень, просо, лен возделывались особенно успешно. Виноград, становившийся источником национального богатства, уже давно был введен на юго-востоке массалиотами и оттуда быстро распространялся. Но римляне, овладев страной, запретили возделывать его, так же как и маслину, охраняя интересы италийского производства. Эта протекционистская мера, довольно редкая в истории Рима, применялась не слишком строго, особенно в Нарбоннской Галлии. Плиний в конце I века описывает вина этой провинции, и в частности то, которое культивировалось у вьенцев в местности, ныне называемой «Côte-rôtie» (Кот-роти). Оно имело — или ему умели придавать — смолистый аромат, очень ценившийся в Риме, где его продавали очень дорого. Другие вина области, кроме еще вин Безье, не особенно ценились. Галлы, потреблявшие их тут же на месте, портили их разными приправами. Вне Нарбоннской разведение лоз остановилось вследствие запретительных мер. Оно снова расцвело в долине Соны — в III веке, но только император Проб уничтожил навсегда все стеснения, продиктованные проконсулами республики и подкрепленные Домицианом. Слава бордоских вин относится к концу Империи, тогда же мы слышим впервые о мозелльских винах. Народным напитком служил сикер. Он был в употреблении в Париже еще во времена Юлиана.

Леса давали дерево для построек в очень большом количестве. Многочисленные пастбища служили для разведения скота. Лошади Белгики доставляли очень

ценились в армии. Овечья шерсть была самого лучшего качества; окорока Секвании считались изысканным блюдом; гастрономы очень ценили устрицы Медока. Подпочва была не менее богата. Пиренеи доставляли мрамор; если эксплуатация золотоносных песков и жил находилась в упадке, зато разработка других руд, открытых еще до римлян, процветала. Добывали медь в Пиренеях и в стране цеутронов в Альпах, сребоносный свинец в Руэрге и Жеводане, олово в Лимузене, железо в Перигоре и Берри.

Металлургия осталась своеобразной промышленностью Галлии. Затем следует отметить производство льняных и шерстяных тканей. Кагорские полотна для парусов и для белья считались первыми на всем Западе. На сукна Арраса, Лангра, Сента, Турнуа был всюду спрос. Их высылали не только в виде тканей, но и в виде платья, которое пропагандировало галльские моды: плащ — сарум, пелерина с капюшоном — кукулла, блуза — каракалла носились и в Италии. Галльская промышленность произвела, можно сказать, революцию в одежде и привычках римлян. Плиний сообщает, что они спали на соломе, пока не познакомились с кагорскими полотнами. Они заимствовали у галлов petoritum — четырехколесную повозку, влекомую мулами, и большие кареты для путешествий, называемые esseda и redae.

Чтобы дать ход всем этим богатствам, нужны были дороги. Нельзя сказать, чтобы их не было в независимой Галлии, но это были простые проселки, более или менее протоптанные и не связанные никаким общим планом. Настоящие дороги создадутся только с римским завоеванием. Дорожные работы начались в юго-восточной Галлии еще во времена республики и возобновились при Августе по широкому плану, обусловленному завоеваниями Цезаря. По его приказанию Агриппа наметил широкую сеть, так удачно задуманную, что в главных своих линиях она существует и доныне, в чертеже французских национальных путей и железных дорог. Римские дороги отличались от галльских в двух отношениях. Во-первых, они были гораздо более основательны, вымощены широкими камнями, заботливо выглаженными и пригнанными друг к другу; иногда усыпаны мелкими камнями, плотно подбитыми; так что в общем они представляли компактную массу, окаймленную большими булыжниками, которые укрепляли ее по краям, и лежавшую на подстилке из гравия, бетона, песчаникового щебня или железного шлака. Во-вторых, они были планированы гораздо смелее. Тогда как галльские инженеры, избегая лишнего усилия, проводили их только на твердом грунте и охотнее всего искали путей, пробитых самой природой в изгибах долин, римские дороги, не обходя препятствий, идут прямо вперед, карабкаясь на плоскогорья и подстилая мощный фундамент в болотистой почве. Более любого другого памятника эти великолепные шоссе говорили населению о величии Империи. Императоры, прекрасно понимая, что ими обусловливается жизнь этого огромного тела, — до последнего дня поддерживали их с неутомимой энергией. Только варварские нашествия смогли остановить эту работу, хотя и после них долго еще делались попытки исправить причиненные ими разрушения.

Открытие этих путей было исходным пунктом преобразования Галлии, аналогичного тому, какое внесли в современную жизнь железные дороги. Можно сказать без преувеличений, что (если не считать нашего времени) никогда сношения между цивилизованными народами не были более многочисленными и легкими, чем в ту эпоху. Правда, ни для частных путешественников, ни для частных писем не существовало публичного транспорта. Императорская почта была прекрасно организована (особенно со времени Адриана) с ее специальной администрацией, ее praefecti vehiculorum (префектами транспорта), из которых два заведовали почтой Галлии: один для Нарбоннской, Лионской и Аквитании, другой — для Белгики и двух Германий. Но она функционировала только для государственных потребностей и, вследствие поборов, какими облагала частных лиц, была для них более обременительна, чем полезна. Зато существовали частные почтовые предприятия, быстрота транспорта которых достигала, судя по разным данным, 40—50 миль в день (в среднем 60 км).

Достаточно назвать главные артерии, опуская второстепенные дороги.

Пять больших дорог вели из Италии в Галлию. Две из них шли на север: одна направлялась на Сплюген и давала ответвление на Констанц и Базель; другая шла через Большой Сан-Бернар и Валлис; она делилась на две ветви, из которых одна подходила к Женеве и Лиону, а другая, обогнув Леман на севере, проходила через Аванш и в Базеле примыкала к одному из колен предыдущей дороги, затем она следовала левым берегом Рейна через Страсбург, Вормс, Майнц, Кельн до Лейдена. От нее отбегала ветвь на гельветское плато и через Понтарлье достигала Безансона и Лангра. Три дороги соединяли Италию с юго-восточной Галлией. Более северная выходила из Оста, следовала через Малый Сан-Бернар, долиной Изеры, и во Вьенне соединялась с Лионской дорогой. Вторая через Па-де-Суз и Мон-Женевр ответвлялась в одну сторону на Валанс, Вьенну, Лион, с другой — долиной Дюрансы загибала на Кавельон и Арль. Самая южная, являвшаяся продолжением, за пределами Италии, Аврелиевой дороги, шла берегом Средиземного моря до Фрежюса, входила в долины Аржана и Арка и соединялась с Арлем через Экс, давая ответвление на Марсель.

Узлами дорог являлись Арль и Лион. В Арле кончались два пути на Италию: путь через Мон-Женевр и Аврелиева дорога. Эта последняя под именем Домициановой — в память проконсула, впервые проведшего ее или укрепившего по-римски — продолжалась к Испании через Рим, Безье, Нарбонну и Пертское ущелье. Она давала ответвление к западу, к Гаронне и Бордо. Наконец, из Арля шла дорога, которая направлялась левым берегом Роны до Лиона. В Лионе прямо или косвенно сходились все галльские пути. Мы видели, что он сообщался с Италией тремя альпийскими дорогами — Мон-Женевра, Малого и Большого Сан-Бернара, а через эту последнюю, так же, как через дорогу Безансон-Понтарлье — со страной гельветов. Он стоял у начала дорожных линий, ведущих на запад и на север: 1) дороги на Бордо, идущей через Клермон, Лимож и Периге; 2) луарской дороги, идущей через Бурж и Орлеан; 3) сенской дороги, идущей через

Отен, Оксерр, Париж; 4) дороги на Ла-Манш, отделявшейся от предыдущей в Оксерре и шедшей через Реймс и Амьен до Булони; и двух рейнских дорог: 5) через Лангр—Туль—Мец—Трир—Кельн и 6) через Безансон—Базель—Страсбург.

Трир, Менц, Орлеан, Реймс также были важными узлами. В Трире кончались дороги из Реймса и Лиона. Отсюда веером расходились дороги на Майнц и Кельн. В Меце скрещивались пути Лион-Трир и Реймс-Страсбург (единственный, пересекавший Вогезы в Саверне). Реймс концентрировал северо-западные дороги, Орлеан — западные и юго-западные. Эти последние встречались в Бордо. Из Бордо расходились: 1) дорога, которая через Овернь соединялась с Лионом, 2) дорога на Бельгику через Сент, Пуатье, Тур, Шартр, Париж, Суассон, Реймс, 3) дорога на Испанию через Дакс и западные Пиренеи, представлявшая соответствие Домициановой и 4) дорога, которая присоединялась к Домициановой через ущелье Норузы.

Речными путями пользовались много, особенно впоследствии, когда с растущим разложением галло-римского общества уменьшилась безопасность сухопутных дорог. Уже Страбон восхищался расположением галльских рек и удобством сообщения между ними. Неудивительно, что римляне постарались дополнить искусством этот дар природы. Марий облегчил посредством канала доступ в дельту Роны. Друз и Корбулон произвели подобные работы в устьях Рейна и Мааса. Но все это было далеко от какой-либо системы правильной канализации. Единственная попытка в этом смысле сделана Л. Антистием Ветом, легатом Верхней Германии при Нероне. Он составил план соединить каналом Сону и Мозель, т. е. Средиземное Море с Океаном. Но этот проект, к сожалению, потерпел неудачу в конфликте, возбужденном легатом Белгики[265] и уже не возобновлялся.

Организация труда в большинстве отраслей была коллективная. В этом смысле мы видим действие римских привычек, которые быстро распространились в провинциях. Малые люди естественно тяготели к союзам, являвшимися промежуточными между тесной жизнью семьи и слишком широким кругом муниципия или государства. Аристократический мир civitates был слишком чужд и враждебен для малых людей, для всех, живших так называемыми рабскими занятиями, а под ними разумели даже торговлю. Они живо чувствовали потребность прижаться теснее друг к другу и противопоставить равнодушию и пренебрежению высших ту силу, какую дает ассоциация. Они соединились не во имя духа милосердия, не ради помощи бедным и больным: формулировать и осуществить этот идеал дано было еврейским синагогам и христианским церквам. Но и в этих корпорациях, в этих «коллегиях» царил дух солидарности, взаимной симпатии, который делал существование более отрадным. Императорское правительство сперва относилось к ним не особенно благосклонно, вспоминая роль, которую они играли под конец Республики. Оно смягчало эту строгость по мере того, как начинало чувствовать себя тверже. Но с самого начала оно сделало исключение в пользу двух видов коллегий: *похоронных* и *профессиональных*. Первые были разрешены в общем виде, с некоторыми, однако, ограничениями — например, под условием не собирать заседаний чаще, чем раз в месяц.

Похоронные коллегии были наиболее демократическими организациями: в них входили даже рабы, так как древнее рабство, не связывавшееся с расой и цветом кожи, не прорывало такой глубокой пропасти между рабом и свободным человеком. Между бедным плебеем и рабом существовало различие только с юридической точки зрения. Фактически оно было незначительно, и то не всегда в пользу первого. Целью этих ассоциаций объясняется их состав: необходимо было обеспечить их сочленам приличное погребение, с надлежащими почестями. Бедняки, не имевшие чем заплатить за эту роскошь, отпущенники и рабы, патроны и господа которых были недостаточно богаты или щедры, чтобы устроить им ее за свой счет — могли попасть после смерти в общую яму, а эта перспектива была невыносима, по представлениям древних. Скромный взнос обеспечивал им погребение в земле, принадлежащей корпорации, и погребальные церемонии, воздаваемые каждому почившему собрату.

Похоронные коллегии избегали называть себя так — вероятно, из суеверия. Закон называл их collegia tenuiorum — коллегии бедняков. Что касается их специальных имен — они называли себя по божеству, которое они избрали объектом культа. Ассоциации поклонников (cultores) Эрского источника в Ниме, поклонников Дианы и Антиноя в Ланувии — были не чем иным, как похоронными коллегиями. То же самое можно сказать о бордоских compotores («пьющих»), имя которых несомненно имеет мистический смысл.

В похоронные коллегии иногда объединялись люди, занимавшиеся одинаковым ремеслом, но *профессиональными коллегиями* в собственном смысле слова назывались те, которые получили свое имя от ремесла. Они также были религиозными, и вместе похоронными товариществами, но главный объединявший их принцип заключался в единстве профессии. Они не ставили целью ни обучение ремеслу, ни его усовершенствование, не имели никаких монополий на него, не исключали a priori работников иного ремесла и не включали необходимо всех работников данного. Далее, они не были торговыми обществами, слагающими свои капиталы для более широких общих предприятий. Если все это так, — спрашивается, какие выгоды, кроме чисто-нравственного удовлетворения, доставляли они своим сочленам? Несомненно, что сама ассоциация давала им силу, которую они могли использовать в чисто-практическом отношении. Так, например, корпорация валяльщиков получила при Августе землю, чтобы основать на ней свою индустрию, не платя за это никаких взносов. Эту привилегию два века спустя у нее оспаривал фиск, и она выиграла процесс.

Разрешая профессиональную коллегию, государство требовало, чтобы она «служила общественной пользе». Хотя этот приказ мог толковаться очень широко, тем не менее число коллегий было сперва весьма ограничено. Лишь с течением времени стали терпеть довольно большое и все растущее число так называемых «неразрешенных» коллегий. Эти последние не имели прав юридического лица и могли быть распущены полицейскими мерами.

Разрешенные или просто терпимые коллегии в Галлии далеко не представляют во всем ее разнообразии коммерческую и промышленную жизнь этой страны. Они многочисленны в Нарбоннской, кроме самой Нарбонны, где по непонятной причине на них смотрели неблагосклонно. Но особенно размножались и процветали они в Лионе. Вне Лиона, в Трех Галлиях мы находим лишь очень редкие их следы, по крайней мере до III века, вследствие ли скудности надписей или вследствие более сурового отношения администрации к слабо романизованному населению.

На первом месте среди корпораций, могущих оправдать свое существование услугами, оказываемыми публичному делу, стоят fabri tignarii — строительные рабочие. Их стали мобилизовать в качестве военных рабочих; в особенности это известно нам о fabri navales — кораблестроительных рабочих Арля. Fabri tignarii несли пожарную службу так же, как centonarii — производители грубых материй, брезентов[266].

К этим двум корпорациям присоединяются *дендрофоры* (лесоторговцы), связывающиеся с fabri по характеру своей индустрии. Помимо пожарной службы, на них возложена была обязанность несения священного древа во время церемоний в честь Кибелы. Отсюда их греческое имя, заменившее прежнее латинское.

Корпорации гребцов, судостроителей, судохозяев были использованы государством в целях обеспечения транспортом на воде и на суше. Это были самые почтенные, самые богатые ассоциации, принимавшие, кажется, только свободных людей. Мы видим их повсюду вдоль великой артерии, образуемой Роной, Соной и Рейном. Главные находились в Арле и Лионе. Лионская ассоциация nautes (корабельщиков) представляется нам то одной корпорацией, то распадающейся на две отдельные компании — для Соны и для Роны. В Арле, кроме речных судовщиков, находились еще naviculariі maritimi — морские корабельщики, образовавшие 5 корпораций. Морские корабельщики группировались также в Нарбонне. Навигация по Сене находилась в руках парижских корабельщиков. Другие, менее важные корпорации существовали на Изере, Дюрансе, Увезе, Ардеше, Ааре, Неккаре, Рейне и Мозеле. Ratiarii — хозяева плотов в Женеве, обслуживали Леман и верхнюю Рону. Лодочники на Луаре соединялись с корпорацией лодочников на Соне.

Nautes (корабельщики) часто соединялись в качестве патронов с utriculariі, делавшими мешки для вина и масла, а также с виноторговцами, которые были наряду с судохозяевами самой почтенной корпорацией Лиона, и, производя свою торговлю по воде, нуждались в их сотрудничестве. Выделыватели плащей, вероятно, обязаны были поставками для армии. Наконец, одной из могущественнейших лионских корпораций была корпорация цизальпинских и трансальпинских купцов, вторым центром которой был Милан, и которая выполняла различные транспортные комиссии на обоих склонах Альп.

Коллегии составляли маленькие республики, пользовавшиеся настоящей автономией. Некоторые из них, нуждавшиеся в ближайшем надзоре со стороны

государства, ввиду важности представляемых ими интересов получали от государства особого префекта. Так было с корпорацией ронских судовщиков, цизальпинских и трансальпинских купцов. Но это было исключение. В целом государство не вмешивалось в их внутренние дела. Их организация, скопированная с муниципальной, следуя образцу, данному Римом, при всем разнообразии местных особенностей сводилась к немногим основным чертам. Так называемый populus, собрание всех членов, вотировал статуты, принимал новых членов, утверждал выдачи и награды, избирал должностных лиц. Коллегиальные магистратуры, подобно муниципальным, строились иерархически. Те, которые прошли весь ряд их, назывались, подобно муниципальным магистратам — omnibus honoribus functi. Число должностных лиц было различно, в зависимости от значения корпорации. Во главе их стояли председатели — magistri, почти всегда в числе двух, как duumviri. Их избирали на год, а иногда на 5 лет, и тогда они назывались квинквенналы. Далее шли curatores, ведавшие преимущественно финансовой администрацией; затем — низшие чиновники, из которых главным был квестор. Выше всех в коллегии стояли почетные члены — patrones. Коллегия имела свой дом — schola, расположенный чаще всего в квартале, где сосредоточивалась ее индустрия. Лионские виноторговцы имели дом в Canabae, около своих складов на острове Эне. Здесь, в более или менее роскошном помещении стояла статуя бога — хранителя корпорации. Здесь собирались на совещания, на празднества, жертвоприношения, пиры, — бывшие одной из главных прелестей корпоративной жизни.

Коллегиальные должности были источником дохода для коллегии. Magistri, curatores платили при вступлении в них summa honoraria (почетный взнос), не считая других пожертвований, которые вошли в непременный обычай. В еще большей степени коллегия считала себя вправе рассчитывать на кошелек патронов. Все эти пожертвования обыкновенно шли на украшение коллегиального дома и на разные учреждения. Нарбоннская надпись сообщает нам, что некий Фадий Секунд Муза, патрон строительных рабочих, подарил своим клиентам 1600 сестерций под условием устройства на проценты этой суммы ежегодного пира в день его рождения[267]. Должностные лица выбирались из самых богатых и влиятельных людей, иногда даже другой корпорации, а иногда из граждан, вовсе не принадлежавших ни к какой корпорации. Чаще всего это были крупные купцы — августальные севиры, которые, будучи отстранены от муниципальных должностей, жаждали доступных им почестей. Иногда это были муниципальные магистраты, удостаивавшие принять патронат или представительство в коллегии, преимущественно, впрочем, только почетное. Иные коллегии решались искать патронов и выше: арльские моряки избрали патроном прокуратора анноны Нарбоннской Галлии и Лигурии. Ронские и сонские nautes были клиентами *аллектора* галльской казны — римского всадника. Таким образом, учреждение коллегий, как и августалитет, имело следствием установление связи между различными общественными классами.

Политика императоров в отношении корпораций сильно изменилась к середине III века. С этого времени они начинают решительно поощрять их, готовы создавать их повсюду. Естественно, впрочем, что похоронные коллегии просуществовали недолго и исчезли с торжеством христианства. Зато профессиональные выросли в числе и постепенно захватили весь трудящийся мир. Вместе с тем их строй сильно изменился.

Появление на престоле сирийской династии, враждебной традициям римского правительства, лишь отчасти обусловило новое положение дел. Оно имело более общие причины, коренясь в новых началах, проникавших в финансовую администрацию: 1) замена налога — барщинами и повинностями, 2) дифференциация налога в зависимости от положения облагаемых[268].

В связи с этим прежде всего увеличивается число коллегий, считающихся «общественнополезными». С другой стороны, установление специального для городских купцов и ремесленников налога, распределяемого их главою, повлекло за собой введение всего рабочего населения в коллегии, так как в них существовали уже готовые кадры такого распределения. Эта функция естественно была возложена на magistri, ставших *синдиками*. И так как эти кадры должны были быть заполнены, то государство начинает наследственно привязывать купцов, ремесленников к их коллегии, как колонов к земле, солдат к армии, куриалов к курии. Так развилось законодательство, связывавшее деятельность социального тела и толкавшее свободного человека в условия, близкие к рабству.

Корпорации были подчинены стеснительному режиму, тесно связавшему их с государством. Тяжелее всего он лег на корпорации рабочих на императорских фабриках, монетных дворах, оружейных заводах, в мастерских драгоценных тканей, в рудниках. Они не имели никакой автономии и всецело зависели от начальников, назначаемых императором. Корпорации, какой-либо стороной своей важные для общественного блага, производившие и поставлявшие съестные продукты и т. п., также находились под строгим надзором и обязаны были отдавать значительную часть своей работы государству. А если другие были свободны от этих повинностей, — все же, в качестве фискальных организаций, они были тягостны для своих членов и должны были набирать и удерживать их силой. Неудивительно, что из трудового мира стремилось спастись не меньшее число беглецов, чем из курии.

Компенсацией за все эти стеснения являлись разнообразные привилегии общего или частного характера: освобождение от военной службы, от муниципальных повинностей, от пошлин, субсидии, монополии и т. д. Корпорации имели почетные привилегии. Став официальными учреждениями, публичными организмами, они заняли свое место в муниципии, призваны были участвовать в его праздниках и церемониях. Когда Константин в 311 году вступил в Отен, они образовали шпалеры на улицах, развернув свои знамена. Здесь уже чувствуются средневековые *гильдии* — наследницы профессиональных коллегий поздней Империи.

II. Земельная аристократия и сельский плебс. — Крупная собственность и начало серважа[269]

Социальная иерархия в Галлии была та же, что и в остальной Империи. В античном Риме создались две группы знати: сенаторы и всадники. В VI веке последние исчезли, поглощенные сенатской знатью.

Из сената вышло сословие знати, численно превосходившее действительный состав этого собрания: к нему принадлежали все, происходившие от сенаторов, безразлично, — действительных или почетных. Обычай давать титул без действительных функций все более входил в употребление и постепенно исчерпал кадры низшей знати. Только члены сенаторских фамилий могли достигнуть сенатских почестей, но они могли не претендовать на них, не обязаны были заседать в сенате, ни даже — жить в столице. Многие жили в провинциях, никогда не появляясь в Риме, и тем не менее считались сенаторами, одевались в латиклаву, именовались clarissimi (светлейшие) и из поколения в поколение передавали свой титул и соединенные с ним привилегии. И так как в сословие можно было вступить не только по праву рождения, но и после выполнения некоторых служебных функций, а также и по милости императора, то, будучи наследственной кастой, ordo senatorum (сословием сенаторов), вместе с тем оказался открытым сословием, блеск и преимущества которого подстрекали все честолюбия. Введенные впоследствии ранги spectabilis (высокородные) и illustris (сиятельные) для высших административных должностей были только степенями клариссимата, — чисто-личными, не передаваемыми наследственно отличиями.

Силу этой аристократии составляла ее земельная собственность, являвшаяся в ту пору главным элементом общественного богатства и считавшаяся наиболее почетной его формой; естественно, что она была источником уважения и власти. В анализе того, как эта знать владела землей и эксплуатировала ее, вскрываются причины ее могущества, и вместе с тем выясняется положение земледельческого плебса, который она держала под своей властью. Мы сделаем очерк этих отношений для эпохи IV-го века по Р. Х. Здесь мы можем опираться на свидетельство кодексов, а для Галлии — на ее национальную литературу.

В организации земельной собственности в Риме представляется довольно оригинальной концепция домена — fundus. Это слово имело несколько синонимов: ager (означающее собственное поле), villa (дом хозяина), curtis (двор); но точным юридическим термином было fundus. Римляне перенесли его в Галлию. Характерно для fundus — его неразрушимое единство. Чаще всего он называется по имени владельца, первого его собственника, очевидно, владевшего им тогда, когда земля вносилась в кадастр. Это имя уже не меняется, в чьи руки ни переходила бы земля. Пусть даже она будет раздроблена при продаже или наследовании, — она считается единой, и совладельцы считаются дольщиками. И наоборот: соединение нескольких fundi в одних руках, в так называемые massae, не сливает их в одно целое. Они сохраняют свои имена и свою индивидуальность, даже если вся massa

покрывается, кроме того, сверху одним общим именем. Смысл этой системы, очевидно, в том, что она составляла надежную базу для операций кадастра.

Когда галлы приняли латинские имена или латинизировали кельтские, они привязали к своим имениям эти имена, превращенные в прилагательные — на -acus и -anus, причем слово fundus упоминалось или подразумевалось: Avrelianus (Аврелиан), Avrelicus (Аврелиак), Licinius (Лициний), Licinianus (Лициниан). Эти имена до сих пор сохранились в названиях французских деревень, на что можно было бы привести целые страницы примеров. Мы ограничимся немногими: галло-римское Julius (Юлий) превращается во франц. Juillac (Жюйак), Juille (Жюй), Juily (Жюйи), Juillan (Жюйак); Sabinius (Сабиний) — в Savignac (Савиньяк), Savigny (Савиньи), Savigneux (Савиньё), Sevigne (Севинье); Antonius (Антоний) — Antony (Антони), Antogny (Антоньи), Antoigne (Антуань), Antoignt (Антуан) и т. д., причем надо заметить, что все эти имена многократно повторяются во всех концах Франции. Равно пережили и те, в впрочем, довольно редкие имена, полученные не от владельца, а по какой-нибудь местной особенности: виллы Asinariae (Азинарии), Rosariae (Розарии), Canavariae (Канаварии) превратились в Asnieres (Аньер), Rosieres (Розьер), Chennevieres (Шенневьер). Palatiolum (Палатиол) у Трира превратился в Pfalz (Пфальц), а у Парижа — в Palaiseau (Палезё); Mansiones (Мансионы) — в Maison (Мезон); многочисленные Mezieres (Мезьер) вышли из Maceriae (Макерии).

Нашествия варваров вносят некоторые изменения в эту номенклатуру. Переименования, в котором имя собственника заменено именем святого, относятся к VII веку; в более ранних — на место латинского имени ставится варварское: Huldriciacus (Хулдрикиак), Childriciacus (Хилдрикиак). Позже вместо суффикса -acus, -anus — к имени владельца начинают прибавлять villa, villare, curtis: Theodenis villa (вилла Теодена) — Thionville (Тионвиль), Ramberti villare (деревня Рамберта) — Rambervillers (Рамбервильер), Arnulfi curtis (двор Арнульфа) — Harcourt (Аркур). Имена германского происхождения чаще попадаются на севере и северо-востоке, хотя и тут они в конце концов оказываются в значительном меньшинстве. В само понятие fundi они не вносят никаких перемен.

Тождество французских деревень с галло-римскими fundi — чисто топографическое. Village в современном смысле не есть римское учреждение.

То, что во Франции называется village, не есть только деревенский поселок: это 1) территориальная единица, 2) коммуна. В качестве коммуны она независима от городского центра, и хотя составляет часть департамента, администрация которого находится в этом центре, но часть — в том же смысле и на тех же правах, как и этот самый город. Как территориальная единица, она включает все, что не включено соседними деревнями. Всякая частная собственность заключается в *деревне*, и никогда деревня *не входит* в частную собственность.

Этот двойственный характер чужд сельским поселениям римлян. Тщетно искали в их языке слова, соответствующего идее современной европейской деревни. Наиболее близко к ней понятие vicus (вик), означающее группу

обитателей — безразлично, в деревне или в городе. Но вик не был коммуной. Внутренняя организация, которую он мог создать, есть лишь слабая тень коммунальной. Единственной коммуной в древности был муниципий, охватывающий большую зависевшую от него территорию. Вик, кроме того, не был и территориальной единицей, ею опять-таки был муниципий, в нем — паг, а в паге — fundus. Недвижимость заносилась в кадастр, как составляющая часть такого-то пага или fundi — никогда не вика. Но вик или несколько виков могли составить часть fundi.

Существовало два рода виков, состоявших: 1) из свободных людей и собственников; 2) из держателей земли, связанных обязательствами более или менее рабского характера. Первые не входили в fundus, но, кажется, таких было немного. Деревни, вышедшие из fundus, считаются тысячами, тогда как других очень мало. Вероятно, вики свободных людей состояли из ремесленников и купцов. Во всяком случае, мы знаем, что число их уменьшалось в пользу виков, включаемых в fundus. Таковы были итоги эволюции, приведшей под конец Империи к исключительному преобладанию крупной собственности.

Это явление вовсе не противоречит факту устойчивости fundi. Он не терял своей индивидуальности, соединяясь с соседним в одних руках. Притом земельная собственность могла состоять и не из смежных владений. В Галлии они представляли особенную чересполосицу. Протяжение их было очень различно. Наследство, состоящее из 50 десятин луга, 100 дес. виноградников, 200 дес. полей, 700 дес. леса — в глазах Авзония было скромным состоянием. Домены Сидония Аполлинария представляли очень пеструю картину: один состоял из полей, лугов, виноградников, другой включал виноградники, оливковые плантации, равнину и холм, третий — леса и пастбища для многочисленного скота. Все это предполагает значительные пространства. Правда, речь идет об Аквитании, и мы должны считаться с разницей, которая существовала между рано колонизованными странами, где земля была разделена на малые участки, и теми, где сохранилось положение вещей, предшествовавшее римскому завоеванию. Здесь крупная собственность уже создалась, ей предстояло только увеличиваться, с одной стороны, разработкой пустошей — saltus, которые закон по праву завоевания отдавал тому, кто их разработал, а с другой — всеми законными и незаконными средствами, которыми располагали сила и богатство.

Борьба между крупным и мелким собственником бывает всегда неравной, тем более в описываемую эпоху. Крупный домен представлял не только совокупность разнородных земель. Это вместе с тем целый мирок, обеспеченный всем, населенный не только земледельцами, виноделами и пастухами, но и всевозможными ремесленниками: булочниками, столярами, ткачами, шорниками, каменщиками и т. п. Независимые группы подобных работников были редки. Домен должен был удовлетворять себя сам. Перед этим скоплением ресурсов мелкий собственник был бессилен. Он имел больше расходов, меньше благ и в конце концов, в целом ряде своих потребностей находился в зависимости от своего грозного соседа. Всякое предприятие требовало от него больше риска при меньших

шансах возместить свои потери. Лишившись капитала, он не имел кредита. Монетное обращение было слабо, процент высок, несчастный случай мог погубить все будущее. В эпоху непрерывных политических катастроф разорение было неизбежно. Это и произошло во вторую половину III века. Дурные стороны фискального режима довершили зло.

Недовольство выразилось в мятежах: в Африке — в движении донатистов, в такой же мере социальном, как и религиозном, в Галлии — в движении багаудов, настоящей жакерии. Страна уже с конца II века была добычей разбоев. Нужна была вся энергия Септимия Севера — тогда легата Лионской, чтобы подавить это зло[270]. Багауды в собственном смысле слова появятся через 100 лет. К сожалению, их история малоизвестна; мы даже не знаем хорошенько, как объяснить их имя, взятое ими из кельтского и не забытое во французской деревне и доныне[271]. Под этим именем группировалось все, что было в Галлии праздношатающегося бездомного народа — все те, кого выбросило из социальных рамок отчаяние, дух приключений: неоплатные должники, обезземеленные крестьяне, беглые рабы. Впервые багауды упоминаются в 286 году при Максимиане[272]. Затем мы не слышим о них весь IV век. Восстановление императорского авторитета усмирило их. Они снова появятся в эпоху нашествий. В 407 году они оспаривают у римской армии проход через Альпы и продают его за ее же добычу. В 435 году они высказываются за узурпатора Тибато. В 441 году зараза захватила Испанию. В течение десяти с лишним лет испанские багауды дают работу римским полководцам и вестготским вождям. Священник Сальвиан, свидетель этих событий, видит в них как бы хроническое бедствие, ответственность за которое, не колеблясь, возлагает на неправды сильных людей. Как бы недоверчиво ни относились мы к его декламаторским выходкам, — здесь он вряд ли преувеличивает.

Порабощение сельских классов совершалось разными путями. Одним из самых обычных являлось расширение личного патроната. Как римляне, так и галлы до завоевания практиковали патронат, теперь он все более расширяется на область гражданской жизни. Этот обычай очень естествен в иерархизованном обществе. Пока сохраняется неприкосновенной идея государства, он сравнительно безвреден, но с ее разложением он становится чрезвычайно опасным. Деспотические правительства не всегда являются теми, которым больше повинуются. Примером этого может служить поздняя Империя. Она не имела власти над аристократией, сильной своими богатствами и местными связями, дух независимости в которой сама эта Империя развивала, ставя ее выше представителей центральной власти. Сенаторы, подсудные губернатору провинции в гражданских делах, в уголовных — зависели только от государя и его непосредственного представителя, префекта претория; стало быть, — от властей слишком далеких, чтобы быть реальными. Гарантированная им безнаказанность объясняет те злоупотребления, в которых они повинны, и из которых самым обычным был захват чужой собственности, присвоение земли обманом или насилием, вопреки всяческому праву, вопреки решениям трибуналов. Напрасно призывали императоры

своих чиновников бороться с насильниками: они умели обезоружить самих чиновников, делая их бессильными попустителями или сообщниками.

Что же удивительного, если более слабый стал искать у сильного защиты, которой не давал ему закон? Он обращался к сильному человеку, «командировал» ему себя, чтобы избежать налогов, чтобы выиграть процесс, чтобы спастись от несправедливости, иногда — чтобы самому безнаказанно совершить ее. Патронат растягивался обширной сетью на все социальное тело. Государство поняло опасность. Оно не признало силы за этими контрактами и издало строгие меры против лиц, заключающих их. Ничто не помогало. Тогда оно решило бороться с патронатом его собственным оружием и противопоставило частному патронату — публичный. Оно сделалось само патроном — против самого себя в лице defensoris civitatis. Странное измышление, результаты которого были ничтожны, и единственный смысл которого заключался в отречении государства от самого себя.

Коммендация чаще всего дополнялась прекарием, который также являлся неумеренным развитием старого обычая. Прекарием называли добровольную уступку земли по просьбе (prex) того, кто ее получал. Прекарий предполагал со стороны дающего отказ от прав собственности и уничтожался фактом смерти одного из заинтересованных лиц, ибо носил чисто-личный характер. Сверх того, он мог быть отобран в любой момент, так как никто не должен быть связан собственной щедростью. Наконец, он был даровой уступкой: всякое обязательство, наложенное на прекариста, извращает сущность прекария, уподобляя его обоюдному контракту. Таким он был в принципе. Можно догадаться, что на деле не всегда бывало так. Прекарист неохотно мирился бы с таким ненадежным пользованием, и собственник редко был расположен к бескорыстной щедрости. Прекарий никогда не занял бы такого места в римской клиентеле, если бы он не был в интересах обоих контрагентов. Фактически собственник налагал известные обязательства на прекариста, выполнение которых гарантировало ему возможность отнять свой дар — ввиду отсутствия какого бы то ни было законного утверждения его. В свою очередь прекарист, если бы удовлетворял условию, мог быть морально уверен в прочности пользования и в возможности передать его детям. Итак, прекарий, в конце концов, является только арендой, не обязывающей ни к чему владельца, а для арендатора — фактически гарантирующей владение, вместо простого пользования.

Преображение мелкого собственника в прекариста могло произойти вследствие займа. Ипотечному залогу кредитор предпочитал другое обеспечение, более для него удобное: должник продавал ему свое имущество, считая уплатой сумму, данную в долг, и под условием возможности выкупить его обратно, возвратив капитал и проценты на него; до тех же пор пользовался им в качестве прекариста. Если он не уплачивал долга в срок, что и бывало чаще всего, он оставался прекаристом до смерти, так же, как и его дети — с согласия кредитора. Другой путь, которым устанавливался прекарий — кажется, самый распространенный — была коммендация, переходившая с человека на землю, так как ему недостаточно было стать под покровительство самому, нужно было обеспечить

его и для земли. За это покровительство нужно было платить. Из этого выходило, что и человек, и земля попадали в зависимость. Мелкий собственник уступал землю крупному под видом продажи, которую закон осуждал, но которой он был бессилен воспрепятствовать. За это он становился прекаристом своего покровителя, считая, что хорошо защищенный прекарий лучше собственности, подверженной всевозможным превратностям.

Коммендация в соединении с прекарием была не единственным средством, обусловливавшим рост крупной собственности. Она содержала в зародыше два учреждения, к которым сводится весь феодальный строй: вассалитет и фьеф. Еще один факт в этом обществе подготавливает новую эру. Это — появление земельного серважа, который будет фундаментом феодального здания.

Домен распадался на две части: одну владелец эксплуатировал непосредственно, это — dominicum, другую — косвенно. Впоследствии ее будут называть mansi. Первая с течением времени все уменьшается в пользу второй.

Часть домена, эксплуатируемая непосредственно, возделывалась рабами, жившими вместе и работавшими группами под контролем надсмотрщиков, тоже рабов. Эта система имела свои неудобства. Раб, не получающий никакой личной выгоды от своего труда, работал плохо, не внося в него никакой инициативы, никакого стремления к улучшению. Чтобы подстрекнуть его рвение — стали отбирать старательных, отделять от стада и давать им участок земли, с правом обрабатывать его в свою пользу за известные повинности. Таких выведенных на участок рабов называли servi casati, так как у них была casa — собственный дом, собственный очаг. Они не переставали от этого быть рабами господина, принадлежащими ему телом и имуществом. Их положение упрочилось и повысилось, когда с конца III века их стали вписывать в кадастр в особой графе. Servi casati, с этих пор начавшие называться ascripti (приписанными), считались составляющими одно целое с землей, цену которой они определяли, так что впоследствии землю, на которой они сидели, запрещали продавать без них. Продавать их без земли не имело смысла, пока она процветала в их руках.

Рабы этой категории составляли еще незначительное меньшинство в конце Империи. Но с этим рабским держанием следует поставить рядом держания отпущенников, очень многочисленных, судя по месту, которое они занимали при наборе в армию. Освобождение не давало полной независимости. Оно налагало ряд довольно неопределенных обязанностей, соединенных под общими понятиями — obsequium, reverentia — уважение и повиновение. Патрон имел право определить ближе их содержание, специальным условием, силу которого гарантировал закон. Чаще всего тут требовались материальные услуги: известная доля труда отпущенника и его доходов. Деревенских отпущенников обыкновенно сажали на участок земли в качестве держателей. По положению они были, конечно, выше рабов, отличаясь от них некоторыми правами, но все же они стояли много ниже свободных людей, так как не вполне могли отделаться от связи с господином и стояли в разной степени зависимости, смотря по способу освобождения.

Так называемый iunianus или latinus мог приобретать земли и вне своего участка, но его приобретения по смерти переходили к господину. Отпущенник, получивший звание civis romanus, мог завещать имение детям, но господин получал долю, равную доле каждого, в случае же бездетности наследовал все. Это было уже феодальное право «мертвой руки».

Часть домена, косвенно эксплуатируемая собственником, отдавалась в аренду свободным людям. Но если рабы незаметно поднимались к положению, аналогичному положению арендаторов, то эти последние шли им навстречу, спускаясь до положения, близкого к рабству, — до положения колонов[273].

Здесь мы уже имеем дело с преобразованием в самом факте, а не только в слове. Средневековый серв, очень отличный от римского раба, является потомком этого самого раба — в новом положении, но с прежним именем (servus). Человек, которого мы называем колоном, понимая под этим крепостного, носит то же имя, что и некогда свободный арендатор — colonus (колон). Каким образом изменилось положение при неизменности имени?

Колон конца Империи — не раб. Он свободный человек — ingenuus, он имеет гражданские права, которых лишен раб и которые отпущенник имеет только отчасти. Он может жениться, иметь семью, он наследует своему отцу, и его дети наследуют ему без всяких ограничений. Он не собственник своего держания, но помимо него он может иметь собственность. Он может предъявить иск владельцу своего держания — по поводу этого самого держания, чего не смеет сделать отпущенник. Только ни он, ни его дети не смеют уйти с этого участка. Это — не рабство. Рабство есть состояние личности, а его личность свободна. Это *связь* человека с землей — nexus coloniaris. Господина имеет не он, а его земля, но земля эта имеет раба, и он есть этот раб. Отсюда, в конце концов, вытекают ограничения его свободы. Он не только привязан к земле навсегда со всеми своими, но он не смеет покинуть ее ни на один день. Если он вздумает жениться, он должен брать женщину не только из своего класса, но и из того же домена, так как иначе ее господин теряет ее вместе с детьми, которых он может ждать от нее. Так уже намечается здесь средневековое ограничение — foris maritagium.

Связь, установившаяся между землей и колоном, определяет, однако, и известные обязанности господина: он не смеет ни выгнать колонов, ни продать землю без них, точно так же, как купивший землю с колонами — не может заменить их новыми.

По-видимому, колонат имеет в Галлии и местные корни. У Цезаря и у Тацита встречаются указания на задолженных людей — obaerati — в деревнях Галлии, положением своим, очевидно, аналогичных колонам. Но расцвет колоната в конце Империи имеет общие причины. По указанным ранее соображениям уже в эпоху Антонинов положение арендаторов становилось тяжелым, а с течением времени оно могло только ухудшаться. Мы видим, что они постоянно оказываются в неоплатном долгу у хозяев. Что было делать последним? Проще всего было бы конфисковать аренду и изгнать неплательщика. Но ведь на его место

пришел бы другой, который скоро оказался бы в таком же положении. И собственники земли предпочитают, не выгоняя арендатора, воспользоваться его затруднительным положением и изменить его отношение к земле. Римский закон признавал силу только за такой арендной сделкой, где была установлена сумма денежной ренты. Заменяя денежный взнос, оказавшийся не по силам арендатору, долей продукта, собственник превращал обоюдный законный контракт в частную сделку, выгодную ему одному. Он держал в руках своего должника, который отныне не мог апеллировать к публичному праву и заставлять его выполнять свои требования под угрозой изгнания с земли.

Был и другой источник колоната. На пустошах селили рабочих, отдавая им землю под условием ее разработки. Это были бедняки, не способные. платить никакой ренты и не имевшие даже земледельческих орудий и какого бы то ни было инвентаря, могущего служить гарантией контракта, — ничего, кроме пары рабочих рук. Они давали собственнику то, что могли дать: дни барщины в настоящем, а в будущем — долю урожая, если он будет. За это они селились, где хотели, а когда земля была разработана — их не думали сгонять с нее, и они не собирались с нее уходить. Эти добровольные колоны, в конце концов, ничем не отличались от остальных. Третья категория состояла из варваров, поселенных насильно или согласно их просьбе внутри Империи. Среди этих сильных племен Рим искал не только воинов, но и земледельцев. Он сажал их на землях фиска или распределял по землям частных лиц. Подобные поселки были многочисленны в Галлии в конце III века на землях, опустошенных вторжениями, и автор панегирика Констанцию хвалил хорошие результаты этой меры[274].

Очевидно, в связи с этими мерами и были изданы первые законы касательно колоната. Доныне он был только обычаем частных отношений. Но закон не мог не заняться им с того момента, как он становился публичным учреждением. Затем явилась финансовая реформа, упрочившая держание колона, как упрочено было держание рабское — и притом теми же средствами. Колон, вписанный в кадастр, стал вечным арендатором, но тот же самый закон, привязав его к земле, запретил и владельцу отрывать его от нее.

Разница между этими двумя родами держания была только в теории. В сущности колон имел господина, потому что его земля имела господина, а он был порабощен этой земле. Сам закон, отличая его от раба, отличал, однако, и от свободного человека, и чем дальше, тем больше отличал его от последнего и ассимилировал с первым. Человеком, свободным в полном смысле слова, не был и прекарист, порабощенный в своей личности и в своем имуществе.

Крупная собственность, развивающаяся путем коммендации и прекария, земельный серваж, создающийся путем ассимиляции рабскому держанию, держания колона — и до известной степени прекариста — вот факты, преобразившие галло-римское общество. Благодаря этому на развалинах государства возросла та земельная аристократия, которая, наряду с Церковью, устояла после падения Империи. В эту пору путем ряда узурпаций она захватила некоторые элементы

суверенитета. Домен все более становился организмом, отделенным от муниципия, почти равным ему и независимым от государства. Владелец выполняет в нем функции магистрата. Иногда он представляет государство и умеет при случае противостоять ему или заменить его. Государство налагает на него его долю налога, но *он* собирает его со своих держателей и взносит, если желает, и если не начал с того, что прогнал сборщика. Государство определяет, сколько рекрут он должен поставлять, но *он* их набирает и отсылает. *Он* предает власти преступников, пойманных на его земле, и только в случае его отказа выдать их, посылают за ними в погоню солдат. *Он* имеет над своими «людьми» (слово, которое уже римский закон употребляет в его позднейшем значении) право полиции и даже юстиции. Над своими людьми, — это значит, не только над рабами, но и над колонами и отпущенниками: он может их наказать розгами, как и рабов. Правда, они могут вчинить ему иск, но на это они не решатся. Прекарист также бессилен против патрона. Собственнику остается еще только сделаться военным вождем, и он станет им, когда обстоятельства этого потребуют. Тот же Экдиций, который прокормил за свой счет 4000 бедняков во время голода, собирает за свой счет отряд всадников, чтобы отбить нашествие вестготов[275].

Знатные жили на своих землях. После римского завоевания, не отрываясь от привычной им сельской жизни, они начинают тянуться в города, привлекаемые блеском римской культуры[276]. Но города очень изменились с конца III века. За мрачными стенами, с их тесным пространством и узкими загроможденными улицами, с их душными домами, города утратили свою привлекательность. Неудивительно, что в таком случае аристократия снова возвращается к прежним привычкам и, появляясь в городах только изредка и ненадолго, в случае религиозных празднеств и публичных церемоний, она остальное время проводит в деревне, переезжая из имения в имение (так как крупная земельная собственность обыкновенно состояла из многих разбросанных в разных местах единиц), и всюду находя то же покойное, широкое, роскошное существование, тот же царственный образ жизни.

Описания Авзония, Павлина Пеллейского, Сидония Аполлинария дают нам представление об этих резиденциях и о жизни, которую там вели. Правда, последние два писателя принадлежат уже V веку, но нравы аристократии не изменились от соприкосновения с варварами, и поместье сохранило прежний вид. Посетитель прежде всего проходил через поселки сервов и колонов и затем попадал в виллу в собственном смысле, т. е. в господский дом или praetorium, как его называли в эту пору, — выразительное название, с которым римляне всегда соединяли представление авторитета, власти. Вилла состояла из двух различных частей — villa urbana и villa rustica. Последняя заключала службы, жилища рабов, их кухню, их темницу, стойла, риги, амбары, погреба для масла и вина, мельницу, печь, давильню, мастерские, кузницу. Все это группировалось вокруг широкого двора — cors или cohors классической латыни, curtis Средний веков. Неподалеку располагалась villa urbana, жилище самого господина. Это было обширное, удобное, богато разукрашенное здание — настоящий дворец, с термами,

с портиками, крытыми аллеями, громадными столовыми, комнатами, различно расположенными для зимы и для лета, галереями картин, библиотеками, садами, которых правильное расположение, искусственные красоты, бассейны и каскады, статуи воскресают перед нами в созданиях Ленотра. Эти пышные жилища сотнями возвышались на почве Галлии, и многочисленные следы, сохранившиеся от них, позволяют точно восстановить их план [277].

Разные дела наполняли жизнь благородного галло-римлянина. Не говоря о публичных обязанностях, от которых он не мог уклониться: управление имением, занятия хозяйством наполняли значительную часть его дня, что не мешало ему отдаваться разнообразным удовольствиям, таким как посещения приятелей, поездки верхом, игра в кости, в мяч и особенно охота. Галлы были страстные охотники, и полные дичи леса, которыми покрыта была их страна, давали возможность вполне удовлетворить этой страсти. Охотничьи сцены — один из любимых сюжетов мозаик, покрывающих стены их жилищ.

Они держали стаи собак и следили за их генеалогией. Они охотились на кабана, оленя, волка, зубра; стреляли из лука, увлекались и соколиной охотой, как рыцари XII века. Среди этих развлечений не оставалась в пренебрежении и литература: писали друг другу письма, полные изысканности и остроумия, в расчете, что их прочтет не только адресат, что когда-нибудь, подобно письмам Плиния, они составят сборник. Сочиняли стихотворения с рассуждениями и доказательствами, вступая в поэтические турниры[278]. Аристократия, которая в Средние века наследует галло-римской, и которая столь многим ее напоминает, предпочтет турниры на мечах. Галло-римские магнаты, увлекавшиеся всевозможными спорами, не имеют никакой склонности к военному ремеслу, которое считают ниже себя и от которого отучила их политика императоров. Точно так же и виллы этой аристократии, приветливые и мирные, отличаются от средневекового castellum (замка). Мы чувствуем, что целый мир рушился между этим веселым приютом и цитаделью феодального времени.

И однако же, он уже появился, этот феодальный замок, чья тень будет в течение веков тяготеть над деревней Франции. Первые вторжения и неистовства багаудов оставили ощущение беззащитности, которое поддерживали растущие разбои. Римскому миру наступил конец. Каждый начинал это понимать более или менее ясно, и рано или поздно начинал принимать меры предосторожности против неожиданных нападений. Вилла преобразовалась, как преобразовались города после Аврелиана и Диоклетиана. Взбираясь на холм, она начинает окружать себя оградой. Прекрасная резиденция Понтия Леонтия возле Бордо окружена стенами и башнями, способными выдержать осаду[279]. Это — burgus (бург) Pontii Leontii, и не одна крепость Понтия Леонтия может принять отныне это боевое имя. И так всюду и во всех смыслах множатся симптомы, возвещающие конец великого исторического периода и появление на сцене нового общества[280].

КНИГА ШЕСТАЯ
ХРИСТИАНСТВО И ГЕРМАНЦЫ В ГАЛЛИИ[281]

ГЛАВА I
ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ ГАЛЛИИ[282]

I. Лионская церковь и ее мученики. — II. Миссии III в. и положение христианства в Галлии в начале IV в. — III. Св. Мартин. — IV. Языческое и христианское общество. — V. Епископат в IV и V вв. Богословские распри. — VII. Духовенство. — VIII. Монахи. — IX. Культ и верные. — X. Христианство и Империя.

I. Лионская церковь и ее мученики

Введение и успехи христианства, появление и утверждение варваров открывают для Галлии новый период. Начинается то время, которое мы называем Средними веками.

Действие христианства было очень глубоко. Конечно, оно не проповедовало возмущения против императоров, не поднимало рабов против их господ; его апостолы не возвещали ни политической, ни социальной революции. Но, будучи несопоставимо с принципами языческого общества, оно ускорило его разложение. Это общество базировалось на тесном единении религии и государства: его жрецы были магистратами, его культ — официальным культом, его императоры — богами. Для христиан учреждения политические и религиозные были чем-то совершенно различным: монотеистическая Церковь не могла вступить в гармонию с политеистическим государством. Отсюда та роковая борьба, которая становится все более тяжелой и отчаянной, по мере того, как христианство становится сильнее, а государство чувствует над собой грозу. Тщетно христиане ссылаются на свое уважение к законам: одно исповедание имени христианина есть наказуемое преступление. Преследования, которые время от времени вспыхивают с ужасной силой, являются актами самозащиты со стороны государства. Их виновниками часто были даже мягкие и гуманные императоры.

История распространения христианства довольно темна, особенно в Галлии. Поглощенные настоящими испытаниями и надеждой на иную жизнь, христиане не заботились о составлении летописи рождающихся общин. В лучшем случае записывались только рассказы о страданиях и мужестве их мучеников: иногда это копии с официальных протоколов следствия, иногда частные сообщения, писанные очевидцами или с их слов. Но в первоначальной своей форме эти «Acta martyrum» (деяния мучеников) не сохранились. Многие исчезли во время последних гонений, другие были переделаны писателями IV века, желавшими украсить их назидательными подробностями и цветами красноречия. Отсюда получились документы, которые не являются ни подлинными, ни фальшивыми, где трудно отличить легенду от истории.

Благочестивое усердие средневековых людей не удовлетворилось этими первыми изменениями. В Галлии больше, чем где бы то ни было, торжествующий католицизм не мирился с той неизвестностью, которой окружено было начало епископских диоцезов. Молчание документов дополнено было воображением: это видно уже из некоторых мест Григория Турского. Города Галлии как бы состязались в религиозном тщеславии. Многие церкви начинают возводить себя к первым векам христианства.

Возникает легенда, что многие личности Нового Завета — Лазарь, Марфа, Мария Магдалина, Дионисий Ареопагит, Кресценций — были в Галлии. Прежних епископов, имена которых были известны для некоторых городов, без указания века, когда они жили, — сделали современниками и учениками апостолов. Так заполнилась первоначальная история христианства в Галлии благочестивыми апокрифами и романическими выдумками[283].

В IV веке эти легенды были еще неизвестны. Один из знаменитейших авторов эпохи Сульпиций Север пишет просто в своей Хронике: «При Марке Аврелии разразилось пятое гонение. Тогда впервые увидели мучеников в Галлии, так как Господня вера поздно принята была за Альпами»[284].

Христианство пришло в Галлию с греческого Востока. Греческие, сирийские, азиатские купцы постоянно появлялись на берегах Прованса, поднимались по Роне. В I и II веках эти иностранцы, являясь из областей, где процветали церкви, основанные св. Павлом и его сподвижниками, должны были занести христианство: в Провансе найдено немало христианских эпитафий, и в них долго держался греческий язык. Во второй половине II века существуют христианские общины во Вьенне и Лионе. В одном письме к «братьям Азии и Фригии... служители Христа, живущие в Лионе и Вьенне» рассказывают о мучениях, «которым подверглись их братья при Марке Аврелии»... Это — старейший и ценнейший документ для истории христианства в Галлии.

Факт посылки этого письма обнаруживает тесные отношения между городами ронской долины и церквами Азии. Сверх того, известно восточное происхождение некоторых мучеников: епископ Потин был из Азии, Аттал — из Пергама, врач Александр — фригиец. Они принадлежат к разным классам общества. В Лионе и во Вьенне мы находим благородного Веттия Эпагата, бедную служанку Бландину и т. д. Эти верные составляли небольшую общину, именовались «братьями», помогали друг другу, поддерживали бедных вдов, сирот, были преисполнены духа милосердия, вызывавшего восхищение даже их врагов. Они собирались для пения молитв, прославления Бога и скромных трапез, имя которых (**стр. 272 греч.** текст) означает «любовь».

Несомненно, лионская община просуществовала уже некоторое время, прежде чем появиться в истории[285]. Первым ее центром был, вероятно, купеческий квартал Эне. В августе, когда вокруг алтаря Рима и Августа сходились представители Галлии, тут открывалась ярмарка. Толпа относилась враждебно к христианам за их обособленность, осуждение языческих праздников, за окружавшую

их таинственность. О них распускали слухи, будто они почитали бога с ослиной головой, на своих собраниях убивали ребенка, съедали его мясо и предавались ужасному разврату.

В царствование Марка Аврелия, в 177 году, эта вражда обострилась вследствие общественных бедствий, в которых винили христиан. Кроме того, Лион был религиозным центром. Его праздники были источником не только увеселений, но и выгод для жителей: стало быть, христиане, отвращаясь от официального культа, подрывали честь и благосостояние города. Им стали запрещать посещение общественных бань, форума, оскорбляли их на улицах, бросали камни, грабили их добро. Наконец нескольких схватили и, в сопровождении трибуна, магистратов и громадной толпы, привели на форум, где их допросили и где они признали себя христианами. Но лионские магистраты не имели права жизни и смерти, пришлось ждать наместника провинции. Все это очень характерно для выяснения причин гонений. Гуманные императоры, а такими было большинство императоров II века, и большая часть провинциальных наместников неохотно применяли крутые меры против христиан. Но толпа брала на себя инициативу, она являлась к преторию, таща нескольких несчастных, опьяненная собственными криками. Перед грозящим бунтом магистрат был вынужден начать дело.

Императорский легат приехал. Нам неизвестно его имя, очевидно, это был человек жестокий, ибо он использовал свое суровое право — право прибегать к пыткам, раз дело шло не о римском гражданине. Верные следили с тревогой за допросом, стоя в первых рядах толпы. Молодой Веттий Эпагат, принадлежавший к лионской аристократии, приближается к трибуналу и просит позволения ходатайствовать за обвиняемых. Поднимается крик изумления. «Ты — христианин?» — спрашивает его легат. — «Да», — отвечает Эпагат твердо. Тогда его схватывают... Таким образом, достаточно было признать себя христианином, чтобы попасть под кару закона[286].

После каждого допроса обвиняемых уводили в темницу. Новые аресты увеличивали их число. Хватали их рабов, не принадлежавших к христианству, и пытками исторгали у них сообщения о чудовищных кровавых оргиях, в которых обвиняли христиан. Заключенных терзала и другая тревога. Уже десять из их среды ослабели среди этих страданий: выдержат ли остальные до конца пытки допроса, муки близкой смерти? Христиане смотрели на муки как на славное, но страшное испытание, которое трудно выдержать без приготовления, и Тертуллиан в некоторых своих трактатах дает правила, как укрепить тело и сделать его менее чувствительным к страданию. Ярость толпы, солдат, легата увеличивалась по отношению к тем, которые подавали твердый пример мужества, как Санкт — диакон Вьеннской церкви, Матур — новообращенный, Аттал из Пергама, служанка Бландина. Магистрат, допрашивавший Санкта, спросил его, из какой он страны, из какого города, свободный ли он человек или раб. «Я христианин» — был ответ, намекавший, что в этом имени была и родина, и семья. Легат велел приложить к телу мученика раскаленные полосы меди. Мясо горело, но Санкт не поддавался.

В упоении небесной радости ему уже мнился источник живой воды, истекающий из лона Христа, который его освежал и укреплял. Когда его перенесли в темницу, тело его представляло сплошную зияющую рану. Через несколько дней это кровавое и вспухшее тело снова подвергли истязаниям, в надежде, что дух мученика ослабеет. Но Санкт боролся с новой энергией.

Не менее мужественна была Бландина. Она была молода и нежна. Ее госпожа — христианка, как и она, и остальные верные трепетали за нее, боясь, что она ослабеет, «но Христос — гласит письмо — пожелал показать, что ему угодно прославить смиренных, малых и презираемых людьми». Бландина утомила палачей, которые с утра до вечера сменялись, подвергая ее всем родам пытки. Они признали себя побежденными, с изумлением видя упорство этого слабого тела, истерзанного ранами, которое, — говорили они, — могла убить первая пытка. Бландина, чтобы укрепиться в борьбе, повторяла, как славный атлет: «Я христианка... Мы не делаем зла»... Героизм маленькой служанки, как верно замечено, был моральной реабилитацией раба.

Одним из последних был захвачен глава общины, епископ Потин, 84 лет. Он был болен и едва дышал, но когда его привели к трибуналу, он почувствовал себя укрепленным желанием близкого мученичества. Это тело, истощенное старостью и болезнью, казалось, исполнилось жизни, чтобы послужить торжеству Христа. За ним шли магистраты и толпа, со всех сторон теснившая его, «как если бы он был сам Христос». Легат спросил его, каков бог христиан. «Ты познаешь его — был ответ — если ты его достоин». Тогда ближайшие стали ударять его ногами и кулаками; стоявшие дальше бросали в него все, что нашли под рукой. Когда его снова ввели в темную, грязную темницу, где держали христиан и где многие умерли, он был чуть жив. Через два дня он испустил дух.

Следствие было окончено. Пленники знали, что их ждет смерть, и в глубине своих темниц, уже оторванные от земли, поглощены были видениями лучшего мира. Чтобы провести на глазах толпы их последние мучения и их смерть, легат решил предать их на растерзание зверям в амфитеатре (его остатки недавно открыты близ Фурвье)[287]. Матур, Санкт, Аттал, Бландина прошли по арене. Перед Атталом несли доску с надписью: «Вот Аттал — христианин», но так как было известно, что он римский гражданин, что давало ему привилегию быть обезглавленным, — то его снова увели в темницу. Матур и Санкт, сначала отданные зверям, были посажены на железные раскаленные кресла. Но так как они жили и после этих мучений, их задушили. Между тем Бландина была привязана к столбу. Верные, видевшие ее, думали о распятом Христе. Звери не тронули ее, она присутствовала при смерти товарищей и затем снова была отведена в темницу.

Прежде чем приступить к новым казням, легат запросил императора. Марк Аврелий отвечал, что следовало обезглавить тех, кто признал себя христианами, и отпустить тех, кто отрекся. Легат пошел дальше: он обезглавил только тех, которые были римскими гражданами, остальных сберег для амфитеатра. Кровавые зрелища возобновились 1 августа, с началом местных празднеств. Под конец

приберегли самых юных и слабых, заставив их присутствовать при страданиях их братьев. Это испытание выпало на долю Бландины и мальчика Понтика, 15-ти лет. Когда наступил последний день, им предложили принести жертву, они отказались. Они остались одни на арене, под грозными криками черни, которую не трогала ни их юность, ни их слабость. Бландина, боясь, что ее товарищ уступит, стояла подле него, ободряя его. Понтик умер. Тогда, радуясь близкому концу, она сама кинулась на муки. Истерзанная ударами бича, брошенная зверям, потом запертая в клетку с быком, который кидал ее в воздух, она больше не чувствовала ничего — «она беседовала с Христом». Ее пришлось задушить. «Сами язычники признали, — говорит рассказчик, — что никогда женщина из их среды не вынесла бы подобных мучений».

Жертвы были преследуемы и после смерти. Зная, что христиане верят в воскресение, язычники решили уничтожить тела, в уверенности, что в таком случае они не воскреснут, и в расчете сильнее устрашить этим остальных. Их сожгли, и их прах бросили в Рону. Самые гуманные спрашивали с сожалением: «Какую помощь оказал их Бог? К чему послужила для них эта религия, которую они предпочли жизни?». По преданию VI века, видение открыло тела трех мучеников, и верные могли их похоронить.

Лионская церковь выдержала пронесшуюся над ней бурю. Священник Ириней стал ее главою. Как и Потин, родом с Востока, он был учеником славного Поликарпа, епископа Смирны. Он скоро прославился во всем христианском мире своей ученостью и милосердием. Большое сочинение[288], в котором он выступает против ересей, столь многочисленных в его время, представляет один из старейших памятников христианской теологии. Эти ереси, родившиеся на Востоке из соединения падающей языческой философии с христианскими идеями, — захватили и Запад, угрожая не только догме, но и нравственности. Одни из ересиархов поощряли распущенность, другие проповедовали суровый ригоризм; против авторитета епископов и священников все они опирались на права личного вдохновения, пророческого духа. Брак и личная собственность отвергались. Эти учения, дававшие широкое место иллюминизму и экстазу, соблазняли толпу, особенно женщин. Они были известны в Галлии во времена Марка Аврелия; может быть, под их влиянием находились даже некоторые из лионских мучеников. Ириней жалуется, что в области Роны многие женщины увлечены этими заблуждениями: одни, исповедав их, покаялись, другие, не смея в этом признаться, отчаялись в Боге. Лионский епископ считался «светилом Галлии и Запада», — так называет его один писатель V века. Твердость его и такт содействовали мирному разрешению одной очень острой литургической распри. Христианские общины не имели однообразных правил для установления срока Пасхи. Римский епископ Виктор хотел навязать всем обычай своей церкви. Азиатские епископы резко протестовали. Виктор объявил их отлученными от церковного единства. Тут Ириней вступился и «от имени братьев, руководимых им в Галлии», напомнил Виктору правила милосердия и уважение к традиции. Однако же, вместе с тем,

он был первым епископом, свидетельствовавшим в пользу примата римской церкви. В часто цитировавшемся отрывке он заявляет, что церковь, «основанная славными апостолами Петром и Павлом, стоит на первом месте, и к ней должны примкнуть верные, ибо она лучше других хранит апостольское предание».

Умер ли Ириней мучеником? Рассказы о его смерти полны неточностей и легенд. В III веке имя Лиона не появляется в истории гонений. Судьбы общины, на момент озарившейся таким ярким светом, ускользают от нас.

В остальной Галлии, там и сям, в конце II века и начале III существуют группы верных. Ириней говорит, хотя и неясно, об основании церквей в римских провинциях Кельтике и Германии. Несомненно существование христианской общины в Отене. Здесь один благородный юноша Симфориан на празднике в честь Кибелы отказался совершить идоложертвенный акт и был обезглавлен. В этом городе найдена греческая надпись, полная восточного мистического символизма[289].

«О, божественное чадо небесной рыбы! прими с сердцем, полным почтения, бессмертную жизнь среди смертных; обнови душу твою, мой друг, в божеских водах, в вечных волнах мудрости, дающей сокровища. Прими сладкую, как мед, пищу благоухания святых, прими, ешь и пей, держа (Ἰχθύς) в твоих руках. (Ἰχθύς) дай мне милость, которой я жажду, господин и защитник! Пусть мать моя почиет в мире, молю тебя, свет мертвых! Ашандий, отец мой, которого я люблю вместе с моей нежной матерью и всеми моими родными! в мире (Ἰχθύς) вспомни о твоем сыне Пектории».

II. Миссии III века и положение христианства в Галлии в начале IV в.

«В царствование Деция, — пишет Григорий Турский, — семь человек, посвященных в епископы, посланы были в Галлию для проповеди новой веры, как это сообщается в страданиях св. Сатурнина... Вот их имена: в туре был Гатиан, в Арле — Трофим, в Нарбонне — Павел, в Тулузе — Сатурнин, в Париже — Дионисий, у арвернов — Австремоний, в Лиможе — Марциал». Эта миссия, как сообщает он, была послана из Рима. О некоторых из этих епископов Григорий не дает точных данных. Он упоминает об обезглавливании св. Дионисия[290]. Он рассказывает, что Сатурнин, привязанный к ногам дикого быка, был сброшен с Тулузского капитолия. О Гатиане, одном из своих предшественников в Туре, Григорий говорит довольно много, указывает даже год его появления в Туре (совпадающий с первым годом правления Деция), рассказывает, как он должен был иногда скрываться от нападений «сильных людей, осыпавших его оскорблениями», как по воскресеньями тайно он служил обедню в криптах. «Так жил он в Туре 50 лет, умер в мире и был погребен на кладбище христианского квартала. После него епископат оставался вакантным 35 лет». Один из его учеников, Урсин, основал церковь в Париже. Он вербовал своих адептов среди бедняков. Одно

важное лицо, Леокадий, происходивший из семьи лионского мученика Веттия Эпагата, открыл свой дом верным; там устроена была церковь. Но в общем все, касающееся миссий III века, очень темно, и свидетельство Григория Турского не имеет цены точной хронологии. Если известно существование нескольких епископств в Провансе, Арле, Марселе, Везоне, Ницце, Оранже, Апте, то относительно Аквитании мы не знаем ничего верного ранее IV века: в 314 году существуют епископы в Озе, Габале, Бордо. В других местах более древними представляются церкви Реймса, Санса, Руана, Парижа, Отена. В рейнской области — в Трире и Кельне — встречаем епископов в начале IV века. Вероятно, христианство было принесено сюда в течение III века легионами или иноземными купцами[291].

В начале IV века, когда Диоклетиан и Галерий подняли на Востоке войну против христианства, верные Галлии наслаждались относительным миром. Цезарь Галлии, Констанций Хлор — более политик, чем солдат, избегал мер, отталкивавших его гуманное чувство, так же как и политический смысл. Он, подчиняясь формально эдиктам императора, разрушил несколько церквей, но не преследовал лиц. На Востоке число и влияние христиан могло встревожить даже такого спокойного политика, как Диоклетиан. В Галлии, рассеянные в немногих городах, они не внушали опасений. Это помогает понять поведение Констанция Хлора. У нас нет никаких оснований предполагать в нем приверженность христианству или нечто большее, чем доброжелательный интерес. Но сын его Константин в 312 году, вступив в борьбу с Максенцием, уже объявил себя защитником христианства и поместил на своем знамени монограмму Христа. Миланский эдикт, изданный после победы, гарантировал христианам право жить, владеть имуществом, справлять религиозные церемонии. Еще не будучи официальным, христианство становилось покровительствуемым культом. Отныне церковь могла, опираясь на государство, довершить религиозное завоевание Галлии, но здесь ее задача была труднее, чем в других частях Империи[292].

В Галлии, как и везде, культ первых христианских общин был прост.

«В день солнца, — пишет апологет Юстин, — жители городов и сел собираются в одном месте. Читаются, насколько позволяет время, деяния апостолов и писания пророков. Затем читающий останавливается, и председатель делает увещание, где убеждает следовать только что приведенным прекрасным примерам. Все встают и читают молитву. Когда она окончена, приносят хлеб, вино и воду; председатель молится и благодарит — столь долго, как только может; народ отвечает — аминь. Тогда дают каждому часть благословенной пищи и питья и посылают их через диаконов отсутствующим».

Богословские споры, особенно на Востоке, были очень утонченны, но народные верования просты. Верные представляли Христа кротким и близким покровителем, с чертами Доброго Пастыря. Догматы искупления и воскресения пленяли их душу. Смерть казалась им сном, и — согласно обычным выражениям надписей в Галлии — они «покоились в мире, чтобы совоскреснуть с Христом и жить вместе с Ним, с мучениками и святыми». Рай они представляли

прекрасным садом, полным света, цветов и благоуханий, с палатками, где блистали золото и драгоценные камни.

Но уже в христианском обществе зрело немало зародышей беспорядка и порчи. Эльвирский собор 300 г. вскрыл те язвы, от которых страдали испанские общины, и которые, вероятно, были небезызвестны соседним галльским. Верные ослабевали духом, новообращенные возвращались к идолам, брали на себя должности фламинов. В среде христиан находятся развратники, прелюбодеи, сводники, лихоимцы; девы, посвятившие себя Богу, забывают свой обет. Сами священники подают пример легкости нравов. По мере того, как росло число адептов христианства, оно теряло свою первоначальную чистоту. Мечта простых душ, жаждущих правды и добра, превращалась в несовершенное учреждение, доступное людским страстям.

III. Святой Мартин

В течение IV века борьба христианства и язычества меняется в характере. Христианство еще не государственная религия, но уже религия императоров, которые всем своим авторитетом покровительствуют ее успехам. Оно хочет не только спасать души, но и властвовать над миром. Наоборот, ослабевшее язычество сохраняет только видимость официального культа. Скоро из гонителя оно становится гонимым. Наследники Константина, побуждаемые епископами, издают эдикты, уничтожающие храмы и запрещающие жертвы. В 408 году Гонорий поручает самим епископам следить за их исполнением.

Эти суровые меры нелегко было применять. Язычники составляли еще большинство. В Галлии, где нередко на целую область не было ни одной христианской общины, существовавшие подвергались местным гонениям. В Туре, «вследствие противодействия язычников», епископат остался незамещенным с начала IV века до смерти Константина. Христиане этой поры «служили божественные службы тайно и в скрытых местах, потому что, если застигли кого-либо из них, его осыпали бы ударами и казнили мечом»[293]. Религиозные преобразования, осуществляемые императорами, возмущали язычников, и во многих местах они решались на насилия. В 323 году Константин вынужден принять меры против тех, «которые будут принуждать духовных лиц или мирян к участию в очистительных жертвах». Толпа, поднявшаяся против верных, находила пособников в муниципальных магистратах. Что касается императорских чиновников, большинство, даже на высших ступенях иерархии, были язычниками.

Еще хуже было положение христианства в деревнях. Термин pagani, жители paga, сельские жители, с IV века получил религиозное значение — язычника, поклонника прежнего культа. Еще в конце века, несмотря на деятельную проповедь, большие местечки не насчитывали ни одного христианина. Друидизм давно утратил свою жизненность, но из смеси римской и кельтской мифологии образовалась народная религия, памятники которой — часто неясного

значения — во множестве попадаются на французской почве. Лицам, стремившимся проповедовать в деревне, немало мешал язык, на что указывает Ириней в своем трактате против ересей. Кельтский еще не исчез, и остатки народных говоров, смешиваясь с вульгарным латинским языком, делали понимание его очень трудным для иноземца.

Многочисленные миссионеры работали над обращением деревни. Славу остальных в этом отношении превзошла слава св. Мартина Турского, чем он обязан не только своему апостольскому рвению, но и энтузиазму одного из своих учеников, аквитанца Сульпиция Севера[294]. Житие св. Мартина, которое Сульпиций написал около 400 г., очень распространенное в Галлии, сделалось в ней образцом той агиографической литературы, где чудесное заменяет историю. К этому житию автор добавляет некоторые новые факты в своих диалогах, героем которых является опять-таки св. Мартин. Три его письма говорят о смерти святого. Несмотря на это, история св. Мартина остается во многих пунктах неясной. Сульпиций Север сам признается, что его обвиняли в преувеличениях и даже во лжи.

Св. Мартин родился в Сабарии, в Паннонии. Его отец, римский солдат, достиг положения трибуна. Детство его прошло в Павии. Обратившись в христианство, он против воли вступает в армию, где ведет целомудренную и воздержанную жизнь. Милосердный ко всем, он однажды зимой в Амьене разрезает ударом меча свой плащ, чтобы дать половину бедняку. Во время одного варварского нашествия, вызванный для получения награды, он отказывается от нее, объявляет императору, что он — воин Христов и просит отставки. Когда его обвиняют в стремлении уклониться от опасности, он отвечает: «Так как мое поведение объясняют трусостью, то завтра я стану в рядах сражающихся, без оружия, и во имя Господа Иисуса, охраняемый крестным знамением, а не щитом и шлемом — бесстрашно проникну в середину врагов». Он не имел случая исполнить свое обещание: на другой день враги просили мира. Выйдя из армии, Мартин отправился к Иларию, епископу Пуатье, чтобы под его руководством научиться благочестивой аскетической жизни.

В 379 году народный энтузиазм возвел его, помимо воли, на епископскую кафедру Тура. Многие из епископов избирателей не хотели голосовать за этого аскета, «покрытого лохмотьями, нечесанного, лишенного благородства»... Он был поистине избранник народа.

Мартин не является ни великим теологом, ни выдающимся оратором. Уже будучи апостолом, он сохранял от своей военной жизни известную суровость характера. Вступив в армию Христа, он ведет против язычества беспощадную войну. Вместе с тем он ревностный адепт монастырской жизни: в двух милях от Тура, в дикой местности, запертой между холмом и Луарой, он создает монастырь и там запирается в деревянной келье. Восемьдесят учеников окружают его; большинство селится в пещерах, вырытых в утесе. Здесь соблюдают общность имущества и не занимаются никаким ремеслом, кроме списывания рукописей.

Жизнь здесь сурова, пища скудна. А между тем среди этих аскетов — много знатных, и монастырь св. Мартина — Magnum Monasterium, «Мармутье» вскоре стал питомником епископов, влияние которых охватывало всю Галлию. «Какой город, — говорит Сульпиций Север, — не хотел бы иметь епископом монаха из монастыря св. Мартина?».

Отсюда св. Мартин предпринимает смелые походы против язычества. Он проникает в бурги, в деревни, где христианство совсем неизвестно, он нападает на древние, богатые святилища — центры еще живых культов и разрушает их, чтобы воздвигнуть на их месте церкви и монастыри. Не раз он находится в опасности. В Отенском округе поселяне бросаются на него; один даже поднимает меч, но, по словам Сульпиция Севера, чудо повергает его на землю. Чудесные исцеления отмечают его путь. Толпы обращаются и просят крещения. Трудно определить точно страны, где он проповедовал: Сульпиций Север воздерживается от точных указаний, а позднейшие легенды связывают имя св. Мартина с такими местами, где его, конечно, никогда не было. Его миссия была особенно деятельной в центре: в Турени, Анжу, в округах Шартра, Отена, Санса, Парижа. По Григорию Турскому, он посетил также Сентонж, Ангумуа. По-видимому, был он и во Вьенне, где найдена эпитафия одного верного, которого он крестил.

С другой стороны, он заявляет себя защитником угнетенных, против насилия имперских чиновников. В Туре граф Авициан — «этот хищный зверь, который питается людской кровью и смертью несчастных», — смягчается в его присутствии и отпускает заключенных, которых хотел умертвить. Отправившись однажды с просьбой к императору Валентиану, св. Мартин сперва был выгнан из дворца. Когда же он наконец явился перед императором, и последний не встал перед ним, его трон загорелся. Тогда он понял волю неба и исполнил просьбу святого. В Трире, тогда как остальные епископы, в роли низких угодников, теснились вокруг узурпатора Максима, — св. Мартин отказался сесть за его стол и объявил, что он «не может есть с человеком, который украл у одного императора власть, а у другого — жизнь». Он предсказал ему, что тот погибнет, если пойдет войной на Италию и нападет на Валентиниана. Максим и его жена преклонились перед этой смелостью, соединенной с таким благочестием. Во времена присциллиановой ереси, когда другие епископы побуждают Максима к преследованию испанских еретиков, Мартин осуждает это вмешательство светской власти в дела церкви. Чтобы предотвратить меры насилия, он согласился пойти на совещание со своими товарищами, но потом никогда не мог себе этого простить. «Он прожил еще 16 лет, но больше не ходил ни на какие соборы и избегал епископских совещаний». Он умер в Канде (Candes), недалеко от Тура, вероятно, в 397 году. Жители Тура торжественно перевезли его тело, и впоследствии, заботами епископа Перепетуя, над его могилой была воздвигнута большая базилика.

Культ св. Мартина распространился по всей Галлии. Во многих местах показывали следы его шагов, всюду воздвигались церкви его имени, вокруг его

памяти росли легенды[295]. Его имя стало как бы символом евангелизации Галлии в IV веке.

Среди деятелей этой миссии один из самых энергичных, Виктриций, епископ руанский, лично знал св. Мартина. Солдат, как и он, он чуть не поплатился жизнью за отказ продолжать военную службу. Около 398 года Павлин Ноланский приветствует его, как избранного Богом для распространения света «в Мории, в ее диких лесах и ущельях, где можно встретить только бродяг, варваров да местных разбойников, занимающихся грабежом». Верные множились в городах, местечках, деревнях. Воздвигались церкви и монастыри. То же происходило и в стране нервиев, «которых доныне почти не коснулось дуновение Господне...» «Руан, безвестный прежде, ныне получил широкую известность и считается в числе городов, украшенных святилищами». На Западе христианство очень медленно проникало в Бретань. В центре — св. Мартин из Брива (Brives), ученик Мартина Турского, кажется, умер мучеником. В Отене в начале V века жители возили еще по полям и виноградникам покрытую покрывалом статую Кибелы. Рассказывают, будто после крестного знамения, сотворенного епископом Симплицием, идол упал, и пораженная толпа обратилась ко Христу.

В области Рейна, в Трире, еще к концу IV века община удовлетворялась одной церковью, а между тем это был важный христианский центр Запада. Нигде не было найдено такого множества христианских эпитафий. Кельн имел епископа, но, кажется, в 355 году его община была еще очень немногочисленной. В ту же эпоху обнаруживается существование общины христиан в Тонгре с ее епископом. В Майнце в 368 году, когда в воскресенье на город напали аламанны, «большинство жителей было в церкви». В Лотарингии Тульская церковь существует в IV веке, но начало церквей Меца и Вердена покрыто мраком.

Если во многих городах епископат появляется во второй половине IV и в начале V века, то в деревнях обращение совершается очень медленно. Императорские эдикты, запрещающие прежние культы, самим своим обилием свидетельствуют о своем бессилии. В 395 году один галльский ритор, живший в Риме, читал на форуме Марса небольшую поэму об эпизоотии у быков. Выведенный в ней пастух рассказывает, что они излечились силой крестного знамения, «которое единственно чтится в больших городах»[296]. Автор обращается то к бережливости крестьян, доказывая им, что христианство — экономная религия, не требующая расходов на жертвоприношения, то к их самолюбию, приглашая их следовать примеру городов. Блаженный Иероним, знавший Галлию во второй половине IV века, считает ее находящейся под ярмом язычества. Церковь докончит завоевание деревни, только бросив туда целые батальоны монахов, внедрив монастыри в самую глубину густых лесов. Это будет делом следующих веков.

Масса фактов доказывает упорную устойчивость прежних культов. В Бриуде, недалеко от могилы и капеллы св. Юлиана, возвышался еще храм, на колоннах которого стояли статуи Марса и Меркурия, и в котором язычники справляли свои службы. Внезапная гроза заставила их обратиться и ниспровергнуть своих

идолов. Культ Меркурия был тем более живуч, что он сливался с культом национального бога[297]. Чтобы его вытеснить, старались на его место поставить христианских святых, легенда которых напоминала его легенду: св. Михаил или св. Георгий, поражающие дракона, стали на место Луга, поражающего змея с бараньей головой. За отсутствием храмов и идолов, почитание привязывалось к скалам, озерам, источникам. Церковь начинает ставить на них свои символы. На перекрестках дорог водружается крест. У священных источников, на священных деревьях вешается какое-нибудь благочестивое изображение. В глубине лесов ставятся скромные часовни, Церковь освящает долмены и менгиры. Но старые верования выживают; часто перекрещенные во святых, старые божества сохраняют свои черты, и деревенское почитание открывает их действительную сущность под заемной одеждой, окружая их теплой, интимной любовью, как старых родных, в которых воплощается связь семьи. Часто древние боги, поставленные вне закона, выгнанные из населенных мест, захватывают леса, песчаные пустыни и там создают свое царство, куда не может бесстрашно войти христианин. Церковь, именующая их демонами, признает тем самым их развенчанную божественность. Такими представляются божеские троицы, охраняющие всякую семью и всякую страну, известные под именем *матерей* (matres, matronae, mairae). Римляне отождествили их с парками, откуда имя Fata (Фата), а от него — Fatue (Фатю), которое давали нимфам и которое превратилось в средневековую Фею[298]. Сделавшись Bonnes Dames (Добрыми госпожами), Dames Blanches (Белыми дамами), обитательницами долменов, они сохранили свою роль защитниц. Легенда украсила их своей наивной поэзией.

Так к самому христианскому культу примешивались языческие верования. Собор, происходивший в 443 году в Арле — самой христианской области Франции, — объявил виновными в кощунстве епископов, снисходительных к тем, «которые зажигают факелы, почитают деревья, источники, утесы»... И долго еще будут соборы повторять эти запрещения...

IV. Языческое и христианское общество

Даже в городах, несмотря на успехи христианства, нравы не менялись. Империя, учреждения, общественный дух находились в разложении, но языческая литература сохранила свое влияние[299].

Среди членов галло-римской аристократии мы находим открытых язычников, как Рутилий Намациан, который в поэме, сложенной по возвращении в Галлии в 416 году, дает хлесткую сатиру на монахов. Когда Сальвиан, человек самой пламенной веры, женился в 430 г. — родители его жены были еще язычниками. Из самих христиан большинство воспринимало новую веру весьма поверхностно. Авзоний — христианин, это удалось угадать по некоторым его стихам, но его настоящие боги — боги Овидия и Горация; его мораль — чисто эпикурейская. Честный человек и добрый муж, он воспевает воображаемых

любовниц в изящных, но не всегда приличных стихах, с соблюдением классических традиций.

Это «светское» христианство должно было вызвать резкую реакцию. Церковь поняла, как трудно отвоевывать сердце для Христа, раз ум формировала языческая литература. Блаженный Августин указал, как приспосабливать к христианству языческое знание. Сульпиций Север в своих хрониках стремился дать доступное и хорошо написанное изложение священных книг и историю Церкви. Другие, однако, стали на более непримиримую точку зрения и осудили, как грех, любовь к языческим поэтам и ораторам. Павлин Ноланский пишет послания другу своему Иовию, чтобы с корнем вырвать из его души интерес к литературе.

Тщетна была борьба с этой мощной традицией! Сидоний Аполлинарий (в V в.), славя епископа лионского Пациона за то, что он роздал хлеб беднякам, называет его вторым Триптолемом. В эпитафиях священников и епископов говорится о елисейских полях, о Тенаре. В описаниях ада заимствуются краски Гадеса и Тартара, и гребец Харон поступает на службу церкви.

В IV веке представителю галло-римской аристократии нужно было огромное усилие, чтобы стать ревностным христианином. Это вызывало протест в его среде. Павлин Ноланский принадлежал к аристократической семье: его отец был префектом претория в Галлии. Воспитанный Авзонием, он сам исполнял публичные должности, достиг звания консула, причем был уже христианином, но довольно холодным. Мало-помалу, однако, он начинает удаляться от мирских дел, сближается с епископами, становится учеником св. Амвросия и принимает крещение от Дельфина, епископа Бордо. Тогда он продает свое имущество, раздает деньги нищим и становится монахом. Посвященный в иереи в Барселоне, он поселился в Ноле, в Италии у гробницы св. Феликса, где впоследствии делается священником. Это было истинным торжеством для церкви: бл. Августин, св. Амвросий, св. Мартин радовались этому и приветствовали Павлина. Но его родные и друзья осыпали его упреками и насмешками. Его учитель Авзоний не мог утешиться и считал изменой поступок Павлина. Такую же борьбу вел Гонорат, впоследствии основавший Леринский монастырь: его желание креститься принято было как унижение семьи, но он настоял на своем, увлек своего брата Венанция, и оба покинули родину. В середине V века Сальвиан восклицает: «Минерва является предметом культа и почестей в гимназиях, Венера — в театрах, Нептун — в цирках, Марс — в амфитеатрах, Меркурий — на палестрах!». Трир, разоренный, сожженный варварами, требует игр цирка. В письме к Рустику, епископу нарбоннскому, в 459 году папа Лев I говорит о христианах, «участвующих в языческих зрелищах и пирах и совершающих приношения идолам».

Так, своими нравами, вкусами и чувствами высшее общество долго остается враждебным духу христианства, которое оно обвиняет в разрушении его традиций и в семейных раздорах. Но и в этом отношении борьба становится все более неравной. Тогда как христианство вдохновляет пламенных апостолов, как св. Мартин, богословов, готовых перенести изгнание, как Иларий из

Пуатье, — старая религия выставляет своими адвокатами изношенных риторов, как Авзоний, и профессоров с дутой славой. Их приверженность к прежнему культу есть чисто литературная вера — банальная и поверхностная, как их ум. Их педантизм тешится игрой слов, замыкается в восхищении Вергилием и Горацием, тогда как это прошлое, в тени которого они живут, рушится вокруг них. И когда языческие школы коснеют в неподвижности, нечто вроде латинского возрождения проявляется в христианской литературе. Замечено, что римская литература IV и V века гораздо живее литературы III века. В этом духовном движении на первом месте стоят христиане. Среди них следует искать лучших поэтов, лучших ораторов, лучших моралистов. Сульпиций Север, Павлин Ноланский, Сидоний Аполлинарий отличаются корректностью и изяществом стиля. Другие говорят языком народным и грубым, но отмеченным печатью личной силы, как Иларий из Пуатье, Сальвиан Марсельский, написавший страстную апологию христианства. Им есть что сказать! Они мыслят и чувствуют, нередко со страстью, и этим-то христианская литература — выше языческой. Многие из них в событиях эпохи проявили энергию и мужество[300]. Отныне в их среде общество, находящееся под грозой, будет искать людей и вождей.

V. Епископат в Галлии в IV и V вв.[301]

В IV и V веках Церковь организуется. Она превращается в настоящее государство, которое становится на место римского, приспосабливая его кадры к своим целям. Административной единице — civitas, соответствует церковная единица — епископство. Провинции административной соответствует провинция церковная, управляемая архиепископом — митрополитом. В общем, это положение сохранилось в течение всего средневековья, и старые римские деления, получив христианское крещение, устояли, несмотря на разделы царств, новые административные создания и феодальные группировки, перевернувшие политическую карту Франции.

Епископ есть глава общины и управляет ею, во имя власти, завещанной Христом апостолам. Он — представитель этой общины перед государством. Император преклоняется пред ним, целует ему руки. Однако этот глава избирается верными. Когда в каком-нибудь городе епископская кафедра вакантна, в нем собираются епископы провинции, и новый епископ избирается в присутствии народа и при условии его одобрения. Он получает посвящение от своих собратьев-епископов (впоследствии — от митрополита). Таким образом, верные принимают участие в выборах, но под контролем епископов. В них могут участвовать все жители округа. Растущее значение епископата породило смуты и домогательства. Светские власти, партии стремились завладеть выбором епископа. Но в Галлии папы и соборы долго и энергично поддерживали положение, что «общине не может быть навязан епископ помимо ее воли», что «духовенство и народ должны быть спрошены».

Часто, правда, раскол в среде самого народа, интриги кандидатов давали случай епископам провинции налагать свою волю. В Шалоне, в 470 году, три кандидата спорили за епископат. «Один, — человек безнравственный, выхвалял своих предков; другого, известного обжору, поддерживали его прихлебатели; третий тайно обещал отдать своим сторонникам — если он победит — церковные имущества»... Пациан, епископ лионский, приехав в город, держал совет с епископами и, не спросив мнения народа, они назначили епископом архидиакона Иоанна, «известного своей нравственностью, кротостью, милосердием». Никто не решился протестовать. Иногда умирающий епископ назначал преемника. Так сделал Гонорат Арльский в 420 году, назначив Илария: полет голубей над головой избранника свидетельствовал о божьем благословении.

Однако мирские соображения постоянно участвовали в вопросе выборов. Даже когда народ не был прямо подкуплен, то и в этих случаях он заботился не об учености и не о религиозных добродетелях кандидата. Среди смут того времени он искал людей, которые по рождению, воспитанию, по роли, которую играли раньше, могли стать его защитниками. Галло-римская аристократия, состоявшая из сенаторских семейств, захватывает епископат с одобрения народа, нередко даже передавая его по наследству. Герман был герцогом в Оксерре, вел светскую жизнь, когда епископ Аматор посвятил его в священники. Умирая, он назначил его своим преемником. Евхерий, лионский епископ 434—449 г., был из сенаторской семьи, отец его, кажется, был префектом Галлии. Из его сыновей один, Салоний, сделался епископом женевским, другой, Вероний — епископом вьеннским. Сидоний Аполлинарий, сын и внук галльских префектов, зять экс-императора, сам префект Рима и патриций, был уже знаменитым писателем, когда народ клермонский в 470 году избрал его епископом. В 472 году в Бурже Сидоний, рекомендуя в кандидаты на епископат Симплиция, напоминает, что его семья блистала префектами и епископами. «Он сам, — закончил Сидоний, — часто являлся в вашем городе, перед королями, одетыми в звериные шкуры, или государями, одетыми в пурпур». Эта епископская корпорация, подобранная таким путем, неохотно открывала двери новым людям. Такими были монахи, и особенно много претендентов на епископский престол поставлял монастырь Леринский.

Те, кого делали популярными их твердость, доблести и благодеяния, представлялись верным полубожественными существами, живущими в общении с ангелами и святыми. В день смерти св. Мартина Северин, епископ кельнский, слышит пение небесных хоров. «Господин мой, епископ Мартин, — говорит он окружающим клирикам, — покинул этот мир, и вот ангелы несут его с пением в рай». Биографии добрых епископов полны рассказов об их чудесах[302]. Надо сказать, что их задача нелегка. Иларий из Пуатье требует от епископа и больших знаний, и чистоты нравов, одно без другого тщетно. Он должен проповедовать, посещать свой диоцез. Как Пациан Лионский, он питает во время голода целые области за свой счет, основывает госпитали. «Епископ, — говорит одно соборное

правило, — дает пищу и одежду бедным и слабым, не могущим работать своими руками. Он всегда должен быть готов к защите слабых и угнетенных от насилия императорских чиновников». В Арле Иларий нередко успевал тайно предостеречь префекта от несправедливых решений. Вскоре епископы явятся посредниками между варварами и прежним населением и главными деятелями в подготовке нового общества.

Их авторитет в муниципии так велик, что историки одно время приписывали ему официальный характер[303], думая, что они выполняли роль defensoris civitatis[304]. Это — неверно. Но фактически они ее осуществляли, благодаря признанной за ними моральной силе. Епископ является и в роли администратора. Уже до Константина общины владели имуществами. Языческие императоры конфисковали их, Миланский эдикт их восстановил. В 321 году разрешено было делать завещания в пользу Церкви, «но не клириков», — как пришлось прибавить вскоре ввиду начавшихся злоупотреблений. Завещание в пользу Церкви, по словам Сальвиана, «помогает выкупить душу из вечных мук». Таким путем многие церкви приобрели очень скоро огромные, свободные от обложения домены. Всем этим имуществом заведовал епископ, с помощью им назначенных священников и диаконов; он не мог, впрочем, ни отдать, ни продать, ни выменять его без согласия собора. Доходы с него распределялись на 4 доли: 1) на содержание епископа, 2) на духовенство, 3) на бедных и 4) на содержание и нужды самого храма.

С самого зарождения церквей епископы имели в них известную юрисдикцию. По совету апостола Павла верные избегали нести свои споры к светским трибуналам. И в IV веке государство признает эту юрисдикцию, по крайней мере в области духовных дел и духовной дисциплины. В руках епископа уже в V веке находится оружие отлучения, и ему нередко покорны даже светские люди. В 459 году папа Лев I в послании, возбудившем немало споров, объявляет верным, что если они чувствуют за собой какую вину — достаточно сообщить ее втайне епископу, и нет нужды докладывать ее публичной власти. В отношении клириков епископ имеет в распоряжении понижение их, лишение сана; в V веке — даже телесные кары, например, сечение плетьми.

Кроме этой духовной юрисдикции, епископ (со времен Константина, вероятно) получил от государства и гражданскую. Достаточно одной из сторон на суде заявить желание о перенесении тяжбы на суд епископа, чтобы светский трибунал отступился от нее. Приговор епископа не допускает апелляции, и светская власть обязана его выполнить. Этим способом хотели доставить беднякам более скорый и дешевый суд. Постановления 398 и 452 годов признали за этой юстицией только характер третейского суда. Но по отношению к клирикам Церковь претендовала судить их по-прежнему, и несколько соборов Галлии V века запретили им обращаться к светским судам без разрешения епископов. Что касается уголовной юстиции — она целиком оставалась в руках государства.

VI. Епископат и богословские споры

Епископат есть хранитель веры. В великих богословских распрях, волновавших мир в IV и V веках, епископы Галлии играли видную роль.

В царствование Константина в Арле собрался один из соборов, посвященных ереси, которая волновала африканскую церковь. С этого времени подобные собрания начинают приобретать все большее значение. Собравшиеся для специальной задачи, епископы ставят вопросы об общих интересах церкви, о ее организации и законодательстве.

Скоро возникает в Александрии и распространяется по Востоку ересь Ария, отрицавшая единосущность Христа Богу Отцу и явившаяся самой серьезной угрозой христианскому единству. Никейский собор 325 года установил Символ Веры, но он не мог подавить арианства, которое отныне, постоянно сплетаясь с судьбами Империи, дает императорам повод заявлять о себе как о владыках церкви, а епископам — отстаивать свою независимость. С другой стороны, оно завоюет целые варварские народы, которые впоследствии, утвердившись на почве Империи, вступят в сношения с народами, преданными православию. Арианство в Галлии обусловит падение силы бургундов и вестготов, а католичество — успехи франков. Так религиозная борьба IV и V веков оказала свое влияние на политическое становление Франции.

На Никейском соборе Константин объявил, что «Бог поставил его епископом внешних дел». Его панегирист Евсевий пошел дальше и приветствовал в нем «общего епископа, поставленного Богом». Упоенные этой лестью, императоры претендовали на контроль соборных деяний и установление веры. Это открывает бурную историю отношений светской и духовной власти. Одни из государей покровительствовали арианству и преследовали защитников православия, из которых знаменитейший — Афанасий Александрийский был сослан в Трир в 336 году. Кажется, он имел большое влияние на епископов Галлии. Чуждые тому духу ухищрений и интриг, который характерен для восточной Церкви, они с презрением смотрели на соборы, которые, состязаясь из-за слов, противопоставляли Никейскому символу веры новые богословские формулы. Их вера была проста и отчетлива. С другой стороны, находясь дальше от императора, они не приобрели привычки льстить и живее сохраняли чувство независимости.

На Сардикийском соборе 343—344 года представители галльского епископата находились в числе тех, которые признали Афанасия невинным. На Арльском соборе 353 года Павлин Трирский один отказался осудить Афанасия и был сослан во Фригию, где и умер. Галльские епископы, отправляясь на собор в Римини 359 года, отказались ехать за счет императорского фиска, чтобы сохранить свою свободу. Сперва ничего не могло поколебать их верности Никейскому символу, но после семимесячного пребывания, которое похоже было на заключение, 20 из них, опутанные доводами еретиков, уступили. Вернувшись в Галлию, они,

однако, снова обрели утраченное мужество и на Парижском соборе подтвердили Никейское исповедание.

Вождем этой борьбы был Иларий, епископ Пуатье. В 355 году от имени галльского епископата он обращает к Констанцию следующие гордые слова: «Вы должны услышать голос тех, которые восклицают: «Я христианин, я не хочу быть еретиком, я христианин, не арианин. И лучше умереть в этом мире, нежели под влиянием власти человека растлить чистое девство истины». Изгнанный во Фригию, он поддерживает сношения с товарищами, одобряет их и пишет в защиту веры «Трактат о Троице». «Хотя святое учение, — пишет он, — ныне преследуется, — истина не будет изгнана; ее не перестанут слышать благочестивые верные, преданные православию. Гонимые, мы будем говорить в книгах, и слово Божие, которое не может быть сказано, распространится свободно». Вернувшись в Галлию через 4 года, он продолжает борьбу: собирает соборы, добивается смещения арианских епископов. «Только деятельности Илария, — говорит Сульпиций Север, — обязана Галлия избавлением своим от еретической скверны». Иларий никогда не простил Констанция; после смерти императора он клеймит его память бичующим памфлетом. Этот страстный полемист был оригинальным писателем. Первый из христианских учителей, он признал, что истина должна облекаться красивой одеждой изящного стиля. Язык его не всегда правилен, но его жар и сила убеждения часто возвышаются до красноречия.

Около 380 года появляется в Галлии присциллианство — ересь испанского происхождения. Присциллиан был человек «благородный, богатый, умный, деятельный, красноречивый, искусный в спорах». Его обвиняли в склонности к восточным ересям, в колдовстве, в пристрастии к античной литературе. На самом деле он представлял реакцию аскетизма против церковной иерархии и против свободы нравов.

Его путешествия привели его в Аквитанию, где он приобрел немало приверженцев, даже среди знати. В этой стране блестящей культуры его красноречие, его литературная образованность пленяли умы. За ним шли женщины, «жадные, как говорит Сульпиций Север, ко всему новому». Из них одна, Евхротия, вдова славного поэта и ритора Дельфидия, осталась ему верна до конца и разделила его казнь. Осужденный собором Бордо, Присциллиан апеллировал к императору Максиму. Вопреки заступничеству Св. Мартина, его враги добились смертного приговора. Пытка вынудила у него признание в занятиях магией, в мрачных оргиях... На основании этих ложных признаний Максим велел обезглавить его с главными его приверженцами. Галльская церковь осудила эту кровавую развязку и вмешательство власти императора. Многие в ее среде думали, что еретиков следует побеждать кротостью. Самый яростный враг Присциллиана Итаций был впоследствии смещен. К концу IV века Церковь, по словам Сульпиция Севера, была глубоко взволнована этой распрей. Приверженцы Присциллиана чтили его, как святого. В Испании они удержались до середины IV века[305].

В начале V века еще сильнее взволнует умы пелагианство, поставившее самую опасную проблему теологии и морали — проблему благодати и свободного выбора. Она родилась на Западе, где сама религиозная мысль тяготела к вопросам насущным и практическим. Пелагий, бретонский монах, живший в Риме, человек смелого ума, восстал против учений, которые принижают человека, отрицая полноту его свободного решения и признавая принципиальную необходимость зла. На этом пути Пелагий дошел до отрицания первородного греха: мы рождаемся в безразличном состоянии, и только наша воля направляет нас к добру или ко злу. Вместе с тем, однако, принимая божеское вмешательство, он допускает, что если Бог ведет нас, — мы можем жить без греха. Это учение, уменьшая значение вины Адамовой, уменьшает и важность искупления нас Христом. Блаженный Августин был страстным противником Пелагия. В полемическом увлечении он формулирует теорию предопределения, согласно которой Бог извечно предопределил одних ко спасению и других к осуждению. Галльская церковь скоро усвоила идеи Августина. Монах Лепорий, ученик Пелагия, преследуемый марсельским епископом Прокулом, вынужден был покинуть Галлию. Но в стране, полной еще кипучей деятельности, где дух, от природы трезвый и мало склонный к мистицизму, отвращается от крайних и исключительных выводов, августиново учение должно было отталкивать многих. Приписывать божественной благодати заслугу всех наших действий, не значит ли это — давить человека сознанием его бессилия и отнимать у него энергию в искании добра? В Галлии создалась партия, которая, избегая ереси Пелагия, не принимала и положений Августина. Отсюда вышло то полупелагианство, адепты которого известны под именем «марсельцев». Центр его был в леринском монастыре. Писатели, епископы, вышедшие из него, далеко пропагандировали идеи, к которым одно время примыкали лучшие умы Галлии. Кассиан изложил их преимущественно в своих «Collationes (Беседах)», где он утверждает, что «божественная благодать и свободная воля согласуются между собой, хотя бы их существование и казалось непримиримым». Чтобы не подать, однако, повода к обвинению в ереси, он добавляет: «в деле спасения большая доля должна быть приписана не заслуге дел, но божьей милости».

История морали должна сохранить память о «марсельцах»: Кассиане, Винцентии Леринском, Фавсте из Рие, защищавших свободу воли и ответственности человека. Их примирительный дух не обезоружил их врагов, вождем которых в Галлии был Проспер Аквитанский. В своих трактатах и поэмах он резко нападает на «марсельцев». Сама римская курия вмешалась в этот спор и, в лице папы Целестина I, осудила «опасных защитников свободной воли». Лев I принял на службу в Рим Проспера, который здесь еще долго боролся против полупелагианства. Его долго не удавалось сломить. Фавст, епископ Рие, славившийся своим красноречием и милосердием, покровительствовал этому учению и отстаивал его в своем трактате о благодати и свободе воли, который папа отнес к числу неправославных книг. Еще в 529 году собор Оранжа должен был считаться с этим учением и, по настояниям св. Цезария Арльского, издал против него 25 канонов,

извлеченных из сочинений Блаженного Августина. Однако и тут учение о предопределении не было принято в его абсолютном виде.

VII. Духовенство

Ниже епископов стояло семь духовных чинов: священники, диаконы, субдиаконы — большие чины; аколиты, причетники («лекторы»), экзорцисты, привратники («остиарии») — малые чины. Церковь не допускает к этим чинам преступников, больных, эпилептиков, отлученных, евнухов. Рабы допускаются после отпущения на волю, колоны — с согласия господ. Все эти правила соблюдаются не очень строго. Со своей стороны государство запрещает вступать в ряды духовенства куриалам, — впоследствии, впрочем, разрешая им это, при условии передачи имения родным или курии. Некоторые императоры IV века пытались наложить тот же запрет на богатых вообще.

Избавленные со времен Константина от общественных обязанностей, клирики не должны были вступаться в мирские дела, — заниматься ростовщичеством или торговлей из постыдной жажды «наживы». Если Церковь не в состоянии была поддержать их сама, она рекомендует им питать себя трудом рук своих, полевой работой, не забрасывая, однако, своих обязанностей. Брак в ее глазах является низшим состоянием, и потому только клирики малых чинов могут жениться и после посвящения. Остальные, если были женаты ранее, могут оставлять при себе своих жен, но воздерживаются от плотского общения с ними. Эти правила встретили противодействие в Галлии, и папа не раз напоминает о них. Турский собор 460 года признает, что в этом отношении приходится действовать с осторожной постепенностью.

Клирики вполне зависят от епископа и не могут выехать из диоцеза без его разрешения. Священники и диаконы составляют его совет, но он сам всегда стоит на первом месте. Он крестит оглашенных на Пасху, он помазывает миром, он примиряет кающихся с Церковью, посвящает дев, предавшихся Богу. В большей еще степени, чем священники — диаконы составляют деятельных его помощников, особенно первый из них — архидиакон, который постепенно становится администратором церковного имущества под контролем епископа, заботится о вдовах, сиротах, чужеземцах, бедняках.

Вначале духовенство группировалось в городе около епископа, но по мере того, как христианство проникало и в деревню, Церковь организовала здесь культ. Церкви воздвигаются то в центрах земледельческих поселений — виках, то у жилищ крупных собственников — вилл, на местах языческих святилищ, у могил христианских святых. Епископы ставят туда священников. Так создаются приходы, организация которых будет дополнена и урегулирована в течение следующих веков.

С внешней стороны клирики еще не особенно отличаются от мирян. Разные части их одеяния происходят от прежней одежды светских людей. Стихарь ведет

свое начало от туники, риза — от пекулы. С течением времени все эти части подвергаются различным изменениям. Далматика — тоже языческого происхождения, но с конца V века она специально присваивается папе, его клирикам и клирикам некоторых определенных церквей.

Каждый епископский округ со своим главою, клириками, имуществом составляет маленькое государство, связанное постоянными федеративными связями с другими такими же округами. Епископы каждой провинции должны собираться под председательством своего — митрополита, по крайней мере раз в год. Эти собрания, — соборы или синоды могут охватывать иногда несколько провинций. Епископы являются туда лично в сопровождении нескольких клириков или посылают заместителей. Их решения, принятые здесь, называются *канонами*. Эти соборы могут играть роль судилищ, перед ними можно обвинять епископов, апеллировать на их решения. В случаях церковных смут они берут на себя инициативу восстановления порядка: в 439 году собор в Рие отменил неправильные выборы епископа Эмбрена.

Давно уже из епископов католического мира на первое место выдвинулся римский. Это первенство обусловлено было многими обстоятельствами, как политическими, так и религиозными. Ириней Лионский, как мы видели, признал его. Церковь санкционировала его тремя канонами Сардикийского собора, государство — постановлениями 380 года. С IV века епископы Галлии обращаются к папе за советами, за дисциплинарными решениями. В начале V века Иннокентий I, в ответ епископу руанскому Виктрицию, заявляет от имени римской церкви притязание на обязательность ее правил для остальных церквей и на право ведать все важнейшие церковные вопросы. Лев I отменяет решение галльского собора, который под председательством Илария из Пуатье отставил епископа безансонского Хелидония. В том же году император Валентиниан III объявляет, что «решения апостольского престола имеют силу закона для епископов Галлии и для всех, и что епископ, призванный к суду св. престола и пренебрегший выполнить это повеление, принуждается к тому провинциальным наместником».

Чтобы укрепить свою власть в Галлии, папство пожелало иметь в ней представителя. Для этой роли ему показался подходящим епископ Арля, старой резиденции префекта претория[306]. Уже в IV веке Авзоний называет Арль галльским Римом — Gallula Roma Arelas; в постановлении 418 года Гонорий отмечает его выдающееся значение, в марте 417 года папа Зосима объявляет, что отныне галльские епископы не должны ездить в Рим без разрешения епископа Арля, которому, вместе с тем, поручается посвящать епископов в провинции Вьеннской и обеих Нарбоннских. Честолюбивый Прокул, получивший эту привилегию, натолкнулся на энергичную оппозицию. В следующем столетии папа Симмах поручил Цезарю Арльскому «надзор за религиозными делами Галлии и Испании». Впрочем, арльский викариат не сделался прочным и жизненным учреждением[307].

Такова организация духовенства. Что касается его влияния, — оно чувствуется повсюду. Если неверно, что под христианским влиянием смягчалось

императорское законодательство, если в IV и V веках оно, собственно, становится более суровым, чем в I и во II, зато Церковь имела под своим покровительством все растущую клиентелу бедных, обездоленных, вдов, сирот, подкидышей. Ее кредит рос по мере того, как уменьшался кредит государства. Ее святилища давали убежище осужденным. Постановление 430 года гласит, что виновный, найденный в обществе диакона или священника, не может быть арестован. Покровитель заключенных, епископ имеет право проникать в тюрьмы, приносить узникам помощь и утешение.

Церковь не боролась с рабством и даже открыто не осуждала его. Сами клирики имеют рабов, и соборы стараются обеспечить права на них. Но она стремилась смягчить их положение, не только провозгласив моральное равенство раба и свободного, но и внушая господам кротость и гуманность, восхваляя свободный труд, поощряя отпущения на волю. Освободить рабов значило — согласно освященному уже выражению — «поработать на пользу своей души». Константин признал легальными освобождения в церкви перед епископом. В таком случае отпущенники становились клиентами церкви, и она грозила самыми суровыми карами тем, кто посягнул на ее покровительство.

Но в этой картине есть свои теневые стороны. Сульпиций Север вынужден напомнить, что при разделе земель евреями левитам не досталось наделов: «теперь же слуги церкви заражены корыстью, они жаждут земель, расширяют свои домены, жадны к золоту, продают, покупают, ищут наживы всяческими средствами». В своих сочинениях он постоянно противопоставляет добродетель св. Мартина и египетских и сирийских отшельников — жадности, роскоши, суетности галльского духовенства, и многие места его сочинений являются яркими и едкими сатирами. По его словам, бескорыстный епископ является исключением. Св. Мартин указывает на Павлина Трирского как на «единственного, кто в наше время исполняет правила Евангелия». Сульпиций Север, правда, имеет предубеждение против аристократического епископата, но, несомненно, многие епископы являются придворными угодниками. Своими распрями, интригами и пороками они смущают и бесчестят Церковь, вызывая насмешки врагов.

VIII. Монахи[308]

Эта относительная порча духовенства была неизбежна: слишком связанное с миром, оно испытывало его влияние. Поэтому благочестивые люди приходили к выводу, что устоять против зла можно, только уйдя от общества, отказавшись от земных благ. Отсюда — быстрые успехи монашества. Оно родилось в Египте. Возможно, что Афанасий Александрийский, изгнанный в Трир, ввел его в Галлию в середине IV века. Около 386 года здесь существует группа аскетов. Близ Пуатье и Тура св. Мартин основал монастыри. Жития отцов Фиваиды, написанные Руфином, стали популярны на Западе, воспламенили воображение и возбудили мистические настроения. Египет представляется святой землей

христианской жизни. В одном из диалогов Сульпиция Севера его друг Постумиан рассказывает, что он провел три года на Востоке, посетил египетские монастыри, чтобы видеть, «как там цветет христианская жизнь, видеть мир святых, уставы монахов, чудеса, которые Христос явил слугам своим». Слушатели жадно внимают ему.

Кассиан, упоминавшийся нами ранее, содействовал укреплению успехов монашества. Родившись, очевидно, на юге Галлии, он посетил знаменитые монастыри Востока. В начале V века он основал в Марселе два монастыря — мужской (св. Виктора) и женский. На него смотрели, как на хранителя аскетических традиций. В 417 году по просьбе Кастора, епископа Апта, он написал свои «Монастырские Установления», где старается приспособить к употреблению галлов правила восточного монашества. Это странная книга, где кажется, что аскетический идеал ставит задачей не освятить и возвысить человека, а убить его личность, его ум, волю и сердце. В «Вечерях Отцов Пустыни» он больше занимается монашеской теологией и моралью. Это как бы «Подражание Христу» V-го века — более сухое, лишенное тех высоких порывов души, которые составляют красоту сочинения Фомы Кемпийского, но проникнутое также идеей религиозного совершенствования и изысканием средств к его достижению.

Начало было положено. Вскоре Гонорат, член знатной языческой семьи, обращенный в христианство, по возвращении своем с Востока поселился на одном из островов Леринских, «пустынном, полном ядовитых змей». Со всех сторон к нему явились последователи; «лагерь Господень» был раскинут. Время от времени Гонорат покидал Лерин, отправлялся завоевывать тех, о чьих достоинствах довелось ему слышать и, «торжествуя, приводил свою добычу в пустыню». Часто у отшельников не хватало средств к существованию, зато всегда было довольно веры. Однажды Гонорат дал бедняку последнюю золотую монету и сказал своим ученикам: «Так как наша щедрость не может более ничего дать, то, несомненно, уже приближается некто, приносящий нам нужные деньги». Вокруг на Иерских островах возникают другие монастыри, группирующиеся вокруг Леринского. «Лерин, — говорит Евхерий, ученик Гонората, — принимает в свое милосердное лоно всех, кто спасся от крушения житейских бурь. Он принимает с любовью их, еще взволнованных грозами мира, чтобы они перевели дыхание под тихою сенью Бога». Но не всех удерживает он у себя. Большинство становится владыками Церкви. Отсюда вышли: сам Гонорат — епископ Арля, Иларий — его преемник, Евхерий Лионский, Луп — епископ Труа, Цезарий Арльский, Максим и Фавст — епископы Рие и много других.

В остальной Галлии стали также быстро множиться монастыри: около Вьенны (Гриньи), на острове Барб близ Лиона, в Реомэ (Мутье-Сен-Жан), в Юре (Сэн-Клод), в Турени (Лош), в Пуату (Сен-Жуэн, Сен-Мексэн) и т. д. Но, несмотря на все почтение, которое вызывала жизнь средневековых аскетов, в Галлии поняли, что их образ жизни не может быть усвоен без ограничений. Уже ученики св. Мартина, когда им говорили о вареном зелье и ячменном хлебе, которым питался один

африканский отшельник, отвечали: «Может быть, киренеянину этого довольно, он по необходимости или от природы привык ничего не есть, но мы, галлы, не можем жить, как ангелы». Сам Кассиан признает, что надо «считаться с особенностями климата и человеческой слабости». Кроме того, эти люди, отказавшиеся от мира, часто вмешиваются в него, проявляя тщеславие и корыстолюбие. Один из собеседников, выведенных Сульпицием Севером, после восхваления добродетелей египетских отшельников говорит: «Кто из нас не возгордится немедленно, если ему поклонится бедняк, если женщина обратится к нему с пошлой лестью? Пусть он даже сознает, что он не святой, но если из угодливости или по ошибке с ним обходятся, как со святым — он начинает себя считать им... Если ему посылают богатые подарки, он хвалится, что Бог одаряет его своими щедротами, и что он во сне получает необходимое для жизни. Человек, не отличающийся ни добрыми качествами, ни добрыми делами, становясь священником, облачается с священные одежды, надувается, когда ему кланяются, начинает показываться всюду. Кто прежде ходил пешком, теперь с гордостью велит возить себя на покрытых пеной рысаках. Кто довольствовался тесной кельей, строит себе обширное, великолепное жилище... выпрашивает у милых вдов и у девиц, своих приятельниц, богатые платья»... Уже начинаются жалобы на распущенность, указывается на необходимость карать непослушных монахов.

Стремление к религиозной жизни рано распространилось среди женщин и особенно девушек, которые «хотят, по примеру мудрых дев, стать невестами Христа». На одной трирской эпитафии одна «дочь Господня» восхваляется за то, «что она поклонялась Богу во все дни своей жизни и во всех своих действиях соблюдала заповеди Спасителя». Надпись сделана одной из ее подруг Леей, которая «связана была с ней узами любви и религиозным рвением». Основываются многочисленные женские монастыри. В 506 году собор Агда запрещает строить их вблизи мужских, «во избежание козней диавола». Учителя церкви внушают страх к женщине, отвращение к ее красоте: «прелесть плотская вянет, как цветок полей». Они восхваляют девство. «Девство славно, — говорит св. Мартин, — брак только извинителен». Они стремятся даже разрывать супружеские связи и убеждать мужа и жену уйти в монастырь. Создаются поэтические легенды, прославляющие в браке общение душ, свободное от телесной связи.

Монашество встречает, однако, и враждебное отношение. В начале V века галл Рутилий Намациан жестоко высмеивает этих людей, «которые бегут от солнечного света и стараются сделать себя несчастными». С другой стороны, существует взаимное недоверие между монашеством и епископатом. Кассиан рекомендует монахам «избегать женщин и епископов». Последние, в свою очередь, стремятся наложить свою власть на монастыри. Так назревает уже конфликт между белым и черным духовенством. Несмотря на все это, однако, монахи множатся в числе, покрывают монастырями всю Галлию, до самых диких ее уголков. Расчищая почву, создавая деревни, они завоевывают варварский мир, и христианское общество Средних веков будет в значительной степени их созданием.

IX. Культ и верные

В V веке в Галлии существует особая литургия, так называемая галликанская, которая удержится до Пипина Короткого. К многочисленным общим праздникам, как Рождество, Пасха, Крещение, Вознесение, Пятидесятница, присоединяются всюду праздники местных святых. В конце V века Мамерт, епископ вьеннский, устанавливает так называемые Рогации — Моления. Это — процессии, совершающиеся три дня перед Вознесением и призывающие благословение на поля.

Важные акты христианской жизни совершались в несколько отличных от нынешних формах. Торжественное крещение совершалось только на Пасху. Оглашаемых приводили в крещальню, спрашивали о главных положениях веры, на что они отвечали тройным «Верую», затем их трижды погружали в купель. После миропомазания, сопровождаемого призыванием св. Духа, они получали белую одежду, епископ омывал им ноги, они присутствовали при мессе и в первый раз причащались. Брак не сопровождался непременно совершением таинства: верный мог, по желанию, просить или не просить благословения Церкви. В конце концов последняя усвоила обряды языческого брака, наложив на них только свою печать: сохранился обмен колец, брачное покрывало, венцы на головах супругов.

Блеском своих церемоний церковь старается действовать на воображение, придать красоту храму, где происходит богослужение. Епископы, священники, светские люди строят базилики. Эти здания в большинстве исчезли, но мы знаем их план и расположение. Пройдя первый портик, верные проникали в открытый двор — атриум, с четырех сторон обнесенный портиками. Притвор — nartex соединял его с церковью, которую двойная колоннада делила на 3 корабля. Правый назначался для мужчин, левый — для женщин, в середине, отделенной балюстрадой, двигалось духовенство. Два амвона или кафедры служили для чтения. Позади небольшого алтаря, помещенного в глубине абсиды, возвышалась кафедра (cathedra) священника. Большей частью каменная церковь была покрыта потолком и двускатной крышей. Вблизи храма обыкновенно помещалась крещальня (баптистерий) круглой или многогранной формы[309]. Некоторые церкви замечательны своими размерами и своей декорацией. В той церкви, которую Пациан, епископ лионский, построил на холме над Соной, был золоченый потолок, разноцветные мраморы украшал абсиду, окна, пол. Церковь, воздвигнутая Перепетуем в Туре на гробнице св. Мартина, стала национальным галльским святилищем.

Не так давно открыты были и некоторые кладбища той поры[310]. Кладбище Alicamps — Aelysii campi было так знаменито, что народное воображение, пораженное множеством его могил, считало его местом погребения дружинников Карла Великого, бившихся с сарацинами. Сам Данте упоминает о нем в 9-й песне Ада. В Средние века рассказывали, что Сен-Серенское кладбище в Бордо было освящено самим Христом. Более славные или богатые покойники лежат в гробах,

украшенных барельефами. Некоторые декоративные мотивы заимствованы художником от языческого искусства, но чаще он вдохновляется сюжетами Ветхого и Нового Завета: Ной в ковчеге, Иона, выброшенный китом, переход через Красное море, три отрока в пещи огненной, чудеса Христа и т. п. Стиль — тот же, что и в языческих памятниках той же эпохи, но сюжеты, трактуемые проще и с меньшим числом действующих лиц, в символической форме выражают верования и учения христиан.

Могильные надписи дают возможность заглянуть в душу христиан этой поры. Часты формулы: «Смерть искуплена страстями Христа...», «почил с миром в Господе...», «ожидает с радостью дня судного...», «надеется на заступничество святых...», «воскреснет во Христе...». Эту веру в воскресение, на которой зиждутся остальные верования, христианину приходится защищать от нападок несогласных. Священник в проповедях, в сочинениях твердит ему постоянно, что члены его тела, даже разбросанные, даже растерзанные животными, соединятся, и тело возродится, как природа весной. Чтобы удержать его в покорности, он рисует ему грозные видения, картины Страшного Суда такими, как их будут изображать Средние века.

Почетные титулы, частые в языческих надписях, исчезают с христианских гробниц. Верный именуется «рабом Божиим», прославляется его смирение: «Мамелевб прожил 60 лет в милосердии и доброте...». Вильярик называется «отцом бедных». Хвалят целомудрие его жены, ее верность, милосердие «и все добродетели, которыми украсил ее Бог». Об одной женщине благородного происхождения говорится, что «она была деятельна, питала голодных, выкупала пленных, отправляла их на родину. Она имела святую душу».

Не следует, однако, закрывать глаза и на пороки и суеверия христианского общества этой эпохи. Сальвиан в середине V века жалуется на поверхностную и лицемерную набожность своих современников. Они произносят божбы, воруют, они развратники и пьяницы, их жены — кокетки. Правда, Сальвиан пессимист, но и у других авторов мы находим те же черты, которые он только сгущает. Сама религия все больше проникается грубыми элементами. Диавол занимает в ней все больше места: он постоянно появляется у св. Мартина и его учеников: он спорит с ними, обманывает их, устраивает им ловушки; проникает в тело эпилептиков. Устрашенный христианин думает, что воздух наполнен демонами... И много еще веков проживет человечество в этом кошмаре. Благочестивые люди принимают меры против этих опасностей. Организуется культ святых. Верные хотят быть погребенными возле их могил, чтобы покрыться их защитой. Тщетно соборы возражают против этого. Начинается жадная погоня за мощами. Фанатики рвут бахрому с облачения св. Мартина, носят ее на пальцах, на шее, думая, что она исцеляет болезни. Когда хоронили Гонората, его тело почти обнажили, так как каждый хотел иметь кусок его одежды. Повсюду видят мучеников. Распространяется слух, что в окрестностях Тура есть могила, содержащая священные останки, на ней воздвигается алтарь. Что же? Св. Мартин открывает, что здесь

похоронен разбойник, казненный за свои злодейства. Кроме того, не довольствуясь своими святыми, отправляются в далекие путешествия: в Рим, в Египет, в Св. Землю. В царствование Феодосия одна знатная галльская дама отправилась в Палестину и написала свой итинерарий, который недавно был открыт.

Крайняя материализация религиозности вызвала протесты. Один галльский священник начала V века, Вигиландий из Калагуррис, выступил против нее с нападками, переданными в страстном памфлете Блаженного Иеронима: «Язычество возрождается, проникает в церкви». Он высмеивает веру в мощи, в материальное вмешательство святых и советует лучше помогать бедным своей страны, чем посылать милостыню в Иерусалим. Он осуждает крайнее воздержание, которое хотят навязать священникам; его тревожит умножение монастырей. «Если все запрутся в монастыри, кто будет править службу, благотворить, призывать грешников к добру?».

Многие светлые умы ужасались христианского политеизма, утверждавшегося на развалинах языческого.

X. Христианство и Империя

В недрах разложившейся Империи христианское общество составляет все более могущественное государство. Желало ли оно падения этой Империи, подготовило ли его вольно или невольно?

До Константина разные причины определяют отношение христиан к Империи. Верные наставлению Христа «Воздадите Кесарево Кесареви» — они молятся за тех, кто ими правит, и их апологеты уверяют, что у императора нет более верных слуг. Но они избегают военной службы, публичных должностей и гордо заявляют перед магистратами, что христианин не имеет ни родины, ни семьи. Один из наиболее проницательных их противников, Цельзий, в своей «Правдивой речи» обвиняет их в том, что «они подвергли мир опасности стать добычей самого грубого и дикого варварства[311]. Своим воздержанием от публичной деятельности они и вправду содействовали ослаблению Империи в III веке.

В IV веке положение изменилось. Государство стало христианским, в интересах Церкви было его поддерживать. Часто это заявляют и учителя Церкви. Лактанций, верный идеям, которые обессмертил Вергилий, говорит, что судьбы мира связаны с судьбами Рима. Отныне армия, сенат, администрация наполняются христианами, в равной мере, как и язычниками. Епископы больше не отговаривают верных от вступления в них. Они сами вмешиваются в публичную деятельность.

Однако против этого течения все время шло другое. Как и раньше, мысль о близком конце мира тревожила благочестивые души. Св. Мартин возвещал пришествие Нерона и Антихриста: Нерон будет царствовать на Западе и преследовать христиан. Антихрист воцарится на Востоке и заставит поклоняться себе, как Христу. Потом он убьет Нерона и станет владыкой всего мира, до вторичного

пришествия Спасителя. «Уже Антихрист родился, он растет, он ждет удобного момента, чтобы овладеть властью». К чему активно вмешиваться в судьбы Империи, дни которой сочтены? Не лучше ли жить в мире и молитве? Павлин Ноланский пишет одному знатному чиновнику императора, убеждая его «вступить на службу к Христу». Быть солдатом, быть чиновником — значило подвергнуть себя божьей каре. Надо избегать брака, семьи — забот, столь же тягостных, как и бесполезных. Недостаточно быть благочестивым. Добрый христианин должен удаляться от мира. Вот чему учил святой — в то время, как Империя обезлюдела, как отовсюду угрожали ей варвары. Успехи монашества содействовали распространению этих настроений. Неудивительно, что императоры часто относились к нему враждебно. Валент в одном из своих законов с гневом говорит об «этих тунеядцах, которые, чтобы избежать муниципальных повинностей, убегают в уединение и пустыню».

С другой стороны, тесные отношения Церкви и государства, вмешательство императоров в религиозные дела были новым элементом смуты. Император, смотря по тому, арианин он или православный, преследует своих противников. Они отвечают ему оскорблениями и угрозами. От этого уже ослабевшая власть императора еще более теряет авторитет. В своей хронике Сульпиций Север осуждает евреев, просивших у Самуила установления царской власти. «Народ, — говорит он, — требовал этого царского имени, ненавистного независимым народам; он желал променять свободу на рабство»[312]. Комментируя книги Даниила, он видит именно в Империи железный колосс на глиняных ногах. «В самом деле, Империя управляется не одним императором, а несколькими, разделенными между собой войной и соперничеством». Она слагается из разнородных элементов: «римская почва занята чужими или мятежными народами, предана теми, кто притворяется покорными ей; в наших армиях, в наших городах, в наших провинциях варварские племена, и особенно евреи, живут рядом с нами, но не принимают нашей культуры. Это — явления, которые, согласно пророкам, предвещают конец мира».

Но эти чувства не являются чувствами большинства. Многие сохраняют и в христианстве римскую душу, бодрую веру в судьбы Империи. Поэт Пруденций, происходящий из соседней с Галлией области, был красноречивым выразителем этих надежд. Христианский Рим представляется ему наследником античного Рима, — его воспоминаний, его триумфов, его упований: «Доблесть римского народа не стареет, славе его нет конца». Итак, нельзя обвинять христианство, будто оно желало гибели Империи и сознательно подготовляло ее. Империя погибла от прежних болезней. Но христианство не спасло ее, а поколебало роковым образом многие учреждения, на которые она опиралась, и среди его учителей было много таких, которые примирили умы с идеей падения римского государства.

ГЛАВА II
ГЕРМАНСКИЙ МИР В КОНЦЕ IV ВЕКА. ГЕРМАНЦЫ В ГАЛЛИИ[313]

I. Древняя Германия. — II. Распределение германских народов в IV в. — III. Изменения в политическом строе и нравах германцев. — IV. Римская и германская культура. — V. Германцы в Империи. — VI. Отношение германцев к Риму; отношение римлян и христиан к варварам

I. Древняя Германия

В течение IV века германские народы теснят и со стороны Рейна, и со стороны Дуная римскую границу. Во многих местах они ее переходят. Провинции покрываются варварскими колониями, целые племена утверждаются в них с согласия Империи. Германцы проникают всюду. Рим нуждается в них, чтобы защищаться и чтобы жить. Он делает из них солдат и земледельцев, он поручает им командование в армиях и публичные должности. Так, задолго до момента, когда в Галлии, Италии, Испании и Африке основались варварские королевства, варварство вливается в самые вены римского государственного тела.

Нельзя сказать, чтобы германцев возбуждала против Рима расовая вражда: они не думают о разрушении Империи. Ослепленные блеском римского имени, картиной богатства и процветания Рима — они тянутся к нему из побуждений жадности и честолюбия. Часто их предприятия имеют характер разбойничьих набегов. Шайки авантюристов, под начальством какого-нибудь смелого вождя, бросаются на провинции, разграбляют их и исчезают. Иногда, наоборот, целые народы просят земель или занимают их силой, но потом объявляют себя готовыми служить Империи и просят ее дружбы. Кроме того, эти народы находятся в вечной вражде между собой. Только в исключительных случаях они соединяются, и тогда обрушиваются, как ураган, на Галлию. Рим эксплуатирует их раздоры, рассчитывая остановить таким образом варварскую грозу. В I веке Тацит уже отметил этот факт в знаменитых строках своей «Германии»[314]. В конце III века Мамертин повторяет то же самое в панегирике Максимиану. «Счастье Империи в том, что варварские народы вокруг нее со всех сторон терзают и убивают друг друга».

Из римских историков два в особенности, Цезарь и Тацит, старались познать и понять социальную и политическую жизнь древней Германии. При всей неполноте и иногда неясности, их сообщения представляют большую цену[315].

Сама страна внушает римлянам мистический ужас. Тацит изображает, очевидно, чувство легионера в тяжелых походах по Германии, когда говорит: «Не говоря об опасностях безвестного и грозного моря, кто мог бы, покинув Азию, Африку

или Италию, стремиться в Германию, с ее нескладными очертаниями, суровым климатом, диким и угрюмым ландшафтом?». Можно понять чувство ужаса, охватывавшее того кто покидая левый берег Рейна, где цвела римская культура, погружался в эти дикие страны. За рекой начинался огромный «Герцинский лес», покрывавший значительную часть Германии: 60 дней было недостаточно, чтобы его перейти. В глубине его жили странные животные: северные олени, лоси, зубры. Реки и потоки, бороздившие его по всем направлениям, разливались в озера и болота. К северу страна становилась еще более печальной и мрачной; деревья редели, обнаруживая топкий берег, болота которого незаметно сливались с морскими волнами. Наконец показывался «Германский Океан». Под тяжелым облачным небом бурное море вливалось в болотистый берег, в глубокие устья рек. Оно бросало корабли на скалистые острова, на скрытые песчаные мели.

Имя германцев позднего происхождения. Народы, которых называли так галлы и римляне, сами не давали себе этого имени. Вряд ли они имели ясное сознание общности своего происхождения. Но известная часть их — обитатели западной Германии, считали себя происходящими от общих предков: бога Туисто и его сына Манна. От трех сыновей Манна вышли будто бы три большие этнические группы: ингевоны, ирминоны, истевоны, сами подразделявшиеся на многочисленные подгруппы. Все они принадлежат к тому же великому арийскому народу, как кельты, эллины, италики, — но они позже выступают на арену истории, и их культура развивалась медленнее. Тем не менее, между их учреждениями и учреждениями галлов до римского завоевания существовало сходство, поразившее древних.

Германец — прежде всего воин. Он считается членом племени только с того дня, когда он торжественно облекается оружием, чтобы с ним не расставаться. Он высок, силен, закален против холода, но не выносит ни жары, ни продолжительной работы. У него белокурые или рыжие волосы, голубые свирепые глаза. Одежда его груба и состоит из звериных шкур, усиливающих его страшный вид. Оружием его служит фрамея (короткое копье или дротик), стрелы, щиты, иногда мечи, пики, кирасы и шлемы. Железо у германцев редко. Они не любят селиться деревнями, где дома соприкасались бы. Их жилища, грубой постройки, удалены одно от другого. Часто они вырывают землянки, которые покрывают навозом. Здесь они скрываются зимой, здесь прячут припасы. В мирное время они бездельничают, проводят время у очага или пируют, причем напиваются допьяна. Иногда они охотятся или играют в кости с такой страстью, что, потеряв все, ставят на карту свободу. Полевые и домашние работы они предоставляют женщинам и старикам. Настоящая жизнь для них в бою. Ариовист хвалится, что он вождь армии, воины которой не спали под кровлей уже 14 лет. Их боги так же свирепы, как и они. У них нет храмов. Их святилища — лесные чащи. У семнонов в определенные сроки представители народа собираются в глубине лесов, убивают человека и совершают кровавые обряды.

Германцы — варвары, но не дикари. Их культура груба и примитивна, но у них есть известные учреждения. Семья пользуется влиянием и почетом. Моногамия является общим правилом. Германец целомудрен, чтит брачный союз, строго карает прелюбодеяние. Отец — безусловный властелин: он может не признать своих детей, продать их, наказать смертью в случае какой-либо вины. Муж имеет те же права над женой, которую он покупает, получая от родителей ту власть, какую они имели ранее над нею. Всегда под опекой мужа, жена, однако, является его товарищем в опасностях и в труде. «В войне и мире она делит его судьбу, соединясь с ним на жизнь и на смерть». В сражении она ободряет его криками, приносит ему пищу, останавливает его в случае бегства и вновь обращает на врага. Она окружена уважением и может достигнуть огромного влияния, как жрица и пророчица. Наследство передается сыну, женщина от него отстранена. Это сохраняет единство семейной группы. В случае обвинения одного из ее членов вся семья, вместе с друзьями и клиентами, сопровождает его на суд. За убийство или обиду сородича мстит весь род. Но родовая месть уже в раннюю пору смягчается обычаем выкупа: «Убийство может быть искуплено известным числом голов скота». Семья выступает как целое и на войне: «отряд составляется не из случайного сочетания людей, а строится по семьям и родам».

Германцы часто переселяются. Но они не кочевники. Они вступают в связь с землей, строят жилища. Правда, разные причины, преимущественно наплыв новых поселенцев в восточную и центральную Европу, сгоняют их с занятых мест. Кроме того, земля бедна. Она не может удовлетворить растущее население, которое не умеет ее эксплуатировать. Образуются дружины, идущие искать счастья в других местах. В самых ранних сношениях с Римом германцы просят не денег, а земель, где бы они могли поселиться.

Однако признать в них настоящих земледельцев — значило бы идти далеко и игнорировать точные исторические свидетельства. Много спорили по вопросу о формах собственности у германцев; много комментировали — совершенно, впрочем, ясные тексты Цезаря и Тацита. По Цезарю, личной собственности на землю не существует. Германцы питаются не столько хлебом, сколько молоком, скотом и продуктами охоты. Тацит говорит, что стада составляют их главное богатство, и что они не прилежат к земледелию. И, однако, в других местах он говорит о хлебных полях, описывает способ чередования участков при их ежегодном распределении. Собственность, по-видимому, имеет семейный характер. Дома стоят отдельно, окружены изгородями. Отсюда разовьется впоследствии индивидуальная собственность. Очевидно, в эту пору германцы переходили от скотоводства к земледелию. От Цезаря до Тацита произошел уже заметный прогресс, но способы обработки еще очень грубы.

Германцы имеют свое правительство. Каждое племя составляет государство, — то, что Тацит называет civitas. Эта civitas разделяется на волости — pagi. Каждый паг населен группой семейств. Взрослые воины собираются на большие веча — непременно в оружии. Председательствует жрец. Он устанавливает

тишину, в случае нужды — останавливает и карает. Здесь выбирают лиц, которые с помощью заседателей должны творить суд в пагах. Вожди — principes вносят предложения: одобрение выражается звоном оружия, неодобрение — ропотом. Когда решается какой-нибудь поход, тут же избирается храбрейший в качестве вождя — dux'a. Каждый вождь имеет свою дружину товарищей — comites, которые следуют за ним, повинуются ему, в случае нужды служат его заложниками, защищают его в битве, умирают за него. В мирное время они составляют как бы его почетную свиту. Их водит он на грабеж и к победам, дает им оружие, коней, устраивает им пиры. Роль вождей очень велика. В сущности, они руководят судьбами народа, за их заслуги им подносят подарки хлебом и скотом. Один видный германский сторонник Рима советует Вару арестовать вождей: «Без них народ не решится ни на что».

У германцев существовала и королевская власть. Она опиралась на старые традиции: король происходит от богов. У некоторых племен он пользуется деспотической властью. У других — его власть, по-видимому, слабее власти вождей. Он не может ни наказывать, ни лишать свободы. Если он заставляет слушать себя на вече, то не силой власти, а силой убеждения. Несомненно, что в тех опасных предприятиях, которые так любили варвары, все больше выступала сила личного мужества и стиралась память о легендарном происхождении королей. С другой стороны, сам факт расселения в обширных областях, где соседи ещё мало теснят друг друга, не особенно благоприятен для сильной центральной власти. Народ разбивается на малые группы, каждая на своей территории и со своим вождем. Королевская власть в таких условиях слабеет и остается только фикцией. Может быть, у некоторых племен она и совсем исчезает. Западные германцы особенно враждебно относились к расширению королевской власти. Герой борьбы германцев с Римом в I веке, Арминий, был убит, потому что хотел стать абсолютным властелином.

Нередко коварное искусство Рима делало королевскую власть орудием его влияния. Это была одна из традиций его политики. Короли, которым он покровительствовал или которых навязывал, становились его агентами. Нередко само их присутствие служило причиной междоусобных распрей.

У германцев существовали разные классы. Тацит говорит о рабах, положение которых лучше положения рабов в Риме. Они не привязаны к домашним работам и личным услугам. Каждый из них имеет свое жилище, свое поле и обязан господину только натуральными повинностями. Раба редко бьют или заковывают в цепи, но случается, что в порыве гнева его убивают. Что касается отпущенников, то они не отличаются от рабов. Тацит не определяет с ясностью их положения. Может быть, это те, кого мы встречаем впоследствии в варварских законах под именем lidi (лиды) или liti (литы).

Выше стоят свободные и благородные люди. Тацит часто говорит о благородных, не выясняя их происхождения. Вероятно, оно связывалось с патриархальной организацией общества, и благородные были потомками более древних

семей, из которых ранее состояло племя. Кажется, что, подобно королевской власти, знать также постепенно теряла свой авторитет. Сами principes — вожди не выходили непременно из ее рядов. Для них, кроме того, были часто роковыми международные распри: во время таких распрей, например, погибла вся знать херусков.

Германцы имели судебные учреждения. Государство карало только преступления публичного права, т. е. такие, которые нарушают мир и общие интересы народа. Предателей и перебежчиков вешали на деревьях, трусов и низких развратников топили в болотах, привязав им жернов на шею. В случае убийства право мести принадлежало семье. Впрочем, по мере того, как идея публичного права становилась более отчетливой, поняли вред этих частных войн. «Мщение» не было уничтожено, но заменено выкупом, и допущено вмешательство государства или представителей народа в установлении меры наказания. Часть штрафа при этом шла королю или государству, другая — жертве или ее родным. В изучаемую эпоху право передается только устно — в виде обычая.

Таковы, в общем, нравы германцев I века. Мы не перечисляем отдельных племен, приведенных у Тацита и Плиния. Эти имена скоро исчезнут, заменяясь другими. Для нас важно только, что эти народы были многочисленны, независимы одни от других и плохо спевались для общих предприятий.

II. Распределение германских народов в IV веке[316]

С I по IV век густой мрак царит над Германией. Писатели этих веков, за исключением Аммиана Марцеллина, ограничиваются сухими замечаниями да сообщениями о войнах германцев с Римом. Поэтому мы не можем проследить за теми изменениями, которые к IV веку сделали Германию совершенно иной, чем она была в I-м.

Имена народов, которых Тацит помещал на правом берегу Рейна, не совсем исчезли, но их носители слились в более значительные группы, которые получили новые имена. Объясняя эту перемену, предположили, что с I по IV век Германия была опустошена и дезорганизована анархией, и что от прежних племен сохранились только остатки. Эта гипотеза ничем не подтверждается. Напротив, за это время Германия сделалась, по-видимому, более населенной, народам стало теснее жить. Начинается усиленное искание пахотных земель, и растет число тех, которые идут добывать их за Рейн и за Дунай. Образование новых объединений, давление варварства со всех сторон на Империю — есть знак силы, а не слабости и упадка[317]. Впрочем, в этих объединениях нельзя видеть настоящих политических федераций: члены их остаются независимыми, нередко во время войны одни сражаются, другие остаются нейтральными.

Вдоль Рейна намечаются три группы:

1) На севере расположились франки. Уже в течение III века[318] они появились в Галлии и опустошали ее. Население в таких случаях находило высоты,

которые легко было защитить, и наскоро укреплялось на них. Иные из таких убежищ[319] раскопаны в наши дни. Нередко, соединяясь с саксами, франкские искатели приключений пенили моря, грабили берега. Известна история таких франкских пиратов, которые, будучи захвачены в плен, овладели несколькими кораблями в Черном море, пограбили берега Греции, Азии и Африки и выплыли в Океан.

Современники называют франков самыми страшными из всех варваров. Их вероломство еще ужаснее их смелости. «Нарушить верность, смеясь, для франка обычное дело». Победы Проба остановили их на время, но, по словам одного историка, воспоминание о поражениях скорей возбуждало, чем тушило их энергию.

Впоследствии стали утверждать, будто они пришли из Паннонии на берега Рейна. Измышлена была ученая легенда, будто франки — потомки троянцев, которые под предводительством Приама и Атенора утвердились на берегах Меотиды и построили город Сикамбрию[320]. Этимология их имени неясна. Вероятно, оно означает «смелость». Уже в III веке имя Francia (Франкия) дается одной области на Нижнем Рейне. Скоро они растягиваются от его устья до Майнца, покрывая тацитовых хамавов, ампсивариев, бруктеров, сикамбров, марсов и хаттов, славившихся в I веке своей военной дисциплиной и известных грубыми нравами.

Франки делились на две группы. На севере находились салии, которых в IV веке упоминают Юлиан и Аммиан Марцеллин. Может быть, их имя происходит от Sala (Иссель) или кельтского Sal — море. Вероятно, эту группу составляли батавы, каннинефаты, происшедшие от хаттов, кугерны, хаттуарии. Констанций Хлор проник к ним в Батавию, преследуя их в лесах и болотах, но немного позже они продвинулись к Маасу и утвердились в Токсандрии (нынешний Брабант). Юлиан разбил их в 358 году, но не выгнал. Став защитниками Империи, они в начале V века распространяются до Foret Charbonniere (Угольного леса) между Самброй и Шельдой.

К югу от салиев та группа, которую в VI веке будут называть рипуарскими франками, заняла среднее течение Рейна. Основой этой группы был прежний народ бруктеров, между Ланом и Руром. С ними особенно борется Константин во время своего пребывания в Галлии. Он переезжает Рейн у Кельна по плавучему мосту и, после победоносного сражения, бросает на растерзание диким зверям их царей Ашариха и Мерогеза. В своем панегирике императору ритор Евмен гордо восклицает: «Вы не смеете больше появляться на берегах реки. Крепости этого берега являются только украшением границы: они больше не нужны для ее защиты. Крестьянин безоружным вспахивает этот берег, прежде столь страшный». Но при том же Константине франки снова продвигаются вперед. Когда Юлиан стал цезарем Галлии, они только что овладели Кельном и держали его 10 месяцев. Вся вторая половина IV века наполнена этой борьбой. В 396 году, если верить торжественным уверениям поэта Клавдиана, варвар Стилихон, один из

последних победоносных вождей Империи, еще мог пройти без отрядов по рейнской границе[321].

2) К югу от франков, от Майна до Альп господствовали аламанны. Они появляются в начале III века, когда Каракалла, победив их, принимает имя Alemannicis (Аламаннский). Само имя их, как свидетельствуют древние, обличает ассоциацию, составленную из различных элементов. Вероятно, узипии и тенктеры составляли ее ядро, к которому потом присоединились народы среднего Рейна. Впоследствии имя швабов стало синонимом имени аламаннов; действительно, аламаннская группа составилась из различных элементов прежней свевской I-го и II-го вв.

Начиная с III века, аламанны, не переставая, борются против Рима. Иногда даже, переходя Альпы, они бросаются на Италию. С запада, прорывая оборонительную линию, прикрывающую Десятинные Поля, они занимают «благородные, богатые, могущественные» города Галлии[322]. В 277 году император Проб оттеснил их за Неккар в гору Альба. Чтобы возбудить рвение солдат, он обещал по золотой монете за голову варвара. Война прекратилась лишь тогда, когда 9 королей явились и пали к его ногам. Тогда на территории варваров стали основываться римские города и лагери. Проб в письме к сенату хвалится, что он завоевал 70 civitates и освободил Галлию. Эти страшные поражения не уменьшили ни силы, ни смелости аламаннов. Во времена Констанция Хлора Аламанния простирается от Майнца до истоков Дуная и до Констанцского озера. К середине IV века аламанны уже наводняют всю северо-восточную Галлию, являются господами Страсбурга, Шпейера, Вормса, Майнца. Победа Юлиана при Страсбурге останавливает их только на время. К 367 году одна из их шаек перебита на берегах Мозеля в тот момент, когда воины купались, раскрашивали волосы, пьянствовали. Другая шайка побеждена была в окрестностях Шалона на Марне[323].

3) На берегах Рейна появились и бургунды, которых Плиний Старший знал за Одером, и первоначальная история которых неизвестна. Они были еще в восточной Германии, когда король гепидов Фастида нанес им страшное поражение. Вероятно, поэтому они и переселились на Рейн. В конце IV века, утвердившись на берегах Майна, они составляли уже многочисленное племя, насчитывавшее 80 000 воинов. Они управляются королями, носящими титул *гендинов*, и смещают их, если у них нет удачи в войне или если страну постиг неурожай.

За этой первой линией варварских народов образуются и движутся новые группы. Фризы, правда, сохраняют свою прежнюю территорию между Эмсом и Рейном. В истории нашествий IV и V веков они не играют роли. Зато рядом с ними вырастает грозная масса саксов. Птолемей первый отмечает ее у входа на кимврский полуостров (территория нынешнего Гольштейна). В течение III века их имя начинает покрывать соседние народы: херусков, хавков, ангривариев. Юлиан считает их, наряду с франками, самым воинственным германским племенем. Грозные пираты, они в III веке грабят берега Галлии. Здесь они основали поселки, доныне памятные по их именам на tun, thun (ограда, жилище), частым

в окрестностях Булони и Сент-Омера[324]. Они — опасные соседи для салиев, которых стараются выгнать с батавского острова. Их шайки, «часто питаясь римской смертью», доходят до берегов Рейна и до Кельна. В 373 году Валентиниан разбивает их близ Кельна «на самых границах страны франков».

На юге между Везером и Эльбой имя гермундуров исчезло со II века и в V заменилось именем тюрингов, которые потом распространяются до Рейна. На среднем течении Дуная, со стороны Реции и Норики, разбойничают маркоманы, которые впоследствии, соединившись с квадами, получат имя баваров. Увлекая за собой соседние славянские племена, они похищают женщин, стада, жгут города и режут жителей.

По всей восточной Германии развертывается готская группа. В III и IV веках отличали иногда готов от германцев. В конце I века и начале II большинство готских народов жили в соседстве славян у Балтийского моря и по Висле. К середине II века они спускаются на юг и от Черного моря движутся по Дунаю. Их неудачно отождествляли с гетами, жившими за много веков в тех же областях. Имя готов распространялось постепенно. Основная группа их включала много подразделений: на востоке между Днепром и Прутом живут грейтунги (впоследствии — остготы); к западу между Карпатами и Дунаем — тервинги (впоследствии — вестготы). За тервингами шли гепиды; впереди с III века в области Дуная и Тиссы утвердились вандалы. Дальше к востоку мы углубляемся в еще более дикий варварский мир. В нижнем бассейне Дуная, примыкающие к готской группе, свирепые герулы до IV века сохраняют обычай человеческих жертвоприношений. В течение III века готы являются страшными врагами для Империи. В числе, кажется, 32000 они наводнили восточные провинции и осадили Салоники. Победы Клавдия Готского остановили их; с тех пор их нашествия будут только частичными. В конце IV века нашествие гуннов опять бросит их беспорядочными массами на Империю[325].

Еще дальше аланская группа тянется до Азии. Аланы своими победами присоединили к себе некоторые соседние народы. Аммиан Марцеллин указывает следующие, описывая их по легендарным преданиям греческих писателей: невры, живущие у покрытых снегом вершин, видины, гелоны, шьющие одежду из кожи врагов, агафирсы, красящие волосы и тело, меланхлены, питающиеся человеческим мясом. Все эти народы отличаются от германцев. Это — кочевники, у них нет ни домов, ни пашен. Семья живет в кибитке, муж на коне. Так блуждают они по громадным пространствам, гоня перед собой стада. Они страстно любят войну; меч, втыкаемый в землю, является для них образом бога. Очевидно, аланы не германского происхождения, а только смешиваются с готами. В III веке император Максимиан родился от гота и аланки.

Из этого беглого обзора выделяется один основной факт: с III века Галлия была добычей варварских нашествий. Археология подтверждает в этом смысле свидетельства историков. С конца III века веселые открытые города Галлии окружаются стенами и превращаются в мрачные крепости[326].

III. Изменения в политическом строе и нравах германцев

С изменением этнографических кадров в Германии совпадает эволюция ее учреждений и нравов[327].

С I века борьба германских племен между собой и с Римом вынудила у них сознание необходимости сильной власти. Во времена Тацита королевская власть у большинства народов ослабела или совсем исчезла. С III века она возрождается не только у готов, но и у западных германцев: аламанны высылают 9 кораблей к Пробу, семь аламаннских королей вступают в союз против Юлиана. Они неравны по власти: одни управляют целыми племенами, другие — отдельными волостями. Короля всех аламаннов нет, но два из них, Хнодомар и Серапио, превосходят остальных личной доблестью и значением управляемых ими народов. Их, вероятно, выбирают из знатной семьи: их родные всегда бывают указаны, кровная связь с ними есть великая честь. Военные вожди прежде всего, они из войны извлекают силу и добычу. Каждый имеет дружину, готовую умереть за него. В 357 году после страсбургской битвы, когда Хнодомар, найденный в лесу, предается римлянами, двести товарищей хотят разделить его плен. Риму благоприятствует только то обстоятельство, что короли пока еще независимы друг от друга и их союзы непрочны.

У франков королевская власть появляется рано. Когда в 287 году Максимиан переходил Рейн, король Ганнебальд, которому он здесь вернул власть, был несомненно франк. При Константине называются два франкских короля Ашарих и Мерогез. О других упоминается во времена Юлиана. В царствование Грациана один франкский король Маллобод является вместе с тем римским чиновником, — дворцовым графом. Вместе с полководцем Наннианом он руководил экспедицией против аламаннов. В VI веке Григорий Турский неверно относит начало королевской власти у франков к IV веку, зато он верно указывает ее характерные черты. Короли правят целыми племенами и волостями — juxta pagos et civitates; их избирают из знатных родов, и их можно узнать по длинным волосам, отмечавшим знатность еще у тацитовых свевов.

Было бы неосторожно определять со слишком большой точностью природу и атрибуты власти королей в ту пору. Возможно, что римские писатели зачастую давали этот титул простым вождям. Короли, управлявшие пагом, соответствуют тацитовым principes — duces. Таков же смысл слова regulus, regalis[328]. Вероятно также, что прежние племена, вошедшие в новые группы, как франкская или аламаннская, сохранили своих королей. Мы не знаем также, в какой мере власть передавалась от отца к сыну, и в какой мере зависела от народного избрания. Во всяком случае, королевская власть становится нормальным учреждением, и ее отсутствие считается признаком более низкого положения народа. Историк лангобардов Павел Диакон рассказывает, что в V веке ими управляли вожди — duces. Они пожелали, чтобы у них тоже были короли, «как у других народов», и избрали Агельманда из благороднейшей семьи Хунгингов. В начале VI века, когда герулы

были побеждены лангобардами, «вся их сила рушилась, и у них не стало более королей». То же было с гепидами.

Оставался еще шаг: чтобы король одного из важнейших племен группы получил власть над остальными, но не ввиду определенного предприятия, а в качестве постоянной. События, взволновавшие Германию, войны, увлекшие народные массы на римскую почву, благоприятствовали этой новой эволюции.

Положение знати было ненадежно уже в I веке. В IV — V вв. о ней упоминают только по поводу выборов королей. В законах франков, бургундов, вестготов о ней уже нет речи. У народа, у которого все свободные люди — солдаты, постоянные войны, смелые предприятия не содействуют образованию наследственной знати. Уважение к личным подвигам идет вразрез с традиционным уважением к старым семьям. Развитие королевской власти, враждебной по отношению к независимой знати, ускорит этот упадок. Наоборот, у народов, которые сравнительно мало перемещались, или у которых королевская власть не установилась или была слаба, как у саксов, баваров, фризов, тюрингов, — знать сохранилась.

Самые нравы германцев изменились. Даже из редких текстов, касающихся германской жизни, заметно, что привычки к земледелию все более развиваются. Вследствие побед Проба над аламаннами, территории 9 королей, заключивших с ним договор, должны образовать по ту сторону Рейна дружественную полосу, открытую римскому влиянию. Император пишет сенату: «Все эти варвары пашут, сеют хлеб для нас и сражаются с народами внутри Германии». Вероятно, с этого времени начинается культура винограда в рейнской области. Во время Юлиана аламанны на Десятинных Полях, хамавы в нижнем бассейне Рейна представляются земледельческими народами. У них имеются, по свидетельству современников: «фермы, богатые хлебом и скотом, заботливо построенные дома, римского образца».

Но это развитие земледелия было одной из причин новых вторжений. Не умея прилагать к земле интенсивный труд, германцы не засевали два года подряд одних и тех же земель; и так как на родине их не хватало, — они искали их за Рейном и Дунаем. Тацит говорил уже в I веке: «германцы переходят в Галлию, чтобы переменить свои леса и болота на плодородную почву».

IV. Римская и германская культура

С другой стороны, сношения с Римом оказали свое влияние на нравы германцев, особенно тех, которые занимали правый берег Рейна.

Уже Цезарь замечает, что убии, жившие на Рейне, цивилизованнее других германцев, и тенктеры тщетно призывают их вернуться к отеческим учреждениям и культу. Батавы, после возмущения Цивилиса, подчиняются галло-римскому влиянию и вскоре называются в римских надписях «братьями и друзьями». В 47 году римский генерал Корбулон, отводя земли фризам, «дает им магистратов, сенат, законы». Марбод, организуя маркоманское королевство, вдохновляется

тем, что ему пришлось видеть из римских учреждений. С другой стороны, и варварские обычаи входят в римское общество. Каракалла принимает прическу и одежду германцев; римские дамы увлекаются белокурыми волосами их жен. Ветераны, граждане, живущие в пограничных городах, женятся на германских женщинах. Закон Валентиниана и Валента, запрещавший такие браки, не соблюдался, и само издание его показывает, что они были часты.

Это взаимное проникновение культур особенно энергично совершалось вокруг городов и лагерей рейнской области. В области Десятинных Полей выросли многочисленные города — муниципии. Цветущие города создались и вдоль Рейна[329]. Через них-то и будут распространяться среди германцев продукты и обычаи Рима, хотя еще в IV веке римские законы запрещают продавать варварам золото и серебро в монетах, вино, масло, железо, хлеб.

Многочисленные латинские слова, проникшие в германские говоры, также свидетельствуют о римском влиянии. Таковы названия частей жилища: Kammer (от camara — свод), Fenster (fenestra — окно), Kamin (caminus — очаг), Keller (cellarium — кладовая); военные сооружения — Wall (vallum — вал), Thurm (turris — башня), Cassel (castellum — укрепление). Часты названия мест, где под германской внешностью скрывается римское слово, таковы названия на weiler (villare, villa — деревня, вилла), polder (paludarium – низина, болото), на drech — tricht (trajectus — переправа, переезд). В древнейшем готском памятнике — св. Писании постоянно попадаются латинские слова или латинские суффиксы при готских корнях. Так называемое руническое письмо есть лишь подражание латинскому магискулу[330].

Германцы остались верны старым богам. Нет ни одного указания на то, чтобы до конца IV века христианство проникло в зарейнскую область. Даже среди варварских вождей на римской службе многие решительно борются с новой верой. Франк Арбогаст, оспаривавший власть у Феодосия, опирается на язычество. В Милане он грозит привлечь священников к военной службе и превратить церкви в конюшни. Бауто, Руморид являются противниками св. Амвросия. При дворе Гонория Генерид предпочитает отказаться от звания вождя, нежели от своих богов. Впрочем, упоминается в эту пору одна маркоманская королева Фритигиль, которая приняла крещение. С ней переписывался св. Амвросий, и по его советам она убедила мужа подчиниться Риму. Но это только отдельный случай.

Правда, что среди готов мы находим христиан еще в III веке, и церковные историки, склонные к апологетическим обобщениям, утверждают, что «почти все варвары приняли христианство во время борьбы с Римом, при Галлине и его преемниках». Но эти факты все же только частные случаи. В IV веке гот Ульфила был посвящен в епископы Евсевием Никомидийским и сделал перевод св. Писания на готский язык. Но он не имел успеха у своих соотечественников, которым проповедовал наполовину арианское учение. Он со своими сторонниками должен был искать убежища у императора, который поселил его в дунайских

провинциях. В 370 году король Атанарих поднял жестокое гонение против готов, приверженных к христианству. Только впоследствии, когда готы под предводительством Фритигерна пришли просить помощи у римлян, арианство сделало успехи в их среде[331].

V. Германцы в Империи[332]

Германцы размножаются на самой почве Империи. В некоторых областях они господствуют под номинальным суверенитетом императора, в других заполняют пустоты в непрерывно тающем населении.

Положение этих пришельцев очень разнообразно. Часто это — стада рабов, которых удачный поход бросил на римский рынок. «После побед Клавдия Готского не было провинции в Империи, — говорит Требеллий Поллион, — где нельзя было бы найти готов, рабство которых свидетельствовало о нашем торжестве». В домах богатых галло-римлян были в большом спросе красивые германские рабыни: одна такая есть у Авзония, Биссула, из племени свевов, «с голубыми глазами и белокурыми волосами. Она получила римское воспитание, сохранив свою германскую прелесть»; с нею хорошо обращались, и она жила, как свободная женщина. Иногда целые племена после поражения сдавались победителю; это dedititii, gentiles, liti — военные колоны на римской службе. Некоторые народы вступили в союз с Римом, откуда их имя — foederati (федераты). Во всех концах Галлии в начале V века встречаются отряды варварских солдат[333].

Рим сам открывает им свои армии, и это одна из самых опасных форм «варварского нашествия». Иные императоры сознают эту опасность. Проб, набрав 16000 аваров, постарался рассеять их по разным провинциям, смешивая с другими солдатами. «Не следует, — говорит он, — чтобы видели, чем Рим обязан варварским вспомогательным отрядам». Храбрые в сражении, они плохо подчиняются дисциплине, остаются насильниками, грабителями, наводя ужас на население, которое они должны защищать. В 69 году, когда Вителлий вступал в Рим, вид солдат, «покрытых звериными шкурами», поразил римлян. Когда с ними шутили, или когда нечаянно толкали при встрече, они тотчас выходили из себя, кидались на толпу с ножами. С римскими легионерами у них постоянные ссоры, которые едва-едва не доходят до настоящих сражений. Их верность ненадежна. Самые грозные противники Рима — Арминий, Марбод, Цивилис, Ганнаск жили в Риме и служили в его армиях. В 357 году, когда Юлиан готовит поход, одна шайка аламаннских литов неожиданно бросается на Лион и, не будучи в состоянии туда проникнуть, грабит окрестности. В 377 году лентии переходят Рейн, чтобы грабить Галлию, потому что один из их людей, служащий в императорской гвардии, уведомил их, что к этому представляется удобный случай, так как Грациан едет на восток. Эти германцы на римской службе претендуют уже распоряжаться судьбами Империи: в 360 году они провозглашают императором Юлиана, поднимая его на щиты по германскому обычаю.

Этих чужеземцев вводят не только для защиты Галлии, но и для ее обработки. Разве не явится спасительным для благосостояния Империи привлечение к земле этих сильных работников в эпоху, когда мелкие собственники бегут с нее?[334] Так думает государство, которое селит их на своих землях и предлагает делать то же частным лицам. Современники хвалят его за это. «Благодаря тебе, Максимиан Август, — пишет панегирист, — франк, покорившийся нашим законам, возделал покинутые поля нервиев и тревиров; ныне, благодаря тебе, Константин Цезарь, все что оставалось невозделанным в округах Амьена, Бове, Труа и Лангра — зазеленело трудами пахаря-варвара». Разве не заключается величайшая победа в том, что они «возделывают землю, которую опустошали?». «Пусть салий, — говорит Клавдиан, — обрабатывает наши поля, пусть сикамбр перекует меч на серп!».

Но варвары не удовлетворяются тем, чтобы пополнять нижние слои населения и армии. Они уже оспаривают у римлян почести, общественные должности и особенно — командование в армии. Кажется, Константин стал первый давать им высокие должности, вплоть до консульства. Юлиан, упрекавший его за это, делал то же самое. При Констанции — франки уже многочисленны и могущественны при дворе. Читая Аммиана Марцеллина, видишь, что во второй половине IV века армии — в руках германских офицеров и генералов. Особенно поучительна история Хариетто. Это — варвар-авантюрист, привычный к драке и разбоям. Однажды он покидает родину, поселяется в Трире и решает защищать против варваров города Галлии. Он нападает в лесу на шайку сонных и пьяных германцев, отрезает им головы и приносит их жителям Трира. Скоро он делается вождем отряда таких же разбойников, как он сам, идет на службу к Юлиану и через несколько лет получает важную команду в обеих Германиях.

Раз варвары стали полководцами и консулами, отчего бы не пойти и выше? В III веке сын гота и аланки Максимиан становится императором, скрывая, однако, свое происхождение. Галлиэн женат на дочери маркоманского короля Пипаре. Он «состарился в любви к варварской женщине», — говорит его современник. Боноз, который в царствование Проба узурпирует власть в Галлии, женат на готке королевского рода, Гуниле. В следующий век многие варвары протягивают руку к власти: Магненций[335], Сильван — изменивший этому самому Магненцию, Арбогаст[336], опекун Валентиниана. Феодосий справился с Арбогастом, но это не изменило его политики. Умирая, он поручил своих детей и охрану Империи вандалу Стилихону. При Стилихоне многие варвары — Гонас, Трибигильд, Фравитта, Сарус командуют армией. Из детей Феодосия Гонория был зятем Стилихона, Аркадий — франка Бауто.

VI. Отношение германцев к Риму. Отношение римлян и христиан к варварам

Эти германцы, наполняющие армии, деревни, захватывающие общественные должности — не сознают близкой гибели Рима и своей роли в ней. Как удачно замечено, Империя была для них не врагом, а открытой карьерой: отдельные личности, семьи, шайки, племена приходили «искать здесь счастья». В царствование Феодосия вестгот Атанарих, посетив Константинополь, сказал: «Несомненно, император — земной бог, и кто поднимает руку против него, заслуживает смерти»[337]. Пусть они опустошают провинции, разбивают армии, — культ Империи устанавливается и у них. Как и римляне, они не представляют себе, чтобы ее существованию мог наступить конец. Они часто восстают против данного императора, но им и в голову не приходит мысль уничтожить императорскую власть.

Со своей стороны, римляне вовсе не относятся к ним с систематической ненавистью. Панегиристы только выражали общее мнение, когда благодарили императоров, наполнивших варварами легионы и провинции. Руководители римской политики рассчитывали, что варвары, постепенно дисциплинируемые, покоряемые, отдадут на служение Риму свои силы, гордились этим делом обуздания дикой, страшной мощи. Просвещенные, широкие умы считали уже разрешенной грозную проблему варварской опасности, которая три века назад тревожила душу Тацита. Несомненно, грубые нравы варварских солдат, блестящая карьера их офицеров — вызывали и раздражение, и зависть. Сам Рим принимал странный вид: законы 397, 399 и 416 годов запрещают носить длинные волосы, сапоги, штаны, — все эти германские моды, которые иногда вводили сами императоры. Но все это не могло заставить забыть те выгоды, которые получал Рим, принуждая Германию для него сражаться и пахать. Только позже, когда готы вступили в Рим, когда варвары расположились хозяевами в провинциях, иллюзии рассеялись. Тут впервые заметили, что эта политика, которую считали такой искусной, отдала все в руки варваров. «Сам Рим, — говорит поэт того времени, Намациан, — предан был солдатам в звериных шкурах. Он был в плену прежде, чем его взяли...».

Ipsa satellitibus pellitis Roma patebat;
Et captiva prius, quam caperetur, erat.

Около 400 года иллюзия еще была жива. Один из лучших патриотов эпохи Клавдиан воспевал победы и доблести Стилихона. А он любил искренно Рим: «Только Рим принял в лоно свое побежденных, и, подобно матери, а не царице, покрыл одним именем все человечество. Покоренных им он сделал своими гражданами, он соединил священными узами отдаленнейшие народы. Благодаря его мирной политике мы всюду находим родину и составляем единый народ. Никогда не будет конца римскому господству»[338].

Этот патриотизм, поддерживаемый, быть может, не одними славными традициями прошлого, но и испытаниями настоящего, характеризует не только

коренные римские семьи, но и провинциалов: Клавдиан — сын востока, Намациан — галл. Галлия в особенности является римской, по своим симпатиям. Императоры, провозглашаемые в ней, считают себя прежде всего римскими императорами, защитниками Империи против варваров, а не выразителями национальных стремлений[339].

Часто обвиняли христиан, что в этом случае они отделяли свое дело от дела Империи, и в лице варваров приветствовали союзников против Рима. Правда, в середине III века один из них, Коммодиан, предсказывает, что готы завладеют Империей и положат конец гонениям на христиан. Он представляет, как они берут Рим, уводят в плен сенаторов и наоборот — обращаются с христианами, как с братьями. Так возвещается близкий конец мира. Но этот крик проклятия вырывается под ужасами гонений, во время долгой готской войны, которая, казалось, должна была положить конец существованию Империи. Это не есть выражение обычных чувств христиан[340]. Они мечтают только о религиозном завоевании варварского мира, за что и осмеивает их один из самых остроумных их врагов Цельс (конец II в.). «Если бы было возможно, чтобы народы Азии и Африки, греки и варвары, до самого края света объединились в общину одной веры — это было бы прекрасно. К сожалению, это самая химерическая мечта, какая только существует в мире». Есть такие христианские писатели, которые искренно надеются, что новая религия обратит варваров не только к Христу, но и к Риму. Павлин Ноланский, славя своего друга Никиту, епископа Дакии и апостола готов, бессов и скифов, говорит: «Благодаря тебе варвары научились славить Христа римским сердцем и жить спокойно и целомудренно в мире». Позже эти чувства изменятся: Сальвиан будет восхвалять варварские добродетели насчет римских пороков, а Орозий утешится успехами христианства в падении Империи.

ГЛАВА III
ВЕСТГОТЫ, БУРГУНДЫ И ФРАНКИ[341]

I. Гунны в Европе и нашествие 406 г. — II. Вступление вестготов, бургундов и франков в Галлию. — III. Аэций и Аттила. — IV. Галло-римляне и варвары. — V. Эйрих и Гундобальд. — VI. Бритты в Арморике. — VII. Могущество епископата.

I. Гунны в Европе и нашествие 406 г.

Во второй половине IV века великие движения народов бросили на провинции Империи целые варварские племена.

Появляются гунны, принадлежащие к кочевой массе тюрко-татарских племен Азии. Они наводят такой же ужас на варваров, как и на римлян.

«Народ этот, — пишет Аммиан[342], — малоизвестный в древних памятниках, варварством своим превосходит всякое воображение. Едва у них рождаются дети, они изрезывают глубокими ранами их щеки, чтобы помешать росту бороды. Их жизнь так груба, что они не умеют ни варить, ни приправлять пищи. Они питаются дикой травой, наполовину сырым мясом, которое согревают, подсунув под себя на лошадь. У них нет ни домов, ни хижин. Они кочуют по горам и лесам, привыкнув от рождения выносить холод, голод и жажду. Словно пригвожденные к своим безобразным, но крепким коням, они на них живут, едят, пьют, даже спят. Сидя на них, они съезжаются на собрания и обсуждают вопросы. Царская власть у них имеет мало силы. Под предводительством своих вождей они яростно бросаются вперед, разрушая все на своем пути. Их жилищами являются кибитки. Там их женщины живут, ткут, рождают и кормят детей. Подобно неразумным животным, они не отличают добра и зла; они коварны, лишены религиозного страха. Их не сдерживает никакое суеверие. Их настроение настолько бурно и изменчиво, что в один и тот же день они завязывают и разрывают дружбы и союзы».

Эти орды проникли в Европу между II и IV веками, разлились по черноморским степям, где жили другие кочевые народы. Самый сильный из них — аланы не могли сопротивляться и присоединились к этим насильникам, существование которых походило на их собственное. Усилившийся ураган ринулся на готов, когда они только что разделились на ост- и вестготов. Король остготов Эрманарих пытался бороться, но, отчаявшись, покончил с собой. Вестготы бежали в горы. Вскоре их толпы показались на берегах Дуная, прося у императора Валента приюта на римской земле. Известно, что они его получили после битвы при Адрианополе... Утвердившись в Империи, они стали в ней хозяйничать. Вскоре под предводительством Алариха они овладели Римом. Немного погодя, мы их встречаем в Галлии.

Гунны делились на независимые группы. Только впоследствии Аттила соединит их под своей властью. Рим пробовал воспользоваться этим разъединением и нанимать их на службу, как германцев. Но восточная Германия была в глубокой смуте. Удар, бросивший готов в горы и на Империю, отозвался далеко. Встревоженные народы, тесня одни других, задвигались по направлению к западу и к югу. Образовывались огромные коалиции, собирались дружины авантюристов, являвшихся с разных сторон. В то время, как вестготы с Аларихом диктовали условия Империи — внезапно на Италию ринулось, под предводительством Радагайса, скопище племен, снова вернувшихся к скитальческому быту. На этот раз еще Стилихон спас Италию (405 г.). Но со стороны запада на Рейне снова появились вандалы, увлекая за собой аланов и свевов. Вероятно, к ним присоединились и остатки разбитой армии Радагайса. Германцы, поселившиеся на берегах Рейна, — союзники римлян, почувствовали опасность этих грабительских шаек. Франки, аламанны, бургунды решили защищаться. Сперва потерпевшие поражение, франки разбили наголову вандалов с их королем Годегизилом. Но они не могли остановить поток. В последние дни 406 года завоеватели перешли Рейн, вероятно, между Вормсом и Бонном. На этот раз они не встретили сопротивления. Нередко даже франки, аламанны и бургунды присоединялись к ним.

«Бесчисленные свирепые народы, — пишет Блаженный Иероним в знаменитом своем послании, — заняли Галлию. Все, что заключается между Альпами и Пиренеями, между Рейном и Океаном — все это опустошили квад, сармат, алан; гепиды, герулы, саксы, бургунды, аламанны, паннонцы... Майнц... был взят и разрушен, тысячи людей зарезаны в церкви. Вормс пал после долгой осады. Могущественный Реймс, страна Амьена и Арраса, отдаленная Мориния, Турнэ, Шпейер, Страсбург — стали германскими. Аквитания, Новемпопулания, Лионская, Нарбоннская, за исключением немногих городов, были разграблены»[343]. Даже если эта картина преувеличена, как часто утверждали, — несомненно, что Галлия сильно пострадала. Историки не могли уследить за движением этих шаек, грабивших все на своем пути. Эти опустошения, по-видимому, продолжались около трех лет.

По смерти Феодосия во главе Империи стали его сыновья. Западный император Гонорий жил под опекой Стилихона, последнего великого полководца Империи. Но Стилихон занят был прежде всего спасением Италии. Предоставленная себе самой, Галлия приняла узурпатора Константина, провозглашенного британскими легионами. Утвердившись в юго-восточной Галлии, он от 407 до 411 года отбивался от армий, высылаемых против него Стилихоном. Ему удалось найти сторонников в галло-римской аристократии, в епископате, но варвары, с которыми он заключал договоры, изменяли ему. В 411 году полководцы Гонория покончили с ним. В том же году в Майнце бургунды, франки и аламанны провозгласили своего императора Иовина. Вандалы, свевы и часть аланов захватили и разграбили Испанию. Римская Галлия была растерзана на куски.

II. Вступление вестготов, бургундов и франков в Галлию

Три народа осели в Галлии в итоге этих смут и создали в ней настоящие царства.

Давно уже вестготы опустошали Империю. Сперва они разграбили Грецию, потом взяли Рим. Однако, сражаясь с Империей, они выразили готовность служить ей. После смерти Алариха ими командовал брат его Атаульф. В 412 году он двинулся на Галлию, уводя с собой дочь Феодосия Великого, Галлу Плацидию, и ритора Аттала, которого Аларих то возводил в императоры, то развенчивал во время переговоров с Гонорием. Теперь уже на Галлию движутся не отдельные шайки грабителей, а целый народ, с женами и детьми, ища в ней прочных поселений. Мы не знаем, заключил ли Атаульф договор с Гонорием, обещал ли умиротворить Галлию. Впоследствии он сносился с ним, обещал вернуть Галлу Плацидию, но не сделал этого. Известно только, что после неудачной осады Марселя он захватил Бордо, Тулузу, Нарбонну[344]. Бордо, столица юго-востока, за своей мощной оградой мог бы отстоять себя, но его изнеженное население неспособно было к какому бы то ни было усилию. Он открыл ворота. Готы, однако, скоро его оставили.

«Атаульф, — говорит современник, Павлин Пеллейский, — приказал готам выйти из этого города, где их приняли, как друзей. Они обращались с нами по законам военного времени, как с побежденным народом. Разграбив жестоко город, они его сожгли... Я был там, они разграбили мое добро так же, как и моей матери. Они думали сделать нам милость, разрешив выйти из города без всякого наказания с нашими подругами и служанками, разделившими нашу судьбу». Впрочем, он признает, что «некоторые готы заботились о защите своих хозяев».

В том же 411 году Атаульф торжественно вступил в брак с Галлой Плацидией в Нарбонне. Церемония происходила в доме одного из видных лиц города. Плацидия, одетая в императорское одеяние, занимала почетное место. Атаульф сидел подле нее. Пятьдесят красивых мальчиков прошли перед ними, неся каждый два блюда — одно с золотом, другое с драгоценными камнями. По странной иронии судьбы, варварский король подносил сестре Гонория добычу Рима. Произнесены были эпиталамы, одна Атталом, отставленным императором, скромно занявшим свое место ритора. Затем дан был праздник, на котором соединились варвары и римляне. Все это соответствовало политике Атаульфа: став посмертным зятем Феодосия Великого, он хотел сделаться законным защитником Империи, — вопреки Гонорию.

«Сперва он хотел стереть совсем римское имя, сделать так, чтобы то, что было римским, стало готским, сделаться самому тем, чем были некогда Цезарь и Август. Но опыт научил его, что необузданное варварство готов не может подчиниться законам, а что без законов невозможно государство. Потому-то он стал мечтать о славе восстановителя Империи, блеска римского имени, с помощью готских сил... Потому-то он стал воздерживаться от войны и стремиться к миру, сочетав со своей силой живой ум Плацидии»[345].

Так эти германские короли склонялись перед римским величием. Как ни пали римские учреждения, они не могли представить себе их исчезновения. Впрочем, словам не всегда соответствовали поступки. «Необузданное варварство готов» не всегда смирялось дисциплиной, которую навязывали вожди. Эти последние, вопреки собственной политике, нередко увлекались силой варварских страстей.

Гонорий не давал согласия на брак с Плацидией. Разъяренный готский царь снова облек в пурпур Аттала. Его положение стало опасным. Ему пришлось бороться с Констанцием, одним из лучших полководцев Гонория. Тогда он решил искать счастья в Испании, и по пути туда в Аквитании осадил Базас. Обстоятельства этой осады бросают свет на социальные отношения эпохи: в городе восстали рабы, готовясь к избиению знати. Базас не был взят. Но осада его осталась памятной, и еще в VI веке рассказывали о чудесном видении, вызвавшем отступление варваров.

Атаульф был убит в Барселоне. Против его политики поднялась яростная реакция со стороны варваров. Плацидия, наравне с другими пленниками, должна была двенадцать миль идти перед колесницей нового короля Сигриха. Он был в свою очередь убит. Наконец, король Валлия заключил договор с Гонорием, вернул Плацидию, которая вышла за Констанция. Снова признанные союзниками, готы в 419 году опять появились в Галлии. Император дал им Аквитанию 2-ю и соседние города от Тулузы до Океана, а также утвердил за ними Бордо, Ажан, Ангулем, Сент, Пуатье, Периге, Ош, Базас, Лектур. При Теодорихе I (419—451) они вместе с римскими вождями сражались то против вандалов, то против разных узурпаторов императорской власти.

Бургунды, увлеченные движением 406 года, осели на северо-востоке. В 413 году, говорит хронист, «они получили часть Галлии, по соседству с Рейном», очевидно, часть Верхней Германии с Вормсом. Здесь «Песнь о Нибелунгах» — вероятно, эхо верной традиции — помещает резиденцию их королей. Часть их осталась на правом берегу Рейна.

Аламанны разлились по будущему Эльзасу, по долине Дуба, в Швейцарии и в долине Мозеля. Восточные, впоследствии «рипуарские», франки заняли в 413 году Трир и засели там. Потом они добрались до Мааса и Самбры, распространяясь вместе с тем к югу. Изучение нынешних границ немецкой и французской речи помогает определить, где гуще всего было германское заселение[346].

Северные франки заняли Белгику. Король Хлодион жил в Диспарге, на границе Токсандрии, расположенной на левом берегу Рейна (ближе определить ее невозможно). Франкская иммиграция свободно разливалась на севере Угольного Леса (Foret Charbonniere), тянувшегося в южной части Белгики до Арденн. Это была дикая, пустынная местность, куда едва проникли римляне. Здесь часты имена на hem, ghem, ghien, ain, sala, seele, zele, означающие жилище, также hof-hove — ферма, burg-bourg — укрепление, forth-furt-woorde — брод, loo — лес, dal — долина. С юго-восточной стороны распространение франков задержало большое римское шоссе Бове-Кельн, охраняемое многочисленными крепостями.

Когда при Хлодионе франки двинулись в эту страну и завоевали ее, они не поселились в ней большими массами. Франкские имена редки в Камбрэ и южном Артуа. «Угольный Лес» является южной границей страны, занятой франками. Так объясняется образование этой фламандской области — германской по происхождению, по расе и языку, которая вклинивается в северо-восток Франции[347].

Сидоний Аполлинарий так описывает франкских воинов этой поры. Их рыжие волосы начесаны на лоб, оставляя затылок открытым. Глаза влажные, зеленоватые, лицо бритое; вместо бороды гребень встречает только жидкие усы. Телесное платье сжимает члены этих рослых воинов и оставляет нагою щиколотку. Широкий пояс стягивает худой живот. Они любят, играя, бросать издали свои *франциски*[348], вращать щиты и одним прыжком наскакивать на врага ранее, чем долетел до него ими же брошенный дротик. С детства война является их страстью. Если они бывают раздавлены численностью врага, — их побеждает только смерть, но не страх.

В разных местах Белгики, особенно в области Намюра и Шарлеруа, археологические расследования открыли следы франкского заселения. Некрополи этой области (Samson, Spontin, Furfooz) дали массу ценных вещей и оружия, позволяющих восстановить облик франкского воина. Туника или sagum (сагум) застегивалась пуговицами или пряжками. Медный пояс, скрепленный широкой пряжкой, с серебряной или бронзовой резьбой, стягивал ее у талии. На нем висел длинный меч с деревянной или костяной ручкой или короткий нож — скрамасакс, в деревянных, обтянутых кожей ножнах, кинжал, костяной или деревянный гребень, ножницы, кошелек с деньгами и мелкими предметами, такими как шила, ключи. Тут же висел топор с одним острием (так называемая франциска, которым действовали вблизи и издали, бросая его в неприятеля), ангон — железный дротик с крючьями на конце, причинявшими опасные раны. Пика — фрамея, представляла деревянный ствол с плоским железным концом, иногда украшенным резьбой. Употребляли и лук (деревянные части его исчезли, но в могилах находят железные наконечники стрел). Для обороны служил деревянный щит, дощатый или плетеный из прутьев, обтянутый кожей — овальный или круглый, 50—70 см в диаметре. Внутри у него была ручка; снаружи, в центре металлический круг — umbo, который железными стержнями соединялся с железной же полосой, шедшей по окружности. Раскопки не обнаружили шлемов. Значит, голова была непокрыта. В могилах находят бронзовые кольца, украшенные буквами, насечками, гнездами для камней, женские ожерелья из жемчуга, золота, стекла и амбры, серьги, браслеты. В них наблюдается смешение варварского и римского вкуса[349].

У берегов Галлии хозяйничали саксы.

«Для этих пиратов, — пишет Сидоний Аполлинарий, — наслаждение — бороздить Британское Море своими кожаными лодками... Когда речь идет о грабеже, все умеют повелевать и подчиняться. Сакс самый ужасный из врагов... Он играет с бурей... Прежде чем поднять паруса, саксы убивают десятого из своих пленников».

Берег Галлии, который они опустошают от устья Рейна до устья Луары, получил выразительное название «Саксонский берег». В некоторых местах: в Байе, в устье Луары, они устраивают свои пристани и отсюда движутся к югу. В биографии Вивиана, епископа Сента, рассказано, как город был спасен молитвами епископа.

III. Аэций и Аттила

Так со всех сторон Галлия наполнялась варварами. Даже те, кого Рим считал союзниками, постоянно обнаруживали готовность растягиваться за отведенные им пределы. Их послушание и верность зависели от энергии и ловкости римских вождей, на обязанности которых лежало напоминать им об уважении к договору. В течение 25 лет Аэций играл эту роль в Галлии, в то время как Плацидия управляла Империей от имени своего малолетнего сына Валентинина III.

На юго-западе готский король Теодорих был очень ненадежным союзником и неоднократно хотел проникнуть в долину Роны. Аэций несколько раз разбил его. На северо-востоке бургунды, нарушившие договор, заключенный с Римом, также были наказаны. Некоторое время спустя гунны, добравшись до Рейна, нанесли им кровавое поражение, память о котором сохранилась в «Песни о Нибелунгах»[350]. Аэций, думая, что бургунды больше не опасны, поселил их остатки в 443 году в Савойе (Sabaudia) близ Женевы. На северо-западе в ту же пору жители Арморики изгнали римских чиновников. Аэций отдал ее аланскому королю Эохариху и его дружинам, которые 10 лет опустошали несчастную страну. Римские постройки, найденные здесь, носят следы пожаров, — очевидно, этой эпохи.

На севере Аэций отбил нашествие франков, которые под предводительством Хлодиона овладели Турнэ, Камбрэ и дошли до Соммы. Он захватил их на берегах Канша. «На соседнем с рекою холме, — пишет Сидоний Аполлинарий, — варвары справляли гименей, плясками и песнями, по образцу скифов. Белокурая невеста сочеталась с белокурым, как она, женихом... Свадьба была разгромлена... На телегах виднелись праздничные приготовления — блюда, кушанья, полные котлы, увенчанные гирляндами... Вместе с кибитками невеста досталась во власть победителю»...

Аэций своей энергией сумел внушить варварам уважение к римской власти. Когда в середине V века гунны обрушились на Галлию, вокруг него сплотились и галло-римляне, и германцы.

Это был момент, когда Аттила вновь соединил под своей властью гуннские племена. Утвердившись между Тиссой и Дунаем, он наводил ужас на Восточную Империю. Энергичный образ действий императора Маркиана заставил его повернуть к Западу. Галлия, где Аэций боролся с народами, споривши ми в свою очередь между собой, — показалась ему легкой и богатой добычей. Он просит у Валентиниана III руки его сестры Гонории и объявляет себя союзником Рима, явившимся в Галлию только затем, чтобы бороться с вестготами. Во главе огромных гуннских и германских полчищ он переходит в 451 году Рейн между

Бингеном и Вормсом и направляется к Мецу, куда подходит 6 апреля. Он избивает его жителей и сжигает город. Париж находился в опасности. Жители хотели бежать, но одна дева, посвященная Господу, Женевьева, предсказала им, что город не подвергнется нападению. Действительно, Аттила направился на Орлеан, епископ которого, Аниан, поехал умолять Аэция о помощи. Последний явился из Италии. На его зов сошлись франки, часть бургундов, армориканцы, даже вестготы.

Аттила осадил Орлеан, быть может, даже проник в него, когда союзники напали на него. Возле города произошло жестокое сражение, в результате которого Аттила снял осаду. Второе сражение разыгралось у Мориака, в окрестностях Труа. Это была славная в летописях гибнувшей Галлии «Каталаунская битва». Она продолжалась три дня. Впоследствии рассказывали[351], будто ручей, пересекавший долину, переполнившись кровью, превратился в поток. Побежденный Аттила удалился в свой лагерь, готовый поджечь его в случае нужды. Уходя, он разграбил Трир, а в следующем году бросился на Италию. Галлия была спасена, но перенесенная опасность потрясла воображение населения. Рядом с Аэцием, спасителем Галлии, слава защитников страны была присвоена епископам Аукторию Мецкому, Аниану Орлеанскому, Лупу, епископу Труа, Женевьеве Парижской. Даже города, где Аттила и не проходил, создавали свои легенды.

В 454 году погиб Аэций. «С ним, — говорит хронист, комит Марцеллин, — Западная Империя пала и с тех пор уже не поднималась»...

IV. Галло-римляне и варвары

Каково же было за истекшие полвека действительное состояние Галлии?

Некоторые ученые утверждали, что нашествие новых поселенцев не сопровождалось особенными насилиями, что грабежи и опустошения были только отдельными фактами. Говорить так — значит, игнорировать свидетельство современников, которые изображают свою эпоху как время ужасных испытаний и потрясений. Так, ритор Клавдий Марий Виктор в письме своем от 415 года к Саломону, аббату марсельского монастыря св. Виктора, изображает варвара, кидающегося на имения, на колонов; он оплакивает «опустошения сармата (вероятно, гота), пожары вандала, грабежи быстрого алана». Оренций, епископ Оша, который пишет между 430 и 440 годами в странах, занятых вестготами, говорит, что ни леса, ни пустыни не могут защитить население от варваров. «По бургам, деревням, городам, словом, всюду свирепствует смерть, горе, разрушение, убийство, пожары, траур. Вся Галлия пылает на одном костре»... «Где теперь, — говорит один галло-римский христианин, — богатства сильных? Тот, чья сотня плугов распахивала землю, с трудом добывает волов для обработки поля; тот, кто проезжал по городам в пышных колесницах, — истомленный, проходит усталым шагом по пустынной деревне; тот, кто обладал десятью большими кораблями, качавшимися на море, — теперь сам направляет маленькую лодочку. Деревни,

города — все изменило свой вид, все стремится к скорой гибели». Еще определеннее — автор поэмы «О Провидении Божием». Он пишет тогда, когда Галлия «уже десять лет находится под готским и вандальским мечом». Все опустошено, варвары избивают женщин, детей, стариков, знать и плебеев, готы занимают виллы, похищают деньги, делят драгоценности между своими женщинами. Они выпивают вино, уводят стада, жгут дома. Церкви разрушены пожарами, священные сосуды осквернены. Епископы несут те же испытания, что и паства: их бичуют, жгут, заключают в оковы. Автор нашего трактата описывает себя «покрытого пылью, обремененного ношей, идущего с трудом среди готских повозок и оружия, рядом с епископом, изгнанным из сожженного города». Он сознает все значение этого нашествия и гибель родины. «Когда образ дымящейся родины представляется нам, и мы вспоминаем все, что погибло, — печаль крушит нас, и лица наши орошаются слезами, которых мы не можем удержать». Историк не имеет права не внимать этим горьким, все повторяющимся жалобам, которые в таком изобилии подтверждаются фактами[352].

Когда новые пришельцы утвердились на земле Галлии, их отношения к прежнему населению приняли иной характер. Нужно было отвести им определенное место на земле и приступить к разделу. В разных местах хронисты сообщают об округах, которые отведены были варварам в Галлии, «при разделе с местными жителями». Точные документы от V века сообщают нам основания этого раздела, принятые у вестготов и бургундов[353].

В эпоху Империи, когда отряды располагались на постоянное жительство, их расквартировывали у жителей. Это называлось «гостеприимство» (hospitalitas). Хозяин доставлял гостю пропитание и предоставлял ему треть своего дома. Это положение, которым варвары пользовались на римской службе, послужило образцом для новых разделов, но теперь оно было применено к земле. Бургунды сперва взяли 1/3 рабов и 2/3 земли. Впоследствии эти условия смягчились. Леса были разделены, также как и пахотные земли. К этому разделу применялся еще старинный термин «гостеприимства». Земля, которую получал поселенец, называлась sors, что означало просто участок, а не намекало на жеребьевку. Вестготы также получили 2/3 земель галло-римлян. Варваров ошибочно представляли в роли фермеров у прежних владельцев. Они сами распоряжались своими землями, передавали их по наследству, и даже в известных случаях могли их отчуждать. Бургундский закон означает именем consortes (совладельцы) старых и новых обитателей, выражая этим, во всяком случае, совладение, если не полное владение.

Эта частичная экспроприация облеклась в законные юридические формы. В этом смысле можно сказать, что «тут не было ни нашествия, ни завоевания», а только бедствие, похожее на то, которое обыкновенно производит нашествие и завоевание. Разделы иногда сопровождались насилием. Хроникеры сообщают, что когда Аэций отвел аланам часть земель галло-римлян, — последние воспротивились этому, и аланы выгнали их и захватили землю. Но в общем, прежнее

население подчинилось разделу. Кроме того, экспроприация постигла не всех собственников. Сравнительно с прежним населением, вестготов и бургундов было немного: сперва им отвели участки из государственного домена — из пустующих земель, остальные размещались на землях крупных собственников. Они пострадали больше всего, но та треть, которую им оставили, была еще достаточно велика. По мере того, как оккупация устанавливалась, сами варварские короли стали стремиться к предупреждению эксцессов, могущих раздражать население, среди которого они жили. Павлин Пеллейский, которого вестготы изгнали из Бордо, в конце V века жил в Марселе на остатки своего состояния. Один гот прельстился его имением подле Бордо и пожелал «купить» его. Он послал Павлину сумму денег, которою тот удовольствовался, хотя она была ниже действительной стоимости имения. В V и VI веках галло-римская аристократия еще живет в своих виллах, пользуясь относительным спокойствием.

В конце концов, установившиеся соседские отношения содействовали примирению. Соседи знакомились, начинали помогать друг другу. Суровый нрав варваров смягчался. Эти грубые люди, когда их не увлекал гнев или страсть к грабежу, не были злы. Бургунды в особенности отличались добродушием, трудолюбием, мирным нравом. Сидоний Аполлинарий принимал их в качестве «гостей». Они оскорбляют его вкусы, его галло-римское самолюбие, он смеется над «этими семифутовыми великанами, с волосами, напомаженными прогорклым маслом, пахнущими луком и чесноком», но он ограничивается жалобами, что их присутствие выгоняет муз. Правда, следует прибавить, что «хозяева» не всегда решались писать всю правду. В одном письме к друзьям тот же автор рассказывает о празднике, справлявшемся вблизи Лиона у гробницы св. Юста. Там засиделись в долгих беседах, «но не говорили ни о властях, ни о налогах. Тут не было ни удобной обстановки, чтобы откровенничать, ни предателя, чтобы вызвать на это». На юго-западе вестготы больше не пугали население. «Готский мир» имел своих сторонников. Благородные римляне поступили ко двору короля и пользовались его милостями. «Варвары, — пишет Орозий, немного времени спустя после нашествия готов, — тупят свои мечи, обращаются к плугу. Они держат себя, как союзники, как друзья римлян, земли которых они заняли; со своей стороны, многие римляне предпочитают жить среди варваров в бедности, но на свободе, чем — в тисках налогов, под опекой римских чиновников». Павлин Пеллейский дождался того, что его сыновья покинули его и вернулись в Бордо, где они, по его словам, надеялись жить свободнее, хотя там пришлось делить землю с варварами.

На севере утверждение франков имело сперва насильственный характер. Завоеватели отодвинули прежних жителей к берегам Мааса, где последние, под защитой «Угольного Леса», образовали то валлонское население, которое так сильно отличается от фламандского нравом и языком. Поселившиеся в западной Белгике франки противостояли всякому христианскому влиянию. В рейнской области франки вынудили переселение галло-римских обитателей к Вогезам

и Арденнам. Страна одичала. Большинство епископств исчезло. В VI веке понадобились новые миссии, чтобы восстановить христианство в этой области.

Все эти потрясения еще больше увеличивали власть церкви над умами. Когда гибло все, что было славного и дорогого, смятенный дух искал опоры в началах, которые возвышали бы его над превратностями судьбы. Церковь воспользовалась этим нравственным кризисом; она внушала уверенность, что Бог поражает людей, чтобы их спасти, и утешала их, сравнивая их страдания со страданиями Христа. Эти чувства ярко выражены в одной поэме, которую некий христианин посвятил своей жене, чтобы убедить ее уйти вместе с ним от мира. Ни одной жалобы на бедствия, гнетущие общество. «Проходящий гость в жизни», он восхваляет тех, «которые умели не сделаться ее рабами и избегли суетной мудрости мира». Укрепленный прежними бедствиями против новых ударов судьбы, он не боится изгнания: «мир — общее жилище для всех». Вся его надежда — на Бога, сделавшего его «гражданином иного отечества». Другой защищает Провидение от ропота, который могли бы вызвать бедствия эпохи. Тому, кто оплакивает «свои невозделанные поля, покинутые фермы, сожженный дом», он отвечает, что ему больше следовало бы плакать над состоянием своей души. «Служитель Божий не теряет ничего при гибели этих благ, которые он презирает». Павлин Пеллейский, наполовину разоренный, благодарит Бога, который, лишая земных благ, научил его искать только вечных. Все это — не только общие места. Эти верования укрепляли души, но они делали их слишком безразличными к самым несчастьям. Часто удивляются, почему население, довольно еще многолюдное, не лишенное ни оружия, ни средств, так легко подчинилось шайкам, обыкновенно немногочисленным, которые занимали страну в силу часто фиктивного договора с императором, почему сопротивление было так слабо. Может быть, одну из причин такого поведения следует искать вовсе не в трусости, в которой его несправедливо обвиняли, а в наставлениях Церкви, в диктуемой ею покорности судьбе.

Из религиозного смирения вытекало политическое. В IV веке почти все христианские писатели — патриоты. В V веке они уже не соединяют судеб христианства с судьбами Империи. Это заметно в «Историях» Орозия (писанных около 417 г.). Он считает счастьем утверждение варваров на земле Империи. «Вместо того, чтобы поступать с провинциями, как с завоеванной страной, они только просят в них убежища и готовы их защищать». Если иногда он находит вдохновенные слова для описания благ римской культуры, — все же с большей надеждой он смотрит на будущее: на новый мир, основой которого будет христианство, и который «не будет более зависеть от неподвижной скалы Капитолия». У Сальвиана, пишущего между 431—451 гг., исчез всякий римский патриотизм. Резкий и страстный, он не поддается иллюзиям, которыми его современники хотят закрыть истину. «Империя мертва или в агонии». Варвары посланы Богом, это орудия его мщения против падшего, развратного общества. Это обличение, часто несправедливое, приводит его к знаменитой параллели между римлянами

и варварами и оправданию их пороков. «Римляне, — заканчивает он, — только и хотят, чтобы ничто не толкнуло их снова в римское подданство, и молят небо, чтобы оно позволило им свободно жить с варварами».

Не следует, конечно, принимать без ограничения утверждений этого страстного и одностороннего свидетеля. В рядах аристократии находились еще люди, которые, покоряясь варварам, сохраняли набожное уважение к Риму и его учреждениям. «Ты избегаешь варваров, потому что считаешь их злыми, — пишет Сидоний Аполлинарий. — Я бежал бы от них, даже если бы они были добры». Что касается массы, она мало сознавала происходящий переворот.

Аэций был мертв. Убийство Валентиниана III положило конец династии Феодосия. Вандалы взяли Рим. Галло-римляне были предоставлены самим себе. В июле 455 года в Бокере большое собрание благородных галло-римлян избрало императором арверна Авита, прежнего префекта Галлии. Сидоний Аполлинарий, его зять, выразил их чувства. «Мы считали священным долгом приобщиться к несчастиям обветшавшей власти. Мы поддерживали тень Империи. Настал случай показать, на что способна Галлия». Итак, Галлия сама устраивала свое спасение... соединяясь с варварами: Авит был другом вестготов. Он умер в 456 году. Римский полководец Эгидий еще раз попытался бороться. Он разбил готов у Орлеана, но сам погиб в 464 году, убитый или отравленный...[354].

V. Эйрих и Гундобальд

В конце V века в Галлии укрепляется вестготское и бургундское господство, под управлением умных и энергичных королей Эйриха и Гундобальда.

Ни один из варварских королей этой поры не мог стать наряду с Эйрихом. Быть может, он обеспечил бы вестготам власть над всей Галлией, если бы сумел привлечь на свою сторону Церковь. Вступив на престол в 466 году, сильный, «грозный своим могуществом», он сразу порвал ту фиктивную связь, которая привязывала вестготов к Риму в качестве их федератов и поставил целью завоевать южную Галлию и стать в ней независимым господином.

Он отнимает у бриттов Бурж, завоевывает Веле, Берри, Лимузен, наконец идет на Овернь. Покинутые Римом, но мужественные и смелые жители этих гор стойко защищали свою независимость. Их руководителями в борьбе были Экдиций, «магистр милиции», сын императора Авита, и новый епископ Клермона, Сидоний Аполлинарий — блестящий писатель, энергичный администратор, горячий патриот, добрый и великодушный человек. Под их руководством Овернь отстаивала себя от 471 до 474 года. Экдиций проявлял чудеса храбрости. Все было напрасно. Вместо того, чтобы поддержать героическую провинцию, один из последних императорских фантомов, Юлий Непот, постыдно торговал ею, предлагая ее Эйриху за очищение ронской долины, которую тот опустошал. Сидоний горячо протестует против этого торга. «Наше порабощение стало ценой спокойствия других. Что дали нам голод, пожары, железо, чума, мечи, напоенные

кровью врагов, наши воины, исхудалые от поста?..». Пришлось уступить. Экдиций бежал к бургундам. Сидоний Аполлинарий остался на своем посту. Его взяли в плен и сослали в Ливию близ Каркассоны, где он провел два года. Потом он смирился, просил помилованья и получил его... прославив Эйриха в стихах.

Эйрих больше нигде не встречал серьезного сопротивления. В конце своего царствования он завладел Арлем, Марселем, Провансом. Варварские короли признавали его гегемонию. Сидоний Аполлинарий встречал у его двора их послов: «голубоглазого сакса, сикамбра, герула с зеленоватыми глазами, который обитает на отдаленных заливах Океана, семифутового бургунда, остгота, даже римлянина, пришедшего просить у Гаронны помощи ослабевшему Тибру».

«Он первый, — говорит хронист, — дал писаные законы вестготам, до тех пор управлявшимся только обычаями». До нас дошла лишь поздняя редакция этих законов, но многие из их положений восходят к Эйриху. Они сразу были написаны по-латыни, вероятно, галло-римлянами, которые, однако, вскоре при сыне Эйриха, Аларихе, получили свои особые законы: Lex romana wisigothorum (Римское право вестготов) или Breviarium Alarici (Бревиарий Алариха).

Готская королевская власть выросла. Она перестала быть избирательной, не делилась между несколькими вождями. Король имеет советников, но не дает им власти. Тексты изредка упоминают о собраниях, но в них нет ничего регулярного. Об одном таком собрании рассказывает Сидоний: на нем присутствовали старцы, обремененные годами, но бодрые, варварского вида, в грубой одежде. На земле Аквитании германские учреждения вырождались и уступали место римским. Во главе прежних провинций король ставит герцогов; ниже их, в округах, сохранивших имя civitates, — графов, имеющих и военную, и гражданскую власть. В городах муниципальные учреждения если и не окрепли, как думали некоторые, то, во всяком случае, сохранились. Галло-римляне и готы живут рядом в мире, но не смешиваются между собой. В «Бревиарии Алариха» повторяется закон 365 года, запрещающий браки римлян с варварами.

Религия в особенности мешала их слиянию. Предшественники Эйриха предоставляли полную свободу культам, с Эйрихом положение изменилось. Ревностный арианин, по словам Сидония, он добивался господства своих верований, как и своего народа. Он оставлял епископства вакантными, мешал привлечению духовенства: «В диоцезах, в приходах все заброшено. Крыши церквей гниют и рушатся, двери сорваны, входы заросли тернием. О, горе! Стада проникают в них и жуют траву, растущую на алтарях. Даже в городах собрания верных становятся все реже». После завоевания Оверни эти преследования, по-видимому, прекратились. Новый наместник страны, Викторий, занялся перестройками и украшением церквей Клермона. Эти старания были тщетны, и католическое духовенство никогда не простило этого готам.

Средневековое искусство обозначается термином «готического». Введенные в заблуждение этим термином, некоторые ученые утверждали, что, являясь посредниками между востоком и западом, именно готы принесли в Галлию

элементы христианского византийского искусства и, придав ему своеобразный национальный отпечаток, создали особый, так называемый «преромански» стиль, проявляющийся в орнаментации саркофагов, в произведениях ювелирного искусства. Эта теория ровно ни на чем не основана[355]. Термин «готический» создан в эпоху Возрождения и употреблялся как синоним варварского. В V веке существовало варварское искусство, проявляясь в произведениях роскоши, в ювелирных вещах. В это искусство сделали вклад и готы, и этим ограничилась их роль.

Бургунды с 443 года занимали Савойю. Ими управлял Гундевх, когда в 457 году произошло событие, история которого темна. «Галло-римляне Лионской провинции Галлии Волосатой и Цизальпинской, — говорит хронист, — чтобы избавиться от налогов, пригласили бургундов, которые и утвердились у них с женами и детьми»[356]. Другой прибавляет: «Они разделили земли с сенаторами Галлии». В это время умер император Авит. Образовалась партия (центром которой был Лион), желавшая избрать некоего Марцеллина. В ней участвовал Сидоний Аполлинарий. Она нуждалась в союзниках и солдатах и искала их среди бургундов, уступая им за то часть земель по Соне и Роне. Она рассчитывала найти вознаграждение за эти уступки в реформе администрации, в уменьшении налогов; она надеялась, что бургунды будут защищать страну от других варваров. «Сенаторы» не хотели отделяться от Италии, а только хотели обеспечить союзников и императора по своему желанию. Однако новый император, избранный в Италии, Майориан, перешел Альпы и отнял Лион у бургундов, оставшихся, впрочем, в области, так как Майориан решил удержать их у себя на службе. После его смерти Лион снова попал в их руки. Постепенно они распространяются к югу, все еще считая себя на римской службе. Папа, в посланиях к их королю, называет его «наш сын, славный магистр милиции». Когда Эйрих нападает на Овернь, бургунды ее защищают. Сидоний называет их (прибавляя, правда — «беспокойными») «патронами Оверни».

Археологи, производившие здесь раскопки, поражались громадностью найденных скелетов. Расположение могил показывает, что группы варваров селились вдоль долин и на плато вблизи мест, где развертывалась галло-римская жизнь, по соседству с античными дорогами [357].

Бургундское могущество достигло высшей точки в последнюю треть V века при короле Гундобальде. От франков их отделяло Лангрское плато, от аламаннов — ущелье Бельфора и Аары и северная Юра, от остготов — Альпы, а на западе, ниже течения Роны, — верхнее течение Луары, Морванские горы и Кот д'Ор. На юге Дюранса отделяла их от готского Прованса.

Гундобальд был человек умный, ловкий, с примирительными тенденциями. Знаменитейший епископ этой поры, Авит Вьеннский, хвалит его философский ум, его красноречие, знание классических авторов. Он стремился романизовать бургундов, приучить к ним римлян и привязать к себе галло-римскую аристократию, оберегая ее влияние и привлекая ее к управлению.

Эта примирительная политика сказалась в изданном им на латинском языке сборнике законов, который по его имени получил название Lex Gundobada (Права Гундобальда) [loi Gombette].

Он предназначается не для одних бургундов, а регулирует также отношения с галло-римлянами. Кара смерти поражает всякого, убившего свободного человека «из нашего народа — какого бы он ни был происхождения». Король любит повторять: «Пусть бургунд и римлянин будут подчинены одним законам». Если путешественник, имеющий право на гостеприимство, постучится в двери бургунда, а тот укажет ему на двери римлянина, — римлянин может требовать возмещения расходов от бургунда. Влияние римского права в «Правде Гундобальда» сильнее, чем в позднейших варварских правдах.

«Правда Гундобальда» представляет бургундов привязанными к земле, обрабатывающими поля, которые им были отведены, и которые их дети поделят после их смерти. Захват чужой собственности, воровство строго карается — иногда смертью. Население делится на классы: optimates (оптиматов), включающие высших чиновников и крупных собственников; просто свободных — людей среднего и малого достатка — mediocres, minores; отпущенников и, наконец, колонов и рабов. Эти подразделения применяются одинаково к обоим народам. О германском праве мести за убийство здесь нет речи. Покушения против лиц и имуществ искупаются «композициями», т. е. денежными выкупами, величина которых зависит от положения пострадавшего. Здесь, как и в судебном поединке, в испытаниях водой и огнем — ордалиях — сохраняются германские обычаи.

Семья стоит на крепкой основе. Муж покупает жену. Цена этой покупки называется wittimon. По совершении брака жена получает утренний дар — morgengabe. Бургунд, соблазнивший молодую девушку, какого бы ни было звания, должен заплатить большой выкуп отцу. В случае неуплаты родные могут сделать с ним, что хотят. Женщину, покинувшую мужа, топят в грязи; муж, покинувший жену, платит сумму, равную wittimon, или же оставляет ей с дочерьми дом и все имущество. Развод разрешается только в случае прелюбодеяния жены, колдовства или осквернения ею могилы. В случае отсутствия сыновей «Правда Гундобальда», не в пример другим варварским правдам, разрешает дочерям наследовать отцу.

В политической организации заметны следы римского влияния. Королевская власть — не избирательна. Человек, облеченный ею, король для бургундов, для римлян есть делегат императора, «магистр милиции», патриций. Подобно императору, которого он принимает за образец, он имеет двор. Он окружен чиновниками, — domestici (близкими), советниками, графами. Эти графы, бургунды или галло-римляне, правят от его имени в прежних римских округах, в качестве администраторов, судей и военных начальников. Король назначает и отзывает их; к нему можно апеллировать на их приговоры. Когда он законодательствует, он обыкновенно советуется с высшими, но это не значит, что он обязан был это делать. Собрание свободных людей, по-видимому, не играет здесь никакой

активной роли. Владетель обширных доменов, прежних имений фиска, которые он раздает подданным, король — богат, стало быть — силен. Он гарантирует мир и порядок: если кто из его воинов извлек меч, даже не нанеся удара — он платит штраф.

Гундобальд издал также собрание законов, в руководство галло-римлянам, которые жили по римскому праву. Это был Lex romana burgundionum (Римское право бургундов), авторы которого черпали из прежних римских кодексов, стараясь привести их в известное соответствие с «Правдой Гундобальда». Вообще, в них соблюдается все, чтобы не оскорбить чувств галло-римлян и не подчеркивать перемены политического строя. Официальные акты редактируются по-латыни и датируются именами консулов. На монетах, чеканящихся в Лионе, всегда имеется изображение императора.

Религиозная политика Гундобальда сильно отличалась от политики Эйриха. Вопрос, были ли раньше бургунды католиками, как утверждает Орозий. Во всяком случае, большая часть их, по переселении в Савойю, приняла арианство. Но они не преследовали католиков. Св. Цезарий, епископ Арля, был даже заподозрен в сношениях с ними, с целью подчинить им страну. В Бургундии епископы свободно собирались на соборы и встречали благосклонный прием у короля. В особенности это можно сказать про Авита, епископа Вьенны, видное лицо в южной Галлии, в некотором смысле — ее морального вождя, который открыто боролся с арианством, старался обратить самого короля к католичеству и, в обращенном к нему трактате против евтихианства, хвалил его за защиту католической истины. В своих законах король повелевает, чтобы «церкви и священники ни в чем не терпели ущерба». Он любил богословские споры [358], сам был искусен в них, но прежде всего искал примирения. Правда, утверждали, но без достаточных доказательств, будто эта мудрая политика начинается только после войн с Хлодвигом.

VI. Бритты в Арморике[359]

На северо-западе Галлии с V века начинается иммиграция, история которой неясна, но которая имела очень важные следствия. До нашей поры население Бретани больше всего сохранило свое оригинальное лицо, традиции, нравы, язык. Причину этого надо искать в отдаленном и темном прошлом. В эпоху Империи Бретань была романизована: не видно, чтобы в ней кельтский язык и нравы удержались упорнее, чем в других местах. Ее изрезали римские дороги, мы находим в ней следы памятников, богатых вилл. Впоследствии туда проникло христианство, хотя в конце V века достоверно существование только трех епископств — Нанта, Ренна и Ванна. Эта область, покрытая лесами, долго оставалась дикой и невозделанной. В IV веке она сильно пострадала: угнетаемая римскими чиновниками и вместе с тем оставленная без защиты против опустошений саксонских пиратов, она в V веке подверглась насилию аланов. Прокопий — обыкновенно

хорошо осведомленный, утверждает, что ни одна страна Галлии не была в такой степени опустошена.

Бритты Великобритании находились в еще более отчаянном положении. Рим вывел оттуда свои легионы, и они должны были одни бороться против пиктов и скоттов, со стороны суши, и саксов, со стороны моря. В 446 году они тщетно призывали Аэция. Тогда-то они и решились заключить договор с англами и саксами. Преданные вскоре этими опасными союзниками, они либо были порабощены, либо скрылись в леса и горы, либо покинули родину. «Они садились на суда,— говорит Гильдас, рассказавший впоследствии[360] об их бедствиях, — испуская громкие жалобы, и когда ветер надувал их паруса, они пели вместе с Псалмопевцем: «Господи! Ты покинул нас, как агнцев на месте заклания, и рассеял среди народов».

С середины V века эти дружины эмигрантов начинают выливаться на берега Арморики. «Наше племя, — писал в IX веке Врдистен, аббат Ландевенека, — ведет свое начало с Британского Острова. Оно — первородное любимое дитя островного племени. Некогда оно принесено было своими ладьями через Британский Океан на наши берега, в то время, как земля его матери подпала под власть саксонского народа. Безопасное в этом прибежище, оно спокойно, без войн, утвердилось на этом берегу». Последнее вряд ли верно. Переселенцы вовсе не отличались мирным, мягким характером. Будучи в большинстве, они действовали, как завоеватели.

В 461 году на Турском соборе заседает уже «епископ бретонцев», Мансуэт. Позднее один бретонский вождь, Риотим, состоит на службе Рима и сражается против вестготов в долине Луары. Часто впоследствии переселенцы из-за моря будут являться под руководством не военных вождей, а епископов, священников, монахов, ибо они приходят из страны, сильно просвещенной Евангелием. Они селятся на берегу, проникают вглубь страны, где сгущался лес. Они основывают епископства и монастыри и насаждают кельтские учреждения и нравы. Скоро Арморика примет имя Бретани, и кельтский язык, каким говорили по ту сторону Ла-Манша, станет языком страны.

VII. Могущество епископата

Среди этого мятущегося общества, с подвижными политическими границами, с пестрым национальным составом, со смешанной культурой, где не примирены еще римская и германская стихии, — есть одна прочная и сильная власть. Это — епископат. Он воплощает начало единства среди этого многообразия и политического разделения, стоя выше подвижных границ варварских государств. Утверждали, будто в V веке развитие христианства было задержано, и сооружение церквей стало более редким. Это верно только для некоторых областей севера, где варвары, еще язычники, утвердились сплошными массами. Там, действительно, пришлось начинать проповедь сначала. В других местах, за исключением

короткого гонения при Эйрихе, религиозная жизнь очень активна, и епископат руководит ею. Епископы с противоположных концов Галлии посещают друг друга, переписываются, находятся в постоянном общении чувств, идей, желаний. Среди войн, разрушений, переворотов Церковь, не переставая, растет. Ее сила крепнет от всех слабостей и несчастий эпохи, она пускает корни в самую глубину народных масс, и общество конца V века живет ею и в ней.

Среди епископов V века выделяется деятель северной Галлии, Герман Оксеррский. Потомок благородной семьи, он исполнял высшие публичные функции. Сделавшись епископом Оксерра, он раздает свое имение нищим, его супруга становится для него сестрой, он осуждает себя на самые суровые лишения, питается овсяным хлебом. Но этот аскет вместе с тем — человек действия. Вместе с Лупом, епископом Труа, он идет в Британию для борьбы с пелагианской ересью, и тут они руководят защитой бриттов против саксов и пиктов. По возвращении в Оксерр он добивается облегчения тягостных налогов, которыми обложили его жители, для чего ему пришлось съездить в Арль. Но вскоре его защиты просит Арморика, которую Аэций предал на разграбление аланам. Герман идет в варварский стан к языческому королю и то умоляет его, то грозит ему, наконец, хватает за узду его лошадь. Удивленный Эохарих останавливает поход, под условием, чтобы Герман выпросил у императора или Аэция помилование Арморике. Тогда Герман отправляется в Равенну к Плацидии и Валентиниану III. Здесь он и умер в 448 году — спасти Арморику ему так и не удалось.

ГЛАВА IV
ХЛОДВИГ И ФРАНКСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ[361]

I. Меровей и Хильдерих. — II. Хлодвиг и Сиагрий. Война с аламаннами и крещение Хлодвига. — III. Войны с бургундами и готами. — IV. Конец царствования Хлодвига. — V. Салическая Правда и франкское общество.

I. Меровей и Хильдерих

До конца V века история франков известна хуже, чем история вестготов и бургундов. Данные немногочисленных и ненадежных документов надо пополнять свидетельствами, которые дают имена мест, могилы. По ним можно проследить этапы движения, приведшего франков с берегов Рейна в долины северной Галлии, где они утвердились, раздавив прежнее население, разрушив галло-римскую и христианскую культуру.

Когда Аэций защищал Галлию против гуннов, в его войсках сражались франки. В это время во главе народа легенда ставит Меровея или Меровеха, родившегося, будто бы, от соединения жены первого их вождя Хлодио с морским чудовищем. Отсюда имя Меровингов.

О сыне его Хильдерихе рассказывается, будто он был изгнан франками за разврат и нашел приют в Тюрингии (очевидно, зарейнской), у короля Базина и жены его Базины. Покидая родину, он разделил с одним из верных друзей своих кусок золота. «Когда я пошлю тебе свою половину, — сказал последний, — возвращайся без страха». Франки тем временем избрали королем римлянина Эгидия, но через восемь лет их настроение изменилось, и извещенный, согласно условию, Хильдерих снова стал королем. За ним последовала королева Базина, очарованная его мужеством: «Если бы за морями я знала лучшего, чем ты, я последовала бы за ним». От этого брака родился Хлодвиг. «Он был сильный человек и храбрый воин». Этот рассказ носит явно романический характер. По более достоверным данным видно, что в 463 году Хильдерих был союзником Эгидия и вместе с ним боролся против вестготов, а после его смерти перебил на Луаре саксов, нападавших на римское войско. Получил ли он от римлян какое-нибудь военное достоинство, подобно другим варварским вождям — мы не знаем. Житие св. Женевьевы, историческая достоверность которого — спорная, ставит его в отношение к святой, по молитве которой однажды чудесно открылись ворота Парижа, где король запер пленников, в намерении их перебить. После этого чуда он их помиловал. Хильдерих умер в Турнэ, в 481 году, и был погребен со своим боевым конем и оружием. В 1653 году его могила была открыта, в ней найдено кольцо

с его именем и изображением длинноволосого человека, материи, оружие, драгоценности, монеты с изображением византийских императоров, особенно Льва I и Зенона[362].

II. Хлодвиг и Сиагрий. Война с аламаннами и крещение Хлодвига[363]

При Хильдерихе франки узнали богатые долины Сены и Луары, при Хлодвиге они стали их господами.

В Италии не было уже императора, но Запад считался номинально под властью императора Византии. Заполняемая со всех сторон варварами, Галлия еще считала себя римской провинцией. Сын Эгидия, Сиагрий, собрал остатки верных Империи отрядов. Его официальное положение неясно. Современники называют его то «королем римлян», то патрицием, то дуксом. Он стоял во главе галло-римской аристократии и имел сторонника в лице Ремигия, епископа реймского, человека благородного происхождения, известного своей ученостью и красноречием.

Хроникеры, возведшие в короли Сиагрия, сделали из Хлодвига magister militae (магистра армии). Мы видим, однако, что с самого начала Хлодвиг является гораздо более независимым от Рима, чем его отец, и стремится группировать вокруг себя франкские племена. В 486 году он объявляет войну Сиагрию. В битве при Суассоне Сиагрий потерпел поражение и бежал к королю Алариху в Тулузу, но, выданный Хлодвигу, был предан смерти.

Франки разграбили страну до церквей включительно. Зато их король показал себя осторожным политиком. Понимая, что настоящими хозяевами страны являются епископы, он во всех случаях считается с ними. Один из них потребовал обратно священный сосуд, украденный из его церкви. Король, намереваясь исполнить это желание, просил при разделе добычи отдать ему сосуд, тогда один из воинов своим топором разрубил его. Король смолчал, но год спустя на смотру сделал замечание этому воину за плохое состояние его оружия и положил мертвым на месте. Обязанный еще считаться с дружинными обычаями, он умел уже быть господином и вместе с тем ловким политиком в своих сношениях с Церковью.

Суассонская битва была только эпизодом в завоевании страны по Сене и Луаре. История побед Хлодвига мало известна. Сохранился рассказ об осаде Парижа, который оказал упорное сопротивление, причем св. Женевьева, чтобы добыть съестных припасов для жителей, должна была отправиться в Труа и Арси-на-Обе (Arcis-sur-Aube), так как вся окружающая страна была опустошена. Известно, что, наконец, остатки римских отрядов, державшиеся в северной Галлии, сдались Хлодвигу, сохраняя в течение некоторого времени свою организацию и военные знаки. Хлодвиг утвердился и на Западе, опираясь на Арморику, жители которой заинтересованы были сближением с франками ввиду общей

борьбы против саксонских пиратов. В заключении этого союза играл важную роль Меланий, епископ реннский. Рассказывают, что саксы 60 дней осаждали Нант. Наконец однажды ночью из городских церквей вышла процессия людей, одетых в белое. После этого видения шайки врагов рассеялись... «и к утру не было видно ни одного».

Вскоре Хлодвиг женился на племяннице Гундобальда Бургундского, Клотильде, услышав о ней, что «она была прекрасна и мудра...». «Когда король ее увидел, он много радовался». Народная фантазия окружила эту свадьбу легендами, в которых слышатся отзвуки германских брачных песен. Рассказывается, будто Клотильда, чтобы отомстить дяде за смерть отца, убитого Гундобальдом, при приближении франкской границы пересела из повозки на коня и на прощанье велела опустошить бургундскую территорию на 12 миль.

Она была католичка и хотела обратить мужа. Но он боялся гнева богов и недовольства своих воинов. Зато Клотильде удалось добиться разрешения торжественно окрестить первого своего сына. Хотя дитя умерло, и Хлодвиг приписал это несчастье богу Клотильды, однако второй сын был также крещен. Он опять заболел, и Хлодвиг уже снова обвинял Христа, но «по молитвам Клотильды» ребенок исцелился.

На востоке франкам пришлось защищаться от аламаннов, занимавших с середины V века нынешний Эльзас и к югу расселявшихся до Альп и Констанцского озера, с тех пор, как бургундское переселение очистило эту страну.

Рейнские франки много терпели от нападений этого племени. Хлодвиг пошел на них походом, и в рейнской долине дана была решительная битва. Уже франки дрогнули. Тогда Хлодвиг призвал Христа — «бога Клотильды» и обещал креститься, если он даст ему победу, «потому что мои боги отступились от меня». Тогда, будто бы, тотчас началось поражение аламаннов, и они сами сдались. Часть их нашла приют у короля остготского Теодориха. Отныне, отодвинутые на правый берег Рейна, они должны были очистить даже долину Майна и отчасти — Неккара.

Хлодвиг-победитель сделался учеником епископа Ремигия. Григорий Турский уверяет, будто и воины его объявили, что они «покинут смертных богов, готовые служить бессмертному Богу, которого проповедует Ремигий». Вопрос, конечно, было ли так в действительности. Рассказ сообщает далее, что епископ приготовил крещальню на площади Реймса. Церкви были украшены богатыми тканями, свечи горели, фимиам дымился. Хлодвиг преклонил колени. «Сикамбр, — сказал Ремигий, — склони смиренно голову, поклонись тому, что ты сожигал, сожги то, чему ты поклонялся». С ним крестились 3000 воинов. (Рождество 496 г.)[364].

Это событие отныне определило судьбы Галлии. Недаром Григорий сравнивает Хлодвига с Константином Великим. И здесь, и там речь идет о важном историческом этапе — какие бы мотивы в обоих случаях его ни обусловили: политические соображения, чудесный характер евангельских рассказов, блеск церковных церемоний, мощь Церкви, роль ее епископов. Сперва лишь небольшая

часть франков последовала примеру короля: север и восток остались верны прежним богам.

Крещение не изменило характера Хлодвига; рассказывают, что, слушая евангельский рассказ о страданиях Христа, он воскликнул: «Если бы я был там с моими франками, я отомстил бы за Христа». Отныне в еретических народах Галлии он будет преследовать врагов своих и Христовых.

Церковь оценила значение этой победы. В противность арианам — Теодориху, Гундобальду, Алариху — Хлодвиг был ее королем. Отныне все епископы Галлии стали его союзниками. «Ваше присоединение к вере, — говорит Авит, епископ католиков Бургундии, — есть наша победа». Он убеждает короля франков распространять католичество среди народов «еще не испорченных ересью», явно намекая на бургундов и их короля.

III. Войны с бургундами и готами

Теперь Хлодвиг мог напасть на бургундов и готов. Верность галло-римского населения ему обеспечивали епископы. В Бургундии, несмотря на помощь брата Гундобальда, Годегизила, и на победу, обусловленную переходом последнего в решительный момент битвы на сторону франков, — поход кончился неудачей. Едва только франки удалились, оставив Вьенну в руках Годегизила, как Гундобальд снова овладел королевством и, чтобы прочнее утвердиться в Бургундии, издал законы, которыми улучшалось положение галло-римлян.

Война с готами имела более решительный исход: несмотря на славу царствования Эйриха, борьба между франками и готами была слишком неравная: затерянные среди галло-римского населения, оторванные от Германии, готы изнежились и ослабели под солнцем юга. Франки, наоборот, продвигаясь в Галлию, оставались в постоянных сношениях с областями Мааса, Мозелля и Рейна, откуда они черпали постоянно свежие силы.

Сын Эйриха, Аларих II, был неспособен продолжать дело отца. Он всячески хотел избежать войны, но религиозный вопрос делал невозможным какой бы то ни было прочный мир. По словам Григория Турского, «многие в Галлии желали господства франков». Со своей стороны Аларих не доверял епископам, подозревая их в сношениях с франками. Целый ряд епископов был им сослан в изгнание или вынужден к бегству. Неудивительно, что их не могли примирить с ним отдельные проявления благосклонности, — как привлечение их к участию в Сборнике Законов (Breviarium Alarici) или разрешение собрать собор в Агде.

Во главе готских народов стал тогда Теодорих, король остготов. Если, с одной стороны, в Италии он стремился утвердить порядок и восстановить римскую культуру, то с другой стороны, путем союзов и браков, он пытался создать нечто вроде патроната над германскими народами. Когда он узнал, что Алариху грозит опасность, он вступился в это дело и убедил его и Хлодвига представить свою распрю на суд государей-родственников. Но в этот момент

самому Теодориху грозили враждебные действия императора, и его советами пренебрегли.

Хлодвиг объявил готам священную войну: «Мне очень не нравится, — говорил он, — что эти ариане занимают часть Галлии. С помощью Божией, победим их и распространим наше владычество на их землю!». Его поддерживает Гундобальд и король кельнских франков Сигеберт. Его поход окружен легендами. Сам Бог ведет его войско. В Турени он убивает солдата, укравшего сено у монастырского крестьянина. «Как можем мы рассчитывать на победу, — говорит он, — если мы оскорбляем св. Мартина?». В воздаяние за такое благочестие святой предсказывает ему победу, и в базилике его встречают пением псалма: «Ты опоясал меня мужеством на битву...». При переходе через реку Вьенну, вздувшуюся от дождей, коза, посланная Богом, показывает ему брод. Над базиликой св. Илария в Пуатье огненный шар освещает ему путь.

В битве у Вуйе, близ Пуатье, Аларих пал от руки Хлодвига. Здесь погибло много знатных арвернов, членов сенаторских фамилий, сражавшихся под предводительством Сидония Аполлинария. Победа была полная, и Хлодвиг двинулся в глубину страны, где города, очевидно, с католическим населением, открывали ему ворота.

«Хлодвиг, — замечает по этому поводу Григорий Турский, по-видимому, выражая мнение современников, — чтивший догмат св. Троицы, благодаря ей победил еретиков и распространил свою власть в Галлии. Аларих, который его отрицал, лишен был своего царства, своего народа, и что еще важнее — жизни вечной».

Триумфатором явился Хлодвиг в Тур, святой город тогдашней Галлии. Здесь совершилось достопамятное событие. «Хлодвиг получил от императора Анастасия диплом на звание консула. В базилике св. Мартина он облекся в пурпурную тунику и хламиду, возложил на голову диадему; затем проскакал на коне пространство между дверями атриума базилики и городской церковью, бросая толпе серебряные и золотые монеты. С этого дня он именовался консулом и августом»[365] (Григорий Турский). Отныне Хлодвиг является галло-римлянам как делегат императора и представитель того порядка вещей, который среди смут эпохи оставался воплощением права. Его победы были узаконены.

Однако Теодорих все еще хотел остановить успехи франков и бургундов на юго-востоке Галлии. В 509 году он послал туда армию под предводительством Иббаса, которая освободила осажденный Арль. Характерен случай с епископом города, знаменитым Цезарием, которого обвиняли в сношениях с врагом. Он не раз оправдался в этих обвинениях; его невинность признал сам Теодорих. Тем не менее, он остался подозрителен арианам. Готы вернули также Нарбонну. Таким образом, Теодорих сохранил за собой Прованс и всячески старался привязать к себе население и залечить раны, причиненные войной. Кроме того, от имени малолетнего сына Алариха он взял на себя управление Септиманией.

IV. Конец царствования Хлодвига

После этих войн Хлодвиг подчиняет своих прежних союзников — рейнских франков. Он подговорил Хлодериха, сына кельнского короля Сигеберта, убить отца, послав ему сказать: «Твой отец стар и хром. Если он умрет, тебе достанется его царство и наша дружба». Когда, убив отца, Хлодерих принимал послов Хлодвига, один из них бросился на него с топором, в то время, как Хлодерих рылся в сундуке с золотом, выбирая подарок для Хлодвига, и убил его. Хлодвиг объявил себя невиновным в этом деле. «Я не могу проливать кровь моих родных, так как это запрещено». Но раз факт совершился — он предложил кельнским франкам «обратиться к нему и стал под его покровительство». Хлодвига подняли на щиты и провозгласили королем.

Хитростью захватил Хлодвиг и Рагнахара, короля Камбрэ, обещав его приближенным золотые браслеты, вместо которых дал им браслеты золоченой бронзы. Когда пленный Рагнахар стоял перед Хлодвигом, он сказал ему: «Ты унизил наш род, допустив связать себя. Лучше тебе умереть», и с этими словами убил его топором. Потом он обратился к брату его Рихару: «Если бы ты помог брату, его бы не связали», — и также умертвил его. Предателям, которые, заметив обман Хлодвига, роптали, он сказал: «Именно такое золото приличествует изменникам. Радуйтесь, что вы остались в живых». Затем по приказанию Хлодвига был убит третий брат, Ригномер, взят в плен франкский король Харарих с сыном. Сперва их постригли в монахи, а потом убили[366].

Таким образом, Хлодвиг подчинил своей власти все франкские народы. Говорят, однажды он жаловался своим подданным: «Горе мне. Я точно странник в чужой земле: у меня нет родных, которые бы помогли мне в случае вражеского нашествия...». «Это была хитрость, — прибавляет хронист, — он хотел узнать, не осталось ли еще кого-нибудь, кого бы он мог убить». Епископат, вместо того, чтобы осуждать эти убийства, видел в них руку Провидения, ведущую к торжеству католичества. «Бог, — говорит Григорий Турский, — ежедневно поражал его врагов, ибо он ходил перед Ним с правым сердцем и исполнял Его волю».

Хлодвиг был королем епископов. Он во всем советовался с ними, строил церкви, покровительствовал св. Ведасту, восстановителю христианства на севере Галлии. После войн с готами он шлет епископам послание, в котором берет под свое покровительство церковные имущества и людей церкви. В 511 году он созывает собор в Орлеане. Тут присутствуют митрополиты Тура, Буржа, Оза, Руана, Бордо. Они обсуждают вопросы, поставленные королем. Они постановляют, что никто, кроме детей, внуков и правнуков священника, не посвящается в клирики «без разрешения короля и магистратов». Церковные бенефиции раздает король. Простые священники обращаются к нему с разрешения епископов. Все эти каноны представляются «нашему господину, сыну католической церкви, преславному королю Хлодвигу» на утверждение и исполнение — если он их одобряет. Так в глазах Церкви он унаследовал права христианских императоров, и она побуждает его придать своей власти характер абсолютной и священной.

После войны с готами Хлодвиг утвердился в Париже. Отсюда он мог наблюдать как за старыми франкскими, так и за завоеванными им землями[367]. Здесь он умер в 511 году и погребен был в церкви св. Апостолов (впоследствии св. Женевьевы), которую он построил вместе с Клотильдой. Клотильда удалилась в Тур к святилищу св. Мартина.

V. Салическая Правда и франкское общество

Один драгоценный памятник, Салическая Правда, изображает нам франкское общество в конце V века[368]. Если верить прологу, который был ей предпослан несколько позже — она впервые была издана тогда, когда «славный народ франков, созданный Богом-Творцом, сильный оружием, верный в мире, мудрый в совете, благородный и прекрасный телом... находился еще в варварстве». Но когда «грозный и прекрасный Хлодвиг» принял крещение, закон был пересмотрен. «Слава Христу, который любит франков, — добавляет автор пролога. — Да хранит он их царство, да наполняет их вождей светом своей милости, да оберегает их войско, да укрепляет их веру, и дает им радость и счастье... ибо этот сильный и храбрый народ стряхнул со своей выи жестокое иго римлян, и познав св. Крещение, покрыл золотом и дорогими камнями тела св. мучеников, которых Рим обезглавливал и отдавал на растерзание зверям».

Но свидетельство этого пролога ненадежно. Древнейшая известная нам редакция Салической Правды не старше того времени, когда франки распространились до Луары. Вступая в соприкосновение с народами, имевшими писаные законы, они пожелали иметь свои. Предполагали, но без достаточного основания, что этой редакции (на вульгарном латинском языке) предшествовала другая — на франкском языке, остатками которой были сохраненные в Правде германские термины (так называемая «малбергская глосса»). Что касается слова «салический», это имя, очевидно, имеет в виду франкское племя, которым правил Хлодвиг.

Салическая Правда не есть систематический кодекс, регулирующий частное и публичное право, она не стремится определить ни права, ни обязанности каждого, она принимает правовую традицию, не объясняя ее и не оправдывая. Это — довольно смутное нагромождение действующих правил, судебное руководство, устанавливающее формы юридических актов и дающее тариф наказаний. В нем господствует одно начало — выкупа мести. Мы видели, как применяла его древняя Германия. Салическая Правда также признает право мести, но только в случае убийства, прелюбодеяния, насилия, грабежа, осквернения могил и некоторых форм воровства. В других случаях трибуналы являются более чем третейскими судами: если обиженный обращается к ним с жалобой, они *принуждают* обидчика явиться пред ними. Таким путем стараются предупредить кровавые распри.

Закон старается определить условия примирения — «композиции», т. е. сумму, которую платит обидчик. Она называется faidus. Благодаря ей обидчик избегает

faida — вражды родственников обиженного. Чтобы ее определить, закон вычисляет цену человека — pretium hominis, wergeld (вергельд). Но виновный отвечает не только перед личностью и семьей обиженного, но и перед обществом, вступающимся в интересах общего мира. Отсюда — штраф, fredus («мир»), уплачиваемый государству. Если к убийству присоединяются отягчающие обстоятельства, вергельд соответственно возрастает. При ушибах и ранах вычисляется, насколько уменьшилась «цена человека»; при воровстве — оценивается ущерб. Убийца, который не может выкупить свою вину деньгами, «выкупает ее жизнью»: его может убить семья убитого. Назначается и смертная казнь. Другие телесные кары, как бичевание, кастрация, поражают только рабов.

Выкуп исчисляется в золотых солидах и серебряных денариях римского типа. Из фунта золота чеканили 72 солида. Солид делится на 40 денариев. Что касается относительной цены монет, ее трудно определить. В последующих франкских законах бык стоит 2 солида, корова 3 солида, конь 12 солидов, кобыла 3 солида.

Семья еще очень крепка. Члены ее солидарны между собой. По обычаю так называемой хренехруды[369], убийца, неспособный уплатить штраф, прибегает к помощи родственников. Если 12 из их среды под присягой утверждают, что он все отдал, и что у него ничего не осталось «ни на земле, ни под землею», он входит в свой дом, собирает землю с четырех углов и, стоя на пороге, левой рукой бросает ее на своего ближайшего родственника. Затем в рубашке, босой, с копьем в руке, он перескакивает через забор своего жилища. Этим он заявляет себя неимущим. Тогда родные должны платить за него. С другой стороны, штраф, уплаченный за убийство, делится между сыновьями жертвы и другими родственниками.

Но семейные связи слабеют с течением времени. Уже Салическая Правда указывает способы освободиться от них. «Кто хочет это сделать, идет перед трибунал, ломает над головой три ивовых прута, бросает их в четыре стороны и объявляет, что отказывается от наследства и всех родовых преимуществ. Отныне, если один из его родных умер или убит, он не имеет права ни на наследство, ни на композицию». В прежние времена такой человек оказался бы одиноким и вполне беззащитным. Теперь, очевидно, государство выросло настолько, что есть возможность рассчитывать на его защиту. Однако внутренний строй семьи продержится еще долго. Ее члены группируются под mundium (munt, mundis — рука, покровительство) главы. Слово это означает ту власть, которую он имеет над женой, детьми, отпущенниками, рабами. Но салический закон не указывает детально прав, составляющих mundium, и нельзя сказать, шире они или уже, чем права отца в древнем Риме. Наряду с главою, вся семья имеет известные права контроля над поведением своих членов, — преимущественно в вопросах брака, опеки, разрешения вдове вторичного замужества.

Из других мест Салической Правды можно сделать выводы относительно общественных классов и политического строя[370]. Король, власть которого очень значительна, делегирует ее в округах графам, сосредоточивающим многочисленные функции — преимущественно судебные[371].

Развитие юстиции укрепило в особенности власть государства и короля. Судебной единицей была сотня — территориальный и административный округ, вначале, вероятно, включавший сто семейных старейшин. Каждая сотня имеет свое судилище — mall; место его заседаний называется mallberg; тут вершится суд, заключаются контракты, но ни в каком случае mallberg не является политическим собранием. Сотник — centenarius, tunginus («принуждающий»), является председателем. Королевский это чиновник или избранник свободных людей? Это неизвестно; точно так же, как неясны функции тех семи rachimburgi (рахимбургов) (сама этимология слова не раскрыта), которые заседают при нем. Над этими судилищами стоит судилище короля, куда призывается в последней инстанции тот, кто отказался явиться на другие суды.

Судебная процедура сохраняет очень первобытный характер. Она является чем-то вроде драмы, разыгрываемой в присутствии зрителей. Некоторые обычаи напоминают, что судебное действие заменило поединок. Так, например, иногда истец и ответчик берут палку — festuca, которая является символом оружия. Во время редакции Правды судебный поединок совершенно исчезает, зато в ней фигурируют ордалии. Истец может потребовать, чтобы ответчик погрузил руку в кипящую воду (или откупился от этого испытания). Если рука не обожжена или если испытуемый скоро выздоровел, — он невиновен.

Салическая Правда знает только устные доказательства. Она карает штрафом свидетеля, не дающего показаний, а также лжесвидетеля. Она прибегает также к «соприсяжникам», свидетельствующим клятвою не наличность или отсутствие факта, а то, что такому-то человеку можно доверять.

Франкское общество есть общество земледельческое и пастушеское. Стада составляют главное богатство франков, но они возделывают также хлеба, лен, бобы, чечевицу, брюкву; у них есть сады, виноградники, огороженные заборами. Закон оберегает старательно частную собственность. Вытащить кол или ветку из забора, пройти с плугом по соседскому полю, топтать его, посылать на него стадо, — все это проступки, караемые крупными штрафами.

Эта собственность передается по наследству или по адопции. Желающий передать другому свое имущество является на mall и вводит во владение специального посредника символическим ударом палки (festuca). Последний симулирует принятие имущества, поселяется в доме дарителя, принимает там трех гостей, и до истечения 12-месячного срока передает имущество настоящему владельцу. Этот акт, обозначаемый термином adfathamire, соответствует одновременно адопции и завещанию. Наследование определяется следующим порядком: прежде всего наследуют сыновья, которые делят имущество, причем нет речи о преимуществах старшего. За их отсутствием следуют — мать, брат, сестра, тетка с материнской стороны, затем другие родственники; с той, однако, оговоркой, что женщина не наследует землю. Наследство обозначается словом аллод (франц. alleu), которое впоследствии получит иной смысл.

В нескольких местах Салическая Правда говорит о villae (виллах). Этот термин применяется то к сельскому имению богатого собственника, то к группе

поселений, составляющих деревню. Сельские строения просты — обыкновенно из дерева. Мебель состоит из кроватей, седалищ, скамеек; комната, где живут и работают женщины, screona, часто наполовину помещается под землей, в защиту от холода. Сарай, амбар, стойла — все это бедно и грубо. Земледельческих орудий немного: повозки и плуги. Закон заметно имеет в виду скорее среднюю собственность, нежели крупное поместье.

Есть ли в Салической Правде следы той поры, когда не существовало индивидуальной собственности и практиковался передел земель?[372] Мы знаем только, что большинство лесов и пастбищ, по-видимому, были общими. Есть, кроме того, один текст, намекающий на деревенскую общину: если кто-нибудь желает поселиться на территории виллы, необходимо согласие всех, живущих на ней. Противодействие одного, если оно выразилось в законных формах, в годовой срок, — достаточно для его изгнания. Несомненно, все эти сельские жители имеют индивидуальную собственность, но вместе с тем они составляют союз, члены которого солидарны между собой и не допускают введения нового члена без согласия всех.

Пастухи и земледельцы, франки сохранили древнегерманскую страсть к охоте, предаваясь ей в густых лесах Галлии. Огромный штраф карает кражу дичи, убийство ручного оленя, который привлекает диких оленей. Высоко ценятся охотничьи собаки и птицы. Не менее строг закон к нарушениям правил рыбной ловли. Торговли совсем нет. Индустрия слабо развита, и те ее виды, которые являются необходимой опорой земледелия — предоставляют рабам. Упоминается только о ювелирном мастерстве, рано появляющемся во всех варварских обществах.

Нравы обличают грубое воинственное общество. Тяжелой обидой считается назвать врага «лисицей» и «волком», обвинить его бездоказательно в том, что он бросил щит. Еще тяжелее обвинение в извете и лжи. Нападения шаек на людей и имущества часты; дороги небезопасны: на них путник рискует быть ограбленным и убитым. Воруют плоды, жатву, скот, рабов, даже детей и свободных людей. Эти воины легко увлекаются и от брани переходят к потасовкам. Как и при Таците, пиры, где много пьют, часто кончаются драками и убийствами. Убийство занимает много места в Салической Правде. Величина выкупа зависит не только от личности убитого, но и от обстоятельств, сопровождающих убийство: он утраивается, если убийство совершено во время похода, если убийца скрывает преступление, бросив труп в реку, в колодец или прикрыв его ветвями. Наоборот, если человек в ссоре убит врагами, — они хвалятся этим и выставляют его на дорогу, отрубив руки и ноги. Если он еще жив, и проходящий покончит с ним, он платит половинный выкуп.

Салическая Правда очень сурова к волхвам и колдунам. 200 солидов платит тот, кто причинил смерть колдовским питьем. Закон строго охраняет останки мертвых: ограбивший труп до погребения платит 63 солида, осквернивший могилу отлучается от общества, пока родственники умершего не согласятся на примирение, тогда он платит 200 солидов Всякий, кто приютит его до примирения, платит 15 солидов.

На раны и удары тариф установлен до мелочей: 63 солида за покушение к убийству, 30 солидов за удар, который проломит череп и обнаружит мозг или

проникнет в ребра и живот; 15 солидов за пролитие крови, 9 солидов за удар кулаком. Штраф увеличивается при увечьях: 100 солидов за отрубленную руку, ногу, нос, глаз; 50 солидов за большой палец на руке и ноге; 35 солидов за палец, которым пускают стрелу.

Женщина, дитя составляют предмет особой охраны, в которой заметна забота о чистоте и нерушимости семьи. Назвать женщину проституткой без доказательств — есть оскорбление, которое искупается в 15 раз дороже, чем оскорбление, нанесенное мужчине. Сжимание женщины за руку или плечо влечет штраф от 15 до 35 солидов; похищение замужней женщины равносильно убийству свободного человека. Зато и женщина не смеет унижать кровь расы: если она выйдет замуж за раба, — ее ставят вне закона, конфискуют ее имущество, никто не смеет принять ее, и родные могут ее убить; раб, за которого она вышла, подвергается пытке на дыбе.

Во времена Тацита германцы не допускали ограничения числа детей. Салическая Правда карает штрафом в 100 франков того, кто производит выкидыш. Штраф за убийство беременной женщины в 4 раза больше, чем за убийство свободного человека. Женщина, доказавшая способность к деторождению, ценится втрое дороже свободного человека. Когда она утратила эту способность, она падает в цене. Тройным штрафом оберегается жизнь ребенка до 12 лет — до поры возмужания. Так определяет закон отношения между франками. Каковы же отношения между ними и прежним населением?[373]

Галло-римляне продолжают судиться по римскому закону. Его влияние чувствуется и на Салической Правде. В ней нет речи о победителях и побежденных. Однако для франка или варвара, живущего по салическому закону, вергельд — 200 солидов, а для римлянина всего 100 солидов В этой разнице вергельда не следует видеть намерение унизить римлян. По своим обычаям они не были защищеныкровной местью целого рода: вергельд шел на удовлетворение только ближайших родных[374].

Нигде нет речи о разделе земель между франками и римлянами. Население стран, завоеванных Хлодвигом, сохранило свою собственность. Заняв в самом начале север Галлии, франки совсем вытеснили оттуда прежнее население, и к эпохе завоеваний на юге были вполне обеспечены землей. Поэтому они не переселились сами массами в области Сены и Луары. Немногие воины, перешедшие сюда, могли быть удовлетворены землями фиска. Здесь могли иметь место отдельные проявления насилия, но не легальные разделы. Общий язык, выработавшийся в бассейне Сены и Луары, был язык романский. В этих местах почти не нашли германских некрополей.

Салическая Правда представляет очень типичное варварское законодательство. До XIII века на него будут ссылаться на правом берегу Рейна, и его следы долго будут жить в учреждениях и судебных обычаях Средневековья.

В начале VI века римские законы имели еще глубокие корни в Галлии, но общий облик ее изменился. Это сознали и современники. С VI века, по словам Григория Турского, открывается период, когда «варварство разнуздывается...»

КНИГА СЕДЬМАЯ
МЕРОВИНГСКИЙ ПЕРИОД[375]

ГЛАВА I
ДЕТИ ХЛОДВИГА (511—561)

I. Разделы и распри в королевской семье. — II. Окончательное завоевание Галлии. — III. Распространение франков. Походы в Италию и Испанию. Подчинение германских стран.

I. Разделы и распри в королевской семье[376]

Хлодвиг умер без завещания, и его дети поделили королевство, как вотчину. Теодорих, рожденный до брака с Клотильдой, не по германскому обычаю признанный правоспособным, получил восток с Реймсом в качестве столицы и городами Кельном, Триром, Цюльпихом, Мецом, Верденом и Шалоном на Марне, а на юге Луары — Пюи, Лимож, Кагор и Овернь. Его зрелый возраст и прежние подвиги обеспечили ему власть над недавно покоренными германскими племенами. Но ему подчинялись и галло-римляне юга: очевидно, при разделе считались с отношениями князей, а не наций. Хлодомир, старший сын от Клотильды, получил Орлеан и соседние города: Оксерр, Санс, Шартр, Анжер, Тур, а затем Бурж и Пуатье; Хильдеберту достался Париж и страна до Соммы и Ла-Манша с Бретанью; Хлотарю — Суассон, в качестве столицы, Лан, Нуайон, Камбре и германские области вокруг нижнего Мааса и Маастрихта. Королевство считалось единым regnum francorum (Королевством Франков). Братья, хотя и вечно враждовавшие, сохраняли сознание общности задач: завершить покорение Галлии, отбить вражеские нашествия и начать наступление на соседние страны. Их столицы находились на краю их уделов и почти соприкасались.

Хлодомир умер в 529 году. Его троих малюток взяла их бабушка Клотильда. По франкскому праву они были наследниками отца. Но Хильдеберт и Хлотарь захватили племянников. Хлотарь убил двух старших, несмотря на мольбы Хильдеберта. Третий, Клодоальд, бежал, принял монашество и основал в Ножане монастырь, впоследствии получивший его имя — Saint-Cloud (Сен-Клу). Дяди, убив племянников, поделили их наследство. Хильдеберт взял Шартр и Орлеан, Хлотарь — Тур и Пуатье. Теодориху дали Санс и Оксерр, связавшие Овернь с его восточными владениями.

Овернь с трудом выносила владычество Теодориха. Эта горная страна, с гранитной почвой и энергичным населением, всегда давала резкий отпор завоевателям. Здесь некогда собирал силы Верцингеторикс для последней битвы с Цезарем, здесь вестготы встретили упорное противодействие; самому Теодориху она досталась нелегко. Один член сенаторской семьи поднял против него возмущение, которое с трудом было подавлено, и страна предана огню и мечу. Поход Теодориха и вымогательства его наместника Сигивальда обратили ее в пустыню.

В 534 году Теодорих умер. Хильдеберт и Хлотарь вступили в соглашение, чтобы ограбить его сына Теодеберта, но юноша сумел привлечь к себе сильных людей и укрепить свою власть. Это был самый замечательный из потомков Хлодвига. При его жизни все воли склонялись пред его волей, а по смерти его в 548 году никто не оспаривал наследства у его маленького сына Теодобальда, который, впрочем, процарствовал недолго. Истощенный ранним развратом, он умер бездетным, и его наследие, так же как и наследие Хильдеберта, захватил Хлотарь.

Хлотарь остался единственным властелином Галлии, увеличившейся, благодаря присоединению Прованса и Бургундии. Тюринги были покорены, саксы сделались данниками. Но во главе царства стоял жестокий, хитрый, ничтожный государь. В его семье снова начались распри, а в стране междоусобия. Сын его Храмн дважды поднимал против него Аквитанию. Хлотарь подавил восстание и казнил сына, предав его пламени вместе с женой и детьми. Потом, терзаемый угрызениями совести, отправился на богомолье к гробнице св. Мартина Турского. Здесь, охотясь в лесу, он схватил смертельную лихорадку. Говорят, умирая, он сказал: «Что вы думаете о Небесном Царе, карающем так сурово земных владык?».

II. Окончательное покорение Галлии. Присоединение Бургундии и Прованса[377]

В момент смерти Хлодвига Галлия не была покорена целиком: Бургундия сохраняла независимость под управлением Гундобальда, вестготы владели Септиманией, Теодорих Остготский захватил Прованс. Несмотря на свои раздоры, сыновья Хлодвига докончили дело отца, покорив эти страны.

Гундобальд всячески стремился утвердить мир и порядок в своем королевстве[378]. Сам арианин, он не мешал сыновьям проявлять усердие к католической церкви. Из них старший, Сигизмунд, реставрировал Агонский монастырь в Валлисе и был верным учеником Авита. После смерти Гундобальда в 516 году королевство целиком досталось Сигизмунду. Он созвал в 517 году церковный собор в Эпоне, где присутствовали 24 епископа. Здесь приняты были важные меры, касающиеся реформы Церкви, управления ее имениями и монастырского устава. К арианам высказано было самое суровое отношение: высшие клирики, разделившие пищу с еретиком, на год отлучались от церкви, низшие наказывались палками. Запрещено было употреблять для христианского богослужения бывшие арианские базилики. Лица, обращенные в православие и снова впавшие в ересь, в течение двух лет должны были поститься и посещать церковь, стоя кающимися в притворе. Сигизмунд возвел эти положение в закон. В то же время он всячески поддерживал сношения с Константинополем, получил оттуда титул патриция и писал императору Юстину письма с изъявлениями покорности: «Мой народ, — говорит он в одном из этих писем, — принадлежит вам...».

Это поведение не нравилось его воинам, по-прежнему верным арианству, а также Теодориху Остготскому, претендовавшему на гегемонию над варварскими

королевствами. Вдобавок, по наговорам своей второй жены, Сигизмунд велел задушить сына, родившегося от брака с дочерью Теодориха. Правда, совершив это преступление, Сигизмунд немедленно раскаялся. Он удалился в Агонский монастырь, разогнал женщин и крестьян, обитавших вокруг, чтобы они не мешали молитве монахов, которым велено было день и ночь без перерыва петь laus perennis. Недаром в ту же осень, открывая новый храм, Авит в страстной проповеди прославил падение ереси и торжество веры!

Этот момент сыновья Хлодвига сочли удобным для первого нападения на Бургундию. Они совершили туда три похода. В первый же поход они взяли в плен Сигизмунда и принудили его постричься в монахи, а потом бросили в колодец. В это же время войско Теодориха Остготского захватило несколько городов к югу от Дюрансы.

Второй поход вызван был тем, что в отсутствие победителей брат Сигизмунда, Годомар, вернул власть над страной. Он успешно отбил и второе нашествие и, оставив юг в руках Теодориха, занялся восстановлением государства. Король призывал в него иностранцев, выкупал рабов, старался установить мир между арианами и католикам. Но сыновья Хлодвига не хотели уступать Бургундию и, когда Теодорих умер, в третий раз двинулись на нее. На этот раз они вынудили к бегству Годомара и разделили Бургундию между собой.

Таким образом, ее самостоятельное существование продолжалось от 443 по 534 год. За это время произошло полное слияние бургундов с галло-римлянами. Страна могла гордиться такой школой, как Лионская, такими историками, как Марий Аваншский, такими поэтами, как Авит[379]. Впоследствии под франкским владычеством страна сохраняла известное единство, а население — свой особый тип. Мы доныне узнаем этот тип в рослом жителе берегов Соны с его упорной рабочей энергией, с его любовью к удовольствиям и пристрастием к доброму вину.

Захватив Бургундию, франки стали пробиваться к Средиземному морю, стремясь отбросить остготов за Альпы. Как раз в эту пору император Юстиниан, под предлогом мести за убийство дочери Теодориха, предложил им такую же сумму и сверх того Прованс. Соглашение состоялось, и впоследствии сам Юстиниан санкционировал его. «Тогда, — говорит Прокопий, — франки стали владыками фокейской колонии Марселя и всего берега. Они владели морем и председательствовали на играх цирка». (De bello gothico III, 33). Готы уступили франкам также власть над аламаннами на севере Реции.

На другом берегу, в Септимании, все еще господствовали вестготы. У детей Хлодвига был предлог для нападения на эту страну. Их сестра Клотильда, выданная за вестготского короля Амалариха, терпела постоянные притеснения от мужа-арианина. Чтобы отомстить за неё, братья объявили войну, в которой Амаларих был убит, однако вновь избранный король Тевдис I оборонялся мужественно, и в конце концов Септимания осталась в руках вестготов и привязанной к Испании.

III. Распространение франков. Походы в Италию и Испанию. Подчинение германских стран [380]

В тот же период франки начинают проникать в соседние страны. Они начинают вмешиваться в происходившую в Италии борьбу между византийским и остготским владычеством и поочередно обещают союз то Юстиниану, то Витигесу. В 539 году Теодеберт появился в Италии, избивая население в долине По. Он напал на остготов в Павии, на римлян у Равенны, а когда у него не хватило запасов — вернулся за Альпы.

Вскоре Витигес был осажден в Равенне Велизарием, а франкские короли предложили ему прислать на помощь воинов[381], если он согласится на раздел Италии. Он предпочел, чтобы его увели пленником в Константинополь (540 г.). Борьба продолжалась между греками и остготами, которыми руководили энергичные вожди Хильдебальд и Тотила. Теодеберт снова появился в Италии и занял Лигурию, Эмилию и Венецию. Здесь он хозяйничал несколько лет, возводил франков на епископские престолы, подчиненные патриархату Аквилеи[382], чеканил монету в Болонье, и вынудил Тотилу принять договор, отвергнутый Витигесом.

Теодоберт мечтал о великих завоеваниях. Он не мирился с тем, чтобы император, ни разу не победивший франков, прибавлял к своим титулам «Лангобардского и Гепидского» еще титул «Франкского». Он рассчитывал с помощью лангобардов, гепидов и других дунайских народов проникнуть во Фракию и внести войну в Константинополь. Он писал Юстиниану гордые письма с описаниями величия франкского государства. Мечтал ли он создать нечто вроде Священной Римской Империи, как думали иные, видевшие в нем предшественника Карла Великого и Оттона? Это ничем не подтверждается. Теодеберт был лишь смелый варвар, желавший увеличить свои земли.

Его сын, Теодебальд, энергией вовсе не походил на отца. Он не сумел даже воспользоваться благоприятными обстоятельствами, наступившими для франков, когда Нарзес разбил Тотилу. А его преемник Тейя делал отчаянные усилия, чтобы спасти владычество остготов. Теодебальд послал на юг Италии двух аламаннских вождей и, когда они были разбиты, увел франков из Италии. Италия снова принадлежала Византии.

Так же неудачны были походы Хильдеберта и Хлотаря против вестготов (542 г.). Хильдеберт добыл в этом походе только тунику св. Винцента, ради которой построил монастырь у ворот Парижа (впоследствии Сен-Жермен де Пре). Здесь он и был похоронен[383].

Итак, франки потерпели поражение и за Альпами, и за Пиренеями. Но вестготы были заперты на Пиренейском полуострове, царства остготов и бургундов исчезли. Франки, несмотря на все неудачи, оставались единственным сильным народом из всех тех, которые в V веке ринулись на Империю. Теперь они двинутся за Рейн и начнут завоевание Германии.

Хлодвиг подчинил германцев по берегам Майна, отчего эта страна получила имя Francia (начало франконского герцогства). Затем победа 506 года и договор с остготами 536 года[384] сделал данниками франков все племя аламаннов, сохранившее, впрочем, национальных вождей. С другой стороны Леха находились *бавары*, имя которых в это время впервые появляется в истории. Вероятно, это прежние маркоманы, передвинувшиеся к I веку по Р. Х. в верхнюю долину Эльбы, носившую имя Богемия — Baias; откуда и маркоманы получили имя Baiowarii. Около 500 года они покинули Богемию, теснимые движением чехов, и утвердились по обе стороны Дуная, проникая постепенно в верхние долины Альп. Во главе племени стояла герцогская династия Агилолфингов. Один из этих герцогов, Гарибальд, женился на вдове Теодебальда, и отныне бавары соединились с франками, сохраняя свои учреждения, законы и национальных вождей.

В центре Германии, между Везером и Заалой, и между Оккером и Богемией простиралось королевство *тюрингов*, несомненно — тацитовых гермундуров, поглотивших другие племена англов и варинов[385]. Между туринги и франками были постоянные распри. Эпопея придала им трагическое величие. «Помните ли вы, — говорит в песне Теодорих своим воинам, — смерть ваших родных? Тюринги напали на них и причинили им много бед. Наши отцы дали им заложников и хотели сохранить с ними мир, но они погубили заложников различной смертью, снова бросились на ваших родных и отняли их имущество. Они привязывали детей к деревьям за бедренные жилы, погубили ужасной смертью более двухсот молодых девушек, привязывая их за руки к шее лошадей, которых потом остриями гоняли из стороны в сторону, так что несчастные были растерзаны на куски. Других положили на колеи дорог и пригвоздили к земле кольями, потом по ним провозили тяжелые телеги, дробившие их кости, и затем их оставляли на съедение собакам и хищным птицам».

Чтобы отомстить тюрингам, Теодорих задумал уничтожить их царство. Он вмешался в ссору трех братьев-королей, погубил их хитростью[386] и насилием и присоединил их царство. Среди пленников захвачена была королевская дочь, прекрасная Радегунда. Теодорих и Хлотарь спорили из-за ее руки. Она досталась Хлотарю, но когда он велел убить одного из ее братьев, она покинула его и ушла в построенный ею монастырь Св. Креста (Sainte Croix) у Пуатье. Здесь другом ее был поэт Фортунат. Так эта тюрингская принцесса, вскормленная языческими легендами, видевшая германское варварство, ужасы войны и падение своего народа — состарилась и умерла в тиши монастыря[387].

К северу от тюрингов, в обширных равнинах Германии жили *саксы*. Это была группа народов, которые федерировались между собой в разнообразных комбинациях. Франкские короли заключили с ними в 531 году союз против тюрингов и получали с них дань. Но в 555 году, когда Хлотарь овладел германскими странами, саксы возмутились и увлекли за собой тюрингов. Хлотарь совершил два похода на восток, опустошил Тюрингию, разбил саксов, а в другой раз потерпел

от них поражение. В конце концов саксы все же обязались уплачивать ежегодную дань в 500 коров.

К северу от саксов, на Ютландском полуострове жили *даны*. С начала VI века они на своих легких ладьях тревожат берега франков. В 515 году дружина данов с королем Хлохилаихом (Хигелаком) разграбила страну по устью Рейна и взяла большую добычу и много пленных. Но Теодорих выслал против них сына Теодеберта, который убил их короля и отнял добычу. Это событие вызвало на датской почве пышный цвет эпических песен, собранных потом в поэму о Беовульфе, которая записана по-английски в VIII веке[388].

Так покорили франки Германию и продвинулись к границам гунского и славянского мира — к Дунаю, Заале и Эльбе. На вопрос Юстиниана, какими народами он правит, Теодеберт гордо отвечал: «Милостью Божией, мы подчинили тюрингов, приобрели их провинции, уничтожили их королевскую династию. Гордые швабы севера покорены, вестготы склоняют голову, и наше владычество простирается от берегов Океана до Дуная и границ Паннонии, обнимая северную Италию, саксов, эвков[389], которые добровольно отдались нам».

Сыновья Хлодвига представляются настоящими варварами, которых не смягчило ни соприкосновение с римской культурой, ни влияние христианства. Но этими варварами руководит известная идея. Они хотят распространить свое владычество до тех границ, которые Цезарь наметил для Галлии: Альп, Пиренеев, Океана. Этой цели они достигли, а затем пошли и дальше. Их походы в Италию напоминают прежние походы галлов и предвещают будущие, столь же бесполезные походы германцев. За Рейном они как бы заново открыли Германию и пробили пути влиянию христианства. С их завоеваниями начинается история Германии.

ГЛАВА II
ВНУКИ ХЛОДВИГА ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ МОНАРХИИ ПРИ ХЛОТАРЕ II (561—613)[390]

I. Междоусобные войны до убийства Сигеберта (561—575). — II. До убийства Хильпериха (575—584). — III. Внутренняя история до смерти Гунтрамна (593) и Хильдеберта (596). Возмущение знати. — IV. Брунгильда и ее внуки (596—613). — V. Война франков против бриттов и басков. Внешние походы.

I. Междоусобия до убийства Сигеберта (561—575)

Эпоха внуков Хлодвига непохожа на прежнюю. Завоевания остановились. Свою воинственную энергию и свою жестокость Меровинги направляют друг на друга.

Хлотарь I оставил сыновей: Хариберта, Гунтрамна, Сигеберта и Хильпериха. Последний, решив овладеть всем царством, захватил сокровища, собранные отцом в его вилле в Берни[391] и занял Париж. Но остальные братья принудили его к разделу, повторившему — со значительными, впрочем, изменениями — раздел 511 года[392].

По смерти Хариберта в 567 году был новый раздел, причем братья получили чересполосные владения. Париж решено было считать общим: ни один из братьев не мог войти в него без разрешения двух остальных. Уже в этих условиях крылось семя вечных распрей. В том же 567 году выступают две женщины, которые наполнят своими именами историю этого периода. Сигеберт, самый мягкий из четырех братьев, не вступавший никогда в связи с рабынями, мечтал о браке с дочерью короля. В это время блистал двор испанских вестготов. Сигеберт послал послов к их королю Атанагильду и просил руки его дочери Брунгильды. Согласие было дано, в надежде прекращения бесконечных войн с франками. Брунгильда отказалась от арианства, приняла католичество и исповедала св. Троицу. Свадьбу праздновали в Меце. Здесь присутствовал молодой поэт Фортунат, покинувший только что свою родину Тревизо, проехавший югом Германии, чтобы искать средства к существованию у франков. Во время брачного пира он спел эпиталаму, в которой фигурировали все боги Олимпа. Христиане-франки слушали, как Амур славит мужество Сигеберта, а Венера восхваляет красоту Брунгильды, «новой жемчужины, рожденной Испанией». Молодая королева произвела глубокое впечатление на окружающих. Григорий Турский хвалит прелесть ее лица, грацию манер, приятность речей. Выросшая при испанском дворе, где еще держалась римская культура, она получила блестящее воспитание. Она говорила по-латыни и одна могла понять намеки поэта. Смущенная и робкая среди этого

чуждого мира, Брунгильда еще ничем не обнаруживала той силы, настойчивости и политических талантов, которые в ней проявятся впоследствии.

Этот брак создал славу Сигеберту, и Хильперих стал завидовать брату. Сам он был женат на Аудовере, потом оттолкнул ее и жил в разврате, под влиянием служанки Фредегонды. Но после свадьбы Сигеберта он изгнал ее и послал просить руки старшей дочери Атанагильда, Галесвинты. Условились насчет приданого. В свою очередь, Хильперих подарил жене, в виде wittimon, брачного дара, южные города и области. Галесвинта приехала в Галлию и сперва пользовалась любовью мужа, «так как принесла богатые сокровища». Скоро, однако, ему наскучила кроткая подруга, он вернулся к прежней любовнице, и в одно утро Галесвинта была найдена задушенной в постели. Вскоре король женился на Фредегонде и велел убить Аудоверу.

Сигеберт хотел начать войну, чтобы отомстить за смерть свояченицы, но Хильперих, как бы искупая убийство, по германскому обычаю, уступил Сигеберту области, данные им жене. Война, однако, все же вспыхнет впоследствии и продолжится с некоторыми перерывами от 573 до 613 года.

Какова была ее настоящая причина? Объясняли ее соперничеством двух женщин, Брунгильды и Фредегонды. Быть может, их взаимная ненависть обострила эту долгую распрю, но трудно думать, что она ее создала. Искали объяснения этих распрей в расовой вражде западной, романской Франции, где царствовал Хильперих, и восточной — принадлежащей Сигеберту, где преобладал германский элемент. Хотели видеть в этой войне намечающееся соперничество Австразии и Нейстрии[393]. Но в эту пору мы вовсе еще не чувствуем разницы между австразийцами и населением царства Хильпериха. В северной его части массами сидели германцы. С другой стороны, города Сигеберта: Реймс, Туль, Мец окружены были галло-римским населением. Хильперих и Сигеберт получили одинаковое воспитание. Междоусобные войны не коренились в противоположности этих областей, но они сами создали эту противоположность. Вражда Австразии и Нейстрии не существует в VI веке, но она возникнет в VII, как следствие вечной борьбы[394].

Истинная ее причина — честолюбие королей, которые стремятся увеличить свои королевства. К этому присоединяются интриги знати, которая требует у своего короля почестей и богатств, и в случае отказа изменяет ему. Короли всегда находят в царстве своего врага поддержку в лице недовольных представителей знати. Только время от времени тот или иной король понимает опасность этой политики и стремится противопоставить знатным союз королей.

Войну 573 года начал тот же Хильперих. Он бросился на Аквитанию и три года опустошал ее. В свою очередь, Сигеберт призвал германцев, которые также грабили, жгли и убивали. Сигеберт одержал победу и торжественно вступил в Париж с Брунгильдой и детьми. Приближенные Хильпериха провозгласили королем Сигеберта, но во время церемонии два раба нанесли победителю удары скрамасаксом, в выемку которого Фредегонда влила яд.

II. Междоусобные войны до убийства Хильпериха (575—584)[395]

По смерти соперника Хильперих вернулся в Париж. Верный герцог Гундовальд спас пятилетнего сына Сигеберта, привез его в Мец и в день Рождества провозгласил королем. Брунгильда и ее дочери остались в плену. Отныне Хильперих мог дать волю своим фантазиям. Это был типичный меровингский деспот. Честолюбие и жажда богатства — его главные страсти. Чтобы увеличить свою сокровищницу, он обременял народ налогами. Особенно ревниво относился он к церковным богатствам и часто повторял: «Наша казна обеднела, и наши богатства отошли к церкви. Епископы одни царствуют». Он уничтожал завещания в пользу Церкви и отнимал у нее то, что дал ей его отец. Он добывал деньги всеми путями, продавая епископство тому, кто больше даст. Он воевал с братьями и племянниками, чтобы добыть земель и денег. В довершение всего, это был обжора, пьяница, развратник, человек исключительной жестокости. «Нельзя вообразить себе мерзостей, каких бы он не проделал». После возмущения в Лиможе он подымал на дыбу священников и аббатов. «Кто пренебрежет нашим приказанием, — так заканчиваются обыкновенно его указы, — тот будет наказан потерей глаз».

Вместе с тем, он смягчил в пользу женщин суровые законы своего времени и установил их право на наследование в известных случаях земли и всегда — на наследование движимости после мужа. Он рационалистически мыслил о Боге: он не допускал Троичности, отрицал разделение Высшего Существа на Отца, Сына и Св. Духа, и в своем эдикте повелел, чтобы люди, не упоминая в молитвах Св. Троицы, молились единому Богу. «Я хочу, чтобы вы так верили», — говорит он Григорию Турскому и другим прелатам. Только энергичный отпор с их стороны заставил его уступить. Он желал управлять грамматикой и ввел четыре новые буквы из греческой азбуки: для *o* долгого, *th* свистящего, *ae* и *w*. Эта реформа применялась не для выражения германских звуков (Хильперих презирал германский язык), а для начертаний латинских слов. Особым указом предписано было учить детей по новой методе и, смыв старые рукописи, переписать их с добавочными буквами.

Этот варвар был исполнен уважения к римской цивилизации и сочинял латинские поэмы по образцу Седулия. Его стихи называли «хромыми»; они полны были ритмических недочетов, что не мешало Фортунату восхвалять его поэтические таланты: «Regibus aequalis, de carmine major haberis». Он даже сочинял гимны со словами и музыкой. Наконец, по римскому примеру, он любил игры цирка и построил их два: в Париже и Суассоне. Но со всем тем Хильперих был суеверен: не веруя в Троицу, он верил в предзнаменования, в мощи, в заклинания. Совершив преступление, он спешил прикрыться какой-нибудь благочестивой плутней. Однажды он вытащил из убежища св. Мартина Турского одного из своих врагов. Он пишет просьбу святому, убеждая его санкционировать это деяние, кладет ее на гробницу, а рядом — белый лист для ответа. Когда он, нарушая клятву,

вступает в Париж, он велит нести перед собой многочисленные реликвии. Он приписывает смерть детей Фредегонды колдовству, и Фредегонда, с его согласия, велит схватить нескольких женщин, считающихся колдуньями, и сжечь их или задушить, тогда как Хильперих предает пытке префекта Муммола, обвиненного в соучастии с ними. Когда дети его умирают, он, который грабил церкви, осыпает щедротами базилики и нищих. Словом, это — полуцивилизованный варвар, испорченный самой цивилизацией, умный от природы, но капризный, фантастический и злой. Григорий Турский не клевещет, когда называет его Нероном и Иродом своего времени[396].

Зато Григорий снисходителен к Гунтрамну, которого при всяком удобном случае называет «добрым». Этот король не запятнан ересью, осыпает щедрыми дарами храмы, чтит прелатов. Церковь приписывала ему дар чудесных исцелений, и народ рвал остатки его одежды на амулеты. Он был щедр. Вступая в город, он пригоршнями бросал золото. Он охотно общался и обедал с купцами.

Но Гунтрамн не меньше Хильпериха предавался разврату со служанками. Кроме того, он был трус, избегал войны, держал постоянно при себе отряд телохранителей. После убийства Хильпериха он обратился к народу в одной из парижских церквей с такими словами: «Мужи и жены, присутствующие здесь, заклинаю вас, сохраните ненарушимую верность мне. Не убивайте меня, как вы убили моих братьев. Позвольте мне еще три года воспитывать моих племянников, иначе не останется отпрыска нашей семьи, чтобы вас защищать...». «И вся паства молила Бога продлить дни короля Гунтрамна...». Этот страх смерти делал нередко очень жестоким «доброго» короля. По простому подозрению он казнит знатных своего королевства. Особенно боится он их заговора против власти и мечтает о союзе королей против сеньоров. Сам он ведет мирную политику, не задевает соседей и в распре востока и запада Франции старается удержать равновесие, поддерживая всякий раз слабейшего.

По смерти Сигеберта знатные старались воспользоваться детством его сына Хильдеберта, чтобы увеличить свои права. Среди них фигурируют Эгидий, епископ Реймский, жадный интриган, герцог Гундовальд, некогда спасший молодого короля, Гунтрамн Бозон, злой предатель Урсион и Бертефрид и жестокий герцог Раухинг. Он тушил горящие факелы на голых ногах своих рабов. Однажды, обещав епископу не разлучать серва и его жену, вступивших в брак против его воли, он велел их похоронить живыми, забитыми в ствол дерева.

Против них сгруппировались сеньоры, верные королю: Гогон, опекун короля, Луп, герцог Шампанский и др. Эта партия окрепла, когда Брунгильда, бежав из Руана, после ряда романических приключений вернулась в Австразию[397]. Партия короля получила опору в Гунтрамне — враге знати. Австразийские сеньоры, в свою очередь, соединились с Хильперихом. Не имея сыновей, Гунтрамн рассчитывал привлечь Хильдеберта надеждами на свое наследство. Но к этому времени перемерли или были загублены и дети Хильпериха. Со смертью Гогона знатные взяли верх в Австразии и убедили Хильдеберта порвать с Бургундией

и сблизиться с Хильперихом, который также усыновил Хильдеберта. Опорой королевской партии остался Луп Шампанский. Ему-то объявили войну австразийские сеньоры. Тщетно Брунгильда пробовала остановить сражающихся: «Не совершайте, о, люди, такого злодеяния, — говорила она, — не преследуйте невинного, не губите из-за одного человека живых сил королевства». «Удались, женщина, — был ответ, — довольно правила ты при жизни мужа. Теперь царствует твой сын... Уйди, если не хочешь быть растоптанной копытами наших коней». Брунгильде удалось помешать сражению, но имущество Лупа было разграблено, и сам он вынужден искать приюта у Гунтрамна.

Союз между австразийцами и Хильперихом был непрочен. Когда армия выступила против Гунтрамна, «простой люд» (minor populus) возмутился, подстрекаемый Брунгильдой. С криками: «Пусть удалят от лица короля изменников, торгующих его царством», — толпа бросилась в палатку короля. Эгидий и его сторонники спаслись с трудом. Хильдеберт снова сблизился с Гунтрамном, тем более, что Хильперих вскоре погиб, убитый на охоте неизвестным человеком. Хроника Фредегара считает Брунгильду виновницей преступления, другие думают, что Фредегонда хотела отделаться от мужа, которому изменяла. Сама Фредегонда обвинила в убийстве кубикулария Эбервульфа, который удалился потом в базилику св. Мартина и своим беспорядочным поведением причинял много хлопот Григорию Турскому.

III. Внутренняя история до смерти Гунтрамна и Хильдеберта[398]

После убийства мужа Фредегонда скрылась со своим маленьким сыном Хлотарем II в собор Парижской Богоматери и отдалась под покровительство Гунтрамна, изъявляя желание «положить на его руки своего ребенка». Гунтрамн, верный своей политике равновесия, ответил на ее призыв. Вельможи Нейстрии признали Хлотаря, и призвали города к присяге ему и Гунтрамну, который показал себя милостивым ко всем: вознаградил потерпевших от жестокостей Хильпериха, возвратил церковное добро.

Хильдеберт напомнил Гунтрамну их договор, но последний сослался на прежние измены австразийцев. Магнаты, в свою очередь, явились лично протестовать против образа действий Гунтрамна. С обеих сторон обменялись резкостями, и когда австразийцы уходили, король велел бросить им вслед лошадиный помет, солому, гнилое сено и грязь. Только новые события в Австразии — заговор магнатов против короля под предводительством незаконного сына Хлотара I, Гундовальда — заставили Гунтрамна снова сблизиться с племянником. Он убедил его противопоставить заговору магнатов союз королей и объявил его снова своим наследником и совершеннолетним.

Дело Гундовальда было потеряно. Он бежал в городок Коммин, но был выдан. Один франкский граф бросил в него камень, разбивший ему голову. «И народ прибежал, колол копьями его труп и, связав веревкой ноги, волочил его. Потом

ему вырвали бороду и волосы и бросили без погребения». Население Коммина, приютившего его, было перебито, а город сожжен. Он возродился только в XII веке.

Хильдеберт был объявлен совершеннолетним, но за него правила мать. Опираясь на Гунтрамна, Брунгильда начала борьбу с аристократией. Прежде всего она привлекла к ответу Гунтрамна-Бозона за осквернение гробницы в одной из базилик Меца. Так как он не явился на суд, королева конфисковала его имущество и предала его суду короля Гунтрамна. От других врагов она избавилась путем убийства. Это побудило австразийских сеньоров вступить в новый заговор, открытый опять-таки Гунтрамном. Хильдеберт, по его совету, пригласил главу комплота, Раухинга, в Мец и дружески принял его, но когда герцог выходил из комнаты, «рабы размозжили его голову на такие малые куски, что осталась только каша, похожая на мозг». В это время армия австразийских магнатов уже шла на Мец. Тогда, по инициативе Брунгильды, Гунтрамн и Хильдеберт съехались для заключения договора в бурге Андело, подле старой римской дороги, ведшей из Лангра в Туль.

В Анделотском договоре, заключенном 28 ноября 587 года, они клялись в вечной дружбе и определили границы своих держав. Решено было, что если один из них умрет бездетным, другой будет его наследником — условие, очевидно клонившееся в пользу Хильдеберта. Каждый обещал другому выдавать его непокорных лейдов[399], скрывающихся в его царстве, и не привлекать к себе чужих лейдов. Утверждены были все дары, сделанные королями верным или Церкви, и возвращены неправильно отнятые. Таковы главные положения этого договора, в котором напрасно некоторые историки хотели видеть ограничительную грамоту, взятую магнатами от королевской власти.

Привлеченный к суду бургундского короля, Гунтрамн-Бозон был приговорен к смерти. Ему удалось скрыться в доме трирского епископа Магнерика. Тогда короли велели поджечь дом, и когда Гунтрамн выбежал оттуда, «его пронзили столькими копьями, что проколотый ими, он еще стоял, когда уже был мертв». Затем армия Хильдеберта двинулась против Урсиона и Бертефрида. Они также искали убежища в базилике св. Мартина. Ее подожгли. Урсион был умерщвлен, Бертефрид убежал к епископу Вердена. Но солдаты, гнавшиеся за ним, разобрали крышу епископского дворца и убили его ударами черепиц. Аристократия была побеждена, герцогов и графов, виновных в соучастии в заговоре, сместили и заменили преданными людьми. Теперь все склонялось перед волей Брунгильды.

Во франкском государстве настал долгий мир. Фредегонда, с горечью видевшая, что наследство Гунтрамна не достанется ее сыновьям, пыталась несколько раз убить Хильдеберта и его детей. Но эти заговоры кончались неудачей, и когда Гунтрамн умер в 593 году, Хильдеберт беспрепятственно получил его наследство. Сам он скончался в 596 году, двадцати шести лет от роду, оставляя двух сыновей — 11-ти и 9-ти лет. В пятнадцать лет он был отцом. Эти преждевременные браки отнимали силу меровингской династии. Она истощалась, и ее дети были

большей частью выкидышами. Сам Хильдеберт был жалким орудием в руках Брунгильды и Гунтрамна.

IV. Брунгильда и ее внуки (596—613)

Старший сын Хильдеберта, Теодеберт, получил Австразию, младший, Теодорих — Бургундию, а также нынешний Эльзас — Alsatus (от имени жителей Alesaciones) — имя, впервые в этот момент появляющееся в истории. Ему же досталась Шампань, а также страна, которая впоследствии называлась Лотарингией.

Брунгильда правила от имени внуков. Фредегонда попыталась было заявить права на наследство Гунтрамна и захватила города вблизи Парижа. Но в 597 году она скончалась, и сын ее, разбитый сыновьями Хильдеберта, должен был уступить часть собственного государства. Таким образом, Брунгильда избавилась от одного врага, но для нее начинается новый ряд испытаний. Австразийские сеньоры вынуждали ее искать убежища в Бургундии, где она возобновляет свою борьбу с магнатами, отделываясь от всех, кто ей мешал, заменяя их верными людьми. Однако бургундские магнаты нашли поддержку в Австразии, и тогда Брунгильда побудила Теодориха начать войну с сеньорами этой страны, которая была уделом его брата Теодеберта. Эта война вскоре превратилась в войну между братьями и, несмотря на попытки Брунгильды остановить ее, принимала все более яростный характер. В ней Теодеберт был дважды разбит, при Туле и Тольбиаке (612 г.), и наконец взят в плен, уведен в Шалон-на-Марне и предан смерти. Его сына Меровея взял один бургундский воин и, схватив за ноги, ударил головой об утес так, что мозг брызнул.

Теодорих стал господином Австразии и Бургундии. Когда он скончался в 613 году, Брунгильда, порывая с меровингской традицией разделов, провозгласила королем только старшего его сына, Сигеберта, рассчитывая править его именем.

Но магнаты Австразии не хотели подпасть под ее иго. Сгруппировавшись вокруг епископа Мецкого Арнульфа и Пипина (предков Каролингов, впервые упоминаемых здесь), они призвали Хлотара II. Он дошел до Андернаха, не встретив сопротивления. Но Брунгильде удалось собрать армию в Бургундии и двинуть ее в сражение, как вдруг бургундские сеньоры, по данному сигналу, повернули коней и покинули королеву. Она бежала и искала приюта в Бургундии, преследуемая по пятам королем Нейстрии. В своей вилле на берегах Невшательского озера она была схвачена и приведена к сыну Фредегонды. Два ее правнука были умерщвлены, третий — крестник Хлотаря — пощажен, четвертый бежал, неизвестно куда. Брунгильду истязали три дня. Посадив ее на верблюда, ее выставили на поругание армии. Наконец, привязали ее за руку, за ногу и за волосы к хвосту лошади, которую разгоняли ударами бича. Вскоре ее тело превратилось в лоскутья (613 г.).

Брунгильда представляется самой крупной фигурой эпохи. Честная и чистая в своей частной жизни, она обладала качествами государственного

человека и политика. Она хотела отстоять права короля против аристократии и противопоставить право старшинства гибельному обычаю разделов. Она попыталась спасти остатки римских налогов, возобновила кадастры городов, чтобы облегчить жизнь бедняков и подчинить богачей публичному обложению. Она требовала от всех военной службы и умела подымать германских воинов за королевское дело. Она установила равный суд, и сильных людей при ней не защищал их высокий сан.

Она щедро одаряла епископства, строила монастыри, поддерживала сношения с Папой Григорием Великим. Последний дарил ей реликвии, послал по ее просьбе паллий епископу Отенскому Сиагрию, дал Вергилию Арльскому титул папского викария. Он поручал ее покровительству вотчину Римской Церкви в Галлии и миссионеров, проходивших к англосаксам. В посланиях своих он осыпал ее похвалами. Однако Брунгильда, с почтением слушая советы папы, держала епископов в своей власти и сама распоряжалась их кафедрами. Знаменитый миссионер Колумбан, воспротивившийся вступлению королевских чиновников в Люксейльское аббатство, дважды был выгнан ею из монастыря. Он пробрался было в царство Теодеберта, чтобы проповедовать аламаннам вокруг Констанцского озера, но когда Австразия досталась Теодориху, он, не чувствуя себя в безопасности, предпочел уйти в Италию.

Подобно всем великим государям, Брунгильда любила строить. Легенда приписала ей построение многих крепостей, восходящих, однако, к римской эпохе. Она поощряла торговлю и поддерживала большие римские дороги, доныне сохранившие имя «дорог Брунгильды» или «дорог Королевы». В общем, Брунгильда, не в пример другим меровингским королям, гораздо более руководствовалась идеей, нежели капризами и страстями. Она хотела поддержать вместе с королевским абсолютизмом начала порядка и хорошей администрации.

V. Войны франков против бриттов и басков. Внешние походы

В период 561—613 г. франкские короли, в перерывы среди междоусобиц, совершали походы за пределы своего царства, чтобы покорить не вполне замиренные племена басков и бриттов или расширить свои владения за счет Италии, Испании и германских равнин.

Бритты все больше разливались по французской территории, в ущерб романскому населению. Их вождь Варох захватил Ванн и неоднократно подступал к Ренну и Нанту, которые сохраняли значение передовых постов романского племени против кельтской стихии. Походы Гунтрамна и Хильдеберта в эту сторону были не особенно удачны.

К югу от Пиренеев жило в начале IV века племя васконов или басков[400] — остатки прежней иберской расы. Подвергаясь нападениям свевов и вестготов, они уходили от них на северный склон, где им пришлось признать главенство франков. Однако они выносили его неохотно и часто грабили страну до самого

Бордо. Франкские короли предпринимали против них несколько походов (581 г., 587 г., 602 г.), большей частью неудачных. Только в 602 году внуки Брунгильды обложили их данью, но вместе с тем вынуждены были дать им особого, вероятно, национального герцога. Это значило признать их независимость под неопределенным верховенством франков. Постепенно баски распространились до Гаронны, превратив в Васконию прежнюю Новемпопуланию. Еще в IX веке они отличались своей национальной одеждой: «круглым плащом, рубахой с широкими рукавами, сборчатыми штанами и сапогами со шпорами».

Оружие франков появлялось и в Италии. Но короли больше не мечтали о завоевании полуострова. Их влекла в Италию жажда добычи и мщения. Утвердившись в 568 году в долине По, лангобарды не желали оставаться спокойно за Альпами и нападали на Прованс и Валлис, откуда уносили богатую добычу. Гунтрамн вел с ними долгую борьбу на Роне. За эти годы страна между Альпами и Роной жестоко страдала. Понятно, что франкские короли охотно отозвались на идущее из Византии предложение совместной борьбы против лангобардов.

Отношения между франкскими королями и Константинополем оставались учтивыми с 561 года. Дворы обменивались посольствами. Маврикий возвращается к планам Юстиниана: мечтая о возрождении Империи, он обратился за помощью против лангобардов к королю Австразии Хильдеберту и предложил ему 50 000 золотых солидов и звание «сына императора», с тем, чтобы он выгнал варваров с Апеннинского полуострова. Хильдеберт в 584 году перешел Альпы и разграбил долину По, но когда лангобарды со своей стороны дали ему денег, он нарушил договор с Империей и увел свои войска назад. Тщетно император требовал обратно свои деньги. Хильдеберт, «полагаясь на свое могущество, не удостоил его ответа». Однако еще не раз в периоды, когда Гунтрамн упрочивал мир, — а именно, в 585, 588, 590 годах, он совершал походы в Италию. Но раздоры, происходившие в армии, неуменье франков и греков действовать совместно, эпидемии, свирепствовавшие в войсках, сделали то, что все эти походы были неудачны. Маврикий тщетно упрекал короля, который «обещает дружбу на словах, но не соблюдает ее на деле». Франкские экспедиции должны были прекратиться до дня, когда папа Стефан II торжественно призовет в Италию Пипина Короткого.

От 561 до 585 года франки жили с вестготами в мире, который еще укрепляли родственные связи. Но в 585 году Гунтрамн, в порыве католического рвения, объявил войну нечестивым арианам. Одна из его армий овладела Каркассоном, другая осадила Ним, и обе были разбиты Реккаредом. В 589 году последовал новый поход, но в итоге Септимания осталась за вестготами — до времен Каролингов. Войны эти имели только одно важное следствие: Реккаред, провозглашенный в 586 году королем, перешел в католичество и заставил подданных последовать его примеру. За ними вслед обратились к католичеству и лангобарды.

При сыновьях Хлотаря I германские племена, по-видимому, были верны франкам и регулярно платили дань. Но в начале VI века Германии стали грозить

полчища аваров, родственного гуннам племени, которые двигались на запад, гоня впереди стада. Они несколько раз нападали на Тюрингию и один раз даже взяли в плен короля Сигеберта, который откупился от них подарками. В 596 году Брунгильде снова пришлось выкупать Тюрингию деньгами. После этого авары затихают на время и оседают в Паннонии. Окончательно усмирит их Карл Великий.

Таким образом, в описанный период границы Франкского королевства в общем остались прежними, движение вперед остановилось. Внутри свирепствовала междоусобная война, и государство разбилось на четыре враждебные части: Австразию, Нейстрию, Бургундию и Аквитанию. Эти кровавые распри, упадок нравов и преступления являются истинной причиной падения Меровингов.

Войны имели следствием разбои и нищету. Жители скрываются в леса, снова разросшиеся в ущерб полям и скрывшие под своей сенью развалины городов и вилл, и живут грабежом путешественников. Другие нищенствуют, бродя от дома к дому. Число бродяг увеличивается с голодовками и их следствием — повальными болезнями.

В 571 году в Оверни чума (lues inguinaria) поглотила многочисленные жертвы. «Так как не хватало гробов, то покойников клали по 6 и больше в общие ямы. В одно воскресенье в церкви св. Петра насчитали 300 мертвых. Умирали в 2–3 дня». В 580 году по всей Галлии свирепствовала дизентерия. Многие говорили о скрытом яде. В 581 году произвела ужасные опустошения оспа. Леса и болота увеличивали эпидемии. Недостаток гигиены, нечистота, разврат благоприятствовали развитию накожных болезней, особенно проказы. Уже отводили для прокаженных особые больницы. Часты были и нервные болезни. Бесноватые массами приливают к знаменитым святилищам. Они считают себя одержимыми демонами, нечистыми животными, катаются по земле, изрыгая кровавую пену. Так проявляются заразы и бедствия, окрашивающие таким печальным цветом Средневековье.

Междоусобия, разбои, эпидемии — таково содержание этого периода 561—613 годов, в течение которого угасает династия Меровингов. Однажды в сенях королевской виллы, в Берни, Григорий Турский встретил Сальвия, епископа Альби... Внезапно Сальвий спросил его: «Видишь ли ты на крыше то, что вижу я?» — «Я вижу, — отвечал Григорий, — голубятню, только что построенную королем». — «И ты не видишь больше ничего?» — «Нет», — ответил прелат... А Сальвий, испуская вздох, сказал: «А я вижу меч гнева Божия, простертый над этим домом».

ГЛАВА III
ФРАНКСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ОТ 613 ДО 714 ГОДА

I. Франкское королевство в царствование Хлотаря II и Дагоберта I (613—639). — II. Майордомы Нейстрии, Австразии и Бургундии до сражения при Тетри (639—687). — III. Принципат Пипина (687—714).

I. Франкское королевство в царствование Хлотаря II и Дагоберта I (613—639)[401]

После гибели Брунгильды 30-летний Хлотарь II оказался владыкой всей франкской монархии. Но Хлотарь был только орудием в руках аристократии и за свою победу немедленно должен был заплатить большими уступками сеньорам и признанием независимости Австразии и Бургундии.

10 октября 614 года в парижской церкви св. Петра собрался собор 79 епископов, который принял ряд важных решений. В свою очередь, магнаты также предъявили свои требования, которым за немногими ограничениями, Хлотарь уступил. Эдикт 18 ноября провозглашает свободу епископских собраний, увеличивает компетенцию духовных судов; отныне король не может брать под свое покровительство клирика, без разрешения епископа, и должен уважать завещания частных лиц в пользу Церкви. Отменяются «неправильные» пошлины, и король обязуется взимать лишь те, которые были установлены при Гунтрамне, Хильперихе и Сигеберте. Графы должны избираться из той страны, где они назначены управлять. Король утверждает за магнатами данные ранее имущества[402]. Никто отныне не может быть осужден, не будучи выслушан. Король признает себя подчиненным закону: «Если кто-либо обманом или внезапно исторгнет у нас уступку, противную закону, она не имеет силы». Конечно, король сохранил еще во всей полноте свою законодательную власть, его могущество еще велико, но не так абсолютно, как во времена Хильпериха.

Вместе с тем исчезает политическое единство. Бургундия, Австразия и страна, называющаяся Neuster — впоследствии Нейстрия[403], требуют каждая своего особого майордома — главу чиновников и магнатов. Ландри был майордомом Нейстрии, Радон — Австразии, Варнахарий — Бургундии; последнему даже король дал клятву не отнимать у него никогда этой должности. Так создалось три королевства при одном короле. Аквитания, эксплуатируемая всеми, готова была возмутиться.

Вскоре Австразия пожелала снова иметь собственного короля, и Хлотарь вынужден был послать им сына, Дагоберта. От его имени два человека властвовали в Австразии: Пипин, ставший майордомом на место Радона (о его происхождении мы не имеем данных), и Арнульф, епископ Меца. Он был членом знатной семьи, но

все позднейшие генеалогии, пытавшиеся привязать его к его предшественникам, прелатам Меца[404] и к славным святым Аквитании — придуманы. Мы не знаем также места его рождения. Еще молодым он поступил ко двору Хильдеберта, где окончил свое воспитание. Потом женился, имел сыновей: Клодоальда, который стал после него епископом Меца, и Анзегизела, которого впоследствии, с распространением троянских преданий, стали называть «Анхизом». Затем он исполнял в шести графствах обязанности администратора королевских доменов, с титулом domesticus. В то время освободилась кафедра Меца, и Теодеберт призвал на нее Арнульфа, который в один день прошел все духовные степени (612 г.). Вместе с Пипином Арнульф подготовил переворот, низвергший Брунгильду, и вместе с ним при Дагоберте стал господином Австразии. В 627 году, впрочем, он удалился в монастырь. Сын его, Анзегизел, женился на дочери Пипина, которую последующие документы называют Беггой. От этого брака вышла семья Каролингов.

В начале царствования Хлотаря в Бургундии вспыхнуло возмущение знатных. Король подавил его, но вместе с тем он понял, что ему следует сделать уступки. В Боннеле-на-Марне он принял ее епископов и светских людей, которые образовали собрание, независимое от сеньоров Австразии и Нейстрии и, в виду смерти Варнахария (627 г.), заявили, что они не желают больше иметь майордома, а предпочитают сноситься прямо с королем. Вообще сеньоры хотят быть независимыми. Они уже командуют вооруженными дружинами, составленными из их слуг и лиц, коммендировавшихся им. Однажды в Сент-Уене (Saint-Ouen) на Сене Хлотарь собрал епископов и магнатов Нейстрии и Бургундии. В собрании произошло убийство. Убийца созывает своих и укрепляется на Монмартрском холме; родные и друзья жертвы осаждают его. Нужна была вся энергия короля, чтобы восстановить мир. Так как в то время как королевство разделилось на трое — tria regna, каждое из них начинает подразделяться на сеньории.

Хлотарь умер 18 октября 629 года. Он похоронен в церкви св. Винцента, где сохранилась его эпитафия.

Дагоберт, оставшийся после смерти отца в 26 лет, начал восстанавливать единство. Он объезжал Австразию и Нейстрию, ежедневно заседал в судилище, творя строгий нелицеприятный суд. О нем рассказывают, что он почти не спал, мало ел. Мы видим его поочередно в Лангре, Дижоне, Сан-Жан-де-Лоне, Шалоне-на-Сене, Отене, Оксерре, Сансе. Наконец он утверждается в Париже. В Австразии Пипин, которому Дагоберт не доверял, теряет всякий авторитет и вынужден удалиться в Аквитанию.

Порывая с традицией, Дагоберт остался единственным королем, хотя у него был брат. Только впоследствии послал он его управлять Аквитанией, продолжавшей волноваться под франкским владычеством. Эта страна, в свое время вполне ассимилировавшая вестготов, а впоследствии очень слабо населенная франками, сохраняла ярко латинский характер[405] и плохо мирилась с владычеством грубых варваров. Чтобы дать ей известное удовлетворение и вместе поддержать в ней повиновение, Дагоберт послал туда брата. Основавшись в Тулузе, Хариберт удачно

отстаивал страну против притязаний басков[406], но после его смерти в 632 году Дагоберт снова вернул Аквитанию под свое непосредственное управление, и до 670 года она оставалась под франкским владычеством. В этом году она оторвалась от него и разбилась на ряд сеньорий с местными династиями[407].

Единство было восстановлено. Дагоберт велел произвести подсчет именьям фиска, которые были отданы церквам и сеньорам и, противно эдикту 614 года, многие отобрал обратно. Он конфисковал ряд имений частных лиц, завещанных епископствам и аббатствам. Фиск обогатился, и двор стал пышным и блестящим. Король любил искусство, особенно тонкие ювелирные вещи. Он подарил аббатству Сен-Дени прекрасные золотые украшения, сделанные заведовавшим его сокровищницей Элигием, впоследствии епископом Нуайона.

Но этот энергичный король не одним своим правосудием напоминал Соломона: и его двор был ареной любовных историй. Он сменил четырех королев и массу любовниц. Церковь осуждала за это короля, но она не могла не признать огромных его заслуг. Избираемые им епископы прославили свои кафедры, как Элигий Нуайонский, Одоэн Руанский, Дезидерий Кагорский. При нем богатели прежние монастыри и возникали новые, как аббатства Ребэ (Rebais) и Жуар (Jouarre) в Шампани, основанные Одоэном и его братом, Солиньяк, основанный Элигием, Ремиремон в Австразии, а в Арденнских лесах — Ставло и Мальмеди. Эпоха Дагоберта отмечена распространением во Фландрии и Васконии христианского учения, проповедуемого св. Амандом. Церковь его времени гордится множеством святых.

Армии Дагоберта проникали в ущелья Пиренеев, усмиряя взбунтовавшихся басков, и герцог их вынужден был явиться ко двору короля — дать присягу верности. Сюда же являлся вождь домнонских бриттов[408], с просьбой о прощении за причиненный франкам ущерб и с обещанием покорности. Дагоберт вмешивался и в испанские дела, заменил вестготского короля другим и потребовал зе свое вмешательство 200 000 зол. солидов Он же заставил лангобардского короля Хротара вернуть к себе жену Гундибергу — франкскую принцессу. Словом, он был первым государем в западной Европе.

На восточной границе королевства образовалось большое государство, созданное простым франкским купцом Само из различных славянских племен, которым он помог освободиться от власти аваров, и которые за это провозгласили его королем. Это царство простиралось от Гавеля до Штирийских Альп и имело центром Богемию. Само предложил свою дружбу Дагоберту, но тот ответил: « Нельзя христианам и слугам божьим соединяться с собаками». Само бросил посла в темницу, а Дагоберт послал против него армию, которая была разбита на берегах Эгры. Чтобы держать славян в страхе, Дагоберт создал Тюрингское герцогство — нечто вроде пограничной марки между германцами и славянами. Само в конце концов был вынужден к миру, но до конца сохранял свое царство. Он, по-видимому, отрекся от христианства и принял религию славян. После него его царство распалось, и Карлу Великому придется иметь дело с разделенными племенами славян[409].

Дагоберту пришлось иметь дело с волжскими болгарами. Выйдя из русской равнины, они напали на аваров, но были разбиты. Из них девять тысяч, с разрешения Дагоберта, остались зимовать в Баварии, но бавары однажды ночью по данному сигналу избили их, и остатки их искали приюта у славян.

Все эти народы в одинаковой степени угрожали франкам, как и Византийской Империи. В целях общей защиты, между императором (Ираклием) и королем франков был заключен «вечный мир», устанавливавший, вероятно, общие меры в отношении варварских народов по Дунаю, а также, кажется, евреев. В эту эпоху распространялось предсказание, что Империя погибнет от обрезанного народа. Арабы начинали первые свои вторжения, и в христианской Европе был взрыв ненависти к семитическим расам.

Но под этой блестящей внешностью меровингского королевства, продолжали действовать причины, подготовлявшие его упадок. Австразийцы, обиженные тем, что король переселился на берега Сены, требовали своего короля. Дагоберт вынужден был в 634 году дать в короли Австразии своего сына, Сигеберта. Во время его несовершеннолетия, королевством управляли кельнский епископ Куниберт и майордом Анзегизел.

В свою очередь нейстрийцы, опасаясь в будущем преобладания Австразии, провозгласили своим королем второго сына Дагоберта, Хлодвига. Дагоберт заранее назначил его королем соединенных Нейстрии и Бургундии.

В начале 639 года король скончался в своей вилле Эпинэ на Сене и был погребен в Сен-Дени. Его эпоха представляется блестящей, если сравнить ее с той эпохой войн и общественных бедствий, какие последовали за ней.

II. Майордомы Нейстрии, Австразии и Бургундии до битвы при Тетри (639—687)[410]

В начале царствования Карла Великого Эйнгард так характеризует преемников Дагоберта: «Род Меровингов... давно уже не имел ни силы, ни власти, ничего, кроме пустого титула короля. Все богатства и вся сила королевства находились у начальников дворца, называвшихся майордомами. Им принадлежала верховная власть. Королю оставалось только, довольствуясь королевским именем, со своими пышными волосами и длинной бородой, сидеть на троне и изображать государя: он выслушивал послов и давал им, будто своею властью, ответы, которые ему подсказывали и даже навязывали. За исключением бесполезного имени короля и денег, которые по его желанию давал ему палатный майордом, у него не было ничего своего, кроме одной виллы со скромным доходом. Он жил в ней с небольшим числом слуг... Если ему нужно было ехать куда-нибудь, он отправлялся в колеснице, влекомой, по сельскому обычаю, быками, которых погонял погонщик. Так ездил он во дворец и в народное собрание, созывавшееся ежегодно для нужд королевства, так возвращался он в свое жилище. Но вся администрация королевства, внешняя и домашняя дела велись майордомом».

В этом знаменитом отрывке немало придуманного. Трудно представить себе длиннобородыми этих королей, которые почти все сходили в могилу юношами. Их слабость автор сильно преувеличил, но верно то, что королевская власть и порода пали. Почти все эти государи умирали в 23, 24, 25 лет, истощенные преждевременным развратом, став отцами в 15–14 лет; в лучшем случае, уходя в пассивное благочестие, как Сигеберт — Святой Сигисберт, мощи которого покоятся в соборе Нанси или св. Дагоберт (II-й), останки которого доныне чтутся пилигримами.

Майордомы стали всемогущи. В 639 году после смерти Дагоберта, Эга продолжает управлять Нейстрией; при Хлодвиге II Пипин покидает свое убежище в Аквитании и становится майордомом Австразии (при Сигеберте), вместо своего зятя Анзегизела. Бургунды, не имеющие своего короля, добиваются по крайней мере особого майордома, Флоахата.

Майордом[411] в каждом королевстве есть глава магнатов и должен защищать их привилегии. Когда Флоахат был назначен майордомом, он в письменной клятве обещал сеньорам и епископам королевства соблюдать сан и честь каждого. Но майордом есть также представитель короля; он должен хранить нерушимо его прерогативы, собирать налог, следуемый фиску, требовать военной службы. Потому-то в его функциях есть противоречия. Некоторые майордомы правят в интересах сеньоров, другие преданы делу короля и требуют повиновения от всех. Таков был, по-видимому, Оттон, майордом Австразии, сменивший Пипина: при нем самостоятельности добились герцоги Тюрингии и Аламании, при сочувствии остальных сеньоров Австразии. Таким образом, в 643 году граница Франкского королевства опять передвинулась с Эльбы на Рейн.

После убийства Оттона палатным майордомом Австразии был сын Пипина Гримоальд. Он объявил себя и против сеньоров, и против короля. По смерти Сигеберта в 656 году он отправил в Ирландию его сына и провозгласил королем своего сына Хильдеберта. Но сеньоры Австразии предали Гримоальда королю Нейстрии, который его казнил. Опыт оказался преждевременным. Понадобится еще сто лет терпеливой политики и услуг Церкви и государству, прежде чем семья Гримоальда повторит, — на этот раз удачно — свою попытку.

Во вне палатный майордом охраняет достоинство и независимость управляемого им королевства. Но каждое из них желает господствовать над двумя другими, и поэтому каждый палатный майордом, побуждаемый сеньорами, рассчитывающими наложить руку на чины и казну соседних королевств, невольно стремится к вмешательству в их жизнь и к захватам. Отсюда возникают междоусобия, находящие достаточное объявление в игре честолюбий и аппетитов, а вовсе не в расовой ненависти, для которой нет материала.

По смерти Сигеберта был только один король, Хлодвиг II. После его смерти (657 г.) ребенок Хлотарь III получил все королевство, под регентством матери, бретонки Батильды, бывшей рабыни. В этот момент был только один палатный майордом Эброин, глава Нейстрии. Другие два королевства, лишенные собственных королей и майордомов, впали в анархию.

Эброин (656—681) ставил задачей, во-первых, укрепить королевскую власть, в которой видел единственное спасение разлагающегося общества. За эту идею он боролся с суровостью и настойчивостью, которые еще более обострились с удалением в монастырь[412] Батильды, которая несколько сдерживала его ужасную энергию. Второй задачей его было утверждение преобладания Нейстрии. Но не будучи в состоянии примирить Австразию с этим преобладанием, он вынужден был дать ей особого короля и особого майордома, Вульфоальда, лично преданного Эброину.

Тогда возмутились сеньоры Бургундии, руководимые Отенским епископом Леодегарием (св. Леже). Член знатной семьи, он был воспитан при дворе Хлотаря II, стал архидиаконом в Пуатье, аббатом обители св. Максенция (Saint-Maixent), епископом Отенским. Ему удалось установить порядок и спокойствие в этом беспокойном диоцезе, содействовать восстановлению и украшению его церквей и своей энергией и благотворительностью заслужить добрую славу. Это был опасный противник для Эброина. Когда последний постановил, что сеньоры Бургундии не являются ко двору короля без зова с его стороны, Леже протестовал громче других.

Когда после смерти Хлотаря III (673 г.) Эброин возводит на престол Теодориха III, без совета с бургундцами, Леодегарий организует восстание и призывает короля Австразии Хильдериха II. Эброин вынужден бежать в Люксейль. Его королю, Теодориху III, стригут волосы и ссылают в Сен-Дени. Леодегарий добивается указа, что каждое королевство должно сохранять свои законы и обычаи, что нельзя чиновников одного королевства посылать в другое; никто не должен, подобно Эброину, стремиться к тирании; майордомат может быть занимаем поочередно всеми знатными. Но, достигнув влиятельного положения, Леодегарий слишком покровительствует бургундцам. Вульфоад и сам Хильдерих отворачиваются от него и заставляют его искать прибежища в Люксейле. Но в этот момент Хильдерих убит одним знатным. Наступает общее смятение. Эброин и Леодегарий, примирившиеся было в монастыре, убегают оттуда. Изгнанники выходят из своих убежищ, «как весною змеи из пещер». На небе появляется комета, возвещающая царство Антихриста. Между соперниками снова начинается борьба, в которой Леодегарий переходит на сторону Теодориха, а Эброин возводит в короли открытого им Меровинга, чтобы вскоре снова покинуть его и примкнуть к Теодориху. Его армия осадила Отен, взяла в плен Леодегария, которому выкололи глаза и на соборе, созванном Эброином в Вильруа, обвинили в убийстве Хильдериха II. После многих мучений его предали смерти. Народ возвел его в мученики и святые, и его культ почти стал наравне с культом св. Мартина[413].

В этот момент выступает на сцену Пипин II, сын Ансегизела[414]. В 678 году он вместе с неким Мартином стоял во главе знатных Австразии. Не желая признавать власти Теодориха, они возмутились, пошли на Нейстрию, но были разбиты, и Пипин вынужден был вернуться в Австразию. Год спустя Эброин был убит. Он погиб, потому что хотел привести к послушанию людей, желавших жить в независимости и анархии. Тогда в Нейстрии наступила реакция. Новый майордом,

Варатон, мирится с Пипином, который признает Теодориха III. При жизни Варатона отношения Австразии и Нейстрии оставались дружескими, но после его смерти в Нейстрии начались разногласия, и часть сеньоров избрала майордомом Бертерия, а другая — обратилась к Пипину и объявила себя «его людьми». Пипин пошел на Нейстрию. У местечка Тетри, близ Сен-Кантена, произошла битва, в которой Бертерий был убит. Пипин был признан майордомом всего королевства.

Тетри не был победой германцев востока над романами запада, ибо Пипин имел союзников и в Нейстрии. Это была победа аристократии над королем, победа, которой, однако, воспользуется одна семья, чтобы восстановить в свою пользу эту самую королевскую власть и спасти единство королевства. Сделав наследственным майордомат, она затем будет стремиться выше. Битва при Тетри означает конец меровингской и начало каролингской династии.

III. Принципат Пипина II (687—714)

Пипин II, властелин Галлии, продолжал держать при себе короля. При нем на троне сменился ряд государей, имена которых бесполезно называть, и которые служили только для датирования дипломов. При жизни своей Пипин дал старшему сыну, Дрогону, Шампанское герцогство и предназначил его будущим майордомом Австразии. Младшему, Гримоальду, он отдал майордомат в Нейстрии. После их смерти он передал майордомат их детям, под опекой жены своей Плектруды. Но у Пипина был третий сын от другой жены, который отнимет у племянников отцовское наследство. Его звали Карл, что значит смелый. «Это имя, — замечает продолжатель Фредегара, — подходило к человеку». С ним открывается великое будущее семьи австразийских майордомов.

Майордомат Пипина II был не бесславен. Он отнял часть земель у фризов, которых объединил было под своей властью Радбод. Связь с новыми подданными была закреплена браком сына Пипина Гримоальда с дочерью Радбода и проповедью христианства в их стране. Дело миссии начал Виллиброд, который построил церковь в Утрехте. Пипин подчинил также аламаннов вокруг Констанцского озера, снова покорил баваров, и в их страну прошел с проповедью миссионер Руперт, который и построил церковь в Зальцбурге. В то же время св. Килиан проповедовал во Франконии и кончил мученической смертью в окрестностях Вюрцбурга. Постепенно север обращался к христианству. Только саксы оставались верны идолам[415]. Так за воинами Пипина шли миссионеры, и религия была орудием его власти. Он основал монастыри в Эхтернахе и Систерне, он облагодетельствовал обитель св. Апостолов у Меца, где покоилось тело его предка Арнульфа, обитель св. Вандрегизила (Saint-Wandrille) у Руана, св. Ванния у Вердена и т. д. Он хотел созвать в Галлии соборы для реформы церкви. Во всех этих отношениях он бросил семя, жатву которого соберут Карл Мартел, Пипин Короткий и Карл Великий.

ГЛАВА IV
УЧРЕЖДЕНИЯ МЕРОВИНГСКОЙ ЭПОХИ

I. Король и центральная администрация. — II. Местная администрация. — III. Юстиция, налоги, военная служба. — IV. Положение лиц, коммендация. — V. Положение городов, деревень и вилл. Иммунитет.

I. Король и центральная администрация[416]

Королевская власть Меровингов не похожа на ту, неопределенную и временную, которую описал нам Тацит, ни на то простое военное командование, которое характеризует дружинных вождей III — IV веков. Сохранив, правда, некоторые германские черты, она много заимствовала от римской императорской власти. Это — новое учреждение, идущее и из Германии, и из Рима, освященное христианством и приспособленное к окружающей его действительности. Она растет среди войн и мятежей, а потом снова начнет падать вследствие усиления аристократии.

Королевская власть наследственна, все сыновья в равной мере имеют права на нее, и делят ее по личному соглашению[417]. Дочери, как не могущие командовать армиями, устранены от этого раздела. Только в исключительных случаях короля избирают знатные, поднимая его на щиты. В случае обычного наследования — вступление королей во власть совершалось без особой церемонии. При Меровингах не было помазания. После вступления короли обыкновенно объезжали царство и принимали клятву верности от подданных (так наз. leudesamio, совершавшуюся на святынях, мощах и т. п.). Малолетние короли ставились под опеку ближайшего родственника — дяди или матери; об их воспитании заботился так называемый nutricius (воспитатель). В 12 или 15 лет они провозглашались совершеннолетними и правили от своего имени. Иногда короли разделяют власть с сыновьями и поручают им часть государства[418]. Мы знаем, что Брунгильда, Эброин пытались уничтожить разделы, но тщетно. На государство продолжали смотреть, как на вотчину.

Короли носят длинные волосы. Их остригают, когда короля хотят лишить царства. Другой эмблемой короля является копье. В остальном он заимствует костюм у римских и византийских императоров. Так, Хлодвиг носил пурпурную тунику и диадему. Дагоберт принимал аудиенции, сидя на золотом троне[419]. Короля именуют Sublimitas vestra (ваше величество), Excellentia vestra (Ваше превосходство), сам он говорит о себе Clementia nostra. Люди королевства называются его подданными — subjecti; сам он именуется dominus — господин[420].

У королей есть столица. Но обыкновенно они живут в какой-нибудь любимой вилле со слугами и антрустионами. В одной из комнат виллы заперта

сокровищница, содержащая слитки золота, разнообразные монеты, драгоценные камни, шелковые пурпурные одеяния. Знаменитейшими были виллы Берни-Ривьер у Суасена, Мале-ле-Руа у Санса, Марленгейм в Эльзасе[421].

Вокруг вилл раскидываются огромные леса. Король охотится с увлечением, пирует без меры. Впрочем, он склонен и к более возвышенным наслаждениям: он имеет при себе поэтов, воспевающих ему хвалы[422]. Вспомним Фортуната с его Амурами и Венерами. Варвары любят эти мифологические декорации. Им льстят сравнения с библейскими королями и римскими императорами. «Ваше долготерпение достойно удивления, — говорит Фортунат Хариберту, — ваше милосердие равно милосердию Давида, вы судите с мудростью Соломона, ваше благочестие напоминает Траяна».

Король имеет равную власть над франками и галло-римлянами. Быть может, вначале он правил ими на разных основаниях, но вскоре это различие исчезло, и он властвует над всеми одинаково, по праву завоевания.

Он издает и исправляет старые обычаи варварских племен; не создавая их заново, он один имеет право их кодифицировать и своей санкцией придает им новую силу. Он уничтожает или смягчает обычаи, противные христианским предписаниям. Наряду с этими, особыми для каждого племени законами, он издает общие для всех эдикты.

Он — верховный судья. Суд является главной его функцией. В его отправлении он может преступить обычные правила, и в интересах государства и своих собственных, предать смерти опасных людей. Сам он не судится никем, кроме Бога. «Если ты, — говорит Григорий Турский, — нарушаешь правосудие, кто тебя покарает?.. Ты слушаешь нас, если хочешь, если не хочешь — кто осудит тебя, кроме Того, Кто сказал, что Он есть правосудие?»

Король созывает армию, когда ему бывает угодно, объявляет войну и мир и руководит военными операциями. Если он иногда советуется с воинами, то только по своей доброй воле.

Он собирает налоги и устанавливает новые, посылает посольства. Таким образом, в его руках все силы государства, и Церковь освящает его власть. Она проповедует, что эта власть исходит от Бога, что король — исполнитель Его воли. Поэтому, король властвует и над Церковью. Он созывает соборы и назначает епископов.

Повеления короля называются banni. Кто нарушит их, платит 60 солидов, если он не выплачивает их, его ставят вне закона.

Таковы в теории права короля. Но очень рано заговоры епископов и сеньоров принудят его к самоограничениям в их пользу. Так как, однако, уступки вынуждены, а не добровольны, то в эту переходную пору трудно уловить какие бы то ни было принципы управления, и на власть Меровингов приходится смотреть, как на «деспотизм, ограниченный убийством». В общем власть королей падает, а власть аристократии растет, и наступит день, когда одна знатная семья станет на место династии Меровея.

Утверждали, будто король опирался в своем управлении на правильные собрания. Мы не находим никаких следов подобных собраний при первых Меровингах[423]. Время от времени мы видим, что во время похода сеньоры сговариваются и навязывают свою волю королю, но это — насилие взбунтовавшейся армии, а не правильные собрания. Иногда король собирает для обсуждения определенных вопросов нечто вроде комиссии из дворцовых или местных чиновников, епископов, преданных сеньоров. Существуют соборы епископов, но и они созываются только с согласия короля, и их каноны получают законную силу с его санкции. Настоящие собрания, состоящие из светских и духовных магнатов, появляются только при последних Меровингах. При Дагоберте мы видим отдельные собрания в Нейстрии, Австразии и Бургундии[424].

Вынужденная считаться с ними, королевская власть перестала быть абсолютной. Она совещалась с ними об общих делах, налогах, выборе майордомов, утверждала по их просьбе привилегии, узурпированные сеньорами. Когда австразийские майордомы восстановили единство, они сохранили этот обычай, оставив только одно общее для всего королевства собрание, которое созывалось 1-го марта, откуда название Мартовского поля[425].

Королю в управлении помогают чиновники. Они дают ему советы, принимают и исполняют его приказания. Невозможно установить различие между домашними службами, имеющими в виду личность короля, и государственными должностями. Король избирает своих слуг, откуда ему угодно, — чаще из свободных людей, но также и из отпущенников и рабов.

Государственными должностями по преимуществу можно считать должности тех, кого именуют referendarii (референдарии) и comites palatii (дворцовые графы). Первые редактируют и подписывают королевские дипломы, прилагают к ним печать, находящуюся у них на хранении, хранят архивы. Под началом у них находятся scribae (писцы) и cancellarii. Референдариев бывает несколько зараз; на этих местах в меровингскую эпоху мы обыкновенно находим светских людей. Дворцовым графам, которых несколько, поручаются преимущественно судебные функции. Они присутствуют при судебных приговорах, постановляемых при дворе, руководят судебными поединками, следят за соблюдением формальностей процедуры и приговора и ответственны за его исполнение. Но и референдарии, и дворцовые графы исполняют сверх того разные миссии: командуют армиями, заведуют налогами и т. д.[426] Всякий, пользующийся доверием короля, может быть употреблен им для любого дела.

Другие должности имеют скорее домашний характер. Cubicularii (спальники) и thesaurarii (казначеи) заведуют сокровищем короля, имея под началом camerarii. Они обязаны также хранить реестры налогов и возобновлять кадастр. Senescalci — сенешалы заведуют дворцовой челядью и поддерживают в ней дисциплину. Часто они заседают в трибунале короля. Marescalci (маршалы), имеющие под началом comites stabuli (коннетаблей), заведуют конюшнями. Princeps pincernarum, глава виночерпиев, заведует кухней. Ниже стоят — mapparius,

подающий королю утиральник, spatarius, носящий перед ним меч. Король имеет частную капеллу, в которой служит большое число клириков. Он имеет докторов, певцов, музыкантов.

Как нам известно, один из этих дворцовых слуг в конце VI и начале VII века занял первое место. Это major domus, майордом[427]. Не раз ставился вопрос, — римского или германского происхождения эта должность. Майордома связывали поочередно с римским praepositus sacri cubiculi, с magister officorum palatinorum и с германским senescalcus. По-видимому, все это неверно, и майордомат приходится считать учреждением меровингской эпохи. Собственник, не не готовый лично сам следить за эксплуатацией полей, ставил управляющего, который, часто сам будучи сервом, заведовал работой сервов. Он назывался major (глава). Если имений было несколько, то над ними назначался главный управитель, major domus (глава дома). Все крупные сеньоры имели своего майордома[428]. Major domus regiae (глава королевского дома), майордом — major palatii (глава дворца), естественно, получил исключительное значение. Он ведал порядком во всем дворца. В этом качестве он имел судебные полномочия над всеми живущими там. Вскоре его функции еще больше расширились: в случае малолетства короля он, в качестве nutricius, заведует его воспитанием и играет роль первого министра, которую старается сохранить и после совершеннолетия короля. Герцоги и графы, являющиеся ко двору, становятся ему подвластны, и постепенно он привыкает посылать им распоряжения в их герцогства и графства, вмешиваться в их назначение, высказывать им порицания, смещать их. Так как вся администрация сосредоточивается во дворце, то глава дворца становится главой администрации. Он следит за сохранностью королевского домена и возвращает в фиск узурпированные его части. Он заведует сбором налогов и вмешивается в суд. В отсутствии короля он председательствует в его трибунале. Он командует армией. Ему король поручает лиц, коммендировавшихся ему и ставших под особое покровительство короля. Цепь коммендировавшихся замыкается майордомом. В VII веке он станет главой социальной иерархии, подготовляющей феодальный строй.

Майордом назначается и смещается королем, но вскоре король принужден будет делать это с совета знати, и майордом становится также ее представителем, воплощая в себе, таким образом, некоторое противоречие[429]. Представитель короля и глава знати, он, в конце концов, стремится стать на место и того и других. При Григории Турском (VI в.) майордомат еще незначительная должность. Во времена так называемого Фредегара (начало VII в.) майордом занимает первое место после короля, а в годы, когда писал автор «Книги истории Франков» (Liber historiae Francorum) (начало VIII в.) майордом стоит впереди короля.

Двор короля многочислен. Он состоит из дворцовых чиновников, клириков капеллы короля. Часто туда вступают юные дети сеньоров, «коммендированные» какому-нибудь чиновнику, под руководством которого изучают военные и гражданские порядки[430]. Их называют nutricii — вскормленники короля,

нечто вроде пажей, которые выросши, будут призваны на высшие должности. Во дворец являются герцоги и графы по делам своей должности; выйдя в отставку, они в нем поселяются — если были в милости у государя. Епископы часто оставляют диоцезы и живут у короля. Все эти лица называются optimates, proceres, leudes. Нелегкой задачей бывало дисциплинировать эту подчас шумную и буйную толпу.

Среди членов двора выделяются антрустионы[431], особенно связанные с королем, путем особой присяги, которую они приносили, явившись в оружии во дворец. Она гарантировала не только обычную верность, но и trustis — личную охрану короля. Антрустион есть телохранитель — наследник[432] прежнего германского дружинника, с той разницей, что теперь только один король имеет антрустионов. Они ограждаются тройным вергельдом, их судит только королевский трибунал. Государь часто дает им важные поручения. Они составляют корпорацию, связанную взаимной защитой: они не смеют свидетельствовать друг против друга, ни вчинять исков без соблюдения сложных формальностей. Сперва это были только свободные, преимущественно франки или галло-римляне, получившие звание convivae regia — сотрапезники короля. Потом этот институт стал доступен и отпущенникам, — pueri regis.

II. Местная администрация

Франкское королевство подразделялось на небольшие округа — pagi (паги)[433], сперва соответствовавшие римской civitas[434], а позднее — вследствие переделов государства — умножившиеся, особенно на севере.

Во главе пага стоял граф, comes[435], по-германски — grafio или graf. Его также называли judex — судья, или judex fiscalis — публичный судья, в противоположность судьям частных доменов. Граф назначался королем. Вот формула диплома назначения:

«Королевская милость достойна хвалы, если она считается с талантами и усердием своих чиновников и если, далекая от неосмотрительной передачи судебной власти, она вверяет ее тому, чью верность и талант она испытала. Зная твою верность и ревность, мы вверяем тебе в (таком-то) паге должность графа, которую твой предшественник (такой-то) выполнял до сего дня, с тем, чтобы ты хранил к нам испытанную верность; чтобы ты правил всеми, кто живет в паге — франками, римлянами, бургундами и другими народами; чтобы ты судил их по их законам и обычаям; чтобы ты был защитником вдов и сирот; чтобы ты строго карал преступления воров и злодеев; чтобы народу, счастливо живя под твоим управлением, пребывали в мире; наконец, чтобы ежегодно ты приносил в нашу казну то, что фиск в праве ожидать от твоей службы».

Король назначает графа из любого общественного класса и из любой национальности[436], но положение 614 г. (см. стр. 362) обязало короля выбирать их из крупных собственников, чтобы в случае худого ведения дел могло быть

конфисковано их имение. Из этого вышло, что крупный собственник-граф, облеченный государственной властью и силой богатства, начинал не слушаться короля.

Личность графа охраняется тройным вергельдом. Он не получает жалованья, но живет на доходы с королевских вилл, назначенных для этой цели. С течением времени он начнет смешивать эти земли фиска со своими собственными. Затем он пользуется третью штрафов, налагаемых им, как судьей. Легко представить себе, что он будет стремиться всячески увеличивать эти штрафы. Во время поездок его принимают и кормят жители, и из этой тщательности, с какой определяется количество кушаний и услуг, видно, что здесь нередко бывали злоупотребления.

Функции его разнообразны. Он — судья своего округа, имеющий собственный трибунал и уполномоченный председательствовать в низших трибуналах. Не ожидая иска со стороны потерпевших, он задерживает преступника, привлекает его к своему суду или посылает в суд короля. Он имеет отряд ликторов или трибунов[437], или пользуется ассоциациями свободных людей — centenae, которые как бы ставят задачей поддержание порядка. Он защищает вдов, сирот и вообще всех тех, кто, по положению или в силу специального диплома, поставлен под mundeburdis (покровительство) короля. Он организует общественную помощь. Он собирает налоги и ежегодно вносит их в королевскую казну. Таким образом, он сочетает все власти.

Внутри каждого пага король имел известное число доменов, кроме тех, доходы с которых уступлены графу. Ими заведовал особый чиновник — domesticus.

В помощь себе графы назначали викариев, причем последние либо действовали вместе с графом, либо заменяли его во время его отсутствия, либо получали в управление особую часть графства. Впоследствии эта третья форма возобладала; образовались округи пага — викариаты, и викарий слился с тунгином[438] Салической Правды.

Иногда выше графов короли ставили герцогов. Герцогство, как правило, не было постоянным учреждением: оно появлялось и исчезало вместе с условиями, вызвавшими его возникновение, но были и постоянные герцогства, например Шампанское, включавшее три графства. В VII веке появился ряд герцогств на востоке, как Эльзас[439]. В Бургундии герцоги носили титул патрициев. Правитель, заведовавший частью Прованса, которая входила в Австразию, назывался «ректор».

По ту сторону Рейна герцоги стали национальными вождями, слабо связанными франкским владычеством и часто взаимно враждовавшими. Таковы герцогства Аламания, Бавария, Тюрингия, герцогство фризов, федерацией которых долго была Германия.

Эти всевластные чиновники часто становились настоящими тиранами: они торговали приговорами, взимали незаконные поборы, удовлетворяя личной мести. У Григория Турского выведен ряд таких типов: один «захватывает

чужое добро» и позволяет своим сервам воровать и убивать, другой «настолько жаден, что похищает церковное имущество», третий «публично оскорбляет епископа», четвертый «забрал во всех домах все припасы, сено и вино, какое мог найти... не дожидаясь ключей, он ломал двери, он пытал и предал смерти множество жителей».

Среди этих насильников особенно популярна фигура Левдаста. Королевский раб, сперва поваренок, потом булочник короля Хариберта, «перешедший от песта к квашне», клейменный в ухо за попытку бежать, он внезапно делается любимцем жены Хариберта. Она освободила его, сделала начальником своей конюшни, а после ее смерти он стал королевским конюшим, а затем графом Тура. Желая приобрести состояние, он женился на дочери местного богача. Он начал ряд процессов против богачей и обложил их огромными штрафами, грабил церковное имущество и скопил в своем доме множество золота и драгоценностей. Надменный с мужчинами, он не щадил ни одной женщины, и Тур был полон молвой о его жестокостях и разврате. Со смертью Хариберта Тур перешел было к Сигеберту, и Левдаст искал приюта в царстве Хильпериха, но потом Тур достался последнему, и прежний раб опять получил свою должность. На публичных аудиенциях он зажимал рот подсудимым, а если толпа выражала им симпатию, изрыгал грубые ругательства. Он приказывал приводить к себе священников в ручных кандалах, бил палкой свободных людей. Неудивительно, что «граф» вступил в конфликт с епископом Тура, Григорием. Он входил в епископский дом не иначе, как в кирасе, шлеме и с копьем. Жители, наконец, пожаловались Хильпериху. Послан был для расследования королевский посланец (missus) Ансовальд. Левдаста сместили и заменили Евномием, избранником Григория и народа. Но Левдаст решил отомстить, и обвинил Григория в оклеветании Фредегонды. Однако это обвинение обратилось на него самого, и королева велела его схватить. Его привязали за шею к столбу и били железным прутом, пока он не испустил дыхания. В конце концов, Левдаст был не хуже других. У Григория Турского мы не находим ни одного честного графа. Правда, Фортунат восхваляет кротость, милость и образованность некоторых из них, но можно ли верить панегирикам этого поэта-паразита, восхвалявшего самого Хильпериха?

Чтобы положить конец этим злоупотреблениям, короли посылали в провинцию посланцев (missi). Однако они не являлись правильным учреждением, как при Карле Великом, а делегировались для отдельных поручений (например, Ансовальд), и в конце концов, были бессильны. Население оставалось беззащитным против произвола графов, и сильные люди искали всяких средств освободиться от их власти. Им удавалось добиться того, что король запрещал графу вступаться в их земли и разрешал сноситься прямо с собою. В этом своеобразном явлении конца меровингской эпохи уже лежит один из зародышей феодализма.

III. Юстиция, налоги, военная служба

Король издает законы, вершит суд, собирает налоги и армии.

Меровингские короли не стремились устанавливать единство закона. Они оставляли каждому народу его собственное право. Римляне судились по римским законам, собственно по компиляции, сделанной в вестготском королевстве и называвшейся Breviarium Alarici (Бревиарий Алариха). Так как к югу от Луары преобладало римское население, то римское право удержалось более всего здесь. Что касается германцев, их обычаи были также записаны, по повелению короля. Салическая Правда в ее древнейшей редакции восходит к царствованию Хлодвига. Бургунды и вестготы имели свои законы в момент франкского завоевания. Рипуарская Правда в древнейших своих частях — позже царствования Хлодвига. Аламаннская, по-видимому, не старше начала, а Баварская — середины VIII века. Саксонская и Тюрингская еще моложе[440]. Эти судебные сборники — не законодательные кодексы. В них нет плана, далеко не все житейские отношения предусмотрены, это скорее правила судебной процедуры и тарифы штрафов.

Между этими варварскими Правдами есть отличия: в Правдах Вестготской и Бургундской римское влияние чувствуется очень сильно. Другую родственную группу составляют — Салическая, Рипуарская, Баварская и Аламаннская Правда. Салическая Правда, как закон народа-победителя, господствует над остальными. При всяком пересмотре других законов, их сопоставляли и сближали с Салической Правдой.

В VI веке существуют два рода трибуналов[441]: in palatio — т. е. трибунал короля, и in pago — т. е. трибунал графа. Кроме того, вне всякой апелляции, король имеет над своим народом право жизни и смерти. Одна статья Аламаннской Правды объявляет безнаказанным того, кто совершает убийство по его повелению. Король, когда ему то угодно, созывает собрания, в которых вершит суд. Он объезжает свое царство, призывает к себе население, выслушивает жалобы и судит представленные ему дела.

Постоянный трибунал заседает в одной из королевских вилл. До нас дошли 19 приговоров, данных в Компьени, Валансьенне, Керси, Сен-Клу и т. д. Заседания происходят в определенные, заранее известные дни. В принципе, в них председательствует король. Приговоры обыкновенно гласят: «Когда мы заседали в нашем дворце, в (такой-то) вилле, чтобы выслушивать процессы всех и завершить их справедливыми приговорами, такой-то предстал пред нами...». Произнесенный королем приговор пишется в форме обыкновенного королевского диплома, снабженного королевской печатью и засвидетельствованного референдарием. Но часто присутствие короля является только фиктивным: все дошедшие до нас приговоры произнесены в малолетство королей: их заменяет в суде какой-нибудь крупный дворцовый чиновник, и эту прерогативу рано захватили палатные майордомы.

Король или его заместитель судит в присутствии «аудиторов», число которых меняется. В дошедших до нас документах их указано то 12, то 21, то 51. Аудиторы избирались из епископов, графов, domestici, optimates, находящихся во дворце. Они назначались специально на каждую сессию, причем старались выбирать людей с некоторыми юридическими познаниями. Среди них уже отмечаются настоящие практики, legis doctores. Присутствие дворцового графа необходимо.

Компетенция королевского трибунала всеобъемлюща, но некоторые случаи специально отнесены к его ведению, в зависимости от лиц или от предмета процесса. Дворцовые служащие, высшие чиновники и люди, состоящие под специальным mundeburdis (покровительством) короля, судятся только королевским трибуналом. Он судит также преступления об оскорблении величества и дела, где затронуты интересы фиска. Он принимает апелляцию на приговоры графского трибунала и вмешивается в юридические акты добровольного характера, как освобождение раба «посредством денария», взаимное дарение имущества супругами, утверждение продаж.

В паге граф имеет приблизительно те же судебные полномочия, как и король в королевстве: он имеет право без суда предать смерти преступников, пойманных на месте преступления, преследует воров и разбойников и немедленно наказывает их. Он объезжает свое графство, принимает жалобы, вершит суд, не будучи подчинен обязательству строгого соблюдения процедуры, но как и король, он имеет постоянный трибунал — mall, mallberg или placitum. Викарии также имеют трибуналы, ведающие меньшие дела[442].

В общем правиле, mall собирался в определенные сроки в главном месте пага или викариата. Граф и викарий судили в присутствии заседателей, которые вмешивались в дебаты и участвовали в приговоре. Это rachimburgi (рахимбурги), boni homines (добрые люди), boni viri (добрые мужи), число которых меняется, но как минимум состоит из семи. Рахимбурги назначались на каждую сессию, как в наше время присяжные. Из них избирали группы для определенных дел. Их избирали из видных лиц, seniores, как называет их Григорий. Среди них бывали и клирики.

Не следует думать, будто эти суды обеспечили правосудие и порядок в королевстве франков. Они пытались заменить законным производством частную месть, но им это не удавалось[443]. У Григория Турского рассказано немало примеров частных войн. Епископ верденский, Дезидерий, обвинен был перед королем Теодорихом неким Сирвальдом. По смерти епископа, его сын, чтобы отомстить Сирвальду, собирает отряд, нападает на жилище Сирвальда и убивает кого-то, приняв его за хозяина. Заметив свою ошибку, он возвращается в дом и возобновляет нападение: сквозь пролом в стене он проникает в комнату Сирвальда и умерщвляет его. Соперничество Сихера и Храмнезинда при Григории Турском затопило кровью Тур и причинило много хлопот прелату. Несмотря на вмешательство графа и Григория, обе семьи совершили массу злодеяний, пока Храмнезинд не убил Сихера, обнажил его труп и повесил его на кол своего забора[444].

В Париже одна женщина обвинена в прелюбодеянии. Семья ее и ее мужа собирается в базилике Сен-Дени, и отец утверждает ее невинность. Но противная партия объявляет это клятвопреступлением. С обеих сторон извлекают мечи, и враги бьются у самого алтаря. Базилика залита кровью, стрелы вонзаются в гробницу святого. Против всех этих самоуправств закон бессилен. Частные лица продолжают прибегать к насилию и творить расправу самочинно.

Государственные расходы были не слишком значительны. Чиновники не получали жалованья; армия, как увидим, ничего не стоила государству; суд был только источником доходов; школы оставались на попечении духовенства. Сеть римских дорог поддерживалась посредством барщин. Правда, короли одаряют духовенство, строят церкви, выкупают пленных, но это все исключительные расходы; правильные расходы сводятся к содержанию короля с его двором, а это стоит немало, в виду роскоши двора и огромной свиты. Но в общем, доходы превышают расходы, и понятно, что короли допустили постепенный упадок финансовой системы, установившейся в Галлии до завоевания, и что им трудно было поддержать ее.

У королевской власти есть обычные и экстренные ресурсы: королю достается доля военной добычи, он получает большие суммы за союз[445] от иностранных государей, дань от покоренных народов, дары частных лиц, подносимые за какую-нибудь милость, или ради получения должности. Никто не получит графства или епископства, если он приходит с пустыми руками. На собрания конца меровингской эпохи сеньоры приносят королю dona (дары) или inferenda, сперва добровольные, потом они становятся обязательными. В путешествиях своих король живет за счет подданных. Его проезд — разорение для страны: несколько дней, проведенных Хильперихом в Париже, дорого стоили городу. Король прибегает к подобной реквизиции и для членов своей семьи. Когда Хильперих выдает свою дочь Ригонту за вестготского принца, франки дают ему золото, серебро, коней, одежды. Принцесса увозит 50 повозок, нагруженных сокровищами. За собой он ведет много рабских семейств, оторванных от родины. По дороге жители должны принимать всю эту свиту. Свадебный поезд грабит жилища бедняков, опустошает виноградники, уводит стада.

Правильные доходы король получает со своих обширных доменов. В момент завоевания он захватил именья римского государства и все пустующие земли. Он стал собственником многочисленных вилл на всем пространстве Галлии. Эта собственность еще увеличилась покупками, менами и особенно — судебными конфискациями.

Римские налоги не совсем исчезли, но доходность их уменьшилась[446]. В меровингскую эпоху мы находим ряд косвенных налогов, обозначаемых общим именем teloneus, от лат. teloneum — канцелярия сборщика. Они платятся с товаров, входящих и исходящих через прежние таможенные пункты: Марсель, Тулон, Фоз, Арль, Авиньон, Сорг, Валанс, Вьенн, Лион, Шалон-на-Соне. Король получает сборы и с товаров, выставленных на известных ярмарках, проходящих по

большим дорогам и мостам, по воде, с тех, которые выгружаются в порту или на площади. Отданные на откуп телонеариям (telonearii), они приносят мало дохода королю; они приобретут большое значение в феодальную эпоху, когда их будут эксплуатировать сеньоры.

Другие косвенные налоги свойственны именно меровингской эпохе. Это — fredus, третья доля штрафа за убитого, идущая в пользу государства[447]. Если государство преследует по своей инициативе виновного, оно получает всю «композицию». Король получает штраф в 60 солидов, в случае нарушения его приказа, и часть штрафа, уплачиваемого при разрыве какого бы то ни было контракта, заключенного за его ручательством.

Большинство прежних прямых налогов исчезло, но несвободные продолжали платить capitatio humana (поголовный налог). Их имена заносились в особые реестры — полиптихи. Потому-то сервам продолжали запрещать вступление в духовное звание, так как в этом случае они избавлялись от налога. Когда при Хильперихе граф парижский Одон хотел собирать capitatio со свободных франков, население возмутилось, и дом графа был сожжен. Впрочем, при плохом состоянии записей, большое число сервов ускользало от налога. Королева Батильда даже запретила было собирать поголовный налог, так как родители предпочитали убивать детей, нежели платить за них.

То же можно сказать о поземельном налоге — capitatio terrena. Такой налог справедлив только при тщательном ведении кадастров, а меровингское правительство возобновляло их очень редко. В Клермон-Ферране перестали собирать его, «потому что, при смене поколений владения разбились на небольшие участки». Только время от времени короли предпринимали ревизию, и тогда действовали беспощадно. В 579 году Хильперих обложил амфорой вина десятину виноградника. Отчаяние было всеобщее. Многие бежали в соседние королевства. В Лиможе толпа сожгла новые реестры, и в наказание многих предали смерти.

Но Хильпериха постигла божья кара. Его дети тяжко занемогли. Тогда королева сказала мужу: «Мы уже потеряли детей, а теперь слезы бедных, стоны вдов и сирот причинят смерть остальным. К чему переполнены вином наши погреба, к чему ломятся под тяжестью хлеба наши амбары? Мы копим, не зная, для кого. Сожжем эти реестры, и пусть наш фиск довольствуется тем, чем довольствовался король Хлодвиг». И реестры были брошены в огонь.

Вскоре возобновление кадастра стало технически невозможным для этой тяжеловесной администрации, а с кадастром и налог исчез или вернее преобразился. Он остался по традиции на некоторых землях и ассимилировался простому цензу.

Иногда короли прощают налог. Чаще всего они отказываются на срок от сборов с духовенства: но эта льгота становится вечной и распространяется на город. Хлотарь I, в уважение к св. Мартину, сжигает турские кадастры. Когда его преемники хотят их возобновить, епископы Ефрон и Григорий отстаивают эту льготу, как привилегию города. Мы увидим, как впоследствии иммунитетной хартией короли

откажутся от сбора налога на землях иммунистов. Так исчезает постепенно римская система, заменяясь другой, которая организуется к эпохе Карла Великого.

В монетном деле[448] сперва короли ограничивались воспроизведением императорских денежных знаков, на которых гравировали имя и изображение царствовавшего императора. Они не признавали себя подданными Византии, но они руководились экономическими соображениями и интересами фиска: только императорские монеты обращались свободно всюду. Теодеберт первый поставил свое имя на золотом солиде, но долго еще монеты с меровингскими эмблемами были исключением.

В середине VII века изображение императора или короля совершенно исчезает с монет. На них читается только обозначение цены и название места чеканки. Таким путем собрано до 800 названий мест, среди которых попадаются имена простых ферм. Разнообразно объясняли эту удивительную многоименность. Нам кажется наиболее правдоподобным следующее объяснение: сборщики налога принимали в уплату всевозможные монеты — устаревшие и иностранные, слитки золота и даже драгоценности. Вероятно, они тут же на месте перечеканивали эти вещи и выбивали на них место и обозначение цены. В общем, к концу меровингской эпохи число монет сильно уменьшилось.

Обычной монетой был солид и 1/3 солида, triens, — оба золотые. Ходили также серебряные денарии = 1/40 солида. Бронзовые монеты редки: множество мелкой монеты, оставшейся от Империи, было достаточно для обмена.

Франкские короли не имели постоянной армии[449]. Существовало только несколько небольших отрядов, дольше других остававшихся под оружием: антрустионы образовали постоянную гвардию, да на границах подолгу стояли гарнизоны — scarae (schaaren), следившие за неприятелем. В общем же, армия созывалась отдельно для каждого похода, в силу королевского бана. Это войско носит имя hastis-astis (откуда французское ast). Королевский призыв, heribann (heer — армия) обращается обыкновенно в марте или мае к герцогам, графам и другим начальникам, которые затем призывали всех обязанных службой.

Армией командует король, или принц его семьи, или высший чиновник: референдарий, коннетабль. С VII века во главе армии всегда стоит майордом.

Герцоги, приведшие воинов своего герцогства, останутся во главе их; графы с людьми своего пага становятся к ним под начало. С развитием обычая коммендации, коммендировавшиеся идут под началом своих патронов. Так создались военные группы в графствах и герцогствах, сыгравшие важную роль в образовании феодального строя. Армия была на походе столько времени, сколько было нужно; чаще всего, впрочем, ее распускали к зиме.

Часто короли созывали войско не всей страны, а только ближайших к театру войны городов: армии, сражающиеся с германцами, обыкновенно набираются только на Рейне.

Военная служба лежит преимущественно на определенных категориях лиц: во-первых, на прежних foederati (федератах); они составляют военные колонии,

прежде всего обязанные отозваться на heribann (королевский призыв). Например, бургунды, образовавшие военные поселения в римской Империи, и под владычеством франков, часто целиком составляли армии, ходившие на Италию. Франки также в начале все были солдатами, и на них ближайшим образом ложилась военная служба. Только при внуках Хлодвига в армию стали вербовать и галло-римлян.

Галло-римляне начинают, в качестве отдельных лиц, вступать в военную службу ради выгод, которые дает война, но прослужив однажды, они тем самым обязывают и себя и детей всегда отзываться на heribann (королевский призыв). Часто герцоги и графы принуждают галло-римлян к службе, создавая таким образом прецедент. Когда серьезная опасность грозит королевству, все свободные люди берутся за оружие. Так мало-помалу галло-римляне подчиняются общему обязательству военной службы, и разница между ними и франками исчезает. Предполагается, что всякий здоровый человек должен служить, раз служил его отец; но в конце концов, с налогом крови происходит то же, что с денежным: одни подчиняются ему, другие от него ускользают. Право и долг, — военная служба связывается со свободным состоянием[450] и определяется обычаем. Она — вплоть до Карла Великого, не связана с богатством или бедностью. Даже matricularii — нищие, живущие под покровительством Церкви, должны служить в войске.

На походе экипировка и содержание ложится на самих воинов. На дружественной территории они имели право на жилище для себя и траву для коней. На деле они жили грабежом. Во вражеской стране они имеют право на добычу и, соблазняемые ею, многие охотно шли на войну. В продолжение похода воины были ограждены тройным вергельдом, а по возвращении часто получали землю от короля. Эти импровизированные армии, конечно, были несплочены и плохо дисциплинированы. «Что делать, — отвечали вожди Гунтрамну, пытавшемуся остановить армию, которая бежала, бросив готам Каркассон, — никто не боится ни короля, ни герцога, ни графов. А если мы станем производить реформы, — вспыхнет бунт».

Смесь римских учреждений и варварских обычаев, — меровингские учреждения меняются все время под давлением людей и обстоятельств, вырабатываясь в строй, далекий от германского и еще более далекий от римского. Изучение меровингского общества даст нам возможность еще лучше уловить сущность совершающейся эволюции.

IV. Положение лиц и коммендация[451]

В меровингском обществе иерархия выражалась в разнице вергельда. Социальные классы разделялись преградой, которую нельзя было преступить иначе, как с разрешения публичной власти, после соблюдения ряда юридических формальностей.

Ниже всего стоит раб. Меровингский раб — преемник римского и германского. Рабство приросло к нему в силу рождения, «как мясо к костям». Эти

рабы — servi, mancipia были многочисленны, и рабство постоянно приобретало новый материал. После войны пленников продавали на рынке, среди них было много славян, и слово slavus (sclavus) — славянин, скоро заменило слово servus (раб). Торговля рабами представляла организованную коммерцию; особенно ценились молодые англосаксы (angli-angeli), покупавшиеся в Великобритании. Можно было стать рабом в случае неуплаты композиции, назначенной судом. Иногда в благодарность Богу за исцеление или для искупления грехов становились рабами церкви или монастыря. Новый раб склонял голову перед епископом или аббатом, и тот брал его за волосы в знак принятия.

Раб считался вещью, которую можно продать, завещать, дарить. У него нет собственности, он не вчиняет исков. Если он пострадал, за него требует и получает удовлетворение господин. Вергельд его незначителен: кто убьет или похитит раба (что считается однозначным), платит 30 солидов — как за кражу коня. За проступки раба отвечает господин. Он должен привести его на суд, который приговаривает раба к унизительным наказаниям: палочным ударам, отсечению члена, иногда (не за слишком даже важные проступки) — к смерти. Если раб бежал, государство предоставляет в распоряжение господина публичную силу. Укрывший его платит штраф.

В теории господин, как прежде, имеет над ним право жизни и смерти. Но Церковь провозгласила, что раб имеет бессмертную душу, и что господин отвечает за него перед Богом. Эпонский собор 517 года объявляет двухлетнее отлучение тому, кто убил раба, не осужденного на суде. Церковь объявляет законными благословенные ею союзы между рабами. Она рекомендует не разлучать мужа и жену, детей и родителей, продавать их только вместе. Так улучшалось положение раба, и нравы часто были лучше, нежели законы.

Часть рабов, привязанных к личной службе господина, vassi ad ministerium, жила в его доме. Одни из них были ремесленниками: поварами, столярами, ювелирами; другие учили детей хозяина чтению, письму и счету. Эти рабы ценились дороже других. «Если кто, — гласит Салическая Правда, — похитит или убьет vassum ad ministerium... — платит 45 солидов». Другие, принадлежащие к сельскому поместью, живут в хижинах с семьями и возделывают отведенный им участок земли. Это — servi casati или mansionarii. Хозяин получает с них значительное число повинностей и трудовых дней, и может в любой день прогнать их с участка и отнять дом. Но со временем обычай фиксировал число трудовых дней и цифру ценза, и хозяин понял, что в его же интересах было не сгонять серва с его участка. Таким образом, последний постепенно привязывается к почве, инкорпорируется в ту землю, собственником которой он со временем станет. Он может уже наживать peculium (пекулий) и на принадлежащие ему деньги приобретать имущество и даже рабов, сам оставаясь рабом.

Выходом из рабского состояния было отпущение на волю[452]. Раб мог купить свободу за свой пекулий. Часто его освобождал господин, надеясь заслужить милость Божию. Короли, когда у них рождался сын, давали свободу трем рабам

обоего пола в каждой из своих вилл. Отпущенник назывался латинским словом libertus или германским — lidus. Эти термины вполне синонимичны[453]. Он остается в подчинении у прежнего господина или его наследника. Он удерживает участок, который возделывает, будучи рабом, но этот участок получает теперь имя mansus lidilis (манс лида). За это держание он обязан повинностями и определенным числом рабочих дней. Если он умирает бездетным, его имущество переходит к прежнему господину. Закон запрещает похищать отпущенника от его патрона, также как раба от господина. Но лид может вчинять иски, вступать в договоры. Его вергельд выше рабского, хотя и ниже вергельда свободного человека. Иногда прежний хозяин отказывается и от своего права покровительства и делает лида вполне свободным человеком, равным или свободному франку, с вергельдом в 200 солидов, или civis romanus (римлянину), с вергельдом в 100 солидов В первом случае он должен освободить его «перед королем, per denarium» (через денарий): он ударяет раба по руке, из которой падает денарий и, таким образом, отказывается от всяких прав на него. Во втором случае акт освобождения совершается в церкви или простым письмом. Denarialis, как и romanus, становятся в некоторую зависимость от короля. Наследство его или его сына, в случае их бездетности, отходит к фиску. Только его внук может свободно распорядиться своим имуществом.

Выше раба и отпущенника стоит колон[454]. Колон — свободный человек. Его манз есть mansus ingenuilis, но он им не владеет: он привязан к нему и, если уйдет, может быть возвращен силой, «так как отец и мать его (как гласят формулы таких приговоров) были колонами...» этого господина. Так как много свободных людей под конец Империи попали в положение колонов, то класс этот был весьма многочислен, а обычай коммендации ввел в него новый контингент. Если колон не может покинуть своего манза, зато он не может быть с него согнан. Выполнив условные работы и повинности для господина, он может как хочет возделывать свой участок. В качестве ingenui он составляет переход между рабом и свободным, который «habet vias quadrati orbis apertas, nullo contradicente», — как гласит формула освобождения.

Не все свободные находятся в одинаковом положении. Принцип личного закона напоминал каждому его национальное происхождение. Салическая Правда оценивала эту разницу деньгами[455]. Но в повседневной жизни она все больше сглаживалась. Франки и галло-римляне занимали одни и те же места, на всех лежал налог, от всех требовалась военная служба. Франки старались подражать римской культуре, галло-римляне перенимали военные нравы франков, часто давали детям германские имена. Так создавалась смешанная, меровингская цивилизация, которую покрыло общее обоим народам христианство.

У франков в теории все свободные были равны. Быть может, вначале у них было несколько знатных семей (подобно пяти знатным семьям баваров), которые вследствие войн и междоусобий свелись к одной семье Меровея. Салическая Правда не знает градации в свободном состоянии.

Однако в меровингскую эпоху создается настоящая аристократия. Галло-римское общество знало несколько ступеней благородства **(см. стр. 260).** К этим рамкам приспособляется, несколько упрощая их, франкское общество. С исчезновением Империи, на потомков римских магнатов, еще владевших обширными доменами, не могли смотреть, как на просто свободных людей. Григорий Турский никогда не забывает напомнить, что тот или другой принадлежит к «сенаторскому классу». Из него преимущественно избирали епископов. Франки, получившие земли сервов, лидов и колонов, были приравнены к этому классу. После 614 года из его рядов стали назначать графов, герцогов и викариев. Уже ходячий язык различает proceres, potentes (могущественных), priores (старших), meliores (лучших) от plebs (плебса), minores (меньших), mediocres (простых), minoflendi (малых). Некоторые Правды различают эти классы по высоте вергельда. У аламаннов primi (первые) ценятся в 240 золотых солидов, mediocres (средние) — в 200, minofledi (малые) — в 160. Определенные социальные привычки, устанавливающиеся у известных групп, также будут способствовать кристаллизации аристократии.

В Риме, в Галлии и Германии всегда существовал обычай, что свободные, но слабые люди шли на службу и под покровительство сильных, отдавая часть своей свободы[456]. В Риме это называлось se commendare (вложить свою руку в руку другого). То же слово и обычай мы находим и у франков. В VI и VII веках многие коммендируются королю, становясь под его mundium, mundeburdis (покровительство), под его «слово» — in verbo regis, sub sermone tuitionis regiae (Собственно mundium означает рука, manus, но потом в нем стали видеть mund — уста и переводили через verbum, sermo). Сверх общеподданнической присяги они приносят личную и рассчитывают на особое покровительство короля. В эту личную клиентелу короля вступают епископы и аббаты, вместе со своими церквами и монастырями, молодые люди, воспитанные при дворе, чиновники, люди, получившие земли от короля, сироты, купцы, евреи. Все они имеют право (если хотят) судиться прямо в королевском трибунале; их имущество особо гарантируется королем. Они становятся его людьми, лейдами — Leute. Они вскоре составят главную силу короля.

Коммендируются не только королю, но и герцогу, графу, частному человеку — сильному и богатому. Коммендируются лицу, у которого взяли деньги или одежду, не рассчитывая отдать их. Вот одна из формул Сансского сборника.

«Брату моему (такому-то) я (такой-то). Известно, что меня гнетет тяжелая нужда и забота, мне нечем жить и не во что одеться. Поэтому в моей беде ты не отринул моей просьбы и дал мне денег и плащ, стоящий (столько-то). Я не могу вернуть тебе этих денег. Поэтому прошу тебя, возьми мою свободу, чтобы ты мог во всем поступать со мною так, как ты поступаешь со своими рабами: продать меня, выменять, подвергнуть дисциплине».

Чаще, однако, коммендирующийся обещает только послушание и службу (servitium), как свободный — ingenuili ordine. Коммендируются иногда для того, чтобы получить при помощи богатого человека чин, отличие, выиграть процесс

и т. п. Завязывающиеся, таким образом, отношения пожизненны: «я останусь все дни моей жизни в вашей власти», но силою вещей они тяготеют стать наследственными.

Коммендирующийся часто получает от своего патрона землю для прокормления. Иногда наоборот, слабый человек, обладающий клочком земли, отдает ее патрону, чтобы получить ее же в пользование под его покровительством. Так, рядом с сервом, отпущенником и колоном, становится коммендировавший себя свободный человек. Это дарование земли сперва есть лишь дополнительный договор. Суть его лежит в личной связи, но с течением времени на место связи человека с человеком, станет реальная связь земли с землей.

Покровитель (уже в меровингскую эпоху) принимает имя senior (сеньор), покровительствуемый именуется его leudus, gasindus, а затем, в VII веке, он все чаще называется vassus (вассал). (Vassus Салической Правды означал раба, привязанного к личной службе господину.) Наступит пора, когда все крупные сеньоры Франции будут именоваться vassi короля.

В каждом графстве сеньоры группировали вокруг себя более или менее значительное число вассалов. Эти сеньоры признавали, в качестве верховного, местного графа, который в своем паге стал как бы сеньором сеньоров. Сами графы с их собственными вассалами и их pagenses (жителями пага) группировались вокруг герцогов, где последние имелись, и вся цепь заканчивалась королем. Эти отношения пока еще частные; закон их не признает. Но учреждение коммендации получит все больше силы, сливаясь с учреждением бенефиция. Иерархия лиц будут соответствовать иерархии земель. Тогда понятие государства окончательно затмится. Значительная часть королевства будет изъята из прямого воздействия короля. Чтобы понять этот факт, надо изучить положение земель и центры, вокруг которых группировалось население.

V. Положение городов, деревень и вилл; иммунитет[457]

В меровингскую эпоху территория pag'a делилась на urbes — города, vici — местечки, villae — сельские поместья.

Среди городов следует выделить центральный город — civitatis, где жил епископ. Некогда этот город господствовал над всей областью civitatis, посылал распоряжения другим городам, местечкам и доменам. Он потерял это привилегированное положение и даже перестал управлять собою. Курия еще существует, но уже безвластная. Перед нею совершаются только юридические акты добровольного характера: дарственные записи, завещания, отпущения на волю, и она исполняет собственно функции будущих нотариусов. Перед нашествиями варваров главным лицом в городе сделался defensor civitatis (дефензор города)[458]. После утверждения франков мы находим следы его существования, но не знаем, кто его выбирает — граф или население. Вскоре и курия, и дефензор исчезнут, и настоящими господами города сделаются граф и епископ.

Граф имеет в городе ту же власть, что и в остальном паге[459], но здесь он сталкивается с конкуренцией епископа. Последний, нередко бывший дефензор, считает кроме того, что он и в качестве епископа имеет отношение к управлению города. Арнульф, назначенный епископом Меца, принимает город, по словам его биографа, «для управления». В общем, городом управляет граф или епископ. Всякая автономия исчезла, и ошибались те, которые связывали коммуну XII века с римским муниципием.

Город имеет иной вид, чем во времена Империи[460]. Античные здания лежат в развалинах, амфитеатры превращены в крепости, жалкие хижины построены в их останках. Время от времени варварские государи реставрируют их и устраивают в них игры. Статуи языческих богов искалечены и низвергнуты. Население строит только церкви. В стороне высятся монастыри с их мощными оградами: так рядом с языческим вырастает святой город, и в дни больших праздников лента процессий развертывается от него в направлении к собору, находящемуся внутри городской ограды.

Второстепенные города называются castra или oppida. Здесь нет епископа, и граф царит безраздельно. Иногда, впрочем, они достигают большего благосостояния, чем их метрополии. Дижон, простой castrum, зависящий от Лангра, воздвиг прекрасные стены с 33 башнями. Его долина была очень плодородна, на склонах зрел виноград, который сумели оценить франки. В ограде высятся многочисленные святилища.

Но в общем население этих городов немногочисленно, ему просторно даже внутри ограды, как в слишком широком платье. В начале меровингского периода оно еще занималось торговлей и промышленностью. Указывают в VI и VII веках несколько полотняных фабрик — в Трире, Меце и Реймсе, фабрик посуды, образцы которой сохранились в могилах; золотых дел мастерство стояло довольно высоко. Меровинги ценили блестящее оружие, щиты с тонкой резьбой, эмалевые пряжки, красивые фибулы, золотую и серебряную посуду.

Но с VI века промышленная работа начинает замирать, рабочие корпорации исчезают. Индустрия покидает города и переселяется в деревни. В каждой вилле ремесленники, фабрикующие вещи, нужные для местного потребления. С другой стороны, скоро город перестанет рассчитывать на пропитание от деревни: позади домов вырастут сады, доставляющие овощи; большие пустые пространства внутри стран будут засеяны, а вне ее — пояс возделанных земель будет составлять городское предместье. Город стал сельским.

Торговля продолжала жить. Франки нуждались в пряностях, аптекарских товарах, папирусе, шелковых одеждах. Все это доставлял восток в порты Марселя, Арля, Нарбонны или через Константинополь Дунайской долиной. В этом направлении шли купцы, торговавшие со славянами. Некоторые из них сносились со странами амбры и с Великобританией — главным рабским рынком.

Существовали, по крайней мере временные, союзы купцов: Григорий Турский упоминает о верденском: однажды король Теодеберт дал на помощь городу через

его епископа 7000 золотых; епископ распределил эту сумму между купцами города. Хильдеберт II велел возвратить купцам, едущим в Испанию, отнятые у них товары, и они за то поднесли ему меч и перевязь. Но вообще торговля находится преимущественно в руках евреев и греков, которых называют сирийцами. Последние образуют сильные колонии в Марселе, Бордо, Орлеане. В 591 году один «сириец» Евсевий, добивается епископства подарками королю. Немало в городах и евреев, и так как Церковь запрещает христианам заем под проценты, все денежные операции оказываются в их руках. Приск, парижский еврей, является агентом Хильпериха по доставлению экзотических товаров.

В королевстве бывают ярмарки. Знаменита ярмарка Сен-Дени, происходящая в течение 4 недель у ворот Парижа на земле, пересекаемой ручьем Менильмонтан. Некоторые городские площади, например площадь Собора Парижской Богоматери, обнесены конторами и магазинами материй и драгоценностей. Эта торговля довольно активна, несмотря на упадок промышленности.

Ниже городов и castra стоят поселки свободных людей — vici (вики). Большая часть их восходит к римской эпохе, но со своей стороны франки тоже создают vici на севере[461]. Германские и галло-римские vici вначале несомненно отличаются по виду но по мере слияния рас — принимают одинаковое лицо.

Меровингские vici большей частью расположены на больших дорогах, населены купцами, ремесленниками или мелкими собственниками, земли которых составляют городское banlieue (предместье). Мы знаем 31 vici в муниципии Тура. Доныне французские деревни хранят память о них: Vy, Vic, Vieuvy, Mayenvic, Longwy и т. д. Из этих виков многие стали настоящими городами, таковы Арлон, Марсал, Бриуд, Амбуаз.

Обитатели вика, vicani, могут владеть, принимать дары и завещания, у них есть общая касса, церковь, построенная за их счет, они составляют приход.

Большие поместья, villae, в римскую эпоху были более многочисленны, нежели vici[462]. В меровингское время они еще больше умножились и покрыли почти всю страну. Большинство современных деревень вышло из них.

Вилла есть частное именье, принадлежащее одному собственнику. Мы видели, какой принцип преобладает в наименованиях вилл[463]. В меровингскую эпоху начинается трансформация, путем которой создается современное имя. Вилла Victoriacus, собственность gens Victoria, даст в разных областях Франции, согласно законам романской фонетики, — Vitrac, Vitry, Vitrec, Vetre, Vitrey[464]. Франки, став собственниками многих вилл, давали им имена — Gerbeviller, Ramberviller, Goncourt, Baudricourt, это — villae и curtes (усадьбы) Герберта, Рамберта, Годона, Бальдериха. Редко — это имена новых деревень: они заменили римские имена. В Эльзасе римский поселок Deciacus получил имя Chagamae (ручей Хагена). Часто вилла принимает имя святого прихода — Dammartin, Domevre (domnus Martinus, Aper), или Saint-Pierre, Saint-Evre.

В случае продажи по частям или раздела, вилла все же продолжает составлять одно целое.

Собственник виллы, по римскому обычаю, продолжал делить землю 1) на terra indominicata, mansus indominicatus — часть, которую он эксплуатировал сам (франки называли ее terra salica — земля, окружающая дом, от sale — дом) и 2) на землю, которую он участками раздавал всевозможным держателям. Первая половина включала хозяйский дом, менее блестящий[465], чем в римскую эпоху, но все еще пышный, окруженный портиками, колонны которого отражаются в водах пруда или реки. В стороне расположены службы: конюшни, давильни, булочные, мастерские ремесленников (сервов или отпущенников), каретников, столяров, седельщиков, золотых дел мастеров, фабрикующих вещи, нужные для виллы. В гинекеях женщины прядут овечью шерсть и ткут одежды. Вокруг дома тянутся цветники, фруктовые сады, поля и виноградники. Mansus indominicatus обрабатывается рабами, привязанными к личной службе господина, а также держателями второй половины, которые отбывают здесь свою барщину.

Наконец, на этом манзе высится, построенная хозяином, церковь виллы, которая станет центром сельского прихода[466].

Вторая часть виллы делится на малые участки, отдаваемые в пользование рабам, отпущенникам и свободным людям. Единица держания называется mansus — servile (серва), lidile (лида), ingenuile (свободного), смотря по положению держателя. Манз состоит из хижины (casa) и земли. Хижины могут, в уединенных и особенно горных местах, стоять совсем особняком. Но чаще они группируются в длинные улицы. Меровингская вилла должна была сильно походить на современную деревню. Если дом стоит особо, окружающая его земля принадлежит одному держателю и обнесена оградой, в противном случае — держания чрезполосны, так как манз должен включать разнообразные культуры: поля, луга, виноградники. Цена манза в принципе должна быть всегда одинакова, но неравенство устанавливается очень рано. Держатель может приобретать новые манзы или отчуждать часть своего. Вскоре и тут являются бедные и богатые. Хозяин виллы, во всяком случае, остается владельцем всех этих манзов и получает с них ценз, поборы, работу, увеличивающую ценность terrae indominicatae.

Господин отдавал в пользование населения домена мельницу, давильню, иногда кузницу и пивоварню. Здесь начало баналитетов. Держатели были вынуждены (banniti) пользоваться этими приспособлениями. Собственник оставлял для себя леса, воды с правом охоты и рыбной ловли. За новые поборы и повинности он предоставлял держателями право пользования лесами, которые, вследствие плохих дорог и плохой эксплуатации, приносили мало пользы.

Над всеми людьми домена владелец осуществляет право принуждения. Он наказывает их за проступки против него: невыполненные службы, недоданные поборы. Далее, так как он должен поддерживать порядок, то это право уже в римские времена превратилось в настоящее право юрисдикции: господин начинает судить все проступки и преступления[467]. В IV веке римские законы защищали еще от его произвола колона и раба, но варварские законы, возложив на господина денежную ответственность за проступки раба, подготовили путь к настоящей

юрисдикции его, по крайней мере над рабским населением домена. Эта юрисдикция станет главным источником феодальной юрисдикции.

Собственник домена владеет им со всеми правами, которые включает plena in re potestas, как определяли ее римские юристы с ius utendi et abutendi. Вторжение франков ничего не изменило в положении земель. Варвары утвердились в покинутых поместьях. Некоторые получили земли фиска, но получили их в полную собственность, обязанные, конечно, благодарностью королю за этот дар, но не связанные никаким юридическим обязательством.

В доманиальном имуществе различали то, которое досталось от предков — семейное имущество, вотчина, и то, которое приобреталось покупкой, даром, возделываньем пустошей. О первом говорили, что им владеют ex alode (как аллодом) или de alode parentum (в качестве аллода родителей). Этимология слова alodis неясна[468]. Сперва этим именем означали всякое наследственное имущество, не различая движимости от недвижимости, но так как земля была самой важной его частью, то в конце концов это слово стали применять к наследственным землям.

Когда условия собственности изменились, когда бенефиции (мы определим их впоследствии ближе) умножились, слово alodis (аллод) получило другой смысл. Оно стало означать землю, которой владели, как полной собственностью, независимо от того, досталась ли она по наследству, покупкой или в дар, — в противоположность той земле, которая зависела от другой земли. Слово, сперва противопоставлявшееся «приобретению», теперь противопоставлялось «бенефицию». Становится ходячей прежде бессмысленная формула: «земля, которую я приобрел, в качестве аллода». Впоследствии, когда бенефиций под именем фьефа, станет обычной формой землевладения, аллод будет чем-то редким и исключительным: это будет земля, вполне свободная от всяких налогов и повинностей. Это слово станет собственным именем. Есть деревни, называющиеся Laleu (Лалё), Lalleu (Лаллё), Lalheue (Лалё) и т. д. В Безансоне есть улица La Lue (Ла Лю).

В VI и VII веках существовало много мелких доменов: территория Герсдорфской виллы [469], например, делилась между большим числом свободных собственников: 18 из них уступают свои участки Виссенбургскому аббатству. Но очень скоро начинает образовываться крупная собственность. Одному владельцу часто принадлежала огромная вилла, даже несколько вилл или частей их, в разных местах. Церкви и аббатства, постоянно получавшие и никогда не отчуждавшие земель, скоро стали богатыми собственниками. Если сообразить, что в Галлии было 112 епископств и множество аббатств, то вряд ли ошибочно будет считать за Церковью 1/3 территории. А от крупной собственности рождался новый вид владения, ставивший одну землю в зависимость от другой.

Церковь уступает части своих земель в виде прекария, бывшего уже в ходу у римлян. Этот вид держания получил широкое распространение в меровингскую эпоху.

Свободный человек, желающий получить прекарий от Церкви, обращается к епископу или аббату, «с покорной просьбой» (ego elle precator), чтобы получить

по благодеянию (per vestrum beneficium) землю, которую он мог бы возделывать, и плоды которой принадлежали бы ему. Он обязывается не отчуждать ее ни целиком, ни по частям. По смерти его земля вернется к монастырю или епископству со сделанными на ней улучшениями. Если эта просьба, называемая precaria, принята, епископ или аббат отвечает актом, называемым praestaria, уступка. «Так как вы пришли к нам с мольбой и обратились к нам с (такой-то) просьбой, — наше изволение уступает вам эту принадлежащую нам землю. Пока вы живы, мы не можем ее отнять. Но вы держите ее по нашему благодеянию, и после вашей смерти она вернется в наши руки или в руки наших наследников». В данном примере предполагается пожизненное пользование, но иногда земля дается на 5, 10, 12 лет, иногда на два поколения. Никогда она не бывает наследственной. Иногда оговаривается годовой взнос в несколько золотых солидов или фунтов меди, вносимых в день храмового праздника. Этими прекариями Церковь часто вознаграждала своих слуг или клириков, а иногда и светских людей, оказавших ей услугу. Но нередко она только отдавала земли, которые не могла обрабатывать собственными рабами и колонами. Она получала за них небольшой взнос, а они возвращались к ней возделанными. Тем не менее, всегда будут говорить, что прекарист держит землю per beneficium, и вскоре сама земля станет именоваться beneficium (Бенефиций).

Иногда давая землю, Церковь требует в обмен за нее другую, той же цены. Она оставляет обе в пользовании прекариста, а после его смерти отбирает ту и другую, удваивая свой капитал. Применяя такой вид прекария — beneficiendo — Дезидерий Кагорский приобрел много земель для своего епископата. Иногда Церковь ничего не дает прекаристу, а наоборот — получает от него землю, которой предоставляет ему пользоваться при жизни, как прекарием. Прекарист, таким образом, обеспечивает вечное спасение души в будущем мире, а в этом продолжает пользоваться доходами с именья, которое Церковь затем отберет у его наследников. Иногда эти три вида прекариев называют соответственно precaria data (прекарий данный), precaria remunerataria (прекарий с вознаграждением), precaria oblata (возвращенный).

Крупные собственники также уступали части своих имений в виде прекария, приобретали, таким образом, новых клиентов; иногда они также получали участки и пожизненно предоставляли их прежнему владельцу — чаще всего мелкому собственнику, который при этом «коммендировал себя и свою землю под покровительство сильного человека». Таким образом, акт коммендации и бенефиция-прекария идут здесь рядом. Впоследствии они сольются.

Раздает ли король бенефиции? Возможно, что иногда частным лицам давались на время части имуществ фиска, с тем, чтобы они их возделали, но подобные пожалования были исключением. В общем, король жаловал в полную собственность. Правда, иногда сыновья отбирали отцовские пожалование. Отобрание земли стало обычным правилом в случае измены или возмущения со стороны лиц, ее получивших. Иногда короли отбирали землю у лейдов, кончивших службу, что, однако, всегда вызывало протест. Во внимание к нему, короли Гунтрамн

и Хильдеберт постановили в договоре 587 года[470] возвратить лейдам все земли, которыми они владели до 561 года, и вообще объявили неотъемлемыми все дары, сделанные Церкви или верным. То же повторил Хлотарь II в своем praeceptio и эдикте 614 года[471]. Но сами эти обещания показывают, что владение землями, полученными из фиска, было не вполне надежно, и что такие земли приближались к бенефицию. К нему тяготеют и некоторые другие виды землевладения. Как мы видели, чиновники, герцоги и графы вместо жалованья получали в пользование доходы королевских вилл, находившихся вблизи места их управления. Они отбирались обратно в случае смерти или смещения чиновника, но чаще всего бывали привязаны раз и навсегда к определенной должности. Например, виллу Ланьи занимали поочередно майордомы Эброин, Варатон и Гислемар. Вскоре обстоятельства вынудят короля создать настоящие королевские бенефиции.

Многочисленные раздачи истощили фиск, и как раз в разгар междоусобных войн королю нечем было покупать себе сторонников. Когда семья Пипина начала утверждать свое политическое влияние, она, не имея достаточного количества земель для раздачи своим союзникам, стала отбирать церковные земли[472]. Но так как эти земли были неотчуждаемы, то их нельзя было давать в полную собственность. Церковь сохранила над ними верховную власть, и их держатели — воины платили ей ценз. По смерти держателя земля возвращалась к Церкви, если король новым актом не жаловал ее сыну умершего. Эти земли ассимилировались церковным прекариям и были настоящими бенефициями.

В ту же эволюцию втягиваются и королевские пожалования из собственных земель. Король начинает давать их только пожизненно. Даже более! Так как король, не в пример Церкви, которая не умирает, есть живое лицо, то его дар прекращается со смертью дающего, и возобновление бенефиция необходимо: как в случае смерти короля — со стороны нового короля, так и в случае смерти держателя — в пользу его сына. Так создается королевский бенефиций, появляющийся в начале VIII века — под конец меровингской эпохи.

Коммендация и бенефиций, в своем соединении, создадут под конец каролингской эпохи феодальный строй. Для него характерен еще один важный признак: передача в руки частных лиц государственных прав — суда, налога, военной службы. Она начинает совершаться уже в меровингскую эпоху: крупные собственники имеют юрисдикцию над сотнями и тысячами своих рабов, лидов и колонов. Государство еще сохраняет некоторые права: оно карает те преступления, которые оставляет безнаказанными господин, оно защищает против него колонов. Королевский чиновник проникает в его домены для суда, сбора подати и войска, но часто этот чиновник злоупотребляет своей властью, и вот собственникам удается добиться от короля хартии иммунитета, запрещающей чиновникам вступление в их домены. Иммунитет был третьим элементом феодального строя.

Само слово имело сперва тесный смысл свободы от налогов. Но ведь налог постепенно исчез, стало быть, эта привилегия представлялась бы совершенно

бессодержательной в VII и VIII веках. Однако в эту пору слово иммунитет начинает получать иной смысл: оно запрещает графу и его чиновникам вступать на привилегированную территорию, пользоваться на ней гостеприимством, собирать налоги, призывать в армию, взыскивать fredus (штраф)[473], судить.

Следует ли заключать, что отныне собственник привилегированной территории собирает налог для короля, созывает людей в королевское ostis (войско), посылает их на публичный суд, собирающийся вне домена? Некоторые теории представляют дело именно таким образом, полагая, что королевские права остались неприкосновенными, и что собственник — лично или через делегата (advocatus, vicedominus — в аббатских и епископских землях) делает то же, что делал граф. Это верно отчасти относительно войска, что же касается налога, то несомненно, что уже вначале (в силу специальных статей иммунитета на некоторых частях домена, а затем в силу естественного расширения — на всех его землях) собственник собирал налог в свою пользу. Кроме ценза и всевозможных повинностей, он захватил то, что еще осталось на его домене от functiones publicae (государственных обязанностей): capitatio terrena (поземельный налог) и capitatio humana (поголовный налог), teloneum и пошлины, fredus и heribann. Далее, так как граф не судит на иммунитетной земле, — собственник подчиняет всех ее обитателей своей юрисдикции и к правам вотчинной юстиции присоединяет права королевской юстиции, даже по отношению к чужим, совершившим преступление на его территории. В конце концов, государственные трибуналы будут компетентны только в случае преступлений, совершаемых жителями иммунитетной земли вне этой земли, и в гражданских тяжбах между ними и иностранцами, если последние являются ответчиками.

Самому королю не возбранялся вход на иммунитетную территорию. Он всегда мог потребовать в ней гостеприимства, мог вершить в ней суд и т. д. Но при увеличении числа подобных территорий мог ли он осуществлять фактически эти права? В итоге иммунитетная территория оказывалась совершенно независимой.

Иногда иммунитет простирался только на определенную территорию, но чаще он давался владельцу, церкви или монастырю, на все их имущества, часто даже заранее на те, которые будут приобретены. Потому неудивительно, что собственность иммунитетов росла: чтобы спастись от тирании жадного чиновника, частные лица отдавали свои имения Церкви или светскому владельцу, обладавшему иммунитетом, и затем получали их обратно в виде бенефиция.

Таким путем в VII и VIII веках создались островки, где сеньор-собственник под призрачной властью короля осуществляет все королевские права: он судит, собирает налог, и если еще не имеет права войны, то все же нередко поддается искушению двинуть те отряды, которые собраны им для королевской армии, на своих соседей, в целях захватов или мщения. Начинается полное смешение суверенитета и собственности. В иных областях скучивается немало таких доменов в одном месте[474]. В верхней долине Мерты пять аббатств, составляющих своим

расположением мистический крест, все разом получили иммунитет и приобрели в собственность всю область.

Но феодализм будет основываться не только на смешении собственности и суверенитета. Феодальный сеньор будет обладать регалиями на землях, не принадлежащих ему на правах собственности. В меровингскую эпоху король часто предоставляет такие регалии аббатствам, Церкви и частным лицам. Он избавляет их от уплаты такой-то пошлины на определенной территории или во всем королевстве, иногда дает им эту пошлину, таможенный сбор, доходы с того или иного монетного двора. Так, Дагоберт подарил Турскому епископу городские налоги, и так как их собирает граф, то епископ претендует назначать графа. Таким образом, Тур становится духовной сеньорией. Подобные уступки редки еще в меровингскую эпоху. Со временем они умножатся, и в итоге — большинство государственных прав окажутся в руках частных лиц. Господствующим фактом этой эпохи было разложение публичной власти. Меровингские короли, за редкими исключениями, не подымались до отвлеченной идеи государства, не понимали королевскую власть, как безличную магистратуру, обязанную обеспечить порядок и общее благо. Они смотрели на королевство, как на частную собственность, которую делили по усмотрению, подготовляя этим полное разрушение монархии. Королевские чиновники считаются слугами короля, а не государства. Налоги не являются взносом отдельного лица на общие нужды, это — поборы на личность государя, наполняющие его сундуки. Суд является для него и его слуг средством наживы и орудием мести врагам. Армия есть дружина короля, которую он водит на своих врагов вне или внутри государства.

Конечно, римские учреждения, погибающие при Меровингах, не могли быть спасены, но они ничем их не заменяют. Из германских учреждений и нравов они сохраняют только обычай личных отношений человека к человеку. Вместо подданных государства, имеются клиенты — «верные», вместо королей — глав государства имеются сеньоры, вожди клиентелы. Чтобы создать и поддержать эту личную клиентелу, главную опору во время войны, они раздают земли государства и свои собственные, регалии, иммунитеты, растрачивая публичное достояние. Наступит момент, когда им нечего будет дать, и меровингская династия кончит банкротством. В это время устанавливается режим личных отношений, практикуемый магнатами, Церковью и королем, и создает по всей Галлии частные союзы, которые базируются на земле. Совершается переход от римской централизации к феодальной полиархии, от общей жизни, от которой осталось лишь смутное воспоминание, к жизни местной с узким горизонтом, который тесно смыкается вокруг средневекового человека.

ГЛАВА V[475]
ЦЕРКОВЬ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА[476]

I. Епископат, соборы. — II. Духовенство и монахи. — III. Христианство и языческие обычаи, народное благочестие. — IV. Литература. — V. Искусства.

I. Епископат. Соборы

В эпоху варварских нашествий, среди развалин римского государства и общества, Церковь одна воплощала порядок и традицию и явилась истинной наследницей Империи, которая утвердила ее могущество. Церковь в значительной степени унаследовала ее правительственный дух, ее учреждения, энергию и практичность. Население группировалось вокруг епископов, поручало им защиту своих интересов. Эти воспоминания остались живы, и когда организовалось франкское государство — никогда графы не имели в городах такого авторитета, как епископы. С другой стороны, и варварам они сумели внушить уважение к своей личности и своей социальной миссии. Они много содействовали падению арианских царств, тогда как франки обязаны им господством в Галлии.

Так объясняется место, занимаемое в эту пору Церковью. Она умеет концентрировать не только религиозную и моральную жизнь, но и социальную и политическую. Вместе с тем, однако, она подчиняется влиянию окружающего ее грубого общества. По мере того, как мы углубляемся в меровингскую эпоху, мы все больше замечаем, как эти влияния все с большей силой проникают ее и дезорганизуют.

Как в IV и V веках, церковные провинции продолжают образовываться по схеме прежних административных делений. Когда Сигеберт, несмотря на протест епископов, создал шатоденское епископство для одного из своих любимцев, оно удержалось только, пока он был жив. Даже разделы царств не изменяют церковной географии, и епископства возникают не по капризам королей, а в соответствии с успехами христианства и потребностями церковной администрации, как Невер, Каркассон, Лан и т. д.

Франкская Церковь утверждает свое единство на соборах, где собираются епископы разных областей. Орлеанский собор 538 года рекомендует митрополитам ежегодно собирать их суффраганов и не допускает, чтобы епископы уклонялись от этого, под предлогом принадлежности к разным королевствам. Эти соборы становятся до известной степени политическими учреждениями. Король созывает их и совещается с ними. Несогласия королей нередко мешают их правильности. Так, в 644 году Сигеберт не пускает своих епископов на собор, созванный в Нейстрии. С началом междоусобных войн, короли начинают собирать

особо епископов своего королевства, и с VII века мы уже не видим общих соборов. Раздоры, потрясавшие королевство, затронули и церковное единство. Это разложение совпадает с анархией в среде духовенства. Вскоре соборы исчезнут надолго. Последний собор меровингской эпохи, по-видимому, имел место в Оксерре в 695 году.

В канонах этих церковных совещаний мы находим массу данных не только для церковной организации и дисциплины, но и для нравов и духа меровингского общества. Догматические споры занимают в них мало места. Епископы стремятся к сохранению чистоты жизни духовенства, запрещая ему общение с женщинами, пиры, охоту; к охране церковного имущества и церковной юрисдикции. Они чувствуют напор и влияние светского общества и стремятся защититься от его притязаний, так же как и от его нравов; постоянное повторение одних и тех же запрещений показывает безуспешность их усилий. Они стараются приучить народ к соблюдению постов и праздников, отвлечь от языческих привычек: волхования, примет, гаданий, которые практиковали сами клирики, прикрываясь христианскими формами.

Даже в VI веке, когда эти соборы собираются еще правильно, власть короля на них очень велика, часто проявляясь в очень грубых и насильственных формах. Когда Хильперих хочет отмстить руанскому епископу Претекстату за то, что тот обвенчал его сына Меровея с Брунгильдой, он созывает собор в Париже, играет роль публичного обвинителя, выставляет лжесвидетелей. За дверьми толпа испускает крики и грозит избить камнями Претекстата. Когда епископы приступают к совещанию, король удаляется, но Фредегонда и он сам нагнали такой страх, что редкие защитники, вроде Григория Турского, не находят сочувствия. Хильперих старается склонить Григория увещаниями и угрозами, Фредегонда хочет его подкупить. Обманутый ложными обещаниями, Претекстат сознается, что он совершил грех. Тогда председатель собора, Бертран Бордосский, говорит ему: «Слушай, о, брат и епископ, ты в немилости у короля, потому ты не можешь рассчитывать на нашу любовь, пока ты не выпросил у него прощения». Заключенный в темницу, измученный пыткой, а затем сосланный, Претекстат был, наконец, убит по приказанию Фредегонды.

Если чаще епископские соборы бессильны и трусливы перед королем, то иногда и они являют примеры мужества. Преследуемый ненавистью Хильпериха, Григорий Турский вызван на собор. Собор признает его невиновность и объявляет королю: «Епископ Турский очистился от всех возведенных на него обвинений. Ныне, о, король, что остается сделать с тобою, как не лишить тебя причащения вместе с Бертраном, обвинившим своего брата?» И Хильперих просит прощенья, говоря, что он повторил только то, что было ему сказано.

Часто короли ставят на обсуждение соборов государственные дела, желая укрепить их авторитетом свои указы. Гунтрамн постоянно совещается с соборами: в 573 году он просит решить его спор с Сигебертом, в 581 — обсудить положение королевства, в 589 году обвиняет пред ним Брунгильду.

Король утверждает решения соборов, значит, за ним признается право и отвергнуть их. В 614 году Хлотарь изменяет некоторые каноны, принятые Парижским собором, как нарушающие право короля.

В отношении папы франкская Церковь отстаивает свою независимость. Только юг поддерживает с ним правильные сношения. Конечно, к папе относятся с уважением, принимают его декреты. Короли и епископы просят утверждения привилегий, данных ими Церкви, епископы иногда апеллируют к нему на решения соборов. Но в общем между папой и Церковью франков нет правильных отношений подчинения, и «Арльский викариат»[477] — только фикция, в VII веке о нем уже не слышно. Папа обращается к епископам прямо или через посредство короля. Знаменитейший папа этой эпохи, Григорий Великий, старался вступить в правильные сношения с франкскими государями[478], восставал против церковных беспорядков, в которых они были виновны: против симонии, неправильных выборов епископов, требовал созыва собора для исправления этого зла. Он желал, чтобы королевская власть преследовала еретиков, запрещала евреям иметь христианских рабов. Усилия Григория Великого была почти бесплодны, и вплоть до VIII века папство не влияло активно на жизнь Франции.

Во главе церковных провинций стоят митрополиты, избранные епископами и носящие те же титулы, что и они. Звание архиепископа, которое они получат позже, еще не является их постоянным званием. Главная их функция — созыв на собор своих суффраганов-епископов.

Епископ избирается духовенством и народом округа (civitatis), «клиром и миром», с согласия митрополита, иногда особо упоминается участие епископов провинции. Когда выбор совершился, избранного утверждает король, который повелевает митрополиту с его суффраганами приступить к посвящению. По-видимому, свобода выборов обеспечена. На деле было, однако, не так. Часто сам епископ старается наметить преемника, еще чаще кандидаты подкупают избирателей. Вокруг выборов создаются партии, руководимые «сильными людьми». Иногда выборами овладевают епископы — суффраганы провинций, и тогда «клиру и миру» трудно бывает бороться с ними.

Но самым серьезным фактором, нарушающим свободу выборов, является вмешательство короля. Преемники Хлодвига назначали епископов, не спрашивая ни клира, ни мира. Иногда они действительно избирали достойнейших, но чаще ими руководили другие соображения: кандидатам удавалось склонить в свою пользу короля или его приближенных подарками, деньгами. В итоге епископат замещается недостойными, вроде Котина Клермонского, жадного, сварливого пьяницы, «которого едва вытаскивают из-под стола четыре человека...» «Так взросло это злое семя, — говорит Григорий, — ибо священство стало продаваться королями и покупаться клириками...»

Если король прямо не продает епископств, он награждает ими своих дворцовых чиновников и графов, видящих в этом повышение. Иногда само население избирает сильного при дворе человека, надеясь использовать милость к нему

короля. Так, в 629 году кагорцы избрали Дезидерия, бывшего правителя Марселя, дворцового казначея. Бониций, епископ клермонский — бывший референдарий, Арнульф Мецкий — бывший майордом и т. д. По словам Григория, при Хильперихе епископат захватили светские люди: «Мало клириков достигало его».

Иногда Церковь пытается защищаться. Хлотарь I назначил Эмерия епископом Бордо, без благословения митрополита. По смерти короля собор смещает Эмерия и назначает Гераклия. Когда он является к новому королю, последний велит посадить его в телегу, полную колючек и отправляет в ссылку: «Думаешь ли ты, что не осталось никого из сыновей Хлотаря, чтобы заставить уважать его деяния?» В 614 году собор епископов провозглашает, что «канонические правила должны соблюдаться всеми», что выборы должны совершаться «без помех и без денежных даров», и что вмешательство власти есть повод к отмене выборов. Но в эдикте короля формула «без помех и денежных даров» — исчезла и заменилась другой: «Если избранное лицо достойно епископата, пусть оно посвящается велением короля; если оно избрано из людей дворца, пусть это будет в виду его заслуг и знаний». Некоторое время после этого, правила меньше нарушаются. Но как иногда могла воздержаться королевская власть от вмешательства? В 644 году в Отене партии двух кандидатов дошли до кровавой потасовки, и королева Батильда поспешила назначить св. Леодегария. Смута в церковной жизни достигла крайних пределов в конце меровингской эпохи. Карл Мартелл самым бесцеремонным образом распоряжался епископствами.

Как и в предшествующую эпоху, епископат — достояние знатных семей. Биографы каждого епископа обязательно отмечают, что он «сенаторского звания», даже если это не соответствует действительности. В Туре все епископы, кроме 5-ти, были из семьи Григория, и в остальном епископате Галлии он насчитывает многочисленных родственников. Епископат передается братьям, племянникам. Когда Ефрон был избран турским епископом, и король, имевший другого кандидата, узнал, что он племянник Григория, епископа Лангра, он сказал: «Это великая семья. Да исполнится воля Бога и св. Мартина, да свершится избрание». Надо сказать, что знатное происхождение является гарантией не только силы и богатства, но и относительной образованности, знания римского права, государственного опыта, наконец, известной независимости. Епископы дают советы королям и решаются их порицать. «Если ты не имеешь намерения убить брата, — говорит Герман Парижский Сигеберту, — ты вернешься живым и победителем, иначе — ты умрешь».

Влияние епископата велико, простираясь на все группы и классы этого смешанного населения. Патроны и защитники населения, епископы стараются смягчить зло нашествий и войн, ходатайствуют за него перед властью, поднимают из развалин города, питают голодных. «Епископ — надежда духовенства, защита вдов и слабых, хлеб бедняков, освободитель пленных». В большей степени чем граф, он глава и администратор, охрана общего благосостояния. Когда у Кагора не хватает воды, Дезидерий строит водопровод, окружает город крепкой стеной и воздвигает замок для его защиты. Феликс Нантский, урегулировав течение

реки, обеспечил процветание своей области. К земным средствам они присоединяют божественную помощь; отсюда легенды, которые усердно хранит народная вера. Оверн высохла от жары, урожай гибнет. Епископ Квентин молится, велит народу петь гимны. Тотчас небо темнеет, и льется дождь. В Клермоне пожар. Епископ Галл с Евангелием в руках идет в пламя, — и пожар тухнет. Его молитвы отвели в 543 году эпидемию от города. Епископы добиваются для городов податных льгот. Потому-то о них говорят, что они «правят городом». Едва будучи избраны, они энергично берутся за дело. Ницетий, назначенный в Трир по повелению короля Теодориха, едет из Италии в сопровождении послов короля. Подле Трира они пускают коней на крестьянские поля. «Выведите коней с поля бедняка, — восклицает он, — иначе я лишу вас причастия». — «Как! Ты еще не посвящен в епископы, и уже говоришь об отлучении?» — «Король вырвал меня из монастыря, чтобы возложить на меня это бремя. Да будет на то воля Божия. Но если воля короля повелевает зло, — я буду этому противиться». И он сам выгнал коней из поля.

Эта власть неприятна графам. Однажды Ницетий посылает священника к графу Арментарию: «Граф! — говорит священник, — епископ уже постановил приговор по делу, которым ты занимаешься, и просит тебя не вмешиваться в него». — «Иди, — отвечает рассерженный граф, — и скажи ему, что много попадает к нему дел, которые окончательно будут решаться другими». Подобные конфликты развиваются в открытую борьбу. Церковь распускает страшные повести о графах, не уступающих епископам. Граф ангулемский, споривший с епископом Гераклием, поражен лихорадкой. «Увы, увы! — восклицает он, — епископ меня жжет, истязает, требует на суд...» По смерти его тело почернело, как бы сожженное... «Так отмщает Бог своих слуг», — прибавляет Григорий Турский. Епископ так силен, что может оказать защиту королевскому чиновнику. В 579 году епископ Ферреол спасает референдария Марка от лиможской толпы, идущей его убить. Турскому епископу Дагоберт дал право назначать графа.

Иногда епископ проявляет независимость даже по отношению к королю. Ницетий Трирский публично порицает Теодеберта и объявляет в церкви, что не будет служить мессу при нем. Он отлучил Хлотаря, осудившего его на изгнание. На угрозы короля от отвечает: «Я умру за правду». Герман Парижский отлучает Хариберта за женитьбу на монахине Марковефе. Короли нередко жестоко мстят. Дезидерий Вьеннский, долго преследуемый ненавистью Брунгильды, по ее желанию смещенный собором, был наконец возвращен на кафедру. Но когда он стал порицать короля Теодориха за его беспорядочную жизнь, три графа арестовали его в церкви, и солдат разбил ему камнем голову.

Чаще, однако, короли стараются жить в мире с епископами, понимая, что они являются наиболее влиятельными и активными посредниками между ними и населением. Даже Хлотарь I, не щадивший ни детей, ни племянников, представляет самую благочестивую фигуру в присутствии епископов. Особенно рассчитывает на их помощь Гунтрамн. «К вам особенно обращаюсь я, святейшие служители Господа, — гласит эдикт 585 г., — в надежде, что вы постараетесь

исправлять Богом вверенный вам народ непрестанной проповедью и направлять его с пастырским рвением к тому, чтобы он возлюбил правду и жил честно. Так, по небесной благости может быть обеспечен общественный порядок и спасение народов». Неудивительно, что Гунтрамн, несмотря на свои дикие вспышки и преступления, представляется турскому епископу благим, почти святым королем. Даже яростный Хильперих в спокойные минуты подделывается под этот тон и старается примирить с собою епископов, которых он оскорблял. Но епископат не прощает. Однажды ночью Григорий Турский видит во сне ангела, который, пролетая над базиликой св. Мартина, испускает громкий крик: «Увы, увы! Бог поразил Хильпериха и его детей, и ни один из тех, которые произойдут от него, не выживет, чтобы править его царством».

Порицая нечестивых королей при жизни, епископы сурово судят их после смерти: в своих хрониках они расскажут об их царствовании и навсегда запятнают их память, так что нелегко бывает потом выделить историческую истину из-под этой часто пристрастной оценки.

Констатируя ряд гуманных мер в королевских законах и капитуляриях, мы не можем не видеть в этом благотворного влияния епископов. Верные традициям прошлого, хранители римских начал, они часто противопоставляют этим варварским вождям идеал библейских царей, Давида и Соломона, и христианских императоров. Они внушают им, что получив власть от Бога, они приняли на себя долг перед ним. «Знай, что ты слуга Божий, поставленный им на то, чтобы все творящие добро находили в тебе благосклонного помощника, творящие зло — энергичного мстителя. С сердцем, исполненным страха, вдумайся в то, что в течение всей жизни ты будешь руководим Богом, чтобы руководить другими долго и счастливо». Фортунат говорил о Хильдеберте: «Это — наш Мельхиседек. Король, священник и светский человек, он совершал дело веры. Управляя царством и живя во дворце, он был славой и образцом для епископата». Так понимали епископы роль королей. Этот язык, которым они говорят с Меровингами, — тот же самый, каким их предшественники говорили с христианскими императорами, и каким их преемники будут говорить с Каролингами.

Наряду с образом доброго епископа, история сохранила и иной образ. Она рисует нам епископов, которые грабят, убивают, прелюбодействуют, проводят ночи в пирах, дни в спанье, появляются в сражениях с каской на голове: таковы: Салоний, епископ Эмбрена, Саглутарий, епископ Гапа. Епископ Ле-Манса, Бодегизил, грабит жителей, истязает их, часто сам бьет их, повторяя: «Если я стал клириком, разве я не могу постоять за себя?» Эгидий Реймский своим коварством[479] вызвал такую ненависть, что солдаты хотели его зарезать.

С течением времени епископат все больше падает. Суть не в том даже, что вместо галло-римлян кафедры занимают германцы, более грубые и алчные. Особенно плохо, что рост церковных богатств привлекает жадность светских людей, и церковная аристократия постепенно смешает свои интересы с интересами аристократии светской.

II. Духовенство и монахи

Перейдем теперь к обзору сил, которыми располагает епископат: 1) его армии, которые, кроме клириков и монахов включает всех, кого их положение или их интересы удерживают в зависимости от Церкви; 2) его средства, которые, благодаря многочисленным пожертвованиям, составляют обширные домены в государстве; 3) его привилегии, которые обеспечивают ему независимость; 4) наконец, его влияние, которое, благодаря культу, верованиям, легендам, делает его властителем душ.

Правила вступления в духовное звание остаются прежними, только теперь требуется утверждение короля или его представителя. Так как клирики освобождены от налога и военной службы, то неудивительно, что король вмешивается в их назначение.

Они отличаются от мирян тонзурой, все более распространяющейся в Галлии. По положению клирик должен уметь читать. Цезарий Арльский посвящал только тех, кто прочел 4 раза Ветхий и Новый Заветы. Но вообще, это правило плохо соблюдалось, и Церковь постепенно переполнялась безграмотными.

Церковь составляет общество с собственным строем и законами. Управляемая внутри канонами, она по отношению к «миру» руководится римским правом. За привилегии, даваемые ею своим членам, она требует от них отречения от мира. От высших клириков, женившихся до посвящения, она не требует развода с женами, но они должны жить с ними, «как с сестрами». Она устраняет от епископата тех, которые вступили во второй брак или женились на вдове. Священники и епископы не смеют иметь у себя ни рабынь, ни отпущенниц, а только матерей, сестер, племянниц. Им запрещается участие в свадебных пирах, где поют любовные песни и пляшут сладострастные пляски. Епископ должен жить среди своих клириков; в его комнату не смеет войти женщина иначе, как в сопровождении двух священников или диаконов. Архидиакон является заместителем епископа: он наблюдает за духовенством; видам (vicedominus) управляет церковным имуществом.

Вне города епархия делится на приходы. Прежде их называли диоцезам, и теперь это имя прилагается к епископскому округу. Приход обыкновенно совпадает с vicus. Во главе его стоит священник, получивший право (прежде остававшееся только за епископами) крестить и осуществлять известную долю церковной юрисдикции. Приход имеет собственность, которой заведует священник под надзором епископа. Он составляет церковную единицу и как бы некоторое духовное государство. Если приход велик и включает несколько церквей и священников, то им управляет архипресвитер. Однако ошибочно было бы представлять себе всю страну разделенной на приходы. Число этих сельских общин было невелико. Они находились при больших дорогах, подле рек, где сосредоточивались большие группы людей, но они отделялись друг от друга большими пространствами. Иногда приход является частным учреждением, созданным крупным собственником в своем поместье. Последний в таком случае нередко претендует

на власть над служащими у него клириками, и соборы борются с подобным злоупотреблением. Помимо приходских церквей, существуют базилики, оратории, капеллы. Большинство из них создано частными людьми, которые их и содержат. Постепенно вошло в обычай предоставлять основателям назначение клириков в их храмы. С VII веке патронат сеньоров, захваченный над этими учреждениями, начнет вырождаться в секуляризацию церквей.

Низшее духовенство еще больше, нежели епископы, поддается влиянию пороков светского общества. Нам рассказывают о священнике Ле-Манса, обжоре и развратнике, который бежал, похитив женщину из хорошей семьи. Родные преследуют его, сжигают его сообщницу, сажают его в тюрьму. Епископ Лизье спасает ему жизнь при условии, что он займется обучением детей. В благодарность за это предатель покушается на его жизнь; только смелость изменяет ему, и он вынужден сознаться во всем. В Ангулеме клирики епископа Марахария отравляют его, и один из убийц получает кафедру. Мы знаем, что именно в среде клириков Фредегонда искала убийц, когда замышляла умертвить Хильдеберта.

Монашество развивается еще шире, чем в предшествующую эпоху, чему содействуют общественные смуты, гнет сильных, бессилие правительства защитить интересы низших классов и, как следствие всего этого, отчаяние, заставляющее слабых искать прибежища у Бога.

Для королей основание монастырей стало некоторой благочестивой традицией; много монастырей основано епископами, но еще больше — самими монахами, которые, расходясь, создают новые обители. Иные насчитывают по несколько человек. Мало таких, где число монахов доходит до 200.

Анахореты и отшельники замыкаются в кельи. Они находят убежище в горах, — как горы Оверни, Кантала. Подле, в лесу возникают монастыри, где группируются их почитатели и ученики; не одна деревня выросла из хижины анахорета. Эти аскеты изобретают всевозможные способы самоумерщвления: Калуппа жил в гроте, полном змей, которые обвивались у него вокруг шеи; Вальфрид стоял на столпе, Лупицин зарылся в античные развалины и получал через небольшое отверстие хлеб и воду. В течение всего дня он пел хвалы Богу, держа на голове огромный камень, который с трудом поднимали два человека. Ночью он ставил под подбородок палку, утыканную острыми гвоздями. От этого он получил чахотку и покрыл кровавыми плевками свою келью. После его смерти эти окровавленные куски оторвали от утесов и сохранили их, как реликвии. Бывало, впрочем, что аскет ослабевал, и оскорбленная природа вступала в свои права, играя злые шутки над отшельником. Анахорет Виннок, живший близ Тура, был святой человек. Он одевался в звериные шкуры, питался травой, но он не мог противостоять искушению вина, которое ему доставляло усердие почитателей. Он привык пьянствовать, стал буйным помешанным, и его пришлось посадить на цепь в его келье.

Епископ претендует на власть над всей монашеской армией. Монастыри основываются только с его разрешения. Аббат зависит от него: он не смеет уходить из монастыря, ни отчуждать монастырское имущество без его согласия. Часто

основатель монастыря выговаривает себе право выбора настоятеля, тогда епископ только его утверждает. По общему положению настоятеля избирает братия, и только в случае выбора недостойного епископ вмешивается. Эти отношения являются поводом постоянных конфликтов, почему монастыри стараются добиться у епископов дипломов отречения от их прав. Число таких дипломов все росло. Надо, впрочем, сказать, что многие из тех, на которые впоследствии ссылались монахи, относя их к меровингской эпохе, представляют более позднюю подделку.

Так создаются маленькие республики, стремящиеся освободиться от власти епископа, как и от светской власти, и все увеличивающие свое имущество. Многие состоятельные и знатные люди отдают в монастыри своих детей с богатым приданым. Правда, светская власть ставит известные препятствия подобным актам, и в принципе на них требуется разрешение короля.

Аббат управляет монастырем внутри и является его представителем во вне. Все монахи обязаны ему послушанием, а он обязан подавать пример исполнения устава. В важнейших делах он спрашивает совета всей братии, в менее важных случаях — мнения старших. Среди аббатов, как и среди епископов, мы видим очень важных лиц. Таков св. Аридий, друг Григория Турского, основавший на своих землях монастырь своего имени, который впоследствии даст начало городу (Saint-Yrieix). Не всегда аббаты являются образцами нравственности: аббат Дагульф ворует, убивает, развратничает. У него любовницей чужая жена, мужа которой он старается запугать угрозами, и который убивает его, когда он, пьяный спит подле нее.

Иногда за стенами монастырей жили мирные и счастливые общества. Такова была община, сгруппировавшаяся в Пуатье, в монастыре св. Креста вокруг св. Радегунды. Мы знаем историю этой тюрингской пленницы[480], взятой в жены Хлотарем. Наскучив ему, она была охотно отпущена им в монастырь. Это была женщина с умом тонким и образованным. Она состояла в постоянной переписке с Фортунатом, который и написал ее биографию. В монастыре она не гнушалась самыми низкими работами, ходила за нищими и больными, прислуживала им за столом. В порыве религиозного усердия, желая испытать страдания христианских мучеников, она прикладывала к телу раскаленное железо, так что мясо горело. Ее экстаз проявлялся в мистических видениях. За год до смерти она увидела прекрасного юношу, расточавшего ей ласки и кроткие слова. И так как ее благочестие смутилось, он открыл ей, что он тот, кому она непрерывно молится.

Смерть ее в 587 году была трауром для всей христианской Галлии. Рассказ Григория Турского об ее похоронах — одна из самых прекрасных и трогательных страниц в литературе того времени. Григорий пожелал видеть места, где протекла жизнь святой. Настоятельница сопровождала его вместе с монахинями. «Вот, — сказала она, — ее келья. Мы больше не находим здесь нашей матери; вот коврик, на который она преклоняла колени, молясь Богу; мы не видим ее на этом месте. Вот книга, по которой она читала; голос ее не доходит больше до наших ушей. Вот веретено, на котором она пряла во время постов и бдений».

Через несколько лет этот монастырь стал местом соблазна и раздоров. Туда вступили монахинями Хродиельда, считавшаяся дочерью Хариберта, и Базина, дочь Хильпериха. Они подняли бунт против настоятельницы: «С нами обращаются, — говорили они, — как со служанками, а не с дочерьми королей». Мятежницы идут жаловаться Григорию, потом посылают Хродиельду к Гунтрамну. Во время этого последнего посольства часть мятежниц остается в Туре, некоторые выходят замуж. Вернувшись в Пуатье, они нанимают шайку воров и убийц и готовятся к войне. «Мы — королевы, — объявляют воинственные принцессы, — и не войдем в монастырь, пока настоятельница не выйдет оттуда». Четыре епископа, которые хотели уговорить их, чуть не были убиты разбойниками. Они овладели монастырем, совершали там насилия, захватили саму настоятельницу. С большим трудом удалось положить конец этой войне монахинь.

Разнообразие уставов было одной из причин слабости монастырской жизни. В ту пору еще не знали мощных конгрегаций, который впоследствии объединили множество монастырей под руководством одной материнской обители. Одним из самых распространенных уставов был устав, шедший из Лерина и утвержденный Цезарием Арльским. Но наряду с ним были приняты и уставы Антония, Пахомия, Василия Великого, Кассиана. В конце VI века Колумбан попытался ввести более однообразную и строгую организацию. Энергичный, призванный повелевать, он вышел из тех великих ирландских монастырей, где так могущественно развита была религиозная жизнь. Он пришел к заключению, что в Галлии «религия утратила силу; дух покаяния и сокрушения исчез». Под покровительством короля Гунтрамна, в лесах Вогез он основал монастыри Анегрэ, Люксейль и Фонтен. Устав его проникнут началом абсолютного послушания настоятелю, отречения от своего я, от личной воли. Аскетизм воплощается в суровых требованиях. Малейшие провинности строго караются. Но Колумбан желал распространить свое влияние за пределы монастыря и ввел в Галлии регламентацию преступлений против Церкви и наказаний за них, по образцу той, какая была установлена в ирландских покаянных книгах. Здесь, как и в варварских Правдах, классифицированы были все возможные проступки и соответствующие им церковные кары: преимущественно пост, коленопреклонения, милостыня, молитва, повторяемая установленное число раз. Со временем Церковь разрешит заменять все эти виды покаяния «милостыней», установит тариф штрафов и будет обогащаться за счет грехов паствы. Все эти новшества и энергия, с какой они проводились, заставляли ирландского монаха конфликтовать не только со светской властью[481], но и с епископатом.

Многочисленны были созданные или реорганизованные им и его последователями монастыри, многочисленны его ученики, ставшие епископами и аббатами. Они сильно влияли на народ своей проповедью, своим учением о выкупе грехов: верные осыпали дарами их обители, «ради исцеления душ»[482]. Однако устав Колумбана, слишком суровый и тяжелый, уже в VII веке был вытеснен бенедиктинским, итальянского происхождения, более разумным и практичным. «В это

время, — говорит современник, — рои монахов и монахинь, принявших устав блаженных отцов Бенедикта и Колумбана, разлетелись по Галлии — не только в деревни, но и в пустыни, где прежде было мало монастырей». В этих монастырях число монахов доходило до 300, даже 900.

Западное монашество в его бенедиктинской форме отличается от сирийского и египетского пустынножительства. Верное существу латинской культуры, оно характеризуется деятельным и практическим духом. Мистические созерцания, изысканные тонкости аскетизма занимают для него мало места. Бенедиктинский устав в известных отношениях есть политическая конституция, в которой сильно подчеркнута идея правительства. Труд является законом для общины. Семь часов в день посвящено ручному труду, два — чтению. Монастырь — не прибежище созерцателей, а мастерская и ферма. Чувствуется влияние законодательного и юридического духа римлян в ясно формулированных предписаниях этого устава. Фактически бенедиктинские монахи являются завоевателями и администраторами: они углубляются в леса, захватившие в века глубоких смут те страны, где некогда цвела римская культура, расчищают их и возвращают население на покинутые им места. Вокруг их монастырей создаются поселения, из которых многие станут большими городами.

Кроме монахов, в церковную клиентелу входят огромные массы людей, ищущих ее покровительства. Это, во-первых, рабы, которых она отстаивает перед господами, требуя мягкого обращения с ними под страхом отлучения; отпущенники, освобожденные в церкви[483]. Таких людей Церковь представляет на суде, и это право признает за нею государство. Далее, в церковной армии крупное место занимают «бедные», которых она кормит и одевает. Чтобы остановить размножение опасных бродяг, организуют корпорации бедняков, занося их в реестры — matriculae. Такие matricularii имеют право просить милостыню у церковных и монастырских дверей. Эти нищие составляют армию довольно беспорядочную и буйную, но всегда готовую защитить святилище, у которого она кормится. У св. Мартина Турского, вооруженные палками и камнями, они мстят за нарушение права убежища.

Во вспомогательных отрядах Церкви важное место занимают «узники и пленные». Архидиакон или его делегат каждое воскресенье раздает пищу заключенным. Защищая их, священники, даже святые находятся в вечной войне с государством. В царствование Хильдеберта св. Мартин явился заключенным и сказал: «Я — святой Мартин, воин Божий. Я отпускаю вас. Идите в мире». Во время похорон Григория, епископа Лангра, несшие его тело остановились возле темницы. «Узники» воззвали к святому о помощи, двери открылись, бревно, к которому были привязаны их ноги, разбилось, и они были свободны. Немало и тех, кого вечные войны обратили в рабство: выкуп пленных составляет постоянную статью в церковных расходах. Выкуп был одним из могущественнейших оружий св. Антония в борьбе с язычеством: «Он выкупал бесчисленных пленных, крестил их и убеждал пребывать в добре».

Для покрытия всех этих расходов, Церковь располагает огромными средствами. Утверждали, будто в конце VII века 1/3 часть территории Галлии принадлежала Церкви. На карте Франции тысячами считаются имена мест церковного происхождения, — большинство по имени святого, но немало и иных, таких как Oradour, Ouradou — ораторий, Bazauges, Bazoches — базилика, Munster, Moustier — монастырь и т. п.[484] Дарения, создавшие эти домены, происходили в разных формах, чаще всего путем коммендации: святые были сеньорами, патронами, которым коммендировали себя и свое имущество, ожидая за то от них места на небе и помощи в этом мире.

Епископы и аббаты, получавшие в управление это имущество, не имели права его отчуждать, но употребление доходов намечено только в самом общем виде: на содержание духовенства, Церквей и бедных. Епископ может вместо жалованья дать в пользование клирику землю, он имеет право дать ее и светскому человеку — обыкновенно за ценз и в виде прекария[485]. Другие церковные домены возделываются колонами. В принципе церковные земли платят налог, но очень рано отдельные имущества получают привилегию изъятия, которая скоро станет общим правилом. Фискальный иммунитет превращается в общий, и церковные домены в конце концов станут вполне автономны[486].

Наконец само государство испугалось этого роста церковных имуществ и стало искать в римском праве положений, защищающих права естественных наследников. Но соборы мечут громы и молнии против наследников, удерживающих имущество, завещанное Церкви. Особенно решительное нападение на Церковь произвели короли. Хлотарь хотел отобрать 1/3 церковных доходов в казну, но напуганный угрозами епископов, отказался от этого проекта. Хариберт отнял землю св. Мартина[487], но Сигеберт ее возвратил. Церкви и монастыри имели и другие доходы. Одним из важнейших была церковная десятина. Уже св. Иероним рекомендовал Западной Церкви это еврейское учреждение «десятины с доходов от земель и стад», но только в VI веке Церковь стала стремиться сделать ее правильным налогом, грозя отлучением (собор 585 г. в Маконе) за отказ вносить ее. Однако на про все продолжение меровингского периода десятина сохранила характер добровольного взноса. Кроме того, церковные учреждения получали разные пошлины с товаров, которые дарили им короли. Наконец, церковное богатство постоянно пополнялось приношениями верных — денежными суммами, драгоценностями, материями и другими вещами, которые приносились в особенно чтимые святилища. Чтобы защитить эти богатства от разбойников, солдат и самих королей, Церковь пускала в ход устрашающие легенды, вроде истории о солдатах, ограбивших монастырь св. Мартина. Когда они переплывали Луару, весла сломались, копья, которые они хотели употребить в качестве руля, вонзились им в грудь. Спасся только тот, который отговаривал их от этого предприятия. «Пусть знают люди, — замечает Григорий Турский, — что никто не должен желать или похищать церковное добро, ибо суд Божий вскоре разразится над ним».

Писатели этой эпохи часто хвалят епископов за «знание божеских и человеческих законов». Церковь захватывает все большую часть судебных дел, в которых заинтересованы клирики, и процессов между клириками и светскими людьми. Затем к клирикам начинают причислять всех церковных клиентов — отпущенников, вдов и сирот. Впоследствии Церковь захватила дела, касающиеся завещаний. Наряду с официальным, мы видим частное вмешательство епископов в ряд судебных дел путем ходатайств, освобождения узников и т. д. Иногда сама королевская власть поручает им контроль над действиями графа. В церкви имеют место самые торжественные присяги, и клятвопреступников карает «Божий Суд». Так как общественный порядок было плохо обеспечен, то оставалось рассчитывать на полицейское рвение святых и побуждать их к нему. После воровства в церкви св. Колумбы, Элигий грозит святой засыпать вход в ее храм кучей колючек, если она не заставит вернуть украденное.

Церкви — это священные убежища, права которых нельзя нарушать безнаказанно. Когда солдаты Гунтрамна в 585 году ворвались в церковь св. Винцента, где скрылись жители Ажана и принялись грабить и убивать, — их тотчас постигла кара. Одни, одержимые демоном, кинулись в Гаронну, другие умерли от лихорадки и разных болезней. «Я видел, — прибавляет Григорий, — в Турской стране людей, принимавших участие в этом преступлении: они были терзаемы невыносимыми мучениями. Многие сознавались, что Бог их наказал. Так защищает Бог своих святых». Даже злодеи, преступившие священный порог, были неприкосновенны. Нередко крупные магнаты, чтобы спастись от врагов, селились со своими приверженцами в базиликах или епископских домах и наполняли священные места шумом своих пиров и песен.

Чтобы наказать за нарушение своих законов, Церковь располагает страшными карами — особенно отлучением, отторгающим виновного от общества верных. Иногда, чтобы сильнее поразить воображение, она запирает храм, где было совершено преступление, останавливает христианскую жизнь во всем городе. После убийства епископа Претекстата, Левдовальд, епископ Байе, запирает церкви Руана. Народ не должен был присутствовать при божественных службах, пока не был открыт виновник злодеяния.

III. Христианство и языческие обычаи. Народное благочестие[488]

Тогда как Восток еще волновался богословскими спорами, Галлия не знала уже подобных смут. Ее духовенство было слишком невежественно, чтобы интересоваться такими вопросами. Ненависть к арианству еще живет, поддерживаемая испанскими «верными». Но если раннему средневековью чужды богословские диспуты, оно знает проявления религиозного фанатизма, хотя далеко не в такой мере, как это будет впоследствии. Евреи, рассеянные по многим областям Франции, особенно по торговым городам, являются объектом народной ненависти.

Им запрещают занимать публичные должности, особенно финансовые, им грозят суровыми карами за попытку обращать в иудейство рабов-христиан. Браки между ними и католиками запрещены. Хильдеберт запрещает им, вероятно, во избежание стычек, показываться на площадях во время Пасхи. Хильперих даже хотел принудить их креститься. В 629 году Дагоберт повторяет этот указ, по-видимому, впрочем, только исполняя желание императора Ираклия. Подобные эдикты не применялись.

С язычеством приходится бороться решительно и упорно. Христианство почти исчезло на севере и востоке, и миссии св. Ведаста, св. Аманда, св. Элигия, св. Омера, св. Лупа, Урсмара должны были завоевать вторично эти страны. Это было небезопасно: ни один священник не смел появляться в области Гента, — так дик был этот край, и свирепы его жители. Св. Аманд отправился туда на проповедь один, оставленный своими спутниками. Его сперва хотели утопить, но своей энергией и добротой он победил варваров, которые массами пожелали креститься и разрушили своих идолов и храмы. Во всяком случае, в той Фландрии, которая ныне является цитаделью католичества, лишь с XI века прочно утвердятся большие монастыри. На юго-западе, в Васконии св. Аманд первый принес христианство в ущелья Пиренеев. Даже на юго-востоке Галлии, где родилось галльское христианство, оно не вполне торжествовало. Случилось однажды, что некий епископ, садившийся здесь на корабль, чтобы ехать в Италию, оказался единственным христианином среди язычников-крестьян.

Акты соборов показывают, как заботит епископов это упорное переживание язычества[489]. Они изображают свою паству едящей идоложертвенное мясо, призывающей демонов, почитающей священные утесы, ручьи и деревья. Короли подтверждают каноны соборов: «Мы верим, — говорит Хильдеберт I в своем эдикте, — что в наших интересах и в интересах наших подданных, чтобы христианский народ, откинув почитание идолов, посвятил себя единому Богу... И так как массу (plebs), которая не повинуется советам епископов, мы должны исправлять нашей властью, то мы решили издать этот эдикт. Всякий, кто узнав о нем, откажется ниспровергнут, в границах своих полей памятники и храмы, посвященные демонам, или помешает сделать это священникам, должен дать поручителей и явиться на наш суд». В 626—627 году собор еще совершенно определенно упоминает о язычниках. Только в середине VII века о них уже нет речи.

Если существование язычников неоспоримо, то нельзя все-таки сказать, чтобы у них сохранился правильно организованный культ. Чаще всего речь идет о суеверных обрядах, свидетельствующих о традиционной привязанности народа к старым святилищам. Часто они смешиваются с обрядами христианства. Наконец, нелегко бывает отличить паганизм варварский от паганизма классического. В конце VII века св. Губерт находит в густых арденнских лесах, столь дорогих для германских богов, остатки культа Водана (Одина). Его следы сохранились в народных легендах о «черном охотнике», пробегающем леса со своей стаей. Настроение мистического ужаса, разлитое в лесном мраке, содействует сохранению

старых культов, связанных с лесами: этот мрак пугает и очаровывает, проникая в его царство, чувствуешь могущество изгнанных богов, которым он был приютом. Диана становится богиней ведьм, царствующей на их шабашах, руководящей их странными полетами в ночной тиши. Продолжает жить и старый культ озер, деревьев, утесов, источников. «В Жеводане каждый год в установленный день крестьяне приезжают на повозках к озеру св. Андеоля, остаются тут три дня, убивают животных и пируют». Они совершают возлияния озеру, бросают в него приношения: куски материи, клочья шерсти, сыр, хлеб. Местный епископ, чтобы отвратить их от этого, построил в этом месте церковь св. Илария. Но привычка была сильна: следы этого обычая находили еще в прошлом веке. Если верить византийскому историку Прокопию, франки еще в VI веке приносили человеческие жертвы и гадали по их внутренностям. Это сообщение несколько сомнительно, но несомненно, что гадали по грому, по полету птиц, обращались к знахарям и колдуньям.

В обыденной жизни на каждом шагу проявляются и доныне эти языческие переживания: празднование нового года 1 января маскарадами, зажиганьем свечей на перекрестках и развешиваньем венков на деревьях и т. п., все это обычаи, которые Церковь всегда осуждала, и которые дожили до наших дней. Немало языческой старины удержалось во французских похоронных обрядах: выставление тела, надгробные причитания, обол для Харона, вкладываемый в рот покойного, оружие и драгоценности, полагаемые в могилу.

И однако, франкская Галлия стала христианской. Она покрылась церквами, ораториями, толпа начала приливать на церковные службы; соборы и королевские эдикты предписывали воскресный покой и карали его нарушителей. Но благочестие этого времени проникнуто не любовью, а страхом; оно обращается к Богу, грозному и жестокому, суровому хранителю мирового порядка, который карает беспощадно его нарушителей. Люди этой эпохи, склонные к насилию и преступлениям, живут в вечном страхе его мщения. В агиографических сказаниях постоянно идет речь о бесноватых, являющихся к храмам в жажде исцеления. Диавол сторожит каждую душу. Он даже хотел овладеть душой св. Мартина, и Северин, епископ кельнский, рассказав об этом своим ученикам, прибавляет: «Что же будет с нами, грешниками, если дух зла хотел повредить такому святому? Как спастись от его козней?..» «Диавол, — говорит Григорий Турский, — преображается в ангела света, чтобы обманывать невинных». Он явился диакону Секунделлу, жившему отшельником в окрестностях Нанта. «Я Христос, — сказал он ему, — которому ты ежедневно молишься. Иди и исцеляй народы». Секунделл поверил ему, и только другой клирик разъяснил ему обман». Для обозначения диавола священник уже употребляет страшное и неопределенное слово «враг» — тот, кого надо бояться ежечасно...[490] Почетное место в культе занимает Христос. Но он представляется далеким и устрашает благочестие верных. Святые кажутся им более близкими, и их культ, наряду с культом св. Девы, получает широкое распространение. Эти полубоги католицизма становятся на место второстепенных богов

мифологии. Как прежде богам, так теперь святым отводят различные специальности в повседневной жизни: один излечивает болезни, другой помогает найти пропажу. Вскоре каждый город, каждое ремесло, каждый класс трудящихся будет иметь своего святого патрона, подобно тому, как некогда коллегии меньших людей в Империи называли себя почитателями Пана или Сильвана. Чтутся св. Петр и Павел, евангелисты, но больше всего галльские святые: им, как соотечественникам, особенно доверяют. Их список дает Григорий в De gloria martyrum (О славе мучеников), изображая как духовенство и народ стремятся к их могилам, воздвигают на них базилики и толпами приливают к ним. Рассказывают о их участии в повседневной жизни, их явлениях и чудесах. Обиженный обращается к святым, как к небесному апелляционному трибуналу.

Особенно популярен св. Мартин. Его базилика — религиозный центр Галлии. Со всех сторон стекаются к ней верные; больные переполняют атриум. Одна женщина-паралитичка провела там 8 лет, лежа на своей повозке. Легенда святого разрастается до того, что представляет его апостолом всех варварских племен, как германских, так и славянских. «Благодаря тебе, — пишет Мартин Бракарский, — аламанн, сакс, тюринг, паннонец, ругий, славянин, сармат, остгот, франк, бургунд, дакиец, алан познали Бога». На могилы мучеников Аниана, св. Эпипода и св. Александра в Лионе, св. Юлиана в Бриве, св. Дионисия в Париже приносят дары, зажигают свечи; на алтарях, в память о своем посещении, выгравировывают свои имена с краткой молитвой. Более ревностные пилигримы переходят Альпы, идут ad limina apostolorum (к гробницам апостолов), спускаются в римские катакомбы. Иногда они пробираются даже на восток. Григорий видел многих, исцелившихся омовением в Иордане, а один из его предшественников, епископ Лициний, посетил Иерусалим и Св. Землю.

Доверчивая жадность, с какой ловились благочестивые легенды и рассказы о чудесах, порождала обманы. Некто Дезидерий из Тура в 587 году рассказывал, что он находился в постоянных сношениях со св. Петром и Павлом, ставил себя наряду с ними и выше св. Мартина. Другой овернец выдавал себя за Христа и соблазнил не только тысячи поселян, но и многих священников.

Так же горячо верили реликвиям. Епископы добывали их всевозможными средствами. Когда они прибывали в город, их встречали с огромным торжеством. Намаций Клермонский послал в Болонью за мощами св. Агриколы и Виталия. Когда они прибыли, население вышло с крестами и свечами. Радегунда посылала целые миссии на восток для обхода могил святых и исповедников. Считается желательным обеспечить содействие мощей даже дурным поступкам: так Хильперих, нарушая клятву, входит в Париж под прикрытием множества реликвий. За отсутствием останков мучеников, удовлетворяются связанными с ними предметами: маслом из лампад их святилищ, материями с их могил, растениями, листьями с деревьев, растущих подле них, водой соседнего источника. Сцарапывают могильный камень и, смешивая пыль с водой, пьют ее, как целительное средство от всевозможных болезней. В одном городе, через который проходил

св. Аманд, епископ велел сохранить воду, которой он мыл руки, и исцелили ею слепого. И однако, Григорий Турский, сообщающий эти примеры, уверяет, что он не принимал ни одного из чудес без строгой проверки. Каково же было народное легковерие!

Немало и других суеверных обычаев укрылось под защитой Церкви. Таковы, например, гаданья на Св. Писании, открываемом наудачу. Меровей, преследуемый ненавистью отца, кладет на гробницу св. Мартина Книги Царств, Псалтырь и Евангелие, постится и молится три дня, потом открывает книги: ему попадается стих: «Бог предал нас в руки врагов». С этого момента гибель его очевидна. Соборы тщетно осуждали эти обычаи: само духовенство прибегает к ним. Поединок становится средством заставить Бога показать виноватого. Когда Гунтрамн-Бозон обвинен перед королем Гунтрамном, он восклицает: «пусть явится кто-нибудь поддержать обвинение, и Бог рассудит нас в битве!» Церковь освящает ордалии[491] молитвами, литургическими формулами, она сама их практикует. Однажды богословский спор между католическим и арианским священниками решается испытанием кипящей водой: кто вытащит из нее кольцо, будет признан правым.

Народная религия полна грубых и темных суеверий. Замечено, что большинство французских слов, касающихся религиозных знаний, вышли из ученой латыни, не пройдя сквозь народную переработку.

Невежество верных было чрезвычайное. Прежде Церковь требовала знаний от крещаемых, теперь утвердился обычай крестить новорожденных. Духовенство вынуждено было отказаться от общего причастия, — так много при нем происходило наивного кощунства.

IV. Литература[492]

Среди этого варварского общества духовная культура принизилась. В течение VI века последние светские школы находятся в агонии. На их месте там и сям рождаются епископские и монастырские школы, но организация их совершенно рудиментарна. Обучение детей иногда поручают архидиакону, но чаще всего их отдают первому попавшемуся учителю. Впрочем, их роль ограничивается обучением чтению и письму, да кое-каким священным книгам. Более ученые присоединяют к этому чтение двух-трех языческих и христианских авторов и изучение римских законов. Некто Андархий считался образованным человеком, так как знал Вергилия, кодекс Феодосия и умел считать. В эту пору «Сатирикон» Марциана Капеллы служил руководством для изучения «семи искусств», составлявших как бы высшее образование в Средние века: грамматики, диалектики, риторики, географии, астрологии, арифметики и музыки.

Из писателей этого времени никто не представляет такого интереса, как Григорий Турский: меровингское общество оживает в его рассказах. Он родился около 538 г., стал турским епископом в 573 году, умер в 594. Его отец, Флоренций, принадлежал к галло-римской аристократии. Григорий охотно повторяет,

что в Галлии нет более благородной семьи, чем его семья. Это был добрый и бодрый пастырь. Милосердный к пастве, всегда готовый защищать ее интересы, он говорит о ней с трогательной нежностью. Рассказывая об эпидемии, постигшей Галлию в 580 году, он говорит: «Мы потеряли из нашей паствы двух кротких и милых малюток, которых хотели бы согреть на нашей груди, носить на руках, заботливо кормить». Он любит смиренных и обездоленных. Не раз добивается он для своих турцев облегчения налогов. Пред лицом меровингских королей он смел и независим.

Он был поставлен в благоприятные условия, чтобы написать историю своего времени. Она развертывалась, можно сказать, на его глазах. Он посетил многие области Галлии, находился в сношениях с видными людьми. Одаренный любознательным умом, он любил вызывать на беседу, слушать рассказы, собирать факты и записывать все, что узнает. Его «История Франков», десять книг которой простираются до 591 года, дополняется рядом агиографических рассказов, богатых деталями, характеризующими идеи, нравы, верования VI в.[493] Но если он много пишет — он постоянно извиняется в этом, так как знает свое невежество. Во всяком случае, он признает себя не ниже своих современников, так как, по его словам, воспитан заботливо. По этому можно судить, чем было тогда хорошее воспитание: он выучился читать и писать к 8-ми годам, знал Вергилия, немного — Саллюстиева Катилину. Здесь остановилось его классическое чтение, и он, как сообщает сам, бросил языческую грамматику и литературу для священных книг. Но и здесь его образование не пошло далеко: он знает Св. Писание, которое часто цитирует, несколько новозаветных апокрифов, несколько житий святых, Сульпиция Севера, Пруденция, Сидония Аполлинария, Орозия, которых изучил хорошо, да еще десяток других авторов, намеки на которых у него попадаются. Западная патристика ему совсем неизвестна, тем менее восточная, так как он не знает по-гречески. Его богословское невежество чрезвычайно; даже об арианстве, о котором он часто говорит, и которое он ненавидит, он имеет самое смутное понятие. Вместе с тем, однако, Григорий — писатель. Он имеет собственный стиль. От него не следует ждать ни правильности, ни настоящей простоты, ни изящества. В стремлении украшать свою прозу, он загромождает ее отвлеченными словами, метафорами, амплификациями, но у него живое воображение и нередко живописные приемы. Одаренный чутьем движения и колорита, он часто схватывает характерные черты. У него есть и некоторые достоинства историка: он инстинктивно понимает, что для полной картины эпохи недостаточно дать образы крупных событий и лиц: он ведет нас по всей Галлии VI века, от королевской виллы к епископскому дому, от города к деревне; он долго останавливается на ссоре двух безвестных горожан и приключениях развратного священника. Он любит анекдоты и хорошо их рассказывает, умея ярко осветить существенное.

Когда речь идет о чудесах, он проявляет ребяческое легковерие, но когда вера его не затронута, он не лишен критического чутья. В своей «Истории Франков» он всегда основывается для эпохи, предшествовавшей его собственной, на

надежных авторах, иногда таких авторах V века, которые впоследствии исчезли: Сульпиции, Александре, Ренате Профутуре, Фригериде. Он понимает ценность официального документа и сохранил нам дословно Анделотский договор. Он знает, как много можно извлечь из легенды или народной песни. Иногда он пытается разрешать проблемы, которыми доныне занимается наука, например о происхождении королевской власти у франков, и разрешает ее на основании разбора текстов. Наконец, также для своего времени он не принимает без оговорок всех сообщений и рассказов.

Его часто упрекали за то спокойствие, с каким он рассказывает гнусные и отталкивающие преступления и мошенничества. Когда речь идет о друзьях Церкви, он проявляет чрезвычайную снисходительность. К ее врагам он несправедлив до клеветы. Приверженность к церковным интересам зачастую искажает его оценку, но надо отдать ему справедливость: он не скрывает фактов, которые помогают ее исправить. Нельзя сказать, чтобы он оставался равнодушен к преступлениям и смутам, растущим вокруг него; он постоянно повторяет, что живет среди жестокого и грубого общества. В итоге, если он и ошибался, если его хронология неточна, все же он является заслуживающим доверия руководителем. Нелегко найти в его времена писателя, который так умел восстанавливать лицо своей эпохи.

Рядом с Григорием, другие хроники представляются бледными. Наиболее значительная из них та, которую без основания приписывали некоему Фредегару, и которая с ее продолжениями простирается до 768 года. Один из этих безымянных хронистов, подобно Григорию, сознает то варварство, среди которого живет. «Мир стареется, — говорит он, — лезвие ума тупеет, никто теперь не сравнится с писателями прежней поры». Около 727 года в северной Франции некий нейстриец пишет под заглавием «Liber historiae Francorum» (Книга истории Франков) или «Gesta regum Francorum» (Деяния королей Франков), хронику, изображающую судьбы франков от сказочного троянского начала и совершенно лишенную критики и плана.

В начале VI века Галльская Церковь имела поэта. Авит, игравший важную роль в Бургундии, сложил поэму, где рассказывалось о сотворении мира, первородном грехе, изгнании из рая, потопе и переходе через Красное Море. Первую часть ее Гизо сравнивает с Потерянным Раем Мильтона, отдавая преимущество галльскому поэту, который, не удовлетворяясь пересказом Библии, проявляет поэтическое творчество. Но после него церковная литература не давала уже ничего подобного. Если Григорий Турский — единственный историк меровингской эпохи, то Фортунат — ее единственный поэт, да и тот иностранец[494], расточавший каждому встречному свои льстивые дистихи: Фредегонде, епископам, герцогам, графам. При всей их ходульности, поэмы Фортуната дают материал для характеристики эпохи. Став другом Радегунды, он поселился в Пуатье, сделался священником, потом епископом. Здесь по просьбе Радегунды, он написал свои лучшие произведения, между прочим трогательную элегию о браке и смерти Галесвинты, поэму

о гибели Тюрингии. Он же — автор многих церковных гимнов, доныне поющихся в католических храмах, как Vexilla regis prodeunt и Pange lingua.

Научная культура исчезла совершенно. Даже богословие не создает ничего достойного упоминания. Христианская мораль представлена небольшим числом проповедей, из которых заслуживают интереса проповеди Цезаря и Колумбана. Из всех литературных родов расцветает только агиография, питающая невежественный народ смесью поэтического и чудесного. Это — Жития святых, где изображается жизнь героя от рождения до смерти, или особые сборники рассказов об их чудесах.

Этот литературный род имеет свои законы. Вначале обыкновенно автор заявляет о достоверности своего повествования: он сообщает, что его факты идут из надежного источника, или — что он сам был их очевидцем. Затем начинается ребяческая и дутая реторика. Агиограф считает оскорблением для своего героя все простое и правдоподобное. Самые чудесные анекдоты, изобретенные для одного жития, переходят в другое, создавая те «общие места», которые затем авторы без всякого стеснения заимствуют друг у друга, связывая их приемами изысканной и вместе с тем варварской фразеологии. Но и среди этой литературы историк найдет немало ценного материала для характеристики нравов, идей, событий. Особенно интересны жития св. Леодегария, св. Аманда, св. Элигия и др.

Груба духовная пища, предлагаемая Церковью! Незнание античности становится почти догматом для самых ревностных христиан. «Церковь, — пишет св. Одоэн, — говорит не с праздными поклонниками философов, а со всем человеческим родом. К чему нам Пифагор, Сократ, Платон, и какую пользу принесут христианской семье басни безбожных поэтов, как Гомер, Вергилий, Менандр, истории, которые рассказывают язычникам Саллюстий, Тит Ливий, Геродот?»

А между тем, вне Церкви зарождается новая литература. Со времен Тацита германцы в песнях своих прославляли своих богов, генеалогию и подвиги своих героев, судьбы народа. Эта традиция не исчезла. История Хлодвига и его преемников, история Дагоберта дала новый материал варварским поэтам. Григорий и его подражатели знали их, пользовались ими; отзвуки их песен чувствуются там и сям в их рассказах. В наши дни историческая критика начинает выделять из хроник эти эпические и лирические элементы. Брунгильда, являющаяся у Фредегара с чертами исторической личности, — в «Книге истории Франков» становится героиней варварской эпопеи. Характер этих рассказов обнаруживается в одном примере. Фредегонде грозит нашествие врагов. «Узнав, что их армия велика, она созвала своих и сказала: Поднимемся ночью и пойдем на них с факелами в руках; товарищи, которые пойдут во главе, будут держать в руках древесные ветви и привяжут колокольчики на шею лошадей, чтобы часовые врага нас не узнали. Когда день взойдет, мы бросимся на них и одержим победу... План выполнен. Ночью сама Фредегонда «садится на коня, держа на руках маленького Хлотаря. Так приехали в Друази. Но один из австразийских часовых, заметив на горах зеленые ветви, которые несли франки, и услышав звон колокольчиков,

сказал: Разве не было вчера открытых полей там, где мы видим лес? И товарищ ответил ему, смеясь: Ты пьян и бредишь. Разве ты не слышишь колокольчиков наших коней, пасущихся возле леса? Но день настал, и франки, ринувшись с громким звуком труб на спящих австразийцев и бургундов, перерезали их во множестве, — старых и малых»[495].

Важные события воспевались не только в германских песнях, но и на вульгарном латинском языке. В Житии св. Фарона, епископ Мо, сохранился такой отрывок:

«De Clotario est canere, rege Francorum
Qui ivit pugnare in gentem Saxonum.
Quam graviter provenisset missis Saxonum,
Si non fuisset inclytus Faro de gente Burgundionum.»[496]

Это была хороводная песня, которая, как сообщает агиограф, была у всех на устах, и которую женщины пели с пляской. Не следует видеть во всех подобных песнях *остатки* древних эпопей; вернее, — что они *предшествовали* французским chansons de geste (песням о деяниях), и что в последних проявляются некоторые мотивы отдельных рассказов меровингской эпохи. Так Дагоберт оживет под именем Флоовента.

При дворе королей и сеньоров встречались и германские, и латинские поэты. «Пусть римлянин, — говорит Фортунат герцогу Лупу, — поет тебе на лире, и варвар на арфе...» Сами германцы начинают принимать латинские язык. Меровингские короли любили щеголять хорошим латинским языком. Правда, этот латинский язык, в конце концов, был довольно жалок. Сам Григорий Турский признает, что он пишет «деревенской латынью» — той, какой говорят вокруг него. «Его язык, — прибавляет он, — понятен народу». В эту эпоху нельзя уже говорить о противоположности двух языков — литературного и народного: это один и тот же язык, только меняющийся в зависимости от области и класса населения. Он в полной вражде с грамматикой, но его варваризмы и солецизмы не случайны; у них есть свои основания, и они породят новые законы. Григорий, например, хорошо знает, что понимание падежей и родов исчезает: «невежественный и глупый человек, — говорит он самому себе, — ты не умеешь различать имен, ты употребляешь мужской род, вместо женского, и наоборот. Ты плохо ставишь предлоги и путаешь accusativus с ablativ'ом».

Прежде всего меняется фонетика. В группе гласных все время путаются *e* и *i*, *o* и *u* (manefestus, вм. manifestus, custus вм. custos, victur вм. victor), в группе согласных смешиваются *p* и *b*, *d* и *t*, *c* и *g*, *t* и *th*. Эти изменения отражаются на форме слов и жизни флексий. Прежние типы склонений исчезают; происходят самые неожиданные перекрещивания склонений: villabus вм. villis, patri вм. patris, tempore вм. temporis. Падежи заменяют друг друга; на место именительного появляется винительный. В общем все же склонение удерживает некоторые позиции. Не меньше брешей пробито в спряжении. Особенно пострадал синтаксис; элементарнейшие правила употребления и согласования нарушаются. Смысл

предлогов колеблется и путается. Особенно много места захватывает предлог de, который вытеснит genitiv и будет играть господствующую роль в романских языках. Теперь стремятся предлогами заменять изменения флексий[497]. Это одна из характерных черт новых языков, которые уничтожают флектировку. Она заметна и в глаголе, который стремится при помощи вспомогательного habere вытеснять правильные формы времен[498].

Стиль Григория Турского есть образец средней латыни его эпохи. В старейших редакциях Салической Правды, в сборниках юридических формул она еще грубее, еще неправильнее, но ошибки и изменения в общем покоятся на тех же основаниях. Так, под покровом старого языка, мы видим нарождение новой речи. Тонкости классической морфологи и синтаксиса стесняют ее деревенскую неповоротливость: она их портит — или уничтожает. Так, варвар, одетый в тогу, затрудняющую его своей сложной драпировкой, путает ее складки и постепенно приспособляет ее к своей походке.

Еще меньше знаем мы о судьбе германских наречий в Галлии. На них говорили, несомненно, особенно был в употреблении франкский язык, но в какой мере? Почему и как в большинстве областей он был побежден латинским? Этот процесс, результаты которого нам видны, ускользает от наших изысканий. Всюду, где римляне составляли большинство, германцы, затерянные среди них, оставляют употребление своего языка. Та же судьба постигает латинский язык в областях с преобладающим германским населением. В V веке Сидоний Аполлинарий хвалит Арбогаста, жившего в Трире, за то, что он сохранил изящный латинский язык, «уничтоженный в областях Бельгики и Рейна». В пограничном поясе, где граница немецкого и французского языков может быть намечена с точностью, констатировано, что в течение последних веков немецкий язык уступил французскому[499].

У нас нет письменных памятников, которые могли бы осветить историю франкского языка в VI и VII веках, кроме мальбергской глоссы Салической Правды, да собственных имен. Можно только установить, что в областях даже господствующей латыни нашествие внесло не менее 1000 слов, образующих как бы гнезда в языке. Это: 1) термины военные — guerre (война), epieu (рогатина), heaume (шлем), éperon (шпора), éxtrier (стремя) и т. д. 2) Юридические — ban (бан), gage (залог), saisir (налагать арест), garantir (гарантировать), fief (фьеф). 3) Памятники, означающие жилище, мебель, одежду: bourg (городок), hameau (деревушка), faite (конек кровли), banc (скамья), fauteuil (кресло), robe (платье), gant (перчатка), echarpe (перевязь). 4) Термины сельского быта: lande (ланды), haie (ограда), jardin (сад), bois (лес), gerbe (сноп), mousse (мох). 5) Известное число слов, характеризующих духовную жизнь: orgueil (гордость), gai (веселый), gaillard (весельчак), joli (милый), morne (мрачный). 6) Слова, означающие краски: blanc (белый), bleu (синий), blond (светлый), brun (коричневый), gris (серый)[500].

Если в повседневной практике жизни германские слова вытеснили латинские, как не признать участия германского элемента в образовании нового общества?

V. Искусства[501]

Строя стены для обороны против вторжений, галло-римляне разрушили много античных памятников (**см. стр. 172 и сл.**). Но некоторые традиции античного искусства, хотя и искажаясь и грубея, продолжали жить. Германцы делали свои постройки из дерева и создали особый декоративный стиль, известный в настоящее время по раскопкам, произведенным в нескольких варварских некрополях в Шарнэ и Гурдоне, в Бургундии и др. С другой стороны, еврейские и сирийские колонии, столь многочисленные в Галлии VI веке, внесли некоторые элементы греко-восточного искусства.

Из смешения этих элементов создалось меровингское искусство.

Светская архитектура в эту эпоху по-прежнему представлена виллой. Современные писатели почти всюду описывают ее, как пышный дворец (aula) с портиками, банями, парками, бассейнами и водопадами. Епископ Трирский, Ницетий, имел такой дворец на одном из утесов над Мозелем, высотой в три этажа, поддерживаемый мраморными колоннами, с оружейной залой и капеллой в башне. Пред нами уже первоначальные очертания феодального замка.

Но меровингская архитектура была, по преимуществу, церковная. Церкви IV и V веков, наскоро построенные и большей частью сгоревшие, лежали в развалинах или были недостаточны для растущей массы верующих. Всюду воздвигаются новые храмы, реставрируются и расширяются старые. Короли и епископы руководят движением. Закладка происходит с большой торжественностью: присутствует духовенство и народ, поют гимны. В ряду королей усердными строителями были Хильдеберт и Гунтрамн, в ряду епископов — Григорий Турский и Леонтий Бордоский.

Знаменитейшими базиликами были: базилика Мартина Турского, построенная в 470 году епископом Перепетуем на месте скромной капеллы, клермонская, воздвигнутая епископом Намацием, нантская — постройки епископа Феликса, Сен-Жермен де-Пре у Парижа, сооружение Хильдеберта; лионская — епископа Пациана. Сидоний Аполлинарий описывает в своих стихах эту базилику, «встречающую своим высоким фасадом солнечный восход»; Сона катится у ее подножия, «хор гребцов, склонившихся к веслам, шлет Христу размерную песню, тогда как с берега несется ответ: "алиллуия!"».

Ни один из этих памятников не сохранился. Остатки этой эпохи можно видеть только в крещальне св. Иоанна в Пуатье, части крипты св. Павла в Жуарре и св. Лаврентия в Гренобле. Чтобы составить себе представление о меровингских базиликах, надо обратиться к текстам писателей, которые их видели, и к современным им базиликам Италии. Они сохраняют план прежних церквей: атриум, нартекс, три нефа. Поперечный неф пересекает их перпендикулярно, придавая зданию вид креста. Место пересечения венчается башней, дополненной деревянным павильоном (turritus, apex, arx), в котором видят варварское дополнение к типу латинской базилики. В VI и VII веках эта башня служит

фонарем. Позже на нее повесят колокола. Чаще всего церковь воздвигается на могиле святого. Тело святого полагается под алтарем в крипте, являющейся либо подземным склепом, либо покрытым сводами сооружением, куда могут проникать верные[502].

Красивые, но довольно малые меровингские церкви строятся из небольших камней, проложенных кирпичами. Потолок деревянный, стропильный, крыша железная. Но под варварским влиянием все чаще строятся деревянные церкви, особенно на севере и в центре.

Впечатление этих базилик дополняется внутренним убором. Колонны, делящие нефы, украшены капителями и часто несут на себе кафедры. Стены покрыты позолотой и шелковыми тканями. Окна украшены стеклами, где рука искусного художника «пленила свет». Полы бывали мозаичные. Современные писатели восторгаются этим убором, «напоминающим храм Соломона». Но он на большую половину заемный; колонны украдены из ограбленных античных храмов, их капители обезображены ради строительных соображений, шелковые материи привезены с востока. На деле декоративное искусство было в глубоком упадке.

Особенно жалкой представляется скульптура. Мы находим в ней декоративные мотивы, заимствованные у варварского искусства (ломаные линии, зигзаги, спирали, плетенье), у восточного (маргаритка, шестигранная звезда, плетенка, улитка, лилия, пальметта, пиковый туз), у христианского (рыба, якорь, крест). Но исполнение грубо-неуклюже. Фигуры едва выделяются, растения и животные настолько условны, что их едва распознаешь.

Это можно заметить на саркофагах. Григорий Турский сообщает нам о саркофагах Клермона и Дижона, «из паросского мрамора, чудесно изваянных, представляющих чудеса Христа и апостолов». Их было так много, что он думал было написать их историю: один из них привезен из Италии, другие местного производства. Мы знаем две школы Галлии: одна — арльская IV—V вв., работающая римскими приемами, другая — юго-западная VI и VII вв. Растущее варварство ясно чувствуется, когда переходишь от одной к другой. Если некоторыми мотивами юго-западные саркофаги и примыкают еще к классическим традициям, — они резко отличаются от них выбором сюжетов, преобладанием растительного орнамента и особенно неумелой работой резцом.

Что касается живописи, от которой не сохранилось ничего, — она изображает сцены из жизни Спасителя или святого, которому посвящена была церковь. На стенах турской базилики изображено было, как св. Мартин исцеляет прокаженных, делит свой плащ, отдает свою тунику, воскрешает мертвых, срубает сосну, низвергает идолов, обличает ложного мученика. Григорий Турский рассказывает, что жена епископа клермонского, Намация, построили за городом базилику и велела живописцам расписать ее событиями из жизни святых. «Она держала на коленях книгу, читала из нее истории прошлого и указывала живописцам, что они должны изобразить на стенах». Поэты сочиняли подписи, объясняющие народу смысл этих историй. До нас дошли подписи Фортуната в турской базилике.

В меровингскую эпоху мертвых хоронили в одеянии с оружием и украшениями: кольцами, браслетами, пряжками, ожерельями, серьгами. В этом похоронном приданом особенно тщательно отделаны две вещи: фибула и аграф. Орнаментация их разнообразна: тут геометрические и цветочный мотивы — лошади, змеи, фантастические животные, как гриф, птица с большим глазом и кривым клювом, человеческие головы, иногда — крест и рыба. На бургундских аграфах изображается Даниил с двумя львами. Работа крайне варварская. Церкви хранили чаши, ковчежцы, вотивные венцы, оклады для Евангелия. Многие из этих предметов украшены «перегородчатым стеклом» — opus inclusorium[503], а еще чаще эмалью, перегородчатой (email cloisonné)[504] или выемчатой (email champlevé)[505]. Это искусство, созданное, чтобы поражать взор, очень ценилось меровингскими королями. Григорий Турский рассказывает, что Хильперих, показывая ему золотое блюдо в 50 фунтов, сказал: «Я сделал его, чтобы придать блеск народу франков. Я сделаю много таких, если Господь продлит мне жизнь». В Париже золотых дел мастера занимали лавку на Соборной площади. Из них знаменитейшим был св. Элигий[506]. Родившись вблизи Лиможа, он учился у тамошнего мастера Аббона, поступил на службу к Хлотарю II, потом к Дагоберту, работал над гробницами св. Германа, св. Женевьевы, св. Дионисия, св. Мартина, назначен был епископом Нуайона и умер в 665 году. Ему традиция приписывает до 20 произведений, между прочим бронзовое золоченое кресло, так называемое «кресло Дагоберта» (ныне в Национальной библиотеке), шелльскую чашу, крест и чащу из нефрита в Сен-Дени. Кажется, средневековье окрестило его именем все лучшие произведения древнего ювелирного мастерства. Во всяком случае, меровингское ювелирное искусство тесно связано по сюжетам и приемам с варварским. Вещи аналогичного характера находили и вне Галлии, и многие их мотивы идут из Персии: их принесли варвары во время своих далеких эмиграций.

В итоге, с какой стороны мы ни взглянем на меровингскую эпоху, все в ней находится в состоянии разложения. Античная культура рухнула, но новая не поднялась еще на ее развалинах. Церковь дезорганизуется, так же, как и окружающее ее общество. Ночь сгущается над умами, в то время, как политические учреждения слабеют, а воли разнуздываются.

КНИГА ВОСЬМАЯ
КАРОЛИНГИ[507]

ГЛАВА I
КАРЛ МАРТЕЛЛ И ПИПИН КОРОТКИЙ[508]

I. Войны и завоевания Карла Мартелла. — II. Просвещение Германии; св. Бонифаций. — III. Реорганизация Церкви. — IV. Первые Каролинги. Царствование Пипина.

I. Войны и завоевания Карла Мартелла

Смерть Пипина II поставила вопрос над судьбами его семьи и всего установившегося порядка вещей. Его внуки и наследники — Теодебальд, Арнульф и Гуго были еще детьми[509]. Их именем в Австразии и Нейстрии правила вдова Пипина, Плектруда. Но Нейстрия, во главе которой стоял майордом, Теодебальд, не отказалась от надежды вернуть свою независимость. В середине 715 года в ней происходит возмущение. Сторонники Теодебальда были разбиты, и с этого момента молодой майордом навсегда сходит со сцены. Нейстрийцы заменили его майордомом по собственному избранию, Раганфредом, вторглись в Австразию и соединились с Радбодом, герцогом фризов. Этот последний занял ту часть страны фризов, которая находилась под владычеством франков, изгнал оттуда священников, разрушил христианские церкви и восстановил идолов.

В стране царила смута. В этот-то момент и выдвигается третий сын Пипина, Карл, родившийся в 688 году от его наложницы, «прекрасной и благородной Альпаиды», тот, кому впоследствии, во вторую половину IX века дали прозвище Молота — Martellus. «Он был, — говорит хронист, — прекрасен собою, исполнен доблести, искусен в войне». Плектруда, которую беспокоила эта доблесть, начала с того, что посадила его в темницу.

В 715 году Карлу удается бежать. Он собирает вокруг себя знатнейших австразийцев и вступает в борьбу с фризами, а в 716 и 717 годах дважды побеждает нейстрийцев. Король Хильперих II, который наследовал Дагоберту III, вынужден был бежать в Париж вместе со своим майордомом Раганфредом, преследуемый австразийцами. Плектруда должна была вступить в переговоры с Карлом и отдать ему свои сокровища. Верный традиции австразийских майордомов, Карл Мартелл ставит своего короля, Хлотаря IV и, продолжая на востоке дело отца, опустошает Саксонию вплоть до Везера.

Между тем, в Аквитании растет движение за независимость. Между ее городами и васконскими племенами устанавливалось некоторое соглашение. В бассейне Гаронны организовалось обширное герцогство, под главенством некоего Эда (Одона). Хильперих и Раганфред слали дары новому герцогу и предлагали ему звание короля Аквитании в обмен за его союз и поддержку. В 719 году Эд присоединился к нейстрийцам под Суассоном, но союзники были разбиты на

голову Карлом. Сам Эд вынужден был искать спасения в бегстве и бросился за Луару, захватив Хильпериха и его сокровища. С этого момента сын Пипина является единственным господином Нейстрии как и Австразии. По смерти Хлотаря IV он признает королем Хильпериха. Когда же последний умер год спустя, франки выводят из Шелльского монастыря Теодориха, сына Дагоберта III, и возводят его на престол.

Дальнейшие энергичные усилия Карла Мартелла направлены на то, чтобы «уничтожить по всей Галлии тиранов, захвативших власть». Часть южной Галлии находилась под владычеством воинственного епископа Оксеррского, Саварика. Молния убила его в тот момент, когда он предпринял поход на Лион, но его преемник Аинмар «расширил (по выражению современного ему хрониста) свое могущество до таких пределов, что, можно сказать, стал герцогом всей Бургундии». Эвхерий, епископ Орлеана и племянник Саварика, пытался, по примеру дяди, создать себе княжество. Карл Мартелл вырвал Бургундию из рук этих узурпаторов и восстановил единство Галлии.

А впереди по-прежнему стояла задача завоевания Германии. Походы франков в эту страну были в сущности только набегами, которые снова и снова приходилось повторять. С 725 по 754 год Карл предпринимает два похода в Баварию, лишает власти Тейтбальда, герцога Аламаннии, опустошает страну фризов, сжигает в ней языческие храмы и вынуждает возмутившихся саксов снова признать себя данниками короля франков.

Новая опасность, однако, нависла над королевством франков[510]. В 711 году арабы перешли Гибралтарский пролив и три года спустя стали господами почти всей Испании. Лишь на севере, в Кантабрии, где царствовал король Пелагий, христиане еще держались. Вали Эль-Гаур, который именем дамасского халифа правил Испанией, в 720 году вторгся в Септиманию и взял Нарбонну. В следующем году неверные явились под стенами Тулузы. Эд Аквитанский вынудил их отступить, но они утвердились в стране, их шайки добрались до Нима и взяли Каркассон. Они поднимались по Соне и Роне и в 725 году 21-го августа разграбили Отен.

Во все это время не прекращалась война между Эдом и Карлом, который дважды опустошил Аквитанию. Ища поддержки против него, Эд обратился за помощью к одному эмиру северной Испании, Отману-бен-Аби-Носса, возмутившемуся против нового вали Абд-Эль-Рахмана, и предложил ему в замужество свою дочь. В 732 году Абд-Эль-Рахман, справившись с мятежным эмиром, вторгся в Аквитанию. Эд был разбит на берегах Гаронны, Бордо занят неприятелем, и церкви его охвачены пламенем. Затем ураган переносится на Пуатье. Базилика св. Илария, расположенная вне стен, сожжена, но город отстоял себя. Абд-Эль-Рахман не стал тратить времени на его осаду и двинулся на Тур, священную столицу христианской Галлии...

Тогда Эд решился просить помощи у Карла Мартелла, который и выступил в поход против сарацин и встретил их авангард у Сенона, близ Пуатье, на слиянии Вьенны и Клена. В продолжение восьми дней христиане и мусульмане

глядели друг на друга... Наконец, в субботу 17-го октября завязалась битва. Воины Карла сомкнулись тесными рядами. «Люди севера, — пишет один испанский анналист этого времени, — стояли, как стена, неподвижная и скованная холодом». Об эту стену разбилась арабская конница. Ночь остановила битву. С рассветом франки, видя, что вражеский лагерь расстилается в прежнем порядке, приготовились к атаке. Однако обнаружилось, что арабы воспользовались темнотой, чтобы бежать. Абд-Эль-Рахман был убит. Остатки его армии вернулись на территорию, принадлежавшую мусульманам.

Битва при Пуатье богата следствиями в истории Запада. Это сознавали и ее современники. Один хронист, рассказывая о ней, называет франкских солдат «европейцами», и действительно, в этот день, который решил, что Франция не станет сарацинской страной, подобно Испании, франки отстояли Европу от народов Азии и Африки. В следующем году Абд-Эль-Мелек, преемник Абд-Эль-Рахмана, хотевший отомстить за поражение Ислама, был остановлен в Пиренейских ущельях.

И, однако, арабы оставались хозяевами Септимании и стремились захватить Прованс. Действуя из Нарбонны, они взяли Арль и Авиньон (735 г.). Первый поход Карла в долину Роны не имел прочных результатов. «Сарацины огнем и мечем опустошили почти всю Аквитанию и другие провинции. Они грабили жестоко Бургундию, жгли монастыри, предавали поруганию святые места и уводили в Испанию бесчисленных пленников». Состояние страны было благоприятно неверным: владычество франков, которое никогда не было в ней особенно прочным, постепенно исчезло совсем. Сильные местные семьи создали в стране самостоятельные княжества. Многие графы, чтобы сделаться независимыми от франков, вступили в сношения с сарацинами.

В 737 году армия, которую вел герцог Хильдебранд, второй побочный сын Пипина II, спустилась в долину Роны. Карл примкнул к ней подле Авиньона, овладел им и двинулся к Нарбонне. Вспомогательные отряды, посланные из Испании, остановились в семи милях от войска франков. Франки бросились на них, и битва завязалась в том месте, где речка Берр вливается в болота Сижана. Сарацины бежали. Мы не знаем, почему после этого Карл Мартелл ушел, не отвоевав Нарбонны. На обратном пути он разрушил укрепления Агда, Безье и Магелоны. В Ниме он поджег ворота и «арену» (амфитеатр), которые служили крепостью сарацинам. «Тогда-то, — замечает современный хронист, — победив своих врагов, по указанию Христа, который во всем ему покровительствовал и давал ему победу, Карл вернулся в страну франков, седалище его могущества».

В 739 году сарацины снова переходят к наступлению и снова занимают Арль. На этот раз Карл Мартелл обращается с призывом к лангобардам[511], интересы которых в данном случае совпадали с интересами франков. Арабы проникли уже в Новалез, и их отряды понемногу пробивали дорогу в Италию. Карл послал молодого сына своего Пипина к королю Лиутпранду, который «принял его в сыновья», по германскому обычаю. Когда лангобарды явились в долину Роны, сарацины бежали. Тогда Карл Мартелл проник в Прованс, вступил в Марсель

и конфисковал имущество всех, которые предали дело христианства. «Мы даем, — говорит он в одном дипломе — Аббо-Тарсии, дочери Гонории, нашей вольноотпущенной, имущества Рикульфа (расположенные в Провансе и Дофинэ), ибо он, нарушив верность государству франков, соединился с сарацинами и участвовал в их хищениях».

Сарацины все еще занимали Нарбонну, но их наступательному движению был положен конец. Вместе с тем оно начинает замирать в самом своем источнике. Те шайки берберов, которые, проходя через Испанию, бросались на Галлию, выходили в большинстве из Африки, и именно из Магриба. Но незадолго до битвы при Пуатье здесь начинаются религиозные разногласия, что производит глубокую смуту в среде населения, недавно только обращенного к Исламу. В 740 году они восстают. Борьба затянулась на долгие годы, и далекие походы остановились. Арабские шайки еще продолжали совершать набеги в долину Роны, но эти набеги не привели к сколько-нибудь прочному утверждению их в стране.

Эд, вождь Аквитании, умер в 735 году. Ему наследовал сын его Гунальд, от которого Карл потребовал присяги на верность. Когда тот отказал, Карл вторгся в Аквитанию, захватил Бордо и Блэ. Владычество франков снова утверждалось на юге Галлии. Правда, новое ее завоевание будет совершаться медленно и столкнется с упорным и жестоким сопротивлением.

II. Просвещение Германии; св. Бонифаций[512]

Подобно своим предшественникам, Карл Мартелл поддерживал в Германии христианские миссии, которые прекратившись в пору смут, волновавших франкскую монархию, возрождаются в конце VII века . В 722 году Карл утверждает Виллиброрда, «архиепископа народа фризов», во власти над Утрехтской Церковью. Один знатный фриз Вурсинг, обращенный Виллибрордом в христианство, получает от него земли и становится ближайшим помощником в его миссионерской деятельности. Внук Вурсинга, Лиудгер, закончит обращение страны.

В Аламаннии Карл поддерживал Пирмина, который ставил своей задачей бороться с сильно еще распространенными языческими обычаями. В 729 году он основал здесь монастырь Рейхенау. Преследования, которым он подвергался со стороны герцога Тейтбальда, заставили его искать убежища в Эльзасе, где он основал и реформировал немало монастырей, как Мюрбах, Мармутье, Невиль. Одно из его писем рисует нам картину переживания язычества в этой стране. Камни, деревья, источники, столбы перекрестков являются предметом культа. Ищущие исцеления вешают на них изображения больных членов. Здесь призывают еще в молитвах старых германских богов — Фрею и Холлу. Пирмин ведет умелую и упорную борьбу с язычеством, и под его влиянием христианская жизнь прочнее насаждается в стране аламаннов.

Но главным апостолом Германии был англосакс Винфрид, переменивший это имя на имя Бонифация. Сын благородного сакса из Уэссекса, он родился,

по-видимому, между 672 и 675 годами. Юность его прошла в монастырях Британии, где в то время, наряду с практикой аскетизма, процветали литературные занятия. Здесь изучил он грамматику и метрику, здесь же приобрел он основательное знание Св. Писания. Но книжные знания не могли удовлетворить этого монаха, который имел горячую душу апостола. В конце 717 года он отправляется в Рим, и 15 мая 719 года получает от папы Григория II миссию «к самым диким народам Германии». Пройдя Баварию и Тюрингию, Бонифаций приходит к Вилли-бородy, чтобы подготовиться к своей задаче. Здесь он проводит три года. Архиепископ фризов хотел удержать его при себе и сделать своим преемником, но Бонифаций мечтал о завоевании для Церкви новых девственных стран.

Он начинает свою апостольскую миссию в Гессене, и успех его проповеди так велик, что вскоре приходится подумать о церковной организации обращенной страны. Он просит указаний у папы. Григорий призывает его в Рим и 30-го ноября 722 года посвящает его в епископы Гессена и Тюрингии, причем Бонифаций приносит следующую присягу: «Клянусь, что ничьи советы не склонят меня к тому, что могло бы пойти в ущерб единству всеобщей и вселенской Церкви; клянусь хранить веру и чистоту, во всем служить Твоей Церкви и Тебе, кому Бог дал власть вязать и решить. Если я встречу священников, восстающих против древних правил святых Отцов, я не буду иметь общения с ними. Наоборот, я им буду противиться, если смогу; если не смогу, — я немедленно и верно уведомлю о том апостольского моего владыку».

Таким образом, Бонифаций стал папским легатом в Германии, исполнителем велений папства, устроителем католической дисциплины. Святому Престолу всегда грозила возможность встретить в епископах и духовенстве той или иной страны стремление образовывать национальные Церкви, управляющиеся местными силами и обсуждающие свои дела на национальных соборах. До сих пор большинство германских миссий было независимо от римской курии. Многие из них приходили из монастырей Шотландии и Ирландии, живших совершенно самостоятельной, своеобразной жизнью, которая выходила из рамок римской церковной дисциплины. Этой-то дисциплине хотел теперь папа подчинить девственные земли Германии, как век тому назад ей подчинились англосаксонские королевства. Бонифаций и вышел из этой англосаксонской Церкви, которая склонялась перед Римом и слала к апостольским стопам толпы паломников, среди которых были князья и короли. И его личный вклад, и его церковное воспитание как бы предрасполагали его к тому, чтобы стать преданным слугою апостольского трона. Душа его, по собственному признанию, печальна и полна тревоги и сомнений. Он, который с опасностью для жизни несет благую весть народам, находится в вечном страхе заблуждения. Ему нужно «право», устав, и он ждет его от папы. Он хочет знать, «чему учит, что соблюдает Римская Церковь» — и в великом, и в малом: можно ли есть мясо лошади, цапли... Он хочет жить и умереть in servitio apostolicae sedis, на служении у апостольского престола.

Но, чтобы выполнить свою двойную задачу реформатора и апостола, Бонифаций, как и Виллиброрд, как Пирмин, нуждается в поддержке Карла Мартелла, и как и они, — получает ее. Воинственный майордом понимает, что одними победами и избиениями трудно насадить и заставить уважать в Германии франкское владычество. Он дает посланнику св. Петра охранную грамоту, где объявляет герцогам, графам и другим должностным лицам, что он принял его «под свою руку — mundeburdis и под свою защиту». Со своей стороны Бонифаций отдается «под его власть и его покровительство». Так, в духовном смысле, миссионер делегирован папой, в мирском — королем, и «соединенные усилия слуги папства и вождя франков спасут сотни тысяч душ».

Бонифаций прежде всего пошел в Гессен, который был ему уже знаком. В Гейсмаре он срубил дуб, посвященный Одину, и из его священного дерева построил ораторий, посвященный св. Петру. Отсюда он пришел в Тюрингию и в этой наполовину обращенной стране повел упорную борьбу с языческими обычаями и суевериями, искажавшими христианский облик местной жизни.

Среди своих трудов и испытаний англосаксонский монах хранит живую память о монастырях, где протекла его юность. Он поддерживает отношения со своими соотечественниками, поверяет им свои печали, просит их молитв. Из Англии приходят самые активные его сотрудники: Луллий, Денегард, Бурхард. Он переписывается с некоторыми благочестивыми женщинами-друзьями в Англии; он пишет послания, полные порывов мистической любви к настоятельнице Эадбург (Eadburg), которую «обвивает золотыми цепями любви духовной, и с которой сливается в целомудренном и божественном поцелуе нежности». Он призывает к себе Хунихильду, Хунитруду, Теклу и кроткую Лиобу, «прекрасную, как ангел, обаятельную в слове, ученую в Писании и в святых канонах». Наряду с мужскими монастырями Аменебурга, Фрицлара и, впоследствии, Фульды, создаются в Германии женские монастыри в Кицингене и Оксенфурте.

Григорий III, сменивший на папском престоле Григория II, продолжает его политику. В 732 году он дает Бонифацию паллий с титулом архиепископа и с правом посвящать епископов. В 738 году он посылает его в Баварию и Аламаннию и пишет послание епископам этой страны, в котором рекомендует им повиноваться его представителю, испрашивать его указаний относительно обычаев и правил католической церкви и являться на соборы, которые он будет созывать. Бонифаций является в Баварию как раз в тот момент, когда Карл Мартелл поставил там герцогом Одилона из благородной семьи Агилольфингов, доброго слугу Церкви. С его поддержкой посланник св. Петра делит страну на 4 епископства: Пассау, Регенсбург, Зальцбург и Фрейзинген, и назначает в них епископов. По этому поводу Григорий III пишет ему приветственное послание: «Не оставляй, дражайший брат, внушать им святое католическое и апостольское предание Римского Престола, дабы просветились их грубые еще души, и шли они по пути спасения». В Тюрингии и Гессене были созданы три епископства, центрами которых были Бурабург (ныне не существующий уже город), Вюрцбург и Эрфурт.

Успехи христианства и Римской Церкви в странах Германии притягивают к личности Карла Мартелла внимание папства. Григорий II в особом послании рекомендует ему миссионера, которому он поручил «нести проповедь народам Германии, живущим направо от Рейна и еще одержимым заблуждениями язычества и мраком невежества». Так начались сношения между Святым Престолом и вождем франков. Вскоре Григорий III будет просить у Карла Мартелла иного рода помощи...

В течение уже целого века продолжали лангобарды дело завоевания Италии. От Альп они постепенно распространили владычество свое на юг полуострова. В 739 году король Лиутпранд стоял лагерем подле Рима на Campus Neronis (Поле Нерона); несколько крепостей, павших под ударами его оружия, были сравнены с землей. Если бы римлян отрезали от Равенны, они не могли ждать помощи с востока. Папа вспомнил о той поддержке, какую некогда оказали франки императорским отрядам во время войн с готами.

Он послал к Карлу епископа Анастасия и священника Сергия, которые должны были просить его «спасти римлян от гнета лангобардов» и передать ему «ключи исповедания Святого Петра». Эти ключи были чем-то вроде почетного знака, который римские первосвященники посылали выдающимся и сильным людям в знак дружбы. Им приписывали чудесную силу.

Но франки только что с помощью лангобардов изгнали сарацин из Прованса. С другой стороны, римляне вызвали справедливое неудовольствие Лиутпранда, поддерживая против него возмутившихся герцогов Сполето и Беневента. Карл был бы неблагодарным, если бы пошел против старых союзников. Он очень милостиво принял папское посольство, осыпал его дарами и отослал в Италию в сопровождении двух франков: аббата Корбейского Гриммона и монаха св. Дионисия, Сигеберта. Дальше этой демонстрации он не пошел. Год спустя, Григорий III возобновляет свои просьбы перед «вице-королем франков». Он «заклинает его, во имя Господа живого и истинного, не продавать любовь к князю апостолов за дружбу к королю лангобардов». Карл остался глух к этому призыву.

Карл Мартелл умер 22 октября 741 года в Керси-на-Уазе и был погребен в базилике св. Дионисия. Согласно выражению своего главного историка, он «победил все соседние страны и властвовал над двумя царствами (Австразией и Нейстрией) в течение 26 лет». Он работал над воссозданием regnum francorum (королевство Франков), над восстановлением величайшей державы, какая только создалась на почве старой Империи, первого государства нового мира. Силой своего оружия и влияния, той поддержкой, какую он оказывал миссионерам, он помог ввести Германию в западную христианскую семью. Так, мало-помалу намечалась будущая Европа — христианская Европа. Эту Европу он победоносно защищал от Ислама. С другой стороны, с ним положено было начало союзу франков с папством, союзу столь чреватому последствиями. Карл Мартелл еще не понимал до глубины того дела, которого был энергичным работником. Только будущее раскроет вполне значение событий, совершившихся в его правление. Личность

его рисуется нам не вполне ясно. Несомненно, это был человек сильный, смелый завоеватель, энергичная, мужественная натура. Анналисты отмечают, как исключение, те годы его жизни, которые прошли без военных походов, и все упоминания о его войнах кончаются торжественными формулами, в которых чувствуется непрерывный энтузиазм борьбы и неизменных побед.

Рядом с Карлом, однако, жил еще меровингский король Теодорих III. Когда в 737 году он умер, Карл не решился надеть корону. Но он не дал ее никому, рассчитывая, что франки постепенно забудут старую свою династию.

III. Реорганизация и реформа Церкви[513]

Карл Мартелл имел от жены своей Хротруды двух сыновей, Пипина и Карломана, и от наложницы своей Свангильды, которую он привел из баварского похода, побочного сына Гриппона. В 741 году, за несколько месяцев до смерти, он по совету со знатными людьми королевства разделил государство законным своим детям. Карломану, старшему, достались Австразия, Аламанния, Тюрингия; Пипину — Бургундия, Нейстрия и Прованс. Но Свангильда восстала против дележа, обездолившего ее сына, и для Гриппона была составлена третья часть — из отрезков Нейстрии, Австразии и Бургундии. Тотчас после смерти Карла Мартелла между Гриппоном и его братьями вспыхнула вражда, а вместе с тем, в племенных герцогствах, покоренных франками, начался ряд восстаний. Тейтбальд вступает в Аламаннию, Гунальд восстает в Аквитании; Одилон Баварский, дядя Свангильды, женится на Хильтруде, сестре франкских государей, вопреки их запрещению. Королевство франков снова в опасности.

Сперва Карломан и Пипин идут против Гриппона, берут его в плен и заключают в Невшателе в Арденнах. Свангильда сослана в Шелльский монастырь. Затем оба государя прилагают все усилия, чтобы «восстановить порядок в государстве и вернуть провинции, которые после смерти их отца оторвались от единения с франками». В 742 году они переходят в Аквитанию, жгут окрестности Буржа и разоряют крепость Лош[514]. Осенью того же года они идут походом на Дунай. Аламанния опустошена и покорена. Одилон Баварский разбит на берегах Леха. Тогда франкская армия делится надвое: Пипин действует в Аламаннии, Карломан в стране саксов. В 744 году Одилон приносит покорность. Но во время этих войн Гунальд перешел Луару, сжег Шартр и епископскую церковь, посвященную Св. Деве. Справившись с германцами, Пипин и Карломан обращают свои силы против него. Герцог Аквитании, будучи не в силах отстоять себя, удаляется в один монастырь на острове Ре, и ему наследует сын его Ваифр (745 г.)[515].

Братья-государи, подобно своему отцу, всячески поддерживают миссии, но они являются более, чем он, верными и последовательными союзниками Церкви, реформа которой есть один из главных актов их правления.

Середине VIII века была порой великой смуты в жизни франкского духовенства. Большинство епископов и аббатов, которые купили свой сан или получили

его в дар от государей, являются грубыми и дикими светскими господами, проводящими свою жизнь в войне и охоте. Они вооруженной рукой увеличивают свои домены. Они воюют с монастырями, грабят их и опустошают. В самих монастырях монахи восстают против тех аббатов, которые хотят принудить их к выполнению устава. Соборы, созывавшиеся столь часто в VI веке, становятся все более редкими. В 742 году Бонифаций пишет папе Захарии, что, по свидетельству стариков, в стране франков уже 80 лет не было соборов. Он, правда, несколько ошибается: последний собор меровингской эпохи был созван в Оксерре в 695 году епископом Тетриком.

Церковная смута еще увеличилась в правление Карла Мартелла, который, чтобы завербовать или удержать при себе своих верных, без всякого стеснения оплачивал их службу из церковных имений. Его племянник Гуго получил на свою долю три епископства: Париж, Руан и Байе, и три аббатства: св. Вандрегизила (Saint-Wandrille), обитель Жюмьежа и Флери в Вексене. Милон, один из самых верных его боевых товарищей, сделан епископом Трира и Реймса. Он так широко растрачивает их доходы, что на долю клириков не остается ничего, и они вынуждены торговать, чтобы обеспечить свое существование. Герольд, епископ Вормса, кончает свою жизнь на поле битвы в войне с саксами. Сын его наследует епископство. Монастырь св. Вандрегизила имел при Карле последовательно пять аббатов, которые все его грабили. Один из них, Тейтзинд, занимавший в то же время место аббата в монастыре св. Мартина Турского, в четыре года растрачивает треть монастырских имуществ. Другой, Вилдон, одновременно — аббат св. Ведаста, является страстным охотником. Его никогда не видели в церковном одеянии. Он кончил тем, что во время болезни Карла поднял против него восстание. Он был схвачен и казнен. Его аббатство отдано было Раганфреду, епископу Руана, который не умел читать. В эту пору светские люди захватывали церкви, не ожидая даже разрешения от государственной власти. Лион, Вьенн, Мец, Верден, Ле-Манс годами остаются без епископов.

Это положение вещей приводит в ужас Бонифация. «В большинстве городов, — пишет он папе, — епископства отданы светским людям, жадным до церковных имуществ или клирикам-прелюбодеям, развратникам и лихоимцам». По смерти Карла Мартелла Бонифаций обращается к сыну его Карломану и просит его оказать помощь в реформе Церкви.

Карломан был очень благочестивый государь. Он отозвался на призыв Бонифация и 21 апреля 742 года созвал (где именно — мы не знаем) первый собор епископов своих государств, который должен был «изыскать наилучшие средства для восстановления закона Божия и святыни Церкви, уничтоженных при прежних государях». Бонифаций присутствует на этом соборе, в качестве «уполномоченного св. Петра». 2 марта 744 года Пипин созывает такой же собор в Суассоне, и в том же году Карломан собирает второй собор в своих государствах. В марте 745 года собирается, вероятно, в Лептине, общий собор франкского государства.

Вот главные положения принятой этими соборами церковной реформы: соборы созываются ежегодно, чтобы следить за соблюдением церковных уставов

и охраной церковных прав; иерархия должны быть восстановлена; в каждом государстве учреждается одно или несколько архиепископств; всякий большой городской округ — civitas, должен иметь епископа; каждый священник подчиняется определенному епископу и должен отдавать ему отчет два раза в год. Принять ряд мер к исправлению нравов: монахи должны жить по уставу св. Бенедикта; служителям Церкви запрещается носить оружие, сражаться, ходить на войну, охотиться и рыскать по лесам с собаками, разводить коршунов и соколов, носить светское одеяние; женщины не должны обитать под их кровлей; плотское общение с ними и прелюбодеяние строго караются. Устанавливаются законы к охране церковного достояния: Церкви будет возвращено похищенное у нее добро; отныне воины, получившие от Карла Мартелла церковные имущества, будут считаться держащими их от Церкви, на правах прекария или бенефиция и будут за них уплачивать ей десятину[516].

В момент, когда эта реформа начнет приносить свои плоды, на место епископата конца меровингской эпохи, невежественного, развратного, лишенного всякого нравственного авторитета, станет епископат более просвещенный, глубже проникнутый чувством долга перед обществом и Церковью, который займет активную роль в политической жизни и в литературном расцвете следующего периода.

Эти результаты пришлось добывать упорной борьбой. Многие члены духовного сословия возмущаются против реформы. Пришлось сместить немало епископов и священников. Бонифацию пришлось вынести множество оскорблений и нападок. Он добился своего только потому, что нашел могущественную поддержку у государей франков. «Без покровительства государя франков, — пишет он Даниилу, епископу Винчестера, — я не мог бы ни управлять верными, ни исправлять клириков, монахов и монахинь. Без его указов я не мог бы уничтожить в Германии языческие обряды и кощунственное идолослужение». Карломан и Пипин присутствовали на соборах вместе со своими магнатами и принимали участие в обсуждениях. Обыкновенно они к моментам церковных собраний приурочивали и созыв собраний политических. Таким образом, дела Церкви и дела государства обсуждались одновременно. От имени этих собраний издавались указы, обнародовавшиеся в форме капитуляриев. От их лица исходили повеления, запрещения, угрозы. «Кто, — гласит десятый канон Суассонского собора, — преступит декрет, который установили двадцать три епископа и другие священники и служители Божии, с согласия государя Пипина и благородных франков, того будет судить сам государь или епископы, или графы».

Бонифаций и здесь действовал в качестве уполномоченного папы. От епископов, поставленных под его начало, он требовал прежде всего присяги «хранить до смерти католическую веру и единство, а также покорность Римской Церкви, св. Петру и его викарию». Пипин и Карломан со своей стороны часто обращались к папе за советом. Так все больше укрепляется прочная связь между франкскими государями и Римской Церковью.

IV. Начало Каролингской династии. Царствование Пипина Короткого[517]

В 747 году Карломан, поручив Пипину свое государство и своих детей, отправился в Рим, где папа Захария посвятил его в духовное звание. После этого он удалился на гору Соракт и основал там монастырь. Но постоянные посещения франкских сеньоров, которые останавливались здесь на пути в Италию, смущали его уединение, и он в 750 году уходит в Монте-Кассино. Внутренним мотивом этого удаления от мира были, вероятно, угрызения совести, которые мучили его со времени совершившегося в 746 году, по его приказанию, избиения восставших аламаннов. В этом решении, впрочем, играло роль и непосредственное влечение к созерцательной жизни, какое в ту грубую эпоху испытывали более мягкие души.

Когда Карломан отправился в Италию, Гриппон все еще жил пленником в Невшателе. Уверенный, что его уже не стоит опасаться, Пипин дал ему свободу. Но Гриппов бежал за Рейн и поднял часть саксов. В 748 году, разбитый Пипином, он уходит в Баварию, где недавно умер Одилон и отнимает герцогство у его сына, Тассилона, семилетнего ребенка. Герцог аламаннов, Лантфрид, и граф Нордгау, Сиудгер, становятся на его сторону. Тогда Пипин ведет в Баварию большую армию. На берегах Инна баварцы приносят ему покорность. Он принимает ее, восстанавливает в герцогстве власть Тассилона и уводит в плен Лантфреда и Сиудгера (749 г.). Что касается Гриппона, — Пипин вторично простил его и дал ему двенадцать графств Нейстрии. Несмотря на это, Гриппон не отказывается от враждебных действий против государя франков. Он пытается привлечь на свою сторону герцога Аквитании Ваифра, затем переходит Альпы, чтобы соединиться с королем лангобардов. Только смерть прерывает его интриги.

Во время всех этих событий мы уже ничего не слышим о меровингских королях. Хроникеры не занимаются ими, и только в дипломах и привилегиях еще упоминаются их имена. И несмотря на это, умирающая династия еще окружена и ограждена каким-то ореолом почтения, какое она внушает своим подданным. «Франки приписывали своим длинноволосым королям священный характер; они любили повторять легенды, какими окружена была колыбель династии». В 743 году на Мартовском поле Карломан и Пипин дали титул короля одному из представителей меровингской семьи, Хильдериху III, и вдвоем правили его именем. Это был последний почет, который свидетельствовала угасавшей династии семья, которая шла ей на смену.

В 751 году в стране царствовал глубокий мир, и Пипин был единым главою государства. Это и был момент, когда, наконец, совершился давно назревавший переворот. Сыну Карла Мартелла было в это время 37 лет. Он был истинным сыном Церкви. Крещеный Вилибрордом, крестник Раганфреда, будущего архиепископа Руана, он получил в монастыре св. Дионисия (который он впоследствии осыпал благодеяниями) воспитание, которое на всю жизнь оставило в нем известную

любовь к светской и церковной литературе: он выписывал из Рима греческие книги (это не значит, что он знал греческий язык), учебники геометрии, трактаты Аристотеля. Он показал Церкви свою преданность энергичной поддержкой реформе, которую осуществлял Бонифаций. Глава франкских воинов и покровитель епископов, он по существу уже был королем. Один диплом 742 года называет его «тем, кому Господь вручил заботу правления».

Но, несомненно, Пипин был политик и боялся вызвать протест прямым захватом короны Меровингов. Утверждение второй династии было им подготовлено осторожно и издалека. «По совету и с согласия всех франков», посольство, в которое входили Фульрад, аббат св. Дионисия и Бурхард, епископ Вюрцбурга, один из учеников св. Бонифация, отправилось к папе Захарии за советом «по вопросу о королях, которые были в то время у франков, и которые носили титул королей, не имея королевской власти». Захария, сицилийский грек, был не меньший политик, чем франкский майордом. Он знал, какие услуги оказали и еще могли оказать римской Церкви франкские короли. Он ответил: «Лучше было бы назвать королем того, кто имеет власть, нежели того, кто ее лишился...» «И тогда, — заканчивает анналист, — дабы порядок не был потрясен, силою апостольской своей власти, он повелел, чтобы Пипин был возведен на царство».

Весьма мало вероятно, конечно, чтобы папа дал подобное «повеление». Он ограничился ответом на вопрос, который был ему предложен. Получив этот благоприятный ответ, Пипин созвал в ноябре 751 года в Суассоне «собрание народа франков» и здесь «избранием всех франков, посвящением епископов и покорностью знатных людей, он посажен был на трон, вместе с женой своей Бертрадой». Хильдерих III и сын его Теодорих были острижены и отправлены один в монастырь св. Бертина, другой в монастырь св. Вандрегизила. С ними исчезает династия Меровингов. Бонифаций, окруженный другими епископами и «священниками Галлии», вероятно, представлял Святой Престол на Суассонском соборе и помазал короля и королеву.

Новый король всячески проявлял свою благодарность Церкви. Он принял под свое покровительство много монастырей, которые осыпал дарами. Среди них на первом месте — монастыри св. Дионисия, св. Карилефа (St. Calais), Прим и св. Вандрегизила (Saint Wandrille). В 753 году он пошел походом против саксов и, дойдя до Везера, заключил с ними мир, по которому они обязывались быть верными, платить дань и принять христианских миссионеров.

А в эту пору над папством нависла серьезная опасность. Лиутпранду наследовал Ратхис, но этот государь, мирный и набожный, удалился в Монте-Кассино, а его брат Аистульф, став королем лангобардов, снова начал нападения на Рим и Равенну. Захарии уже не было в живых, и сменивший его 26 марта 752 года на папском престоле, Стефан II повторил по отношению к Пипину просьбу, с какой некогда обращался Григорий III к Карлу Мартеллу. Он тайно просил короля послать за ним двух верных. Пипин поручил эту миссию Хродегангу, епископу Меца, и герцогу Аутхарию. 14-го октября 753 года Стефан II вышел из Рима,

в сопровождении представителей византийского императора и короля франков и отправился в Павию к Аистульфу. Последний был непреклонен. Тогда, в середине ноября папский кортеж, который покинули представители императора, направился к Альпам, и перешел их через проход Большого Бернара. В Сен-Морисе Стефан нашел аббата св. Дионисия, Фульрада, и герцога Ротарда, которые приветствовали его от имени короля франков...

Торжественная встреча произошла в Понтионе 6 января 754 года. Пипин послал за сто миль вперед навстречу папе своего сына Карла, будущего великого императора. А когда он узнал о приближении Стефана, то поспешил к нему навстречу, сам со своей семьей и своим двором. При виде папы, он сошел с коня и пошел пешком, рядом с лошадью первосвященника. Кортеж вступил в королевскую виллу под пение гимнов. Так как это был день Крещения, то папа пошел в капеллу. Здесь он кинулся на колени перед Пипином и заклинал его «защитить дело св. Петра и Римской республики». Король клятвенно обещал папе сделать все, что было в его силах, чтобы освободить его от лангобардов. Стефан II провел всю зиму в Сен-Дени. Осенью в Берни или в Керси было созвано собрание франков, и на нем решено было в ближайшем будущем предпринять поход в Италию.

Несмотря на всю постепенность и осторожность, с какой совершился переход короны в семью Каролингов, он не прошел без затруднений. И до, и после Суассонского собрания в стране вспыхивали смуты. 28 июля 754 года Стефан II помазал, в свою очередь, короля Пипина, королеву Бертраду и их детей. Затем, под страхом отлучения, он запретил франкам отныне избирать королей вне той семьи, «которую возвысило благочестие, и по воле апостолов помазала рука их викария, верховного первосвященника».

Помазание королей священным елеем, заимствованное из ветхозаветных преданий, применявшееся в Испании у вестготов, в Британии у бриттов, а потом у англосаксов, было неизвестно в Галлии. Меровингские короли не помазывались. Помазание дало каролингской королевской власти новое достоинство и силу. Король, получивший, подобно Пипину, свою власть от избрания, мог благодаря новому избранию, потерять ее. Помазанный, он становился избранником самого Бога. Он как бы облекался священническим достоинством: Tu es sacerdos in aeternum (Священник ты на веки вечные).

Мы увидим на протяжении всей каролингской истории и в первых фразах истории Капетингов политические следствия обычая помазания. Уже Пипин любит напоминать, что он избранник Господа, и что его власть — божественного происхождения.

Того же 28-го июля в базилике св. Дионисия Пипин и его сыновья получили от папы звание «римских патрициев». Патрициат был византийским саном, который создал Константин, и который даровался императорами либо их подданным, занимавшим особенно высокие должности в государстве, либо иностранным государям, которых желали почтить таким путем. Его получили Одоакр, Теодорих, Сигизмонд, быть может, Карл Мартелл; Хлодвиг был консулом. Все

эти титулы, также как дарование мантии, кольца, золотого венца были средством польстить самолюбию варварских королей и добиться их союза. В конце концов патрициат вовсе не был реальной магистратурой: он не давал Пипину фактического участия в управлении Рима, и король никогда не именует себя патрицием в своих дипломах. Но этот сан устанавливал связь со старыми традициями и старыми властями: римским престолом, Империей. Он стирал окончательно с лица его носителя черты нового человека, политического parvenu.

Так поднял и укрепил папа достоинство короля франков. Но эти услуги оказывались не даром. Союз трона и алтаря, как будут говорить впоследствии, начинается именно в это время. Он предполагал взаимность услуг, и папа немедленно потребовал расплаты. В посланиях, вышедших из римской канцелярии после 754 года, неизменно говорится о том долге, какой взял на себя государь, ставший помазанником Господа. «Сам св. Петр, — говорится в этих посланиях, — помазал Пипина, дабы чрез него возвеличилась Церковь. Он поставил его «освободителем и защитником этой Церкви».

Однако политика, к которой вынуждали Пипина все эти обстоятельства, встретила резкую оппозицию со стороны военной аристократии франков. Они видели в лангобардах друзей и союзников и не имели ни малейшей охоты воевать для освобождения Римской Церкви[518]. Пипин старался сперва избежать войны. Он послал из Понтиона посольство к королю лангобардов и увещевал его, «из уважения к святым Петру и Павлу», не предпринимать враждебных действий против Рима. Эта просьба осталась безрезультатной. Тогда франкская армия в 754 году, вероятно, в августе, двинулась в Италию. Она прошла через Лион и Вьенн и, следуя долиной Арка, вступила в Савойю (Maurienne). Новое посольство убеждает короля лангобардов «отдать мирно и без пролития крови то, что принадлежит Римской республике»[519]. Король отвечает угрозами. Тогда армия перешла Альпы, и Аистульф был разбит у Сузы. После этой победы, которую папа объясняет действием чуда, франки идут на Павию. Окрестности города сожжены и опустошены.

Эти успехи не изменили враждебного отношения франкской аристократии к римской политике Пипина. Советники короля Пипина грозили его покинуть. Аистульф, вынужденный вступить в переговоры, обратился к ним. Он просил мира, «чрез посредство франкских священников и сеньоров». Несмотря на противодействие Стефана, который в страстных выражениях обличал лукавство лангобардов и коварство их вождя, Пипин пошел навстречу переговорам. В договоре, подписанном, вероятно, в октябре, Аистульф обязывался восстановить «Равенну вместе с другими городами Экзархата и Пентаполя», искупить свою вину перед апостольским престолом и впредь не тревожить его. Эти обязательства были им приняты по отношению к королю франков, и именно ему он дал заложников. Вместе с тем, он обещал ему ежегодную дань и возмещение военных расходов.

Папа отправился обратно в Рим под охраной, которую вел Фульрад, аббат св. Дионисия, а Пипин вернулся во Францию со своими заложниками. Среди статей

договора, заключенного в 754 году, одна представляется особенно важной: города, возвращенные лангобардами (между прочим — Равенна, Римини, Пезаро, Форли, Урбино, Губбио), отдаются папе.

Это дарение нарушало права императора, законного владыки Италии, но оно являлось естественным заключением длинного ряда событий. Связь Востока и Запада с течением веков постепенно ослабевала. Неопределенное верховенство византийских государей над германскими королями давно исчезло. Пипин, несомненно, не считал себя подданным императора. Он был избранник франков, помазанник Церкви. Правда, Италия некогда была отвоевана Византией. Кроме частей, занятых лангобардами, она составляла неотъемлемую часть Империи, и папа был подчинен ей с тех пор, как императоры приняли христианство и получили власть в Церкви. Но это подчинение с течением времени становилось для папы все более тягостным. Материальной силой он не обладал, «духовная» его власть не была организована. Поэтому он нуждался в деятельном защитнике. Из Константинополя же шли только оскорбления для него и опасности для веры. Он инстинктивно обращал свой взгляд к новым силам и новым державам, к германским королям Галлии, Британии и Испании. Между папой и франкскими королями, которые быстро возвысились над другими варварскими королями, сношения начались уже в меровингскую эпоху. Мы видели, как креп их союз с австразийскими майордомами. Вожди франков и епископы Рима сошлись в общей задаче в Германии. Те и другие шли на ее завоевание и подали друг другу руку для взаимной поддержки. Лангобардская опасность все настойчивее вызывала для папы нужду в сильном покровителе. Помазание установило почти формальный союз между новой династией и Святым Престолом. Церковь, которая венчает каролингских государей священными именами Давида и Соломона, нашла в их народе новый народ Божий, который она хочет направлять к своим целям. Так, силой вещей она отрывается от падающей державы старого Рима. Дарование Пипином имперской земли Римскому Престолу есть начало новой исторической поры.

Аистульф уступил силе. Но он вскоре нарушил свои обещания, отказался отдать «хотя бы пядь земли» и снова осадил Рим (1 января 756 г.). Стефан II слал письмо за письмом, побуждая франков к новому походу. Магнаты по-прежнему относились враждебно к планам войны с лангобардами. Тогда папа обратился к «сыну своему Пипину и народу франков» с посланием, в котором автор отождествляет себя с самим апостолом Петром и просит «защитить жилище, где он обитает плотски». Легковерие, характерное для этой поры, делает вероятным предположение, что послание это было понято франками буквально, как призыв самого апостола. Как бы то ни было, на мартовском собрании 756 года поход был решен.

Вторая война походила на первую. Франки подошли к Павии. Аистульф просил мира чрез посредство франкских сеньоров и священников, возобновил свои прежние обещания и обязался отдать папе ранее поименованные города, а сверх того, еще Комаччо. На этот раз, однако, дар Пипина был оформлен правильнее.

Дарственным актом своим он передавал в вечные времена «Римской Церкви, св. Петру и первосвященникам римским, его преемникам» — города, уступленные в 754 году. Фульрад объехал эти города в качестве «посланца» — missus. Каждый из них выдал ему ключи и заложников. Затем он отправился в Рим и торжественно возложил ключи и дарственную грамоту на гробницу св. Петра. Папа положил драгоценный документ в свои архивы. Он осыпал аббата св. Дионисия дарами и почестями и написал благодарственное послание Пипину. Так создалась Папская Область.

Устроив итальянские дела, Пипин возобновил борьбу со старым врагом. В 758 году он совершает поход против саксов и еще раз вынуждает у них обещание «исполнять его волю». В 759 году готское население Нарбонны сдает город одному из его наместников. Франкский гарнизон вытесняет оттуда арабов. В 760 году начинается долгая восьмилетняя война с Аквитанией.

Ее герцог Ваифр был «смелый, молодой вождь, богато одаренный духовно». Как и его предшественники, он имел на службе у себя васконов. На левом берегу Луары его крепости составляли непрерывную цепь. Целым рядом враждебных действий: вторжением в Септиманию, предоставлением убежища Гриппону, он вызвал неудовольствие Пипина, который, наконец, потребовал от него удовлетворения. Король, между прочим, настаивал на возвращении франкским церквам, владевшим имуществами в Аквитании, всех земель и привилегий, которые у них были отняты. Так обеспечил он своему предприятию симпатии Церкви. На его стороне было и сочувствие знатных: со времен Хлодвига франки знали и любили дорогу в плодородную страну.

В 760 году Пипин «со всей своей армией» опустошает Берри. В 761 году герцог Аквитании переходит в наступление и вторгается в Бургундию. Пипин является сюда со своими мощными осадными машинами, разбивает ряд тамошних замков и овладевает Клермоном. Следующей весной он берет Бурж и замок Туарр. Тогда Ваифр срывает стены Пуатье, Лиможа, Сента, Перигора и Ангулема, чтобы враг не мог в них укрепиться. Его полководцы громят Септиманию, Лионнэ, Турень. Франки опустошают Лимузен и соседние богатые виноградниками страны. В 763 году они доходят до Иссондуна и, вероятно, до Кагора. Аквитанцы разбиты в правильном сражении, и сам вождь спасается с трудом.

Но во время этого похода герцог Тассилон Баварский, который доныне верно исполнял свой долг относительно короля франков, изменил ему «и никогда с тех пор, — говорит анналист, — не хотел видеть короля». Он понял, очевидно, что дело Ваифра, боровшегося за независимость своего герцогства, было его собственным делом. Ваифр воспользовался наступившим отсюда замешательством и через посольство, посланное в Вормс, потребовал возвращения отнятых городов. Пипин отказал, но в течение двух следующих лет он воздерживался от войны. Только когда через посредство папы он добился обещания нейтралитета со стороны Баварии, он вновь двинулся против аквитанцев с намерением на этот раз довести дело до конца.

В июле 766 года он собирает в Орлеане «армию из франков и многочисленных народов, живущих в его королевстве». Он доходит до Ажана, затем возвращается через области Перигэ и Ангулема и по пути воздвигает вновь разрушенные Ваифром стены замков и городов. В марте 767 года франки проходят Аквитанию поперек, через Нарбонну и Септиманию. Тулуза, Альби, Родез, Жеводан заняты ими. Пипин, пройдя сперва к северу, снова является здесь в августе и ведет с собой детей и королеву Бертраду. Он устраивает их в Бурже, где строит дворец и созывает собрание. Отсюда-то он и будет преследовать Ваифра, скрывающегося в своих замках на юге Аквитании. С наступлением зимы он возвращается в Бурж, а его армия располагается на зимних квартирах в Бургундии. Погоня за Ваифром снова начнется с февраля 768 года. Она кончается убийством герцога и захватом его семьи. «Тогда-то, — говорит современник, — вся Аквитания была завоевана, и король вступил с великим торжеством в Сент, где находилась королева Бертрада».

Франкские чиновники вступали во владение Аквитанией по мере того, как шло вперед ее завоевание. Пипин назначал туда графов и «судей» по собственному выбору. В Сенте он издал капитулярий, в силу которого покинутые церкви должны были быть восстановлены; епископам, священникам и аббатам должно быть обеспечено свободное пользование церковными имуществами. 12-я статья передавала собранию королевских посланцев (missi) и аквитанских сеньоров обсуждение и проведение других мер, которые оказались бы необходимыми. Аквитанская война характером своим резко отличается от тех, которые вели франки доныне: это было предприятие, осуществлявшееся терпеливо и методически, предприятие, которое послужит Карлу Великому образцом в его войне с саксами. Пипин действовал средствами политики не менее, чем силой оружия: он склонил на свою сторону Церковь, он создал себе партию среди аквитанцев. В продолжение ужасных, опустошительных своих походов он неоднократно умел быть милостивым к побежденным.

Король чувствовал себя больным, когда, наконец, собрался в обратный путь на север. Он остановился в Туре, чтобы раздать милостыню у гробницы св. Мартина и испросить милосердия Божия. Прибыв в Сен-Дени и чувствуя приближение смерти, он созвал светских и духовных магнатов, чтобы в их присутствии и с их согласия разделить государства своим сыновьям. От Бертрады, дочери Хариберта, графа Ланского, он имел двух сыновей, Карла и Карломана, и одну дочь Гизелу, которая сделалась настоятельницей Шелльской обители. Карл получил Австразию, Нейстрию, к северу от Уазы, и Аквитанию, кроме церковной провинции Буржа. Карломан — Бургундию, Прованс и Септиманию, Эльзас и Аламаннию, Тюрингию, Гессен, Нейстрию, к югу от Уазы, и ту часть Аквитании, которая не вошла в удел его брата. Часть, отданная Карлу, охватывала север и запад королевства, часть Карломана — юго-восток[520]. Одновременно с этим актом Пипин подтвердил привилегии монастыря св. Дионисия. Несколько дней спустя, 24 сентября 768 года, он умер в возрасте 54 лет. Согласно его воле, его похоронили в аббатстве св. Дионисия.

Деятельность и личные качества Пипина выдвинули его на одно из первых мест христианского мира. Багдадский халиф посылал ему подарки и искал его союза против испанских арабов. Дезидерий, преемник Аистульфа, был почти его вассалом, как избранный на царство, «с согласия короля франков и по совету его магнатов». Император византийский Константин V, выразив сперва недовольство по поводу дара Равеннского экзархата Римскому Престолу, вскоре вступил в переговоры с Пипином по вопросу о брачном союзе между дочерью франкского короля Гизелой и сыном императора. Восточная Церковь даже выразила готовность сблизиться с Западной, при посредничестве короля франков: в Жантильи по этому поводу собрался в 767 году собор, который должен был обсудить вопрос «о св. Троице и изображениях святых». Папство по-прежнему искало у Пипина совета и поддержки. Павел I, брат и преемник Стефана II, писал ему, извещая о своем избрании. Папа Константин II, избранный незаконно, излагал ему обстоятельства своего избрания и просил его покровительства. Стефан III вступает в сношения с ним «с самого начала своего посвящения». Он просит у него «епископов, образованных, искушенных в Священном Писании и церковных канонах, чтобы восстановить порядок в Римской Церкви». В Рим немедленно отправлены были двенадцать франкских епископов. Они сыграли видную роль на Латеранском соборе 769 года. Папа осыпал Пипина самыми льстивыми похвалами. Он называл его «своим защитником пред лицом Господа» и ставил его «выше всех королей».

«Всем известно, — говорит хронист, — за какие подвиги чтится этот благороднейший воитель, как расширил он границы нашей державы, как ревностно устраивал он христианскую веру и Церковь в своем царстве, что сделал он для защиты Святой Церкви у соседних народов». Пипин яснее, чем его отец, сознавал значение того, что он совершил. Он продолжал военные задачи Карла Мартелла и закончил их в одном направлении — со стороны Аквитании. Он вступил в тесные сношения с папством и, можно сказать, воссоздал франкскую Церковь. Слава Карла Великого затмила его собственную. Уже санкт-галленский монах указывал Карлу Толстому на печальный факт молчания «современных историков» о его «воинственном прадеде, Пипине младшем». Быть может, и доныне еще мы слишком жертвуем его славой славе его сына.

ГЛАВА II
ЦАРСТВОВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО[521]

I. Карл Великий и Карломан. — II. Война в Италии и Баварии. — III. Саксонская война. — IV. Организация завоеванных стран. — V. Войны на границах. — VI. Карл — император.

I. Карл Великий и Карломан

По смерти Пипина сыновья его поделили государства по установленному плану. Они были «возведены на царство» 9 октября 768 года: Карл в Нуайоне, Карломан — в Суассоне[522].

В этой форме правление продолжалось два года. Братья не жили в согласии. Разделив между ними некоторые провинции, например, Нейстрию и Аквитанию, противно установившемуся ранее обычаю, Пипин, по-видимому, рассчитывал крепче связать их общими интересами. Он ошибся, как то обнаружилось в первом важном факте царствования его сыновей — в войне с Аквитанией[523].

В 769 году один аквитанец, Гунальд, поднимает страну к восстанию и провозглашает себя ее королем[524]. Карл идет на него походом. В Дуасдиве (на слиянии двух Див) он имел свидание с братом и просил у него помощи. Но Карломан отказал в ней, ссылаясь на то, что мятеж не захватил той части Аквитании, которая принадлежала ему. Карл, нагнав в Ангулеме свою армию и военные машины, двинулся к Дордони и подле Либурна построил замок Фронсак, где укрепился. Гунальд нашел прибежище у Лупа, герцога васконов, но последний вскоре, в виду угроз Карла «вступить в Васконию и не выйти из нее, пока не справится с мятежом», выдал своего гостя и его жену франкским послам и сдался на милость победителя, «вместе с провинцией, которой он управлял». Карл вернулся во Францию со своим пленником.

Разногласия братьев-королей вскоре сказались снова по поводу одного важного политического вопроса. Карломан относился сочувственно к лангобардам. Король Дезидерий называл его своим другом. Наоборот, Карл склонялся скорее на сторону папы. В 769 и 770 годах он именует себя в своем капитулярии «милостью Божией королем и правителем (rector) королевства франков, ревностным защитником Святой Церкви и ее опорой (adjutor) во всех делах». Королева-мать Бертрада хотела примирить своих детей. После свидания с Карломаном в Зельце, в Эльзасе, она отправилась за Альпы, чтобы устроить мир. Она думала достичь этого, женив Карла на дочери Дезидерия, Дезидерате. Папа Стефан III протестовал против этого «диавольского союза...» Он убеждал сыновей Пипина подражать примеру их отца и искать жен в среде прекрасных девушек их страны, а не сочетаться с «гнуснейшей и коварнейшей лангобардской породой, которая

никогда не шла в счет среди народов земли, и откуда вышла проказа». Однако влияние Бертрады победило: Карл отказался от франкской своей возлюбленной, Химильтруды, от которой уже имел сына, Пипина Горбатого, и женился на Дезидерате (770 г.).

В следующем году, 4 декабря умер Карломан. Его похоронили в Реймсе, в церкви св. Ремигия. Карл тогда приехал в Корбени подле Лана, куда явились к нему верные его брата. Все они примкнули к нему, между прочим, самые видные из них — Адалард, аббат Фульрад и граф Варин. Впоследствии англосаксонский монах Катуульф пишет несколько наивно Карлу, что Бог проявил к нему особую милость, дав ему родиться старшим в царской семье, и взяв из этого мира брата его Карломана.

II. Войны в Италии и Баварии[525]

После смерти брата Карл отверг жену свою, лангобардскую принцессу Дезидерату. С другой стороны, Герберга, вдова Карломана, нашла приют со своими детьми у Дезидерия. Политика королевы-матери, Бертрады, была, таким образом, аннулирована. Но Дезидерий был опасный враг. Прежний герцог Тосканы, чужой королевской семье, он удержался у власти в продолжение семнадцати лет, несмотря на происки лангобардских герцогов, своих прежних пэров. Он полагал свое честолюбие в том, чтобы закончить давно начатое дело завоевания римской территории и создать в Италии королевство, подобное тому, какое франки создали в Галлии. После смерти Пипина он сосредоточил свои усилия на центральной Италии, отняв вновь города, отданные Стефану II, и всем увещаниям папы противопоставил «упорство ожесточенного сердца». На предложение Адриана I, преемника Стефана II, возвратить захваченные земли, он отвечал папе повелением помазать на царство сыновей Карломана. «Так он надеялся, — говорит жизнеописатель папы, — поселить раздор в царстве франков, поссорить Адриана с Карлом и подчинить власти своей Рим и всю Италию».

Тогда Адриан обращается к королю франков, умоляя его придти на помощь Церкви Божией, утесненной римской провинции и Равеннскому экзархату, как некогда это сделал блаженной памяти отец его Пипин.

Карл два раза тщетно предлагает Дезидерию «вернуть апостольское достояние», затем созывает в Женеве армию франков и выступает в поход в сентябре 773 года. Однако он еще раз возобновляет мирные предложения, желая отнять повод недовольства со стороны франков, которые не хотели войны с лангобардами, и особенно со стороны тех знатных, которые будучи представителями и поручителями короля в переговорах о браке с Дезидератой, боялись обвинения в клятвопреступничестве и грозили покинуть короля. Дезидерий не идет ни на какие уступки. Он укрепляет Кьюзи, но его армия, охваченная паникой, бежит при приближении франков. Он запирается в Павии; Карл подходит «без пролития крови» к городу, оставляет подле него большую часть своей армии и отправляется

на осаду Вероны, где скрылась Герберга со своей семьей и с Адальгизом, сыном Дезидерия. Вдова и дети Карломана сдаются Карлу. Что с ними сталось дальше, мы не знаем. Адальгизу удалось бежать. Тогда Карл вернулся к Павии, откуда руководил завоеванием городов, расположенных по ту сторону По.

Осада длилась уже шесть месяцев. Приближалась Пасха, и король франков отправился в Рим с многочисленной свитой епископов, аббатов, герцогов и графов. В Страстную субботу (2 апреля 774 г.) он торжественно вступил в Вечный Город. По велению папы, народные вожди со своими знаменами вышли ему навстречу до Нолы. Когда процессия была на расстоянии мили, Адриан послал навстречу королю корпорации и детей с пальмовыми ветвями; затем показались хоругви и особенно чтимые кресты. Король сошел с коня. Он пешком пошел в церковь св. Петра, у входа в которую ждал его папа, окруженный духовенством и толпой народа. Он взошел на ступени, целуя их, и взяв папу за руку, вошел в базилику. Клир пел: «Благословен грядый во имя Господне». 6 апреля новая дарственная запись, более обширная чем та, которую дал Пипин, была составлена королевским нотариусом Этерием и возложена на гробницу апостола Петра. Посетив Рим и отслушав пасхальные службы, Карл вернулся к Павии.

Вокруг Дезидерия постепенно создавалась все большая пустота, его покидали его герцоги. В 774 году в начале июня город сдался. Уведенный пленником во Францию, вместе с женой и детьми, Дезидерий кончил дни свои в монастыре, вероятно, Корбийском. Адальгиз нашел прибежище в Константинополе, где император дал ему звание патриция. Карл овладел королевскими сокровищами и принял 5-го июня 774 года титул «короля франков и лангобардов».

В то же время стало ясно, что он намерен держаться несколько иной политики, нежели его отец. Пипин не был в Риме, и папа не желал бы его присутствия. Он не звал и Карла и был, по-видимому, несколько удивлен его посещением. Пипин не искал лангобардской короны. Карл надел ее на себя. Папа не без тревоги видел, что франки заменяют лангобардов и становятся твердой ногой в Италии. Между Святым Престолом и его «преданным защитником» назревал конфликт.

С другой стороны, лангобарды не были покорены вполне. Зять Дезидерия, Арахис, герцог Беневента, сохранял свою независимость. Хильдебранд, герцог Сполето, вел враждебную франкам интригу в союзе с герцогами Фриуля и Кьюзи, Хруодгуадом и Регинальдом. Когда армия франков удалилась, целый комплот образовался вокруг Адальгиза. Заговорщики, поддержанные византийским флотом, должны были взять Рим и восстановить владычество лангобардов. Папе снова пришлось обращаться к Карлу. Он слал ему письмо за письмом, выражая готовность «идти к нему до тех пор, пока его не встретит». Карл прибыл в Италию в начале 776 года Хруодгуад был побежден и убит, мятежные города покорились. Карл вернулся в свое царство «с победой и в благоденствии». Но после его удаления немедленно Арахис принял звание короля и заставил епископов короновать себя. Тогда король франков в третий раз перешел Альпы в 777 году. Арахис принес ему покорность и, так как вслед за этим он вскоре умер, то Карл позволил

сыну его, Гримоальду, быть его преемником. Новый герцог Беневента обязался платить дань и ставить имя Карла на своих монетах и дипломах.

Политическая география Италии является в этот момент чрезвычайно запутанной. Тогда как Карл является прямым государем северных областей и сюзереном Беневентского герцогства, византийцы владеют еще на юге Апулией, Калабрией, Бруттием и Сицилией. Венеция колебалась между византийским и франкским владычеством. Церковная Область, составленная из обломков Пентаполя и Экзархата и из большей половины герцогства Римского, оставалась в неопределенном положении. Франко-лангобардское владычество преобладало в этом хаосе, но франки предпринимали новую задачу, когда они еще не справились со старой — покорением Германии.

Тассилон Баварский, с тех пор как вернул себе независимость, стал датировать свои акты годами своего правления, именовался «государем» или «могущественнейшим государем», принимал титулы «славнейшего» (illustrissimus, gloriosissimus), которые обычно сопровождали королевское звание. Двор его во всем подражал двору франкских государей. Подобно Карлу, Тассилон женился на дочери Дезидерия. Этот брак был одним из результатов мирной политики Бертрады. Но когда Карл отверг Дезидерату и отнял царства у Дезидерия, герцогиня баварская, Лиутберга, побудила мужа к мести за ее отца. Папа и король франков были одинаково заинтересованы в подавлении этого движения. В 781 году к герцогу баварскому явилось посольство от папы и короля франков, чтобы напомнить ему «клятву покорности и повиновения, которую он принес Пипину». Тассилон явился на собрание, созванное в Вормсе, он повторил присягу и дал заложников, но немедленно вслед за этим принялся вести интриги, в союзе с врагами Карла в южной Италии. В 787 году папа объявляет баварским послам, бывшим в Риме, что «если герцог упорно отказывается внимать его словам, то с государя Карла и его армии будет снят грех, ответственность за пожары, убийства и всяческие бедствия, какие произойдут в Баварии, падет на Тассилона и его сообщников. Государь же Карл и его армия будут чисты от вины».

В следующем году Карл сосредоточивает армию в Аугсбурге на Лехе. С другой стороны, австразийские франки, тюринги и саксы собираются в Пферинге на Дунае. Третья армия, вышедшая из Италии, подымается по Адидже через Тридент и Боцен. Тассилон, не будучи в состоянии противостоять таким силам, отдается в руки короля и объявляет себя его вассалом, «за герцогство, которое вручил ему Пипин». Однако его клятвы не мешают ему вступить в соглашение против франков со своими соседями, аварами. Потому-то, когда в 788 году он явился на собрание в Ингельгейм, он предан был суду. Признанный виновным в «harisliz», т. е. в измене, он присужден был к смерти. Но Карл даровал ему жизнь. Тассилон и его сын были пострижены и сосланы в монастырь. Так король франков вернул герцогство, которое «злые отняли и похитили у него». Звание герцога было упразднено в Баварии, и управление областью было поручено одному из графов. Непокорные баварцы были изгнаны[526].

III. Саксонская война[527]

Война с саксами начата была давно. Она выросла в одно из величайших событий царствования.

Территория саксов, которая начиналась в нескольких милях от правого берега Рейна, развертывалась по северогерманской низменности, вплоть до Эльбы. Она даже перекидывалась за нее и достигала Эйдера. Почва страны отличалась низменным и болотистым характером. На юге тянулись обширные лесистые плоскогорья. С этой стороны граница проходила между Зигом и Руром, перерезала Верру и Фульду при их слиянии и следовала вдоль течения Унструта до Заалы. Саксы включали несколько больших племен. На западе, в бассейне Эмса, вплоть до устья Везера жили вестфальцы; в центре, в бассейне Везера и в Гарце — ангарии; на востоке до Эльбы — остфальцы; между Эльбой и Эйдером расположились нордальбинги. Саксония сохранила германские нравы и учреждения. Она была разделена на округа (pagi, Gauen); население по-прежнему распадалось на три класса: эдлинги — благородные, фрилинги — свободные и лиды — рабы. Округа были независимы друг от друга. В стране не было верховной власти короля. Саксы упорно держались язычества: они чтили лесные деревья, рощи и источники; они сжигали тела покойников, приносили человеческие жертвы. У них не было жрецов и священников.

Саксонская война была решена на Вормском собрании в июле 772 года. Армия, перейдя Рейн и Гессен, проникла в страну ангариев и взяла крепость Эресбург. Направляясь к северу, она встретила священную рощу. Здесь высился ствол дерева необычайной величины. Это был Ирминсул, идол, которому поклонялись окрестные саксы. Вокруг, в разных хранилищах скрыты были склады золота и серебра. Франки разрушили идола, срыли сооружения, находившиеся вокруг него, и взяли драгоценные металлы. Затем король дошел до Везера, но не перешел его. Он имел свидание с одним из вождей ангариев и получил заложников. 20 октября он вернулся в Гериста́ль.

Ирминсул не был национальным святилищем. Старая Саксония не имела религиозного центра, как не имела и политического[528]. Однако факт уничтожения древнего идола нашел отклик во всей стране. В начале 774 года, когда Карл был в Италии, саксы напали на Гессен, ограбили Фрицларский монастырь, основанный св. Бонифацием, взяли его сокровища, мощи, золотые кресты. Церковь была превращена в конюшню. В то же время вестфальцы разрушили в стране фризов Девентерскую церковь.

В сентябре 774 года, Карл отправляет в Саксонию четыре полка, которые жгут, грабят, убивают и возвращаются, нагруженные добычей. В течение зимы, проведенной им в своей Керсийской вилле, он укрепляется в решении сломить это коварное, вероломное племя и не слагать оружия, пока оно не будет побеждено и обращено ко Христу. Крещение представляется ему единственным средством добиться покорности. Потому-то, «испросив совета у Бога и призвав имя

Господне, он присоединяет к своей армии всех священников, аббатов, учителей и служителей Церкви, способных наложить на выю этого народа сладкое иго Христа». Но сопротивление саксов будет тем сильнее, что им придется защищать одновременно отечество и религию. «Из всех войн, — говорит Эйнгард, — которые вели франки, не было более длинной, более трудной и более жестокой».

В августе 775 года, в момент перемирия с лангобардами, король «со всеми своими силами» перешел Рейн и напал, один за другим, на разные саксонские племена, кроме нордальбингов. Вестфальцы потеряли крепость Зигибург. В восстановленный Эресбург посажен был франкский гарнизон. Ангарии сосредоточились было на левом берегу Везера, в Брюниберге; Карл их рассеял. Вестфальцы и ангарии изъявили покорность. Карл был на обратном пути, когда узнал, что его арьергард, подвергшийся внезапному нападению во время полуденного отдыха, был большей частью перебит. Он бросился на вестфальцев, убил громадное их число, взял добычу и потребовал заложников. В следующем году, когда он был в Италии, вспыхнуло восстание северных графств Ангарии и Вестфалии.

Но внезапное прибытие короля поселяет смятение среди восставших, которые обещают «стать христианами и покориться власти короля и его франков». Действительно, в это время крестилось множество саксов. То был первый пример этих массовых обращений, которые так поразили народное воображение.

После праздников Пасхи в 777 году, король отправился в Падерборн. Здесь построил он церковь, созвал собрание франкского племени, «вместе с сенатом и народом саксонским». Карл председательствовал собранием, имея подле себя Стурма, которому поручалось дело проповеди новым верным. «Старейшины и народ предались во власть короля, на условии утратить свободу личную и свободу родины в случае, если бы они не сохранили христианской веры и верности королю Карлу, его детям и франкам». Папа выразил свою радость по поводу победы христианства, и франкские поэты воспели «день, который привел новых детей в дом Христов».

«На майское поле в Падерборн, — говорят Лоршские анналы, — явились все саксы, за исключением Видукинда, который, с некоторыми другими, упорствовал в непокорности и скрылся в страну норманнов со своими товарищами». Это — первое упоминание о человеке, которого немецкие историки будут называть вождем саксов — Sachsenfuhrer. Мы знаем о нем только то, что он был вестфальцем из благородной семьи и владел большими богатствами. В течение той борьбы, которую он начнет, имя его и участие не будет определенно связано ни с одной битвой, но влияние его чувствуется повсюду. Мы его видим в непрерывном движении по стране, призывающим к мятежу. Но ему не удается вызвать у своих соотечественников национального чувства. Ни разу саксы не объединились в общем восстании против завоевателя.

Слабость ресурсов, какими располагал Видукинд, проявляется с первых его шагов. В год, следовавший за собранием в Падерборне, саксы продвигаются до Рейна. Они сжигают бурги и деревни, расположенные на правом берегу реки от

Деца до Кобленца. Но им удалось поднять только несколько вестфальских округов. Карл дает приказание франкам и аламаннам сразиться с мятежниками, которые бегут. По пути им приходит в голову мысль сжечь Фульду, где в течение 80 лет покоилось тело св. Бонифация. Франкская армия догоняет их и уничтожает на берегах Эдера. Весной 779 года Карл проникает в самое сердце Саксонии. В 780 году франки доходят до Эльбы. Восточные вестфальцы и часть нордальбингов принимают крещение. 781 год проходит спокойно. Со смертью Стурма Виллегад получает миссию — «силой королевской власти воздвигать церкви и возвещать беспрепятственно всем народам, которые населяют Вигмодию (страну между Везером и Эльбой) учение, которое приведет их на путь вечного спасения».

В июле 782 года Карл созвал собрание у истоков Липпе, и саксы явились на него в большом числе. Казалось, война была окончена. Скоро, однако, в этом пришлось разочароваться. Едва только вернувшись в Галлию, в том же году Карл узнал, что сорбы, поселившиеся между Эльбой и Заалой, напали на соседние с ними области Саксонии и Тюрингии. Он повелел камералию Адальгизу, коннетаблю Гилону и дворцовому графу Вораду набирать ополчения из восточных франков и саксов, чтобы наказать славян. Но в Саксонии вновь царил мятеж, Вигмодия была охвачена восстанием. Виллегад бежал в Рим, «находя, что время было мало подходящим для проповеди». Франкская армия двинулась к Везеру, на правом берегу которого саксы расположились лагерем на северном склоне горы Зюнталь. Но натиск франков разбился о вражескую стену. Адальгиз и Гилон, четыре графа, двадцать других знатных воинов и большое число франков погибли в этом сражении.

Получив эти вести, Карл бросается к слиянию Аллера и Везера. Здесь он призывает к себе саксонских вождей и ставит им вопрос, кто виновники поражения. Все указывают на Видукинда. Они не могут выдать его, ибо он уже скрылся в Данию, но они указывают его сообщников в числе 4500 человек... «И в месте, называющемся Верден, по приказу короля, в один и тот же день им всем отрубили головы. Утолив свою жажду мести, король занял зимние квартиры в Тионвиле, где отпраздновал Рождество Христово и Пасху».

После этой свирепой расправы (782 г.), по всей вероятности, и был издан жестокий «Саксонский капитулярий» (Capitulatio de partibus Saxoniae), который устанавливал в стране настоящее осадное положение. Против всех, кто изменит верности королю, установлена смертная казнь. Ей подвергаются и те, кто насильно ворвется в церковь, подожжет ее, или ограбит; кто убьет священника, епископа или диакона; кто исполняет языческие обряды, кто не принимает крещения и не соблюдает поста. Все дети в стране должны быть крещены в продолжение года, под угрозой штрафа в 120 солидов с благородных, 30-ти со свободных и 15 с лидов. Саксам запрещено сходиться на собрания иначе, как по призыву королевских чиновников.

Но впечатление, которое произвел в Саксонии день Зюнталя, было сильнее, нежели угрозы капитуляриев. Видукинд имел сторонников среди всех племен.

Ему удалось даже отвратить страну фризов от «голоса Божия». Апостол этой страны, Лиудгер, должен был со своими товарищами уйти в Рим, как это сделал недавно Виллегад. Пока Видукинд находился на свободе, северную Германию нельзя было покорить. В продолжение трех лет (783—785) король каждую весну «едва только начинала пробиваться трава», отправлялся в поход. По всем дорогам своим влек он за собой толпы пленников. Он начал с двух побед, при Детмольде и Гаазе, и это — единственные правильные сражения, о каких говорит его биограф. Более всего он занимался опустошением. В 784 году Карл, старший его сын, действует в Вестфалии, а он сам — в долине, орошаемой Эльбой и Заалой. Отец и сын, опустошив земли и разрушив деревни, сходятся в сентябре месяце в Вормсе. К Рождеству они снова в Саксонии. Карл укрепляется в Эресбурге. Он выписывает туда жену, сыновей и дочерей, и «носясь повсюду, он всюду вносит убийство и пожар, грабит и берет замки». С весной он созывает собрание в Падерборне. Из Аквитании приходят свежие контингенты, и охота за саксами начинается снова.

Армия прибыла в страну, расположенную между устьями Эльбы и Везера, когда Карл узнал, что Видукинд находится по ту сторону Везера. Он предлагает ему подчиниться, обещая прощение и забвение прошлого. Видукинд, который, по-видимому, понимал бесполезность дальнейшего сопротивления, сдался в конце 785 года в Аттиньи, где он получил крещение. Карл был его крестным отцом и поднес ему богатые дары. Мы не знаем, что сталось впоследствии с саксонским вождем. Историки ничего не говорят о нем. В одном житие восхваляется преданность христианству его детей и внуков.

Весть о покорности Видукинда принята была радостно во всем христианском мире. «Виновник всех бед, подстрекатель всех вероломных поступков» покорился королю и получил крещение. Карл послал к папе посла, чтобы известить его об обращении всех саксов, и Адриан установил трехдневную молитву, чтобы отпраздновать радостное событие. Лиудгер вернулся к своему служению в стране фризов и в западной Саксонии. Виллегаду была поручена проповедь в Вигмодии, которой он был назначен епископом. Он установил свою резиденцию в Бремене и умер там 8-го ноября 789 года. Так все больше осуществлялся союз франкских армий и христианской миссии.

В течение семи лет, от 785 до 792 года, Саксония была спокойна. Саксы посылали своих воинов во франкские армии и участвовали в общих собраниях. Следует заметить, что к этому же периоду относится окончательное покорение Карломо Баварии, и что ни баварский герцог не попытался вмешаться в саксонские дела, ни саксы не отозвались на события в Баварии. Нечувствительно и неприметно в этих ужасных войнах рождалась Германия.

Однако Саксония не была покорена окончательно. В 793 году, готовясь к войне с аварами, Карл узнал, что войска, которые вел к нему граф Теодорих, были уничтожены саксами при переходе через Везер. Мятежники разрушили церкви, убили священников, восстановили идолов. Тогда-то снова, в течение пяти лет (от

794 до 799 года) король водил свои войска вдоль и поперек Саксонии, по лесам юга и болотистым низинам севера. В 797 году, в ноябре, после летних походов, он вернулся к Везеру и остановился в Геристале. В 799 году в Падербоне было созвано общее собрание. Возвращаясь из похода, Карл всякий раз уводил с собой население: мужчин, женщин, детей. Он давал им земли во Франции и делил их земли между своими верными. Таким образом, во многих округах выведено было не менее трети населения. В 804 году из Вигмодии и Нордальбингии выведено было десять тысяч человек, и их земли розданы славянам-ободритам, которые были для Карла преданными союзниками, потому что эти славянские племена находились в вечной войне со своими германскими соседями.

По словам более позднего историка, Карл созвал в 803 году в Зальце саксонскую знать, чтобы заключить с ней вечный мир. Трудно поверить реальности подобного «договора». Сопротивление саксов прекратилось само собой и постепенно, когда силы их были исчерпаны, и последние язычники обращены в христианство. Тогда между Эльбой и Атлантическим океаном был «один народ», объединенный под властью одного государя связью одной религии.

IV. Организация завоеванных стран[529]

Итальянскими и саксонскими войнами овладела легенда. Долго хранила она память о «железном человеке, пред которым жатвы в полях колебались от ужаса, и реки выходили из берегов, а предатели, как Ожье Датчанин (Аутхарий), прятались, устрашенные, в недрах земли». Завоевание Италии и Саксонии и аквитанские походы Пипина являются величайшими военными подвигами Каролингской династии. Но Карл, умевший побеждать, умел организовать завоеванные страны. Он бывал страшен во время войны, особенно в Саксонии. Когда война кончалась, он проявлял к побежденным великодушие, которое было в его руках самой ловкой из политик. Он оставлял им местные обычаи и законы. Иногда он повелевал их записывать и при этом случае исправлять. В то же время он вводил туда учреждения королевства, деление на графства с иерархией чиновников, графов, виконтов, викариев, сотников, десятников.

Даже в Саксонии Карл нашел сторонников среди знатных. Он награждал тех, которые переходили на его сторону и соблюдали свои клятвы, как Гесси, остфалец, которого он осыпал почестями, «потому что он показал себя во всем верным» (умер монахом в Фульде). С «верными своими саксами», как он их называет, полагает Карл начало организации страны, в собрании, созванном в 780 году на истоках Менне, и «благороднейшим из саксонского племени» поручает он выполнение принятых решений. Капитулярий 28-го октября 797 года (capitulare saxonicum), выработанный в Аахене с представителями вестфальцев, остфальцев и ангариев, уничтожил смертную казнь во всех тех случаях, в которых она была установлена ранее, и заменил ее штрафами по франкскому обычаю. Деление на три сословия сохранилось: оно сказывается в разнице вергельда.

Но если король оставил побежденным их законы, то он не позволил им сохранить их идолов. Во время его походов миссионеры шли с солдатами; аббатства воздвигались рядом с крепостями, и границы епископств установлены были в согласовании с границами графств. Так основаны были при Карле и его преемнике, Людовике Благочестивом, епископские престолы Оснабрюка, Мюнстера, Вердена, Бремена, Падерборна, Миндена, Гальберштадта, Гильдесгейма. Вокруг них вырастут городат. Эта организация саксонского народа подготовляла судьбы средневековой Германии, в которой Оттоновская Саксония сыграет такую видную роль.

И в Италии Карл «смягчил свою победу милосердной умеренностью». Это свидетельствует один из побежденных, лангобард Варнефрид — Павел Диакон. Несмотря на предостережения папы, который считал эту тактику опасной, Карл продолжал ее держаться. В 780 году он доставил лангобардам огромное удовлетворение: проведя зиму на севере Италии, он отправляется в Рим встретить Пасху. Там 15 апреля 781 года, по его просьбе, Адриан крестит и помазывает его второго сына, четырехлетнего Пипина. В его лице Италия получит собственного короля, который будет иметь свой двор, свою канцелярию, будет издавать капитулярии и подписывать эдикты. В качестве советников, к этому ребенку приставлены Адалард, который в свое время осудил разрыв с Дезидератой, и Ангильберт. Эта мудрая политика была вознаграждена: Италия осталась спокойной.

Так же мягко обошелся он с Аквитанией. В 778 году ее территория была разделена на пятнадцать графств. Верные аквитанцы и васконы были призваны к новым должностям, вместе с франками. В том же году в Кассиногиле (вероятно, Casseuil-sur-Garonne) родился третий сын Карла, Людовик, впоследствии император Людовик Благочестивый. Он был помазан папою в 781 году и поставлен королем в Аквитании. В Орлеане этот трехлетний король был одет в броню, посажен на коня и вступил в свое царство «по милости Божией». Несколько лет спустя Карл заставил его надеть васконский костюм: круглый плащ, рубаху с широкими рукавами, шпоры на сапогах и дротик в руке.

Правда, многие франкские сеньоры держали себя в Аквитании, как в завоеванной стране, и узурпировали именья, принадлежащие государству. По воле Карла, два missi (государевы посланцы), посланные, чтобы исправить эти злоупотребления, заставили вернуть фиску захваченные виллы. Налоги были уменьшены. «Дела Аквитании настолько улучшились, — говорит биограф Людовика, — что ни от кого — все равно, в отсутствии ли короля или, когда он заседал в своем дворце, — не слыхали жалоб на какую-либо понесенную несправедливость. В самом деле: в течение трех дней в неделю король творил суд народу».

V. Войны на границах[530]

По мере того, как франкское королевство росло, оно вступало в соприкосновение с новыми народами. Занятие Аквитании поставило его лицом к лицу

с мусульманским арабским царством; занятие Баварии — с аварами, расположившимися в долине Паннонии (нынешняя Венгрия); завоевание Саксонии — со славянами правого берега Эльбы и Заалы и с датчанами, сидевшими к северу от Эйдера. Все они были врагами франков, потому что были «неверными» и язычниками. Задача Карла, христианского завоевателя, становилась бесконечной, чтобы ее выполнить, он должен был завоевать весь мир.

Со всеми этими соседями, то нападая, то защищаясь, он вел непрерывные войны. Он перебрасывал с необычайной быстротой свои армии с одного края своего государства на другой. Его походы поражают своим числом, длительностью каждого из них, количеством побежденных трудностей. Часто доверял он командование армиями своим сыновьям или своим полководцам, храбрецам, из которых эпопея сделала героев: как Гильом Тулузский, Эрик Фриульский, Герольд Баварский, граф Теодорих, Роланд.

После битвы при Пуатье, глубокий переворот совершился в арабском мире. Омайяды были изгнаны из Багдада Аббасидами. Один из них — Абд-эль-Рахман-бен Моайя, уйдя в Европу, основал здесь Кордовский халифат в 755 году. Эти события подняли дух независимости у эмиров северной Испании. Тогда-то к помощи Карла стали взывать не одни христиане Пиренейского полуострова. В 777 году в Падерборн явился сарагосский эмир, Солиман-эль-Араби, и поверг к ногам короля города, которыми управлял. Весной следующего года, отпраздновав Пасху в Кассейле, король проник с частью своей армии в ущелья Васконской земли. Другая армия, состоявшая из контингентов Бургундии, Австразии, Баварии, Прованса, Септимании и Ломбардии, прошла через восточные Пиренеи. Пампелуна, Хуэска, Жирона попали в руки франков. Карл явился к Сарагоссе, «главному городу этих стран». Он собрал против нее все силы, но не мог ее взять. Франкские писатели говорят, что отступление Карла было куплено мусульманами за цену золота. Арабские историки говорят, что король был побежден. Карл разрушил стены Пампелуны и вернулся на север с двумя своими армиями.

Франкская армия, растянувшись длинной цепью, вступила в горы Васконии. С обеих сторон склоны и вершины были покрыты лесами. В них скрывались южно-пиренейские васконы. 15 августа 778 года, когда главная масса армии прошла, они бросились на арьергард. Франки погибли все до единого. «В этом сражении были убиты Эггигард, королевский стольник, дворцовый граф Ансельм и Роланд (Hroland), префект Бретонской марки, со многими другими». Это — единственное упоминание летописцев в Роланде, из которого эпопея сделала племянника Карла Великого[531]. Эта битва, которой предание дало имя Ронсевальской, не была, как и битва при Зюнтале, великой битвой. Но к ней почему-то привязалось народное воображение. Имена павших скоро были у всех на устах, и песня разнесла по христианскому миру память об этом дне, в который франки боролись, якобы, со столькими врагами, что

«Никогда никто на земле не видел больше» (unc mais nul hum en terre n'en vit plus).

«Не было возможности отомстить это поражение, — говорит Эйнгард, — потому что, нанеся удар, враг рассыпался так быстро, что нельзя было получить никаких сведений о том, где его искать». От испанских завоеваний не осталось ничего, кроме, может быть, Жироны. Тогда сарацины перешли в наступление. Абд-эль-Рахман умер 7-го октября 788 года. Его сменил его сын, Хишам, который решил завоевать Септиманию. Он объявил «альгигад», священную войну: «Бог возвысил славу Ислама мечом борцов за веру! В своей священной книге он обещал верным помощь и блестящую победу». В 793 году один мусульманин, Абд-эль-Мелек вторгся в Галлию и сжег пригороды Нарбонны. Арабы двинулись на Каркассон. Герцог Тулузы, Гильом, попытался их остановить. Это был набожный и смелый правитель. Церковь сделала из него святого, «Гильома Гелонского», а эпопея — героя, Гильома с Коротким Носом (Guillaume au Court Nez). Битва завязывается на берегах Орбье, притоке Оды. Гильом разбит. Неверные вернулись на родину, уводя многочисленных пленных и богатую добычу.

Хишам умер в 796 году, и в Кордовском халифате наступили смуты, которые позволили Карлу вернуть потерянное. Создание Аквитанского королевства было одновременно хорошей административной мерой и мерой военной защиты. Правительство этого королевства, находясь вблизи опасного врага, наблюдало над границей, готовое использовать первый благоприятный случай. Аквитанцев редко призывали в другие войны: их обязанностью была борьба с мусульманами. Когда Хишаму наследовал сын его Гашем, его дяди Абдаллах и Солиман высказались против него и призвали вмешаться Карла. Абдаллах отправился в Аахен и вернулся с Людовиком, королем Аквитании. Виш, Жирона, Казерр и другие места, расположенные при проходе в восточные Пиренеи, были заняты франками и поставлены под власть графа. Это было начало Испанской марки. Она была увеличена новыми присоединениями, главные из них — Лерида, взятая в 800 году, и Барселона, захваченная в 801 году. Три армии пошли на Барселону. Гильом Тулузский разбил войско, посланное на помощь халифом Кордовы, и жители сдались. Наварра и Пампелуна были взяты, франки оспаривали у сарацин владение Балеарскими островами. Отбив две осады, Тортоза сдалась в 811 году.

В октябре 810 года послы Гашема явились в Аахен, чтобы заключить мир. Этот мир, возобновленный в 812 году (текст его до нас не дошел), признавал, вероятно, существование Испанской марки. На юге она была ограничена линией, параллельной Пиренеям. Она шла от Барселоны до Атлантического океана и включала Наварру и Пампелуну, но владение ее простиралось до Эбро. Так раздвинулись в эту сторону пределы христианского мира.

На востоке авары не переставали громить границу. В 788 году, когда Карл покорил Баварию, они ворвались в эту страну и в Фриуль. Карл отправился в Регенсбург, «чтобы подумать, как защитить территорию и марки Баварии против аваров». Сперва попытались вступить в переговоры. Послы, отправленные аварами, явились на собрание в Вормсе в 790 году. В следующем году Карл собирает свою армию в Регенсбурге, и тут, «испросив совета у франков, саксов и фризов,

он решает идти против аваров, в виду великих и невыносимых бедствий, которые они причинили Церкви и христианскому народу, не давая никакой надежды на правосудие». Война длилась 8 лет. По свидетельству Эйнгарда, «она была величайшей из всех, какие вел Карл, кроме войны с саксами, и он вел ее с энергией и силами, превосходящими все другие».

Он дал приказ двинуться в первый поход. Саксы и фризы, под начальством графа Теодориха и камерария Маганфреда, шли левым берегом Дуная, Карл шел правым вместе с франками. Припасы, нагруженные на суда, двигались по течению реки. Прибыв к берегам Эмса, армия остановилась на три дня, чтобы помолиться. 8-го сентября она перешла границу. Враг скрылся за высотами Кумеоберга и за Кампом, правым притоком Дуная. Он оставил свои позиции без боя. Франки прошли вперед, опустошая все на своем пути до слияния Дуная и Рааба и вернулись лишь после того, как эпидемия унесла у них девять десятых их лошадей. Со своей стороны Пипин Италийский проник с юга в Паннонию и опустошил часть этой области.

Карл, отвлеченный последней борьбой с саксами, не являлся более в страну аваров: «он поручил заботу о других войнах сыну своему Пипину, правителям провинций, графам и военным своим помощникам». Самыми славными из них были Эрик и Герольд, которым он поручил защиту Фриуля и Баварии. Они воспользовались разногласием, бывшим в среде их врагов. Каган — так авары называли своего государя — был убит своими. Один из их вождей, по имени Тудун, передал Карлу, что он «хотел бы отдаться ему со своей землей и своим народом и принять через его посредство христианскую веру». В 795 году Эрик напал на «Ринг»...

Это был громадный лагерь, расположенный кругом и окруженный девятью концентрическими оградами. Стены в 20 футов, как в высоту, так и в ширину, сложенные из стволов деревьев и очень твердых камней, были покрыты дерном. В этой стене были пробиты редкие и узкие ворота. Пространства, отделявшие ограды одну от другой, становились все теснее, по мере приближения к центру, где находилось жилище кагана: местечки и деревни теснились в этом кругу, расположенные столь близко, что человеческий голос слышен был из одного в другой. Эрику удалось прорваться в Ринг. Сокровища, скопленные там, были взяты франками и отправлены в Аахен. Часть их Карл дал папе, остальные разделил между своими верными. В следующем году Тудун принял крещение, и в том же году Пипин еще раз совершил поход на Ринг. Он нашел там еще немало золота, серебра, драгоценных камней, дорогих тканей, священных сосудов, награбленных аварами в церквах и монастырях. Этот подвиг был воспет в поэме, которая дошла до нас: «Я покидаю тебя, — сказал каган, — о, мое царство, с твоей травой и листьями, с твоими лесами, горами, холмами и всем, что в них живет». И поэт заключает: «Слава вечная да будет Отцу, и слава — Сыну».

В 799 году вспыхнуло восстание аваров, в котором Герольд был убит. Эрик почти в то же время попал в западню, устроенную ему населением Терзатто

в Либурнии. Но авары, теснимые славянами, просили защиты Карла, и в 809 году признали его суверенитет. «Полное безлюдье Паннонии, в которой не осталось ни одного жителя, пустынное одиночество, в каком высится жилище кагана, — говорит один современник, — свидетельствуют о том, как много произошло здесь сражений, и как много пролилось крови. Вся знать гуннов погибла в этой войне, все сокровища, накопленные ими в продолжение стольких веков, были уничтожены».

Славяне находились в непрерывной борьбе с саксами. Когда Карл завоевал Саксонию, он должен был защищать ее от них. В 789 году он повелел опустошить область вильцов до Пены. Один из их вождей, Драговит, изъявил покорность. Самые значительные походы сюда начались после окончательного подчинения Саксонии. Они велись Карлом, старшим сыном короля. В 805 году чехи, окруженные со стороны Баварии, Далмации и Саксонии, вынуждены скрыться в леса. Но их территория была опустошена, и один из их вождей, Лехо, убит. В 806 году совершается поход в страну сорбов, вождь которых, Милидович, погибает в битве. Франки строят в славянских землях два замка: один на берегах Заалы, другой на берегах Эльбы. Здесь вырастут Галле и Магдебург.

Последняя война Карла была предпринята против датчан. Их вождь, Готфрид, дал приют Видукинду, и его моряки опустошали берега Ла-Манша. В 808 году он построил к северу от Эйдера, от Балтийского моря к Северному стену, в которой были проделаны только одни ворота для проезда телег и всадников. Затем он послал к Карлу с предложением переговоров о мире. Переговоры не привели ни к чему. В июне 810 года Карл узнал, что двести норманнских судов опустошили берега и острова страны фризов, что вражеские войска три раза высаживались на берегах и взяли с жителей большие суммы денег. Распространился слух, что Готфрид хотел завоевать Германию и даже овладеть Аахеном. Король расположился лагерем на слиянии Аллера и Везера. Но здесь он узнал, что Готфрид убит. Новый король датчан, Гемминг, просил мира. На свидании, имевшем место в конце зимы на берегах Эйдера, двенадцатью франкскими графами и двенадцатью знатными датчанами подписан мирный договор.

Среди многочисленных своих походов Карл озаботился организацией защиты морских провинций. В 800 году он объехал берега, посетил порты, поставил гарнизоны. Он понял, что без флота франкское королевство не может противостоять нападениям пиратов. Король Аквитании Людовик велел построить корабли, чтобы защитить вход в Рону и Гаронну. Были построены верфи. В октябре 811 года Карл устроил смотр своего флота, собранного в Генте и Булони. В Булони был восстановлен античный маяк, построенный при Калигуле. По смерти Гемминга Данию волновали смуты, возникшие из-за споров о наследстве. Карл воспользовался этим, чтобы возобновить с новыми правителями заключенный ранее договор. Поняв всю серьезность скандинавской опасности и приложил столько усилий, чтобы ее отвратить, он доказал еще раз свою прозорливость. «Люди севера», норманны, станут вскоре самыми страшными врагами каролингского царства.

Для защиты своей сухопутной границы Карл организовал «марки». Каждая марка была составлена из нескольких графств, объединенных под властью одного начальника, которого анналисты называют «префектом» (praefectus limitis), и товарищи которого назывались «охранителями границ» (custodes limitis). Лучшие люди были выбраны Карлом для этих ответственных и почетных постов. Мы говорили уже о марках Испанской, Бретонской, Фриульской, Паннонской и Баварской. Карл образовал еще Датскую между устьями Эльбы и Эйдера и Сорбскую по Заале. Число марок впоследствии возросло, и их графы получили титулы «маркграфов», т. е. графов границы. Из этих военных округов, где вечная борьба непрерывно поддерживала энергию, вырастут целые государства. Колыбелью Австрии и Пруссии были именно такие военные марки.

VI. Карл — император[532]

Эйнгард, рассказав о войнах Карла, заканчивает следующими словами:

«Таковы войны, которые вел этот могущественнейший король в продолжение сорока семи лет (стольких лет, сколько он царствовал) в разных концах земли, с величайшей мудростью и великим успехом. Так, царство франков, которое он получил от Пипина, отца своего, уже обширным и мощным, было увеличено почти вдвое. До него царство это включало только часть Галлии, расположенную между Рейном, Луарой, Океаном и Балеарским морем, часть Германии, населенную так называемыми восточными франками, между Саксонией и Дунаем, Рейном и Заалой, которая отделяет тюрингов от швабов. Сверх того, бавары и аламанны признавали верховенство франков. К этим владениям Карл присоединил своими победами сперва Аквитанию и Васконию, всю цепь Пиренеев и все земли до Эбро. Затем всю часть Италии, которая простирается от долины Аосты до Нижней Калабрии, где идет граница, отделяющая греков от Беневента, на протяжении более миллиона шагов. Затем Саксонию, — огромную часть Германии, которая так же велика в длину и вдвое больше в ширину, чем та ее часть, которая населена франками. Затем две Паннонии, Данию, расположенную на другом берегу Дуная, Истрию, Либурнию, Далмацию, кроме только прибрежных городов, которые он пожелал оставить императору, в виду соединяющей их дружбы и договоров; наконец, все варварские и дикие племена, живущие между Рейном и Вислой, Дунаем и Океаном, почти сходные языком, различные нравом и бытом, которых он одолел и сделал данниками».

Не все безусловно точно в этой странице. Завоевание Аквитании было делом Пипина. Бритты (Бретонцы), о которых в другом месте Эйнгард говорит, что Карл «одолел» их, вовсе не были покорены. Король дважды посылал против них своих полководцев: в 786 году — сенешаля Аудульфа и в 799 году Гвидо, префекта бретонской марки. Он принес Карлу оружие вражеских вождей, на котором были вырезаны их имена. Но франкские писатели по-прежнему бранят «вероломство бриттов», как в свое время бранили «вероломство саксов». Третий

поход, совершившийся в 811 году, был так же безрезультатен, как и предыдущий. За этими оговорками описание франкского государства, сделанное Эйнгардом, является самым лучшим, какое только имеется у нас.

Надо отметить, кроме того, что власть Карла простиралась гораздо дальше крайних пределов его «марок». Отношения его к соседним государствам зачастую выливались в настоящий протекторат. К 798 году Альфонс, король Галисии и Астурии, ограбив Лиссабон, посылает Карлу оружие, мулов, мавританских пленников, и просит передать, что он «принадлежит ему всецело». Короли Шотландии называют его своим господином (dominus), а себя его подданными (sulbiti et servi). Оффа, король Мерсии, называется «дражайшим его братом». Эардульф, изгнанный король Нортумбрии, является к нему в Нимвеген и, при помощи его влияния, добивается возвращения своего царства. Англосаксонские епископы и аббаты испрашивают его советов, поручают его покровительству своих паломников, объявляют его своим «покровителем и защитником». Слава короля франков идет так далеко, что халиф Багдадский, Гарун-аль-Рашид, «предпочитает его дружбу дружбе всех королей и государей земли». Он посылает Карлу благовония, пряности, обезьян, слона и дает ему право покровительства над Святой Землей. Этим правом король будет широко пользоваться, ибо он находится в постоянных сношениях с иерусалимским патриархом и живущими в Палестине латинскими монахами. Он становится защитником европейцев, живущих на Востоке. Он посылает деньги в Сирию, в Египет, в Александрию, Иерусалим и Карфаген, на поддержание церквей и госпиталей.

Современники были поражены и восхищены этой картиной. Им кажется, что Африка и Азия готовы покориться могущественному королю франков. Они констатируют, что ему принадлежит не только большинство стран латинского языка, но что от него прямо или косвенно зависит весь германский мир. Карл именуется «королем франков, правящим Галлией, Германией, Италией». Теодульф, епископ Орлеанский, в поэме, сочиненной около 796 года, перечисляет реки, над которыми он властвует, и в заключение восклицает: «При звуке твоего голоса — встают народы. Вот гунн с заплетенными в косы прядями, вот араб с распущенными волосами. Весь мир наполнен звуком твоего имени и звучит твоими похвалами, о, король! И пусть говорят много — всего сказать не смогут. Можно измерить Маас, Рейн, Сену, Тибр и По: твои хвалы выше меры. Как счастлив тот, кто может всегда быть подле тебя, созерцать лицо твое, которое в три раза светлее золота, и твое чело, достойное бремени диадемы».

Особенное восхищение вызывало то, что главной связью народов, столь различных происхождением и языком, Карл хотел сделать христианскую религию. Советы и наставления, которые он посылает иностранным государям, чаще всего касаются веры. И если он искал дружбы неверных, живущих за морем, то только для того, чтобы облегчить участь христиан, находящихся под их властью. Его рука раздвинула во все стороны пределы христианского мира. Германия, вступившая в лоно Церкви, сама вошла в соприкосновение со славянским

язычеством и скоро начнет с ним борьбу. Эпитет «христианского царства» лучше всего выражает природу этого организма. В глазах современников Карла все народы, объединенные под его властью, составляют один народ — «христианский народ», populus christianus. Только одна держава в прошлом может сравниться с той, которую создали франки: это — Римская Империя.

Идея Империи не исчезла бесследно на Западе. Империя осталась, по крайней мере для людей ученой традиции, идеальным государством, которое одно способно утвердить *мир в мире*. Согласно очень распространенному убеждению, это была окончательная, последняя форма человеческого общежития; с ее концом наступит конец мира. Христианские императоры, Константин, Валентиниан, Феодосий, приводились, как образцы государей. Память об Империи была снова воскрешена каролингскими победами и совершавшимся литературным возрождением. Группе лиц, окружавших Карла, воспитанных на чтении авторов Августова века, сходство короля франков с великими православными императорами, царствовавшими некогда над Римской державой, казалось поразительным Для него ищут титулов более значительных и высоких, нежели титул короля. Его называют «владыкой земли» — dominus terrae. Он является «славнейшим из царей, тем, кого Творец, сжалившись над народами, дал им в качестве защитника и отца...» «господином Карлом, ревностным поборником веры православной, великим высотою царского сана, славным славными венцами, которые Бог ему даровал». Его двор, его дворец, его веления именуются «священными». Обращаясь к нему, говорят уже о его «императорских указах» и «славе его императорского правления». *Император*, — вот титул, который несомненно приличествует вождю всего запада, владыке «Имперского Рима, Золотого Рима».

Две важные преграды еще отделяли Карла от Империи: в Константинополе жил император, Константин VI, и папа Адриан относился несочувственно к проекту, которым были воодушевлены верные короля.

Адриан с растущей тревогой следил за утверждением в Италии власти короля франков. Этот король принимал всерьез свое звание патриция, требовал его точного определения, желая обратить в нечто реальное этот туманный титул. Кроме того, папа мог поставить в упрек Карлу неисполнение данного им в 774 году обещания расширить дар Пипина; Карл прибавил папе только несколько незначительных кусков земли. Отношения короля и папы представляются очень любопытными. Оба относятся друг к другу с уважением и любовью. Оба чувствуют себя крупными личностями, слугами общего дела, вождями — один в духовном другой в земном — того общества солдат и священников, которое представлял тогдашний христианский мир: они ведут его один — сражаясь, другой — молясь, как Моисей и Аарон: это поэтическое воспоминание встречается в одном письме Карла. Но папа и король сохраняли согласие, при условии — не доводить до полной ясности того, что их разделяло. В эту пору папство начинает лелеять грандиозную и странную мечту. В первые годы служения Адриана появляется знаменитый документ — грамота так называемого «Константинова дара». В ней

говорится, что крещенный в Латеране папой Сильвестром, Константин Великий даровал верховному первосвященнику императорскую власть и отличия: пурпурную хламиду, золотую диадему, «город Рим, страны и города Италии и всего Запада», т. е. сделал папу западным императором. В какой мере верил сам Адриан этой выдумке неизвестного фальсификатора? Мы не знаем. Но он ссылался на этот документ, чтобы оспаривать те права, которые король франков хотел осуществлять над Римом, ибо Карл стремился видеть в Вечном Городе одну из столиц своей Империи. Папа напоминает ему, что действительный «патрициат» в Риме принадлежит св. Петру. По-видимому, он готов был вступить в соглашение с византийским императором и создать в центре Италии одно из тех вассальных государств, независимых фактически, но признающих верховную власть императора, какие существовали тогда в греческой Империи.

Пока были живы император Константин VI, а в Риме папа Адриан, все оставалось по прежнему, но в 797 году Константин был ослеплен, по приказанию матери своей Ирины, и умер. Ирина захватила власть, и императорский престол можно было считать вакантным. За два года до этого события Адриана сменил на папском престоле Лев III.

Уже в это время все сильнее чувствовалось противоречие между могуществом папы в христианском мире и его слабостью в Риме. Его покой постоянно тревожили бароны-владетели земель и замков в окрестностях Рима, которые претендовали нередко распоряжаться апостольским престолом. Лев III, бывший до своего возвышения незначительным чиновником папского двора, выдвинутый духовенством против желания знати, более всякого другого нуждался в покровительстве. Немедленно после своего избрания, он послал римское знамя Карлу и обещал ему верность. 15 апреля 799 года он подвергся нападению и жестокому избиению на улицах Рима. Тогда он бежал в Падерборн и искал защиты у короля. Карл отправил его обратно в Италию под сильной охраной, а вслед затем сам направился в Рим.

23 ноября 800 года в Номенте, в 12 милях от города, Карл был принят с великими почестями. На другой день он торжественно вступил в Рим, с тем же церемониалом, что в 774 году. 1 декабря устроено было собрание духовенства и франкских и римских магнатов, для разбора обвинений, возводимых на папу его противниками. Собрание не могло придти ни к какому решению, но 23 декабря, призванный королем, епископами и патрициями, папа принес клятву на Евангелии, которой очистился от возводимых на него преступлений. Через два для после этого, народ собрался в церкви св. Петра на рождественскую мессу. — Карл занял место перед алтарем. Склонясь, он молился, когда Лев возложил ему на голову императорскую корону... И все присутствующие воскликнули: «Да живет и побеждает Карл, Август, венчанный Богом, великий и мирный Римский император!» Три раза повторялись эти восклицания. Потом папа преклонился (adoravit) перед императором, согласно обычаю, соблюдавшемуся по отношению к прежним цезарям.

По выходе из церкви св. Петра, Карл объявил, что «если бы он знал о намерении папы, он не вошел бы в церковь в этот день, хотя это и был величайший годовой праздник». Это свидетельство, сообщенное нам Эйнгардом, не может быть отвергнуто. Но как понять слова Карла? Они не могут значить ни того, чтобы он не хотел Империи, ни того, чтобы не знал, что о ней шла речь раньше. Как ни плохо осведомлены мы об этом необыкновенном происшествии, мы не можем не предположить, что о нем говорилось в совещаниях, собиравшихся перед 25 декабря. Невозможно, чтобы Карл не был предупрежден и запрошен. С другой стороны, однако, он не знал, по-видимому, что церемония будет иметь место в день Рождества, и что папа возложит ему корону на голову. Принимая во внимание, что впоследствии он коронует сына своего Людовика сам, без вмешательства папы и епископа, можно догадываться, что ему неприятно было получить корону из рук папы, и что он намеревался взять ее сам, чтобы римский первосвященник не заявлял каких-либо притязаний на верховенство над ним. Возможно, что он хотел вступить в соглашение с греками, прежде чем присваивать себе императорский титул. Византийские императоры были законными наследниками прежних цезарей: чтобы Карл формально стал римским императором, нужно было, чтобы этот титул был признан за ним в Константинополе, как он признан был в Риме. Этот пункт стал затем предметом долгих переговоров, которые тянулись до конца царствования Карла[533].

До 800 года отношения между Византией и королем франков представляются плохими. Греки принимали участие в заговорах, которые образовывались против него в Италии. В 781 году Ротруда, дочь Карла, была просватана за Константина VI, но когда пять лет спустя византийские сановники приехали за девушкой, брачный договор был разорван Карлом. Тогда греческая армия высадилась в Беневенте, но была отбита. Когда Карл сделался императором, он вернулся к мысли о брачном союзе, который соединил бы два дома: он сам (так как он потерял королеву Лиутгарду) хотел жениться на Ирине, чтобы царствовать над Западом и Востоком. Два посла посланы были в Константинополь. Но в это время патриций Никифор заключил Ирину в монастырь и овладел престолом. Никифор был сторонником союза с франками. В 803 году он послал к Карлу митрополита Михаила с дружеским письмом. Но затяжки и уклончивость императорской канцелярии раздражали Карла. Он послал послов в греческие земли: Сицилию, Далмацию и Венецию, затем отправил армию и наконец флот. В 806 году дож Венеции и дука Зары изъявили покорность королю франков. Однако Далмация была взята обратно греческим флотом, и только в 809 году Пипин Италийский захватил острова Градо и Киоджу.

Греки решили вступить в переговоры. Никифор был убит в битве с болгарами, и ему наследовал зять его Михаил. В Аахен послано было посольство, которое Карл принял в церкви Богоматери. Он объявил, что отказывается от Венеции и Далмации. Послы приветствовали его титулом «базилевса», который носили восточные императоры (812 г.). В том же году два франкских посла, аббат Петр

и епископ Амаларий Трирский, отвезли в Константинополь договор, одобренный светскими и духовными магнатами и подписанный Карлом. Они должны были принести обратно копию, подписанную Михаилом и одобренную его священниками, патрициями и магнатами его двора. «Мы благословляем Господа, — пишет Карл, — и благодарим Его от всего сердца, ибо Он соизволил утвердить столь долгожданный и всегда желанный мир между Восточной и Западной Империями». В то время, как франкские послы были на обратном пути в Аахен, Михаил был низвержен Львом Армянским. Когда они прибыли во Францию, Карл только что умер. Принятый договор был, однако, окончательно закреплен в начале царствования Людовика Благочестивого.

Таким образом, мир как будто возвращался к тем временам, когда им правили два императора: один на Востоке, другой на Западе. Императоры считались братьями и соправителями Империи, в идее — неделимой. Этот факт есть одно из проявлений могущественного влияния прошлого на человеческое воображение. Все мыслящие люди той поры хранили культ римского единства и римского мира, которые они считали восстановленными — силою обрядов и формул. Но Восток и Запад, более различные, чем когда бы то ни было, не могли быть воссоединены, и Западная Империя не могла стать реальностью, ибо все ее учреждения, ее быт, ее дух погибли в сумятице вторжений и утверждения новых народов. Мы скоро увидим, чем станет на самом деле эта Империя, восстановленная в 800 году людьми, которые не знали хорошенько, что такое была античная Империя, и не вдумались, чем может стать новая.

ГЛАВА III
ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА[534]

I. Император. — II. Центральное управление. Двор. Собрания и капитулярии. Соборы. — III. Областное управление: графы, епископы, посланцы (missi). — IV. Суд, налоги, военная служба. — V. Преемники Карла Великого.

I. Император[535]

Карл был не таков, каким его представляют канонические изображения и легенды. Он не имел ни пышной бороды, падающей до середины груди, ни роскошного одеяния, отягченного драгоценными камнями, ни тех атрибутов, с какими любят доныне представлять его художники, как скипетр, держава и посох с набалдашником в виде резного серебряного шара. Согласно самым надежным литературным и изобразительным памятникам, он был высокого роста, но не выше «семикратной длины его ступни». Шея его была коротка, и живот выдавался вперед. Он имел круглую голову, большие живые глаза, продолговатый нос, густые волосы; он носил усы, по обычаю франков, и брил бороду. Голос его казался слабым для его тела.

Стало быть, Карл не был ни так красив, ни так величествен, как это себе обыкновенно представляют, но он внушал почтение достоинством и уверенностью своей осанки. Обыкновенно он, как и все франки, одевался в льняную рубашку и короткую тунику. Зимой сверх этого он надевал несколько шкур. Медные обручи сжимали его руки и ноги. Голубой плащ и меч, рукоятка которого и ножны сделаны были из серебра и золота, дополняли его одеяние. В большие церковные праздники, во время приема послов он надевал те же одежды, но из более красивых тканей, с более пышным шитьем. Он носил в таких случаях, сверх того, золотую с самоцветными камнями диадему. В Риме он облекался в хламиду и длинную римскую тунику.

Карл был женат четыре раза. Отвергнув Дезидерату, он женился затем на кроткой Гильдегарде, «которая по своей прелести, — говорит его биограф, — не имела соперниц среди дочерей франков». Потом — на гордой Фастраде и, наконец, Лиутгарде. От этих законных браков он имел трех сыновей: Карла, Пипина и Людовика — рожденных Гильдегардой, и пять дочерей — Ротруду, Берту, Гизелу, Теодраду и Гильтруду. Принцессы приучены были к хозяйству, умели прясть шерсть и обращаться с веретеном и прялкой. Они любили, вместе с тем, украшаться богатыми тканями и драгоценными камнями, жемчугами, изумрудом, застежками, браслетами, ожерельями, золотыми поясами и булавками, которыми полны были их сундуки. Отец не позволял им выйти замуж. Три из

них стали аббатиссами; две вступили в неразрешенные союзы. Ротруда тайно сошлась с графом Роргоном, а Берта — с поэтом Ангильбертом, «белокурым Гомером», от которого она имела сына, будущего историка Нитгарда. Нравы не были особенно строгими при каролингском дворе, и Карл не подавал своим доброго примера. После смерти Лиутгарды, последовавшей 4 июня 800 года, он имел еще четырех наложниц и несколько детей, из которых двое играют впоследствии известную роль. Это — Дрогон, будущий епископ Меца[536], и Гуго, будущий аббат Сен-Кантена.

Карл имел много резиденций: Керси, Компьен, Аттиньи, Гериcталь, Тионвиль, Вормс, Шлештадт, Франкфурт-на-Майне, Нимвеген, Майнц, Падерборн, Регенсбург и другие. Он переезжал из одной в другую, вечный странник по склонности и по необходимости. Но особенно охотно жил он в Аахене, знаменитом своими водами и окруженном богатыми дичью лесами. Римляне устроили здесь водолечебное заведение. Пипин часто живал здесь. Место это называлось Aquisgranus, по имени кельтского бога Granus'a, которого ассимилировали Аполлону-целителю. Карл построил здесь бани, дворец, церковь (откуда название Aix-la-Chapelle). Здесь устроил он свою политическую столицу, если это выражение уместно, по отношению к этой эпохе. Он сам руководил работами постройки, и когда стены выросли из земли, когда золоченые крыши засияли на солнце, казалось, будто «Новый Рим» родился в германской земле. Любимыми развлечениями императора являются плавание и охота. В свои громадные термы он приглашает своих сыновей, магнатов, друзей. Сто человек, а иногда и больше, купаются с ним. Часто с восходом солнца ворота города открываются, чтобы пропустить толпу охотников. Сам король и королева, их дочери и сыновья, вельможи едут на конях. За ними следуют дворцовые слуги, неся сети и рогатины с железными наконечниками и держа на своре молосских псов. При въезде в лес свора кидается на поиски оленя или кабана. Звук рога возвещает, что животное захвачено. Когда охота кончена, Карл и его гости обедают в палатках.

От природы умеренный, с простыми привычками, Карл любил эти полевые праздники. Но когда он задавал большие пиры, он желал, чтобы они были достойны королевского величия. Один поэт описал нам такой пир. «Король сидит на высоком седалище, с золотым обручем в волосах. Подле него, с диадемой в волосах, с ожерельем на плечах сверкающим тысячами огней, сидит королева Лиутгарда, столь же благочестивая, как и прекрасная, равно благосклонная к великим и малым, рассыпающая повсюду благодеяния и кроткие, приятные слова». Подле Карла сидят его сыновья, «полные силы, юности, смелости и ума», и его дочери, «столь прекрасные, хотя и несходные, что отец никогда не хотел с ними расстаться». У них нет иного желания, как нравиться отцу своей веселостью, свежестью своей улыбки, изяществом осанки. По знаку, данному главным глашатаем, быстрым в повиновении, ловким в движениях рук и ног, все становятся на места. Архикапеллан благословляет стол и садится. Сенешаль, за которым следует

толпа поваров и пирожников, подносят блюда к трону. Виночерпий берет одной рукой кубки, а другой наливает благородные вина. Тогда начинается пир, и с ним остроумные состязания, в которых король удостаивает принять участие. Во время десерта начинаются важные беседы «о божеских и человеческих делах», стихотворные экспромты, произведения какого-нибудь придворного поэта.

Карл получил известное образование, скромное, если сравнить его с образованием его детей и внуков. Он никогда не научился писать. Но он отличался научной любознательностью, особенно интересуясь религиозными познаниями. Он любил пение, и сам пел в церкви. Он выражался ясно, говорил много и легко. Он знал латинский язык и немного понимал по-гречески. Уже взрослым человеком он изучил риторику, диалектику и в особенности астрономию. За столом он заставлял читать античных историков, но особенно любил произведения блаженного Августина, и больше всего «О граде божием». Современники хвалят его набожность, его щедрость к Церкви и к бедным, его доброту. К нему можно было добраться без особенных церемоний: и франки, и иностранцы встречали хороший прием. Он старался выбирать дворцовых чиновников из разных частей государства, чтобы всякий приходящий к нему нашел соотечественника, который мог бы его ввести. Сам он беседовал дружески-просто со своими гостями: он входил в их дела, расспрашивал их о родных и для каждого находил нужное слово.

Власть его представляется более сложной, чем власть Меровингов. По праву наследования и по праву избрания, он, как и они, является королем франков, rex Francorum. Этот титул он носит неизменно. Но, вместе с тем он — наследник цезарей, и с 801 года титулуется «светлейшим августом, Богом венчанным, великим императором-миротворцем, правящим Империей Римской». Он чтит Рим и хранит в своей сокровищнице план Вечного города, выгравированный на серебряной доске. Он заботится постоянно о его нуждах, посылает в Рим доски, бревна, все необходимое для поддержания его церквей, особенно базилики апостола Петра, которую он осыпает золотом, серебром и драгоценными камнями. Наконец, ведь помазание сделало его преемником Давида и Соломона. Ему часто напоминают это мистическое происхождение его власти. «По особой милости своей, — говорит поэт, — Христос благоволил дать народу своему главу, который обладает верою и добродетелью славного царя Иудеев. И если слава Давида обошла земли, слава Карла возносится до звезд небесных».

Уже Меровинги претендовали на это священное звание, но Карл, получивший церковное помазание, сын преобразователя церкви, покровитель папы и распространитель христианства своими победами, есть христианский монарх, царь Церкви с большим правом, нежели Хлодвиг, Гунтрамн и Хильдеберт.

На стенах Ингельгеймского дворца были тогда изображены большие исторические сцены[537]: подвиги Давида, построение храма Иерусалимского при Соломоне, Константин, покидающий Рим ради Константинополя, портрет Феодосия, Карл Мартелл, побеждающий фризов, Пипин, покоряющий Аквитанию, и славный сын его, «подчиняющий своей власти когорту саксов». В этой живописной

галерее король франков, император римлян, помазанный король, Карл пожелал изобразить далекие и близкие прецеденты и начала своей власти.

Таковы разные элементы, из которых сложилась власть, являвшаяся, по крайней мере в теории, абсолютной. Все обязаны повиновением королевской воле, выражающейся в его *бане (banus)*. «Никто да не осмелится, — гласит капитулярий, — нарушить бан или повеление государя императора, ни оспаривать его деяний, ни мешать им, ни уменьшать их, ни делать чего-либо противного его воле и велениям». Это — римский принцип: «Что угодно государю, имеет силу закона».

Верность подданных королю и императору освящается и закрепляется приносимой ими присягой[538]. Обычай присяги существовал в меровингскую эпоху. При первых Каролингах он вышел из употребления, но его восстанавливают после двух заговоров на жизнь Карла. Первый образовался в Тюрингии в 786 году под руководством графа Гардрада; второй был устроен в 792 году, во время войны с аварами, сыном Карла и Химильтруды, Пипином Горбатым, который задумал умертвить отца и братьев. Франкские магнаты, недовольные влиянием, какое имела на короля суровая и жестокая королева Фастрада, приняли участие в заговоре. Лангобардский диакон Фардульф узнал и донес о нем, в награду за что был сделан аббатом св. Дионисия. Заговорщики были преданы суду Регенсбургского собрания, и по его приговору обезглавлены, повешены или сосланы. Пипин, осужденный на смерть, был помилован Карлом и заключен в Прюмский монастырь, где и умер в 811 году. Во время допроса заговорщики, в оправдание своего проступка, ссылались на то, что они не приносили присяги на верность королю. Тогда Карл установил следующую формулу, которую мы находим в капитулярии 23 марта 789 года: «Я, такой-то, обещаю быть и оставаться верным моему государю и королю Карлу и его сыновьям, — без обмана и без худых замыслов, во все дни моей жизни». Эта присяга должна приноситься епископами, аббатами, архидиаконами, канониками, приходскими священниками, монахами, графами, королевскими вассалами, викариями, сотниками, «людьми епископов», «людьми графов», «людьми других» (подразумевается — земельных собственников), колонами короля и Церкви, даже сервами. «Все да присягают», omnes jurent.

После того, как Карл стал императором, присяга подданных получает еще больше значения. В 802 году Карл повелевает, чтобы все те, кто принес ему присягу, как королю — возобновил ее по отношению к императору; чтобы ее принесли все, начиная с 12-летнего возраста. В Аахене в этом году созывается общее собрание. Карл принимает присягу присутствующих, и королевским посланцам, посланным по всей Империи, поручается принять ее от всех подданных. Вот ее текст: «Я обещаю хранить верность государю Карлу, благочестивейшему императору, сыну короля Пипина и королевы Бертрады, верность, какою человек (homo) повинен своему государю; обещаю быть верным его царству и его праву. Эту присягу, которою я клялся, я сохраню и хочу хранить, начиная с нынешнего

дня, поскольку я знаю и понимаю ее, с помощью Бога, создавшего небо и землю, и святых мощей его, которые находятся в этом месте».

Эта присяга приносится в церкви, на святых мощах, в присутствии десяти или двенадцати свидетелей, и имя принесшего ее, записанное на особый лист, передается во дворец. Кто отказывается принести ее, — посылается к королю, и его заключают в темницу. Кто, принесше ее, нарушил данное слово, карается смертью. Карл предписывает разъяснять народу все значение этой присяги: принесший ее должен быть верен императору, охранять его жизнь, не вводить врагов в его государства, исполнять военный свой долг, платить повинности, уважать достояние государя: его земли, его рабов, церкви и бедных, коих государь является покровителем, мир и порядок, который он желает установить повсюду. Такова сущность этих обязательств, которые берет на себя клянущийся. В этом чуется усилие привязать нравственной и религиозной связью к особе государя общество, которое уже тяготело к распаду.

II. Центральное управление. Двор. Собрания и капитулярии. Соборы[539]

Карл был окружен двором, который по-прежнему называют Palatium, и который в общих чертах походит на меровингский двор[540].

В иерархии и функциях составляющих его чиновников, которые носят новое имя *палатинов*, явились некоторые изменения. Референдарий исчез: он заменен канцлером. Нет больше майордомов: Каролинги уничтожили эту должность, которая в их руках оказалась ступенью к трону. В их дворе первое место занимает «дворцовый граф» — comes palatinus. Он соединяет с судебными функциями наблюдение над двором, некогда принадлежавшее майордому. Новым лицом здесь является *архикапеллан*, носящий иногда византийский титул «апокризиария»: эта должность была создана Пипином Коротким, когда он проводил реформу Церкви. Это — член духовенства, по преимуществу епископ или видный аббат. Он ведает королевскую капеллу, а также другие общие религиозные дела. Затем следуют уже известные нам чиновники: camerarii (камерарии), thesaurarii (казначеи), senescalci (сенешали), buticularii (виночерпии), comes stabuli (коннетабль) etc.

Как и в меровингские времена, нет абсолютного разграничения между государственными должностями и домашними службами. Дворцовый граф, архикапеллан, канцлер являются скорее государственными должностями; сенешаль, виночерпий, коннетабль носят скорее характер домашних служб. Но ни один из них, кроме, быть может архикапеллана, не привязан к своей должности. Дворцовые графы водят армии; один из них был убит с Роландом, другой в Саксонии. Сенешали заведуют кухней, но в случае нужды они, как Аудульф, идут биться с бриттами и чехами или, как Эггигард, умирают в Ронсевале. Один виночерпий послан был послом к Тассилону Баварскому. Один коннетабль, воюет с полабскими славянами. Это — приемы примитивного порядка вещей, где все просто, где

разделение труда не является необходимым, и сама мысль о нем еще не приходит в голову.

Однако некоторые функции представляются уже лучше организованными. В канцеляриях *нотарии* составляют королевские письма, дипломы, грамоты иммунитета. Их главой является *протонотарий*, или *канцлер*, избираемый из среды духовенства. Он не представляет еще из себя той крупной фигуры, какой станет впоследствии: он зависит от архикапеллана, и ему не вручается печать, но через его руки проходят конфиденциальные бумаги, и он хранит дворцовый архив, archivium palatii. Его помощниками являются клирики, «умные, толковые, недоступные подкупу и умеющие хранить тайны».

Карл имеет также свой совет, куда он приглашает, кроме архикапеллана, дворцового графа и камерария, тех из магнатов, — optimates, proceres, — мнение которых ему угодно спросить. Этот совет прежде всего должен разрешать конфликты в среде придворных. Но его компетенция простирается на все дела, «имеющие отношение к благу короля или королевства». Его члены должны быть строго лояльны и не ставить ничего выше своего долга — «разве что вечное свое спасение». Их число было невелико и точно не установлено. Король созывал его собрания, когда находил это необходимым. Кроме того, при нем неотлучно находилось три советника, «избранных из самых знатных и мудрых людей», без совета которых он ничего не предпринимал.

Кроме чиновников, во дворце живут, как и в меровингскую эпоху, discipuli, молодые люди, посылаемые к королю, в целях их воспитания, и comites, «товарищи» короля, которых в каролингскую эпоху чаще называют milites expeditii (походные воины). Они привязаны лично к его особе, как некогда антрустионы. В этих «товарищах» короля заискивают все, кто хочет получить какую-либо должность или благодеяние. «Не проходило недели без того, чтобы какой-нибудь вельможа не пригласил их к себе, чтобы предложить им гостеприимство».

К этому постоянному, уже довольно многочисленному населению дворца, присоединяется сменяющееся: *областные графы, посланцы* — missi, которые являются сюда, чтобы получить приказания или отдать отчет, послы, истцы, купцы. Наконец, соседство двора привлекает искателей приключений, нищих, публичных женщин. Все это население и устраивается в его непосредственной близости. Даже хуже: жилища большинства палатинов скрывают наложниц и мальчиков, занимающихся проституцией. Приходилось издавать постановления, запрещавшие проживание в Аахене неизвестным лицам, мужчинам и женщинам другой жизни, возбранявшие драки во дворце, предписывавшие немедленный отъезд истцов и жалобщиков после разрешения дела, запрещавшие фальшивым нищим проникать в ряды настоящих, и честным людям давать приют преступникам. «Кто скроет такое лицо в своем доме, обязан обнести его на своей спине вокруг дворца и затем внести в тюрьму». По мере того, как император старился, это зло все больше возрастало. Первой заботой его сына Людовика Благочестивого будет очистить дворец и его окрестности.

Мы видели, что в конце меровингской эпохи в отдельных королевствах франкского государства установился обычай собраний. Мы видели, как затем австразийские майордомы стали созывать ежегодно одно общее собрание для всего королевства в марте месяце — campus martius (Мартовское поле)[541]. Став королями, они сделали из этого учреждения одно из главных орудий управления. В 755 году Пипин отодвинул его созыв на май (campus madius), чтобы дать возможность епископам и аббатам отпраздновать Пасху в своих диоцезах и монастырях. Карл созывал свои собрания чаще всего в мае, но иногда откладывал их до июня, июля и августа. Они собирались обыкновенно в королевской вилле или в одном из дворцов Рейнской долины: Аахене, Вормсе, Майнце, иногда же во вражеской стране: в Регенсбурге, Липпенгейме, Падерборне.

Эти собрания имеют целью представлять народ перед королем. Весь народ призывается на них. Но на самом деле король имеет дело только с магнатами — духовными и светскими. Епископы, аббаты и графы приезжают со своими людьми, и эти люди представляют народ. Даже не все магнаты допускаются к участию в совещаниях. Только самые важные из них собираются в залах совета: духовные отдельно от светский или все вместе, если они это находят нужным. В продолжение нескольких дней они рассматривают статья за статьей, проекты, предлагаемые их обсуждению. Если они выражают желание, чтобы король принял в нем участие, он является к ним. Толпа менее важных лиц остается вне, и Карл ходит в ее рядах, свободно и просто беседуя с народом, расспрашивая каждого о том, что происходит в стране, из которой тот прибыл. Когда совещание магнатов по тому или другому вопросу окончено, и мнение их передано королю, он принимает решение, — право которого во всяком случае остается за ним, — и сообщает его народу, чтобы получить его «согласие» — consensus. Но «согласиться», на языке эпохи, означало приблизительно то же, что изъявить повиновение.

Кроме того, вопросы, предлагаемые собранию, подготовлялись заранее — отчасти в совете короля, но еще обычнее в осеннем собрании, установленном только при Карле Великом, более тесном, нежели майское и более аристократическом по составу. Оно решало, в случае необходимости, вопросы войны и мира, оно «начинало обсуждать дела следующего года, если представлялись такие, о которых следовало уже подумать». Принятые решения оставались неизвестными публике до мая следующего года, «так, чтобы думали, будто ничего не было решено или обсуждено заранее», и вопрос обсуждался сызнова. Этот тайный характер осенних собраний объясняет нам, почему анналисты никогда не упоминают о них, тогда как они всегда отмечают общие собрания. Нам известны только те, которые были созваны в Аахене, в октябре 797 года и в октябре 802 года. Первое наметило положение «саксонского капитулярия», второе установило принцип пересмотра законов.

Общее собрание носило различные имена. Анналисты называют его «общим собранием» — généralis или universalis conventus, трибуналом — placitum, «синодом» — synodalis conventus или synodus. Эта множественность названий

объясняется разнообразием функций. Собрание регулирует «состояние всего государства на текущий год, и ничто не может изменить его постановлений, кроме крайней необходимости, общей всему королевству». В качестве «общего собрания», universalis conventus, оно является большим военным и государственным советом: оно обсуждает вопросы о необходимости похода; пред его лицом и с его одобрения совершаются законодательные акты или такие важные политические акты, как разделы государств; вероятно, оно высказывает свои мнения и подает совет относительно того, что мы называем иностранной политикой. В качестве placitum, собрание есть высший судебный трибунал, призванный судить такие из ряда вон выходящие преступления, как harisliz (измена)[542]. Название «синода» оправдывается множеством духовных дел, которые подлежат его обсуждению. Наконец, собрание является поводом для всех, великих и малых людей, подносить подарки государю.

Акты каролингского законодательства называются капитуляриями. В совокупности своей они представляют одновременно политическую конституцию, законодательный кодекс, руководство нравственности. Гизо насчитывает в них 273 статьи уголовного и гражданского кодекса, 172 статьи морального и религиозного законодательства и 305 статей канонических установлений. Эта классификация, устанавливаемая новым историком, не существовала вовсе в мысли законодателя. Единственным верным делением — как бы ни критиковали его, и иногда небезосновательно[543] — приходится признать то, которое установил сам Карл: капитулярии, задуманные самостоятельно, а не как прибавления к существующим законам (capitularia per se scribenda), капитулярии, написанные в исправление и дополнение к законам — capitularia legibus addenda и, наконец, капитулярии, написанные в руководство посланцам — capitularia missorum.

Capitularia per se scribenda регулируют организацию двора и обязанности чиновников, положение лиц и земель (коммендации, бенефиции), организацию правосудия, армии, церкви, эксплуатацию королевского домена. Изданные после обсуждения в общем собрании и переписанные в нескольких экземплярах, они возвещались епископами, аббатами и графами населению графств, клирикам диоцезов, монахам аббатств. Они являются обязательными повсюду, но имеют силу только во время данного царствования. В следующее царствование они должны быть возобновлены. Капитулярии Карла Великого возобновлялись неоднократно и имели силу очень долго[544].

В капитуляриях, данных посланцам, находятся преимущественно статьи, относящиеся к войску, отдельные указы и предписания на данный год, замечания, соображения и размышления императора.

Что касается капитуляриев, «дополняющих законы», они представляют исправления или дополнения к народным Правдам. Установленные совместно с представителями каждого данного народа, они только к нему и применимы. С другой стороны, они сохраняют силу и по смерти государя, при котором были изданы. Карл Великий хотел быть и был законодателем. Это стремление

проявляется в нем особенно с того момента, когда он был облечен званием императора. Вероятно, он не имел мысли систематизировать многочисленные законы, которые существовали в его Империи, и которые так трудно было знать и применять. При нем сохраняет свою силу принцип «могущественности права», согласно которому каждый судится по законам той страны, где он родился. В 802 году император повелевает редактировать не записанные еще законы народов, вновь покоренных под его власть: писанные законы саксов и англов датируются именно этим временем. Во всяком случае, он хотел в этих законах, как и в других, заполнить пробелы, исправить устарелые и слишком варварские положения. Он пытался уничтожить некоторые обычаи, например, право мести, но эта реформа встретила противодействие, и Карл должен был отказаться от нее. Таким образом, как то отмечено было и его современниками, его законодательное дело осталось незавершенным.

Если многие церковные дела были подведомственны общим собраниям, то все же оставалось немало вопросов, в которых Церковь не допускала вмешательства светских людей. Эти вопросы обсуждались на соборах. Император, однако, принимал в них участие.

Каролинги сохранили над Церковью всю ту власть, какую имели и Меровинги, и увеличили ее. Хотя выбор епископов юридически принадлежал духовенству и народу («клиру и миру»), но фактически король был хозяином епископских выборов. Они происходят только после того, как он дал необходимое разрешение на них, — concessio regalis, утвердил, а иногда и прямо назначил того «наблюдателя» — visitator'a, в присутствии которого совершается избрание. Протокол избрания, decretum, посылается затем во дворец, и избранный может быть посвящен только с королевского одобрения. Часто Карл прямо-таки указывает кандидата. Большое число избраний совершились «по его милости» или «по его желанию». Естественно, что он назначает епископов в диоцезы, созданные им в языческих областях. Относительно выбора аббатов он действует так же, по крайней мере в королевских аббатствах, хотя по праву выборы эти принадлежат монахам.

Подобно меровингскому королю, каролингский разрешает или даже декретирует созыв соборов; он может председательствовать на них, и их каноны имеют силу закона только после его одобрения. Карл продолжал реформу Церкви, начатую его отцом и дядей. Он закончил восстановление иерархии. Империя включила 22 метрополии, из которых 16 находятся в современной Франции (Экс, Арль, Ош, Безансон, Бордо, Бурж, Эмбрен, Фрежюс, Лион, Нарбонна, Реймс, Руан, Санс, Тарантез, Тур, Вьенн). Власть митрополита осталась слабой, но диоцезы были организованы крепко: белое и черное духовенство обязано повиновением епископу. Так как число сельских приходов увеличилось, то в помощь епископу дается «епископ хора», который освящает деревенские церкви, принимает кающихся в городах и местечках, конфирмует детей и взрослых. Сельские приходы сгруппированы в «архидиаконства», управляемые архидиаконами и подразделяющиеся в свою очередь на «деканства», во главе которых стоят деканы.

С другой стороны, Карл возобновляет в своих капитуляриях предписания, регулирующие нравственную дисциплину и нравы духовенства. Вместе с епископами он упорядочивает культ, церковное пение, одежду священников, убранство алтаря. Он вмешивается, наконец, в религиозные споры. Он устраивает анкеты по спорным вопросам, например, по вопросу о крещении; он берет на себя инициативу в борьбе с ересями.

Крупная роль, какую Карл играл в Церкви, проявилась в особенности в деле об адопцианизме. Это учение различало в Христе лицо божественное и человеческое, и это последнее считало только «адоптированным (приемным) сыном Бога». Оно сделало значительные успехи в Испании, где было проповедываемо Элипандом, архиепископом Толедо, и Феликсом, епископом Ургеля. Этот последний, как живший в Испанской марке, был, следовательно, под властью Карла. В 792 году он «был приведен во дворец», затем синод епископов, созванный в Регенсбурге, «по велению славнейшего и православного короля Карла», доказал его заблуждение, и он послан был в Рим к папе Адриану. Так как, однако, он упорствовал в ереси, то его низвели с епископского престола. Тогда испанские епископы обратились к Карлу с посланием, прося восстановить Феликса в его правах. Карл в 794 году созвал во Франкфурте собор, где присутствовало до ста прелатов франкского королевства, Италии, Аквитании, Прованса, окруженных священниками и диаконами. Карл занял место на своем троне, велел прочесть письмо испанских епископов, произнес длинную речь по поводу спорного вопроса и спросил: «Что же вы думаете об этом?..» Епископ Ургельский был осужден, но отказался отречься от заблуждения. Тогда королевские посланцы — Лейдрад, архиепископ лионский, и Вильфрид, архиепископ нарбоннский, убедили его явиться в Аахен в 799 году. Там между Алкуином и Феликсом происходил диспут, длившийся шесть дней, в итоге которого последний признал себя побежденным и опубликовал отречение.

Религиозное влияние Карла проявилось еще в двух других, не менее важных вопросах: вопрос о культе священных изображений и о Filioque. Отцы Франкфуртского собора получили от папы акты второго Никейского собора по вопросу об иконах. Смысл некоторых греческих слов был им неясен; они поняли, — неверно, — будто отцы Никейского собора предписали *обожание* икон, и отвергли их предписания. Император сам решился опровергать их, и под его влиянием составлены были так называемые Libri Carolini (Книги Карла), чтение которых сильно встревожило папу Адриана, ибо они были полны сомнительных утверждений. При Льве III, франкские монахи из Монте-Оливо были обвинены в ереси за то, что вставили в ту фразу символа веры, где говорится о нисхождении Духа Святого от Отца (qui et Patre procedit), слово Filioque («и от Сына»). Они просили папу доложить их дело Карлу Великому. Последний, исследовав его, при помощи Теодульфа, собрал в 809 году собор в Аахене, который их одобрил.

Ни с какой стороны не раздавалось протестов против этого королевского вмешательства в дела веры. Только архиепископ миланский, Одильберт, замечает,

что добрые императоры ограничивались тем, что властью своей утверждали решения священников Господа. Остальной епископат склонился с покорностью. В писаниях своих славнейшие вожди духовенства Галлии, Италии, Германии – не исключая, в конце концов, самого Одильберта — принимают подобострастный, полный смирения тон, обвиняют себя в «нерадении», в «лени», благословляют вмешательство императора, который «исторг их от сна беспечности». В 813 году епископы Лионской Галлии, собравшись в Шалоне, «по повелению светлейшего Карла, августа», решают, что каноны, вотированные ими, «будут представлены на священное суждение императора», дабы он мудростью своей одобрил одни и исправил другие.

Итак, Карл — глава Церкви, как и глава государства. Вернее — он глава епископов, как и глава графов. Он считает своим долгом сражаться с ересью, как он сражался с неверными, защищать подданных своих от заблуждения, как он защищает их от разбоя. Он запрещает им грех в той же мере, как и злодеяние. Он считает себя ответственным за их вечное спасение, как и за их материальное спокойствие. В своих капитуляриях он не только повелевает: он проповедует. Он желает, чтобы каждый знал свой «Отче наш»; он делает обязательным для супружеского союза церковный брак. Его правление имеет в виду каждого отдельного человека, как оно обнимает и целое общество. Его Империя поистине есть нечто вроде «Града Божия» — Civitatis Dei. Эпиграфом к его правлению может служить выдержка из письма его ко Льву III: Nostrum est secundum auxilium divinae pietatis, sanctam ubique Christi ecclesiam ab incursu paganorum et ab infidelium devastatione armis defendere, foris et intus catholicae fidei agnitione munire (Нам надлежит защищать, с помощью Божией, оружием Святую Церковь Христову от вторжений язычников и опустошений неверных извне, а внутри — укреплять ее познанием веры католической).

III. Областная администрация: графы, епископы, посланцы[545]

Мы видели, что некоторые из народов Империи, сидевших вдоль ее границ, платили дань и сохраняли своих национальных государей. Это были скорее вассальные племена, нежели подданные. Таковы бритты (бретонцы), авары, баски, беневентцы, славяне. В остальной Империи мы можем различать области с населением германским, романским, галло-римским, наконец, такие, где все эти элементы смешиваются. Это — «франки и подчиненные им народы». Все они управляются одной администрацией. Нас не должны вводить в заблуждение некоторые термины, употребляемые писателями этой поры: Васкония, Испания, Прованс, Бургундия, Септимания или «Готия», Лангобардия, Бавария, Тюрингия, Саксония, Аламанния, Нейстрия, Австразия, «Франция» — о которых идет речь нередко в официальных документах — не имеют самостоятельного политического существования. Мы знаем, что Карл уничтожил те большие военные

командования или «герцогства», которые существовали некогда. Административной единицей является графство, как и в меровингскую эпоху, и оно имеет те же подразделения, что и тогда.

Число этих графств равнялось приблизительно 300 для Империи, из которых 110 приходилось на нынешнюю Францию. Из них одни были велики, как, например, Нуайон и Валуа, другие громадны, как Овернь, третьи малы, как графство Санлиса. Многие из них носят имена по городам, которые ныне исчезли или утратили всякое значение, так что трудно бывает теперь найти их. Функции каролингских графов — те же, что и меровингских[546]. Но граф и епископ действуют в более тесном союзе, нежели в меровингские времена.

Наряду с графом, епископ оглашает капитулярии, что понятно, ибо церковные постановления вообще соединены в них с указами административными. Он должен заботиться о поддержании религии, наблюдать за выполнением обязанностей веры, заниматься розыском прелюбодеяний, отцеубийств, ересей, вообще всех преступлений, которые представляют нарушение божественных заповедей. Он должен поддерживать и укреплять графа в исполнении его служения. Со своей стороны, граф — «защитник Церкви». Если подчиненные епископа не повинуются ему, он должен оказать ему помощь силой, и когда ослушники — аббаты, священники, диаконы, являются на суд владыки, граф присутствует.

Это согласие графов и епископов, сановников духовных и светских, которые зависели от него, представлялось Карлу совершенно естественным. Это — то согласие Церкви и Империи, которое существовало в его мысли и вдохновляло все его управление. Но он замечал с изумлением и печалью, что этому идеалу действительность противоречила на каждом шагу. Власть епископов и графов была разграничена недостаточно отчетливо; между ними происходили постоянные конфликты. Император жалуется, что графы не дают епископам в пределах их диоцезов «той власти, какую дает им Церковь»; и из капитулярия 811 года видно, что он решил собрать отдельно, с одной стороны, епископов и аббатов, а с другой — графов, чтобы спросить у них отчета о «причинах, которые мешают им помогать друг другу», и чтобы найти меру, в какой епископ должен вмешиваться в светские дела, а граф — в духовные. Карл искал решения вопроса, которое не должно было быть найдено так скоро...

Каролингская администрация, расстраиваемая этими конфликтами, расстраивалась еще больше, вследствие худого качества самих графов. Если в правление Карла мы не видим уже во главе графств разбойников, подобных тем, какие изображены у Григория Турского, все же приходится констатировать, что большинство графов не понимает и не исполняет своих обязанностей. Им приходится указывать, чтобы они не хватали людей без суда, не приходили с полным желудком в заседания, не принимали подарков, ибо «подарки ослепляют сердца мудрых», не притесняли свободных людей, не узурпировали прав, принадлежащих государству, не отнимали имущество бедных. Алкуин упрекает этих агентов юстиции, что они — не столько судьи (iudicatores), сколько грабители

(praedatores). Карл приглашает графов являться ежегодно на несколько недель во дворец, чтобы отдать отчет в их управлении. В своих капитуляриях он постоянно напоминает им их обязанности относительно короля и подданных. Наконец, он контролирует их при посредстве посланцев — missi.

Учреждение missi (посланцев) существовало уже в меровингскую эпоху[547]. Карл Мартелл и Пипин сохранили его, но Карл Великий — расширил и ввел его с 802 года, как постоянный и необходимый орган управления.

Империя была разделена на несколько округов, missatica, из которых каждый подлежал надзору двух посланцев, обыкновенно одного — светского сановника, чаще всего графа, а другого — духовного, епископа или аббата. Округа эти были составлены из одного или нескольких графств, комбинации которых устанавливались в начале года, смотря по потребностям момента. Вместе с этим назначались и соответствующие посланцы. В исключительных случаях они сохраняли свои полномочия на несколько лет. У нас сохранился отрывок одной рукописи[548], который описывает деление Франции на missatica (от 802 г.). Она образовала три missatica, центры которых — Париж, Руан и Орлеан. Первый включал графства Парижа, Мульсьена, Мелена, Провена, Этампа, Шартра, Пуасси. Туда посланы аббат Сен-Дени, Фардульф, и граф парижский, Стефан. Второй missaticum включал графства Ле-Манса, Гиемуа, Лизье, Байе, Кутанса, Авранша, Эвре, Мадри и Руана. Туда были посланы архиепископ Руана Магенард и граф Магельгауд. Относительно третьего missaticum мы знаем только маршрут, который был дан его посланцам: выехав из Орлеана, архиепископ Санса, Магн, и граф Годфрид достигнут Сены, объедут графства и города Лангра и Труа, затем отправятся в Безансон, далее в Отен и, возвратившись к Луаре, будут следовать ее берегом вплоть до Орлеана.

Посланцы совершают один объезд в течение года — либо в январе, либо в апреле, либо в июне, либо в октябре. Делегированные государем, они представляют перед населением всю полноту его власти. Им, прежде всего, поручается принимать от подданных присягу на верность[549], объяснять им ее значение. Они должны передавать, объявлять и разъяснять населению королевские капитулярии. Они следят за их исполнением. — «Мы хотим знать через посланцев, — пишет король, — исполняют ли наш бан и наши указы духовные лица: епископы, аббаты, священники, монахи и монахини; повинуются ли светские люди нашей воле и нашим велениям».

Один из посланцев является непременно духовным лицом, потому что в их миссию входит контроль над делами Церкви. Они должны контролировать частную жизнь епископов и священников, удостоверяясь, что они «живут согласно канонам... избегают пиров и игр... не заводят охотничьих собак и соколов», что они «знают и понимают учение Церкви... и сумеют научить ему других». Посланцы должны следить за тем, чтобы соблюдался порядок литургии, чтобы богослужение сопровождалось приличным пением, и крещение совершалось по римскому обряду. Они ревизовали сокровищницу каждой церкви, следя за

тем, чтобы епископы не отчуждали церковного достояния, — а также церковные книги, следя за тем, не содержат ли они ошибок.

Им были открыты монастыри, как мужские, так и женские, где они ревизовали начальников и подчиненных, их жизнь и отношения, знание ими устава. Известно, что реформа монастырей, задуманная Бенедиктом Анианским и предписанная Людовиком Благочестивым, была проведена, главным образом, усилиями посланцев.

Одной из ближайших, настойчиво рекомендовавшихся обязанностей посланцев было наблюдение над всем, что касалось интересов или затрагивало права государя. Охрана королевских доменов, надзор за качеством их культуры в руках их держальцев, наблюдение за королевскими лесами, защита их от захватов, от частной охоты — рекомендуются постоянно их вниманию. Но их обязанности ответственнее и шире. На них лежит надзор над всеми отправлениями административной машины. Они наблюдают за тем, чтобы хорошо организована была полиция, чтобы власть преследовала и карала разбойников, убийц, прелюбодеев, святотатцев, бродяг, фальшивомонетчиков, чтобы не организовывались неразрешенные союзы, чтобы выполнялись королевские приказы о мере и весе, и никто не уклонялся от военной службы. Чаще всего, однако, их контролю и исправлению подлежали сами представители публичной власти. Его не избежали самые высокие чиновники. Посланцы должны наблюдать, «чтобы виконты, викарии, сотники знали законы... не брали бы подарков, чтобы склонить весы правосудия... не отпускали виновных за деньги, не напивались, идя в судилище». Власть посланцев доходило до того, что они могли смещать самих графов, тем более — отменять их приговоры. Сверх этого, по примеру самого императора, обращавшегося к населению в своих капитуляриях с назиданиями религиозно-нравственного характера, его посланец должен быть проповедником морали. Собрав население округа, куда он прибыл, в так называемый conventus (собрание), он держит ему проповедь в таком роде: «Слушайте, дражайшие братья, наставление, которое обращает к вам нашими устами государь наш, император Карл. Мы посланы сюда ради вашего вечного спасения, и мы должны увещевать вас, чтобы вы жили добродетельно по закону Божию и справедливо по закону мирскому. Прежде всего мы указываем вам, что вы должны веровать в единого Бога, Отца, Сына и Св. Духа...» Следует перечисление главнейших догматов веры и необходимых для человека нравственных добродетелей и житейских правил. Сановный проповедник заканчивает словами: «Ничто не скроется от Бога. Жизнь коротка, минута смерти неизвестна. Будем же всегда готовы»[550].

Для этой ответственной и сложной роли Карл выбирал людей из высших слоев духовенства и чиновничества. Чаще всего фигурируют в их рядах Магн, архиепископ Санса, Магенард, архиепископ Руана, Арион, архиепископ Зальцбурга, Павлин, архиепископ Аквилеи, Теодульф, епископ Орлеана, Фульрад, аббат св. Дионисия, Адалард, аббат Корбийский, граф Герольд, Аудульф и Видин — префекты Бретонской марки, Стефан, граф парижский, Винигис, герцог Сполето.

Личность посланца была неприкосновенна и священна. Их должны принимать всюду с почетом и ревностно помогать им. Нападение на них карается смертью. Заслуживали ли они такого отношения, были ли честными слугами императора? «Увы, — говорит Алкуин, — редки в их среде такие, которые недоступны подкупу и идут прямо своим путем между бедными и богатыми...»

В одной из своих поэм Теодульф, епископ орлеанский, оставил нам рассказ о подобной своей миссии[551]. Ему поручено было посетить Прованс и Септиманию, в сообществе архиепископа лионского, Лейдрада. «Прекрасный выбор! — говорит Теодульф. — Это человек испытанной учености, исполненный мудрости и добродетели, вполне достойный жизни вечной». Они садятся на суда на Роне и проезжают мимо Вьенна, Везона, Оранжа. Их ревизия начинается с Орлеана. Они останавливаются последовательно в Ниме, Магелонне, Сетте, Агде, Безье, Нарбонне, Каркассоне, ле-Разесе, Арле, Марселе, Эксе, Кавельоне. Прибыв в город, они устраивают судилище на площади. Народ и духовенство сбегаются — не для того, чтобы добиться суда, а чтобы его купить. Богатые подносят золота, драгоценные камни, восточные ткани и ковры, оружие, коней, античные вазы «чистого металла, невероятной тяжести, на которых искусный резчик представил битвы Геракла с Каком». Бедняки приносили красные и белые кордовские кожи, полотна, сундуки, воск. «Этим тараном думали они пробить твердыню моей души, но они не смогли бы рассчитывать смягчить меня, если бы не встречали таких раньше». Обычай подношений был так распространен, что епископ, чтобы не обидеть предлагавших, принял некоторые незначительные подарки: яйца, хлеб, вино, нежных цыплят и птиц, «тело которых мало, но мясо приятно на вкус».

IV. Суд, налоги, военная служба[552]

Организация суда, в общем, остается такой же, какой она была в меровингские времена. Однако Карл сделал в ней некоторые важные нововведения.

Трибунал графа остается и сохраняет свою прежнюю компетенцию[553]. В принципе по-прежнему обязательно участие в нем свободных людей графства, и даже в первые годы своего царствования Карл карает большими штрафами тех, которые не являются в него. Но известно, какую путаницу производило в эту пору разнообразие законов, осложнявшееся еще разнообразием обычаев (lex loci, consuetudo). Не всякий при таких условиях мог быть хорошим судьей. Это навело Карла на мысль ввести в этот трибунал на место случайных заседателей — коллегию «скабинов».

Упоминаемые впервые в 780 году, скабины, по положению этого года должны избираться графом из людей «благородных, мудрых, богобоязненных...», из людей «мягких, добрых — самых лучших, каких только можно найти». Они являются преемниками меровингских рахинбургов, но роль их значительнее: они сами становятся судьями. Граф только председательствует в их собрании,

провозглашает ими поставленный приговор «и не может ничего изменить в нем». На деле, вероятно, он не раз изменял его, под предлогом «неверного приговора»[554]. Что касается свободных людей, — их призывают на mall только два раза в год. Таким образом, намечаются два рода трибуналов.

На приговор, произнесенный в трибунале графа, можно апеллировать, как и прежде, либо к суду Божию[555], либо к трибуналу короля. Король всегда может судить в первой и последней инстанции и обладает безусловным правом помилования. Более того: его посланцы могут отменить всякий приговор графа, сместить «дурных» скабинов и назначить «хороших».

В королевском трибунале, состав которого тот же, что в меровингские времена, председательствует король, или за его отсутствием, дворцовый граф. Он может привлекать на свой суд все дела в первой инстанции, но он в особенности судит по апелляции: «если обнаружился недостаток правосудия или — если приговор совершился по языческим обычаям, с суровостью, какой не допускает христианское правосудие».

«Среди многочисленных занятий дворцового графа, — говорит Адалард, — нет более важного, как завершать по разуму и справедливости все процессы, которые, возникая в стране, восходят во дворец». Право апелляции было строго регулирована. Клирик не смел пользоваться им без разрешения епископа. В известных случаях осужденный обязан был три раза обращаться к трибуналу графа, прежде чем идти в королевский суд. Дворцовый граф, к которому восходило дело, мог предложить областному пересмотреть самому свой приговор. Когда монахи св. Мартина Турского апеллировали к королю на своего епископа, — император объявил его приговор не отменяемым и строго осудил аббата и монахов за нарушение его велений и злоупотребление правом апелляции.

При Карле Великом, как и во времена Меровингов, доходы государя и государства смешивались, и финансовая администрация была домашней службой. Можно сказать даже больше: домашний характер этих должностей обозначился еще отчетливее: например, камерарий поставлен под начало королевы. Теперь государству не приходится оплачивать государственную службу. Расходы ограничиваются содержанием двора, подарками, какие король делает Церкви, иностранным государям, своим магнатам. Римский прямой налог изменил свой характер под конец меровингской поры: он стал личным налогом, лежавшим только на определенных лицах. В этой форме он еще существует в каролингскую эпоху. Но королевская сокровищница питается преимущественно частными доходами короля, данью вассальных народов, военной добычей, «ежегодными подарками», которые стали обязательны, наконец — косвенными налогами.

Доходы, извлекавшиеся королем из своего частного домена, администрация которого в эпоху Карла Великого была превосходна[556], должны были быть очень значительны. Добыча от некоторых войн — например от войны с аварами — была огромна. Ни стоимость, ни характер «подарков», которые подданные приносили на весенние собрания, не были определены. Один памятник нам говорит

о больших количествах золота и серебра, о кучах дорогих камней, о пурпурных, шитых золотом одеждах, о конях в золотой сбруе, но все это могут быть поэтические преувеличения, которым трудно доверять.

Главными косвенными налогами были общественные работы, opera, — пошлины и так называемая gista (право постоя). Opera publica (общественные работы), выполнявшиеся под руководством местных чиновников, состояли в починке дорог и мостов, в постановке речных плотин и очистке русла, в постройке общественно-необходимых зданий. Знаменитейшей из таких работ была постройка моста в Майнце, — «общее дело всей Европы». Далее капитулярии постоянно говорят нам о пошлинах на товары — thelonea, что доказывает важность этого источника дохода. Особенно тяжелой повинностью является gista, иначе mansio, parata, которая обязывает обывателя принимать и содержать во время их поездок, короля, его чиновников, послов иностранных государств, вообще всех, получивших из дворца «дорожную грамоту» (evectoria, tractoria). Один капитулярий сохранил нам список тех повинностей, которыми обязано было население при проезде посланца — missi. Епископу полагается 40 хлебов в сутки, три ягненка, три меры сикера, один поросенок, три цыпленка, 15 яиц, 4 четверика овса для коней. Графу и аббату полагается несколько меньше тех же продуктов.

При Каролингах, как и при Меровингах, война была насущной функцией государства: она велась непрерывно, и ее театр раскидывался за Альпы и Пиренеи, на Эйдер и Нижний Дунай. Самой трудной задачей каролингского правительства было удовлетворение военных нужд. Здесь на основной фон меровингских учреждений наслаиваются очень значительные изменения.

Войско собирается путем heribann'a — т. е. призыва на войну. Он разносится специальными глашатаями по стране или сообщается путем писем графам, епископам, аббатам и посланцам. Все эти начальники передают призыв всем, кто повинен откликнуться на него, и кого они заранее должны были предупредить: «Пусть все будут наготове, чтобы без замедления двинуться в Италию; на другой день утром — если приказ придет вечером, и вечером того же дня, если приказ придет утром». Так пишет «посланец», архиепископ Трира, после того, как он получил «от государя императора грозное повеление — terribile imperium— предупредить всех, кто живет в пределах его missaticum. До нас дошла одна из таких призывных грамот, направленная к Фульраду, аббату монастыря св. Квентина (Saint-Quentin). Она гласит следующее:

«Знай, что мы назначили в этом году наше собрание в стране саксов, в восточной части, на реке Боте (Бода), в месте, называющемся Старасфурт. Посему мы приказываем тебе явиться в это место 15-го июня в сопровождении всех твоих людей, хорошо снабженных всем и хорошо вооруженных, чтобы ты мог отправиться в оружии туда, куда нам угодно будет тебя послать... Мы настойчиво повелеваем тебе — для внушения другим, чтобы ты в добром порядке отправился в указанное место кратчайшей дорогой, не беря ничего у населения, кроме травы, дерева и воды, которые тебе будут нужны. И пусть люди твоего отряда идут

с телегами и всадниками, не разделяясь все время до места сбора, чтобы в отсутствии начальника люди не делали зла».

Отстающих наказывают тем, что за каждый лишний день пути их лишают на день мяса и вина; тех же, кто совсем не явился — штрафом, пропорциональным их состоянию, но всегда огромным, что видно из запрещения сборщикам этого штрафа «снимать платье с жен и детей провинившихся».

По дороге отряды, как видно из приведенного текста, имеют право на топливо, воду и сено. Но больше они не получают ничего. Они должны брать с собой припасов на три месяца, оружие и одежду — на шесть месяцев. Всякий воин должен иметь щит, копье и меч, лук с двумя тетивами и 12 стрел. Запрещается заменять лук палкой. Самые богатые (те, которые владеют 12-ю манзами) должны иметь, кроме того, панцирь — brunia; графы и представители епископов и аббатов — панцирь и шлем. Некоторые солдаты снабжены пращами, камни для которых везут на мулах. Несомненно, установлен и обязательный контингент лошадей. Графы везут целые запасы: трех родов топоры, буравы, струги, лопаты, заступы, телеги, на которые грузились эти орудия, и все, что нужно для починки оружия, для постройки укреплений, судов и мостов, для осады крепости.

На ком лежала эта дорогостоящая и тяжелая военная повинность? В каролингскую эпоху она (и это — интересное нововведение) лежит на земельной собственности. Но мелкий собственник не может нести всех расходов: было бы в этом вопросе слишком несправедливо не считаться с имущественным неравенством. Другое неравенство, которое приходилось учитывать, была относительная дальность расстояния, какое приходилось проходить призванному. Карл постарался принять во внимание все эти обстоятельства при установлении своих военных порядков. Среди его капитуляриев нет такого, который давал бы цельную картину его военной системы, но общие тенденции ее ясно видны во многих из них.

Он редко обращается к общему призыву, который скоро истощал бы страну. Нам известны такие призывы только в 773 году (во время лангобардской войны), в 775 году (во время саксонской войны), в 792 году (для похода в страну аваров). В капитулярии 807 года регулируется военная повинность в зависимости от расстояния: саксы будут посылать одного воина на шесть человек против аваров и арабов; в войны с чехами они пошлют одного на трех. Против сорбов должны идти все. В обычном порядке против саксов идут франки; баварцы и лангобарды — против аваров; аквитанцы, готы Септимании, жители Прованса и Бургундии — против испанских арабов; восточные франки, саксы, аламанны и тюринги — против славян. В том же капитулярии 807 года Карл постановляет: «Всякий, обладающий 3-мя манзами, должен идти на войну. Из двух собственников, имеющих каждый по 2 манза (либо — если один имеет два и другой один) идет на войну тот, который лучше годится для этого; другой его экипирует. Из трех собственников, владеющих каждый одним манзом, идет один, а два другие его экипируют. Владельцы ½ манза слагаются впятером и экипируют шестого такого же владельца. На следующий год повинность военной службы связывается

с единицей в 4 манза. Размеры ее бывают больше или меньше, в обратной зависимости от числа людей, требуемого военными обстоятельствами данного года».

Все эти меры имеют в виду, очевидно, облегчить свободного мелкого собственника. Из тех же соображений, вероятно, Карл связал воинскую повинность с движимой собственностью. По капитулярию 807 года, каждые 6 человек, хотя и не имеющие земли, но обладающие 5-ю солидами каждый, а все вместе — 1 ½ ливрами, должны выставить из своей среды одного вооруженного воина.

Но если бы в армию брали только вполне свободных и людей, обладающих свободной собственностью — военные кадры не были бы заполнены: набор не захватил бы ни тех людей, которым богатые собственники дали земли, в качестве бенефиция, ни тех, которые отдали свое именье Церкви или сильному человеку и получили его обратно в качестве бенефиция: в этих обоих случаях не было ведь ни полной собственности, ни полной свободы.

И Карл решается на важное нововведение: он призовет на военную службу своих бенефициариев, а потом и бенефициариев всех крупных собственников: «Пусть всякий свободный человек, имеющий 4 манза на правах полной собственности, или в качестве бенефиция от кого бы то ни было (sive de alicuius beneficio), экипируется за свой счет и идет на войну, либо со своим сеньором, если последний идет на войну, либо с графом» (in hostem pergat sive cum seniore suo, si senior eius perrexit, sive cum comite suo). Таким путем император привлекает рекрутов, которые ускользнули бы от него, но вместе с тем он легализирует бенефиции, бессознательно содействуя таким образом насаждению феодального строя.

Несмотря на все принятые меры, военная служба разоряла мелкого собственника. «Чтобы избежать службы в армии и всякой иной службы королю, — свидетельствует сам царственный законодатель, — а вовсе не из благочестия, многие свободные люди посвящают жизнь свою Богу». Карл видит себя вынужденным запретить это. С другой стороны, все вышеизложенные сложные правила военной службы давали повод к злоупотреблениям. «Бедняки жалуются, — замечает император, — что если кто из них не хочет отдать свою собственность епископу, аббату (т. е. ближайшему «сеньору»), графу или сотнику, — они ищут повода сдать его в военную службу, и в конце концов, разоренный, доведенный до нищеты, он поневоле отдает или продает свое имущество. Те же, которые (вовремя) отдали его, спокойно сидят дома». Далее, если император, с одной стороны, стремится привлечь всех к военной службе, то с другой стороны, он многочисленными привилегиями сам освобождает от службы многие монастыри и их население. Вслед за ним графы освобождают, кого им вздумается, по пристрастию или за деньги. Они имеют для этого законный повод, ибо им разрешается оставлять дома нужное число людей для защиты их дома и семьи.

Мы видели далее, что император почти признал за сеньорами, т. е. за людьми, от которых зависят другие люди, право командовать ими и вести их на войну. Так между королем и его людьми вырастает фигура «сеньора», который, еще не

будучи прямо носителем публичной власти — несет его функции. Во франкской армии появляются сеньоральные отряды.

Все это управление падало большой тяжестью на население, налоги собирались с трудом. Когда Карл хотел расширить право «постоя» (gista) для своих чиновников, население возмутилось, избило «гостей» и ограбило их. Постоянно слышны бывают жалобы на частые наборы и войны, на неуверенность в завтрашнем дне. Характернейшим фактом эпохи является то, что многие отказываются от свободы, тягостной потому, что она обязывает к военной службе, к участию в суде и собраниях. Чтобы избежать этих тягот, люди вступают в Церковь или идут под покровительство людей, более чем они сильных. Если мы примем во внимание, что каролингское законодательство позволяет свободному человеку выбирать своего сеньора[557], мы поймем, какие последствия вырастали из этой комбинации социальных отношений. Вполне свободным человеком будет только тот, кто зависит прямо от короля; человек, потерявший свою свободу, будет потерян, как подданный для государства.

V. Преемники Карла Великого[558]

Как мы уже говорили, младшие сыновья Карла, Пипин и Людовик, были помазаны в Риме папой Адрианом в 781 году и поставлены королями, один — в Италии, другой — в Аквитании. 25 декабря 800 года Лев III помазал старшего, Карла. Шесть лет спустя в Тионвиле 6 февраля 806 года император разделил между сыновьями свои государства. Людовик получил Аквитанию, кроме графства Турского, Гасконь, Септиманию, Прованс, а в Бургундии — графства Невер, Авалон, Шалон, Макон, Лион, Савойю, Тарентезу, Мон-Сени, долину Сузы. Пипин получил Италию, Баварию (в тех пределах, в каких ею владел Тассилон, за исключением городов Ингольштадта и Лаутергофена) и часть Аламаннии к югу от Дуная. Линия, шедшая от Энгена вдоль Рейна до южных Альп, присоединяла к этому уделу еще Турговию и Рецию. Карлу досталась остальная часть Империи: «Франция», Бургундия, кроме части, отданной Людовику, Аламаннія, кроме части Пипина, Австразия, Нейстрия, Тюрингия, Саксония, Нордгау[559].

Акт этого раздела был отвезен папе. Лев III положил на него свою печать, и все жители Империи повторили свою присягу верности.

Этот раздел соответствовал старым германским обычаям. Но, осуществляя раздел, Карл старался обеспечить между сыновьями «мир и согласие». Братья не должны ни нападать друг на друга, ни отнимать один от другого его «людей». Они должны, по мере возможности, оказывать друг другу помощь против всех врагов, как внутренних, так и внешних. Император дал долину Сузы Людовику и долину Аосты Карлу, чтобы они могли всегда придти на помощь Пипину Италийскому. Если по вопросу о границах возник спор, он должен был разрешен показаниями свидетелей или «испытанием креста»[560], но ни в коем случае не оружием. Акт 806 года определил и ту долю, какую получат оставшиеся братья,

в случае смерти одного из них. Новым фактом в акте 806 года являются распоряжения относительно женщин и детей. Император поручает своих дочерей покровительству их братьев и предлагает им выбор между достойным браком и монашеской жизнью. Он воспрещает, чтобы когда бы то ни было, без законного суда, был умерщвлен, искалечен или острижен кто-либо из его внуков, родившихся или имеющих родиться. Он требует, чтобы их дяди уважали их права наравне с правами их отцов.

Тионвильский акт ничего не говорит о судьбе «Империи» и о титуле императора. Карл заботится только о Римской Церкви, которую поручает своим сыновьям, «как она была ему поручена его отцом, блаженной памяти Пипином». У него были мотивы не определять этого вопроса. Титул нового западного императора в это время не был еще признан в Константинополе, и неосторожный шаг мог испортить характер начатых переговоров.

Пипин Италийский умер 8 июля 810 года, Карл — 4 декабря 811 года. Оставался только один наследник — Людовик. А между тем Карл Великий старился: с 810 года он испытывал частые приступы лихорадки. Мир с византийцами был укреплен. Ничто не мешало возвести в звание императора единственного оставшегося в живых сына. В начале 813 года, по повелению императора, пять соборов собрались в Майнце, Реймсе, Туре, Шалоне, Арле, чтобы подумать о реформах, необходимых для блага народа. Затем, ознакомившись с результатами их работ, он собрал в Аахене, в сентябре того же года общее собрание, на котором был выработан длинный капитулярий в 46 параграфов, «для устроения нужд Церкви Господней и христианского народа». Затем Карл спросил магнатов, одобряют ли они передачу императорского титула сыну его Людовику. Все выразили согласие. Тогда в воскресенье 11 сентября в Аахенском соборе император торжественно взошел на ступени главного алтаря, где долго оставался, погруженный в молитву. Затем он обратился к Людовику, увещевал его любить Бога и чтить его церкви, быть добрым к сестрам и племянникам. В заключение он возложил ему на голову золотую корону, и народ воскликнул: «Да здравствует император Людовик!..» «И Карл, — говорит автор современной хроники, — возблагодарил Господа в таких словах: Благословен буди Господь Бог, дозволивший мне сегодня увидеть, как сын, рожденный мною, воссел на мой трон».

В тот же день Карл, по соглашению с Людовиком, отдал Италию Бернарду, сыну Пипина, и послал его управлять ею, под руководством Адаларда. Бернард должен был признать верховенство деда и дяди.

За два года до этого император разделил особым завещанием свою движимую собственность. Золото, серебро и драгоценности были разделены на 3 части, две из которых были тогда же отданы 22-м митрополичьим церквам. Третью Карл оставил себе, пока он жив; после его смерти ее, вместе с его гардеробом, должны были разделить между членами императорской семьи, дворцовыми слугами и бедными. Он готовился к смерти и ежедневно посвящал долгие часы молитвам, милостыне и чтению Евангелия. После осенней охоты 813 года, он вернулся

в Аахен, где возобновились у него приступы лихорадки. Диета и вода, помощью которых он обыкновенно боролся с пароксизмами, не имели действия. У него открылся плеврит. Он умер утром 28 января 814 года, приняв причастие из рук архикапеллана Гильдебольда.

Его тело, омытое и набальзамированное, было перенесено в церковь в тот же день, спущено в крипту и положено в античный саркофаг, барельефы которого представляли похищение Прозерпины. Над входом в крипту, обрамленным золотой дугой, сделана была надпись: «Здесь покоится тело Карла Великого, великого, благоверного императора, увеличившего достойно королевство франков и царствовавшего счастливо 48 лет. Он умер семидесяти лет, лета Господня 814, 28 января»[561].

ГЛАВА IV
КАРОЛИНГСКАЯ КУЛЬТУРА

I. Земледельческий и промышленный труд. — II. Торговля. Евреи. Меры и монеты. — III. Школы и литература. — IV. Искусства. — V. Заключение.

I. Земледельческий и промышленный труд[562]

Мы видели, что в продолжение меровингской эпохи промышленность почти покинула города и сосредоточилась в поместьях. Их владельцы из них извлекают все нужное для жизни и наслаждения. Один из палатинов Карла, Эйнгард, живущий в Аахене подле императора, приказывает своим фермерам посылать ему, согласно обычаю, муку, солод, вино, сыр и другие припасы, отправлять на бойню тех быков его поместий, которые годятся для этого, и отдавать слугам ненужные внутренности и обрезки. Он заботится об уходе за пчелами, о выборе семян, об изыскании способов сделать свиней «жирнее и лучше». Он приказывает приготовить в деревне 360 кирпичей, чтобы починить его дом в Аахене и просит рабочих для этой цели.

Каролингская эпоха довершает исчезновение мелкой собственности. Если еще удерживаются некоторые поместья малой величины (villulae, villares), то только потому, что их собственники вступили в союз. Но сельская община в эту пору представляется скорее исключением, нежели правилом[563]. Многочисленные виллы, наоборот, слились в одну. При таких больших имениях вырастают деревенские церкви. В IX веке почти все поместья имеют капеллу, обслуживаемую священником; на его нужды, по положению, должны быть отведены дом, 12 мер земли, называемых в текстах bunarium[564] и несколько превышающих гектар, и 4 работника. Экономическая и приходская единица, поместье становится деревней.

Кроме причин, указанных в предшествующей главе, эволюции крупной собственности содействовало растущее значение монастырей и распашка утесов.

Леса Галлии и Германии, леса Угольный и Арденнский еще стоят в Каролингскую эпоху. Сервы королевских вилл за небольшую плату могут посылать туда свиней на желуди. Создалось целое лесное законодательство, применение которого поручено лесничим (forestarii). Целый ряд положений этого законодательства оговаривает исключительное королевское право охоты, борется с браконьерством, запрещает большие порубки. Этим предписаниям, и в особенности последним, не повинуются. Есть ли это небрежность лесничих или попустительство государя? В густой чаще, сквозь которую прежде неделями пробирались путники, теперь открылись большие прогалины, но леса, хотя и разбитые и разделенные полевыми культурами, все же охватывают кольцом королевские виллы

и дворцы. Главные леса — это Керсийский в Суассонэ, леса Сельв и Самуси подле Лана, Компьенский, лес Эр в Артуа, Стенэ, Фонтенбло, Аттиньи, Сенар и Лэ, подле Парижа, а в непосредственной близости от него — два громадных леса, жалкими остатками которых являются нынешние Булонский и Венсеннский леса.

Крупная земельная собственность сосредоточивается больше всего в руках монастырей. Большие аббатства расположились преимущественно на севере нынешней Франции и в Бельгии. Главные из них — это аббатства св. Бертина, св. Ведаста (Saint-Waast), св. Рихария (Saint-Riquier). В других областях следует отметить обители св. Ремигия (Saint-Remi) в Реймсе, св. Виктора в Марселе, св. Вандрегизила (Saint-Wandrille) подле Кодбека, св. Германа у ворот Парижа (Saint-Germain-des-Pres). Из них монастырь св. Рихария) владеет 20 виллами. Обитель св. Виктора имела их 13, из которых каждая подразделялась на известное число ферм, носивших название colonica. Аббат св. Ремигия эксплуатирует 693 манза, распределенных на 24 «фиска» — хозяйственные единицы, подчиненные одному управлению, одной системе повинностей и обычаев. В 787 году обитель св. Вандрегизила обладает 1727 манзами, населенными 10 000 душ, причем в эту цифру не входят бенефиции, вырезанные из обительских земель для людей короля. В IX веке это аббатство будет обладать уже 4824 манзами. Монастырь Люксейля их имеет в эту пору 15 000. По словам Элипанда, противника Алкуина, аббат св. Мартина Турского наследовал 20 000 сервов.

О положении и управлении обителей нас осведомляют специальные описи монастырского имущества, так называемые «полиптихи». Особенно знаменит полиптих Сен-Жермен-де-Пре, составленный во время аббата Ирминона, между 800 и 826 годами. По рукописи, от которой дошло не более ¼ части, земель аббатства можно насчитать 36 613 гектаров[565]. Они расположены по семи нынешним департаментам[566]. «Манзы» держателей насчитываются в числе 1646, к которому следует еще прибавить 71 манз меньшего размера, называемых «hospitia». Эти манзы распределены в 25 «фисков», имеющих каждый во главе своей сеньориальный манз. В эксплуатации земли заняты 10 282 человека, распределенных по 2859 хозяйствам, из которых более 2000 — хозяйства колонов, 8 — хозяйства свободных, и остальные — хозяйства лидов или сервов. Большинство земли отдано под пашню (22 129 гектаров) или покрыто лесом (13 356 гектаров). Луга и виноградники являются исключением. Повинности держателей состоят в деньгах, скоте, дичи, вине, хлебе, льне, полотняных и шерстяных тканях, меде, воске, масле, мыле, деревянных и железных орудиях, топливе и др. материале. Ежегодный доход аббатства не меньше 580 790 франков, что составляет цифру около 109 франков с хозяйства.

Крупнейшим собственником в стране является король. Он получает со своих вилл сало, копченое мясо, соленья, рыбу, сыр, масло, горчицу, уксус, овощи, «говядину от коров хромых, но здоровых, и от коней, не паршивых», мед, заменяющий место сахара, воск и мыло. Он пьет вино из собственных виноградников и требует, чтобы приготовлялось оно чисто, выжималось прессом, а не выдавливалось ногами. Он продает рыбу из своих рек, рога и шкуры своих коз, он

одевается в шкуры волков, пойманных его арендаторами. Его капитулярий De villis (Овиллах) дает нам ясное изображение того, как эксплуатировалась вилла, доходы которой шли исключительно на содержание императора.

Территория виллы делится на несколько «дворов» — curtis[567], окруженных каждый прочной изгородью. Внутри ее расположены многочисленные постройки: кухни, булочные, давильни, конюшни, коровники, свиные хлевы, овчарни, загородки для коз. В главных птичьих дворах имеется не меньше 100 кур и 30 гусей. Частые посты заставляют культивировать рыбоводство. Карл постоянно настаивал на сохранении старых садков и устройстве новых. Кроме чисто-земледельческого труда: пахоты, посева, жатвы, сенокоса, культивируется огородничество и садоводство. Большинство наших цветов, овощей, плодовых деревьев взращиваются на императорских землях. Насчитывается 74 вида растений и 16 пород деревьев. В садах государя упоминаются лилии, розы, глицинии, гелиотроп, на его огородах — огурцы, дыни, артишоки, бобы, горох, морковь, лук, свекла, капуста, в фруктовых садах — разные сорта яблони, груши, малина, персики, каштан, миндальные деревья, вишни, смоковница, орехи. Вилла имеет также «редких птиц»: фазанов, павлинов, уток, голубей, куропаток, горлинок.

Наряду с земледельческими рабочими, составляющими большинство населения виллы, живут многочисленные ремесленники: кузнецы, ювелиры, башмачники, кожевенники, седельщики, плотники, токари, канатчики. «Гинекеи», расположенные отдельно от мужских мастерских, имеют комнаты с печами и с прочными дверьми. Женщины обрабатывают в них лен и шерсть и красят ткани мареной и вермелем.

Слуги, привязанные к той или другой вилле, составляют familia (жителей) этой виллы. Ими управляю *министериалы*, которых мы, кроме королевских вилл, встречаем и в больших аббатствах, как Сен-Жермен-де-Пре, с тем же именем и тождественными функциями. Главные из них были интенданты и майордомы. Интендант (judex) надзирал за работами. Ежегодно к Рождеству он представляет отчет. Он посылает во дворец продукты и деньги. Он поддерживает порядок и творит суд. Он получает инструкции от короля и королевы, а за их отсутствием — от сенешаля и кравчего. «Провинившийся в небрежном исполнении этих приказаний — должен воздержаться от питья с той минуты, как ему было указано на эту небрежность, и до момента, когда он, представ пред нами, испросит нашего помилования». Ниже интенданта, ведающего всю виллу, и даже несколько вилл, стоит майордом (maior, villicus), «в округе которого находится столько земли, сколько можно объехать в один день». На последнем месте стоят лесничие, смотрители сараев, погребов и другие мелкие служащие.

Фермы, подобные описанным, являются образцовыми. Земледельческая культура сделала, несомненно, огромный шаг в начале IX века. Этому способствовало облегчение положения держальцев. «Пусть, — говорит император, — к нашим людям (familia) относятся заботливо; пусть не доводят их до нищеты. Пусть интенданты наши остерегаются употреблять наших слуг для своих личных нужд

и принуждать их к барщине на себя. Если серв пожелает сообщить нам что-нибудь важное против своего начальника, пусть никто не мешает ему».

Известно, какой страшный бич представлял в Средние Века голод. При Карле Великом он был, по-видимому, реже чем прежде. В 794 году Франкфуртский собор устанавливает максимум цен на зерно и на хлеб, как для урожайных, так и для неурожайных времен. Эти предписания возобновлены в 805 и 806 годах в Тионвиле и Нимвегене. Принимаются меры против перепроизводства вина и хлеба и против его вывоза в неурожайные годы. Через посредство епископов и графов, Карл напоминает всем состоятельным людям, что они должны помогать беднякам, — все равно, свободным или рабам, и не давать им умирать с голоду.

Индустрия процветала, в особенности, в аббатствах. В обители св. Петра в Корбии, во время управления Адаларда, несколько «палат» были заняты разными мастеровыми. В одной работают три сапожника, два седельщика, один сукновал; в другой — шесть ковачей, два сапожника, один оружейник, один пергаментщик; в остальных — каменщики, плотники и т. д. Эти мастерские сперва были расположены внутри монастырей и вырабатывали только то, что нужно было их обитателям. Но скоро аббаты заметили, какую выгоду они могли бы извлечь из излишков, и организовали за оградами настоящие промышленные предместья. Древнейшее из таких известных нам создалось около обители св. Рихария (Saint-Riquier); оно славилось в VIII веке, в особенности, своими ковачами. В 831 году оно разделено на 11 кварталов, каждый из которых населен работниками одной профессии. Были поселения, включавшие сотни душ. Не один из французских городов вышел из такого поселения. Ремесленники в них группируются в корпорации. Существование союзов, именующихся гильдиями (geldoniae) и братствами (confratriae), доказывается многочисленными капитуляриями и постановлениями соборов. Они являются благотворительными учреждениями и союзами взаимной защиты. Их члены клятвенно обязуются давать милостыню и помогать друг другу, в случае потери имущества во время пожара или кораблекрушения. У каждой из них есть свой праздник.

II. Торговля. Евреи. Меры и монеты[568]

Так как местная промышленность ограничивалась выработкой предметов первой необходимости, то за предметами роскоши, в которых уже начинала чувствоваться потребность, приходилось обращаться к иностранцам. Порядок, установленный при Карле Великом, спокойствие, царствовавшее на границах, облегчали сношения. Современные писатели перечисляют с большой точностью длинный ряд товаров, приходивших из различных концов мира.

Карл, по-видимому, не полагал больших забот на поддержание и увеличение числа дорог, старых римских дорог, улучшенных Брунгильдой и Дагобертом, было достаточно. Купцы следовали преимущественно речными путями. Оживленная навигация совершается по верхнему Дунаю, Рейну, Маасу, Шельде.

В Валансьенне мы находим многочисленное поселение лодочников, и торговля по-прежнему представляется очень оживленной на Сене. Самая деятельная ее артерия это та, которая, следуя долиной Роны, соединяет север и юг, восток и запад Франции. Когда Теодульф совершает свое путешествие на юг, он поражен красотой мест, попадающихся на его пути. Два, в особенности, вызывают его восторг: Лион, «с высокими стенами», и Вьенн, «стесненный с одной стороны стеной утесов, обрамленный с другой — рекою».

По соседству с городами, аббатствами и особенно значительными виллами в разные дни, кроме только воскресенья, устраиваются публичные рынки (mercata publica). Ярмарки совпадают с богомольями и начинаются с праздниками святых. О фландрских и шампанских еще не слышно, но уже процветает ярмарка св. Дионисия, утвержденная хартией Пипина от 3 октября 759 года. Ее называют forum indictum, откуда произошло слово lendit. Она обязана своим значением близости Парижа — «рынка народов», близости слияния Марны, Сены и Уазы. Она продолжается обыкновенно 4 недели, «чтобы дать возможность сходиться на ней купцам Испании, Прованса, Ломбардии и других областей».

В Германии вдоль дорог устроены были убежища для купцов, их скота и товаров. Эльба и Заала намечали границу, переходить которую было опасно. За ними простиралась варварская страна славян. Вдоль этой границы Карл создал восемь контор (Бардовик, Шлессель, Магдебург, Эрфурт, Галльштадт, Форшгейм, Брембург, Регенсбург, Лорш), где поставлены были франкские чиновники для охраны безопасности купцов и для наблюдения за тем, чтобы они не продавали оружия врагу. Из внутренних городов важными центрами являлись Турнэ, Маастрихт, Вормс, но главным был Майнц. Индустрия его находилась преимущественно в руках фризов. Эти искусные работники производили тонкие сукна, далеко превосходившие выделкой грубые ткани, вырабатывавшиеся сервами аббатств и доменов. Император хотел сделать из Майнца один из величайших рынков своей Империи, место обмена между Галлией и Германией. Он много занимался двумя проектами, о которых современники говорят с восторгом: проектом сооружения канала, соединяющего Майн с Дунаем через Редниц и Альтмюль, и проектом постройки деревянного моста в 500 шагах от Майнца. Первое предприятие было начато, но оставлено в виду болотистого характера почвы. Мост был возведен на арках, его постройка стоила 10 лет работы, но в 813 году его уничтожил пожар.

Эпоха Карла Великого была порой оживленных сношений с Великобританией и Ирландией, обусловленных хорошими отношениями, которые связывали императора с королями этих стран. Англосаксонские паломники, проходившие через Францию под покровительством императора, были полезными торговыми агентами. Главные порты, чрез которые они приезжали, были — Гент, Дуэрстаде, Эклюз, Булонь, маяк которой издали светил мореплавателям, а в особенности, Квентовик[569]. Здесь была устроена таможенная контора, куда стекались все деньги, собиравшиеся в различных гаванях. Ею управлял аббат обители св. Вандрегизила, Гервольд, человек благородного рода, прежний капеллан королевы

Бертрады, впоследствии епископ Эврэ, «любимый друг» британских князей. В 789 году почтенный аббат по поручению Карла был послан к королю Мерсии, Оффе, сватать его дочь за сына императора. Оффа согласился, если в свою очередь Карл отдаст за его сына принцессу Берту. Рассерженный этим, Карл запретил «всякому человеку, приезжающему с Британских островов и принадлежащему к народу англов, высаживаться на Ламаншском побережье и торговать на нем». Оффа ответил аналогичными запрещениями, и торговля прервалась. Только увещания Гервольда положили конец этому положению, тягостному для торгового населения обеих стран и подрывавшему процветание Квентовика.

Морская торговля шла также через Нант и Бордо и через порты Средиземного моря. Обмен с востоком, которого не остановили сарацинские нашествия, развивался в эпоху Карла и укреплял добрые его отношения с халифом Гарун-аль-Рашидом, византийскими императорами и христианами Палестины, Сирии и Египта. Вина Газы и Сарепты, раньше очень ценившиеся в Галлии, уже не будут появляться на ее рынках, так как арабы уничтожили виноградники во всех странах, подчиненных их владычеству, но они были заменены другими продуктами: пурпурные ткани, шелковые одежды разных цветов, тисненная кожа, духи, пряности и целебные растения, индийский жемчуг, египетский папирус, редкие животные, — слоны и обезьяны. В обмен на эти произведения, Запад давал хлеб, вина, масла, охотничьих собак и в особенности фризские сукна, белые, либо окрашенные.

В Иерусалиме, — как гласит достоверное, по-видимому, предание, — перед госпиталем, основанным Карлом, существовал рынок, посещавшийся купцами, говорившими на всех языках.

Торговая деятельность городов Прованса и Септимании засвидетельствована множеством находимых там итальянских и арабских монет. Ним считался одним из самых крупных и живых городов этой области. Магеллона представляла небольшой, но очень деятельный порт. Но главный склад восточных товаров находился в богатом Арле. Их выгружали в Марселе и Нарбонне, — городе, носящем ярко космополитический характер, со своими остатками готского населения, франкскими чиновниками, испанскими купцами и еврейской колонией.

Евреев еще не преследуют с той фанатической и слепой ненавистью, жертвами которой они станут в позднее Средневековье. Карл высоко ценит их врачебные знания, которые они черпают из арабских книг, их многоязычность. Он пользуется ими в своих сношениях с Востоком. Капитулярий, якобы изданный им против них, является подделкой. Так как евреям запрещено приобретать земли, они обращаются к торговле и денежным операциям. Они владеют крупными капиталами: многие хвалятся тем, что могут купить все, что им вздумается, даже церковные сокровища. «Лихоимство», т. е. отдача денег под проценты, запрещенное христианам, разрешено евреям. В Марселе, Арле, Нарбонне немало судовщиков-евреев. Их корабли встречаются у бриттов и славян, в Африке и Азии, вплоть до Китая; они покупают пряности и торгуют рабами. Есть предание, что

Карл призвал в 787 году из Лукки в Нарбонну двух евреев, Калонима и Моисея, и дал им земли для постройки домов. Отсюда выросла большая еврейская община, которая получила право выбирать своего главу.

Но торговля рабами вызывала протесты церкви. Архиепископ лионский Агобард настаивал на применении церковных законов и соборных канонов. Того же требовал собор Мо 845 года, и в конце IX века у евреев отнята была часть их имуществ. Так кончилась «самая счастливая и спокойная», по выражению одного историка, пора их истории на европейской земле.

Одной из самых неприятных тягостей тогдашней торговли было все растущее множество поборов, взимаемых за выставку товаров на рынке, движение их по дорогам, рекам, мостам и переправам. Не было сеньора, который бы не облагал разными поборами товаров, проходящих через его земли. Это уже знакомые нам сборы pontaticum (мостовые), ripaticum (береговые), portaticum (привратные), viaticum (дорожные), rotaticum (повозная), pulveraticum, cespitaticum (возмещение за проезд) и т. д. Карл признал законность ранее установленных налогов, но он строго запретил создавать новые. Нередки бывали случаи, когда сеньоры протягивали веревки поперек дороги, собирали поборы в чистом поле, заставляли путников проходить реки по их мостам. Все это было запрещено под угрозой штрафа. Нельзя было взимать что бы то ни было с паломников, с кораблей, которые только коснулись берега и не пристали к нему, с товаров, шедших во дворец или в войско, или просто, переносимых из дома в дом.

Установлена была регламентация меры и веса. Весовой единицей был фунт – ливр, единицей меры — так называемая «мера» или бочка, делившаяся на секстарии. Карл заменил галльский фунт — римским, который был легче на 1/10; он велел выставить во дворце образцовую «меру», содержащую приблизительно 52 литра (modicus publicus), и образцовый секстарий. С этими мерами должна сообразоваться практика не только в королевских доменах, но в городах и монастырях. Капитулярии постоянно настаивают на соблюдении всюду «доброго веса и равных мер».

Золотые меровингские триены давно ухудшились в своем качестве. Уже Пипин упразднил эту монету и заменил ее серебряной. Карл сохранил монометаллизм и только в виде исключения разрешил чеканку золотых солидов в Изесе и герцогстве Беневентском. Установив римский фунт, он принял в нем 20 солидов или 240 денариев. Все другие монеты были запрещены. Один капитулярий 794 года запрещает «во всяком месте, всяком городе и рынке» какие бы то ни было монеты, кроме тех денег последней чеканки, которые носят монограмму короля, сделаны из чистого серебра и полновесны.

Каролинги снова взяли в свои руки то королевское право чеканки, от которого фактически отказались Меровинги. Эта чеканка стала производиться только в главных городах королевства, под надзором крупных чиновников, имена которых мы читаем на обороте: таково, например имя Rodlandus (Роланд), префекта Бретонской марки. Вскоре чеканка сосредоточилась во дворце и нескольких привилегированных местах. Под «дворцом» (palatium), впрочем, следует понимать

все королевские резиденции, а не только Аахен. На монетах Карла мы насчитываем 48 названий мест, из которых 7 названы в одном эдикте Карла Лысого от 864 года, как имеющие постоянные мастерские. Это — Квентовик, Ренн, Санс, Париж, Орлеан, Мель, Нарбонна. В подражание арабским образцам, монета изменяется, ее круг расширяется. Денарий представляет тонкую пластинку со слабым рельефом. Таким он останется в течение всего Средневековья. Императорские монеты, чеканенные после 800 года, очень хороши. На них с одной стороны бюст императора, одетого в paludamentum (военный плащ), со словами Karlus imperator (Карл импереатор); с другой стороны — храм, увенчанный крестом, и надпись — Christiana religio (христианская вера). Тип этот удержится долго и надолго сохранит за Карлом Великим заслуженную им на ряду со многими другими, славу хорошего монетчика.

III. Школы и литература[570]

Усилия Карломана и Пипина не победили народных суеверий. По-прежнему солнечные затмения и явление комет вызывали ужас, по-прежнему от града отмахивались палками, к которым были привязаны бумажки с заклинаниями, по-прежнему вопили при погребениях, пили и ели на могилах, носили талисманы, гадали. Иные все еще поклонялись деревьям, камням и источникам. Церковь была бессильна перед этим язычеством. Невежество клириков и монахов исключало возможность широкого воздействия проповедью. Учить само духовенство было трудно. Библия полна была ошибок в словах и знаках. Нередко в ней стояли рядом два перевода одного и того же места, что и открывало простор самым странным заблуждениям. Литургические книги полны были тропов[571].

Карл Великий, считавший себя ответственным за спасение душ своих подданных, хотел дать им священников, способных их научить. Он хотел создать вокруг себя «Новые Афины», слава которых превзошла бы славу прежних, — «Афины Христовы», коих мудрость направлялась бы к богопознанию. После восстановления Империи, пред зрелищем древней славы Рима, которой содействовал такой длинный ряд славных писателей, он проникся мыслью, что литература есть необходимое украшение великой державы. Потому-то не без основания дают имя Возрождения тому движению, которому он дал толчок.

Намерения императора ясно сказались в послании его к аббату Фульды.

«Знай, что в последние годы по письмам, которые слали нам из разных обителей, извещая, что братия молят за нас — мы заметили, что в большинстве чувства авторов добры, а речь груба. Что диктовало изнутри благочестивое чувство, того во вне не мог выразить правильно нескладный язык, ввиду недостаточности образования. Тогда стали мы опасаться как бы, в виду слабости письменного искусства, разумение Св. Писания не стало меньшим, нежели оно должно быть. Все мы знаем, что если опасны заблуждения словесные, то еще опаснее заблуждения чувств. Потому-то мы увещаем вас не только не пренебрегать книжным искусством, но

укреплять его со всяческим смирением, угодным Богу, дабы вы легче и вернее могли проникать в тайны Божественного Писания. Так как в священных книгах имеется немало фигур, тропов и тому подобных вещей, то ясно, что читающий их тем скорее проникает в их духовный смысл, чем более полное литературное образование он получил... Не забудь передать экземпляр этого письма всем твоим соепископам и во все монастыри, если хочешь заслужить нашу милость»[572].

Чтобы достичь этой цели, надлежало, как Карл говорит в другом месте, «найти людей, которые имели бы охоту и возможность учиться и желание учить других». Таких не нашлось среди франков. Король брал их откуда мог: из англосаксов, ирландцев, шотландцев, лангобардов, готов, баваров, — всем предлагали чины и награды. Первыми призваны были итальянцы: Петр из Пизы, Павлин и Павел Диакон, историк и поэт. Но ничье влияние на духовную жизнь эпохи не могло сравниться с влиянием Алкуина.

Он был родом с Британских островов. Родившись в Нортумбрии около 735 года, он вступил в школу Иорка во время епископства Эгберта, ученика Беды Достопочтенного. Учителем его был Альберт, — «великий ученый: одним он преподавал правила грамматики, на других изливал волны риторики, этих готовил к битвам, тех — к песням Аонии. Он объяснял гармонию неба, тяжкие затмения солнца и луны, бурные движения моря, землетрясения, природу человека и животных, комбинации чисел и различные их формы. Он учил вычислять верным способом возвращение Пасхи, но в особенности — он раскрывал тайны Св. Писания». Обогащенный уже этими универсальными познаниями, Алкуин изучал в библиотеке Иоркской школы латинских и греческих писателей, трактаты церковных учителей и языческих философов. Это и был человек, который нужен был Карлу. Король познакомился с ним в Италии и через несколько лет пригласил его к себе. В 782 году Алкуин явился в страну франков со своими учениками Сигульфом, Фридугизом и Виттоном. Он стал другом государя, принял горячее участие в споре об адопцианизме и был одним из деятелей, подготовивших венчание 800 года.

Алкуин оставил большое литературное наследство. Но прежде всего он был учителем, верным передатчиком усвоенной им премудрости, пропагандистом метода, который держался в течение всего Средневековья. Это он освятил навсегда деление знаний на «семь ступеней философии», или «семь искусств»: это — грамматика, «хранительница стиля и языка», риторика и диалектика («одна, ведущая к заключению, помощью точных и сжатых доводов, другая, пробегающая с обильными словами поле красноречия»), арифметика, геометрия, музыка и астрономия. В основе он не отличается ни оригинальностью, ни научной любознательностью. Его педантическая закваска проявляется в столь любимых им длинных стихотворных загадках и в придуманных им диалогах между учителем и учеником, вроде известного диалога «между Алкуином и Пипином» (сыном императора):

«Что такое письмо? — Хранитель истории. — Что такое слово? — Предатель мысли. — Кто рождает слово? — Язык. — Что такое язык? — Бич воздуха. — Что такое воздух? — Хранитель жизни. — Что такое жизнь? — Радость счастливых,

печаль несчастных, ожидание смерти. — Что такое человек? — Раб смерти, гость места, проходящий путник».

Алкуин был наставником Карла, а также его сыновей, дочерей и всего двора. Таково было начало знаменитой «дворцовой Академии» (Academia palatina), в которой, наряду с королевской семьей, мы встречаем знаменитейших людей эпохи. По англосаксонскому обычаю славные ученики принимают имена, заимствованные из библейской или языческой древности: Карл называется Давидом, Алкуин — Горацием Флакком, Ангильберт — Гомером, Адалард — Августином, Виттон — Кандидом и т. д.

Членов этой «Академии» мы встречаем во главе епископств и монастырей. Так через посредство Церкви хотел Карл распространить просвещение. «Пусть служители Господа — гласит капитулярий от 23 марта 789 года — привлекают не только людей из зависимого состояния, но и сыновей свободных. Пусть устроены будут школы для обучения детей чтению. Пусть при всех монастырях и епископствах преподаются псалмы, пение, счет и грамматика».

В эту эпоху создаются многочисленные монастырские и епископские школы: Ангильберт основывает школу при монастыре св. Рихария (Saint-Riquier), Адалард — в Корбии, Гервольд у св. Вандрегизила, Бенедикт — в Аниане. В Лионе Лейдрад устанавливает обучение чтению, письму и пению, «согласно обычаям дворца». Удалившийся в 796 году в Тур, в качестве аббата св. Мартина, Алкуин борется с «деревенской грубостью» (rusticitas) турцев и мечтает создать на берегах Луары новый Йорк.

Лучшим помощником Карла в школьной реформе был Теодульф, родом гот из Испании или Септимании, с 798 года — епископ Орлеана. Священников своего диоцеза он увещевает усердно читать, непрерывно проповедовать и давать отчет соборам «о сделанных усилиях и полученных результатах». Пусть открывают они школы в городах и предместьях, собирают в них всех детей, каких только им пошлют, и не берут с них платы, кроме той, «какую родители дадут им добровольно и из любви». Если мы сопоставим с этим письмом анонимный циркуляр епископа, предписывающего верным «посылать детей в школы и оставлять их там, пока они не выучатся серьезно», то мы почувствуем во всех этих попытках нечто вроде плана «всеобщего, обязательного и бесплатного обучения». Кроме приходских, Теодульф создал несколько школ высшего типа[573].

Все эти школы имели библиотеки. Дворцовая библиотека после смерти Карла была продана в пользу бедных, согласно его завещанию. Аббатство св. Рихария имело 256 рукописей. Вновь избранные аббаты обыкновенно дарят книги своим обителям. В их каталогах мы встречаем произведения Иосифа Флавия, Евсевия, Сократа, Созомена, Liber historiae (Книга истории), сочинения Беды и Вергилия, Ветхий и Новый Заветы и отцов Церкви: бл. Августина, св. Илария, бл. Иеронима, св. Амвросия, св. Киприана, Григория Великого. Особенно популярен бл. Августин. Теодульф выдвигает его на первое место; Гервольд и Анзегиз дарят его сочинения монастырям св. Вандрегизила и св. Германа.

Каролингское «Возрождение» насчитывало уже двадцать лет к моменту восстановления Империи. Вокруг двора Карла сформировалась группа писателей. В качестве «наследника Августа», он должен был иметь, и он имел своих историков и поэтов, своих Светониев, Вергилиев и Горациев. Но в «христианской» его державе первое место заняла церковная литература.

Здесь работа прежде всего направляется на *установление текста* Св. Писания и его *комментарии*. Большинство этих последних, простые переложения, не представляют особенной ценности. Работа установления текста привела к положительным результатам. «Исправляйте ваши книги, — гласит капитулярий 23 марта 789 года. — Нередко люди, которые должны просить о чем-нибудь Бога, делают это плохо, так как у них в руках плохие книги. Не позволяйте вашим детям портить текст при чтении или списывании. Если необходимо списать Евангелие, псалтырь или миссал, пусть работа эта делается взрослыми, со всевозможным тщанием».

По повелению короля, Павел Диакон издал «Гомилиарий»[574], откуда устранил немало «дурно звучащих солецизмов». Алкуин издал подобный же сборник, но величайшим делом его в этом направлении было издание Библии, поднесенной им императору к празднику Рождества 801 года. Теодульф подготовил второе, более ученое ее издание, но предпочтение отдавалось изданию Алкуина. Он избрал текст большой чистоты, идущий прямо от той Библии, которая списана была, по указаниям Кассиодора, в монастырях Калабрии. Немало копий вышло также из школы Тура, взявшей в основание версию бл. Иеронима.

На втором месте в каролингской литературе стоит история. Известный исторический интерес уже представляют Жития, более обстоятельные, сравнительно с прежними, по развитию, и совершенные по изложения и языку. Таковы Житие св. Стурма (сост. Эгила), св. Григория Утрехтского (сост. Лиудгер) и св. Виллиброрда (сост. Алкуин). Впрочем, большинство Житий IX века есть лишь пересказ в лучшей латыни старых Житий.

Более надежный исторический материал дают Анналы. Из них одни, так называемые Малые или Краткие Анналы, своим характером напоминают прежние. Но в каролингскую эпоху возникает новый род их — так называемые Королевские Анналы, инициатива которых шла из дворца, и в которых историография делает шаг вперед, в смысле большей полноты и яркости изложения. Инициатива подобных трудов принадлежала, кажется, Хильдебранду, брату Карла Мартелла и его брату Нибелунгу, которые побудили ряд анонимных монахов к продолжению хроники Псевдо-Фредегара. В момент раздела Карлом Мартеллом «его государств» между его сыновьями, начинаются Лоршские Анналы, рассказывающие каролингскую историю до 829 года. Мы не знаем, кто были их авторы, принадлежат ли действительно, как то думали одно время, некоторые их части Эйнгарду и Ангильберту. Во всяком случае, их писали, очевидно, люди хорошо осведомленные. То же можно сказать про каролингские хроники епископств и аббатств, как «Деяния» (Gesta) епископов Меца, написанные Павлом Диаконом и др.

Самым замечательным историческим произведением этой поры является Жизнеописание Карла Великого — Vita Caroli Magni, написанное Эйнгардом. Автор, ученик Фульдской школы, в возрасте 20–25 лет, между 791 и 796 годами явился ко двору Карла, где его сразу отличил «его великий ум и малый рост». Император сильно полюбил его и наградил его, светского человека, несколькими аббатствами. В плане и стиле своей Vita Эйнгард воспроизвел (иногда буквально) Светония. Заполняя рамки, данные ему биографом цезарей, он дал нам драгоценнейшие сведения о жизни своего героя, его семьи, об успехах просвещения, каких, быть может, не догадался бы сообщить сам по себе. Хотя и участник политики Карла, он показал себя довольно беспристрастным в ее изложении[575].

В эпоху Карла сильно культивируется эпистолярный род. Особенно богато в этом смысле наследство Алкуина.

Богословское, историческое, наконец эпистолярное «эпиграфическое» творчество охотно облекается в стихотворную форму. Двери церквей, домов, стены, алтари, библиотеки, книги, могилы украшались стихотворными надписями, в виде акростихов, ромбов и т. п. ухищрений. Процветает преимущественно церковная «поэзия», но и светская дает свои цветы в виде эпопеи, эклог, посланий. Вдохновителями ее и образцами являются, с одной стороны, Пруденций и Фортунат, с другой — Кальпурний, Гораций, Лукан, иногда Марциал и Проперций, чаще всего Овидий и Вергилий. У последнего бесцветные его подражатели заимствуют все, вплоть до имен героев.

Павел Диакон и Алкуин блистают, в особенности, в эпитафиях и посвящениях. Эклога культивируется поэтом, принявшим имя Назона[576]. Какой-то «гибернский изгнанник, — очевидно, ирландский монах Дунгал, воспевает в эпическом отрывке возмущение Тассилона. Лучшими поэтами эпохи были Ангильберт и Теодульф. По некоторым созданиям каролингского «Гомера» (такова, например, картина свидания Карла с Львом III в Падерборне) проходит могучее дыхание эпопеи. В посланиях Теодульфа к Карлу и его семье попадаются звучные стихи, красивые образы и описания.

Литературным языком, как и языком администрации, был по-прежнему латинский. Карл не был равнодушен к своему родному языку. Он велел составить франкскую грамматику, установить франкские имена для месяцев и ветров. По его указу собирались «старые варварские поэмы», воспевавшие начало и войны франкского народа. Но «деревенская латынь», ставшая «романской речью», будет преобладающей для большей части Галлии, на что мы встречаем неоднократные намеки. Турский собор 813 года постановляет, «что проповеди должны переводиться на романский язык, чтобы быть понятными народу». Люди образованные несколько гнушаются им, и биограф Адаларда, отмечая в качестве некоторой странности, что его герой говорит по-романски, спешит прибавить, что он так же хорошо владеет lingua francica (франкским языком), и еще лучше — латинским. Знаменитые страсбургские присяги скоро дадут нам официальный документ «романского языка» и первый текст для его изучения.

Народ издавна уже воспевал на нем подвиги прежних королей; песня о св Фароне, вспоминавшая победу Хлотаря II над саксами, была почти современна описываемым событиям. Эти песни, или «кантилены», были немногочисленны и в упадке VII—VIII веков их источник иссяк. Подвиги Карла Великого дали новую пищу народному творчеству, как и школьной литературе. В них воспевались войны с саксами, Ронсевальская битва. Сами Лоршские Анналы перелагались на «плебейский и деревенский языки». Воины Карла были главными творцами его героической легенды. Один из них, Адальберт, сражавшийся с аварами и славянами, под начальством графа Герольда Баварского, поведал будущему «санкт-галленскому монаху», в ту пору еще ребенку, чудесные предания, которые он передал нам по-латыни, но которые рассказывались по-немецки — по ту сторону Рейна, и по-романски — по эту. Из таких кантилен и вышел средневековый французский эпос. Появление нового языка и первых его памятников составляет более значительный факт поры Карла Великого, нежели созданные ею подражания классической литературе.

IV. Искусства[577]

Искусство каролингской поры характеризуется теми же чертами, что и ее литература: оно религиозно по существу и мало оригинально по форме.

Меровингская эпоха оставила церкви в глубоком упадке. Частные лица брали из них для собственных нужд бревна, камень и ткани; священники и прихожане превращали их в амбары для хлеба. Карл озаботился, по свидетельству Эйнгарда, «восстановлением священных зданий». В многочисленных своих капитуляриях он предписывает уничтожить ненужные церкви и алтари и тщательно содержать остальные. В Лионе, заботами Лейдрада, восстановлен ряд старых храмов, построены новые. Работа постройки осуществляется посредством барщин, под надзором епископов и графов. В случае нужды император дает деньги. Он озабочен тем, чтобы хорошо обращались с рабочими, велит кормить и одевать за счет фиска иноземных мастеров.

Главным архитектором Карла, вдохновителем его построек был Эйнгард, получивший прозвище Безелиила[578]. Ему приписывают (не всегда, впрочем, основательно) все замечательные постройки Каролингской поры: Майнцский мост, Аахенскую часовню, Ингельгеймский дворец.

Арена каролингского зодчества была обширна: она включала Германию, Галлию, Ломбардию, но от нее осталось мало памятников. Строили преимущественно из дерева, особенно на севере, притом не только деревенские церкви, но и большие базилики. Эти деревянные строения исчезли без следа. Из каменных построек, связанных преданием с именем Карла, одни не могут быть датированы точно, другие были значительно перестроены. Скептицизм некоторых историков, не признающих «каролингского» происхождения ни за одним из романских сооружений[579], может быть и неоснователен, но в будущем представление

о каролингском зодчестве можно составить себе преимущественно по текстам, да по немногим фрагментарным остаткам.

Общий план напоминает меровингскую базилику, но с лучшим проникновением в классические образцы. Эйнгард и его современники читали Витрувия — вот все, что мы знаем об их подготовке. Здание обычно имеет форму креста, вмещает многочисленные алтари и венчается круглой или квадратной башней, поставленной на скрещении и заканчивающейся деревянным шатром или куполом, куда вешают «сигналы» и колокола.

Большинство церквей построены по этому типу. Но за Альпами франки имели случай видеть и многие шедевры византийского и греко-романского искусства. Они подражали первым и грабили вторые. Из Италии привозились на север колонны, фризы, капители; и все эти фрагменты, приложенные с грехом пополам к франкской церкви, напоминают стихи Вергилия, которые писатели вставляли в свои поэмы.

Замечательнейшим памятником этих византийских влияний на Рейне является капелла, которую Карл построил в своем Аахенском дворце (она является теперь главным кораблем нынешнего собора в Аахене). Скульптуры, мрамор, мозаика доставлены были из Рима и Равенны; мастера и рабочие были выписаны издалека. Работы продолжались 18 лет, под руководством некоего Отона. Здание было заложено 6 января 805 года папой Львом III. Оно состоит из восьмиугольной залы в 14 ½ метров в диаметре, окружено двумя этажами открытых галерей, к которым надо подыматься вьющимися внутри двух башен лесенками. Все здание венчается куполом. В общем, это — неловкое и тяжеловесное подражание св. Виталию Равеннскому. В глазах современников, однако, оно представлялось сооружением «дивным и высокой красоты» (Эйнгард). Они восхищаются его кровлей, золоченого свинца, его золотыми и серебряными светильниками, бронзовыми кафедрами и дверьми, которые еще существуют и доныне.

По этому образцу было построено несколько церквей, как церкви Фульды, Вимпфера, Отмарсгейма. Во Франции сохранился образец того же стиля в маленькой церкви Жерминьи-ле-Пре, неподалеку от монастыря Флёри-сюр-Луар, выстроенной Теодульфом. Она претерпела многократные порчи, кончая безвкусной реставрацией последнего века. Но абсиды, окружающие восточную часть главного корабля и замыкающие концы поперечного, принадлежат к древнейшим частям здания и напоминают византийские приемы.

Богатства больших монастырей находят применение в грандиозных постройках. Аббат Фульды Ратгар изводил своих монахов своей манией строительства. Некролог аббатства называет его «ученым архитектором». Именно в каролингскую эпоху воздвиглось множество монастырей, с их многочисленными строениями, соответствующими разнообразным потребностям населения и вместе расположенным по очень отчетливому и несколько монотонному плану. Церковь составляет главную его часть. К ней принадлежит огороженный «двор» — claustrum, обыкновенно квадратный. Зал собраний, школа и библиотека,

рефекторий, дортуар обрамляют двор с четырех сторон. Вне его расположены помещения аббата, гостиница, больница. Поодаль разбросаны поселения сервов и колонов. Самый яркий и богатый план этого типа, дошедший до нас, это — план Санкт-Галленского монастыря в Швейцарии.

Во Франции красивейшим из аббатств этого типа был монастырь св. Вандрегизила — Saint Wandrille. Большая башня церкви венчалась «четырехгранной пирамидой в 35 футов высотой, покрытой золоченой медью и оловом»; рефекторий и дортуар, убранные цветными стеклами, были длиной в 208 футов и шириной — в 27. Аббатство св. Рихария было построено между 793 и 798 годами по планам Ангильберта. Король прислал к аббату зодчих и разрешил им послать в Рим за мрамором и колоннами. Аббатство имело три церкви. Главная, расположенная с северной стороны, венчалась высокими башнями, которые фланкировали башенки с лестницами внутри, по образцу Аахенской капеллы. Две другие, посвященные Деве и св. Бенедикту, подымались на юге и на востоке, и соединявшая их ограда придавала киостру вид треугольника — в честь св. Троицы. Характерная для эпохи символика чисел определила число алтарей, киворие в, амвонов. Мощные внешние стены были украшены башнями и капеллами, которые Ангильберт окружил второй стеной, чтобы священники могли спокойно служить в них мессу.

Единственным известным нам типом гражданской архитектуры был дворец. Наследник императоров древнего Рима не хотел отстать от их пышных жилищ. На берегах Рейна, в Нимвегене, Ингельгейме, Аахене стали вырастать сооружения. Аахенский дворец, построенный около 798 года, скопирован, кажется, с Равеннского, как это заключают немецкие археологи по его следам. Он был весьма обширен, ибо должен был приютить весь двор. В центре находились апартаменты императора и его семьи, приемный зал, бани. Большое крыло, включавшее школу, библиотеку, архивы, соединяло зал с капеллой. Но император ходил в церковь прямо, крытой галереей, построенной с большими издержками и обрушившейся внезапно в день Вознесения в 813 году. Дома придворных, по свидетельству санкт-галленского монаха, были расположены вокруг, таким образом, чтобы Карл мог со своей террасы видеть всех входящих и выходящих.

Декорация церквей, монастырей и дворцов была, если не изящна, то во всяком случае богата. Скульптура, по-видимому, не особенно культивировалась. Впрочем, ее остатки слишком немногочисленны, чтобы по ним судить о ней. Печать варварства чувствуется по некоторым геометрическим рисункам, по грубости резца, высекавшего очертания птиц, роз, пальм. Большинство капителей украшены ионическими волютами или листьями аканфа. Любимая декорация — это лепные рельефы, фрески и мозаики, маскирующие извне и изнутри недостаток декоративного убора.

Карла несправедливо упрекали в преследовании изобразительных искусств. Он запретил только обожание изображений. Его капитулярии, напротив, рекомендуют цветные полы, потолочную и стенную живопись и сцены из Св.

Писания. В монастыре св. Вандрегизила вся базилика и рефекторий были расписаны Мадалульфом, которого анналы аббатства называют «замечательным художником диоцеза Камбрэ». Любимые сюжеты этих фресок — сотворение мира, с многочисленными животными, главнейшие события из жизни Христа, сцены мученичества. В императорских дворцах преобладают исторические сюжеты: войны с саксами и сарацинами, деяния великих римских императоров. Так как эти картины были малопонятны большинству, то поэты разъясняли их надписями: над действующими лицами написаны были их имена.

Мозаики, заимствованные из византийского искусства, служат преимущественно для украшения полов и сводов абсид. Для пола корабля употребляют обыкновенные материалы, для хора — ценные мраморы, красный и зеленый порфир, который еще можно было видеть в Saint-Riquier в XV веке. В Аахене имелась очень замечательная мозаика, которая покрывала внутренность купола: на золотом поле, усеянном красными звездами, выделялся благословляющий Христос с двумя ангелами по сторонам и 12-ю старцами у ног. Мы знаем теперь эту мозаику только по плохим рисункам. В церкви Жереминьи-ле-Пре сохранилась еще мозаика, представлявшая Ковчег Завета, несомый четырьмя херувимами в золотых нимбах с развернутыми крыльями. В глубине полуоткрытого ковчега виднелись скрижали Завета. Вверху тянулась надпись римскими буквами из серебряных кубиков по голубому полю.

Ювелирное мастерство и резьба по слоновой кости представляют только развитие меровингских традиций. Каждая церковь имеет свою «сокровищницу», но особенно богато оно в больших базиликах. Тут мы находим золотые ковчеги и раки с дорогими камнями, ценные переносные алтари, киворий. Поставленный над гробницами святых, киворий чаще всего представляет небольшой каменный или деревянный купол, украшенный золотом и серебром и опирающийся на четыре колонны. Вещи из слоновой кости вырезают по старым итальянским и византийским образцам. Главные мастерские этих вещей — это аббатства св. Рихария и св. Вандрегизла.

Сокровищница заключает также и книги, являющиеся зачастую настоящими произведениями искусства. При Карле, под ирландским и англосаксонским влиянием, письмо реформируется. Некрасивый и неразборчивый меровингский курсив уступает место изящному, отчетливому каролингскому минускулу. Роскошные книги, писанные золотом и серебром на пурпурном фоне с пышными инициалами и прекрасными миниатюрами, являются наследством каролингской эпохи.

Знаменитейшая школа каллиграфии находится в Туре. Сам Алкуин устроил там лабораторию переписки и над ее дверьми поместил надпись, увещевающую писцов относиться внимательно к своей работе, не путать слов и знаков препинания. Кроме того, следует отметить каллиграфические школы Меца, Реймса, Сен-Дени, Корбии, Фульды, Санкт-Галлена и, наконец, дворцовую школу. До нас дошли некоторые из создавшихся здесь роскошных библий, евангелий, псалтырей. Из них старейшее — евангелие, списанное Готшалком в 781 году для Карла

Великого. Следует отметить еще псалтырь, данную Карлом папе Адриану, евангелие, которое по преданию, найдено было на коленях императора в момент открытия его могилы и хранится в императорской сокровищнице Вены, библии Теодульфа, а из более поздней эпохи библии Карла Лысого. Особенно хороша библия графа Вивиана, выполненная в Туре около 845 года: ее миниатюры представляют историю Адама и Евы, Моисея, получающего заповеди и передающего их народу, Карла Лысого на троне, с двумя воинами, и графа Вивиана, подающего ему книгу. Собственники подобных сокровищ прятали их вместе с реликвиями и приковывали на цепь, чтобы никто не мог их унести.

Карл интересовался и музыкой. Она сводилась в то время к церковной. С VI-го века в церкви практиковались два рода напевов: римский, установленный Григорием Великим, и галликанский. Во время епископства Хродеганга римская литургия была введена в Мец, и в то же время папа прислал несколько певцов епископу Руанскому. Пипин начал распространять эту реформу на все королевство, и Карл повелел, чтобы все церкви Галлии, согласно воле его отца, усвоили римскую традицию, «чтобы страны, соединенные единством религиозного рвения, были бы связаны единством церковного пения». Адриан прислал ему двух мастеров, Петра и Романа, чтобы исправить местные антифонарии. Один из них поселился в Меце, другой — в Санкт-Галлене. В библиотеке этого монастыря до сих пор показывают григорианский антифонарий, который был принесен туда Романом. Санкт-Галленская школа процветала в особенности в конце IX и в начале X века. Ее славнейшими представителями были Ноткер, Гартман, Радберт и в особенности Тутилон, который, как гласит легенда, был «хорошим оратором, тонким резчиком, музыкантом и поэтом».

V. Заключение

Царствование Карла является одним из величайших царствований, какие только знала история. Образ его вдохновлял славнейших государей Европы в Средние Века и в Новое время, от Оттона III до Наполеона I, от Фридриха Барбароссы до Людовика XIV. Чем заслужил он это преклонение?

Он не был гениальным администратором: он только усовершенствовал приемы управления, существовавшие до него. Он не был великим военным вождем: за исключением одно или двух блестящих подвигов, история его походов бесцветна и однообразна. Чтобы справляться с его врагами, не было нужды в талантах великого стратега или опытного тактика. «Возрождение наук и искусств», которое он вызвал к жизни, осталось явлением искусственным и бледным.

Но он был, как выражается один из его современников, «мужественным борцом, одолевшим саксов и обуздавшим сердца франков и варваров, которых не могло победить римское владычество». В нем жила исключительная, неукротимая энергия. Он был полон сознания своего долга, своих обязанностей, столь сложных и разнообразных, и до конца ревностно выполнял их. Он был

серьезный и неутомимый работник, с равной добросовестностью считавший кур в своем птичнике, диктовавший свои капитулярии, учившийся писать, председательствовавший на собраниях и соборах, упорядочивавший пение своей капеллы и ежегодно мчавшийся к какой-нибудь отдаленной границе. Он обладал, несомненно, умом замечательным: твердым, открытым и гибким; он ясно видел большую сложность окружавших его явлений или, по крайней мере, инстинктивно приспособлялся к ней. Он не пытался устанавливать однообразных законов среди народов своей Империи. Новые права рождались, либо родились уже в той эволюции, которая подготовляла феодализм. Он не боролся с ними, он их даже санкционировал. Но он подчинил различные народы единому управлению, управлению графов и посланцев и общим указам. Рождающиеся феодальные привычки были им использованы на служение государству[580]. Он обладал талантом все понять и все примирить, найти modus vivendi между двумя крайностями. Для пороков строя он ищет лекарства и находит его: свободных, но некомпетентных и небрежных людей на суде он заменяет скабинами; выше графов, ненадежных управителей, он ставит посланцев. Его искусная рука вставляет цемент во все щели расседающегося здания.

Наконец он создал для себя известный идеал и верил ему. Он хотел создать из своей Империи моральное единство, великое христианское государство. Это стремление венчает его облик. Его слава обусловлена его могуществом, потому что люди всегда преклоняются пред теми, которые умели повелевать, но его могущество озарено величием каролингской мечты о духовном единении человечества в Imperium Christianum (христианской Империи).

Легенда[581] овладела Карлом Великим немедленно после его смерти. Рассказывали, что чудесные явления возвестили его конец: в течение трех дней солнце и луна оставались затмившимися, и по небу проходили огненные нити. Кровля Аахенской базилики, пораженная молнией, рухнула, и с золотой короны, висевшей в корабле, исчезли выгравированные на ней слова Karolus princeps (Государь Карл). Впоследствии придуман был рассказ, будто император не был положен во гроб, а посажен на трон в торжественном императорском одеянии, с покрывалом и диадемой, с мечом сбоку и скипетром в руке, с Евангелием на коленях.

В сущности, поэзия и народное предание преувеличили, но не исказили очертаний этой замечательной фигуры. Карл в chansons des gestes (Песнях о деяниях), борющийся с неверными и коварными вассалами, идущий на войну вместе с братом своим, папой, отправляющийся паломником в Св. Землю, где с почестями принимает его Гарун-аль-Рашид, или ведущий в крестовый поход христианских рыцарей, Карл — мощный воин, «ростом в 8 его собственных пядей, которые были очень длинны», широкобедрый великан, рассекающий одним ударом меча всадника и коня, закованных в железо, Карл — ученый, основатель Парижского университета, — это все же в сущности исторический Карл, только раздвинувшийся в глазах потомства, подобно тому, как заходящее солнце удлиняет тень тел, не лишая возможности признать их действительные очертания.

ГЛАВА V
РАЗЛОЖЕНИЕ ИМПЕРИИ КАРЛА[582]

I. Царствование Людовика Благочестивого. —
II. Война трех братьев и Верденский договор.

I. Царствование Людовика Благочестивого[583]

Уже политика Карла Великого сталкивалась с целым рядом затруднений и противоречий. Они стали еще более грозными при его сыне. Из-под власти короля уходило все больше свободных людей, отдававшихся под покровительство сильных, и тем укреплявших их могущество в ущерб государству. Областные чиновники все больше узурпировали его права. Каролингская держава быстро шла по пути феодализации.

Среди этого разложения еще жили люди, ставившие своей задачей отстоять единство Империи. Из них на первом месте стоит королевский приближенный Вала и архиепископ лионский Агобард. Выросшие в школе Карла Великого, они на всю жизнь вынесли из нее преклонение перед идеалом Каролингской монархии, с единым владыкой на земле, правящим во имя единого владыки небесного.

Этот идеал со смертью Карла оказался в резком противоречии с фактами. Его наследник не стоял на уровне завещанных ему задач.

В 814 году новому императору было 36 лет. Его наружность давала обманчивое впечатление силы: он был высок ростом, широкоплеч, имел ясные, большие глаза, громкий голос. Он был страстный охотник, ловкий стрелок. Он был от природы умерен и целомудрен, скромен в пище и одежде, щедр к бедным и искренно набожен. Получив в «дворцовой академии» знание латинского и греческого языков, он использовал их для проникновения в смысл Св. Писания. Св. Бенедикт Анианский был его другом. Все эти качества заслужили ему имя Благочестивого (Pius) у современников. Для них, однако, не осталось тайной, что под его твердой внешностью скрывалась мягкая и слабая душа, неспособная к мужественному и длительному усилию, что заставило впоследствии дать ему полунасмешливое прозвище Добродушного.

Людовик, уже коронованный ранее отцом, пожелал принять в 816 году в Реймсе императорскую корону из рук папы Стефана V. В следующем году в Аахене было созвано собрание, постановившее хранить единство Империи, разделив ее, однако, на королевства. От первой жены император имел трех сыновей: Лотаря, Пипина и Людовика. Он выделил по уделу двум младшим сыновьям (Людовик получил Баварию и некоторые восточные земли, Пипин — Гасконь, Аквитанию и южные графства) и назначил Лотаря своим «соправителем и наследником». Младшие братья были поставлены в зависимость от него. Они обязывались не

вступать в брак, не предпринимать войны, ни заключать мира без его согласия. В случае неповиновения он мог лишить их царства. Этот акт укреплен был присягой всех подданных Империи и ее магнатов и благословением папы. Лотарь был коронован в Аахене (817 г.), получил титул августа (822 г.) и золотую диадему, возложенную на него папой Пасхалием в 823 году в Риме, куда привез его «наставник» его, Вала. С 825 года имя Лотаря фигурирует во всех императорских дипломах.

Уже первые годы правления Людовика омрачены мятежами. После издания акта 817 года, ставившего всех младших королей под опеку Лотаря, восстал Бернард Италийский. Покинутый вскоре своими сторонниками, он предан был на суд собрания в Аахене, ослеплен и умер от потери сил во время ужасной операции выжиганья глаз[584]. Потрясенный этой смертью, Людовик, «по примеру императора Феодосия», принес всенародную исповедь. Это было первое из ряда публичных его покаяний, столь плохо гармонировавших в представлении народа с достоинством наследника могучего Карла. В целом ряде отношений, казалось, правление шло по прежним путям: по-прежнему издавались капитулярии, деятельность посланцев представляется очень энергичной; в Аахене, Падерборне, Тионвиле, Ингельгейме по-прежнему собираются большие собрания, на них присутствуют представители хорватских князей, болгарского царя, халифа Кордовы, византийского императора и иерусалимского патриарха. В 825 году быстро и удачно подавлено восстание бриттов (бретонцев), и их вожди являются с выражениями покорности на собрание в Аахене. Удачные походы против славян-оботритов укрепляют восточные границы Империи. В стране данов успешно идет насаждение христианства, проповедываемого Эббоном, архиепископом Реймса и другом императора. Во вновь обращенной стране возникает монастырь Корвей — Новая Корбия; основывается архиепископство Гамбургское, и в 826 году сам принц Дании, Гаральд, принимает крещение в Ингельгеймском дворце вместе с женой и детьми. По этому случаю даны были блестящие празднества. «Единство и величие Империи укреплялись ради защиты родины и спасения Церкви»... Однако не надолго.

Новые осложнения начались со вторым браком императора, женившегося после смерти Ирмингарды на Юдифи, дочери графа Вельфа Баварского, женщине редкой красоты, ума и образования. Когда в 823 году от этого брака родился сын, будущий Карл Лысый, император решил нарушить в его пользу установление 817 года. На осеннем собрании 829 года в Вормсе он отделил на его долю Аламаннию, Эльзас, Рецию и часть Бургундии, с титулом герцога, отослал в Италию Лотаря, который противился мерам отца, и перестал вписывать его имя в императорские дипломы. Этот поступок вызвал протест всех его сыновей и всей партии имперского единства. Сыновья выступили походом против отца, вынудили его к ссылке Юдифи в монастырь, отказу от принятых мер и публичному от них отречению. «Я обязуюсь, — гласит его декларация, — не предпринимать ничего без совета вашего (сыновей и магнатов Империи). Я постановляю и желаю, чтобы

Империя оставалась такой, как я ее устроил при вашем содействии». Обещание это не было сдержано. Император снова призвал жену и младшего сына, снова произвел передел Империи, снова вычеркнул имя Лотаря из своих дипломов. Сыновья вторично восстают против отца, имея за себя приверженцев единства Империи. Сам папа Григорий IV, встревоженный совершающимся, предпринимает путь в Галлию, чтобы поддержать защитников единства. На этот раз император проявил решительное упорство и двинулся походом против союзников. Встреча произошла 24 июня 833 года, в долине Эльзаса на Красном Поле — Rothfeld[585]. Из лагеря сыновей высланы были парламентеры. Сам Лотарь, а потом и папа были в их числе. Все было безуспешно. Однако присутствие наместника св. Петра смущало лагерь императора. Ходили рассказы, будто цепи Альп чудесно открылись, чтобы пропустить в Галлию высокого миротворца. В ночь на 29 июня происходило интенсивное движение воинов императора в лагерь его сыновей, и утром все палатки оказались раскинутыми вокруг палатки Лотаря. У императора оставалось только несколько верных, которых он, наконец, сам послал к сыновьям, чтобы затем последовать за ними... Поле, где все это совершилось, получило название Поля Лжи — Lugenfeld.

На собрании в Компьени 1 октября 833 года Эббон и Агобард, выступив в роли публичных обвинителей, упрекали Людовика в том, что он «унизил наследие великого Карла, его Империю, некогда столь обширную, мирную и единую, сделал предметом печали для ее друзей и посмеяния для ее врагов». 7 октября несчастный государь был приведен в церковь св. Медарда в Суассоне, где собрались епископы, священники, диаконы, множество клириков, император Лотарь, магнаты и народ, — сколько его мог вместить корабль собора. Простершись перед алтарем на власянице, он принял из рук епископов список преступлений, в которых признал себя виновным, и прочел его громогласно. Затем он сам снял свой меч, положил его на алтарь, разделся и облачился в одеяние кающегося. Юдифь была сослана в Тортону, в Италии, Карл заключен в Прюмский монастырь. Состоялся новый раздел, детали которого нам неизвестны. Отныне имя Лотаря одно будет укреплять королевские дипломы. Ему передано управление всего царства — totius regni monarchia.

Однако за союзом, образовавшимся против Людовика, не было настоящей силы, и в нем скоро началось разложение. Общественное чувство было возмущено насилием детей над отцом, высокомерным поведением победителей. Лотарь держал себя неясно и нерешительно, братья были недовольны его опекой. Людовик поднял новое движение за освобождение отца, и Лотарь счел себя вынужденным изъявить покорность. Епископы и аббаты почти со всей Империи собрались опять в Тионвиле и объявили Людовика неповинным в возведенных на него преступлениях. 28 февраля 835 года он был восстановлен в своих правах и возведен снова на трон в церкви Св. Стефана в Меце.

Отныне единственной целью его жизни будет обеспечить возможно лучший удел для своего младшего сына и найти ему покровителя. Для этой цели он

отнимает целый ряд земель у Людовика, но старается примириться с Пипином, когда же последний умер, он ищет дружбы Лотаря. В Вормсе 30 мая 839 года был установлен раздел Карловой монархии на две половины, линией, шедшей с севера на юг вдоль Мааса, затем через графства Лангра, Шалона, Лиона и Женевы дальше к Средиземному морю. Лотарь выбрал восточную часть; западная отошла к Карлу. Императорский титул, не связанный, однако, по-видимому, ни с какими преимуществами, завещан был Лотарю. Он обязывался защищать своего младшего брата и крестника, Карл — чтить старшего брата и отца.

Последние годы Людовика Благочестивого были омрачены мятежом аквитанцев и возмущением сына его Людовика, стремившегося вернуть земли, отнятые вормским разделом. Возвращаясь с похода против сына, престарелый император тяжко заболел. Он умер вблизи Ингельгейма 20 июня 840 года. Подобно отцу своему Карлу, Людовик разделил свое «сокровище», свои книги и одежды детям, церквам и бедным. Его тело было перенесено в Мец и погребено в базилике св. Арнульфа, подле матери его Гильдегарды.

II. Война трех братьев и Верденский договор[586]

После погребения Людовика Благочестивого Юдифь обратилась к Лотарю, настаивая на выполнении Вормского договора. Лотарю отказал. Тогда Карл и Людовик вступили в союз, и началась «война трех братьев».

Вокруг Лотаря группировалось большинство франков и те из аквитанцев, которые были приверженцами Пипина II. Вокруг Людовика — аламанны, саксы, тюринги и восточные франки; вокруг Карла — бургунды и остальные аквитанцы. Каждый избирал вождя по личному интересу: магнаты становились на сторону того из трех братьев, который обещал им больше земель и почестей. Как пишет хронист IX века, «воюющие не различались ни оружием, ни народностью, ни нравами: они были только во враждебных лагерях» (non armis dissimiles, non habitu gentis distincti, solum castris obversi). В этой чисто-личной, беспринципной борьбе гибнет окончательно идея единства.

Мы не будем останавливаться на перипетиях этой борьбы. Она тянулась почти два года. В 841 году младшие братья одержали кровавую победу над войсками Лотаря при Фонтанэ[587]. В битве, по преданию, пало до 40 000 человек. После этого Лотарь пытался, разъединив братьев, разбить их по одиночке. В феврале 842 года они решают укрепить свой союз особенно торжественной клятвой, которая вязала бы их и их войска. Они собирают их в Страсбургской равнине и обращаются к ним с речами; Людовик — по-немецки, и Карл — по-«романски». В этих речах они указывают на коварное поведение Лотаря и предлагают, в присутствии народа, запечатлеть присягой то «верное братство», которое связывает их. Людовик, старший, клянется первым:

«Из любви к Богу и ради спасения христианского народа и нашего собственного, я с нынешнего дня, поскольку Бог даст мне на то разумение и силу, буду

поддерживать брата моего Карла во всем, как надлежит поддерживать брата, при условии, что он будет поступать так же. И никогда не вступлю ни в какое соглашение с Лотарем, которое с моего ведома направлялось бы против моего брата Карла».

Эту формулу, которую он произнес по-романски, чтобы его поняли люди Карла, Карл потом повторил по-немецки. Затем оба войска, каждое на своем языке, дали следующее обещание:

«Если Людовик (Карл) сдержит клятву, которой он клялся брату своему Карлу (Людовику), а Карл (Людовик) мой сеньор, нарушит свою, и если я не смогу отвратить его от этого, — то ни я, и никто, кого я только смогу убедить, не даст ему помощи»[588].

Через несколько месяцев после этого договора, однако, сам Лотарь обратился к братьям с мирными предложениями, которые и были приняты, и после предварительных переговоров, в августе 843 года в Вердене заключен договор, ликвидировавший «войну трех братьев». Текст этого договора утрачен, но главные его положения нам известны. Лотарь получил Италию, область между Альпами, Аарой и Рейном на востоке, Роной, Соной, Маасом и Шельдой на Западе; все это вместе составляло полосу земли в 1500 км длины и 200 км ширины, которая тянется от Северного моря до герцогства Беневентского. Людовик получил страны, расположенные по ту сторону Рейна, без Фризии, которая досталась Лотарю, и «в виду изобилия вина», — города и области Шпейера, Вормса, Майнца. Остальное, вплоть до Испании, досталось Карлу. Это деление на первый взгляд представляется простым и отчетливым. На самом деле границы его во многих местах перерезали надвое графства и диоцезы. Граница владений Карла Лысого и Лотаря — неотчетлива, так как она не совпадает с реками, но постоянно отступает от них[589].

В Вердене приняты были и известные политические положения. Лотарь сохранял титул императора, но не имел власти над своими братьями. Каждое из трех королевств было совершенно независимо.

Это был конец Каролингской Империи, какою ее создал Карл Великий и даже конституция 817 года. Большинства старых ее защитников уже не было в живых. Пережившие ее крушение в горьких выражениях проклинали день Фонтанэ, когда «христиане яростно набросились друг на друга», и когда «силы франков и их доблесть были уже настолько подорваны, что их не хватало не только на расширение пределов их державы, но и на защиту собственных границ». Диакон лионский, Флор, нашел полные величия слова, чтобы оплакать Верденский договор: «Увы! — восклицает он, — где та Империя, которая поставила своей задачей объединить верой чуждые друг другу народы и наложить на покоренные племена узду спасения?.. Она утратила свое имя и свою честь. Вместо короля — оказался королек, вместо королевства — обломки королевства».

«Pro rege est regulus,
Pro regno — fragmina regni».

С Верденским договором началось разделение Италии, будущей Франции и будущей Германии. Если не он создал новые нации, он дал толчок к их пробуждению[590]. Уже Вормский договор 839 года установил новый принцип раздела, по географическому признаку, с которым прежде вовсе не считались. Определившаяся постепенно разница языков обусловливала все отчетливее разделение народов. Правда, в уделе Лотаря говорили и по-немецки, и по-романски. Но страны романского языка попали преимущественно в удел Карла Лысого, а страны немецкого языка — в удел Людовика Немецкого. Историография также разделилась: в Бертинских Анналах мы находим французскую версию событий, в Фульдских Анналах — немецкую.

Так, в целом ряде симптомов сказывается наступление новой исторической эры. И обстоятельства дают особую значительность словам анналиста, заканчивающего свой рассказ о договоре, заключенном тремя братьями: «И когда мир был заключен и подкреплен клятвами, каждый вернулся в *свое королевство*, чтобы управлять им и защищать его». Внуки Карла, «всемирного императора», уже имели каждый *свое отечество*. Отечеством Карла Лысого была Франция.

Судьбы этого имени, Francia, сперва параллельны судьбам франков. Пейтингерова таблица вписывает его на правый берег нижнего Рейна, от впадения Майна до устья. Доныне еще эта территория называется Франконией — Franken. Франки перенесли с собой имя Francia на левый берег Рейна, сперва в Батавию, которую занял Хлодион, потом, после побед Хлодвига, до Луары. Когда он изгнал вестготов из залуарской страны, и когда его сыновья отвоевали от бургундов долины Соны и Роны, обе эти страны сохранили свое особое лицо и, составляя часть Regnum Francorum (королевства Франков), они остались Аквитанией и Бургундией. В меровингскую эпоху Francia есть северная область, которая идет от Рейна до Луары, без различия уже между Австразией и Нейстрией.

Однако было естественно, что термины Francia и Regnum Francorum стали сливаться. Кажется, что это произошло уже при Карле Великом, и что термин Francia покрывал державу, созданную сыном Пипина, только без Италии, которая оставалась особым королевством. Может быть, это отождествление и укреплено было больше всего противоположностью, какая существовала между Италией и остальными каролингскими государствами. Когда разделы IX-го века рассекли эти государства на продольные полосы, к которым уже больше не шли старые обозначения Австразия и Нейстрия, постепенно вышедшие из употребления, — начинают различать разные части Regnum Francorum, по их географическому положению: Средняя, Западная и Восточная Франция — Francia Occidentalis, Media, Orientalis. После Верденского договора Francia Occidentalis — это удел Карла Лысого; Media — удел Лотаря, и Orientalis — Людовика Немецкого.

Царство Лотаря не было устойчиво. Вскоре его будут делить и оспаривать с запада и востока. Тогда выражение Media Francia (Средняя Франция) исчезает. Выражение Francia Occidentalis (Западная Франция) удержится дольше. Когда последний Каролинг, царствовавший на востоке, Людовик Дитя, умер в 911 году,

его преемники называются просто reges (королями), и лишь в тех случаях, когда являются вместе с тем королями Италии — принимают титулы rex (и даже — imperator) Francorum et Longobardorum (Король император франков и Лангобардов)[591]. Чаще всего их означали по тому герцогству, из которого они происходили: король саксонский, аламаннский, франконский. Страна между Рейном и Эльбой, будущая Deutscjland, забывала имя Francia.

Это имя в умах народов осталось привязанным к той области Сены, которая была истинной колыбелью меровингского королевства. Постепенно значение слова сузилось, и в XV веке «страна Francia» представляла только область, расположенную между Уазой и ее притоком Тевой и затем — Сеной, Марной и ее притоком Бевронной, которые и отделяют «Ile-de-France» (Иль-де-Франсе) от соседних областей[592]. Но в эпоху Капетингов жило еще широкое значение этого слова: вся область, включаемая между Шельдой, Эбро, Атлантическим Океаном и Маасом, есть «Милая Франция»[593].

ГЛАВА VI
НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ[594]

I. Образование феодализма. — II. Вассалитет. — III. Бенефиций в каролингскую эпоху. — IV. Слияние должностей с бенефициями. Наследственность должностей. — V. Дезорганизация публичной власти. Феодальное дробление. — VI. Образование больших феодов. — VII. Восстановление королевской власти.

I. Образование феодализма

В анархии IX и X веков старый монархический строй окончательно уступает место феодальному. Его элементы намечались уже в меровингскую эпоху: это — коммендация, подчинявшая человека человеку, прекарий или бенефиций, и наконец, иммунитет, освобождавший владельцев больших доменов от действия публичной власти. Но в меровингскую эпоху эти элементы живут отдельно и не вступают в прочные комбинации. Коммендация и бенефиций не сливаются непременно. Большинство людей еще свободно. Аллодов больше, нежели бенефициев. Публичная власть действует на обширной территории, осуществляемая чиновниками, которых назначает король. Но уже к концу каролингской эпохи почти все свободные люди вступили в вассальные связи, почти все крупные поместья сделались бенефициями; иммунитеты умножались, король потерял почти все свои прерогативы. Наконец, вассалитет, бенефиций, иммунитет, — уступка царственных прав, сольются в неразрывные соединения. Эту медленную работу создания нового строя мы и намерены представить, хотя бы только в самых общих очертаниях.

II. Вассалитет

Обычай вассалитета все больше распространялся в те смутные времена, когда Каролинги выдвигались на место Меровингов. Майордомы получали главную свою силу от большого числа своих вассалов. Благодаря им, они и победили в конце концов. Но и после этого, Каролинги продолжали привлекать свободных людей в свою клиентелу. Капитулярии показывают, как все новые и новые лица непрерывно коммендируются королю. Из них видно также, что и графы, и частные лица имеют вассалов. После смерти Карла Великого вассальные связи втягивают почти всех свободных людей. Мелкий собственник чувствует себя беззащитным: его имущество подвергается постоянным нападениям со стороны шаек, которые проходят через страну. Графы, вместо того, чтобы подавлять эти беспорядки — часто вступают в сговор с грабителями, сами нападают на

собственность и свободу. Слабый, не находя защиты у публичной власти, ищет ее у могущественного соседа: «он отдается одному сильному человеку, чтобы не зависеть от каприза всех сильных людей». Покинутый государством, он, в свою очередь, покидает его и завязывает выгодные для него частные связи. Он клянется в верности тому, от кого взамен получает обещание покровительства.

Покровительство станет еще более необходимым, когда во времена Карла Лысого и его преемников королевство подвергается жестоким ударам чужеземцев. Берега и устья рек осаждаются норманнами. Арабы разливаются по югу; в восточные области проникают венгры. Король, не имеющий ни армии, ни крепостей, не может организовать защиту: откуда вытекает необходимость для жителей каждой области самим позаботиться о собственной защите. Они соединяются в частные союзы, слабейшие признают своим главою или «сеньором» графа, богатого соседа-собственника или сильного воина. Они станут сражаться под его начальством. Так постепенно все больше исчезают свободные люди.

Наряду с этим, шел и другой параллельный процесс. Уже в меровингскую эпоху вассалитет существовал в качестве социального, но еще не легального факта. Карл узаконил его своими капитуляриями. Он установил обязательные правила для вассалов и сеньоров. Не раз объявляет он, что свободный человек имеет право выбора себе сеньора — будь то сам король или его чиновник, граф, либо викарий, либо, наконец, частное лицо. В Divisio regnorum (Разделе королевств) 806 года говорится, что по смерти короля всякий королевский вассал получает право выбрать сеньором одного из его сыновей: Карла, Пипина или Людовика, или кого-нибудь из «сильных людей». Выбор сеньора, конечно, не обязанность, а только право. Оно дается под условием выполнения обязательств, по отношению к государству: «Пусть только, — добавляет капитулярий 787 года, — они выполнят свои обязательства по отношению к графу». Власть старается также помешать тому, чтобы свободный человек, подлежащий призыву в армию, коммендировался сеньору, который не призван, с целью уклониться от военной службы. Но на практике — какую цену имело это ограничение?

Вассалитет создается присягой, силу которой признают капитулярии[595]. Вассал должен служить сеньору до самой смерти. Он не может покинуть его, иначе как в случае тяжкого оскорбления: если сеньор ударил его палкой, если грозился убить его или отдать в рабство, если он обесчестил его жену или дочь, если он намеренно уклонился от долга покровительства. Раз вассал покинул сеньора без его разрешения, — никто не должен брать его под свое покровительство[596].

Эта связь кончается с жизнью сеньора или вассала. При первых Каролингах вассалитет не наследствен. Со смертью сеньора, вассал может стать свободным человеком.

Этот рождающийся феодализм был использован Карлом Великим на служение государству. У него было два рода подданных: одним он повелевал, как король и император; другие коммендировали себя ему. Первыми он правил по праву публичной власти. Над вторыми, сверх того, он имеет права сеньора, и на них,

связанных с ним специальной присягой, может особенно рассчитывать. Когда объявляется призыв на войну — первыми должны явиться его вассалы. И когда распадается царство Карла Великого, каждый из его сыновей постарается соединить вокруг себя возможно большее число вассалов, ибо уже в это время сила государя зависит от числа его «верных». Подобно королю, графы, как и их викарии и сотники, имеют своих вассалов. На первых порах вассалитет укрепил власть короля и его чиновников. Но придет момент, когда вассалы графов и королей, чувствуя свою силу, обставят свою покорность целым рядом условий.

Короли обращались к сеньорам для набора армии. Таким путем созыв и мобилизация войска значительно облегчается. Но тут наступает новая опасность: сеньор начинает смотреть на воинов, которых он ведет, как на принадлежащих прежде всего ему.

Вскоре на сеньора переложат и обязанность приводить своих вассалов к публичному трибуналу, так как этой функции не хочет или не может уже выполнять граф. Сервейский капитулярий 853 года обязывает всех выдавать преступников королевским посланцам. «И если неповинующийся является вассалом иного сеньора, — последний представляет его королю». Таким образом, сеньор приобретает над вассалом право принуждения. Отсюда — только шаг к тому, чтобы ему самому судить виновного вассала, и шаг этот будет сделан.

Так, при Каролингах вассалитет расширяется и легализуется. Для Карла Великого и его преемников он становится орудием управления. Но скоро он обратится против них. Из пожизненного он станет наследственным и таким путем укрепится окончательно. Мы увидим, как совершится эта важная, общественная перемена.

III. Бенефиций в каролингскую эпоху

В меровингскую и в начале каролингской эпохи тот, кто коммендирует себя магнату, является обыкновенно человеком слабым, нуждающимся в покровительстве. Чаще всего сеньор ничего не дает ему; «бенефиций» не связывался непременно с вассалитетом. Они сблизились очень разными путями, а под конец — неразрывно слились.

Случалось, что человек, коммендировавший себя, отдавал вместе с тем сеньору землю, которой владел, чтобы затем получить ее обратно, уже в качестве бенефиция. Иногда сеньор уступал ему клочок от своего домена, чтобы обеспечить его существование. С другой стороны, часто сам факт принятия бенефиция налагал известные моральные обязательства, которые с течением времени определялись точнее и все больше приближались к вассальным. Постепенно сложилось такое положение вещей, что человек мог стать вассалом, не получая бенефиция, но всякий бенефициарий становился вассалом.

Однако среди смут «каролингского упадка» сеньор начинает нуждаться в вассалах не меньше, чем они в нем. Чтобы защитить себя от нападений чужих

насильников или недобрых соседей, он должен собрать вокруг себя возможно большее число людей. Он ищет их всячески; спрос идет с его стороны, с их — предложение. И вассалы ставят свои условия: они требуют земель и с ними связывают свою верность. Контракт, до тех пор носивший чисто личный характер, становится реальным. Основным его элементом будет бенефиций. Прежняя формула — «вассал обязан службой сеньору за землю, которую получил от него», заменится выражением: «земля обязана службой земле». Иерархия земель становится на место иерархии лиц.

Этот контракт был сначала пожизненным. Но понятно, что у вассала являлось стремление сохранить бенефиций за своими детьми, а у сеньора — сохранить их службу и верность своим наследникам. Отсюда вытекало обычно то, что сын наследовал от отца бенефиций, вместе с обязанностями вассала. Более того: отцу стал наследовать даже несовершеннолетний сын, с обязательством выполнять вассальный долг через представителя. В этих условиях договор между сеньором и вассалом получил новую силу. Личные связи разрываются легче, — отношения, основанные на земле, приобретают несокрушимую мощь. Вассалитет, связанный с бенефицием, пустил глубокие и прочные корни.

IV. Слияние должностей с бенефициями. Наследственность должностей

Кроме только что описанных, действительность знала иные комбинации.

Прежде всего, короли смотрели, как на вассалов, на побежденных ими государей, которым они оставляли под своим верховенством известную долю независимости. Когда баварский герцог Тассилон признал в 757 году власть Пипина, он коммендировался ему в вассалы. В 781 году он восстал против Карла Великого. Карл подавил мятеж и помиловал ослушника, при условии возобновления присяги верности. Баварское герцогство трактуется здесь, как бенефиций, который держат от короля. Датский король Гаральд отдал Людовику Благочестивому себя и свое государство[597]. Славянские князья таким же путем отдавались в вассалитет королям франков. Сами каролингские принцы, получая от родителей своих части королевства, становятся их вассалами. Бернард, король Италии, приносит верность Людовику Благочестивому.

Но вскоре, — и это еще знаменательнее, — в герцогах и графах начинают тоже видеть вассалов короля. Мы видели уже, что к их должностям приписывались известные земли, которые они эксплуатировали. Земли эти сделались бенефициями, а они сами, в силу ассоциации, какая установилась между бенефицием и вассалитетом, — вассалами. Саму должность их стали рассматривать только, как дополнение к бенефицию, а потом и прямо, как бенефиций. Слово honor стало означать должность и бенефиций. Таким образом, должность — officium, перестала быть общественной функцией, выполняемой в интересах государства. Она стала наградой для верного воина и слуги.

Те же отношения устанавливаются между королем и людьми Церкви. Король распоряжается многими аббатствами; аббаты, назначаемые им, становятся его вассалами. Король управляет доменами вакантных епископств. Вновь назначенный епископ принимает их из рук короля и приносит ему клятву верности, сперва за земли, а затем, по естественному смешению понятий, за само епископство. В этом уже кроется прецедент «коммендации». В 837 году Людовик Благочестивый уступает Карлу Лысому часть своих государств. Он собирает магнатов, и «по повелению императора, аббаты, графы, епископы, а также vassalli dominici (вассалы короля, имевшие в этих местах бенефиции), коммендировались Карлу и принесли ему присягу верности». Когда в 869 году Карл захватил Лотарингию, — ее епископы коммендировались ему [598]. Таким образом, вассалами короля являются не только те люди, которым он дал землю, но и все государственные чиновники, епископы и «королевские» аббаты.

С другой стороны, граф, назначенный королем, в свою очередь назначал викариев и сотников. Получая от него землю, они тем самым становятся его вассалами и арьер-вассалами короля. Иерархия чиновников преобразуется в иерархию вассалов.

На вершине этой иерархии стоит король. Более того, все подданные считаются его вассалами. Уже клятвы верности, которые требовал Карл Великий в 789 и 802 [599] годах, стремятся прибавить нечто к простой подданнической присяге. «Я обещаю верность... какою человек обязан своему сеньору», — гласит клятва 801 года. Это уже присяга вассала. Карл соединял в своем лице власть главы государства и власть верховного сюзерена. От него спускалась цепь вассалов, бенефициев и должностей, и им она венчалась. Его гений и сила воли поддерживали по ней жизненный круговорот. Но, когда его не стало, движение остановилось. Сама цепь разбилась на куски, остались живыми только отдельные ее звенья, отдельные независимые группы, которые смутно понимали, что получили могущество свое от короля, и что обязаны ему известным долгом. Власть раздробилась, и на месте централизованного государства осталась пыль сеньорий.

Карл распоряжался еще по собственной воле публичными должностями. Он назначал и смещал графов. Но когда должности ассимилировались бенефициями, — и граф, и викарий начнут стремиться оставить своим детям и ближайшим своим наследникам соединенные с их должностями земли.

При Карле Лысом эта тенденция к наследственности должностей ярко скажется в Керсийском капитулярии, изданном в 877 году[600], в момент, когда Карл, отправляясь в Италию, передал сыну на время своего отсутствия управление государством. Капитулярий имеет значение временной меры, это — capitulare missorum (капитулярий посланцам). Король принимает предосторожности против королевича, которому, по-видимому, имеет основание не доверять. Ему запрещается останавливаться в некоторых дворцах, из опасения, как бы он их не опустошил. Он дает присягу, что не обидит мачехи своей Рихильды, не отнимет у нее ее аллодов и бенефициев. Вместе с тем ему запрещается замещать графства,

ставшие вакантными в отсутствие короля. По этому поводу король дает следующие указания:

«Если умрет граф, сын которого с нами, пусть сын наш, посоветовавшись с другими нашими верными, и по соглашению с епископом и министериалами, назначить кого-либо из близких друзей покойного — оберегать графство до тех пор, пока нас не известят о случившемся».

«Если умерший граф оставил несовершеннолетнего сына, пусть сын этот, вместе с министериалами графа и с епископом того диоцеза, где лежит это графство, охраняет графство до тех пор, пока мы не будем обо всем извещены».

«Если умерший граф не оставил сына, пусть наш сын, посоветовавшись с нашими верными, назначит кого-нибудь, кто с министериалами графа и епископом, охраняет графство до тех пор, пока мы не сделаем на этот счет распоряжений. И пусть никто не погневается, если потом мы дадим графство не тому, кого назначил наш сын».

Таким образом, во всех трех случаях, королевич-регент может назначить только временного правителя. Окончательное назначение принадлежит королю. Но мы видим, — если сын умершего графа находится в войске Карла Лысого, графство достанется ему. Государь не желает, чтобы этот сын, последовавший за ним на войну, был лишен наследства: уверенность в этом заставит большее число верных принять участие в его походе. Во втором случае, — если граф умер, оставив несовершеннолетнего сына, сын этот, очевидно, в общем правиле, будет со временем назначен на графство. И только — если граф умер бездетным, графство считается вакантным. Другие родные графа не имеют прав на наследство. Возможен был еще четвертый случай, когда сам граф, сопровождая короля, умрет в Италии. Об этом, однако, Карл узнавал, конечно, раньше, чем его сын и прямо назначал преемником сына покойного или иного из своих верных. Таким путем в капитулярии уже признан принцип наследственности по прямой линии.

Капитулярий продолжает: «так же следует действовать по отношению к нашим вассалам». Еще раз видим мы здесь смешение чиновников и вассалов, должностей и бенефициев.

Но самой важной статьей, быть может, является следующая: «Мы желаем и настойчиво повелеваем, чтобы епископы, аббаты, графы и другие наши верные поступали так же в отношении своих людей». Другими словами, — граф назначит викарием сына викария, аббат поставит преемником «адвоката» [601] — его сына, сеньор назовет вассалом сына вассала. Карл Лысый подписывает обязательство не только на время итальянского похода. Но по существу он является актом гораздо более широкого значения. Покидая государство, Карл Лысый высказывает желание, чтобы без него все шло так же, как при нем. Громадный интерес капитулярия именно в том, что он вскрывает создавшееся положение вещей. Он не декретирует его: политический и социальный строй не устанавливается декретами — и в этом смысле правильно утверждение, что капитулярий не есть конституционная грамота феодализма, но он показывает нам, что феодализм

установился повсюду, что он стал нормальным явлением. Он утверждался, как результат столь свойственного людям стремления укреплять за собой земли и почести, столь свойственного отцам желания жить в детях. Но и самим королям, в общем разложении общества и государства, наследственность представляется принципом порядка и устойчивости. Около каждой вакантной должности или бенефиция разыгрывается борьба желаний. Признание принципа наследственности обеспечивает мирную передачу того и другого: сын наследует отцу в правах и обязанностях.

В эпоху Карла Лысого граф получает свое графство только в силу королевского повеления. Но пройдет сто лет, и сын умершего графа будет наследовать ему ipso facto, и обряд принесения верности станет пустой формальностью. Несовершеннолетние дети будут наследовать графства, заменяя себя временно в выполнении вассального долга — представителем. Начинает признаваться и принцип наследования по боковой линии. С этого времени уже становится возможным устанавливать генеалогии глав различных сеньорий [602]. В распоряжении короля остаются еще некоторые крупные должности — должности маркизов или герцогов. Кое-какие малые фьефы долго оставались пожизненными. Время от времени король разрывал цепь и лишал сына отцовского бенефиция. Но в общем правиле уже с X века должность и, вполне слившийся с ней бенефиций — наследственны.

Когда наследственность установилась, бенефиций изменил имя. Он стал feodum, feudum — феодом. И это название дало всему новому строю имя — феодального. Сначала, в IX и X веках мы встречаем его в центре Франции: Клюни, Руэрге, Тюлле, Ниме. С XI века оно встречается повсюду, заменяя слово бенефиций. Много спорили о происхождении этого термина. Его вели от кельтского корня, связывали его с готским faginon, означающим «пользование», в противность «владению». В действительности он происходит от готского faihu, fihu (немецкое vieh), что означает — скот. По той же ассоциации идей, какую мы находим в ряду pecus (скот) — pecunia (деньги), слово faihu стало означать повинности за землю, а потом и саму землю, получаемую под условием повинностей.

Когда бенефиций и должность стали наследственным феодом, Каролинги вовсе перестали выбирать вассалов и назначать графов. Пред лицом королевской власти ее вассалы сплотились в силу, которая ставила себе собственные задачи. Казалось, графов можно было бы считать по-прежнему делегатами, чиновниками короля, только чиновниками наследственными, а не сменяемыми. Однако они окончательно утратили прежний характер. Они всецело присвоили себе права, которые прежде делегировало им государство. В момент, когда это произошло, — образование феодализма завершилось.

V. Дезорганизация публичной власти. Феодальное дробление[603]

Уже в сельском поместье меровингской поры владелец обладал целым рядом прав, которые собственно должны бы принадлежать государству. Он имел над

сервами и лидами право принуждения, которое силою вещей становится правом юрисдикции. В каролингскую эпоху поместья, как мы видели, растут, и крупная собственность начинает преобладать [604]. Владелец увеличивает свои аллоды многочисленными бенефициями, на которых также живут сервы и лиды, и вилла его тем самым увеличивается. Каролинги продолжали давать епископам, аббатам и верным дипломы иммунитета. Карл Великий одарил ими многие церкви; Людовик Благочестивый был на них еще более щедр. Иммунисты распространили свою власть на всех свободных людей домена. Они стали собирать с них фискальные повинности в свою пользу. Они стали судить их. Более того — они начинают судить и чужих людей по поводу проступков и конфликтов, возникших на иммунитетной территории. Целые округа ускользали, таким путем, от королевской власти. По-видимому, в каролингскую эпоху само содержание прав иммуниста расширилось. Раньше король запрещал вступление на иммунитетную территорию графу и его агентам. Теперь он оградил ее от самого себя, и иммунист стал совершенно независимым сеньором. С другой стороны, король продолжает давать частным лицам и церквам рынки, пошлины, доходы с монетных дворов. Не имея больше земель и графств, которые он мог бы раздавать, и вынужденный непрерывно давать что-нибудь, — он раздает доходы, регалии, которые становятся частным достоянием и рассматриваются, как феоды.

Но силу государей подтачивают в еще большей степени непрерывные, исподволь совершающиеся узурпации. Графы и герцоги все более присваивают себе публичную власть. В своих доменах и бенефициях они осуществляют всю власть земельных собственников, но эту самую власть они простирают и на все пределы герцогства и графства. В этих пределах они осуществляют за личной своей ответственностью все те государственные права, которые некогда принадлежали здесь им, как делегатам государства: суд, сбор налогов и набор войска. Граф обязан еще королю клятвой верности, которая скоро превратится в homagium (оммаж). Но связь эта довольно слаба. В действительности, граф — полный хозяин у себя. Он — король в своем паге.

Так же держит себя викарий в своем кругу власти. Иногда граф назначал в свой паг наместника — виконта (vicecomes), отдавая ему часть своих доходов. Виконт присвоил их себе, он вступал с графом в борьбу из-за обладания регалиями, и последний вынужден делиться с ним доходами своей должности. Так, наряду с графствами и викариатами, формируются виконтаты с правами, в общем, аналогичными правам графов.

Епископы получили от королей, как мы это видели, административные права. Они обязаны были наблюдать за графом, иногда судить вместе с ним. Случалось, что они приобретали настоящую сеньериальную власть в своей епископской civitas. Подобно графам, епископы, в конце концов, присвоили себе делегированную им государственную власть. Зачастую они добивались пожалования им самого графства со всеми связанными с ним правами. В таких случаях графство оставалось навсегда связанным с епископством. В 940 году Людовик IV

Заморский дал архиепископу Артольду все графство Реймское. В 969 году Лотарь, вспоминая о Константиновом дарении, пожаловал епископу Лангра графство этого округа, и т. д. Эти прелаты станут впоследствии церковными пэрами. В этой комбинации короли видели известные выгоды. Наследственные графы ускользали от их власти, тогда как всякий новый епископ — граф ждал от них назначения.

Таким образом, графы, виконты, викарии и епископы овладели публичной властью. Если бы этим ограничивалась дезорганизация, карта феодальной Франции повторила бы отчетливые кадры карты Франции каролингской. Старые графства сохранились бы с теми же границами, правильно разбитые на викариаты. Прежняя иерархия графов, виконтов и викариев сохранилась бы, превратившись в иерархию сеньоров.

Но внутри графств и викариатов всегда жило немало крупных собственников. Многие из них получили иммунитет, а земли их стали сеньориями, другие вырывают сеньорат путем борьбы. Графство и викариат таким путем дробились. С другой стороны, большие и малые сеньоры смотрели на свои сеньории, как на частное достояние. Графство делится между детьми и рассыпается на все меньшие, иногда причудливо перекрещивающиеся доли. Его куски даются дочерям и сестрам, обмениваются и продаются. Город, центр графства, отделяется от самого графства. Он распадается на два или три участка, разделяемые ручьем, улицей, условной границей. Замок принадлежит одному сеньору, бург — другому.

Но дробится не только графство, как территориальный округ. Дробится сама власть графа. Часть ее узурпируют вассалы, другую отчуждают сами графы, путем дарений, продаж и т. д. В итоге, эта власть оказалась весьма несходной, по качеству и по обнимаемому ею району. Не везде захватил граф в одинаковой степени и королевские права: граф Шартрский никогда не утверждал епископов Шартра, тогда как утверждение архиепископа и епископов Руанской провинции зависело от герцога Нормандского.

Так росли сеньориальные права из земельной собственности, или из уступки (либо узурпации) государственных прав королевскими чиновниками. Иногда эти права создавались путем специальных договоров, а иногда, наконец, как результат насилия. Сеньер, домены которого бывали опустошены, или который желал возделать пустоши и лесные местности, обращался с призывом к соседям, либо к бродячим элементам, которых было немало в Средние Века. Так поступил в середине X-го века гренобльский епископ Изарн, земли которого опустошили сарацины. Благородным он дал замки, крестьянам — земли, но он сохранил за собою «сеньорию», — целый ряд прав на послушание, на услуги и повинности, которые были установлены по общему соглашению. Таким образом, люди добровольно признала власть, которой они не были подчинены ранее. Путем свободного договора создались новые феодальные права. В других случаях сеньоры, пользуясь своей силой, требуют при известных обстоятельствах повинностей, на которые они не имели права. Привычка укрепляет их, время узаконит насилие.

Эти новые права часто создавались в стране любым пришельцем-насильником, норманном или венгром, который утверждался силой и страхом. Итак, феодальные сеньоры вышли не только из крупных собственников, иммунистов или королевских чиновников, — они вышли из авантюристов и разбойников.

Что же сталось с прежними «регалиями», которыми распоряжался король, и от его имени государственные чиновники? Что сталось с налогами, военной службой, судом?

Всматриваясь в то, как собирались налоги в каролингскую эпоху, мы поймем, почему они превратились в частную повинность. Писанный кадастр, libri censuales, исчез и для земельного, и для личного налога, и больше не возобновлялся. Обложение основывается на обычае. Налог стал «кутюмой». Для сеньоров не было ничего легче, как сохранить для себя налоги, которые потеряли правильный характер публичных сборов. Понятно также, что они изменили свой характер. Граф смешивает их с цензом, который он берет с держателей своих манзов, и с личным цензом, который он взимает с сервов и лидов.

Некогда король получал во время больших собраний королевства дары от своих магнатов. С исчезновением собраний исчез и этот вид налога. Прежде та часть судебного штрафа, которая шла государству (fredus), делилась между графом и королем. Теперь граф, перестав вершить суд от имени короля, удержал fredus в свою пользу безраздельно. Что касается непрямых налогов, торговых и дорожных сборов, то уже во времена Карла Великого некоторые из них переданы были частным лицам, с обязательством содержать дороги. Теми же, которые принадлежали королю, он распоряжался — мы это видели — в пользу церквей и светских сеньоров. То, чего он не отдал добровольно, было узурпировано и стало частным достоянием. Никто не думает больше о том публичном интересе, во имя которого были установлены эти налоги. На пошлины и дорожные сборы начинают смотреть, как на доходы с именья. Их дают в качестве бенефиция, делят между несколькими владельцами, и в довершение зла они растут и множатся. Каждый земельный собственник претендует на право поставить барьер посреди дороги и требовать взноса с проходящих людей и товаров.

На какие доходы может отныне претендовать государь? И он, как и его магнаты, вынужден жить со своих земель. Но ведь он роздал свои земли. К концу падения династии у государя не осталось ничего...

Подобно публичному налогу, и церковный налог, десятина, попадает в частные руки. Карл Великий сделал ее обязательной. Неоднократно, однако же, случалось, что Церковь, нуждавшаяся в деньгах, за единовременное крупное вознаграждение раз и навсегда отчуждала свои десятины. Иногда она уступала часть десятин в качестве феода сеньорам, покровительство которых хотела обеспечить за собой. Десятина, став частной собственностью, продается, подразделяется, инфеодируется и подъинфеодируется. Какое-нибудь частное лицо, совершенно чуждое той или иной вилле, владеет в ней наследственно «4/5 с 5/12» десятины с хлеба; другое — захватило в ней «2/3 с 1/8» десятины с винограда. Церковь, как

мы выше указывали, принадлежит владельцу виллы. С разрешения епископа, он назначает настоятеля этой церкви, которому в вознаграждение должен предоставить доходы с «манза», причисленного к церкви, и доходы от треб. Но часто, вместо всего этого, он назначает ему настоящее жалованье и взимает сам церковные десятины, как и платы за мессы — молебны, за венчанья и погребения. Он торгует в розницу этими священными правами и делает из них феоды.

Одним из важных государственных прав, одной из доходнейших «регалий» было право чеканки монеты [605], и очень понятно, что Каролинги при их вступлении во власть настойчиво на него претендовали. К концу каролингской эпохи, однако, и это право попадает в руки частных людей. Способ этого перехода очень характерен для того пути, каким вообще узурпировались и разлагались регалии.

Уже в царствование Пипина, Карломана и Карла мы, рядом с денариями, чеканившимися во дворце, видим также денарии, чеканившиеся в монастырях и капитулах [606].

С одной стороны, они носят имя короля, с другой — имя святого, которому посвящена данная церковь или обитель, либо — имя города. Это все, несомненно, королевские монеты. Но доходы с чеканки предоставлены королем церквам и аббатствам. При Каролингах число таких пожалований только возросло. Они обыкновенно соединялись с дарованием права рынка. Для процветания рынка ему необходимо иметь монетный двор поблизости, чтобы купцы могли разменять свои слитки или вышедшие из употребления деньги на ходячую монету. Так, в 827 году император Людовик жалует «монету» (monetam) св. Медарду Суассонскому. В 873 году Карл Лысый дает ее св. Маммесу Лангрскому и св. Стефану Дижонскому, etc.

Короли не отказываются в этих случаях от самой регалии. Они жалуют не ius monetae (иначе, ius cudendae monetae, право чеканки монеты) но, отчасти или целиком, доходы с этой чеканки. Однако, мало-помалу, путем систематической узурпации, все эти учреждения присваивают себе право чеканить монету от собственного имени. К имени святого или города они начинают в таких случаях прибавлять личные эмблемы. В царствование Людовика Благочестивого епископы Страсбурга начинают прибавлять к легенде Stratbur-gus завиток — намек на епископский посох, а впоследствии — их собственные инициалы: O d. вм. Odbertus (Одберт) (907—913) и т. д. Монета из королевской становится епископской. В 974 году Оттон II санкционировал этот факт, признав за епископом Эркембальдом монетное право, и с этих пор имя епископа пишется полностью на епископских монетах. Епископы Тулузы и архиепископы Реймса ставили на монетах свои инициалы или полное свое имя уже ранее избрания Гуго Капета. Архиепископ Реймса Адальберон совсем отбросил все каролингские знаки, сохранив только имя Лотаря; аббаты Корбии со времен Эда отбросили имя короля. Поэтому обе монеты считаются первыми феодальными монетами.

Это право рано узурпировали и графы. Многие из них имели надзор за монетными мастерскими. Они начинают эксплуатировать их в свою пользу. Затем

они узурпируют монетное законодательство, определяя вес и цену монеты. Они сохраняли, конечно, королевский тип, но мастерская уже принадлежала им: это ясно доказывается тем, что они ставили на монетах не имя царствующего короля, а того последнего короля, власть которого они еще признавали. Таким образом, иммобилизировался тип Карла Лысого. Новая феодальная монета могла бы не иметь хода. Отсюда вытекала необходимость сохранять королевский тип, как в Меровингскую эпоху — византийский тип. Вскоре, под тем предлогом, что они не знают, кто из боровшихся в конце X века кандидатов есть настоящий король Франции, графы отбросили имя короля, не заменив его, однако, никаким другим и сохранив только обозначение города. В этих анонимных монетах можно видеть первые светские феодальные монеты. Во вторую половину IX века некоторые бароны решились, наконец, поставить на монетах свои имена. Таким образом, пример был дан раньше, чем Гуго Капет стал королем, и вскоре Франция узнала бесчисленное множество сеньериальных монет.

Нет больше и королевской армии. Во времена Карла Великого военная служба базировалась на обладании известным числом земельных манзов, все равно, на аллодиальном или на бенефициарном праве. Когда аллоды исчезли, военная служба легла исключительна на бенефиций. Затем, как мы видели, бенефициарий призывается в войско своим сеньором. Вскоре он будет помнить свой долг только перед ним, а сеньор начнет считать руководимую им армию своей и подчинять ее своим целям. Когда король позовет его на войну, он сочтет себя в праве отказаться и даже может повести свою армию против короля.

Был один случай, в котором, в принципе, все население обязано было идти на войну. Это случай, когда королевство подвергалось нашествию. Тогда провозглашался «Landwehr». «Пусть весь народ подымается, чтобы общим усилием отразить нашествие», — гласит Меерсенский капитулярий 847 года, а эдикт 864 года повторяет: «Пусть приходят для защиты отечества все, без всякого извинения». Но во времена нашествий венгров, норманнов, сарацин уже не было общей защиты, а была только местная.

Чтобы быть в силах противостоять врагу, тот, кому устрашенное население доверило эту защиту, воздвигает замок на возвышенном месте, на изгибе реки, на скрещении двух дорог. Эти замки, firmitates, окружены обыкновенно несколькими оградами, состоящими из бревен и плетня (haiae), которые переложены камнем. В центре, на самой высокой вершине (la motte) высится главная башня, круглая или квадратная, — донжон. Подле донжона на большую глубину врыт колодце. Окрестное население приносит камни и бревна на укрепление замка, оно воздвигает его стены. Оно же несет сторожевую службу, и когда враг близится, оно сбегается в ограду и участвует в защите. В конце IX века королевство Франции покрывает чешуей феодальных замков, и эти крепости становятся столицами новых сеньорий [607].

Замки эти дают возможность сеньору пренебрегать королевской властью, а также теснить крестьян, которые его построили. Скоро они станут для

населения страшнее норманнов. Карл Лысый на Питрском собрании 864 года повелел их разрушить, с угрозой сорвать их самому, если его повеление не будет выполнено в установленный срок. Но он был бессилен выполнить свою угрозу, и замки продолжали расти, испещряя карту Франции.

Король теряет и свои судебные права. Сеньоры всех родов распоряжаются правосудием, но в неравной мере. Графы продолжают судить, отныне от собственного имени, важные дела, касающиеся жизни и свободы. Таков источник того, что называлось в феодальном мире iustitia alta, haute justice (право высшей судебной власти). Викарии судят меньшие дела, vicaria или viaria, которые составят содержание basse justice (низшей судебной власти). Но все эти разграничения не безусловны и не носят характера общности. И здесь царит большая сложность. Правосудие рассматривается прежде всего, как источник наживы, как consuetudo, — доходная кутюма. В этом качестве, ее можно отчуждать, делить, трактовать ее, как фьеф. Суд графа и викария таким путем дробится. В пределах старого графства возникает множество переплетающихся правосудий. В одной и той же деревне один сеньор имеет «низшую юстицию»; другой среднюю, третий — высшую. Разделение правосудия совершается и вертикально: один сеньор судит одних жителей, другой — других, в зависимости от случайностей договоров и продаж. И этот сеньор-судья может быть лицом отличным от коренного собственника виллы, от сеньора — владельца десятин, от патрона церкви. Полное смешение наступило и в этом вопросе.

Следует ли удивляться, что в момент, когда власть таким образом рассеивается, мы не встречаемся уже с мероприятиями общего характера, имеющими в виду публичный интерес? Законодательная деятельность короля остановилась. После знаменитого капитулярия, данного в Керси-на-Уазе 14 и 16 июня 877 года, мы можем указать разве только на некоторые меры, принятые Карломаном против разбойников и грабителей (22 февраля 883 г.), на некоторые постановления, какими этот король стремится восстановить порядок в своем дворце, и напоминает крестьянам и священникам обязанности гостеприимства. К чему законодательствовать, когда у короля нет сил, чтобы сделать законы действенными? Да и кроме того, вообще исчезла потребность в общих правилах. Горизонт сильно сузился, умы не подымаются над мелкими фактами местной жизни. В жизни действительны только индивидуальные соглашения, и ничто не отличает больше тех договоров, которые подписывают короли (дипломы) от тех, которые издаются от имени церквей или сеньерий (хартии).

Так завершается эволюция от монархии к феодализму. Феодальный строй является нам с тремя характерными чертами.

В монархическом государстве личности имеют над собой только короля. Они обязаны ему индивидуально повиновением, потому что они — подданные. Он — их единственный владыка, dominus. При феодальном строе личности образуют группы, члены которых привязаны друг к другу взаимными клятвами верности и покровительства. Сам король является главой одной, самой большой из этих

групп. Члены этой группы обязаны ему послушанием, не столько в качестве подданных: они взяли на себя по отношению к нему специальные обязательства, строго определенные. Все группы, создавшиеся в государстве, связаны одна с другой. Они составляют иерархию, которая венчается королем.

Далее, так же как существует иерархия личностей, существует иерархия земель. Полная собственность, свободно наследуемая и отчуждаемая, существует только в виде исключения. Владения обусловлены одни другими; одна земля зависит от другой, которая в свою очередь зависит от третьей, и т. д. Иерархия земель и иерархия личностей сливается в нечто единое, в чем реальный момент доминирует над личным: res — вещь, земля дает человеку его качество.

В третьих, король потерял большую часть государственных прав. Они осуществляются сеньорами — владельцами феодов: сеньоры собирают налоги, набирают войско, вершат суд. Они — независимые господа на своих землях, связанные только известными обязательствами в отношении сюзерена.

VI. Образование больших феодов

Когда феодальный строй победил, казалось, что Франция обречена была дробиться до бесконечности. Но, параллельно с разлагающими силами, в ней начнется работа сил, восстановляющих государственное единство. Известное число феодальных сеньоров сумеют распространить свою власть на обширные территории и сделать эту власть весьма прочной. По их примеру король, верховный сеньор, станет увеличивать и организовывать свой домен. Из него-то он и будет извлекать ресурсы, которые позволяют ему сделать власть свою действительной на всем протяжении королевства Франции, от Шельды до Испанской марки, от Мааса до Атлантического океана и воссоздать единство Франции.

Ранее всего обнаруживается стремление графов воссоздать свое графство в его пределах. Путем покупок, войн, удачных договоров они опять сделаются господами тех частей, которые были от него отрезаны. Они срывают замки, мешающие их росту. Они принуждают своих вассалов к действительному повиновению. Феодальные графы Вермандуа и Суассона вернулись к границам каролингских графств того же имени. Но многие графы раздвигают свои границы и за счет соседних. Приобретя где-нибудь вне своих границ клочок земли, они немедленно воздвигают на нем замок и не знают покоя до тех пор, пока не захватят власть над соседней территорией и не сольют непрерывной цепью захваченных земель замок этот со своим графством. Так графы Анжуйские, построили на Луаре замки Амбуаз, выше Тура, а ниже его — Ланже; и Тур, запертый между этими двумя крепостями, вынужден будет признать в 1044 году их власть. Аналогичной политикой они расширили графство Анжуйское в двух направлениях. Так создался огромный феод, владельцем которого станет некогда герцог Нормандский и Аквитанский и король Англии [608]. Нередко в руках могучих сеньоров сосредоточивалось два, три и более графств, сливающихся в одну территорию или

разбросанных в разных частях Франции. Брачный союз сочетал, таким образом, графства Ле-Манса и Анжу, и воды, скрещение которых образует Мэн, оросили большей частью своего течения земли Плантагенетов. Амьенские графы приобрели графство Мантское и французский Вексен с городами Шомон и Понтуаз. Графства Блуа и Шартр, виконство Сансерр и, одно время, графство Турское принадлежали одному и тому же сеньору. К 1023 году эта же семья приобретает графства Труа и Бри, основные узлы, вокруг которых впоследствии создастся великий феод — графство Шампанское. Случалось, наконец, что каролингские короли уступали какому-либо могущественному вождю целую страну, включающую большое число графств. В 863 году Карл Лысый сделал из страны к югу от Шельды марку, — маркграфство Фландрское и отдал власть над ним своему зятю Балдуину — «Железной-Руке». Эта область простиралась вначале от Шельды до Аа. Преемники Балдуина увеличили ее на юг[609]. Карл Простой и Рауль точно также уступили Роллону и Гильому, по прозванию «Длинный-Меч» тремя пожалованиями (911, 923 и 933 года) всю церковную провинцию Руана, страну, которая несколько позднее получит имя Нормандии. Так над малыми сеньориями в стране создается известное число больших феодов.

Главы некоторых из этих феодов сумеют сделать свою власть сильной. Герцог Нормандии требует повиновения от всех подчиненных ему вассалов прямо, без всякого посредничества. Он создает общие учреждения, делает общие постановления, которые бароны его обязаны соблюдать. Он сохраняет за собой одним монополию высшей юстиции, ius spatae; он один осуществляет право опеки несовершеннолетних из благородных семей. Он один имеет право на рыбу, выбрасываемую волнами на берег, на так наз. warech, т. е. все, что море выбрасывает на землю. Он создает центральную и местную администрацию, которая вся находится в его руках. Другие сеньоры, конечно, не имеют такой абсолютной власти. Но все они обращают взгляд свой на это нормандское герцогство и стараются подражать его герцогу, каждый соответственно своим ресурсам, слабости своих вассалов и личному своему темпераменту.

VII. Восстановление королевской власти

В свою очередь король, лишенный, как мы это видели, всех своих прерогатив, поставит задачей своей восстановить в ее прежних пределах королевскую власть. Пособника в этом случае он найдет в самом феодализме.

Феодализм слагался постепенно, но когда он уже создался, явилась потребность установить его основы и формулировать правила. В 1066 году, когда норманны завоевали Англию, они вводят на острове строй, родившийся на континенте. А когда крестоносцы создали Иерусалимское королевство, они в XII и XIII веках кодифицировали феодальные обычаи в том памятнике феодального права, который называется Иерусалимские Ассизы. В самой Франции в XIII веке появились юрисконсульты, как автор сочинения Livre de Justice et Plaid (Книга

правосудия и тяжбы), как Пьер де Фонтен, Филипп де Бомануар, которые сделали попытку извлечь из фактов феодальную теорию. В силу этой теории, на вершине здания стоит верховный феодальный сеньор, seigneur fieffeux, сюзерен сюзеренов, сеньор — король. Он является «ключом свода постройки». Он имеет два рода непосредственных, прямых вассалов. Это, во-первых, вассалы его домена и, во-вторых, герцоги и графы, стоящие во главе больших феодов. Они должны принести ему покорность, hommage, и клятву верности. Она обязывает их доставлять ему auxilium, т. е. личную и денежную помощь, и consilium, т. е. помощь советом. Вассалы герцогов и графов являются арьер-вассалами короля. Находясь под началом своего прямого сеньора, они также имеют обязательства относительно короля, смотря по весьма разнообразно варьировавшимся положениям феодального договора. Теоретически — все домены вассалов идут от короля непосредственно; домены арьер-вассалов идет от него же опосредованно, и король является, таким образом, верховным собственником королевства, от которого исходят все феоды и все земли.

Феодисты провозглашают далее, что королю должен быть уплачен выкуп всякий раз, как положение феода изменяется, т. е. когда он продается, передается по наследству, дается Церкви, приобретается человеком неблагородного звания. Они провозглашают, что ни один феод не может быть «уменьшен» без согласия сюзерена, что без его согласия не может быть создана коммуна в ущерб феоду. По мере того, как определяются принципы феодализма, растет могущество короля-сюзерена. Феодализм, рождаясь, лишил короля его прерогатив; формируясь — он даст ему новые.

Усилия, которые сделали в свое время крупные феодалы для укрепления своей власти, пойдут с течением времени на пользу королю. Сперва он утвердится внутри своего домена, и затем, выступив на завоевание своего королевства, присоединит одно за другим создавшиеся герцогства и графства. Придет час, когда он сольет границы Франции с границами своего домена, и тогда окажется, что сеньоры, работавшие над организацией своих государств, трудились для него. В этот день он будет не «верховным» собственником, а действительным и единственным владельцем своего государства.

Но король был не только верховным сюзереном. Он был преемником римских цезарей. Власть его была старше феодализма, она стояла вне и выше его. Он был король, король — судья, король — глава войска, защитник королевства. Теоретически он сохранил эти признаки в пору величайшей своей слабости. И даже в эту пору сделан будет важный шаг. Сыновья Пипина, Карла Великого, Людовика Благочестивого и Людовика Заики делили царство, как вотчину; с 888 года был только один король. Лотарь царствует, устранив брата своего, Карла Лотарингского. Он делает второго своего сына, Оттона, каноником, чтобы он не оспаривал корону у старшего брата своего, Людовика. Таким образом, королевская власть становится во Франции монархической, и положение, начавшее устанавливаться при последних Каролингах, примут и укрепят Капетинги.

Позднее, в XII и XIII веках этот вне феодальный король найдет в римском праве принципы, аргументы и тексты, с помощью которых он восстановит свою суверенную власть. Из теории королевской власти, которая не затонула в крушении королевских прав, легисты сумеют вывести все кроющиеся в ней заключения. Бомануар, переводя знаменитую латинскую фразу: Quidquid principi placuit, lex esto (все, что угодно государю, да будет законом), скажет: «все что ему будет угодно сделать, должно считаться законом».

Наконец, королевская власть сохранила свой церковный и священный характер. Со времени царствования Пипина Церковь помазывает короля. Лотарь, чтобы обеспечить престол сыну своему Людовику, заставляет помазать его при своей жизни, — политика, которой будут следовать и Капетенги. Выйдя из Реймского собора, король является помазанником Божиим. Божественная печать почиет на нем. Ослушаться государя, значит противиться Богу. По выражения Ренана, царское помазание есть восьмое таинство, на котором основывается религия королевской власти. Среди полной раздробленности феодального мира, Церковь не перестает провозглашать универсальный характер королевской власти.

Итак, королевская власть не исчезла. За нею — ее престиж, воспоминания ее могущества и величия, известное число прежних прав, а также и новых, родившихся из самого феодализма. Среди общественных бедствий она будет являться, как надежда; среди анархии, — как начало порядка, среди печальной действительности, — как идеал. Медленно, путем непрерывного творческого усилия, она воссоздаст и сформирует Францию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ernest Lavisse. Histoire de France, T. I, 2 partie (par G. Bloch); t. II, 1 partie par Ch. Bayet, Ch. Pfister, A. Kleinclausz, Paris (Hachette), 1900–1903.

[2] Что касается библиографии — редакция перевода дополнила литературу подлинника только указанием некоторых важнейших иностранных и русских книг, появившихся за период 1900–1913 г., и воздержалась от систематической сводки новой литературы, которая бы загромоздила книгу — не в интересах данного типа издания.

При передаче собственных имен (географических и личных), в общем, приняты следующие правила. Географические имена Римской Галлии даются, при первом их упоминании, в подлинной латинской форме (Burdigala, Aquae Tarbellicae) с современным французским эквивалентом (Бордо, Дакс). В дальнейшем — дается только последний. Имена личные даются в латинской форме, если речь идет о лицах, живших до XI в. (Дезидерий, Одон), в германской — для ранних варварских королевств (Хлодвиг, Гунтрамн, Эйрих). С XI в., — а для рано романизовавшихся частей Галлии и раньше, — доминирует французская форма (Дидье, Тьерри, Эд, Эрик). Есть, впрочем, случаи, когда мы не решаемся выдержать этот принцип, отступая перед непривычностью подлинной формы. Мы пишем Клотильда, а не Хротихильда, Хлотарь, а не Хлотахарий, Гунтрамн, а не Гунтхрамн. Таких отступлений, надеемся, очень немного, и их нам не поставят в упрек. В распределении материала мы сохранили деление на книги, главы и параграфы, но уничтожили деление на тома и части, слишком осложняющее систему книги.

[3] Общая библиография. Источники. Тексты, относящиеся к истории кельтской и римской Галлии, большей частью собраны в 1-м томе Recueil des historiens des Gaules et de la France, изд. Dom. Bouquet. Греческие тексты частью собраны у Cougny et Lebègue. Extraits des auteurs grecs, concernant la géographie et Phistoire des Gaules. 1888–99. Что касается эпиграфических текстов — см. II-ю часть.

Пособия. Ruelle. Bibliographie générale des Gaules. 1880–86, сочинение не вполне удовлетворяющее в настоящее время. Исчерпывающим для истории независимой Галлии, по широте плана и богатству библиографических указаний, является Camille Jullian. I. Les invasions gauloises et la colonisation grecque и II. La Gaule independante. Paris, 1908, составляющие первые два тома задуманной автором Histoire de la Gaule. Классические и всеобъемлющие соч. Amedée Thierry. Histore des Gaulois, 10-е изд., 1877 и Histoire de la Gaule sous la domination romaine, 4-е изд. 1878 г. в настоящее время приходится признать значительно устаревшими. Для географии Галлии см. Desjardins, Géographie historique et administrative de la Gaule romaine, 1876–99, а также т. I-й Lavisse, Historire de France (Tableau de la géographie de la France, составл. Vidal de la Blache) 1908.

[4] Из общих сочинений по археологии см. Sophus Müller, Urgeschichte Europas. Grundzüge einer prähistorischen Archaologie, Страссубрг, 1905; Нидерле, Человечестов в доисторические времена, перев. с чешского Ф. К. Волкова, СПБ. 1898. Специально для Галлии: S. Reinach, Description raisonnée du musée de St.-Germain, I, 1889, дает библиографию до этого года и список периодических изданий; Carthaillac, La France préhistorique, 1889; Dechelette, L'archéologie préhistorique, 2 тома (еще не окончено).

[5] Кроме сочинений, указанных в § 1-м, см. Dictionnaire archéologique de la Gaule, 1867–77 (неполный). S. Reinach, соч. указ. в § 1-м. Каталог того же музея с библиогр. приложениями, 3-е изд., 1899. Его же, Le mirage oriental в l'Anthropologie, 1893. Bertrand, Archéologie celtique et gauloise, 1889. Его же, La réligion des Gaulois, 1897. Munro. The lake Dwellings of Europa, 1888.

[6] Предполагали, что между двумя фазами каменного века во Франции лежит перерыв, вызванный целой цепью геологических и климатических переворотов, которые на долгий ряд веков сделали Европу необитаемой. Она вторично будто бы населилась выходцами из Азии, принесшими высшую культуру. Таким образом, теория «hiatus» комбинируется с теорией восточного влияния. Они имеют теперь мало сторонников. Большинство ученых признают в появлении неолитического материала и соответствовавшего ему быта результат медленного, постепенного развития.

[7] К сочинениям, указанным в § 2, следует прибавить: Reinach, La sculpture en Europe avant les influences gréco-romaines. L'Antropologie, 1893. Bertrand, Les Celtes dans la vallée du Po et du Danube, 1894.

[8] От La Tène — стоянка в Швейцарии близ Невшателя.

[9] Источники. Тексты очень разбросаны. Их цитирует, критикуя, d'Arboisde Jubainville. Lesa, premiers habitants de l'Europe, 2-e ed. 1889–94. (Они большей частью заимствованы у греч. историков и географов). Его же, Autour de l'antiquité à consulter sur les Celtes, Paris, 1908.
Пособия. Desjardins, Géographie de la Gaule II. D'Arbois de Jubainville, op. cit. Müllenhof, Deutsche Altertumskunde, III, 1892. Hirschfeid, Aquitanien in des Römerzeit (Sitzungsberichte Berl. Acad.). Rice Holmes, Caesar's Conquest of Gaul, 1899. Mehlis, Die Ligurerfrage, "Archiv für Anthropologie", 1899. Родство басков и иберов доказывал G. Humboldt, Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner. Hispaniens vermittelst der baskischen Sprache, 1821. Его теория поддержана Люшером — Luchaire, Les Origines linquistiques de l'Aquitaine, 1877. Из новейших — Hirt, Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihr Urheimat und ihre Kultur, Strassburg, 1905, t. I. Feist, Europa im Lichte der Vorgeschichte und die Ergebnisse der vergleichenden indogerm. Sprachwissenschaft, Berlin, 1910, 2 т. Mueh, Die Heimat der Indogermanen, Berl., 1904. Meillet A., Les dialectes indoeuropéens, Paris, 1908. Jullian, Histoire de la Gaule, t. I, r. VI и VIII.

[10] Он дошел до нас в поэтической компиляции Ora maritima, составленной в IV в. по Р. Хр. Фестом Авиеном. Греческий перипл, которым она вдохновляется, относится к V в. до Р. Хр. Вероятно, последний составлен марсельцем и подражает карфагенскому периплу.

[11] D'Arbois de Jubainville, «Comptes rendus de l'Acad. des Inscriptions», 18 juin 1897. Если это верно, лигурский яз. — близкий родич италийским. Bréal. Lettre à M. Alexandre Bertrend sur le mot gaulois «brataude», «Révue archéologique», 1897.

[12] Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 1899, p. 512 слл.

[13] Desjardins, Géographie de la Gaule, t. II. — Müllenhof, Deutsche Alterthumskundo, I, 1870. Bérard, La Mediterranée phénicienne, «Annales de géographie», 1895–96.

[14] Источники. Самыми богатыми являются тексты Юстина, XLIII, 3–5 и Страбона, IV, 1. Что касается текстов, относящихся к основанию города, см. Hermann, Griechische Staatsalterthumer, 1875, § 78, № 28.
Пособия. Herzog, Galliae Narbonnensis historia, 1864. Desjardins, II, p. 140 сл. Müllenhof., I, p. 211 слл. Hirschfeld, Gallische Studien, «Sitzungsberichte der Wiener, Acad.», I, 1883. Castanier. Origines historiques de Marseille et de la Provence, 1896. Clerc, Le développement geografique de Marseille depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Извлечение из труда Etudes sur Marseille et la Provence, изданное Географ. Обществом по случаю геогр. конгресса в Марселе 1898 г. L. de la Saussaye, Numismatique de la Gaule Narbonnaise, 1842. S. Reinach, Statues archaïques de Cybele, в «Bulletin de correspondence hellénique» 1889. Clerc, Massallia, Histoire de Marseille dans lantiquité (1909). Jullian, Hist. de la Gaule, t. I, гл. V, X и XI.

[15] В 1845 г. в Марселе открыта длинная финикийская надпись на камне, представляющая тариф повинностей, собиравшихся в пользу жрецов Ваала за жертвы, принесенные этому богу (Corpus inscriptionum semiticarum № 165). Основываясь на ней, утверждали, будто фокейскому поселению предшествовало финикийское. Имя Massalia, необъяснимое

из греческого, поддерживало эту гипотезу. Но геологическое исследование доказало, что сам камень взят из тунисских каменоломен. С другой стороны, характер начертания не древнее V–IV в. до Р. Х. Ренан думает, что камень занесен в Марсель случайно. Возможно, что он указывает на карфагенскую колонию в эллинском городе. Недавно, в 1897 г. в Авиньоне была открыта другая, более краткая финикийская надпись. Местное происхождение этого памятника также не доказано (Clerc Note sur l'iinscription phenicienne d'Avignon «Comptes rendus de l'Acad des Inscr.» 10 juin, 1898).

[16] В Колиньи недавно найдены бронзовые таблицы, в которых усматривали галльский календарь, соответствующий циклу Метона и переведенный с греческого. Если это так, то греческое влияние, идущее южным или дунайским путем, оказалось бы еще глубже, чем думали доныне. К сожалению, характер этого любопытного памятника недостаточно установлен. См. Jullian, «Revue historique», I, 1899, p. 329–330.

[17] См. книгу II, гл. I, § 1.

[18] Источники. См. § 1.
Пособия. Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837. Desjardins, Géographie de la Gaule, II. Müllenhof, Deutsche Alterthumskunde II, 1892. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen etc... Berk., 1895. D'Arbois de Jubainville, Les prémiers habitants de l'Europe, II, 1894. Его же, L'empire celtique au IV siécle avant notre ére, в «Revue historique», 1886. Bertrand, Les celtes dans la vallée du Po et du Danube, 1895. О кельтских языках капитальным исследованием является Zeuss, Grammatica celtica, нов. изд. 1871. См. С. Jullian, op. cit., гл. VI, VIII, XII.

[19] Относительно физической и политической номенклатуры и вообще кельто-германского словаря см. d'Arbois de Jubainville, op. cit.

[20] S. Reinach, L'etain celtique, «l'Antropologie», 1892.

[21] Версия Тита Ливия о вторжении кельтов в Италию (V, 34–35) заключает двойную ошибку: относительно времени и исходного пункта этого движения. По Титу Ливию оно началось от страны битуригов, из долины Шера. Эта версия создалась тогда, когда кельты покинули Германию и сосредоточились во Франции. См. d'Arbois de Jubainville, L'empire celtique au IV siécle. S. Reinach, Le récit de Tire Live sur la migration gauloise; p. 205–212 труда Bertrand, Les Celtes dans la vallée du Po et du Danube. Hirschfeld, Timagenes und die gallische Wandersage, в «Sitzungsberichte Berl. Academie», 1894.

[22] Hirschfeld, Aquitanien in der Römerzeit, в «Sitzungsberichte der Berliner Academie». 1896.

[23] Источники. Caesar, De bello gallico. Strabo, IV, 1–3. Plinius, Hist. nat., III, 31–38; IV, 105–110. Ammianus Marc., XV, 11.
Пособия. Desjardins, Géographie de la Gaule, II. Lognon, Atlas historique de la France. 1-re livraison, 1884. Относ. слов кельты, галаты, галлы см. d'Arbois, de Jubainville, Les prémiers habitants de l'Europe, II p. 393 слл. Bertrand, Archéologie gauloise et celtique, ошибочно утверждает, будто бы надо отличать галлов и кельтов. Jullian, op. cit. der t. II, гл. I и XIV Cramer. Die Verfassungsgeschichte Germanen und Kelten, Berlin, 1906.

[24] Географическое распределение этих племен можно восстановить по возникшим в них областях и получившим по ним свои имена старым и новым городам. См. Lavisse, Hist. de France, t. I, p. 29.

[25] Это можно доказать почти для всех. См. Holder, Alt-celtischer Sprachschatz (издается с 1896 г.) и этимологич. разъяснения M. Ernault в словаре, приложенном к Комментариям Цезаря в изд. Benoits et Dosson (Hachete).

[26] D'Arbois de Jubainville, op. cit., p. 4–9.

[27] De bello gallico, II, 29.

[28] Ibid., II, 4; VI, 32. Надо сознаться, что эти сообщения вызывают сомнения. Имена кондурсов, эбуронов, их королей — Катуволка и Лонбиорикса — кельтские. Цезарь мог смешать этнографическое и географическое происхождение, приняв за германцев тех белгов, которые ранее других перешли Рейн.

[29] Гл. II, § 1.

[30] De bell. gall. I, 1. Strabo, IV, I, 1.

[31] Источники. Caesar, De bell. gall. Strabo IV, 1–5. Diod. V, 25–32. Plin. Hist. nat passim. Am. Marc. XV, 12.
Пособия. Dictionnaire archéologique de la Gaule. 1867 г. неполный. S. Reinach. Catalogue du musée de St.-Germain, с библиогр. прим., 1899. Roger de Belloguet, Ethnogénie gauloise, III, 1868. Bertrand, Archéologie celtique et gauloise, 1889. Его же, Les celtes dans la vallée du Po et du Danube, 1895. — Beloch, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1886. Die Bevölkerung Galliens zur Zeit Caesars, «Rheinisches Museum», 1899. Levasseur, La population française I, 1889. Maury, Les forêts de la Gaule, 1867. D'Arbois de Jubainville, Recherches sur l'origine de la proprieté foncière et des noms des lieux habités en France, 1890. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen и т. д. I, 1895. Flach, L'origine gistorique de l'habitation et des lieux habités en France, 1899. De la Noe, Les principes de la fortification antique, 1890. Bulliot, Fouilles du Mont Beuvray, Autun, 1899. Quicherat, Histoire du costume en France, 1875. S. Reinach, Les gaulois dans l'art antique, «Revue archéologique», 1888, 1889. Th. Reinach, Les chars armés de faux chez les anciens gaulois, «Revue celtique», 1889. Bulliot et Fontenay, L'Art de l'emaillerie chez les Eduens-1875, Daubrée et Gaidoz, L'exploitation des metaux dans la Gaule, «Revue archéologique», 1868 и 1881. Cartailhac, L'or gaulois, «Revue d'Antropologie», 1889. Bartelemy, «Comptes rendus de l'Acad. des Inscr.» 14 fevr. 1890; 5 août 1892. H. de la Tour, Atlas de monnaies gauloises, 1892. Jullian, op. cit., t. I, II, III и IX; t. II, гл. VI–XII. Cramer, op. cit.

[32] Эти две группы не граничат вплотную друг с другом в той области, где они расположены гуще всего: Бургундская группа простирается между Луарой и Юрой и между Вогезами и Тиролем, Шампанская раскидывается по Иль-да-Франсу, Нормандии и Бретани и продолжается в северную Германию. Стало быть, — она покрывает всю область, занятую белгами, до и после их перехода через Рейн. В Апеннинах в Марцаботто, между Пистойей и Болоньей есть обширный некрополь, многие предметы которого напоминают утварь шампанских могил. Вероятно, это след одной из тех дружин, которые, спускаясь в начале III в. с Альп, начали войну с Римом.

[33] Desjardins, II p. 112 pl. 1.

[34] Источники. Единственный капитальный и богатый текст по этому вопросу есть текст Цезаря, De bell. gall. VI, 13–24.
Пособия. Dom Martin, La réligion des Gaulois, 1727. Gaidoz, Esquisse de la réligion des Gaulois, 1879. D'Arbois de Jubainville, Introduction à l'étude de la litterature celtique, 1883. Его же, Le cycle mythologique irlandais, 1884. Mowat, Remarques sur les inscriptions antiques de Paris, в «Bulletin épigraphique», 1881–82. Monceaux, Le grand temple du Puy-de-Dome, «Revue historique», 1888. S. Reinach, Description raisonnée du musée de St.-Germain, Bronzes figurés, 1894. Berttrand, La réligion des Gaulois, 1897. Allmer, «Revue épigraphique», особенно с 1894 г. Его же, Les dieux de la Gaule celtique. См. журналы «Revue archéologique», «Revue celtique», «Revue de l'histoire des réligions», etc. John-Rhys, Lectures on the origin and growth of reliigion ar illustrated by Veltic Heathendom, 1888. Roscher, Ausfürliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie, издается с 1884 г. Дополнит. указания новейшей литературы см. Jullian. Op. cit., т. II, гл. IV и V.

[35] Изображения (simulacra) Меркурия, которые Цезарь встречал в большом числе, были не статуи. Словом simulacrum Цезарь обозначает стоячие камни или менгиры. S, Reinach, L'art plastique en Gaule et le druidisme, «Eevue celtique» 1892.

[36] Pharsal. I, 446.

[37] Ascia есть орудие, топор или молоток, выгравированный на многих галло-римских могилах и сопровождаемый формулой — Sub ascia dedicavit. Этот обычай объясняется различно.

[38] Источники. Caes. De bel. gal. VI, 13–21. Strab. IV, 4, 4–5. Diod. V, 28–31. Pomp. Mela III, 2. Lucan, Pharsale I. 447 и слл. Plin. nist. nat. XVI, 95; XXIX, 12; XXX 4. Amm. Marc. XV, 9. Plutarch V, p. 20–21. Procop. De bello gothico VI, 20.
Пособия. Roger de Belloguet, Ethnogénie gauloise III, 1868. Gaidoz, op. cit. § 2. La réligion Gauloise et le gui de chene, «Revue de l'histoire des réligions», 1880. Fustel de Coulanges, Comment le druidisme a disparu, в «Nouvelles recherches sur quelques problémes d'histoire», 1891. D'Arbois de Jubainville, op. cit. § 2. Etudes sur le droit celtique I, 1895. Его же, Les sacrifices humains chez les Gaulois et dans l'antiquité classique, в «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», 1898. Bertrand, La réligion des Gaulois, 1897. S. Reinach, L'art plastique en Gaule et le druidisme, «Revue celtique», 1883. Beauvais, l'Elysée transatlantique et l'Eden occidental, «Revue de l'histoire des réligions», 1883. Paul, Das Druidenthum, «Jahrbücher für klassische Philologie», 1892. Rice Holmes, Caesar's Conquest of Gaul, 1899 p. 532 слл. Jullian, op.cit., т. II гл. IV.

[39] Цезарь сообщает, что претенденты на эту высокую функцию оспаривали ее иногда оружием. Неясно — был ли то вид суда Божия или пережиток какого-нибудь кровавого обычая какие встречаются в первобытных религиях, или просто один из фактов междоусобной войны, частых в обществах, склонных к анархии.

[40] Источники. Cato, Origines в Peter, Veterum Historicorum romanorum reliquiae I. p. 61. Caes., de bel. gal. Strab. IV, 4. Diod, V 25–32. Am. Mare, XV, 12.
Пособия. Bulliot, La cité gauloise, 1879. Glasson, Histore du droit et des institutions de la France I, 1887. Fustel de Coulanges, La Gaule romaine, 1891 (см. начало 2-й части). Его же, De la communaute des terres chez les gaulois, в «Questions historiques», 1893, Lécrivain, La proprieté foncière chez les gaulois, в «Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux», 1888. D'Arbois de Jubainville, Recherches sur l'origine de la proprieté foncière et des noms des lieux habités en France, 1890. Его же, Etudes sur le droit celtique, I. 1895. Le droit des femmes chez les Celtes, «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 1891. Collinet, Droit celtique et droit romain, «Revue celtique», 1896. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, I, 174 слл. Rice Holmes, Caesars Conquest of Gaul, 1899. Cramer, Op. cit., т. II гл. II и III.

[41] Полибий, описывающий нравы цезальпинских кельтов в III в. до Р. Х., сообщает, что они владеют только индивидуальной движимостью, состоящей в стадах и золоте (II, 17). Так как они знали земледелие, то у них существовала какая-то форма владения землей — мы не знаем только в руках какой группы. В самой Галлии, если не существовало личной земельной собственности, то существовала, несомненно, семейная. Иначе как объяснить силу богатства, обширную клиентуру Верцингеторикса, Думнорикса и т. п.? Британские кельты, кроме прибрежных, вели еще жизнь пастухов-номадов, когда их посетил Цезарь.

[42] S. Reinach, Les Vierges de Sena, «Revue celtique», 1897.

[43] См. кн. 3, гл. II, § 2, 3 и 6.

[44] Источники и пособия см. § 3 и 4.

[45] См. Caesar, De bel. gal.

[46] Источники. Об Ганнибале в Галлии и об отношениях Марселя и Рима: Polyb. III, 40–45 и 95; XXXIII, 4. T. i t. Liv., XXI, 23–37. О завоевании и управлении Провинции. Tit. Liv. Perlochae, 60, 61, 103. Steab., IV 1. Florus, III, 3. Dion Cass. XXXVII, 34, 47, 48. Oros. V, 13–16. Cicer., Pro Fonteio. О кимврах: Caes., De bel. fal. I, 33, 40; II, 4, 29; VII, 77. Tit. Liv., Periochae, 63–68. Strab. VII, 2, 1–3. Plutarch. Marius, 11–27.

Пособия. Vaissette et Devic, Histoire générale du Languedoc, нов. изд. I и II, 1874–75. Там же см. Lebègue, Epigraphie de Narboune, Fastes de la Narbonnaise, 1887. Herzog, Galliae Narbonensis historia, 1864. Desjardins, Géographie de la Gaule, II. Hirschfeld, примечания в Corpus Inscr. latin, XII. Iullian, Статья о XIII-м томе Corpus в «Journal des Savants», 1889. Hennenert, Histore d'Annibal, I и II, 1870–78. О кимврах: Müllenhof, L. Schmidt, Deutsche Alterthumskunde, II, 1887 p. 112 и сл.

47 См. стр. 15 и сл.

48 Путь Ганнибала вызывает много споров. См. Hennebert и Desjardins.

49 Эдуи тогда получили имя fratres consanguineique populi romani (братья и родственники римского народа), которое признал за ними и Сенат, и которым они величались еще в III в. до Р. Х. Этот титул выражал в галльском публичном праве особенно тесную и торжественную связь. Со стороны римлян это была ловкая уступка кельтским обычаям. Hirschfeld, Die Häduer und Arverner unter römischer Herrschaft, «Sitzungsberichte der Berl. Akademie», 1897.

50 Источники. Caes. De bell. gall. Ср. жизнеописания Цезаря у Плутарха и Светония. См. также Dion Cass., XXXIX и XL и Florus III, 11.
Пособия. Duc d'Aumale, Alesia. Etude sur la septième campagne de César, 1859. De Saulcy, Les campagnes de Jules César dans les Gaules, 1862. Napoleon III, Histoire de Jules César II, 1866. Reville, Vercingetorix, «Revue de deux Mondes», 1877. Stoffel, Guerre de César et d'Ariovist, 1890. Desjardins, Géographie de la Gaule, II. Fustel de Coulanges, La Gaule romaine, 1891. Rice Holmes, Caesar's Conquest of Gaul, 1899. C. Jullian, Vercingetorix. Рассказ Цезаря не дает ясных топографических указаний. Раскопки, произведенные по приказанию Наполеона, разрешили вопрос об Алезии в пользу Alise-Sainte-reine в Бургундии. См. Barthélemy, Alésia: Son veritable emplacement, «Revue des questions historiques», 1867.

51 Они доходили, по Цезарю, до 296.000 чел. Цифра эта явно преувеличена.

52 См. стр. 45.

53 Пособия. Barthélemy, Les libertés gauloises sous la domination romaine de l'an 50 à 27 av. I. C. «Revue des questions historiques», 1872. Fustel de Coulanges. La Gaule romaine (есть русск. перев.).

54 Источники. О восстаниях до 27 г. Р. Х. Appian, IV и V. Dion Cassius, XLVIII, XLIX, LI. Tibull., Eleg. I, 7. Триумфальные фасты Капитолия в I-м томе Corp inscr. Latin. О событиях следующей эпохи — Tacit., Annales, особенно III, 40 и 47, и Historiae. Sueton, Vitae XII imperatorum. Плутарх, Жизнеописание Гальбы и Отона. Dion Cass. LI–LXVI. Иосиф Флавий, Иудейская война II, 28; V, 26, 33, 35 и т. д.
Пособия. Amedée Thierry, Histore des gaulois, II. Fustel de Coulanges., La Gaule romaine. Barthélemy, статья цит. На стр. 61 «Истории» Дюрюи, Шиллера, Моммсена (см. часть II). Mommsen, Der letzte Kampf der römischen Republik, «Hermes», 1878.

55 Таков галльский обычай. Дом мертвого становился часто его погребальным костром. — Perron, Les tumulus de la vallée de la Saone superieure, «Revue archéologique», 1882.

56 Источники. См. в начале 1-й главы. Латинские надписи Нарбоннской Галлии изданы Гиршфельдом в XII томе Corpus inscriptionum latinarum (1888); — Аквитании, Лиона, Белгики и обеих Германий — в XIII т. (1899 и слл.). — Ср. еще материал из периодических изданий — особенно «Bulletin épigraphque de la Gaule», «Revue épigraphique du Midi de la France», «Revue archéologique», «Comptes rendus de l'Acad. Des Inscr. Et de belles lettres», «Bulletin et Mémoires de la Société des Antiquaires de France» и т. д. В Германии — «Jahrbücher des Vereins von Altertumsfreunden im Reinlande» или «Bonner Jahrbücher», «Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst». Греческие надписи Галлии и Германии изданы Lebegue в Corp. Inscr. Graecarum.

Пособия. См. примечание в начале 1-й части. Mommsen, Römische Geschichte, V Bd. C. Jullian, Gallia (1892) дали суммарную картину римской Галлии. Для истории учреждений капитальным является труд Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, 6 томов, 1889 и сл., (Русск. перев. под ред. проф. И. М. Гревса). — P. Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France (с богатой библиографией), I, 1890. — Glasson, Histoire du droit et des institutions de la France, I, 1887. — Для общей истории Империи. — Le Nain de Tillemont, Histoire des Empereurs (1690–1740). V. Duruy, Histoire des Romains (нов. изд. 1885, III–VII). — H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, 3 Bd. (1883–87. Для учреждений). — Mommsen-Marquardt, Handbuch der römischen Alterthümer (посл. перераб. изд.). — Bouche-Leclerq, Manuel des institutions romaines (1886). — Cramer, Die Verfassungsgeschichte der Germanen und Kelten, Berlin, 1906. Книги эти следует иметь в виду для всего отдела.

[57] Источники. Кроме надписей (для альпийских провинций см. V т. Corpus) главные источники: Strabo, IV, I–IV и VI. — Plin., Hist. Nat., III, 31–38, 134–139, IV, 105–110. — Pomp. Mel., II, 6 и III, 2. — Ptolem., II, 7–10. Amm. Marc. XV, 10–12. Для деятельности Августа: Sueton, Vita Augusti. — Dion Cass., XLV–LVI. Для периода до 27 г. — Dion Cass., XLV–LII; Appian, De bel. civ., IV и V.

Пособия. Desjardins, Géographie de la Gaule III. — Zumpt, De Gallia romanarum provincia, в «Studia romana», 1859. — Barthélemy, Les libertés gauloises sous la domination romaine, «Revue des questions historiques», 1892. — Jullian, C. Serenus, proconsul Galliae Transalpinae (Mélanges de l'Ecole française de Rome, 1885). — Gardtausen, Augustus und seine Zeit, 1891. — Ganter, Die Provinzialverwltung der Triumviren, 1892. — Hirschfeld, Die ritterlichen Provinzialstatthalter, «Sitzungsberichte der Berliner Akademie, 1889. — Его же, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian, Berlin, 1905.

[58] Hist. nat., III, 136–138.

[59] Источники. Тексты, касающиеся сношений Рима с Германией, собраны у Riese, Das rheinische Germanien in der antiken Literatur, 1892 г. Для интересующего нас периода они заимствованы преимущественно у Сстрабона (VII), Веллея Патеркула (II, 95 и сл.), Плиния, Hist. nat., Тацита (Annales, Historiae, Germania). Светония (Vita, XII, Imperatorum), Флора (IV, 12), Диона Кассия (LIII, 68) и т. д. Относящиеся к этому вопросу надписи см. у Brambach, Corp. Inscrlat., XIII).

Пособия. История рейнской Германии вызвала, особенно среди немецких ученых, бесконечное множество статей, диссертаций, сочинений, напечатанных или указанных в специальных обозрениях — особенно в «Westdeutsche Zeitschrift» и в «Bonner Jahrbücher». Мы укажем только на след. сочинения: Mommsen, Römische Geschichte, русский перевод Неведомского, Москва, 1887, т. I. — Hirschfeld, Die Verwaltung der Rheingren, in der ersten drei Jahrhunderten, 1877, в мемуарах, посвященных Моммсену. — Hettner, Zur Kultur der Germanien und Gallia Belgica, «Westdeutsche Zeitschrift», 1883. — Riese, Forschungen zur Geschichte der Rheinlande in der Römerzeit, 1889, и Zur Provinzialgeschichte der römischen Germaniens, «Correspondenzblatt zur Westdeutsche Zeitschrift», 1895. — Pfitzner, Geschichte der römischen Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrianus, 1881. — Ritterling, Zur römischen Legionsgeschichte am Rhein, «Westdeutsche Zeitschrift», 1893. — Hartung, Römische Auxiliär-Truppen am Rhein, 1870. — О войнах и политике Домициана — Zangenmeister, Zur Geschichte der Neckar-Länder in römischer Zeit, «Heidelberger Jahrbücher», 1893. — Gsell, Essai sur le regne de l'empereur Domitien, 1894. Результаты раскопок limes'a излагаются в «Limesblatt» — с 1892 г., а за предыдущий период в «Cerrespondenzblatt der Westdeutschen Zeistchrift». Они составляют содержание большого сочинения Sarvey und Hettner, Der obergermanischrätische Limes, выходящего с 1894 г. Пока — см. Cohausen, Der römische Grenzwall in Deutschland, 1894 и след. статьи в «Westdeutsche Zeitschrift». — Mommsen, Der oberrheinische Limes, 1885, и Der Begrif des Limes, 1894. — Samwer, Die Grenzpolizei des

römischen Reichs, 1886. Sarvey, Die Abgrenzung des Römerreichs, 1894. Эта библиография может быть дополнена примечаниями к § 7 и § 5, главы I, книги V.

[60] Источники. Литературные памятники: Тацит, Светоний, Дион Кассий, словом вся литература Империи. Юридические: Huschke, Iurisprudentiae anteiustinianae, quae supersunt. — Corpus iuris civitlis, изд. Krueger и Mommsen. См. особ. Digestae, I, 16 слл. Bruns, Fontes furis romani antiqui.
Пособия. Marx, Essai sur pouvoirs du gouverneur de province sous la république romaine et jusqu'à Dioclétien, 1880. Hirschfeld, Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschte (2 Aufl.); Его же, Die ritterliechen Provinzialstatthalter («Sitzungsberichte der Berl. Akademie», 1889). Libenam, Die Laufbahn der Procuratoren, 1888. — Его же, Forschungen zur Vervaltungsgeschichte des römischen Kaiserreichs. — 1888. — Giraud, Essai sur l'histoire du droit français au moyen âge, 1846. Karlowa, Römische Rechtsgeschichte I, 1885. — Humbert et Lécrivain, статьи «iudex», «iudicium» у Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités. Cuq, «Jurisdictio», ibidemcium. Его же. Les juges plébeiens de la colonie de Narbonne, «Mélanges de l'école française de Rome», 1881. Duruy, Formation historique de deux classes de citoyens romains, designés sous les noms d'Honestiores et d'Humiliores (Histoire romaine, VI, p. 629 сл.).

[61] Corpus inscr. latin. XII, 4333.

[62] Источники. См. § 3.
Пособия. Богатая библиография у Момзена-Марквардта, т. V. Отметим: Savigny, Ueber die römische Steuerverfassung unter den Kaiseren в «Vermischte Schriften», II, 1–50. — Zachariae von Lingental, Zur Kenntniss der römischen Steuerwesens in der, Kaiserzeit, «Mémoires de l'Académie de St.-Pétersburg, 1–63. — Rodbertus, Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, в «Hildebrands Jahrbücher für Nationaloekonomie und Staistik», 1865 и слл. — E. Beaudouin, Etude sur le ius italicum («Nouvelle Revue historique de droit français et étranger», 1881 и 1882). — Cagnat, Etude sur les impôts indirects chez les romains, 1882. — Renier, Mélanges d'épigraphie, p. 47 слл. 1854. — Unger, de censibus provinciarum romanarum, 1887. См. также сочинения, указанные в кн. IV, гл. II, § 2 и относящиеся к финансовой организации поздней Имерии.

[63] Пошлины, взимаемые при входе в город с определенных категорий товаров во Франции (Примеч. ред.)

[64] Источники и пособия. В основу изучения этого вопроса должна лечь сводка всех надписей с упоминанием о происхождении солдат, сделанная Момзеном в «Ephemeris épigraphica», 1884. Он сам использовал ее для статьи Die Conscriptionsoronuna der römischen Kaiserzeit, «Hermes» 1884. — Ср. Seeck, Die Zusammensetzung der Kaiserslegionen, «Rheinisches Museum», 1892. Для Галлии — Jullian, Les Bordelais dans l'armée, «Mémoires de la société archéologique de Bordeaux», 1884. См. также Rouleux, Du contingent, fourni par les peuples de la Belgique aux armées de l'empire romain, «Mémoire de l'Académie de Belgique», 1852, и Hartung, Römische Auxiliar-Truppen am Rhein (1870).

[65] Источники. Главным образом — надписи. Из писателей — Dion Cass. LIV, 32. — Tit. Liv., Periocha, 139. Sucton., Claud., 12. Plin. Epistolae, I, 7; II, 11, 12; III, 4, 9.
Пособия. Guiraud, Les assemblées provinciales dans l'Empire romain, 1887. — Его же, Un document nouveau sur les assemblées provinciales de l'Empire romain («Compte rendn de l'Académie des Sciences morales et politiques», 1888). — Beurlier, Essai sur le culterendu aux empereurs romains, 1890. — Carette, Les assemblées provinciales de la Gaule romaine, 1895. — Hirschfeld, ZurGeschichte des römischen Kaiserkultus, «Sitzungsberichte der Berliner Academie»; 1888. — Krascheninnikoff, Ueber die Einführung des provinzialen Kaisercultus im römischen Westen, «Philologus», 1894. — Jullian, «Flamen», в Saglio, Dictionnaire des antiquités. О лионском алтаре: Bernard, Le temple d'Auguste et la nationalité gauloise,

1864. — Allmer et Dissard, Musée de Lyon, II, 1889. — Hirschfeld, Corpus iuscr. latinarum, XIII, p. 227, сл.

[66] Corpus inscr. lat. XII, 6038.

[67] Относительно их числа см. Strabo, IV, 3, 2. Tacit. Annal. III, 44; также Mommsen, Rom. Gesch., V, 1, и Hirschfeld, Aquitanien in der Römerzeit, p. 13.

[68] Ни одно провинциальное собрание на Западе не могло чеканить монету. Ходившие в Трех Галлиях бронзовые монеты с рисунком алтаря и легендой Rom (ae) et Aug (usto) чеканились в Лионе, но от имени императора. При Нероне и эта чеканка прекратилась. Lenormant, Histoire de la monnaie dans l'antiquité II, p. 186 и Allmer et Dissard, Musée de Lyon II, p. 189.

[69] Впрочем, в V в. при отсутствии или бессилии правильной власти замечаются попытки провинциальных собраний вмешаться в область политики. См. кн. IV, гл. III, § 1.

[70] Источники. Кроме надписей, см. Plin. Hist. nat. III, 31–38, IV; 105–110, Ptolem. II, 7–9. Ср. Notitia Galliarum в издании Notitia dignitatum, Seeck'a, 1876. Notao Tironis, относящиеся к географии Галлии, были изданы и комментированы Zangenmeister'ом в «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1892.
Пособия. См. § 3.

[71] Annales, III, 44.

[72] Надо заметить, во всяком случае, что текст Птолемея неясен и вызывает массу неразрешенных доныне вопросов.

[73] Об элузатах см. Hirschfeld, Corp. inscr. lat., XIII, p. 72.

[74] В подлиннике Lavisse-Bloch. Hist. de France, I^2, p. 191, прим. 2 можно найти список всех сохранившихся в источниках имен галльских «пагов». — Здесь он опускается, как имеющий мало значения для широкой публики.

[75] Источники. XII и XIII т. Corp. inscr. lat. См. Index и примечания о civitates. В тексте этого § мы будем цитировать надписи, не опубликованные еще в Corpus.
Пособия. Déloche. Etudes sur la géographie historique de la Gaule, «Mémoires presentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions» II сер. т. IV, 1860. — Voigt, Drei épigraphische Constitutionen Constantins des Grossen, 1860. — Kuhn, Die Stadtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, 1865, p. 405 слл. Его же, Ueber au Entstehung der Städte der Alten, 1878, p. 438слл. Lognon, Géographie de la Gaule au VI siècle, 1878. — Mommsen, Schweizer Nachstudien, «Hermes» 1881. — Hirschfeld, Gallische Studien I, 1883, p. 28 слл. — Jullian, Inscriptions de la vallée de l'Huvaunne, «Bulletin épigraphique», p. 165 слл. Его же, Inscriptions de Bordeaux, I, 1887, p. 115 и II, 1890, p. 121. — Schulten, Die Laudgemeinden im römischen Reich, «Philologus», 1894. — Его же, Die peregrinen Gaugemeinden des römischen Reichs, «Rheinisches Museum» 1885. — Kornemann, Die Stadtentstehung in den ehemals keltischen und germanischen Gebieten des Römerreichs, 1898. Corp. inscr. lat. XII и XIII, примечания к этому тому.

[76] См. след. § и начало V-й книги.

[77] В Нарбонне мы вовсе не знаем одного претора, там всегда были преторы-дуумвиры. О разнице римских и латинских колоний см. § 4.

[78] См. § 5.

[79] См. § 4.

[80] Тацит сообщает нам (Agricola 21), что британов принуждали строить дома, храмы, форумы. От Страбона (III, 3, 5) мы узнаем, что лузитанов заставляли переселяться из гор в долины. Вероятно, подобное же давление применялось и в Галлии.

[81] Brambach, 134.

[82] Об особом положении батавов, см. стр. 65 слл.

[83] Mommsen, Inscriptiones helveticae 142, 181, 184. Orelli, 4018. Henzen, 5211. Desjardins, Géographie de la Gaule, III p. 449. Очевидно то же было в римских колониях Лионе, Нионе, Кельне. Что касается некоторых других племен, см. Lejay, Inscriptions de la Côte d'Or, 225, 282.

[84] См. дальше, книга V, гл. I, § 5.

[85] Ibidem.

[86] См. гл. III, § 2.

[87] См. книга IV, гл. II и III.

[88] См. книга V, гл. I, § 1.

[89] Пособия. A. W. Zumpt, Commentationum épigraphicarum volumen, I, 1850, p. 195 сл. — E. Kuhn, Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, 1865. — Houdoy, Le droit municipal, 1876. — Duruy, Du régime municipal dans l'empire romain, «Revue historique», 1876. — Klippfell, Etude sur le regime municipal gallo-romain, «Nouvelle revue historique du droit français et étranger», 1880. — Jung, Das römische Munizipalwesen in den Provinzen, «Historische Zeitschrift», 1891. — Barthélemy, Les cités alliées et libres de la Gaule, «Comptes-rendus de l'Acad. des Inscriptions», 1890. — Henze, De civitatibus libris, 1892. — Hirschfeld, Die Haeduer und Arverner «Sitzungsberichte der Berl. Acad.», 1897.

[90] Вот их перечисление:
Из римских колоний Нарбоннской Галлии прежде всего приходится указать на две колонии Juliae Paternae. Это: 1) сама Нарбонна, основанная, правда, не Цезарем, но получившая новую жизнь, благодаря второй ее колонизации, совершившейся по велению диктатора. Ее полное имя — Colonia Julia Paterna Narbo Martius Decumanorùm, — т. е. колонизованная ветеранами X-го легиона; 2) Арль — Colonia Julia Paterna Arelatensis Sextanorum, колонизованная ветеранами VI-го легиона. Далее идут следующие колонии, называемые просто Юлиевыми; 3) Везье — Colonia Julia Septimanorum Baeterrae (VII легиона); 4) Оранж — Colonia Julia Firma Secundanorum Arausio (II легиона); 5) Фрежюс — Colonia Octavanorum Pacensis Classica Forum Julii (ветеранов VIII легиона и моряков флота); 6) Вьенна — Colonia Julia Vienna.
Латинскими колониями являлись: 1) Каркассона — Colonia Julia Carcaso; 2) Апт — Colonia Julia Apta; 3) Карпентра — Colonia Julia Meminorum Carpentoracte; 4) Рие — Colonia Julia Augusta Apollinaris Reiorum; 5) Экс-прованский — Colonia Julia Augusta Aquae Sextiae; 6) Ним — Colonia Augusta Nemausus; 7) Лодев — Colonia Claudia Luteva; 8) Кастел-Руссильон — Colonia Ruscino; 9) Валанс — Colonia Valentia; 10) Авиньон — Colonia Avennio; 11) Кавельон — Colonia Cabellio; 12) Дин — Colonia Dinia; 14) Тулуза — Colonia Tolosa.
Всего на 23 или 24 города 19, а может быть, и более колоний! Нарбоннской Галлии колонизационное движение было так мощно, что, может быть, захватило все города, кроме городов воконтиев и массалиотов.
Колонии в трех Галлиях были гораздо реже. В начале Империи мы знаем только три: 1) Лион — Colonia Copia Lugdunensis; 2) Аугуст (под нынешнего Базеля) Colonia Augusta Rauracorum, обе основаны проконсулом Мунарием Планком в 43 г. до Р. Х.; 3) Нион на Лемане — Colonia Julia Equestrium Noviodunum. В 50 г. по Р. Х. Клавдий, в лице Кельна, основал четвертую — Colonia Claudia Agrippinensis. Пятой был Аванш — Colonia Pia Flavia Constans Emerita Helvetiorum Aventicum, основанный Веспасианом. К эпохе Флавиев относятся также Шпейер — Colonia Flavia Nemetum, Фер — Colonia Flavia Forum Segusiavorum и, может быть, Трир — Colonia Augusta Treverorum. Траян основал две Colonia Ulpiae — одну в Нимвегене, другую на Рейне против Липпе. Мы не знаем, к какому моменту относится основание Безансона (Colonia Victrix Sequanorum), Лангра (Colonia Lingonum), Теруанны (Colonia Morinorum) и Оза (Colonia Elusatium).

[91] Mommsen (Schweizer Nachstudien, «Hermes», 1881, p. 458 сл. — Его же, Die Conscriptionsordnung der römischen Kaiserzeit, «Hermes», 1884, p. 68 сл.), утверждает, что Аванш, Трир, Нион были латинскими колониями. Против этого мнения см. Hirschfeld, Die Verbreitung des latinischen Rechts, в «Gallische Studien», I, p. 61 слл. — Jullian, Les Bordelais dans l'armée romaine, p. 32. Kornemann, Zur Stadtentstehung, p. 43 слл.

[92] Может быть, возведение Трира в римскую колонию вернуло тревирам свободу, утраченную им в событиях 70 г. См. Plin., Hist. nat. IV, 106, и письмо императора Тацита, Vita Floriani, 18.

[93] Digesta XLIX, 15, 7.

[94] Гл. I, § 6.

[95] Hirschfeld замечает, Corp. inscr. latin. XIII, p. 444, что в Трех Галлиях нет муниципиев, ссылаясь на то, что здесь не попадается само слово. Но это могло быть случайностью. Как существовали римские и латинские колонии, так могли быть римские и латинские муниципии, но последние рано исчезли, первые же распространились вместе с римским гражданством.

[96] Источники. Digestae, Iib. L. Главными эпиграфическими документами являются два текста муниципальных уставов, открытые с Испании, в провинции Бетике: 1) Закон римской колонии Julia Genetiva, основанной по велению Цезаря, но после его смерти (Озунские бронзы); 2) законы латинских колоний Сальпенса и Малаки, изданные при Домициане между 82 и 84 гг. по Р. Х. (См. Fontes Juris Romani, Burns'a). Эти документы — при условии, однако, очень осторожного обращения с ними — помогут дополнить данные галло-римской эпиграфии.

Пособия. К указанному в §§ 3 и 4 следует добавить: Mommsen, Die Stadtrechte der lateinischen Gemeinden Salpensa und Malaca, «Abhandlungen der Sächs. Gesellschaft der Wissenschaften», 1855, и Giraud, Les bronzes d'Osuna, «Journal des Savants», 1874—1877. — Liebenam, Städteverwaltung im römischen Kaiserreich, 1900. — Cagnat, De municipalibus et provincialibus militis in imperio romano, 1880. — Mommsen, Die römischen Provincialmilizien, «Hermes», 1887. — Hirschfeld, Die Sicherheitspolicei im römischen Kaiserreich, «Sitzungsberichte der Berl. Academie», 1891. — Его же, Der praefectus vigilum in Nemausus, Gallische Studien III, 1884. — Duruy, Les tribuni militum a populo; Histoire romaine, VI, p. 647. — Herbst, De sacerdotiis Romanorum municipalibus, 1883. — Beurlier, Essai sur le culte, rendu aux empereurs romains, 1890. — Beaudoin, Le culte des empereurs dans les cités de la Gaule Narbonnaise, «Annales de l'enseignement supérieur de Grenoble», 1891. — Jullian, «Flamen», «Juvenes», в Saglio, Dictionnaire des antiquités.

[97] Одна из надписей Арля Corp. inscr. lat. XII, 967, упоминает об одном магистрате, который «был кандидатом жителей Арля» (Candidatus Arelatensium). Это не значит, что он был избран, а только, — что его поддерживало сочувствие сограждан Лионская надпись (XIII, 1921) упоминает о дуумвире, «назначенном по просьбе народа» (designatus ex postulatione populi). XII, 1585. Это исключает избрание.

[98] В общем, в Империи дуумвират встречается чаще в колониях, а кватуорвират в муниципиях. Но это общее правило неприменимо к Галлии. Эдилитет вообще редко встречается в галло-римских городах — кроме Нарбонны и кроме рейнских городов. Последние, впрочем, как известно, организованы более по-римски, чем центральная и западная Галлии.

[99] Вопрос о муниципальной юстиции является спорным. Фюстель-де-Куланж (Gaule romaine, p. 310), думает, что тут не было твердого правила, и что муниципальным властям случалось переходить за указанные границы.

[100] См. книгу V, гл. II, § 1.

[101] См. кн. V, гл. I, § 1.

[102] Corp. inscr. latin. XII, 4371.

[103] Mommsen, Inscriptiones helveticae, 119.

[104] Tacit., Hist. I, 67.

[105] Brambach, 1551, 1612.

[106] Mommsen, «Hermes», 1887, p. 557. См. Allmer, «Revue épigraphique», 1892, p. 153, praefectus strateg (iorum) public (orum) у секванов.

[107] Tacit, Hist. II, 61; Annal. III, 43.

[108] Известно, что и в Риме до учреждения цензуры эти функции выполнялись через каждые 5 лет консулами соответствующего года.

[109] Mommsen, Inscriptiones helveticae, 142, 189, 193, 282, 283.

[110] См. книгу V, гл. II, § 4.

[111] VIII, 38.

[112] Источники и пособия. См. стр. 5. Об августалах см. Mourlot, Essai sur l'histoire de l'augustalité dans l'empire romain, «Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes», Sciences philol. et histor., Fasc. CVIII, 1895, с библиографией вопроса.

[113] Corp. inscr. lat., IX, 338.

[114] Ephrmeris épigraphica, 1892, p. 388–416. Allmer et Dissard, Musée de Lyon, V, p. 24–26.

[115] Corp. inscr. latin. XII 4333.

[116] См. § 3 и библиографию.

[117] Brambach, 1130, кн. V, гл. 1, § 5.

[118] Источники. Тексты по этому вопросу очень разбросаны и заключаются преимущественно в надписях. Мы сошлемся только на речь Клавдия на лионских таблицах (Corpus inscr. lat. XIII, 1668) и на Тацита, Annales XI, 23–25.
Пособия. Morel, Les associations de citoyens romains (Извлечение из т. XXXIV, «Mémoires et documents de la Société d'histoiro de la Suisse romande», 1877). — Mommsen, Schrveizer Nachstudien («Hermes» 1881). — Schulten, De conventibus civium romanorum, 1892. — Kornemann, De civibus romanis, in provincus imperii consistentibus («Berliner Studien» 1892). — A. W. Zumpt, Studia romana (p. 325) 1859. — Hirschfeld, Zur Geschichte des latinischen Rechts. («Festschrift zur fünfzigjährigen Gründungsfeier des archéologischen Institutes in Rom», 1879 (перев. Thedenat 1880). Его же, Die Verbreitung des latinischen Rechts im römischen Reich, «Gallische Studien» I, p. 51 слл. (перев. Thédenat, 1885).

[119] По имени консула Юния, вместе с консулом Норбаном установившего эту категорию (lex Junia Norbana 19 г. по Р. Х.).

[120] Речь Клавдия переведена у Allmer et Dissard, Musée de Lyon. I, p. 81 et suiv. — См. также интересное сопоставление эпиграфического ее текста и передачи Тацита в кн. Gow — S. Reinach, Minerva (есть русск. перев.).

[121] Источники. См. то, что замечено относительно § 1. Эдикт Каракаллы упоминается у Диона Кассия (LXXVII, 9) и в Дигестах , I, 5, 17. Есть намек в Vita Sept. Severi (у Scriptores Hist. Aug.) и у бл. Августина, Civitas Dei V. 17. Аврелий Виктор ошибочно приписывает эдикт Марку Аврелию (de Caesaribus, 16).
Пособия. Kubitschek, De romanorum tribuum origine ac propagatione, «Abhandlungen der Universitaet Wien», 1882. Его же, Imperium romanum tributim descriptum. 1889. — Haubold, Ex constitutione Imp. Antonini, quomodo qui in urbe romano essent, cives Romani effecti sint. «Opuscula» II, p. 369 слл. 1825. — Mommsen, Schveizer Nachstudien, «Hermes»

1881. О галло-римской ономастике см. Hettner, Zur Kultur von Germanien und Gallia Belgica «Westdeutsche Zeitschrift», 1883. — Jullian, Inscriptions de Bordeaux II p. 568 слл. 1890. — D'Arbois de Jubainville, Recherches zur l'origine de la proprieté foncière en France, 1890, p. 129 слл.

[122] Обозначение трибы ставилось обычно после gentilicium: Publius Lucretius Voltinia (т. е. из Волтиниевой трибы) Parvolus.

[123] Corp. inscr. lat. XIII. 720. Lejay, Inscriptions antiques de la Côte d'Or. 62. Jullian, Inscriptions de Bordeaux II. 569–570.

[124] Allmer, Revue épigraphique, 1892, p. 185.

[125] Sueton., Claudius. 25.

[126] Corp. inscr. lat. XII, 2602.

[127] Caesar, 1. c.

[128] Allmer, Inscriptions de Vienne III p. 414.

[129] Лица, получавшие гражданство лично от императора, вписывались в его трибу, но уже их потомки зачислялись в ту трибу, в которую вписывался их город.

[130] См. стр. 64–70 и Tacit. Histor. I, 68; II, 23, IV, 18.

[131] См. стр. 131.

[132] См. также в Corpus inscr. lat. XIII, 800, 1036, историю одной бордоской семьи, а также историю семьи эдуя Эпоредорикса у Barthélemy, Les libertés gauloises sous la domination romaine, «Revue des questions historiques», 1872, p. 374–376; ср. Morel, Genève et la colonie de Vienne, 1888, p. 67–68.

[133] См. стр. 105. В истории Майнца мы видим образец тех ограничений, какие включал эдикт Каракаллы. Майнцские vici будут преобразованы в муниципии только после 276 года — очевидно, вследствие того сопротивления, которое оказывал conventus римских граждан, не желавших сравняться с местными жителями. См. ниже, кн. V, гл. I, § 5.

[134] Источники. Sueton. Vitae Vespasiani, Titi, Domitiani — Dion Cass., lib LXVI слл. История Диона Кассия останавливается на смерти Александра Севера. — Herodiani, Hist. (от смерти Марка Аврелия до воцарения Гордиана III). Historia Augusta — собрание биографий императоров, написанных разными авторами, от Адриана до Карина. На большую часть этих писателей нам придется в особенности ссылаться в § 2, а затем в главах II, III и IV. Aurelius Victor, De Caesaribus. Ему ошибочно приписывается Epitome de Caesaribus. — Eutropii, Breviarium ab Urbe condita. — Rufus Festus, Breviarium rerum gestarum populi romani. — Orosii, Historiarum adversum paganos libri VII. Zosimus, Zonaras. Литературные памятники II и III в. не многочисленны и, кроме Диона Кассия — малоценны. Надписи становятся редки к середине III в.
Пособия. Для периода Флавиев см. стр. 71. Для следующего: Gregorowius, Der Kaiser Hadrian (2 изд.); Dürr, Die Reisen des Kaisers Hadrian, 1881. — Ceulneer, Essai sur la vie et le regne de Septime Sevère, 1880. — Fuchs, Geschichte des Kaisers Septimius Severus, 1884. — Jullian, L'avenement de Septime Sevère et la bataille de Lyon «Revue historique», 1889. — Hirschfeld, Decimus Clodius Albinus, «Historische Zeitschrift», 1897, и дополнение к этой статье, «Revue épigraphique», 1899, p. 27. Для германцев и варварских вторжений см. Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, 1859—1864. Новое издание Dahn'a с 1880 г.

[135] См. кн. VI-я, гл. I-я.

[136] О багаудах см. кн. V, гл. III.

[137] Возможно, что лионцы были только обложены податью (Unger, De censibus provinciarum romanarum, 1887, p. 62). Можно думать, что Север поставил в Лионе гарнизон ветеранов («Revue épigraphique», 1899, p. 29).

[138] Corpus inscr. lat. XIII, 1754. Другие тавроболии совершены были раньше в 194 г. в Лионе же в честь Севера и Альбина, официально считавшихся товарищами (Ibid, 1753). Позже имя Альбина было стерто на этом памятнике. О тавроболических жертвах см. кн. V, гл. II. Именно Септимий Север на камнях, означающих расстояния вдоль дорог, заменил римскую милю галльской leuga (лье).

[139] См. стр. 34.

[140] Источники. См. стр. 134. Кроме того: Panegyrici latini № IV и V изд. Baehrens (Eumenii oratio pro restaurandis scolis и Panegyricus Constantio Caesari). Литературные источники, в общем, очень бедные, должны быть дополнены: 1) надписями (Corpus inscr. lat. XII, XIII, II и VII); 2) монетами, которые чаще начинают зарывать в виде кладов в виду общей смуты (см. ниже Blanchet). В общем, для этого периода очень трудно установить истинный характер и последовательность событий.
Пособия. De Boze, Histoire de l'Empereur Tétricus («Mémoires de l'Acad. des Inscriptions», 1759). — Bréquigny, Histoire de Postume, Empereur dans les Gaules (ibidem, 1754). — Duntzer, Postumus, Victorinus und Tétricus (1867). — Bernhardt, Geschichte Roms von Valerian bis zu Diokletians Tode (1867). — Zévort, De Gallicanis imperatoribus (1880). — Erman, Marius und Victorinus («Zeitschrift für Numismatik, 1880). — Harold de Fontenay, Autun et ses monuments (с историческим очерком Anatole de Charmasse, 1889). — Th. Reinach, Le premier siège, entrepris par les Francs («Revue historique», 1890). — Mowat, Les ateliers monétaires impériaux en Gaule («Revue numismatique» 1895). — Jullian, S'il ya des influences celtiques dans l'Empire des Gaules au III siècle, («Comptes rendus de l'Acad. des Inscriptions», 24 Juillet, 1896). — Blanchet, Les trésors des monnaies romaines et les invasions germaniques en Gaule (1900). — Roger, Fragments d'histoire, Fragments sur l'histoire de Postumus. Относительно монет. — Eckhel, Doctrina numorum veterum (VII, 1797). — De Vitte, Recherches sur les empereurs, qui ont régné dans les Gaules au III-e siècle de l'ere chrétienne (1868) и различные «Revues numismatiques».

[141] Corp. inscr. lat. XIII; 1807.

[142] См. дальше гл. II, § 1.

[143] О противоречивых преданиях, относящихся к этому варварскому королю см. Rarthelemy, La campagne d'Attila, «Revue de questions historiques», 1870.

[144] Гл. II, § 1.

[145] Trebellius Pollio, Postumus.

[146] Trebellius Pollio, Victorinus et Laelianus.

[147] См. ниже, кн. V.

[148] Евмен упоминает о них в речи о восстановлении Отенских школ — «latrocinio Bagaudicae rebellionis, 4» (см. по этому поводу замечание Гиршфельда (Die Haeduer und Arverner, p. 20, № 2). Ср. также далее гл. IV и книгу V, гл. III, § 2.

[149] Historia Augusta сообщает нам только, что лионцы были сурово наказаны Аврелианом, и что они сильно боялись Проба (Vopisc. Proculus).

[150] Источники. См. прим. к гл. I, а также в кн. V, гл. II, § 2. Для истории администрации: Codex Theodosianus, собрание императорских постановлений, начиная от Константина. Издание с комментариями Godefroy (Lyon, 1665), переизданное Ritter'ом (Leipzig, 1736—1745), затем — Hänel'ем (Bonn, 1842) и, наконец, Моммзеном. Corpus iuris civilis (кодификация Юстиниана) изд. Krueger, Berlin, 1877. Notitia dignitatum et administrationum omnium tam civilium quam militarium in partibus Orientis et Occidentis; схема администрации Империи, составленная около 400 г. Издание с комментариями Böcking'a, Bonn, 1839—1853. Новое издание текста Seeck'a, Berlin, 1876 (Для провинциальной организации кроме Notitia

dignitatum и данных, сообщаемых в Breviarium Руфия Феста (ок. 369 г.) и в истории Аммиана Марцеллина (ок. 390 г.) см. 1) Таблицу провинций, составленную около 297 г. и известную под именем Веронского и манускрипта (laterculus Veronensis); 2) Таблицу провинции, составленную около 385 г. и приложенную к календарю Полемия Сильвия; 3) Notita Galliarum — таблицу галльских провинций и городов, современную Noti t. dign. Эти три документа воспроизведены в издании Not. dig. Seeck'a; 4) Церковные памятники и особенно акты соборов (Sirmond, Concilia antiqua Galliae, 1629. Дополнение Lalande, 1666).
Пособия. См. гл. III, § 3. Для истории администрации Naudet, Des changements opérés dans toutes les parties de l'administration de l'empire roniain sous les regnes de Diocletien, de Constantin et de leurs successeurs (1817). — Amédée Thierry, Mémoire sur l'organisation de l'administration provinciale dans l'empire remain et particulièrement en Gaule («Séances et travaux de l'Academie des Sciences morales et politiques», 1849. См. еще H. Schiller, Greschichte der römischen Kaiserzeit (т. II); V. Duruy, Histoire des Romains (т. VI и VII): Mispoulet, Les institutions politiques des Romains (2 т.). O. Karlowa, Geschichte des römischen Reichs. — Serrigny, Droit public et administratif romain du IV-e au VI-e siècle 1862. — О провинциальной организации. — Mommsen, Verzeichniss der römischen Provinzen aufgesetzt um 297, «Abhandlungen Berl. Acad.» 1866—1867. — Brambach, Notitia provinciarum et civitatum Galliae, «Rheinisches Museum», 1868. — Kuhn, Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs, 1865, II, p. 201 — и сл. Ueber das Verzeichniss der römischen Provinzen aufgezetzt um 297, «Jahrbücher für classische Philologie», 1877. — Czwalina, Ueber das Verzeichniss der römischen Provinzen vom Jahre 297. 1887. — Jullian, De la reforme provinciale attribuée à Dioclétien «Revue historique», 1882. — Duchesne, Les documents ecclésiastiques sur les divisions de l'empire romain au IV siècle «Mélanges Graux», 1884. — Ohnesorge, Die römische Provinz. Liste von 297, 1889. — Список префектов Галлии дан в X томе трудов Боргези (Borghesi, 1897).

[151] В 296 г. См. гл. IV.

[152] Авзоний (378—379), Сибурий (379), Аполлинарий (дед Сидония Аполлинария между 407 и 413), Эпархий Авит, тесть Сидония (439), Аполлинарий (отец Сидония 448—449), Тонантий Ферреол (453). Приск Валериан (451—156), Эвтропий (470), Полемий (475—477): все это были — галлы по происхождению, см. о них Borghesi, op. cit.

[153] Апрункул, нарбоннский губернатор (Amm. Marc. XXII, 1) см. также письма Сидония Аполлинария, VI, 21; V, 9, 10, 18; VIII, 6.

[154] Об этом см. § 2 и кн. V, гл. III, § 2.

[155] II, 4.

[156] Ibid. VII, 75. Это — Океаническая Белгика Страбона IV, 4, 1.

[157] C. I. L. XIII; 412. См. Allmer, «Revue épigraphique», 1885, p. 109, 1887, p. 295. — Sacaze, Inscriptions antiques des Pyrenées 1892, p. 542, 554. Mommsen, цитир. у Bladé, Géographie politique du Sud — Ouest de la Gaule, «Annales du midi», 1893, p. 456. Hirschfeld, Aquitanien in der Römerzeit (Sitzungsberichte Berl. Acad.).

[158] Позднее, к концу VI в. — Auch C. 1. L. XIII, p. 57.

[159] См. в кн. V, гл. I.

[160] Из эдикта Гонория 418 г. видно, что южная диоцеза стремится в эту эпоху снова отделиться от северной, см. гл. III, § 1.

[161] О городах IV в. см. главу III, § 2.

[162] Источники. См. § 1.
Пособия. Относительно юстиции л налога см. кн. III, гл. II, § 4 и 5. Кроме того, Giraud, Essai sur l'histoire dn droit français, 1846, p. 95 сл. — Baudi di Vesme, Des impositions de la

Gaule dans les derniers temps de l'empire romain (перев. в «Revue historique de droit français et étranger» 1861). — Levasseur, De pecuniis publicis quomodo apud Romanos quarto post Christum saeculo ordinarentur, 1854. — Serrigny, op. cit. § 1. — Lecesne, De l'impôt foncier dans les derniers temps de l'empire romain 1863. — Bouchard, Etude sur l'administration des finances de l'empire romain dans les derniers temps de son existence. — Humbert, Capitatio и Caput в «Dictionnaire des antiquités», Daremberg et Saglio. Thibault, Les impots directs sous le Bas Empire romain («Revue générale du droit, de la législation et de la jurisprudence en France et a l'étranger», 1899 и 1900). — Platon, La democratie et le regime fiscal à Athenes, à Rome et de nos jours (p. 72 и сл., 1899). Что касается куриалов — см. гл. III, § 2.

[163] См. кн. V, гл. III, § 2.

[164] Ibidem.

[165] См. особенно Lactant. De mortibus persocutorum 7; 23, Для Галлии V в. — Salviani, De gübernatione, Dei lib. V.

[166] Panegyrici latini. Gratiarum actio Constantino Augnsto, 11—14. См. Fustel-de-Coulanges — L'invasion germanique, p. 51 п. 1.

[167] Ausonii, Gratiarum actio, 16.

[168] Ammian. Marcell. XVI, 5. Этот темный текст многократно комментировался. Во всяком случае, ясен факт облегчения. См. Seeck, Die gallischen Steuern bei Ammian, «Rheinisches Museum», 1894.

[169] См. кн. V, гл. III, § 2.

[170] Gratiarum actio, 16.

[171] Источники. См. § 1 и кроме того Vegetii-Epitoma rei militaris.
Пособия. Godefroy, Code Théodosien, особенно VII кн. — Böckking, Notitia dignitatum, p. 1044 и сл. — Serrigny, I, p. 300 сл., op.cit., § 1. — Roulez, Du contingent fourni par les peuples de la Belgique aux armées de l'empire romain («Mémoires de l'Académie de Belgique», 1852). — Léotard, Essai sur la condition des Barbares, établis dans l'empire romain au IV siècle, 1873. — Geffroy, Rome et les Barbares (2-e edit., 1874). — Mommsen, Das römische Militarwesen seit Diocletian («Hermes», 1889). — Fustel de Coulanges, Invasion germanique, p. 365 сл. — Humbert, Dediticii, Foedus, Gentiles в «Dictionnaire des Antiquités» Daremberg et Saglio. — Lécrivain, Laeti там же. — Относительно укреплений городов: Coumont, Abécédaire ou rudiment d'archéologie. Ere gallo-romaine 2-e edit., 1870 p. 617 и сл. — De la Noë, Principes de la fortification antique, 1890. — Jullian, Inscriptions de Bordeaux II, 295 сл. — Schuermans, Remparts d'Arlon et de Tongres, «Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie», (Bruxelles), начиная с 1877 г. XVI, XXVII, XXVIII, XXIX. Remparts romains d'Arlon. Publications de l'Institut archéologique de Luxembourg, t. XXVII, Анналов, 1893. — Blanchet, Les trésors de monnaies romaines et les invasions germaniques en Gaule, 1900, p. 91 сл.

[172] Это место вызывает недоумение. В оглавлении вышеупомянутое лицо названо dux Germaniae 1-mae. Но главным городом Германии 1-й был Майнц, чем же dux Germ. 1-mae отличался от Майнцского дукса, поименованного ранее? Может быть, следовало бы читать не 1-mae, а 2-dae? Но текст Notitiae слишком отчетлив, остается предположить, что он получил этот титул при первом распределении и сохранил его и впоследствии, когда был передвинут на Нижний Рейн.

[173] Она не упоминается в Notitia, вероятно, потому что зависела от кельнского дука. См. предыд. прим.

[174] XV; 12.

[175] См. гл. IV, факты, связанные с возвышением Юлиана.

[176] II; 54.

[177] Lognon, Géographie de la Gaule au VI siècle, p. 174. — D'Arbois de Jubainville, Recherches sur l'origine de la proprieté fonciere et des noms des lieux habités en France, p. 413–415.

[178] Гл. I, § 2.

[179] Источники. См. стр. Cod. Theodos. XUU; 12. Sidon. Apol., passim.

Пособия. См. кн. III, гл. II, § 1.

[180] См. ниже, § 2.

[181] Amm. Marcel. XVIII, 1.

[182] Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule 595. A.

[183] I, 6.

[184] Этот указ дошел до нас испорченным. См. Dom — Bouquet, I, p. 766, и Carette, op. cit.; p. 450–463.

[185] Сидоний Аполлинарий, Панегирик Авиту. Epist. I. 7.

[186] Источники. Для civitates см. кн. III, гл. II, § 2. Для муниципальных учреждений: Digesta L. 1–15. — Cod. Theod. I, 29; XII, 1. — Cod. Just. I, 55–56. Для историков и писателей — см. выше, стр. 134, а также кн. V, гл. II, § 2.
Пособия. См. кн. III, гл. II, §§ 3 и 4. Serrignt, op. cit. кн. II. Fustel-de-Coulanges, La Gaule romaine, p. 260 сл. L'invasion germanique, p. 31 сл. — Lacour-Gayet, Curator civitatis, в «Dictionnaire des antiquités» Daremberget Saglio — A. Desjardins, Defensor civitatis ibid. — Humbert, Duumviri juridicundo, ibid. — Henzen, Sui curatori delle citta antiche, «Annali dell Instituto della Corrispondenza archéologica», 1851. — Labatut, Etudes d'épigraphie et d'histoire. La municipalité romaine et les curatores reipublicae, 1868. — Jullian, Les transformations politiques de l'Italie sous les empereurs romains, 1883, p. 91 и сл. — Degner, Quaestiones de curatore reipublicae, 1883. — Liebenam, Curetor reipublicae, «Philologus», 1897. — A. Desjardins, De civitatum defensoribus sub imperatoribus romanis, 1845. — Lécrivain, Le mode de nomination des curatores reipublicae, «Mélanges d'archéologie et d'histoire», 1884. — Ero же, Remarques sur les formules du Curator et du Defensor civitatis dans Cassiodore, ibid. Le Senat romain dépuis Dioclétien, 1888, p. 87 и 103 и сл. — Ohnesseit, Das niedere Gemeindeamt in den römischen Landstädten, «Philologus», 1885. — Chénon, Etude historique sur le Defensor civitatis, «Nouvelle Revue historique du droit français et étranger», 1889.

[187] См. также факт, отмеченный в кн. III, гл. II, § 3.

[188] Точные даты всех этих преобразований см. в подлиннике Lavisse, Hist. de France, т. I, стр. 309.

[189] См. индекс и примечания CIL. XII и XII, а также X, 6006. См. также Allmer et Dissard, Musée de Lyon, II, p. 112.

[190] Cod. Theodos. XII. 1. 17.

[191] Cod. Theod. XII, 1. 20. Brambach, 549.

[192] См. выше, стр. 128.

[193] CIL. XII, 1585; XIII, 2669, cf. 2878.

[194] CIL. XII, 2459; XIII, 2460, 2461.

[195] См. гл. II, § 2.

[196] Cod. Theod., XII, 1, 171.

[197] Am. Marc., XXVII, 7.

[198] CIL. VIII, 1, 2403, cf. Ephemeris épigraphica, III, p. 77—84. См. кн. III, гл. II, § 6.

[199] XII, 1, 4.

[200] XII, 1, 171.

[201] Источники. См. примеч. на стр. 136 и 144, и кн. V, гл. II, § 2. Кроме того: Origo Constantini imperatoris — отрывок, известный под именем Anonymus Valesianus, изд. в M. G., AA., IX, 1. Lachant. De mortibus persecutorum. Amm. Marc., кн. XIV—XXXI от 353 до 378 г. — Имп. Юлиана, Epistola ad Senatum и Mysopogon, Либания (Λιβάνιος), см. особенно его Панегирик и надгробную речь Юлиану; «Истории церкви» Евсевия Кесарийского, Созомена, Филострога, Сократа; «Хроника» Евсевия Кесарийского, переведенная и продолженная бл. Иеронимом.
Пособия. Gibbon, History of the declin and fall of the roman empire (есть русс. перев.), нов. англ. изд. Bury, 1897. — Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. 4 тома, 1897—1910. — Broglie, L'Eglise et l'Empire romain au IV siècle, 1856—1866. — Preuss, Kaiser Diocletian und seine Zeit, 1869. — Burckhardt, Die Zeit Constantin's des Grossen, 2-е изд., 1880. — Mücke, Flavius Claudius Julianus, 1867. — Koch, Julian der Abtrünnige, «Jahrbücher für classische Philologie», 1899. — Richter, Das Weströmische Reich, besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus, 1865. — Göldenpenning und Iffland, Der Kaiser Theodosius der Grosse, 1878. — Sievers, Studien zur Geschichte der römischen Kaiser, 1870, p. 304 сл. История походов Юлиана и вопрос о месте страсбургской битвы вызвали много исследований, см. «Revue historique», 1895, II, стр. 147, и III, стр. 373.

[202] Житие св. Баболина, Dom-Bouquet, III, p. 568—569.

[203] См. стр. 161 и 162.

[204] Зосим, III, 1. Ам. Marc, 8; XVI, 2. Можно еще прибавить Безансон, как можно судить по тому, что в его развалинах нет монет, идущих далее эпохи Магненция. См. Castan, Le Champs de Mars de Vesontio, «Revue archéol», 1870.

[205] См. стр. 169.

[206] Источники. CIL. XII и XIII — Strabo, IV, 1—4. — Pomp. Mela, II, 5; III, 2. — Plin., Hist. nat., III, 31—38, 133—139; IV, 105—110. — Ptolem., II, 7—9. — Amm. Marc., XV, 11. — Auson., Ordo nobilium urbium. Mosella. — Sidon. Apol., Carmina, XX.
Пособия. Millin, Voyage dans les départements du midi de la France, 1807—1811. — Mérimée, Notes d'un voyage dans le midi de la France, 1835. — Notes d'un voyage dans l'ouest de la France, 1836. — Notes d'un voyage en Auvergne, 1838. — Starck, Städteleben, Kunst und Altertum in Frankreich, 1855. — Friedländer, Gallien und ihre Kultur unter den Römern, «Deutsche Rundschau», 1877. — Longnon, Géographie de la Gaule au VI siècle, 1878. — Jung, Die romanischen Landschaften des römischen Reiches, p. 190 сл., 1888. — Mommsen, Römische Geschichte, V; есть рус. перев. — Jullian, Galia, 1892. — Flach, L'origine de l'habitation et des lieux habités en France, 1899. — См. кроме журналов, указанных в начале II-й главы — «Bulletin du Comité des travaux historiques», от 1843 г., «Bulletin monumental» с 1835 г. и сборники провинциальных Академий и Обществ см. гл. II, § 3. Для музеографии и произведений искусства см. гл. II, § 3.

[207] Пособия. Vaissette et Devic, Herzog, Jullian, — opp. citt. выше, стр. 49. Кроме того: Lenthéric, La Grèce et l'Orient en Provence, 2-е изд., 1878. Его же: La Provence maritime ancienne et moderne, 2-е изд., 1880. — Du Saint-Gothard à la mer. Le Rhône, Histoire d'un fleuve, 1892. — Hirschfeld, Gallische Studien, I, 1883. — Beiträge zur Geschichte der Narbonensischen Provinz, «Westdeutsche Zeitschrift», 1889. — Kromayer, Die militärcolonien Octavians und Caesars in Gallia Narbonnensis, «Hermes», 1896. — Главные монографии — о Марселе см. выше, стр. 9. — Jullian, Fréjus, «Annales de la faculté des lettres de Bordeaux», 1886. — Bazin, Nimes gallo-romain, 1891; Vienne et Lyon gal.-rom., 1891; Arles gal.-rom., 1896. Относ. Арля см. XLIII сессию «Congrès archéologique de France, Seances générales tenues à Arles en 1876». Allmer et Terrebasse, Inscriptions de Vienne, 1875. — Morel, Genève et la colonie de Vienne, 1888. Относ. Оранжа и Сен-Реми см. гл. II, § 3.

[208] См. стр. 122—124.

[209] Hist. nat., III, 31.

[210] Пособия. Spon, Recherche des antiquités et curiosités de la ville de Lyon, 1673, нов. изд. Renier, 1858. — Boissieu, Inscriptions antiques de Lyon, 1846—1854. — Bernard, Le temple d'Auguste et la nationalité gauloise, 1863. — Hirschfeld, Lyon in der Römerzeit, 1878 (перев. Allmer'ом на фр. яз. «Revue épigraphique» 1879, p. 81 и сл.). — Его же, Zur Geschichte des Christentums in Lugudunum vor Constantin, «Sitzungsberichte Berl. Acad.», 1895. — Renan, La topographie chrétienne de Lyon, «Journal de Savants», 1881. — Allmer et Dissard, Trion, Antiquités, decouvertes en 1885—1886 et anterieurement au quartier de Lyon, dit de Frion, 1887—1888. — «Musée de Lyon, Inscriptions antiques», 1888—1893. — Bazin, Vienne et Lyon gallo-romains, 1891. — Jullien, Le fondateur de Lyon. Histoire de Munatius Plancus, 1892. — Steyert, Nouvelle histoire de Lyon, I, 1895.

[211] Steyert, op. cit. отрицает это.

[212] Кн. III, гл. II, § 1.

[213] См. стр. 114.

[214] Пособия. Hirschfeld, Aquitanien in der Römerzeit. Его же, Die Häduer und Arverner unter römischer Herrschaft, «Sitzungsberichte Berl. Acad.» 1896 и 1897. — Jullian, Inscriptions romaines de Bordeaux, 1887—1890. — Monceaux, Le grand Temple du Puy-de-Dôme, «Revue historique» 1888. Для других монографий см. примечания к Corpus Inscr., XIII.

[215] De gübernatione Dei, VII, 8.

[216] См. ниже, гл. II, § 3.

[217] См. ниже, гл. II, §§ 1 и 2.

[218] IX, 32.

[219] Epist, IV, 21.

[220] Пособия. Hirschfeld, Die Häduer und Arverner, см. § 3. — Harold de Fontenay, Autun et ses monuments, с историческим указателем, сост. Anatole de Charmasse, 1889. — Jollois, Mémoire sur les antiquités gallo-romaines de Paris, «Academia des Inscriptions, Mémoires presentés par divers savants», 2-e serie, «Antiquités de France», t. I, 1843. — Lenoir, Statistique monumentale de Paris, 1867; — Paris à travers les âges. Lutece, 1882. — Mowat, Remarques sur les inscriptions antiques de Paris, «Bulletin épigraphique», 1881—1883. — Quicherat, Mélanges d'archéologie et d'histoire. Antiquités celtiques, romaines et gallo-romaines, p. 440 сл., 1885. «Bulletin de la société de l'histoire de Paris», начиная от 1874, «Bulletin de la société des amis de monuments parisiens», начиная от 1885. Histoire générale de Paris. Topographie historique du vieux Paris, начиная от 1866. Cochet, La Normandie souterraine, 2-е изд., 1855. La Seine Inférieure historique et archéologique, 2-е изд., 1866. Répertoire archéologique du département de la Seine-Inférieure, 1871. — De la Borderie, Histoire de Bretagne I, 1896. — Maitre, Géographie historique et descriptive de la Loire Inférieure. Les villes disparues des Namnetes, 1893. Для других монографий см. указатель к Corpus inscr., XIII.

[221] См. ниже, гл. II, § 1.

[222] См. стр. 157.

[223] Panegyrici veteres. — Incerti gratiarum actio Constantino Augusto, 6—8.

[224] См. стр. 191.

[225] Misopogon, 4.

[226] См. ниже, гл. II, § 3.

[227] Источники. Для литературы текстов, касающихся римской Германии, см. Riese, Das rheinische Germanien in der antiken Literatur, 1892. — Кроме той части XIII т. Corp. Inscr.

lat., которая касается надписей Бельгики и двух Германий, мы укажем на следующие собрания, в остальном отсылая к пародическим изданиям, указанным в начале третьей книги: Schuermans, Epigraphie romaine de la Belgique, «Bulletin des commissions royales d'art et d'archéologie», 1891—1893. — Vaillant, Notes boulonnaises, Epigraphie de la Morinie, 1890. — Robert et Cagnat, Epigraphie gallo-romaine de la Moselle, 1873—1883. — Maxe-Werly, Monuments épigraphiques du Barrois, 1883. — Schoepflin, Alsatia illustrata, 1751—1761 (франц. пер. Ravenez, 1819—1852). — Mowat, Inscriptions de la cité des Lingons, «Revue archéologique», 1889—1890. — Mommsen, Inscriptiones Confederationis helveticae, 1854. — Brambach, Corpus inscriptionum rhenanarum, 1867. — Hettner, Die römischen Steindenkmäler des Provinzialmuseums zu Trier, 1893. — Becker, Die römischen Inschriften und Steinsculpturen des Museums der Stadt Mainz с дополн. Keller'a, 1883 и 1887, и Korber'a, 1897.
Пособия. См. стр. 78 и слл. De Ring, Mémoire sur les établissements romains du Rhin et du Danube, 1852—1853. — Hettner, Zur Kultur von Germanien und Gallia Belgica, «Westdeutsche Zeitschrift», 1883. — Kurth, La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de la France, Bruxelles, 1895. — Bequet, Les grands domaines et les villas de l'Entre-Sambre et Meuse sous l'Empire romain, «Annales de la Société archéologique de Namur», 1893. — Keiffer, Précis des decouvertes archéologiques, faites dans le Grand-Duché de Luxembourg, «Revue archéologique», 1898. — Hettner, Das römische Trier, «Philologenversammlung in Trier», 1879. — Castan, Le Champ de Mars de Vesontio, «Revue archéologique», 1870. — Vesontio, colonie romaine, ibid., 1877. — Mommsen, Die Schweiz in römischer Zeit, 1854. — Ero же, Schweizer Nachstudien, «Hermes», 1881. — Burckhardt-Biedermann, Helvetien unter den Römern, 1886. О Майнце и военных городах — Bergk, Die Verfassung von Mainz in römischer Zeit, «Westdeutsche Zeitschrift», 1882. — Mommsen, Die römischen Lagerstädte, «Hermes», 1873. — Morel, Kornemann, Schulten, соч. цит. выше, на стр. 128. — Schbulten, Die Landegemeinden in römischen Reich, «Philologus», 1894. — Ero же, Das Territorium Legionis, «Hermes», 1894.

[228] Auson., Treveri. Ordo nobilium urbium.

[229] Нынешние кантоны Турговию, Апенцель, Сен-Галлен, Гларис, Гризон.

[230] Нионский praefectus arcendis latrociniis входит в эту систему. См. выше, стр. 127.

[231] Пособия. Budinsky, Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen, 1881. — Gröber, Grundriss der romanischen Philologiee, I, p. 290 и сл. — Bonnet, Le latin de Grégoire de Tours, 1890. — Brunot, Origines de la langue française в Histoire de la langue et de la litterature française, издаваемой под редакцией Petit le Julleville, I, 1895. — Mohl, Introduction à la chronologie du latin vulgaire, «Bibliothèque des Hautes Etudes», 1899. — Naudet, Mémoire sur l'instruction publique chez les anciens et principalement chez les Romains, «Mémoires de l'Acad. des Inscr.», 1831. — Jung, De scholis romanis in Gallia comata, 1885. — Boissier, La fin du paganisme, 2-е изд., 1894, I, p. 145 сл. — Jullian, Les premières Universités françaises. L'école de Bordeaux au IV siécle, «Revue internationale de l'Enseignement», 1893.

[232] IV, I, 12.

[233] Epist., III, 3.

[234] Celtice, vel si mavis, gallice loguere, dummodo Martinum loquaris. Диалоги, II, 1.

[235] Auson., Ordo nobilium urbium, XIV, 32. Fortun., Carmina, I, 9. Greg. Tur., Historia Francorum, I, 30; IV, 31. Vitae patrum, XII, 2.

[236] См. ниже, стр. 268.

[237] Contra haereses, I, предисловие Migne, Patrologia graeca, VII, p. 444.

[238] Digesta, XXXII, 11.

[239] Migne, Patr. lat., t. XXVI, стр. 357. См. по этому вопросу Perrot (Revue celtique, 1870—1872, p. 179) и Fustel de Coulanges, Gaule romaine, p. 129. Последний утверждает, будто язык тревиров — германский. Это неверно. Их ономастика — кельтская.

[240] Loth, L'émigration bretonne en Armorique, 1884.

[241] См. ниже, § 2, конец.

[242] Gaston Paris, Romania, p. 1 и сл.

[243] Sueton., Claudius, 16. Dion. Cass., LX, 17.

[244] Tacit., Agricola, 21.

[245] IV, 1, 5.

[246] Cod. Theod., XIII, III, 11.

[247] См. далее, стр. 232.

[248] Cod. Theod., XIII, III, 5.

[249] См. выше, стр. 157.

[250] Eumenii oratio pro restaurandis scolis, 14.

[251] Epist, IX, 88.

[252] 24 анноны для ритора и 12 для грамматика, по эдикту Грациана. (Аннона = прибл. 75 фр.).

[253] Стр. 198.

[254] Источники. (Перечень христианской литературы см. ниже, кн. VI). — XII. Panegyrici latini, изд. Baehrens, 1874. — Ausonius, изд. Schenkl, 1883. — Rutilius Namatianus, изд. Zumpt., 1840, и Baehrens, Poetae latini minores, V, 1883. Новое издание этих писателей в Mon. Germ. hist., серия in 4^0 Auct. Antiq.
Пособия. Teuffel, Geschichte der römischeu Litteratur, 5-е изд., 1890 (франц. перев. Bonnard et Pierson, 1879). — Histoire littéraire de la France, издание бенедиктинцев, конгрегации св. Мавра, I и II, 1733—1735. — Ampère, Histoire littéraire de la France avant le XII siècle I и II, 1839. — Amedée Thierry, Tableau de l'Empire romain, 1868, p. 203 и сл. — Его же, La littérature profane en Gaule au IV siècle, «Revue de deux Mondes», 1873. — Brandt, Eumenius von Augustodunum, 1882. — Seeck, Studien zur Geachichte Diokletians und Constantins. Die Reden des Eumenius, «Jahrbücher für Classische Philologie», 1880. — Boissier, Les rhéteurs gaulois au VI siécle, «Journal des Savants», 1884. — Его же, La fin du paganisme, II, 2-е изд., 1894, p. 49 сл. — Jullian, Ausone et son temps, «Revue historique», 1891—1892. — Puech, De Paulini Nolani Ausoniique epistularum commercio, Paris, 1887.

[255] Пособия. Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, 1885—1888. — Caumont, Abécédaire ou rudiment d'archéologie. Ere gallo-romaine, 2-е изд., 1879. — S. Reinach, L'origine et les caractéres de l'art gallo-romain, помещенное в «Description raisonnée du Musée de Saint-Germain. Bronzes figurés, 1894». — Caristie, Monument antiques à Orange, 1856. — Senz, Das Grabmal der Julier zu Saint-Rémy, «Jahrbuch des kaiserlich-deutschen archäologischen Instituts, III, 1888». — Hübner, Die Bildwerke der Julier in Saint-Rémy, ibidem (таблицы в Antike Denkmàler, I, 1887). — Courbaud, Le basrelief romain à représentations historiques», 1899. — Hettner, Die Neumagener Monumente, «Rheinisches Museum», 1881. — Zur Kultur von Germanien und Gallia Belgica «Westdeutsche Zeitschrift», 1883. — Heuzey, Quelques observations sur la sculpture greque en Gaule, «Mémoires de la Société des Antiquaires, 1876». — Perrot, Rapport sur les fouilles de Martres Tolosanes, «Revue archéologique», 1891. — Joulin, Les établissemwnts gallo-romains de Martres Tolosanes, «Comptes rendus de l'Acad. des Inscriptions», 6 oct., 1899. — Blanchet, Etude sur les figurines en terre cuite de la Gaule romaine, «Mémoires de la Société des Antiquaires», 1891. — Thédenat et Héron de Villefosse, Le trésors de vaisselle d'argent trouvés en Gaule, «Gazette archéologique», 1885. — S. Reinach,

Catalogue du Musée de Saint-Germain, 1891 et Déscription (см. выше). — Julliot, Musée gallo-romain de Sens, 1869—1896. — Audiat, Catalogue du Musée de la ville de Saintes, 1888. К журналам, упомянутым в начале книг III и V, прибавить: «Gazette archéologique», 1875—1886, и «Album archéologique des Musées de province», под ред. Lasteyrie с 1890 г. Новые точки зрения на эволюцию галло-римской архитектуры см. в статье проф. М. И. Ростовцева, «Ворота триумфальные», в Нов. Энцикл. Словаре Брокгауза и Ефрона.

256 См. статью проф. М. И. Ростовцева, «Вилла» в Нов. Энцикл. Словаре.

257 См. стр. 217.

258 См. выше, стр. 34 и сл.

259 См. выше, стр. 14-15 и 33 и слл.

260 Пособия. См. выше, прим. на стр. 31, 34, 38. Кроме того, D'Arbois de Jubainville, Les druides sous l'empire romain, «Revue archéologique», 1879. — Duruy, Comment perit l'institut druidique, ibid, 1880. — Bloch, L'interdiction des sacrifices humains à Rome et les mesures prises contre le druidisme, Mélanges de Rossi, — добавление к «Mélanges de l'Ecole française de Rome», 1892. — Boissier, La réligion romaine d'Auguste aux Antonins, 1874. — Preller, Römische Mythologie, 3-е изд. Jordan, 1881. — Cumont, Textes et monuments figurés relatifs aux mystéres de Mithra, 1896. — Dechérme, Cybèle. — Lafaye, Isis, «Dictionnaire des antiquités», Saglio, — О нравах: Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, 1891, стр. 206 и сл. — Samuel Dill, Roman Society in the last century of the Western Empire, 1898.

261 Hist. nat., XXX, 13.

262 См. выше, стр. 38 и слл.

263 CIL. XIII. 2200, 2205, 1862, 1910; XII, 2039; XIII, 2037, 2036.

264 Источники. Относительно торговли, кроме надписей, см. Strabo, IV, 1—4. — Plin., Hist. nat. И т. д. О путях сообщения, кроме надписей на могильных камнях, изданных в CIL — дает материал Itinerarium Antonini, изд. Perthey et Pinder, 1848, и Таблица Пейтингера (см. ниже). — О корпорациях — Digesta I., 6, 3—4. — Cod. Theod., особенно кн. XIV. Об эпиграф. текстах см. у Waltzing III (см. ниже).

Пособия. О торговле: Desjardins, Géographie de la Gaule I, 1876. — Pigeonneau, Histoire du commerce de la France I, 1885. — См. также выше, стр. 21 и слл. — О путях и путешествиях — Desjardins, op. cit. IV, 1893. — Его же, Géographie de la Gaule d'après la table de Peutinger, 1869. — Jullian, Routes romaines et routes de France, «Revue de Paris», 1900. — Friedländer, Darstellung aus der Sittengeschte Roms. II, 5-е изд., 1881. О корпорациях — Levasseur, Histoire des classes ouvrières en France, 1, 2-е изд., 1900. — Waltzing, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains, 1895—1899.

265 Tacit, Annales, XIII, 53.

266 См. стр. 127.

267 CIL., XII, 4.

268 См. стр. 166 и слл.

269 Источники. Cod. Theodos., Auson., Sid. Apol., Salvian, De Gubrtnatione Dei, Paulin. Pell. Eucharisticon.

Пособия. Fustel de Coulanges, Le colonat romain, в его Recherches sur quelques problémes d'histoire, 1885. — L'invasion germanique, 1891. — L'alleu et le domaine rural, 1889. — Les origines du système feodal, 1890. — D'Arbois de Jubainville, Recherches sur l'origine de la propriété fonciére et des noms des lieux habités en France, 1890. — Flach, Les origines de l'ancienne France, 1886—1893. — Его же, L'origine historique de l'habitation et des lieux habités en France, 1899. — Lécrivain, Le Senat romain depuis Dioclétien, 1888. — Слово Latifundia в Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités. Dill, Op. cit., выше гл. II, § 4.

[270] См. стр. 147.

[271] Baga — борьба? См. Holder, Altceltischer Sprachschatz. D'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe II, p. 349.

[272] См. выше, стр. 159 и 191.

[273] Вопрос о происхождении колоната трактован широко и с новой точки зрения у Rostowzew, Studien zur Geschivhte des römischen Kolonates, 1910. Erstes Beiheft zum Archiv für Papyrusforschung (*прим. перев.*).

[274] Panegyrici latini, V, 8, 9, 21.

[275] Sidon. Apoll., Epist., III, 3.

[276] Страбон (IV, 1, 11) сообщает нам, что аристократия аллоброгов сосредоточилась в Вьенне.

[277] См. М. И. Ростовцева, статью, цитиров. выше на стр. 241.

[278] См. очерк Л. П. Карсавина, Магнаты конца Римской Империи, в сборнике «Ивану Михайловичу Гревсу — ученики», СПб., 1911.

[279] Sid. Apoll, Carmina XXII.

[280] Здесь заканчивается часть, принадлежащая Г. Блоку.

[281] Книга VI-я принадлежит Ш. Байе.

[282] Источники: Евсевий, История церкви, кн. V — Gregorii Turon. (изд. Arndt-Krusch M. G. in 4^0 Script. rer. merov. tt. I и II), Historia Francorum, кн. I, гл. 29 и след.; X, 31, 37. — De gloria confessorum. — De gloria martyrum. — Ruinart, Acta martyrum sincera, 1689. — Sulpicii Severi (изд. Halm), Chronica, Vita S. Martini, Dialogi; сочинения Иринея, Павлина Ноланского в Migne, Patrologia latina и в Corpus Scriptor. eccles. — Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule anterieures au VIII siècle, 1856 и 1892. — Codex Theodos, кн. XVI. — Delisle, Anciens catalogues des évêques des églises de France, в «Histoire littéraire de la France», т. XXIX. — Другие менее ценные документы указаны у Molinier, Les sources de l'histoire de France, т. I, 1902, стр. 19 и след.
Пособия. Le Nain de Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles, 1693—1712. — Renan, Histoire des origines du Christianisme, т. VII, Marc-Aurele, 1882. — Allard, Histoire des persecutions dans l'empire romain, 5 т., нов. изд., 1894—1903. — Beugnot, Histoire de la destruction du paganisme en Occident, 1835. — Schultze, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums, 1887. — Le Blant, Les actes des Martyrs, Supplément à Dom-Ruinart, 1890. — Hirschfeld, Zur Geschichte des Christentums in Lugdunum vor Constantin, 1895. — Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, т. I, 2-е изд., 1898. — Boissier, La fin du paganisme, 1891. — Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den drei ersten Jahrhunderten, 1902. Самыми важными сочинениями о начале христианства в Галлии являются сочинения — Duchesne, Catalogues episcopaux de la province de Tours, 1890. Его же, Mémoire sur l'origine des dioceses episcopaux dans l'ancienne Gaule, 1890, Его же, Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule, 1894—1900.

[283] По этому вопросу много спорили в прошлом столетии. История этих споров изложена у Houtin, La controverse de l'apostolicité des églises de France au XIX siècle, 1901. О происхождении некоторых легенд: Duchesne, La légende de sainte Marie-Madelaine, saint Martial de Limoge («Annales du Midi», 1892—1893). — De Manteyer, Les légendes saintes de Provence, «Mélanges d'histoire et d'archéologie de l'école de Rome», 1897. — Dom Morin, Saint Lazare et saint Maximin, 1897, в «Mémoires de la Société des Antiquaires de France». Тезис о роли апостолов в основании церквей Галлии появился в V в.; в VI в. он формулирован в агиографических сочинениях Григория Турского, в противоречии с его историческими сочинениями. Однако и в Средние Века он постоянно встречал возражения. Еще в XII в.

Гиберт Ножанский возмущался этими «детскими сказками, годными для мужичьих ушей».

[284] Chronica II, 32 (изд. Halm), p. 86. Об этом тексте много спорили, но ему трудно отказать в реальном значении.

[285] О Лионе этой поры, см. выше, стр. 208-213.

[286] Это явствует из текстов Юстина, Apologia I, 4, Тертуллиана — Ad nationes, 2, 3; из письма Плиния к Траяну, I, X, 96, 97; из разных «Деяний мучеников» (Acta martyrum). Это положение оспаривал Le Blant, Notes sur les bases juridiques des poursuites contre les chrétiens, «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions», 1866. Его же, Recherches sur l'accusation de magie, portée contre les premiers chrétiens, «Mém. de la société des antiquaires de France», 1869; Les actes des martyrs, 1882, p. 41. По-видимому, следует принять вместе с Duchesne'ом, Origines chrétiennes p. 115 и сл., и с Mommsen'ом, Der Religionsfrevel nach römischen Recht, «Sybels Historische Zeitschrift», 1890, — что, начиная со II в. христиане были преследуемы только как христиане.

[287] Vachez, L'amphithêatre de Lugdunum et les martyrs d'Ainay, 1887. — Bazin, L'amphithêatre de Lugdunum, «Revue archéologique», 1887. — Allmer et Dissard, Inscriptions antiques au musée de Lyon, t. II, 1889, p. 297 и сл.

[288] Написано по-гречески, но, за исключением нескольких отрывков, мы знаем его лишь в латинском переводе. — Migne, Patrologia graeca, t. VII.

[289] Первые буквы слов (Ἰησοῦς Χριστὸς Θεοῦ υἱὸς σωτήρ) «Иисус Христос Сын Божий Спаситель», составляет слово (Ἰχθύς) — означающее рыба.

[290] О легенде св. Дионисия, см. J. Havet, Les origines de saint Denis, «Bibl. de l'Ecole des Chartes», 1890, p. 25 и сл.

[291] Harnack (Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den drei ersten Jahrhunderten) установил 4 категории стран по густоте христ. населения. Галлия попала в 4-ю, кроме побережья Средиземного Моря, принадлежащего ко 2-й.

[292] В эту пору церковь волновал так называемый новацианский спор. Антипапа Новациан, став во главе ригористов, утверждавших, что нет прощения тем, кто проявил слабость во время гонений — увлек за собою епископа арльского Марциана. Фавстин лионский и остальные высказались против него вместе с папой Евгением и Киприаном Карфагенским.

[293] Greg. Tur., Historia Francorum. I, 48.

[294] Лучшее издание сочинений Сульпиция Севера сделано Halm'ом в 1866 г. в Corpus scriptorum ecclesiasticorum, Венской Академии. О св. Мартине, см. Reinkens, Martin von Tours, 1866. — Lecoy-de-la-Marche, St. Martin de Tours, 1881 (недостаточно критическое). — Buillot, Mission rt culte de St. Martin d'après les légendes et les monuments populaires dans le pays eduen — «Mémoires de la société eduenne», 1888. — Bernoulli, Die Heillgen der Merovinger, 1900, кн. I, гл. 1.

[295] В одной Франции имеется 3675 храмов, посвященных св. Мартину. Его имя пережило в названиях 425 бургов, деревень и поселков (Lecoy-de-la Marche, op. cit., p. 500). В VIII в. ему было посвящено более ½ церквей округа Бордо: Jullian, Ausone et Bordeaux, p. 138.

[296] Anthologia latina, изд. Riese, p. 317.

[297] См. выше, стр. 41.

[298] Maury, Les fées au Moyen-Age, 1843; La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au Moyen-Age, 1860; — Croyances et légendes du Moyen-Age; Longnon et Bonet-Maury, Fées, нов. изд. 1896. — Fl. Vallentin, Les dieux de la cité des Allobroges, «Revue Celtique», т. IV, 1879. — Sal. Reinach, Les monuments de pierre brute dans le langage et les croyances populaires,

«Revue archéologique», 1893. — Mannhardt, Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme, 1875. — Cerquand, Sur la persistance et les transformations de légendes relatives aux divinités celtiques ou germaniques au Moyen-Age, 1889, и т. д. См. стр. 29 настоящего сочинения.

[299] См. стр. 240-245.

[300] См. Histoire littéraire de la France — изд. бенедиктинцев, т. I и II, 1733—1735. — Ampère, Histoire littéraire de la France avant le XII т. II, 1839. — Ebert, Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im Abendlande bis zum Beginne des XI Jahr., Leipzig, 1874—1887. — Jullian, Ausone et Bordeaux, 1893. — Boissier, op. cit. — Guizot, Histoire de la civilisation en France, т. I, p. 90 и 101, хорошо характеризует этот контраст языческого и христианского общества.

[301] Источники. Concilia, изд. Labbe, 1671—1672, или Mansi, 1759—1793. — Bruns дал в 1839 г. удобное издание соборных канонов первых веков. Для изучаемого периода гл. обр. изд. M. G., серия in 4^0, Legum sectio, Concilia merovingici et carolini aevi. Сочинения Сальвина, Сидония Аполлинария, Илария еп. Пуатье, Кассиана, Проспера Аквитанского, Фавста еп. Рие, Оренция — см. в Migne, Patrologia latina. Большею частью они переизданы тщательнее в Corpus scriptorum ecclesiaticoru, изд. Вьенской Академии и M. G. Серия in 4^0. Пособия. Кроме указанных — Loening, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, 1878. — Hefele, Conciliengeschichte, 1873—1890, гл. обр. три перв. тома. — Duchesne, Origines du culte chrétien, 3-е изд. 1903. — Imbart de la Tour, Les paroisses rurales du IV au XI siècle, 1900. — Marignan, La foi chrétienne au IV siècle, 1887. — Etudes sur la civilisation française, 1899. — Malnory, Saint Césaire d'Arles, 1894. — Arnold, Césarius von Arelate und die Gallische Kirche seiner Zeit, 1894. — Valentin, Saint Prospère d'Aquitaine, 1900. — Le Blant, Etude sur les sarcophages chrétiens de la ville d'Arles. 1878, и Les sarcophages chrétiens de la Gaule, 1886.

[302] Эта литература питается общим достоянием бродячих сюжетов. См. Kohler, Etudes critiques sur la vie de sainte Geneviève, 1881, p. III и сл.

[303] Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, нов. изд. 1891 г., стр. 39 (рус. перев. под ред. проф. И. М. Гревса). — Chènon, Etude historique sur la Defensor Civitatis, «Nouv. Revue hist. de droit fr. et étr.», 1889, p. 551.

[304] См. выше, стр. 189-190.

[305] Многие писатели этой эпохи говорят о Присциллиане: Сульпиций Север, Chronica, II, 46—51; Бл. Иероним, De viris illustribus, с. 121—123; Бл. Августин, De haeresibus, с. 70; Павел Орозий, Commonitorium, с. 2 и т. д. Недавнее открытие 11 трактатов Присциллиана опять привлекло к нему внимание науки. — См. Priscilliani, quae supersunt, изд. Scheps'a в Corpus scriptorum eccles. latin., Венской Академии. — Из статей, появившихся по этому поводу, см. Puech, «Journal des Savants», 1891. — Lavertujon, La cronique de Sulpice Sevère, t. II, 1899, в особенности стр. 548 и слл.

[306] В конце IV в. на галльскую Церковь оказывала влияние Церковь Милана. См. Duchesne, Origines du culte chrétien, p. 32 и сл.

[307] Об этом и о соперничестве Арля и Вьенны см. Gundlach, Der Streit der Bisthümer Arles und Vienne, 1860, и Duchesne, Fastes episcopaux, t. I, p. 84 и сл.

[308] Кроме указ. соч. — Besse, Premiers monastères de la Gaule meridionale, «Revue de Questions historiques», 1902. На русск. яз. есть живо написанный популярный очерк Л. П. Карсавина, Средневековое Монашество, СПб., 1912. Там же см. указания литературы.

[309] Quicherat, Mélanges d'archéologie et d'histoire, t. II, 1886. Enlart, Manuel d'archéologie française, t. I, 1902. О христианских базиликах имеется много сочинений, которых мы здесь не приводим.

[310] Франц. слово, означающее кладбище — cimetière от греческого (κοιμητήριον), место, где спят, выражает надежду на воскресение.

[311] Aubé, La polémique païenne à la fin de II siècle, 1878, p. 386. Le Blant, Le détachement de la patrie — мемуар, прочтенный во Французском Институте в 1872 г. — Giraud, Les assemblées provinciales dans ẽ'Empire romain, 1887, p. 238 и сл. Конечно, не одно христианство обусловило запустение курии в V в.!

[312] Sulpicii Severi, Chronica, I, 32, 3. См. соображения Bernays, Ueber die Chronil des Sulpicius Severus, в его «Gesammelte Abhandlungen», 1885, т. II, p. 117 и слл.

[313] Источники. Caesar, De bello gallico, кн. IV, гл. 1 и сл., кн. VI, гл. 21 и сл. — Tacit., Germania, Annales, Historiae, passim. В приложении к своему изданию Germaniae, Müllenhof собрал тексты Страбона, Плиния Старшего и т. д., относящиеся к германцам. — Amm. Marc., Rerum gestarum libri. — Panegyrici latini (изд. Baerrens), 1874. — Oros., Histor. libri VII adversus paganos. Sulpicii Serveri, Chronica. — Greg. Tur., Historia Francorum, кн. II. Авторы, указанные в этой главе, изданы в особенности у Migne, Patrologia latina, в Corpus scriptorum ecclesiasticorum, изд. Венской Академии и в серии in 4 Monumenta Germaniae historica, Auct. Ant. и SS. Относительно достоинства источников, следует справиться у Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittellater, 6-е изд., 1893—1894 и Molinier, Les sources de l'histoire de France, т. I, 1902. Пробный указатель, как источников, так и литературы см. у Dahlmann-Waitz, Quellenkunde der deutschen Geschichte, посл. изд. 1912. Пособия. Кроме сочинений, указанных уже на стр. 7—14, по поводу германцев — Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837 (всегда полезна книга, хотя и давно издана). — Lehuërou, Histoire des institutions mérovingiennes, 1842, ч. V—X. — Roth, Geschichte des Beneficialwesens, 1850. — Arnold, Wanderungen und Ansiedlungen deutscher Stämme, 1875—1881. — Dahn, Die Könige der Germanen, 1861—1907, и Uhrgeschichte der germanischen und romanischen Völker, 1880—1889. — Müllenhof, Deutsche Altertumskunde, 1890—1892. — Wietersheim-Dahn, Geschichte der Völkerwanderung, 1880. — O. Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt, т. I—IV, 1898—1911. — Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. I, 3-е изд., 1880. — Sybel, Die Entstehung des deutschen Königtum, 3-е изд., 1884. — Fustel de Coulanges, Histore des institutions politiques de l'ancienne France; L'invasion germanique, 1891; рус. перев. под ред. проф. И. М. Гревса. Recherches sur quelques problémes d'histoire, 1885. — Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, t. I, 1906. — Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3-е изд. — Lamprecht, Deutsche Geschicht, t. I, 1891. — Becquet, La Gaule avant et pendant les invasions des Francs, 1888. См. также превосходные статьи о языке, праве, мифологии и т. д. древ. германцев в Paul, Grundriss der german. Philologie, t. III, 1903, особенно статью Otto Bremer'a, с обстоят. библиогр. — L. Schmidt, Allgemeine Gesçjichte der germanischen Völker bis zur Mitte des VI-en Jahrh. На рус. яз. см. статьи в I-м т. Виноградова, «Книга для чтения по истории Ср. Веков» и статьи «Великое переселение» и «Германцы» в «Нов. Энцикл. Словаре» Брокгауза-Ефрона, с библиогр. указаниями.

[314] Глава 33.

[315] Мы ограничиваемся общим описанием, не входя в критический анализ разнообразных теорий о древнегерманских учреждениях.

[316] По этому вопросу в особенности ценна цитиров. выше (стр. 300) статья Bremar'a в Paul, Grundriss. (См. также указ. статьи в «Нов. Энцикл. Словаре»).

[317] Подобные объединения попадались и во времена Тацита. См. о свевах, Germania с. 38, 39.

[318] См. выше, стр. 149 и слл., и 194 и слл.

[319] Напр. Фурфоз в Бельгике.

[320] Kurth, Histoire poétique des Mérovingiens, 1893, app. I.

[321] Разница между салиями и рипуариями не проявляется в документах с такой точностью, как думают некоторые писатели. О франках и аламаннах в сношениях с Римом, см. Kurth, Clovis, 2-е изд., 1901, кн. I.

[322] Эти варварские шайки проникают в глубину Галлии. Думают, что они разрушили Бордо в 276 г. Jullian, Inscriptions romaines de Bordeaux, t. II, p. 296, 588. Histoire de Bordeaux, 1895, p. 42.

[323] Долго думали, что имена на heim, частые в юго-западной Германии, Швейцарии и Эльзасе, свидетельствуют об аламаннском заселении. Это оспаривал Witte, (Korrespondenzblatt des Gesammtvereins der deutschen Geschicht und Altertumsvereine, 1899).

[324] Kurth, La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de la France 1895—1898, «Mémoires de l'Académie de Belgique».

[325] См. статью Готы, проф. Ф. Броуна в «Нов. Энцикл. Слов.» с указ. литер.

[326] См. выше, стр. 178–179.

[327] Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, p. 291 и сл., держится совершенно обратного мнения, будто от I-го до V в. Германия переживала постепенный глубокий упадок.

[328] Regales — вероятно, члены семей, откуда выбирались короли и вожди. Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse en France, 1902.

[329] О галло-римских городах — см. выше, стр. 200–230.

[330] Kurth., op. cit. — Brèal, Premières influences de Rome sur le monde germanique, «Journal de Savants», 1889.

[331] Bessel, Ueber das Leben desUlfilas, 1860, и статья Gohhen в «Encyklopädie» Ersch'a и Grüber'a, т. 75, 1862 г. — Révillout, De l'arianisme des peuples germaniques, 1850.

[332] Пособия. См. выше, стр. 78, 166 и 300. Относительно утверждения германцев в Империи: Gaupp, Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Reiches, 1884. — Léotard, Essai sur la condition des Barbares établis dans l'empire romain au IV siècle, 1873. — Opitz, Die Germanen im römischen Imperium, 1867. — Stäckel, Die Germanen im römischen Dienste, 1880. — Mommsen, Die germainschen Leibwachter der römischen Kaiser, «Neues Archiv», 1883. — Rosenstein, Die germanischen Leibwache der julisch-claudischen Kaiser, «Forschungen zur deutschen Geschichte», 1884. — Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse en France, 1902.

[333] См. выше, стр. 177.

[334] См. выше, стр. 268 и сл.

[335] См. выше, стр. 193 и сл.

[336] См. выше, стр. 198.

[337] Jordanis, c. 28. Для более раннего периода собраны факты у Fustel de Coulanges, L'invasion germanique, p. 312 и сл.

[338] См. также выше, стр. 245, стихи Намациана.

[339] См. выше, стр. 152 и сл.

[340] См. стр. 303 и сл.

[341] Источники. Тексты, относящиеся к этому периоду, собраны большей частью у Dom-Bouquet, Recueil des Historiens des Gaules et de la France, т. II, III и у Migne, Patrologia latina. Многие изданы заново в Monumenta Germaniae historica, серия in 4^0, Auctores Antiquissimi, Leges (Сидоний-Аполлинарий, Сальвиан, Иордан, Григорий Турский, Chronica minora, Leges Burgundionum Leges Wisigotorum); и в Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, изданном Венской Академией (Орозий, Павлин Пеллейский,

Сальвиан). Жития святых, важные для истории, перечислены у Molinier, Les sources de l'histoire de France, 1902, стр. 46 и сл. с указанием собраний, где можно найти их. Пособия. Кроме указанных уже сочинений (Fustel de Coulanges, Wietersheim, Waitz, Sybel, Dahn, Lamprecht, Brunner, Schröder); см. Dom Vaissette, Histoire générale de Languedoc, новое издание, 1872—1892. — Fauriel, Histoire de la Gaule méridionale sous les conquerants germains, 1838. — Digot, Histoire du royaume d'Austrasie, 1863. — Longnon, Géographie de la Gaule au VI-e siècle, 1878. — Binding, Das Burgundisch-Romanische Königreich, 1868. — Jahn, Geschichte der Burgundionen, 1874. — Caillemer, L'établissement des Burgondes dans le Lyonnais, 1877. — Bethmann-Hollweg, Der Civilprocess im Mittelalter, т. I, 1867. — Dahn, Die Könige der Germanen, т. V, 1876, т. VI, 1885. — Yver, Euric, roi des Wisigoths, в «Etudes d'histoire du Moyen Age dediées a G. Monod», 1896. — A. Kleinclausz, Histoire de Bourgogne, 1909. — На рус. яз. см. статью И. М. Гревса, Аларих и вестготы, в «Книге для чтения», П. Виноградова. См. также статьи «бургунды», «вестготы» и «гунны» в «Нов. Энцикл. Словаре» Брокгауза-Ефрона, с указан. литературы.

342 Am. Marc., XXXI, 2. Его описание здесь сокращено.

343 Migne, Patrol. lat., t. XXII, p. 1057 и сл. Бл. Иероним, подобно некоторым христианским писателям, обвиняет Стилихона, что он предал Галлию варварам. Это утверждение не может быть принято без ограничений.

344 Jullian, Ausone et Bordeaux, 1893.

345 Орозий, VII, 48, передает слова одного нарбоннца, часто слышавшего такие речи от Атаульфа.

346 Pfister, La limite de la langue française et de la langue allemande en Alzace-Lorraiue, 1890.

347 Kurth, La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de France, 1895. — Wauters, Les origines de la population flamande de Belgique, «Bulletin de l'Acad. de Belgique», 1885. — Van der Kindere, Les origines de la population flamande — тот же журн. того же года. — Pireune, Histoire de Belgique, t. I, 1900. С XIII в. французский язык значительно вытесняет фламандский.

348 См. ниже.

349 «Mémoires, rapports en vue du Congrès de Charleroi en 1888» и «Comptes rendus» того же конгресса. См. мемуары Van Bastelaer, Tahon, Loe, Becquet. Могильные находки хранятся в музее Намюра. Barrière-Flavy, Les arts industriels des peuples barbares de la Gaule, 1901.

350 Об историч. основах поэмы см. Lichtenberger, Le poème et la légende des Nibelungen, 1891.

351 Jordanis. Его живописный рассказ возбуждает серьезное недоверие.

352 См. Lécrivain, Un épisode inconnu de l'histoire des Wisigoths, «Annales du Midi», 1889.

353 См. в особенности старое, но не утратившее своего значения сочинение Gaupp, Die germanischen Ansiedelungen und Landteilungen, 1844. — Fustel de Coulanges, Nouvelles recherches sur quelques problémes d'histoire, 1891, p. 279 и сл. — Julien Havet, Du partage entre les Romains et les Barbares chez les Romains et les Wisigoths, во втором томе его сочинений, 1896. — Saleilles, De l'établissement des Burgondes sur les domaines de Gallo-Romains, в «Revue bourguignonne de l'Enseignement Supérieur», 1891.

354 Tamassia (Egidio e Siagrio, «Rivista storica italiana») попытался разобраться в темной истории Эгидия.

355 Courajod, Leçons professées à l'Ecole du Louvre, t. I, 1899. Противоположного направления. — Brutails, L'archéologie du Moyen Age et ses méthodes, 1900.

356 Кроме указанных сочинений, см. Monod, Sur un texte de la compilation dite de Frédégaire, relatif à l'ètablissement des Burgundions dans l'empire romain, 1878. «Bibl. de l'Ecole des Hautes Etudes», 35-e fasc.

[357] См. особенно Le Rouxet Marteaux, Sépultures bourgondes, «Revue Savoisienne», 1898.

[358] Лионский диспут 499 г. между католическими епископами и арианскими учителями сомнителен. См. J. Havet, Questions mérovingiennes, p. 33 сл., и I т. его «Oeuvres», 1897.

[359] Loth, L'émigration bretonne en Armorique du V и VI siècle, 1883. — De la Borderie, Cartulaire de Landevenec, 1889; его же, Histoire de Bretagne, т. I, 1896. Оба оказали исторической науке серьезную услугу, хотя их упрекали в некритическом пользовании поздними и иногда сомнительными житиями святых. — M. Duchesne («Revue historique», 1898, t. LXVI, p. 182, и «Revue celtique», 1901, p. 91) правильно замечает, что «следует отказаться от надежды узнать историю Бретани до IX в.».

[360] В своей Historia de Excidio Britanniae, ed. Steffens. Lond., 1838.

[361] Источники. Dom Bouquet, Recueil des Historiens des Gaules et de la France, т. III, IV. — В Monumenta Germaniae Historica, см. 3 тома Scriptores rerum merovingicarum (Григорий Турский, так наз. Хроника Фредегера Liber Historiae, жития святых); Cassiodori, Variae; Epistolae merovingici aevi; Concilia aevi merovingici.
Пособия. Кроме указанных выше сочинений (Fustel de Coulanges, Waitz, Dahn, Sybel, Digot, Longnon, Lamprecht и т. д.) см. Junghans, Histoire de Childérich et de Chlodovech, пер. Monod, 1879. Kurth, Clovis, 2-е издание, 1901 (сочинение с большими научными достоинствами, значение которого, к сожалению, подрывается рискованными гипотезами и апологетическими тенденциями. В нем указана вся предшествующая литература). — Rajna, Le origini dell epopea francese, 1884; Nyrop, Storia dell epopea francese, 1888, пер. с датского; Kurth, Histoire poétique des Mérovingiens, 1893, занимались легендами, относящимися к истории Хлодвига.

[362] Вещи эти хранились в Национальной Библиотеке, в Париже. В 1831 г. они были украдены. Часть их была отыскана и помещена в Лувре.

[363] Chlodouechus, Chlotouechus, который обратился в каролингскую эпоху в Hludowicus, откуда — Louis. Это имя составлено из Cludo — Chlodo — славный и vechus — воин, священник. См. у d'Arbois de Jubainville, Etudes sur la langue des Francs à l'époque mérovingienne, 1900 г. — соображения о функции «жреца и военачальника в эпоху Хлодвига.

[364] Этот рассказ Григория подвергался сильным сомнениям. См. Schübert, Die Unterwerfung der Alamannen unter die Franken, 1884. — Vogel, Chlodwig's Sieg über die Alamannen und seine Taufe, «Sybels Historische Zeitschrift», 1886. — Krusch, Chlodovech's Sieg über die Alamannen, «Neues Archiv», 1888. — Я полагаю, что в целом его следует принять вместе с сообщаемой им датой.

[365] См. анализ этого, подвергавшегося сомнению текста у Mommsen, Ostgothische Studien, в «Neues Archiv», 1890.

[366] В этих рассказах, конечно, много легендарного; хронология их темна. Мы считали наиболее надежным следовать Григорию Турскому.

[367] О положении Парижа — см. выше, стр. 221 и слл.

[368] Среди многочисленных изданий Lex Salica, см. изд. Pardessus, 1843; Hessels и Kern, 1880; Geffcken, 1898, и т. д. Кроме вышеуказанных сочинений, см. Waitz, Das alte Recht der Salischen Franken, 1846. — Sohm, Der Process der Lex Salica, 1867, и Die fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung, 1871. — Schröder, Die Franken und ihr Recht, в «Zeitschrift der Savigny Stiftung», 1881. — Fahlbeck, La royauté et le droit francs, 1883. — Thonissen, L'organisation judiciaire, le droit pénal et la procédure pénale de la loi salique, 2-е изд., 1882. — Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. I, 1906. — Beauchet, Histoire de l'organisation judiciaire en France, 1886. — Esmein, Cours élementaire d'histoire du droit français, 1901. — Viollet, Précis d'histoire du droit français, 1886, и его же, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, 1890. Относительно малбергской глоссы, см. в особенно-

сти сочинение Van Helten, в «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache», Sievers'a 1900, и d'Arbois de Jubainville, «Nouvelle revue historique de droit», 1902. На рус. яз. Д. Н. Егорова, Lex salica, текст с примеч. под ред. П. г. Виноградова и М. Ф. Владимирского-Буданова («Сборник законодательных памятников древн. зап. европ. права», вып. I) Киев, 1906.

[369] Kern производит это слово от chrene — чистый и chruda — соскребание; Van-Helten — от hrini — касаться и cruda — от crudan — обязательство; обязательство не касаться.

[370] См. кн. VII, гл. IV, § 4. Салическая Правда не описывает прямо политического строя. Напрасно искали закона о престолонаследии в знаменитом тексте: De terra nulla ad mulierem hereditas perveniat, где речь идет только о наследовании земли. Впоследствии женщина получила право наследовать землю, и этот запрет перестали понимать. Текст был исправлен так: De terra salica nulla ad mulierem hereditas perveniat: женщину исключали только из владения mansus indominicatus, участка, окружавшего дом, см. там же, § 5.

[371] В Сал. Пр. идет речь о sacibaro. Это нечто вроде вице-графа, которого король может назначить и из рабов. Функции его, по-видимому, судебные. Само слово означает: «произносящий вердикт».

[372] Viollet, Précis de l'histoire du droit français, p. 482, дает литературу этого вопроса, на который потрачено столько остроумия, эрудиции, а иногда слишком много фантазии.

[373] Кроме указ. сочинений, — Havet, Du sens du mot «Romain» dans les lois franques, «Revue historique», 1876 и т. II его Oeuvres, 1896. — Rajna, Le origini dell'epopea francese, 1884, p. 336 и сл. Много спорили по поводу теории Фюстель-де-Куланжа, отождествившего Romanus с римским отпущенником.

[374] Так объясняет это Brunner, D. Rg., I, p. 336. См. «Вергельд» в «Нов. Энц. Слов.».

[375] Книга эта принадлежит Ш. Пфистеру, за исключением гл. V-й, написанной Ш. Байе.

[376] Источники. III-я кн. и первые 21 гл. IV-й кн. сочинения Григория Турского, Historia Francorum, см. изд. Arndt'a в Monum. Germ., в Scriptores rerum merovingicarum, и изд. Omont'a в «Collection de textes pour servir à l'enseignement de l'histoire». Кое-что можно найти в хронике Мария Аваншского, см. изд. Mommsen'a, в Chronica minora, т. II, p. 227 (M. G. Pertz'a in. 4^0).
Пособия. Lognon, Géographie de la Gaule au VI siècle, Paris, 1878. — Его же, Atlas historique de la France, 2 livr. Paris, 1889. — G. Richter, Annalen des fränkischen Reichs im Zeitalter der Merowinger, Halle, 1873. — F. Dahn, Die Könige der Germanen, т. VII, Leipzig, 1894. Его же, Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, t. III, Berlin, 1883. — W. Schuitze, Deutsche Geschichte von der Urzeit bis zzu den Karolingern, t. II, Stuttgart, 1896 (в «Bibliothek Deutscher Geschichte»).

[377] Пособия. Binding, Das burgundisch-romanische Königreich von 443 bis 532, Leipzig, 1868. — Jahn, Die Geschichte der Burgundionen und Burgundiens bis zum Ende der I. Dynastie, 2 т., Halle, 1874. — G. Kurth, Histoire poétique des Mérovingiens, Paris, 1893. Sainte-Clotilde, 2-е изд., Paris, 1897, в «Collection des vies de saints». — Kleinclasz, op. cit., на стр. 376.

[378] См. стр. 331 и сл.

[379] См. ниже, гл. V, § 4.

[380] A. Gasquet, L'empire byzantin et la monarchie franque, Paris, 1888. — Ch. Diehl, Justinien et la civilisation au VI siècle, Paris, 1901. — Zeuss, Die Deutschen und ihre Nachbarstämme, Munchen, 1837. — Riezler, Geschichte Baierns, t. I, Munchen, 1879. — Lamprecht, Deutsche Geschichte, t. I, Berlin, 1891.

[381] Прокопий дает цифру 50 000 человек, очевидно преувеличенную.

[382] Loening, Kirchenrecht, II, p. 111—118.

[383] Его могила найдена. См. Nouveaux documents sur le tombeau de Childebert au monastère de St. Germain des Pres, в «Bulletin de la société des antiquaires», 2-me trimestre, 1887, p. 109—118.

[384] См. стр. 351.

[385] Их старый закон носит имя Lex Angliorum et Werinorum, hoc est Thuringorum. Ср. Könnecke, Das alte thüringische Königreich und sein Untergang, Querfurt, 1894.

[386] Григорий Турский рассказывает, что разбив одного из них в сражении, он заключил с ним мир. «Однажды, когда они вместе осматривали стены Тольбиака, тюринг, которого кто-то толкнул, упал на землю и испустил дух. Кто его толкнул, мы не знаем. Многие думают, что это была хитрость Теодориха».

[387] Charles Nisard, Le poète Fortunat, Paris, 1890. См. также ниже, гл. V, § 2.

[388] Беовульф был племянник короля, отличившийся в битве. См. Müllenhof, в Zeitschrift für deutsches Altertum, t. II. — Dederich, Studien zum angelsächsischen Beowulflied, Copenhagen, 1877. Поэма о Беовульфе издана многократно. См. изд. Kemble, Lond., 1833; Simrock'a, 1869; Heyne, Paderborn, 1879, Holder'a, Freiburg i/Brisg., 1896—1899. Zupitza воспроизвел фототипически единств. рукопись, находящуюся в Брит. Музее, в Early English Text Society, Lond., 1882.

[389] Вероятно, юты. См. Zeuss, Die Deutschen und ihre Nachbarstämme, p. 146. О швабах севера см. то же, 362.

[390] Источники. Кроме Григория Турского и Мария из Аванша, см. Fortunati, Opera poètica et pedestria, изд. Leo и Krusch, в Monumenta Germaniae, in 4^0, Auctores antiquissimi, т. IV; франц. пер. Ch. Nisard в т. XXVIII Collection Nisard. Ср. Ch. Nisard, Le poète Fortunat, Paris, 1890.

Пособия. Кроме сочинений, указанных в предыдущей главе, см. Aug. Thierry, Récits des temps mérovingiens (в полном собрании сочинений, т. VII и VIII). — Huguenin, Histoire du royaume d'Austrasie, Paris, 1862. — A. Digot, Histoire du royaume d'Austrasie, 4 т., Nancy, 1863 (сочинение, полное любопытных наблюдений). — Gérard, Histoire des Francs d'Austrasie, 2 тома, Bruxelles, 1866. — Gaillard, Mémoire sur Frédégonde et Brunehaut, в «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», т. XXX (1764). — A. Flobert, Brunehaut, étude historique, Colmar, 1863. — Drapeyron. La reine Brunechilde et la crise sociale du VI-e siècle, Besancon, 1867. — G. Kurth, La reine Brunehaut, в «Revue des Questions historiques», т. XXVI (1891). — E. Roussel, Le roi Chilpéric, в «Annales de l'Est», 1897.

[391] Суассон. округ, деп. Aisne.

[392] Подробности этих разделов см. Lavisse, Hist. de Fr., II, 133.

[393] Григорий Турский знает только слово Austria и Austrasii, для обозначения царства Сигеберта. Имя Neustria не известно в эту пору и встречается впервые только в VII в., в Житии Коломбана, гл. XLVIII.

[394] Когда возникает это соперничество, Бургундия также стремится обеспечить автономию. Около 570 г. произошло событие, как бы предвещавшее это будущее разделение. Сперва столицы королей почти соприкасались в центре. Теперь Сигеберт утвердился в Меце, Гунтрамн в Шалоне-на-Соне, где прежде жили бургунды. Так наметились три королевства: Бургундия, Австразия и Нейстрия, из которых каждое примет своеобразные черты. На Аквитанию они будут смотреть как на придаток, который будут всячески делить, пока она не отвоюет самостоятельного существования.

[395] Те же источники и пособия, что для предыдущего параграфа.

[396] Sérésia (L'Eglise et l'Etat sous les rois francs au VI siècle, Gand, 1888, p. 139) думает, что нельзя судить о Хильперихе по гневным выходкам Григория Турского. Это так, но факты, сообщаемые епископом, точны.

[397] Ее красота поразила Меровея, сына Хильпериха от Аудоверы. Он тайно женился на ней и помог ей бежать. Преследуемый ненавистью Фредегонды, он скрылся в базилику Мартина Турского, но был убит наемниками мачехи.

[398] Источники. Григорий Турский умер, вероятно, 17 ноября 594 г., и его История остановилась на 591 г. С этого года нашим источником является хроника, которую Клод Фоше (Claude Fauchet) в 1579 г. прописал Фредегару Схоластику. Мы не знаем, откуда взято это имя. Хроника, оригинальная часть которой захватывает 584—642 гг., писана в Бургундии разными авторами. Псевдо-Фредегар издан Krusch'ем в «Scriptores rerum merovingicarum», T. H. Его детально изучал Gustuve Schnurer, Die Verfasser der sogenannten Fredegar-Chronik в «Collectanea Friburgensia», fasc. IX.
Пособия. Те же, что и ранее.

[399] Собственно — «людей». См. гл. IV, §§ 1 и 4.

[400] См. Bladè. Les Vascons avant leur établissement en Novempopulanie. Agen, 1891.

[401] Источники. Главным образом — указанная хроника Фредегара. См. также Gesta Dagoberti I, regis Francorum, изд. Krusch'a в Script. rer. merov., t. II (Mon. Germ.). Круш в «Forschungen zur deutschen Geschichte», t. XXVI, p. 163, доказал, что этот памятник, предшествующий 832 г., имеет известную историческую ценность. Кое-какие истории. данные можно найти в житиях св. Элигия (st. Eloi), св. Одоэна (Audoenus — St. Ouen) и Арнульфа. Об этих житиях — см. Molinier. Les sources de l'histoire de France. Paris, 1902.
Пособия. Кроме указан. общих историй меровингской эпохи, см. Albers. König Dagobert in Geschichte, Legende und Sage. Worms, 1884. — Brosien. Kritische Untersuchungen der Quelten zur Geschichte Dagobert I. Götting., 1868. — Krusch. Zur Chronologie der Merovingischen Könige в «Forsch. zur deutsch. Geschichte», t. XXII, p. 451—490. — E. Vacandard. Vie de Saint Ouen, évêque de Rouen. 1901.

[402] О важных следствиях этих мер см. ниже, гл. IV, § 5.

[403] J. Servais, La Neustrie sous les Mérovingiens, Turin, 1889. Смысл слова Francia — еще не определен в меровингскую эпоху; оно прилагается то к целому франкскому королевству, то к одной из его частей — Нейстрии или Австразии. См. Bourquelot, Sens des mots France et Neustrie sous le regime mérovingien, в «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», 1865, p. 567.

[404] См. сочинение Bonnel'я, Die Anfänge des karolingischen Hauses, Berlin, 1866, а в особенности Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, старую работу Böhmer'a, дополненную и переработанную Mühlbacher'ом, 2-е изд., Innsbruck, 1899. Здесь собраны все тексты о Каролингах. — Ср. Mühlbacher, Deutsche Geschichte unter den Karolingern, Stuttgart, 1896. — Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, t. VI: Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, печатается рус. перевод под ред. проф. И. М. Гревса.

[405] См. Fauriel. Histoire de la Gaule meridionale sous la domination des conquérants germains. Paris, 1836, 4 тома in 8^0. — Perroud. Les origines du premier duché d'Aquitaine. Paris, 1883. — Bladé. La Vasconie cispyrénéenne jusqu'à la mort de Dagobert I-r. Le Puy, 1891 in 8^0. — Его же, L'Aquitaine et la Vasconie cispyreneenne, depuis la mort de Dagobert I-r, jusqu'à l'époque du duc Eudes. Le Puy, 1891, in 8^0.

[406] По-видимому, зачастую об руку с басками действовало и местное население.

[407] В XVII в. испанский ученый don Juan Tamagno de Salazar хотел привязать Арагонский дом к этим династиям, а эти последние — к Меровингам и изобрел «Алонскую грамоту» Карла Лысого с соответствующей генеалогией. Эта подделка долго вносила путаницу в историю юга. См. Rabanis. Les Mérovingiens d'Aquitaine. Essai historique et critique sur la charte d'Alaon. Paris, 1856. — Bladé. La charte d'Alaon et ses neuf confirmations. 1891, in 8.

[408] Бритты делились на три группы: бритты Вароха, о котором речь была выше; cornovii (вероятно, из Корнвалиса) и домноны (domnones — вероятно, из девонской страны).

[409] См. Palacky. casopis musea kralovstvi Ceskeho I (1827) 387—413. — Pelzel, в Abhandlungen einer Privat-Gesellschaft in Böhmen, de Edler von Born. Прага, 1875.

[410] Источники. Хроника, приписываемая Фредегару, останавливается на 642 г. Начиная с этого года, мы имеем не особенно надежную хронику, написанную в Нейстрии анонимом, которая идет до 727 г. Ее называли ранее «Деяния Франков» (Gesta Francorum). Новый издатель Krusch дал ей имя «Книга истории Франков» (Liber Historiae Francorum) (Script. rer. merov. в Monum. Germ., t. II, p. 215). Интересные данные можно найти в различных житиях св. Леодегария (Leodegarius). См. Molinier, p. 138.
Пособия. Drapeyron, Essai sur l'origine, le développement et les résultats de la lutte entre la Neustrie et l'Austrasie, в «Mémoires lus à la Sorbonne», 1867—1868. — Его же, De Burgundiae historia et ratione politica Merovingicorum aetate, Paris, 1869. — Spee, Der Majordomus Ebruin, Кельнск. программа, 1874. — Friedrich, Zur Geschichte des Hausmeiers Ebruin, в «Sitzungsberichte Münch. Acad.», 1887, p. 41—61. — Dom-Pitra, Histoire de Saint Leger, Paris, 1846. — Du Moulin-Eckhart, Leudegar, Bischof von Autun, Bresl., 1890.

[411] О его функциях см. стр. 374.

[412] Монастырь Шелль, у ворот Парижа, основанный Батильдой.

[413] Kurth, Glossaire toponymique de la commune de Saint-Léger, в «Comtes rendus du Congrès archéol. de Namur», 1886, p. 302.

[414] Пипина I иногда называли Ланденским, а Пипина II Геристальским. Это совершенно произвольно.

[415] См. Gehrke, Die Kriege der Franken mit den deutschen Stämmen in der Zeit der späteren Merovingern, Rudolstadt, 1874.

[416] Источники. См. историков, указанных в предыдущих главах. Капитулярии, меровингских королей находятся в I-м томе Capitularia regum francorum Boretius'a, в Monumenta Germaniae historica, in 4^0. В том же собрании можно найти Формулы (Formulae), изданные Zeumer'ом; см. в особенности Собрания монаха Маркульфа (VII века). См. также сборник Marcel Thévenin, Textes relatifs aux institutions privées et publiques aux époques mérovingienne et carolingienne, Paris, 1887.
Пособия. Fustel de Coulanges, Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France. La Monarchie franque, Paris, 1888. Русский перевод под ред. проф. И. М. Гревса. — J. Tardif, Etudes sur les Institutions politiques et administratives de la France, т. I, Paris, 2-е изд., 1890. — Glasson, Histoire du droit et des institutions de la France, т. II и III, Paris, 1888 и 1889. — P. Viollet, Histoire des Institutions politiques et administratives de la France, т. I, 1890. Еще в настоящее время можно найти несколько интересных мыслей у Lehuërou, Histoire des institutions mérovingiennes et du gouvernement mérovingien, Paris, 1842. В качестве руководства, см. M. Prou, La Gaule mérovingienne, Paris, в «Bibliothèque d'histoire illustree». — Loebell, Gregor von Tours und seine Zeit, 2-е изд., Leipzig, 1869. — H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, Leipzig, т. I и II, 1906 и 1892. — R. Sohm, Die fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung, Weimar, т. I, 1871. — H. von Sybel, Die Entstehung des deutschen Königsthums, Frankfurt a M., 3-е изд., 1884. — G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, Kiel. т. II (3-е изд. в 1882), чрезвычайно важное пособие, где в систематическом порядке собраны все тексты. — Fahlbeck, La royauté et le droit royal franc, 1883 (перев. со шведского Крамера); разбор этого труда сделан M. Platon, в «Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux», 1886, стр. 42—75.

[417] См. стр. 348, 354 и сл. Эти разделы совершались по закону. «Divisionem legitimam faciunt», — говорит Григорий Турский. См. Ed. Hubrich, Fränkisches Wahl- und Erbkönigthum zur Merovingerzeit, Königsberg, 1889.

[418] Примеры см. на стр. 364, 366-367 etc.

[419] Может быть, они носили и золотые короны, подобные вестготским в Музее Клюни. De Lasteyrie, Description du trésor de Guarrazar, 1860.

[420] Назывался ли он также vir illuster? J. Havet отрицает это (Oeuvres, Paris, 1896, t. I, p. 1 до 13). Его выборы опровергали Pirenne, в «Compte-rendu de la commission royale d'histoire de Belgique», 1885, H. Bresslau, в «Neues Archiv», t. XII (1886) и Fustel de Coulanges, Les titres romain de la monarchie franque, в «Nouvelles recherches sur quelques problémes d'histoire», 1891, p. 217—274.

[421] K. Plath, Die Königspfalzen der Merovinger und Karolinger, 1892, с библиографией этого вопроса.

[422] См. стр. 354.

[423] Раз Григорий Турский, излагающий с такой правдивой полнотой мельчайшие детали событий, умалчивает о них — значит, их не было. См. W. Sickel, Die merovingische Volksversammlung, в «Mittheil. des Instit. für oesterreich. Geschichte, Ergänzungsband, II, 1888.

[424] См. ниже, гл. V, § 1.

[425] Григорий Турский употребляет слово Martius, но в смысле Марсова поля: 1) когда он говорит, что трибунал Валентиниана III-го находился in campo Martio (II, 8); 2) когда говорит (II, 27), что Хлодвиг в Суассоне созвал фалангу воинов ostensuramin campo Martio armorum nitorem.

[426] Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre, I, 269. — Giry, Manuel de diplomatique, p. 708.

[427] Pertz, Geschichte der merowingischen Hausmeier, Hannover, 1819. — Bonnell, De dignitate majoris domus regum Francorum a Romano sacri cubiculi praeposito ducenda, Berlin, 1858. — Schöne, Die Amtsgewalt der fränkischen majores domus, Brunswick, 1856. — Hermann, Das Hausmeieramt, ein echt germanisches Amt, в Gierke, «Untersuchungen zur deutschen Staats- und Rechtsgeschichte», fasc. IX. Fustel de Coulanges, по-видимому, разрешил вопрос о происхождении майордома, в Monarchie franque, стр. 166—183.

[428] Королевы имели особый «дом». Он состоял из их приданого и брачного дара мужа и управлялся майордомом королевы. Григорий Турский упоминает Вадона, майордома Фредегонды.

[429] См. стр. 367 и сл.

[430] Мы не знаем, существовала ли тут начальная школа для обучения чтению. Vacandard, La scola du palais mérovingien, в «Revue de quest. hist.», 1897, p. 490 и сл., Его же, Vie de Saint Ouen, évêque de Rouen, 1901.

[431] Déloche, La trustis et l'antrustionat royal, Paris, 1873. — P. von Roth, Geschichte des Neneficialwesens, Erlangen, 1850. Его же, Feudälität und Unterthanenverband, Weimar, 1863. — P. Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse en France au moyen age, Paris, 1902.

[432] Гильермоз оспаривает это. Он связывает антрустионов с scholares, buccelarii императорской эпохи, — наемными солдатами, чаще всего из варваров, составлявшими гвардию цезарей, а иногда и частных лиц. Но автор слишком принижает антрустионов, ведь в меровингскую пору их мог иметь только король!

[433] Guérard, Essai sur le système des divisions de la Gaule, Paris, 1837. — Longnon, Géographie de la Gaule au VI siècle, Paris, 1878. Об учреждениях см. библиографию выше, стр. 369 и сл. прим.

[434] Стало быть, уже вначале pagus означал не то, чем он был в римскую эпоху (частью civitatis). См. выше, стр. 129 и слл.

[435] Граф — чисто-меровингский чиновник. Его не знает древняя Германия. В римской Галлии IV в. comes был военной должностью; впрочем, кое-где графы имели и гражданские функции. Меровингский граф, с его полнотой всех властей, есть создание варварского строя. Быть может, франки заимствовали его у вестготов. Стремясь укрепить свою власть среди враждебного населения, молодые варварские государства умножали число своих представителей в его среде.

[436] Графы из галло-римлян были в действительности более многочисленны. G. Kurth, De la nationalité des comtes francs, в «Mélanges Paul Fabre», Paris, 1902, показывает, что из 54 графов, упомянутых Григорием и Фортунатом, 42 — галло-римляне, и только 12 — германцы. См. того же автора, Les ducs et les comtes d'Auvergne au VI-e siècle, в «Revue d'Auvergne», septembre 1900, и Les ducs et les comtes de Touraine au VI-e siècle, в «Bulletin de l'Académie royale de Belgique», décembre, 1900.

[437] Трибунов хотели связать с римскими трибунами — вождями муниципальной милиции. Lécrivain, De quelques institutions du Bas-Empire, в «Mélanges de l'Ecole de Rome», 1889, p. 375.

[438] См. стр. 344. Учреждение «сотни» не встречается на юге.

[439] Кажется, в 739 г. оно исчезло. Ch. Pfister, Le duché mérovingien d'Alsace et la légende de sainte Odile, Nancy, 1892, а также разбор этого сочинения в статье H. Bloch, Die geschichtliche Einheit des Elsasses, 1899.

[440] Рипуарская Правда издана в последний раз R. Sohm'ом в V томе Leges Pertz'a, изд. in-for. Издатель различает в ней четыре части, редакцию которых относит к промежутку от VI-го до VIII-го века. Аламаннская Правда издана H. Lehmann'ом в Pertz'овом in 4°441 Fustel de Coulanges, De l'organisation judiciaire dans le royaume des Francs, в «Recherches sur quelques problémes d'histoire», Paris, 1885. — Beaudouin, La participation des hommes libres au jugement dans le droit franc, в «Nouvelle Revue historique de droit français», 1887. — Beauchet, Histoire de l'organisation judiciaire en France. Epoque franque, Paris, 1886. — Bethmann-Hollweg (von), Der Civilprocesz des gemeinen Rechts in geschichtlicher Entwickelung, т. IV, Bonn, 1867. — Barchewitz, Das Königsgericht zur Zeit der Merovinger und Karolinger, Leipzig, 1882.

[442] Салическая Правда представляет председателем mall'a — тунгина, а у Григория Турского фигурирует, в качестве судебного председателя, только граф. Хотели разрешить это противоречие, различая эпохи «салического государства» и «меровингского государства», но вернее речь идет о двух сосуществующих трибуналах. Немецкие современные юристы видели в суде тунгина народный суд. Во всяком случае, в конце концов, суд тунгина, слившись с судом викария, стал трибуналом для менее важных дел.

[443] Thonissen, Du droit de vengeance dans la législation mérovingienne, в «Compte-rendu de l'Acad. des sciences mor. et polit.», t. CXI (1879), p. 45 и 335.

[444] Monod, Les aventures de Sichaire, «Revue histor.», 1886, Fustel de Coulanges, De l'analyse de textes historiques, «Revue de quest. hist.», 1887.

[445] См. стр. 350, 364 etc.

[446] См. выше, стр. 167–168.

[447] См. стр. 343.

[448] Soetbeer, Zur Geschichte des Geld- und Münzwesens in Deutschland, в «Forschungen zur deutschen Geschichte», t. II, IV и VI. — Prou (Maurice), Les monnaies mérovingiennes, Paris, 1892. — Engel et Serrure, Traité de numismatique du moyen âge, t. I, Paris, 1892. — Charles Robert, Considérations sur la numismatique romane, Metz, 1851.

[449] См. два указанные выше (стр. 374) сочинения Paul von Roth, стр. 178, и von Peucker, Das deutsche Kriegswesen der Urzeit, Berlin, 1860. Также Boretius, Beiträge zur Capitularienkritik,

Leipzig, 1874. — Boutaric, Institutions militaires de la France avant les armées permanentes, Paris, 1863. — Langlois, Le service militaire en vertu de l'obligation féodale, в L'armée à travers les âges, Paris, 1899.

[450] Лиды или отпущенники являются на войну не сами по себе, а сопровождая господина: они остаются его слугами, а не слугами короля.

[451] Пособия. См. общие сочинения, указанные в начале этой главы, две книги Roth'a и сочинение P. Guilliermoz, отмеченные на стр. 374, также Fustel de Coulanges, op. cit. на стр. 370, пр., т. V (L'alleu et le domaine rural), и т. VI (Les origines du système féodal). — Guérard, Explications du capitulaire de Villis, в «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», 1853; Его же, Polyptyque de l'abbé Irminon, Prolàgoménes, t. I, Paris, 1844. — Ulrich Stutz, Geschichte des kirchlichen Benefizialwesens von seinen Anfängen bis auf Zeit Alexanders III, Berlin, 1896, см. разбор у Paul Fournier, La propriété des églises dans les premiers siècles du moyen âge, в «Nouvelle Revue du droit français et étranger», 1897, p. 486. — Beaudouin, Etudes sur les origines du régime féodal. La recommandation et la justice seigneuriale, в «Diplomatik, l'enseignement supérieur de Grenoble», 1889. — Th. Sickel, Beiträge zur Diplomatik, I—VIII, извл. из «Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften», 1861—1882; см. особенно статьи, посвященные хартиям о мундебурде и иммунитете. — Esmein, Cours d'histoire du droit français, 4-е изд., Paris, 1901. — A. Prost, L'immunité. Etude sur l'origine et les développements de cette institution, Paris, 1882, извлечение из «Nouvelle Revue historique du droit français; Его же, La justice privée et l'immunité в «Mémoires de la Société des antiquaires de France», т. XLVII (1886). — H. Brunner, Forschungen zur Geschichte des deutschen und französischen Rechts, Stuttgart, 1894.

[452] Bross, Die Liten und Aldionen, Berlin, 1874. — Zeumer, Ueber die Beerbung der Freigelasseneu durch den Fiscus nach fränkischem Recht, в «Forschungen zur deutschen Geşchichte», t. XXIII. — Marcel Fournier, Les affranchissements du V-e au XIII-e siècle: influence de l'Eglise, de la royauté et des particuliers sur condition des affranchis, в «Revue historique», 1883; ero же, Essai sur les fermes et les effets de l'affranchissement dans le droit gallo-franc, 1885 (60-e fasc. «Ecole des Hautes Etudes»).

[453] Лиды не имеют ничего общего с laeti IV в., см. стр. 171.

[454] Fustel-de-Coulanges, Le Colonat romain, в «Recherches sur quelques problémes d'histoire». Paris, 1885.

[455] См. стр. 346.

[456] Waitz, Ueber die Anfänge der Vassalität, Gottingen, 1856. — Faugeron, Les bénéfices et la vassalité au IX-e siècle, Paris, 1868. — Dippe, Gefolgschaft und Huldigung im Reiche der Merowinger, Wandsbeck, 1889.

[457] Marignan, Etude sur la civilisation française, t. I. La société mérovingienne, Paris, 1899. — Flach, Les origines de l'ancienne France, t. II. Les origines communales, la féodalité et la chevalerie, Paris, 1893. — Pigeonneau, Histoire du commerce de la France, t. I, Paris, 1885. — O. Noël, Histoire du commerce du monde, Paris, 1891. — A. Schaube, Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebites bis zum Ende der Kreuzzüge, Munch. und Berl., 1906. — Rietschel, Die Civitas auf deutschem Boden bis zum Ausgange der Karolingerzeit, Leipzig, 1894. См. в особенности O. Seeliger, Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter, Leipzig, 1903, и Kroell, L'immunité franque, Paris, 1908.

[458] См. стр. 190.

[459] См. ниже, гл. V, § 1.

[460] См. стр. 200–230.

[461] Существование этих vici нам представляется отчетливо вскрывающимся из статьи Салической Правды, называющейся De migrantibus. См. положение теории германистов по вопросу о природе организации vici в следующих сочинениях L. von Maurer, Einleitung zur Geschichte der Mark- Hof- Dorf und Stadtverfassung in Deutschland; Geschichte der Frohnhöfe, Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland 4 т. Erl., 1862—1863; Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, 2 т., Erlangen, 1865—1866. Литература этого вопроса огромна. Кроме цитир. соч. Вайца, Фюстель де Куланжа, Бруннера, см. Viollet, Précis de l'histoire du droit civil français, 3-е изд., 1895; Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, t. I. D. Wg. bis zum Schluss der Karolingerperiode, посл. улучш. изд., Leipzig, 1909. Сжатый очерк вопроса см. Lacombe, De l'apropriaton du sol., Paris, 1912, выходит русск. перев. А. в. Гольштейн (Баулер). См. также Удальцова, Свободная деревня в Западной Нейстрии [Журн. Мин. Народн. Пр., 1912, октябрь и ноябрь].

[462] См. стр. 271 и слл.

[463] См. там же.

[464] См. литературу, указ. в прим. 269.

[465] См. стр. 273–274.

[466] См. ниже, гл. V, § 2.

[467] См. стр. 272.

[468] Кроме уже указанной книги Fustel de Coulanges, см. Chènon, Etude sur l'histoire des alleux en France, 1888. — Lanery d'Arc, Du franc-alleu, Paris, 1888. — Bonin, L'alleu en Bourgogne, в «Positions des thèses des élèves de l'Ecole des Chartes», 1888.

[469] В Эльзас-Лотарингии, Вертский кантон.

[470] См. стр. 359.

[471] См. стр. 364.

[472] Эту политику первый применил Карл Мартелл.

[473] Fredus взыскивался за преступление против верховной власти; так же fredus выплачивался после суда обидчиком в государственную казну в качестве возмещения услуг властей, вмешавшихся в конфликт (Примеч. ред.).

[474] Frid. Von Schulte, Lehrbuch der deutschen Reichs- und Rechtsgeschichte, 6-te Aufl., Stuttgart, 1893, думает, что ¼ земель имела иммунитет. Эта цифра мне кажется преувеличенной.

[475] Глава эта принадлежит Ш. Байе.

[476] Источники: Исторические и агиографические сочинения Григория Турского, собранные в изд. Arndt'a и Krusch'a, 1885. — Fortunat, изд. Léo, 1881. Epistolae merovingici acvi, 1892. — Passiones vitaeque sanctorum aevi merovingici, изд. Krusch'a, 1896. — Concilia aevi merovingici, изд. Maassen'a 1893. Эти памятники напечатаны в Monumenta Germaniae historica, серия in 4° — Dom Bouquet, t. II, III, IV.— Le Blant, Inscriptions chrétiennes de la Gaule.— См. Molinier, Les sources de l'histoire de France, 1901, стр. 94 и след. Пособия: Кроме сочинений Waitz,a, Fustel de Coulanges и т. д., Loening, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, t. II; Das Kirchenrechts im Reiche der Merowinger, 1878.— Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, t, I, 2-е изд.— Marignan, Etudes sur la civilisation française, t. I; La société mérovingienne, t. II; Le culte des saints sous les Mérovingiens, 1899.— Lavisse, La décadence mérovingienne, La foi et la morale des francs, "Revue des Deux Mondes", 1885 и 1885. Bernoulli, Die Heiligen der Merovinger, 1900.— Duchesne, Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule, 1894 и 1900.—Weyl, Das fränkische Staatskirchenrecht zur Zeit der Merovinger, 1888.— Imbart de la Tour, Les paroisses rurales du IV au XI siècle, 1900.— Vacandard, Vie de saint Ouen, évêque de Rouen, 1902; - Les élections épiscopales sous les Mérovingiens; L'idolâtrie en Gaule au VI et au VII siècle, "Revue des Questions historiques", 1898, 1899.— Malnory, Saint Césare d'Arles, 1894.— Arnold, Caesarius von Arelate und die galische Kirche seiner Zeit, 1894.

[477] См. стр. 296.

[478] См. стр. 361.

[479] См. стр. 357 и сл.

[480] См. стр. 352.

[481] См. стр. 361.

[482] Malnory. Quid Luxovienses monachi ad regulam monasteriorum, atque ad communem ecclesiae profectum contulerint. 1894.

[483] См. стр. 386.

[484] Giry. Manuel de diplomatique. 1894. P. 394.

[485] См. стр. 391–392.

[486] См. стр. 394 и сл.

[487] «По праву или нет, — сказал он, — но пока я царствую, базилика не получит этой земли».

[488] Кроме указанных сочинений: Le Brun, Histoire critique des pratiques superstitieuses, 1732. — Maury, La magie et l'astrologie dans l'antiquité et au Mayen Age, 1860. — Croyances et légendes du Moyen Age. — Новое изд. Fées — Longnon и Bonet-Maury, 1896. Комментарии Caspari в его изданиях De correctione rusticorum Мартина Бракарского, Christiania, 1883, Homilia de sacrilegiis, 1861; Dicta abbatis Pirminii, в его Kirchenhistorische Anecdota, t. I, 1883. — Gaidoz, La rage et saint Hübert, 1887.

[489] См. стр. 286.

[490] Любопытно, однако, что уже в эту пору галльское остроумие решается иногда вышучивать этого грозного врага (Greg. Turon, Vitae patrum, XI, 1).

[491] Gaston Paris, La littérature française au Moyen Age, 1900, p. 13 и сл.

[492] См. Hist. litt., и соч. Ebert и Ampère, цитир. выше, на стр. 234, прим. Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, 6-е изд., т. I, 1893. — Loebell, Gregor von Tours und seine Zeit, 1869. — Monod, Etudes critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne, 1872. — Rajna, Le origini dell' epopea francese, 1881. — Kurth, Histoire poétique des Mérovingiens, 1893. — Bonnet, Le latin de Gregoire de Tours, 1890. — D'Arbois de Jubainville, La déclinaison latine en Gaule à l'époque mérovingienne, 1872; Etudes sur la langue des Francs à l'époque mérovingienne, 1900. — Brunot, Origines de la langue française, в I-м томе, Histoire de la litterature française, изданное под редакцией Petit de Julleville. — Roger, L'enseignement des lettres classiques d'Aussone à Alcuin, Paris, 1905.

[493] De gloria martyrum; De passione et virtutibus Sancti Juliani; De virtutibus s. Martini; Vitae Patrum; In gloria confessorum, и т. д.

[494] См. стр. 354.

[495] Lib. hist. franc., гл. 36. Легенда о лесе, увековеченная Шекспиром, часто встречается в Средние века. Не следует, однако, видеть во всех германских песнях поэтические произведения. Народный рассказ не всегда есть эпическая песня.

[496] «О Хлотаре споем, короле Франков
Который отправился сражаться с племенем саксов
Весьма тяжело бы пришлось саксонским послам
Если бы не прославленный Фарон из народа Бургундов»

[497] Flumina de sanguine, вм. sanguinis, seductus per malorum consilium вм. consilio.

[498] Promissum habemus вм. promisimus.

[499] Kurth, La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de France, 1896. — Herm. Paul, Grundriss der germanischen Philologie, t. I, p. 527—529. — Pfister, La limite de la langue française et de la langue allemande en Alsase-Lorraine, 1890.

[500] См. Gast. Paris, op. cit. — Hatzfeld et Damsteter, Dictionnaire général de la langue française, t. I, p. 14—16.

[501] Источники. Сочинения Григория Турского и Фортуната, в «Monumenta Germaniae historica», серия in 4#. Указание главных текстов в J. von Schlosser, Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters, 1896.
Пособия. Enlart, Manuel d'archéologie française, т. I, 1902. — Courajod, Leçons professées à l'Ecole du Louvre, т. I, 1899. — Marignan, Louis Courajod, т. I, 1899. — Brutails, L'archéologie du Moyen Age, 1900. — Marignan, Etudes sur la civilisation française, т. II, Le culte des saints sous les Mérovingiens, 1899. — Lindenschmit, Die Alterthumer der merovingischen Zeit, 1880. — F. Moreau, Album Caranda, 1881—1888. — Clemen, Merovingische und Karolingische Plastik, 1892. — Quicherat, Mélanges d'archéologie et d'histoire, т. II. — R. de Lasteyrie. L'église Saint-Martin de Tours, «Mémoires de l'Académie des Inscriptions», 1892. — S. Reinach, Antiquités nationales: Description raisonnée du Musée de Saint-Germain-en Laye, 1889. — Em. Molinier. Histoire générale des Arts appliqués à l'industrie, т. IV, L'orfàvrerie. Barrière Flaavy, Les arts industriels des peuples barbares de la Gaule, 1901.

[502] Фортунат и Григорий Турский употребляют слово oratorium, применительно к небольшим церквам.

[503] Это маленькие кусочки стекла или граната, вставленные в золотые перегородки, которые потом слегка расплющиваются ударом молотка.

[504] В участки, образуемые перегородками из золотых пластинок, которые обозначают контуры рисунка, вливают эмаль разных цветов.

[505] На металлической пластинке выдавливают вглубь места, которые потом будут заполнять эмалью, оставляя неуглубленными главные контуры рисунка.

[506] Vita Sancti Eligii, приписываемая Одоэну. — De Linas, Les Oeuvres de saint Eloi et la verroterie cloisonnée 1864. — Статьи Bapst'a, в «Revue archéologique», 3-я серия, т. VII и VIII, 1886. — Em. Molinier, Histoire des arts appliqués à l'industrie, t. IV, p. 18, с большой библиографией.

[507] Книга эта, за исключением двух последних глав, принадлежит A. Kleinclausz.
Библиография. Источники. Анналы, биографии, хроники, истории, находящиеся в Monumenta Germaniae historica (серия in fol., Scriptores, т. I и II) и в Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum; Epistolae и Poetae в Monumenth Germaniae historica (серия in 4#). Законодательные тексты собраны Boretius'ом и Krause, в Capitularia regum Francorum. Для дипломатики см. Sickel, Acta regum et imperatorum Karolinorum, 1867; для хронологии — Bohmer-Mühlbacher, Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern, 2-е изд., 1899.
Пособия. Warnkönig et Gérard, Histoire des Carolingiens, 1862. — Mühlbacher, Deutsche Geschichte unter den Karolingern, 1895. — Richter et Kohl, Annalen des fränkischen Reichs im Zeitalter der Karolinger, Halle, 1885. — Kleinklausz, L'empire karolingien, ses origines et ses transformations, 1902.

[508] Источники. Самым главным является продолжатель Фредегера (изд. Круша, 1886), вдохновителями которого были Хильдебранд, брат Карла Мартелла и его сын Ниблунг. См. также последние главы Liber historiat (изд. Круша, 1888), Annales Sancti Amandi, Tiliani и менее интересные Annales Laureshamenses, Mosellani, Mettenses, а также Chronicon Moissacense.
Пособия. Warnkönig et Gérard, т. I. — Mühlbacher, op. cit. — Breysig, Jahrbücher des fränkischen Reiches, 714—741, Die Zeit Karl Martells, 1869. — Hahn, Jahrbücher des fränkischen Reiches, 741—752, 1863. — Oelsner, Jahrbücher des fränkischen Reiches unter König Pippin, 1871.

[509] См. выше, стр. 370.

[510] Источники. Продолжатель Фредегара. — Pauli Diaconi, Historia Langobardorum, VI, 53—54. — Isidori Pacensis, Cronicon, 59 (у Migne, Patrologia latina, t. 96, стр. 1271).
Пособия. Reinaud, Invasions des Sarrasins en France, 1836. — Fauriel, Histoire de la Gaule méridionale, т. III, 1836. — Dorr, De bellis Francorum cum Arabibus gestis usque ad obitum Karoli Magni, 1861. — Mercier, La bataille de Poitiers et les vraies causes du recul de l'invasion arabe, «Revue historique», 1878. — Zotemberg, Les invasions des Arabes en France, suivies d'une etude sur les invasions des Sarrasins dans le Languedoc, d'après les Manuscrits musulmans, 1872.

[511] Лангобарды были последним великим германским народом, осевшим на территории Империи. Утвердившись сперва на берегах Одера, они в VI в. переселились в Паннонию, где уничтожили своих соседей — гепидов. В 568 г. под предводительством короля Альбоина они проникли в Италию и основали царство, столицей которого сделалась Павия.

[512] Источники. Жития: св. Бонифация, составл. Виллибальдом, Стурма — составл. Эйгилой, Виллиброда — сост. Алкуином. Два первые находятся в Monumenta Germaniae historica in fol., т. II. — S. Bonifatii et Lulli Epistolae, изд. Dümmler'a, 1891. Codex carolinus, изд. Gundlach'a, 1892, — в Monumenta Germaniae, in 4#. Житие Григория III, в Liber pontificalis, t. I, изд. Duchesne.
Пособия. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, т. I, 2-е изд., 1898. — Lavisse, La conquête de la Germanie par l'Eglise romaine, «Revue des Deux Mondes», 15 avril., 1887. — Fischer, Bonifacius, Apostel der Deutschen, 1881. — Born, Bonifacius, 1883. — Hahn, Bonifaz und Lull, 1883. — Kurth, Saint Boniface, 1902. Для библиографии о св. Бонифации, весьма богатой, см. кроме того Potthast, 2-е изд., стр. 1217.

[513] Библиография та же, что в § II, кроме того:
Источники. Boretius, Capitularia regum Francorum, преимущ. стр. 24—41: акты соборов, происходивших в государствах Карломана и Пипина.
Пособия. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, т. II, 2-е изд., 1900. — Hefele, Conciliengeschichte, Freib. in Breisgau, 1873—1890, т. V-й. — Dunzelmann, Ueber die ersten unter Karlmann und Pippin gefallenen Concilien, 1869.

[514] Этому походу предшествовал новый раздел царства в Вье-Пуатье, текст которого не дошел до нас.

[515] О состоянии меровингской Церкви см. стр. 396 и слл.

[516] Собор, созванный в Вере 11 июля 755 г., определяет детальнее и утверждает эти решения. Ежегодно будут созываться два собора: один собирается 1-го марта повелением короля в им назначенном месте и в его присутствии; другой, состоящий исключительно из духовных лиц, съезжается 1-го октября в Суассоне или ином городе, намеченном мартовским собранием. Верский собор особенно важен тем, что он устанавливает твердо подчинение белого и черного духовенства епископской власти. Священники ставятся «под владычество епископа своей civitatis». Без его разрешения они не смеют ни крестить, ни служить обедню; они не смелю не ответить на его призыв. Епископу же принадлежит власть реформировать мужские и женские монастыри.

[517] Источники. Продолжатель Фредегара. Annales Laurissenses majores, изд. Kurze, в Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. Eginhardi, Vita Karoli Magni, 1—3. Clausula de Pippini consecratione, в Scriptores rerum merovingicarum, т. I, стр. 465—466. Codex Carolinus. Vita Stephani II, в Liber Pontificalis, т. I.
Пособия. Относительно воцарения Пипина: Löbell, De causis regni Francorum ab Merowingis ad Carolingos translati, 1844. — Pfahler, S. Bonifacius und die Erhebung Pippins auf das fränkische Königsthum, 1879. — Fustel de Coulanges, Les Transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, 1892. По вопросу о влиянии папы Захарии, см. статьи Mury,

«Revue des questions historiques», т. II, 1867. — Uhrig (Лейпциг, 1875). Crampon, «Mémoires de l'Académie d'Amiens», 1878. О патрициате Пипина см. Bayet, Le voyage d'Etienne III en France, «Revue historique», т. XX, и Freemann, The patriciat of Pippin, «English historical Review», 1889. Относительно итальянских походов: Knaake, Aistulf, König der Langobarden, 1889. — Hübert, Etude sur la formation des Etats de l'Eglise, «Revue historique», т. LXIX. — Duchesne, Les premiers temps de l'Etat pontifical, 1893. Для Аквитании: Bladé, Fin du premier duché d'Aquitaine, «Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux», 1892. — Drapeyron, Essai sur le caractère de la lutte de l'Aquitaine et de l'Austrasie, 1877.

518 Одновременно со Стефаном II из Италии выехал, по повелению своего аббата, брат короля, монах Карломан, чтобы отговорить Пипина от выступления против лангобардов.

519 Римская держава, Respublica romanorum, ограничивалась в то время Равеннским экзархатом. После того, как Пипин отдаст его папе, это выражение будет означать Папскую Область.

520 Относительно этого весьма спорного разделения справиться у Kroeber'a, Partage du royaume des Francs entre Charlemagne et Carloman 1-er, «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», 1877, стр. 341, и Longnon, Atlas historique de la France, стр. 45.

521 Источники. Главнейшими являются Vita Caroli, сост. Эйнгардом (Einhardus), и т. наз. Королевские Анналы, обычно называемые Annales Laurissenses и Annales Einhardi, хотя, кажется, Эйнгард не принимал участия в их составлении. Мы будем детальнее указывать в отдельных главах различные «Малые Анналы» и другие памятники.
Пособия. Не существует исчерпывающей работы о Карле Великом. Книга Vetault'a (1877) — посредственна. Кроме общих историй о Королингах Warnkönig'a и Mühlbacher'a, о которых упоминалось раньше, следует указать еще только на Abel und Simson, Jahrbücher des fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen, 2 тома, 1883—1888.

522 «Относительно рождения и детства Карла я ничего не нашел в книгах, и в настоящее время нет никого, кто знал бы что-нибудь об этом; поэтому я рассудил, что лучше не говорить об этом ничего». Так говорит Эйнгард, современник и биограф Карла Великого. Все, что нам известно о юности короля, сводится к тому, что он родился, вероятно, 2-го апреля 742 г., где — неизвестно; что одиннадцати лет от роду он встречал папу Стефана II в Керси; в 761 и 762 году он сопровождал своего отца на войну в Аквитанию и в следующем году награжден несколькими графствами.

523 См. Bladé, Fin du premier duche d'Aquitaine, 1892.

524 Историки думали одно время, что герой восстания есть прежний герцог Аквитании, вышедший из монастыря на острове Ре. От этой догадки приходится отказаться: герцог Гунальд умер за 13 лет до начала восстания.

525 Источники. Преимущественно франкские документы, упомянутые в начале главы. Жития пап Стефана III и Адриана I в Liber pontificalis, т. I. Pauli Diaconi, Historia Langobardorum, изд. Waitz, 1878, в Scriptores rerum italicarum, которые составляют часть Monumenta Germaniae historica, in 4° Radberti, Vita Adalardi, Codex carolinus. Jaffé, Regesta pontificum romanorum, t. I, новое изд. 1885.
Пособия. Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, t. II.— Breyton, Remarques sur les causes qui ont facilité la conquête franque en Lombardie, 1890.— De Partouneaux, Histoire de la conquête de la Lombardie par Charlemagne, 2 t., 1842.— Malfati, Imperatori e papi in tempi della signoria dei Franchi in Italia 1876.— Dahn, Tassilo III in Baiern, 1895.— Knefel, Sturm des Tassilo, 1875.

526 Тассилон появляется в последний раз в 794 г. Призванный перед франкфуртский синод, он просит прощения в своих винах и отказывается от всех прав собственности и власти, какие могли принадлежать ему, его сыновьям и дочерям в герцогстве Баварском. В награду за это ему подтверждают прощение и милость.

[527] Источники. Жития Стурма, Виллегада, Либуина, Лиудгера в Monumenta Germaniae historica, серия in f°, t. II. Translatio S. Alexandri. Annales Petaviani, Annales Laureshamenses. Boretius, Capitularia regum Francorum, стр. 68, 71.
Пособия. Bolze, Die Sachsen vor Karl dem Grossen, 1861.— Diekamp, Widukind, der Sachsenführer nach Geschichte und Sage, 1877.— Kentzler, Karls des Grossen Sachsenzüge.— Schmidt, Die Sachsenkriege unter Karl dem Grossen, 1882.— Wirtzchel, Der Ausgang der Sachsenkriege Karl des Grossen, 1891.

[528] Приходится подвергать решительному сомнению существование «собрания саксов», состоявшего якобы из представителей всех округов и собиравшегося в Маркло для обсуждения общих дел. Кроме одного, очень подозрительного текста в жизни святого, о нем не упоминается ни в одном памятнике.

[529] Та же литература, что и в §§ 2 и 3.

[530] Кроме общих, ранее указанных источников, см. — для испанских войн: Vita Ludovici imperatori, соч. автора, известного под именем Астронома, а также «Поэму» т. наз. Ermoldus Nigellus, в честь того же императора, в Monumenta Germaniae historica, Scriptores, т. II, in f°, и Poetae latini, t. II, in 4. Также см. Hofmann, Caroli expeditio hispanica, 1871.— Wehmann. Karl der Grosse und die Wiltzen.— Lavisse, La Marche de Brandebourg, 1875.— Lipp, Die Marken des Frankenreiches unter Karl dem Grossen, 1892.

[531] Впрочем, мы находим имя Роланда на одной монете эпохи Карла Великого.

[532] Источники. Жизнеописание Льва III в Liber pontificalis, т. II. Chronicon Moissacense. Annales Laureshamenses. Письма и стихотворения Алкуина (изд. Dümmler) Poetae latini aevi carolini, т. I, в Monumenta Germaniae historica, in 4° Theophane, Chronographia, изд. Boor, 1883-1887.
Пособия. Döllinger, Das Kaiserthum Karl des Grossen, 1865.— Lavisse, La fondation du Saint-Empire, "Revue des Deux mondes", 15 mai 1888.— Bryce, Le Saint-Empire romain germanique et empire actuel d'Allemagne, 1890.— Kleinclausz, Empire carolingien, ses origines et ses transformations, 1902.— Harnack, Das Karolingische und das bysantinische Reich in ihren politischen Beziehungen, 1880.— Gasquet, L'empire bysantin et la monarchie franque, 1888.

[533] Не исключена возможность предположения, что слова Карла были простым выполнением обычая, традиционным выражением смирения, какое, например, высказывает клирик, избранный в епископы, уходя в лес.

[534] Источники. Королевские Анналы и Vita Caroli Magni Эйнгарда дают нам некоторые интересные факты. См. в особенности: капитуляри Карла Великого в Capitularia regum Francorum Boretius'a, стр. 44—259. Трактат Hincmar'a, De Ordine Palatii (издания Prou, 1885, и Verminghoff'a, в приложении к Capitularia regum Francorum). Письма Алкуина, его стихотворения, а также стихотворения Ангильберта и Теодульфа в Poetae latini aevi carolini, изд. Dümmler, 1881, т. I.
Пособия. Lehuërou, Histoire des Institutions carolingienne et du gouvernement des Carolingiens, 1843. — Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte im fränkischen Reich, тт. III—IV; Die Karolingische Zeit, 1883. — Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, т. I (1906), т. II (1892). — Fustel de Coulanges, Les Transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, 1892. — Mühlbacher, Deutsche Geschichte unter den Karolingern, стр. 231—321. — Dahn, Die Könige der Germanen, т. VIII. Die Franken unter den Karolingern, 1895—1900. Последний труд содержит богатую библиографию.

[535] Vita Caroli Magni. Поэмы Ангильберта и Теодульфа о Льве III и Карле Великом, а также «Carolo regi» в Poetae latini aevi carolini, т. I, стр. 366—374, 383—389. Относительно Аахена справиться у Haggen, Geschichte Aachen, von seinen Anfanger bis zur neuesten Zeit, 1873; Prost, Aix-Chapelle, «Mémoires de la Société des Antiquaires de France», 1890; и многочисленные мемуары, появившиеся в «Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins».

[536] См. Pfister, L'archévêque de Metz Drogon, в «Mélanges Fabre», 1902.

[537] Они описаны подробно Эрмольдом в его поэме в честь императора Людовика Благочестивого, книга IV, стихи 189—283 (изд. Dümmler, 1884, в Poetae latini aevi carolini, т. II).

[538] Отрывок о присяге, вносимый здесь в текст Kleinclausz, заимствован из Fustel-de-Culanges, Transformations etc., p. 238 и слл.

[539] Пособия. Hauréau, Charlemagne et sa cour, 1868. — Dahn, Kaiser Karl und seine Paladine, 1887. — Simson, Jahrbücher des fränkishen Reiches unter Karl dem Grossen, т. II, стр. 540 и след., список дворцовых служащих. — Fustel de Coulanges, Les Transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne. — Thévenin, Lex et Capitula, Contribution à l'histoire de la legialation carolingienne, «Mélanges de l'Ecole des hautes Etudes», 1878. — Platen, Die Gesetzgebung Karls des Grossen, 1897. — Boretius, Beiträge zur Kapitularienkritik, 1876. — Seeliger, Die Kapitularien der Karolinger, 1893. О Карле Великом и Церкви см. в особенности: Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, т. II, 2-е изд., 1900. — Hefele, Conciliengeschichte, 1878—1890. — Imbart de la Tour, Les Elections èpiscopales dans l'Eglise de France du IX-e au XII siècle, 1890; Les Paroisses rurales de l'ancienne France, 1900. — Duchesne, Fastes episcopaux de l'ancienne Gaule, 2 тома 1894—1900. — Ketterer, Karl der Grosse und die Kirche, 1898.

[540] См. выше, стр. 373 и след.

[541] См. стр. 373.

[542] См. стр. 443.

[543] Мы полагаем, что с этой критикой следовало бы считаться больше, чем то делает автор. См. Seeliger, Die Kapitularien der Karolinger. (*Прим. перев.*).

[544] Капитулярии не раз собирались в сборники, из которых знаменитейший — сборник Ансегиза в 4 книгах, к которому так называемый Бенедикт Левит прибавил еще три. В этих последних, наряду с подлинными документами, фигурируют подложные.

[545] Для библиографии см. источники и книги, указанные в начале главы и в §2. Кроме того, Longnon, Atlas historique de la France, выпуск I-й и II-й, 1884—1888. — Buerde, De missis dominicis, 1853. — Krause, Geschichte des Institutes der missi dominici, 1890. — W. Sickel, Das fränkische Vicecomitat, 1907—1910.

[546] См. стр. 375 и слл.

[547] См. стр. 377.

[548] Capitulare missorum Aurelianense, Boretius, p. 100.

[549] См. стр. 462.

[550] Missi cuiusdam admonitio, Beretius, p. 238—239.

[551] Versus contra iudices, в Poetae latini aevi carolini, т. I, стр. 493—517. — См. G. Monod, Les moeurs judiciaires au VIII-e siècle, d'après le Paraenesis ad judices Теодульфа, «Revue historique», т. XXXV, 1887.

[552] Barchewitz, Das Königsgericht der Merovinger und Karolinger, 1882. — Beaudouin, La participation des hommes libres au jugement dans le droit franc, «Nouvelle Revue historique du droit français et étranger», 1887. — Bauchet, Histoire de l'organisation judiciaire de la France. Epoque franque, 1888. — Saleilles, Du rôle des scabins et des notables dans les tribunaux carolingiens, «Revue historique», juillet-août 1889. — S. Bidault des Chaumes, Etude sur le mallum, Paris, 1906. Vuitry, Etudes sur le regime financier de la France, 1878. — Clamageran, Histoire de l'impôt, т. I, 1867. — Prenzel, Beiträge zur Geschichte der Kriegsverfassung unter den Karolingern, 1887. — Gessler, Trutzwaffen der Karolingerzeit etc., Basel, 1908. — W. Erben, Zur Geschichte des karolingischen Kriegswesena (Hist. Ztschrift, 101).

[553] Графы должны вершить суд раз в месяц в особой зале, которую предписывается держать в порядке. Дела вписываются в особый регистр.

[554] Только восточные провинции Империи не усвоили учреждения скабинов. Во Фризии, как и раньше, свободные люди несли обязанности правосудия.

[555] Суд Божий сохранил те же формы, что и в меровингскую эпоху: испытание кипящей водой и каленым железом у франков, поединок у бургундов. Но Церковь предпочитала, и Карл рекомендовал особенно — «испытание крестом». Оно заключалось в следующем: обвиняемый, вытянув руки, на подобие креста, должен был стоять неподвижно, пока духовенство читало молитвы. Если он делал движение, его объявляли осужденным.

[556] См. ниже, стр. 483.

[557] См. ниже, гл. VI, § 2.

[558] Источники. Королевские анналы, 806—814 гг. Эйнгард, Op. cit. 30—33. — Thegani, Vita Ludovici, imperatori, 5—7. Так наз. Астроном, Op. cit. Ermoldus Nigellus. Op.cit. кн. I и II. Акт разделения 6-го февраля 806 (Divisio regnorum) в Boretius, Capitularia regum Francorum, стр. 126—130, т. I.
Пособия. Meyer, Die Theilungen im Reiche der Karolinger, 1877. — Pouzet, La succession de Charlemagne, 1890. — Longnon, Atlas historique, выпуск 1-й, 1884.

[559] Имя «Nordgau» встречается в каролингскую эпоху в разных областях и означает «Северный округ», тогда как понятие «Южного округа» обозначается через Sundgau. Мы находим эти имена в Баварии, Фризии, Эльзасе. В акте 806 г. речь идет о баварском «Нордгау», расположенном между Регницем и Богемским Плато, Дунаем и верхним Майном.

[560] См. стр. 479, прим.

[561] Саркофаг этот находится еще в Аахене. См. Förster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, Stuttgart, 1874, p. 173; Berndt, Der Sarg Karls des Grossen, в «Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins», 1881. Рассказ, согласно которому император Оттон, проникнув в гробницу Карла, нашел его сидящим на троне в императорском одеянии, есть результат ошибки в переводе текста Титмара Мерзебургского.

[562] Источники. Собственно исторические документы не дают почти ничего. См. все же Chronique de l'abbaye de Saint-Riquier, изд. F. Lot, 1894, и Gesta abbatum Fontanellensium в Scriptores rerum germanicarum ad usum scholarum, изд. Löwenfeld. Письма, в особенности письма Эйнгарда, сообщают известные данные, но настоящими источниками являются капитулярии и полиптихи. См. особенно Boretius, Capitularia regum Francorum, стр. 83—91, Capitulare de villis, комментированный Гераром (Guérard) в «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», 1853. Герар издал в 1853 г. полиптих аббатства св. Ремигия в Реймсе, в 1857 г. полиптих св. Виктора в Марселе и в 1844 — св. Германа в Париже (Saint-Germain-des-Prés), снабженный замечательным предисловием. Последний был переиздан Longnon'ом в 1886—1895 гг. Тексты, относящиеся к истории промышленности и торговли, были отчасти собраны Fagniez, в Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France, t. I, 1898.
Пособия. Histoire des classes rurales en France, соч. Doniol, 1857, и Histoire des classes agricoles en France, соч. Dareste, 1858, значительно устарели. См. главным образом: Levasseur, Histoire de l'industrie et des classes ouvrières en France, 2-е изд., 1900. — Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au Moyen Age, 1901. — Imbart de la Tour, Les paroisses rurales de l'ancienne France, 1900. — Maury, Les forêts de la Gaule, 1850. — Fustel de Coulanges, L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne, 1889. — Inama-Sternegg, соч. цитир. на стр. 399. — A. Dopsch, Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland, Weimar, 1912.

[563] См. Удальцова, цитир. выше, стр. 388.

[564] По вычислению Герара bunarium (bonnier) = 128 арам.

[565] Так представляется дело последним вычислениям издателя этого полиптиха, Герара. См. библиографию в начале этой главы.

[566] Сены, Сены-и-Уазы, Сены-Марны, Эра-Луары, Эны, Орна, Ньевра.

[567] Это слово, теперь переводимое нами, как «двор», имело значение «фермы». Под ним подразумевалась часть поместья, «виллы», огражденная стенами и заборами, с домами и службами. Иногда слово curtis обозначает и всю виллу.

[568] Источники. Капитулярии Карла Великого. Gesta abbatum Fontanellensium. Поэмы Теодульфа, n° VII и XXVIII, изд. Dümmler.—Fagnier, Documents relatif à l'histoire de l'industrie et du commerce en France, t. I., гл. обр. Schaube, см. Caffarel, De Franciae commercio regnantibus Karolinis, 1879.— Grätz, Histoire des Juif, перев. Wogué, t. III. A de Barthélemy, Les monnaies de Charlemagne, приложение к книге Vétault, стр. 487-501.— Prou, Catalogue des monnaies carolingiennes de la Bibliothèque nationale, 1896.— Engel et Serrure, Numismatique du Moyen Age, t. I, 1891. Gesta Caroli Magni, составленная сен-галленским монахом, носят сильно легендарный характер и не могли бы служить для составления истории императора. Но автор не извратил в такой же мере жизни общественных классов, и последняя не особенно рознилась в его эпоху от эпохи Карла Великого. В вопросах, касающихся торговли, в особенности с Востоком, это — ценный источник, которым следует пользоваться.

[569] Ныне, вероятно, Etaples (Этапль), либо Saint-Josse-sur-Mer (Сен-Жосс-сюр-Мер).

[570] Источники. Литературные произведения этой эпохи появились частью в различных (отдельных) сериях Monumenta Germaniae historica, частью в Migne, Patrologia latina. Произведения Алкуина изданы отдельно Jaffé, Monumenta alcuiniana, 1873. В серии in 4 Monumenta есть превосходные издания латинских стихов и писем.
Пособия. Кроме соч. Ampère, Ebert, Roger и Petit le Julleville, указ. на стр. 414, см. Bähr, Geschichte der römischen Litteratur im Karolingischen Zeitalter, 1840. — Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, 6-е изд. 1893—1894. — Monod, Etudes critiques sur les sources de l'histoire carolingienne, 1898. — Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, т. II, 2-е изд., 1900. — Müllinger, The Schools of Charles the Great and the restoration of education in the IX century, 1877. — Gaston Paris, Histoire poétique de Charlemagne, 1865. — Samuel Berger, Histoire de la Vulgate pendant les prémiers siècles du Moyen Age, 1893. См. также монографии Алкуина, сост. Monnier, 1863; Hamelin, 1873; Werner, 1876; и Теодульфа, сост. Baunard, 1869, и Cuissard, 1892.

[571] «Тропом» называется новый, неавторитетный литургический текст, вставленный в старый. См. Leon Gautier, Histoire de la poésie liturgique au Moyen Age, Les Tropes, 1886.

[572] См. Boretius, Capitularia, t. I, p. 79 и слл.

[573] В Fleury-sur-Loire, Saint Aignan, Saint Liphard и т. д.

[574] Сборник проповедей.

[575] Vita Caroli Magni послужила в свою очередь образцом для жизнеописаний Людовика Благочестивого, составленных Теганом, «Астрономом» и Эрмольдом Черным.

[576] Кажется, это — Модуан, епископ Отена.

[577] Источники. Тексты, относящиеся к истории каролингского искусства, указаны в Piper, Einleitung in die monumentale Theologie, стр. 267 и след., и Schlosser, Schriftquellen zur Geschichte der Karolingischen Kunst, 1896.
Пособия. Кроме сочинений Enlart, Courajod, Marignan и Molinier, указ. на стр. 421, см. Lenoir, Architecture monastique du Moyen Age, 1852—1856. — Bodmann, Die Pfalzen der fränkischen Könige in Deutschland, 1890. — Rhoen, Die Karolingische Pfalz zu Aachen, 1889. — Hénocque, Histoire de l'abbaye de Saint-Riquier, Mémoires de la Société des

Antiquaires de Picardie, серия in 4, т. IX—XI. — Bouet, L'église de Germigny les Prés, Bulletin monumental, 1868. — Clemen, Merovingische und Karolingische Plastik, 1892. — Leitschuh, Geschichte der Karolingischen Miniaturmalerei, 1878. — Prou, Manuel de Paléographie, гл. III, 1889. — Leopold Delisle, Mémoire sur l'école calligraphe du Tours au IX-e siècle, «Mémoires de l'Académie des Inscriptons», 1885. — Duchesne, Origines du culte chrétien, 2-е изд., 1898. — Kurze, Einhard, 1899.

[578] Библейский строитель Ковчега Завета.

[579] Это мнение почти разделял Alfréd Ramée, De l'état de nos connaissances sur l'architecture carolingienne, Bulletin du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section d'archéologie, 1882. Но его приходится отвергнуть. См. список памятников, с наибольшей вероятностью принадлежащих каролингской эпохе, в Marignan, Louis Courajod, стр. 163 и след., и Enlart, Manuel d'archéologie française, т. I, стр. 155 и след.

[580] См. стр. 460 и слл.

[581] Относительно легенды о Карле Великом, см. Gaston Paris, Histoire poétique de Charlemagne, 1865. — Leon Gautier, Les épopées françaises, 2-е изд., 1878—1897. — Rauschen, Die Legende Karls des Grossen, 1890, и статьи Lindner'a в «Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins».

[582] Источники. Преимущ. Королевские Анналы. Из них — Annales Laurissenses заканчиваются 829 г., но затем продолжаются в Annales Bertiniani — во Франции, и в Annales Fuldenses — в Германии. (Изд. в Script. rer. german. in usum scholarum). Законод. памятники, см. у Boretius и Krause, Capitularia regum Francorum (M. G. in 4°)
Пособия. Кроме указанных на стр. 424 и Böhmer-Mühlbacher, Regesta Imperii, см. Simpson, Jarbücher des fränkischen Reichs unter dem Frommen, 2 т., 1874-1876, и Dümmler, Geschichte des ostfränkischen Reichs, 2-е изд., 3 т., 1887-8

[583] Annales Laurissenses и Bertiniani. Биографии Людовика, сост. Теганом, т. наз. Астрономом, и Эрмольдом Черным (M. G. in 4°). Соч. Агобарда, см. у Migne, Pat. lat., t. 104. Биографии Валы и Адаларда, сост. Paschase Radbert, в M. G. H., SS, t. II.
Спец. пособие. Himly, et Louis le Débonnaire, 1849.

[584] См. Bart. Malfatti, Bernardo, re d'Italia, 1876.

[585] Долина Эльзаса между Кольмаром и Базелем.

[586] Источники. Часть Annales Bertiniani, составленная Пруденцием, епископом Труа. Annales Fuldenses. — Nithard, Historiae, изд. Pertz, 1870. Поэмы Флора, диакона лионского и Ангильберта, в Poetae latini aevi carolini, т. I и II.
Пособия. Fustel de Coulanges, Les Transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, стр. 631 и след. — Meyer von Knonau, Ueber Nithards vier Bücher Geschichten, 1866. — Rouzet, La succession de Charlemagne et le traité de Verdun, 1890. — Schwartz, Der Bruderkrieg der Sohne Ludwigs des Frommen und der Vertreg zu Verdun, 1843. — Gasté, Les Serments de Strasbourg, 1888. — Longnon, Atlas historique de la France, 1888.

[587] Ныне Fontenoy en Puisaye.

[588] Вот текст этих памятников на романском языке:

«Pro Deo amour et pro Christian poblo et nostro commun salvament d'ist di en avant in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai eo cist meon fradre Karlo et in aiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar dift, in o quid il mi altresi fazet; et ab Ludher nul plaid nunquam prindrai, qui meon vol, cist meon fradre Karle in damno sit.
Si Lodhuvigs sagrament que son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus, meos sendra, de suo part lo suon fraint, si io returnar non l'int pois, ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuvig nun li ier».

[589] См. подробное описание этой границы у Lavisse, Histoire de France, t. II, p. 370.

[590] См. Monod, Du rôle de l'opposition des races et des nationalités, dans la dissolution de l'empire carolingien, «Annuaire de l'Ecole pratique des Hautes Etudes», 1896.

[591] См. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 2-е изд., пересмотренное Зеелигером, т. VI, стр. 140 и след.

[592] Valois, Vexin, Hurepois и Brie.

[593] Относительно истории слова France в раннее Средневековье см. Guérard, Du nom de France et des differents pays auxquels il fut appliqué, «Annuaire de la Société d'Histoire de France», 1849, стр. 152—168. — Bourquelot, Sens des mots France et Neustrie sous le regime mérovingien, «Bibliothèque de l'école des Chartes», 1865, стр. 566—574. — Longnon, L'Ile de France, в «Mémoires de la Société de l'histoire de Paris», т. I и Atlas historique, текст стр. 48—49. — Kurth, La France et les Francs dans la langue politique du Moyen Age, «Revue des questions historiques», 1895, I, стр. 337–356.

[594] Пособия. Кроме трудов Waitz, P. von Roth, Brunner, не раз поименованных (см. стр. 178 и 179), см. Guyot, Traite des fiefs tant pour le pays coutumier que pour les pays de droit ecrit, Paris, 1746–1751, 5 томов in 4° — Brussel, Nouvel examen de l'usage general des fiefs en France pendant les XI, XII, XIII et XIV siècles, Paris, 1750, 2 t, in 4.—Championnière, De la propriété des eaux courantes, Paris, 1846.— Fustel de Coulanges, Les transformations de la royauté pendant l'époque carolingienne, VI том, Histoire des institutions de l'ancienne France.— Boutaric, Le régime féodal, в "Revue des Questions historiques", t. XVIII, 1875.— J. Flach, Les origines de l'ancienne France, t. I: Le régime seigneurial, Paris, 1886.— Charles Mortet, статья Féodalité et Fief в Grande Encyclopedie.— Guilhiermoz, Essai sur l'origine de la noblesse en France au Moyen Age, Paris 1902.— Ch. Seignobos, Le régime féodal en Bourgogne jusqu'en 1360, Paris, 1882.— A. Molinier, Etude sur l'administration féodale dans le Languedoc, 980-1250 (в томе VII, стр. 132 и след.нового издания Histoire générale de Languedoc, сост. Dom Devic и dom Vaissète). Из русских соч. см. Н. И. Кареева, Поместье-государствоб СПб, 1900.

(*) От редакции. Мы останавливаем на Верденском договоре историю распада Карловой Империи. Предположенные размеры издания не дают места детальному изложению событий X в., наполняющих его династических смут и борьбы с норманнами. Интересующихся фактами этого периода, запутанного и смутного, мы отсылаем к подлиннику Лависса (т. II, стр. 370–413). Имея в виду рамки и задачи издания, мы находим более целесообразным закончить выходящий VII-й т. сжатым очерком «Начала феодализма». Очерк этот, принадлежащий Ш. Пфистеру, представляет достоинства отчетливого, конкретного, в основе верного изложения классических представлений о феодализме. Но, конечно: 1) сама задача сжатого выяснения столь сложного явления, 2) тот факт, что со времени написания главы прошло 12 лет, обогативших значительно литературу о политических и социальных отношениях раннего средневековья — делают то, что в некоторых отношениях она не вполне покрывается с современными представлениями о происхождении феодального строя и в особенности роли в нем иммунитета. Итоги этих новых исследований еще не подведены, и мы не решаемся вводить их в данное изложение. Читатель ознакомится с ними из трудов, главным образом O. Seeliger'a, Die sociale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im fruheren Mittelalter, Leipzig, 1903, и Kroll, L'immunite franque, Paris, 1908.

[595] Capitulare Aquisgranense, 801–813, c. 16 (Boretius, I, p. 172); Pipini capitulare l'apiense, oct., 787, c. 5 (Boret., I, p. 199), Capitula Karolo Magno adscripta, c. 8 (Boret., I, p. 215).

[596] Тионв. капитул. 805 г.

[597] Mox manibus junctis regi se tradidit ultro,
Et secum regnum quod sibi jure fuit:
«Suscipe Caesar, ait, me, necnon regna subacta:

Sponte tuis memet confero servitiis».
(Ermoldus Nigellus, In honorem Hludovici, lib. IV, v. 601 слл.).

[598] Это хорошо доказал Imbart de la Tour, в своем труде Les élections épiscopales dans l'Eglise de France du IX au XII siècle, p. 109 слл.

[599] См. в прим. 588 текст обеих присяг.

[600] По этому вопросу может служить пособием труд Em. Bourgeois, Le capitularire de Kiersy-sur-Oise, Paris, 1885. — Fustel de Coulanges, Les articles de Kiersy в Nouvelles recherches sur quelques problémes d'histoire, 1891. — M. Bourgeois вновь анализирует этот вопрос, в Assemblée de Quierzy sur — Oise в Etudes d'histoire du Moyen Age, dediées à Gabriel Monod, Paris, 1896.

[601] Advocatus, нем. Voigt, франц. avoué, носитель светской юрисдикции в церковных доменах.

[602] L'art de vérifier les dates, 3-е изд., 3 т. in fol., 1783–1787. Родословные графов французского королевства находятся во II томе.

[603] Преимущ. см. Flach, op. cit. на стр. 388.

[604] См. стр. 482 и слл.

[605] Срав. исследование Anatole de Barthélemy в Vetault, Charlemagne (разъяснение n° 2, стр. 487).— Engel et Serrure, Traité de numismatique du Moyen Age, Paris, 1891.— M. Prou, Catalogue des monnaies françaises de la Bibliothèque nationale: Les monnaies carolingiennes, Paris, 1896.

[606] Таковы Saint Bavon в Генте, Saint-Croix в Пуатье, Saint-Firmin в Амьене, Saint-Martin в Туре, Notre-Dame в Реймсе и Вердене, и т. д.

[607] С обладанием замком связаны были государственные права над окрестным округом. Юристы впоследствии установят формулу: iurisdictio castro cohaeret (юрисдикция связана с замком). Многие владельцы замков приняли титул графов.

[608] Об истории дома Анжу, см. Lavisse, Histoire de France, т. II, стр. 60. См. всю главу книги I: Les grandes seigneuries et les dynasties provinciales.

[609] См. Leon Vanderkindere, La formation territoriale des principautés belges au Moyen Age, 2-е изд., 2 т., Брюссель, 1902.

СОДЕРЖАНИЕ*

Предисловие к русскому переводу **5**

КНИГА ПЕРВАЯ. Начала **9**

Глава I. Первичные общества 10
I. Век отбивного камня — палеолитический 10
II. Век полированного камня — неолитический 12
III. Век металлов 14

Глава II. Исторические народы 16
I. Иберы и лигуры 16
II. Финикияне и Марсель 17
III. Кельты и их переселения 22
IV. Народы Галлии 26

КНИГА ВТОРАЯ. Независимая Галлия и римское завоевание **29**

ГЛАВА I. Независимая Галлия 30
I. Цивилизация 30
II. Религия 38
III. Друидическое жречество 43
IV. Социальный и политический строй 47
V. Борьба внутри государств (civitates) и между ними 52

ГЛАВА II. Римское завоевание 57
I. Завоевание и организация
Трансальпинской Провинции (154–58 до Р. Х.) 57
II. Походы Цезаря (58–50 до Р. Х.)50 61
III. Характер и следствия завоевания53 69
IV. Восстания в I веке по Р. Х.54 72

КНИГА ТРЕТЬЯ. Управление Галлии в I и II в. по Р. Х. **79**

Глава I. Центральное и областное Управление 80
I. Принципат 80
II. Провинциальные округа 82
III. Организация германской границы 87
IV. Провинциальные наместники. Суд 92
V. Налоги 98
VI. Воинская повинность. Галло-германская армия 102

*Книги 1–5 написал Гюстав Блок, книгу 6 и главу V 7-й книги — Шарль Байе, главы I–IV 7-й книги и главы VI–VII 8-й книги — Шристиан Пфистер, главы I–V 8-й книги — Артюр Кленклоз

Глава II. Местное управление 108
I. Императорская религия и провинциальные собрания 108
II. Государства или «Civitates». Волости или «pagi» 115
III. Преобразование галльских племенных государств в римские civitates 116
IV. Разные типы civitatis 122
V. Муниципальный строй: магистратуры, жречества 125
VI. Муниципальный строй: сенат и аристократия; августалы и плебс. — «Паги» и «вики» 129

Глава III. Вступление галлов в римское гражданство 135
I. Ассоциации римских граждан. Дарование латинского права и римского гражданства. Речь Клавдия118 135
II. Галлы — римские граждане. Галло-римская ономастика. Эдикт Каракаллы 139

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. История и управление Галлии в II—IV вв. по Р. Х. 143

Глава I. История Галлии от первых Флавиев до Диоклетиана (69—285) 144
I. Галлия при Флавиях, Антонинах, Северах и их преемниках (69—253) 144
II. Военная анархия. Галлия оторвана от Империи (253—273) Галлия после восстановлении римского единства (273—285) 151

Глава II. Управление Галлии в IV в. после реформы Диоклетиана. Центральное и областное управления 160
I. Государственное устройство поздней Империи. Система тетрархии. Новые провинциальные деления. 160
II. Юстиция. Налоги 166
III. Военная служба и новая оборонительная система 172
Таблица провинций и civitates Галлии около 400 г. Трирская или Галльская диоцеза 179

Глава III. Местное управление 181
I. Провинциальные собрания 181
II. Civitates. Муниципальный строй 183

Глава IV. Крушение Диоклетиано-Константиновой реформы. История Галлии от Диоклетиана до Феодосия 191

КНИГА ПЯТАЯ. Галло-римское общество 199

Глава I. Галло-римские города 200
I. Нарбоннская Галлия 200
II. Лион — столица Галлии 208
III. Три провинции. Аквитания 213
IV. Лионская провинция 219
V. Белгика и две Германии 224

Глава II. Духовная жизнь 231
I. Латинский и кельтский языки. Школы 231
II. Литература 240
III. Искусство 245
IV. Религия и нравы 250

Глава III. Социальная организация 257
I. Городские классы. Торговля. Дороги. Корпорации 257
II. Земельная аристократия и сельский плебс. — Крупная собственность и начало серважа 265

КНИГА ШЕСТАЯ. Христианство и германцы в Галлии 275

Глава I. Евангелизация Галлии 276
I. Лионская церковь и ее мученики 276
II. Миссии III века и положение христианства в Галлии в начале IV в. 281
III. Святой Мартин 283
IV. Языческое и христианское общество 287
V. Епископат в Галлии в IV и V вв. 289
VI. Епископат и богословские споры 292
VII. Духовенство 295
VIII. Монахи308 297
IX. Культ и верные 300
X. Христианство и Империя 302

Глава II. Германский мир в конце IV века. Германцы в Галлии 304
I. Древняя Германия 304
II. Распределение германских народов в IV веке 308
III. Изменения в политическом строе и нравах германцев 312
IV. Римская и германская культура 313
V. Германцы в Империи 315
VI. Отношение германцев к Риму. Отношение римлян и христиан к варварам 317

Глава III. Вестготы, бургунды и франки 319
I. Гунны в Европе и нашествие 406 г. 319
II. Вступление вестготов, бургундов и франков в Галлию 321
III. Аэций и Аттила 324
IV. Галло-римляне и варвары 325
V. Эйрих и Гундобальд 329
VI. Бритты в Арморике 333
VII. Могущество епископата 334

Глава IV. Хлодвиг и франкское общество по Салической Правде 336
I. Меровей и Хильдерих 336
II. Хлодвиг и Сиагрий. Война с аламаннами и крещение Хлодвига 337
III. Войны с бургундами и готами 339
IV. Конец царствования Хлодвига 341
V. Салическая Правда и франкское общество 342

КНИГА СЕДЬМАЯ. Меровингский период 347

Глава I. Дети Хлодвига (511—561) 348
I. Разделы и распри в королевской семье 348
II. Окончательное покорение Галлии. Присоединение Бургундии и Прованса 349
III. Распространение франков. Походы в Италию и Испанию. Подчинение германских стран 351

Глава II. Внуки Хлодвига до объединения монархии при Хлотаре II (561—613) 354
I. Междоусобия до убийства Сигеберта (561—575) 354
II. Междоусобные войны до убийства Хильпериха (575—584) 356
III. Внутренняя история до смерти Гунтрамна и Хильдеберта 358
IV. Брунгильда и ее внуки (596—613) 360
V. Войны франков против бриттов и басков. Внешние походы 361

Глава III. Франкское королевство от 613 до 714 года 364
I. Франкское королевство в царствование Хлотаря II и Дагоберта I (613—639) 364
II. Майордомы Нейстрии, Австразии и Бургундии до битвы при Тетри (639—687) 367
III. Принципат Пипина II (687—714) 370

Глава IV. Учреждения меровингской эпохи 371
I. Король и центральная администрация 371
II. Местная администрация 375
III. Юстиция, налоги, военная служба 378
IV. Положение лиц и коммендация 383
V. Положение городов, деревень и вилл; иммунитет 387

Глава V. Церковь, литература, искусства 396
I. Епископат. Соборы 396
II. Духовенство и монахи 402
III. Христианство и языческие обычаи. Народное благочестие 408
IV. Литература 412
V. Искусства 418

КНИГА ВОСЬМАЯ. Каролинги **421**

Глава I. Карл Мартелл и Пипин Короткий 422
I. Войны и завоевания Карла Мартелла 422
II. Просвещение Германии; св. Бонифаций 425
III. Реорганизация и реформа Церкви 429
IV. Начало Каролингской династии. Царствование Пипина Короткого 432

Глава II. Царствование Карла Великого 440
I. Карл Великий и Карломан 440
II. Войны в Италии и Баварии 441
III. Саксонская война 444
IV. Организация завоеванных стран 448
V. Войны на границах 449
VI. Карл — император 454

Глава III. Правление Карла 460
I. Император 460
II. Центральное управление. Двор. Собрания и капитулярии. Соборы 464
III. Областная администрация: графы, епископы, посланцы 470
IV. Суд, налоги, военная служба 474
V. Преемники Карла Великого 479

Глава IV. Каролингская культура 482
I. Земледельческий и промышленный труд 482
II. Торговля. Евреи. Меры и монеты 485
III. Школы и литература 489
IV. Искусства 494
V. Заключение 498

Глава V. Разложение Империи Карла 500
I. Царствование Людовика Благочестивого 500
II. Война трех братьев и Верденский договор 503

Глава VI. Начало феодального строя 507
I. Образование феодализма 507
II. Вассалитет 507
III. Бенефиций в каролингскую эпоху 509
IV. Слияние должностей с бенефициями. Наследственность должностей 510
V. Дезорганизация публичной власти. Феодальное дробление 513
VI. Образование больших феодов 520
VII. Восстановление королевской власти 521

Эрнест Лависс
История Франции
в раннее Средневековье

Научное издание

Директор издательства *Чубарь В. В.*
Главный редактор *Трофимов В. Ю.*
Корректор *Романова М. В.*
Дизайн макета *Шуктомова Н. А.*

ООО «Издательство „Евразия“»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Подписано в печать 31.10.17
Усл.-печ. 36,75. Формат 70x100 1/16, Гарнитура «Minion Pro»,
Тираж 1000 экз. Печать офсетная.
Заказ №

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499)322-38-30

«История Франции в раннее Средневековье» — перевод первых двух томов классической истории Франции под редакцией Эрнеста Лависса, на протяжении XX века служившей ценным подспорьем всем, кто интересуется историей данной страны. В этом крупномасштабном проекте приняли участие самые именитые историки первой половины XX века. Авторы охватили огромный период — от палеолита до конца X в. Читатель может познакомиться с основными событиями, происходившими в античной Галлии и раннесредневековой Франции: заселением Галлии кельтами и ее завоеванием римлянами; крушением римской империи и зарождением франкского королевства династии Меровингов; восшествием на трон второй франкской династии — Каролингов, основанием и распадом империи Карла Великого. При этом авторский коллектив уделяет не меньшее внимание общественной и культурной истории античной и раннесредневековой Франции. На страницах книги появляются главные персонажи французской истории — Верценгеторикс, Цезарь, Хлодвиг и Карл Великий.

Особенную ценность книге придает то, что перевод был выполнен в начале столетия восходящей звездой отечественной исторической науки — О. А. Добиаш-Рождественской — под редакцией признанного историка-античника И. М. Гревса.

ISBN 978-5-8071-0363-5